С глубокой благодарностью и светлой памятью моим родителям — Акерову Абдраману и Акеровой Бюкен — посвящается.

Акеров Т.А.

КЫРГЫЗЫ И КЫРГЫЗСКИЙ КАГАНАТ

(Миграционные, этнические процессы кочевников Притяньшанья и сопредельных регионов в VIII-XIV века)

Бишкек 2026

УДК 94(575.2)
ББК 63.3(5Кир)
А 38

Печатается по решению Ученого Совета Учебно-научно-производственного комплекса «Международный университет Кыргызстана» от 8 сентября 2026 года Протокол № 125.

Главный редактор:
Т.Д. Джуманалиев доктор исторических наук, профессор;
А.А. Айдаралиев доктор медицинских наук, профессор, академик НАН КР, заслуженный деятель науки КР, Чрезвычайный полномочный посол КР.

Рецензенты:
О. Дж. Осмонов доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. НАН КР, заслуженный деятель науки КР;
Е.В. Айыжы доктор исторических наук, профессор;
Г.Б. Хабижанова доктор исторических наук, доцент.

Акеров Т.А.
А 38 Кыргызы и Кыргызский каганат (Миграционные, этнические процессы кочевников Притяньшанья и сопредельных регионов в VIII-XIV века): – Б.: ИД “Калем” , 2026. – 382 с.

ISBN 978-9967-510-34-0

Монография посвящена этногенезу кыргызского народа в контексте миграционных и этнических процессов в кочевых сообществах Притяньшанья и сопредельных регионов в VIII–XIV веках. Проанализированы основные миграционные процессы, межэтнические взаимодействия и расселение кыргызов на Саяно-Алтае и Тянь-Шане. Рассматриваются этногенетические связи кыргызов с кочевниками Саяно-Алтая, Западной Монголии и Тянь-Шаня, а также история Кыргызского каганата, участие кыргызов в формировании и развитии крупных этнополитических союзов и государств, в том числе Караханидского каганата, Золотой Орды и Моголистана.

Особое внимание уделено проблеме исторического единства енисейских и тяньшаньских кыргызов, их миграциям и этнополитическим связям в рассматриваемый период, а также роли Кыргызского каганата в политической истории и этнополитических процессах Центральной Азии.

ISBN 978-9967-510-34-0
УДК 94(575.2)
ББК 63.3(5Кир)
©Акеров Т.А., 2026

От автора

Предлагаемая вниманию моих дорогих читателей книга посвящена истории и происхождению кыргызского народа, его этногенезу, а также истории кыргызской государственности и ее развитию в тюркскую и монгольскую эпохи.

Изучение истории своего народа имеет большое значение для понимания его происхождения, исторического пути и места в истории Центральной Азии. Знание прошлого важно и для самоидентификации народа, и для каждого человека, которому небезразличны собственные исторические корни. В этом отношении особый интерес представляет история кыргызского народа, его этногенез, миграции и развитие государственности на протяжении многих веков.

Мы неоднократно обращались к вопросу о происхождении кыргызского народа и высказывали мнение о его генетической и исторической преемственности с древними популяциями андроновского круга, населявшими Саяно-Алтай и Тянь-Шань. В дальнейшем эти древние генетические компоненты были унаследованы населением, связанным с енисейскими кыргызами, а через сложные миграционные и этнические процессы — и современными кыргызами.

Вместе с тем о древнем происхождении кыргызов писали еще в советское время. В. В. Бартольд и другие исследователи внесли значительный вклад в изучение древней и средневековой истории кыргызского народа, в том числе проблем его этногенеза и появления кыргызов на Тянь-Шане. А. Н. Бернштам в своей неопубликованной работе рассматривал этногенез кыргызов в связи с двумя основными регионами — Минусинской котловиной и Тянь-Шанем. Он выдвинул гипотезу о многоэтапном переселении кыргызских племен с Енисея на Тянь-Шань, связывая отдельные волны этого процесса с гуннским временем, эпохой Тюркских каганатов и периодом Кыргызского каганата IX века.

В данной монографии мы продолжили свои исследования, рассматривая кыргызов как народ, исторически связанный одновременно с двумя регионами — Саяно-Алтаем и Тянь-Шанем.

В соответствии с описаниями исторических источников, связывающими кыргызов с горными регионами, мы высказывали предположение о возможной связи этнонима «кыргыз» с горным ландшафтом Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. Китайские источники помещают кыргызов не только в Минусинской котловине, но и «на западе Хами, подле Бай-Шаня» (Белых гор), то есть в районе Аргу-Тага в Восточном Притяньшанье. Это позволило нам предположить возможную связь этнонима «кыргыз» с компонентами «кыр» («гора») и «кызаа» («ущелье»), которые в форме «кыргыз» в определенной степени могли соответствовать

географическому значению топонима «Аргу-Таг» («аргу-ущелье», «таг-гора»).

В работе мы попытались более конкретизировать мнение В. В. Бартольда о тождестве рунических азов и тюргешских азов [68.-С. 36.], связав их с кыргызами. Отметим, что азы и кыргызы в источниках упоминались в районах с одинаковыми названиями местностей — Аргу-Таг и Аркуй-Булак. Первый из них — гора Аргу-Таг, или Белые горы, — располагалась в Восточном Туркестане [100. – С. 41; 200. – С. 205.], где отмечались кыргызы (горы Байшань) [103. – С. 358; 200. – С. 205.], а к западу от них, в районе Кумуш-Таг (Серебряные горы), в долине реки Талас локализовались азы. Второй объект — Священный Серебряный источник Аркуй-Булак (кит. Алэхуй-Булахэ) — находился к востоку от земель енисейских кыргызов-цзянькунь, предположительно в землях владения азов «Йирим Аз» [330. – С. 62, 67; 284. – С. 12; 111. – С. 71], в Западной Монголии. Отсюда мы полагаем, что енисейские кыргызы состояли из двух владений первый под названием Кыргыз локализовался в Минусинской котловине, а второй Йирим аз (Бурут) на Ангаре.

Еще Ю. А. Зуев сопоставлял Аргу-Таг (Белые горы) в Восточном Туркестане [100. – С. 41; 200. – С. 205] и Аркуй-Булак с источником, упомянутым у подножия Серебряной горы Монгур (Манкур), — в землях семи кимакских племен, описанных ал-Бируни [200. – С. 124; 53. – С. 154]. Кимакские племена, по-видимому, жили по соседству с азами на Ангаре. В свою очередь, мы сопоставили два владения азов, выявленные И. В. Кормушиным, который разместил одну часть азов «по южную сторону Западного Саяна», тогда как другую — на территории современной Хакасии. Эти два владения азов мы сопоставили с двумя владениями асиги, входившими в союз племен нушиби. Это позволило нам признать за всеми пятью племенами нушиби — двумя асиги (азыками), двумя гешу (кючюками) и одним басайган (барсханом) — кыргызское происхождение. Отметим, что, согласно источникам, енисейские кыргызы также состояли из пяти племен.

В этом смысле полагаем, что Ю. А. Зуев справедливо называл азов и тухсы потомками юэчжи (асии и тохары) [200.–С. 150–151]. Он писал: «Прямые потомки юэчжи, племена аз и тухс, эти юэчжи в Канге, стали этнополитической основой при создании Тюргешского каганата» [200.–С. 157].

Рассматривая миграционные волны восточных племен в период реваншистской политики II-Восточнотюркского каганата, мы пришли к выводу, что уч-карлуки, переселившиеся в земли Тюргешскго каганата, представляли восточную группу азов, состоявшую из племен Аркуй-Булака, чигилей, булаков и ташили. В IX–X веках переселялись енисейские кыргызы, которые, слившись с тяньшаньскими соплеменниками, образовали

новый союз — отуз огланов. В XI веке в этот регион пришли аз-шарийа (северная группа отуз огланов), которые, слившись с кыргызами Илийской и Таласской долин, под влиянием мусульманских сородичей приняли ислам. В результате Ахмед Харун (прототип имама Ибрахима) в 1128 году сформировав правое (отуз уул) и левое (саруу) крыло кыргызов разгромил кара китаев, заставив их отступить в Монгольские степи.

В монгольскую эпоху кыргызы, проживавшие к востоку от Енисея, стали постепенно покидать свои земли. В период возвышения Чингисхана на запад переселились конгираты, салджиуты, дурманы, катаркины, а также кераиты и канглы, которые мигрировали через земли енисейских кыргызов на Алтай и Тянь-Шань. Чингисхан, стремясь ослабить енисейских кыргызов, разгромил их восточное владение — усинцев, или усуту-мангунов, на Ангаре. В связи с этим кыргызы стали переселяться на земли, расположенные к западу от Енисея, на Алтай и Тянь-Шань. где кыргызский компонент постепенно стал одним из ведущих, создав условия для дальнейшей консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане.

В последующем кыргызы, азы и другие восточные мигранты сыграли важную роль в формировании улусов Джучи и Угэдэя, а позднее — Золотой Орды, государства Хайду и Моголистана.

Автор считает, что кыргызы сложились как этнос уже в VIII–XI вв., то есть до эпохи каракитаев, тогда как в XIV–XVI вв. на Тянь-Шане происходил процесс консолидации кыргызских племен в рамках государства Моголистан. Анализ родословной кыргызских племен С. Ахсикенди показывает, что ядро правого крыла кыргызов составляли объединения, восходившие к союзу отуз огланов (IX-X вв.), тогда как левое крыло составляли потомки аз-шарийа (XI в.), в том числе саруу, и другие племена. Алтайские кыргызы составили основу ичкилик кыргызов. Племена монгольской эпохи вошли в состав правого крыла в качестве родов, происходящих от Наал эже.

Таким образом, ядро правого и левого крыльев, а также ичкилик кыргызов составили потомки племен тюркской эпохи, тогда как племена монгольской эпохи вошли в состав кыргызского народа как отдельная группа монгольского происхождения. Следовательно, даже генеалогические данные, по нашему мнению, свидетельствуют об этногенетической связи современных кыргызов с енисейскими кыргызами, которые вместе с тяньшаньскими кыргызами представляли единый этносоциальный организм. Это положение получает более конкретное подтверждение в результатах ДНК-исследований, согласно которым енисейские кыргызы унаследовали гены племен андроновской культуры, а современные кыргызы являются носителями около 63 % этих генов.

Отметим, что единство енисейских и тяньшаньских кыргызов обосновывается не только результатами ДНК-исследований, но и

совокупностью других свидетельств исторических источников, материалами эпоса «Манас» и топонимическими сведениями.

1) Согласно результатам ДНК-исследований, тяньшаньские кыргызы несут ту же гаплогруппу R1aZ93, что и енисейские кыргызы.

2) Кыргызы унаследовали от андроновских скотоводов не только гаплогруппу R1aZ93, но и традицию строительства юрты, сохранившуюся до наших дней в своем первозданном виде. Енисейские кыргызы унаследовали от племен тагарской культуры также хозяйственный уклад, в котором земледелие сочеталось со скотоводством. Кыргызы научились изготавливать из проса уникальный напиток кочевников — бозо (пиво), что говорило о широком распространении земледелия в их стране. Они выращивали высокопородных собак, по размеру сравнимых с быком, красных борзых, а также быстрых скакунов — кыргызских тулпаров.

3) Согласно китайским хроникам, проанализированным Ю. Тайшанем, кыргызы-цзюаньхан проживали на Алтае уже в X веке до н. э. [530. – С. 80]. Однако можно предполагать, что кыргызы могли находиться на Алтае еще в эпоху афанасьевской культуры, носителей которой К. Птолемей помещал к востоку от Урала под названиями аскатанов, тибиаков и табаитов [18. – С. 80]. Аскатанов мы отождествляли с алтайскими азгиши (Алтай и Минусинская котловина, кыргызы), тибиаков — с табынами (Енисей), а табаитов — с дубо Западной Монголии [18. – С. 80].

Отсюда можно предположить, что древние кыргызы кочевали на обширной территории — от Енисея и Ангары в направлении Хангая, далее через Джунгарские ворота в Прииртышье, на Алтай и Тянь-Шань, где, согласно источникам, отмечались в районах Куньлуня (Болу, Болуй) и Аргу-Тага (Йегу). Таким образом, ареал кочевий предков кыргызов простирался от Енисея и Ангары до Таласа, охватывая Кашгарский округ вплоть до Тибета, а на юге — Памиро-Алай, Сары-Кол и районы Горного Бадахшана. Отсюда можно предполагать, что не все кыргызы переселились на Енисей в VI веке: часть населения, связанного с Куньлунем и Аргу-Тагом, могла переместиться в долину реки Талас, Памиро-Алай, Сарыкол и Горный Бадахшан.

В этом отношении китайский император Му-ван мог бы встретить предков кыргызов в районе между Хангаем и Алтаем, где расположено озеро Кыргыз-Нур. Отметим также, что именно в этом регионе — в степях Саглы/Конграй-Сагай, Сагиль и Кандагайты в Западной Монголии, а также в районах Монгольского Алтая, Хангая и Хубсугула — широко распространены керексуры (оленьи камни) и могильники, известные как «хяргяс ур» («кыргызское гнездо»). В настоящее время эти памятники учёные рассматривают как элементы единой археологической культуры, получившей название «Комплекс оленьих камней — хиргисуур» [518].

4) Скифские племена — саки, асии, тохары, а позднее и кыргызы — имели общие тотемы. Среди основных тотемов кыргызов выделялись журавль (каркыра), лебедь (куу), лось (булан, сахатый), олень (сагын, бугу), сокол (чакыр, чагры), волк (бору), собака (кючюк) и др. Саки жили как в Минусинской котловине и степях Западной Монголии, так и на Тянь-Шане, где и поныне обнаруживаются топонимы на трех языках индоевропейской (Саглы, Конграй-Сагай, Сагиль), тюркской (Гора Сахчах, Священная гора Булан Таг, Улу-Хем и Бий-Хем) и монгольской (Буланык-Кандагайты, Кыргыз-Нур) со значением «лось» с одними и теми же значениями, обозначавшие тотем лося- сак сакских племен. Это же обнаруживается в Кыргызстане (Сафит- Булан/Сагит-Булан, Булан-Соготту, Чон-Кемин и Кичи-Кемин).

5) Хакасы и кыргызы имеют племена с тотемическими названиями лось. Хакасы имеют племя сагай (сагаях, вариант лось), а кыргызы -саяк. Кыргызы также имеют множество объединений с тотемическим значением лось, что может представлять кальку названия хакасского племени сагай. Например, как кара багыш («могущественный»), чон багыш («большой»), кызыл багыш («красный»), сары багыш («желтый»), окум багыш («приказ»), бостон багыш, уч-багыш, которые связаны с тотемом сак-лось и Минусинской котловиной и Западной Монголией [18.–С.440; 60.–С.57-64; 116-125; 165-166; 166-168 – см. таблицы].

6) Общая родовая тамга енисейских кыргызов — цзегу — символизировала знак Тенгри и была «идентична (жагалмай тамга и жаа тамга), распространенной у крупных в прошлом киргизских племен правого крыла: бугу, сарыбагыш, черик, монолдор, азык, а также у части подразделений племени саруу левого крыла» [5.-С.45]. Приведенная Н. Г. Маллицким «кара-киргизская» (т. е. общекиргизская) тамга по своему начертанию была аналогична тамге цзегу [5.-С.45]. Отсюда можно полагать, что жагалмай тамга в виде парящего сокола ассоциировалась со знаком Тенгри.

7) Одна из наиболее распространенных традиций кыргызов — преподношение уча самому старшему и уважаемому человеку в общине или почетному гостю — сложилась еще в глубокой древности, в эпоху первобытно-родового строя, когда население Минусинской котловины и Саяно-Алтая занималось преимущественно охотой [216. – С. 60]. Согласно исследованиям, обычай преподношения уча у саянских тюрков зародился в зачаточной форме еще у охотников первобытного общества, а его расцвет пришелся на неолитический период [216. – С. 60]. У саянских тюрков эта традиция хорошо сохранилась как у охотников, так и у скотоводов [121. – С. 53–58]. У саянских тюрков, хакасов, тувинцев уча относилась к наиболее почетным частям туши и преподносилась наиболее старшему и уважаемому человеку. У алтайцев, помимо уча, почетным гостям и сватам подавались

также төш (грудинка) и жалмаш (тазовая кость). У тяньшаньских кыргызов к числу наиболее почетных частей относились голова, жамбаш и крестец, тогда как төш имел особый статус и предназначался дочери хозяина дома. С. М. Абрамзон по этому поводу отмечал, что у алтайцев и тувинцев наряду с грудинкой общим с рядом групп северных и южных кыргызов почетным куском туши являлся крестец — уча, ужа, связывая эту традицию с их историко-этногенетическими связями [5. – С. 161].

Таким образом, в книге мы попытались показать, что исторические, археологические, этнографические, генетические и топонимические материалы подтверждают древнюю связь кыргызов с Енисеем, Алтаем и Западной Монголией, где происходило их формирование и складывалась общая история с народами региона — алтайцами, хакасами и тувинцами.

Подводя итог, отмечу, что в этой книге читатель найдёт ответы на многие актуальные вопросы и сможет открыть для себя малоизвестные и значимые страницы истории кыргызского народа. Надеюсь, что она станет для вас своеобразным проводником в богатый и многогранный мир его прошлого, побудит к размышлениям и позволит по-новому взглянуть на сложные процессы этнической и культурной истории. Искренне желаю читателям вдохновения, глубоких размышлений и увлекательного чтения!

Автор выражает надежду, что результаты проведённого исследования будут способствовать дальнейшему изучению миграционных, этнических и этнокультурных процессов, происходивших среди кочевых народов Притяньшанья и сопредельных регионов в VIII–XIV веках, и окажутся полезными как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей средневековых кочевников.

Завершая эту работу, хочу выразить искреннюю признательность всем, кто на протяжении многих лет оказывал мне поддержку и содействие в проведении исследования.

Особые слова благодарности адресую моему научному руководителю — доктору исторических наук, профессору Т. Д. Джуманалиеву, а также ответственным редакторам — профессору Т. Д. Джуманалиеву и академику А. А. Айдаралиеву — за внимание к работе, ценные советы и помощь в ее подготовке.

Отдельно благодарю рецензентов — доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента НАН КР О. Дж. Осмонова, доктора исторических наук, профессора Айыжы Е. В. (Тувинский государственный университет) и доктора исторических наук, доцента Г. Б. Хабижанова (Казахский национальный университет им. аль-Фараби) — за внимательное прочтение рукописи, ценные замечания и поддержку.

Особую признательность выражаю академику, доктору медицинских наук, профессору А. А. Айдаралиеву за моральную и практическую помощь в работе. Искренне благодарю также Айыжы Е. В. за приглашение на

научную конференцию и возможность принять участие в экспедиции в Туву, которая стала важной частью моих научных исследований.

С благодарностью вспоминаю и всех, кто помогал в подготовке монографии к изданию. Особые слова признательности адресую техническим редакторам и переводчикам — Дж. Р. Тургунбекову и Б. Т. Ишемкулову — за профессиональную помощь и поддержку.

И, конечно, особые слова благодарности я хочу сказать своей семье — супруге, кандидату филологических наук А. А. Абдыкуловой, сыновьям Кунерхану и Айкену, а также дочери Акбийке. Их терпение, понимание и поддержка сопровождали меня на протяжении всей работы над этой книгой и помогали преодолевать трудности, неизбежно возникающие при подготовке большого научного труда.

Сердечно благодарю также своих братьев и сестёр, особенно Анаркан эже, Таалая и Замирбека, за моральную и материальную поддержку, которую они оказывали мне на протяжении всего периода работы над этой книгой.

Всем, кто тем или иным образом помогал мне в подготовке и издании этой работы, выражаю глубокую признательность.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории происхождения и этногенеза кочевых народов, включая кыргызов, осложняется особенностями кочевого образа жизни, постоянными миграциями, межплеменными контактами и ограниченностью письменных источников. Эти факторы нередко приводили к утрате прежних связей, смешению различных групп и формированию новых общностей. Особенно мало систематических сведений сохранилось о происхождении и ранней истории кыргызов. Несмотря на их многовековую историю, фрагментарность письменных свидетельств и нерегулярность упоминаний в источниках оставляют многие вопросы их происхождения и развития дискуссионными.

В настоящей работе история кыргызов рассматривается в контексте миграционных и этнических процессов, происходивших среди кочевых народов Притяньшанья и сопредельных регионов в VIII–XIV вв. Основное внимание уделено происхождению кыргызов и других кочевых племен, их родоплеменной структуре, этногенетическим, этнополитическим и этнокультурным связям, направлениям и участникам миграций, а также их роли в политических и этнических процессах и формировании государственности. Использование новых методов и подходов позволяет переосмыслить накопленные данные и рассмотреть ранее дискуссионные вопросы с новых позиций.

Одним из важных современных методов исторической реконструкции являются данные ДНК-анализа, позволяющие прослеживать миграции и родственные связи отдельных групп и выявлять генетические компоненты древних и средневековых народов. Особенно значимы эти данные для изучения кочевых обществ, письменные сведения о которых крайне ограничены. Генетические исследования охватывают, в частности, скифов, хунну, юэчжи, усуней, енисейских кыргызов, огузов, кимако-кыпчаков, киданей, монголов и другие народы Центральной Азии.

Согласно результатам генетических исследований, енисейские кыргызы (цзянькуни) являлись носителями гаплогруппы R1a1 [362. – С. 70]. Эта гаплогруппа широко представлена у древних племен андроновской культуры и позднее выявлена у представителей афанасьевской и тагарской культур Саяно-Алтая. Полученные данные позволяют рассматривать генетические связи между древними населением региона и енисейскими кыргызами в контексте длительных миграционных и этнокультурных процессов.

Определение гаплогруппы имеет значение для изучения происхождения, миграций и этногенетических связей кочевых народов. Выявление R1a1 у енисейских кыргызов, наряду с данными антропологии и письменных источников, позволяет предполагать их связь с древним

европеоидным населением Саяно-Алтая, длительное время взаимодействовавшим с монголоидными тюркоязычными группами [346. – С. 41; 362. – С. 70]. Результаты исследования ДНК-проб из останков древних племен, проведенного доктором К. Кайзером и ее группой, показали, что большинство образцов из могильников Андроновской, Тагарской и Таштыкской культур принадлежали к гаплогруппе R1a1 [362.-С. 70–71]. Полученные генетические данные не вполне согласуются с рядом гипотез о происхождении и формировании кыргызского этноса, разработанных в советской историографии, и требуют их дополнительного критического рассмотрения. В частности, результаты ДНК-исследований не подтверждают однозначно представление о поглощении кыргызов кимако-кыпчакской массой на Алтае в X–XI вв. Вместе с тем данные генетики нуждаются в сопоставлении с археологическими, антропологическими и письменными источниками, что требует проведения дальнейших комплексных исследований.

Важное значение для изучения этнической истории имеют также данные античных авторов, китайских хроник, рунических надписей и арабо-персидских источников, содержащие сведения о восточных кочевниках, их миграциях, этнических процессах и роли аристократических кланов. В настоящей работе эти материалы используются для рассмотрения истории кыргызов в контексте миграционных и этнических процессов Притяньшанья и сопредельных регионов VIII–XIV вв.

Необходимость нового подхода к изучению этногенеза и миграционных процессов кочевых народов особенно возросла после обретения Кыргызстаном государственного суверенитета. Одной из актуальных задач отечественной исторической науки стало переосмысление происхождения и этногенеза кыргызов, в том числе проблемы соотношения енисейских и тяньшаньских кыргызов.

Систематическое изучение истории кыргызского народа началось в советский период. Важную роль сыграли переводы китайских источников, выполненные И. Бичуриным, а также исследования истории кочевников Саяно-Алтая и Центральной Азии. В 1953 г. начала работу Кыргызская археолого-этнографическая экспедиция, занимавшаяся вопросами этногенеза и культурогенеза кыргызов. В 1956 г. во Фрунзе состоялась научная сессия, на которой были представлены различные концепции происхождения кыргызского народа. Согласно итоговой резолюции, кыргызский народ и его культура сформировались в результате взаимодействия центральноазиатского и местного среднеазиатского населения [478. – С. 233].

При этом ряд ключевых вопросов остался дискуссионным, прежде всего проблема существования отдельных групп кыргызов на Тянь-Шане в I тыс. н. э. и возможного переселения кыргызов с Енисея на Тянь-Шань [360. –

С. 17]. На основе последующих исследований сформировались три основные концепции этнической истории кыргызов:

-теория автохтонности, согласно которой кыргызы являются древним этносом Тянь-Шаня и не переселялись из других регионов;

-теория енисейского происхождения, рассматривающая тяньшаньских кыргызов как результат переселения части енисейских кыргызов на Тянь-Шань;

-теория алтайского происхождения, согласно которой енисейские кыргызы переселились на Алтай, были ассимилированы кимако-кыпчакской средой, передав ей этноним «кыргыз», а сформировавшийся позднее этнос в XV в. переместился на Тянь-Шань.

Сессия 1956 г. дала значительный импульс дальнейшему изучению этнической истории и этногенеза кыргызов. В последующие десятилетия исследователи обратились к проблемам миграций енисейских кыргызов на Алтай, в Западную Монголию, Восточный Туркестан и другие регионы Центральной Азии в IX–X вв., а также к их влиянию на этнополитические процессы этих территорий.

После научной сессии 1956 г. исследования этнической истории кыргызов активизировались. В 1960-е гг. К. И. Петров [391, 392] и Л. Р. Кызласов [297, 298, 301, 304] предложили собственные концепции древней истории енисейских и тяньшаньских кыргызов, направленные на пересмотр традиционной енисейской теории, представленной в трудах Г. Ф. Миллера, В. В. Бартольда и А. Н. Бернштама. Концепция К. И. Петрова впоследствии получила название «алтайской теории происхождения кыргызского народа» и была признана официальной научной гипотезой в Кыргызстане, в том числе вошла в образовательные программы. Более подробно этот вопрос рассматривается ниже.

После обретения Кыргызстаном независимости появилась возможность пересмотра научных концепций советского периода с учетом новых источников, методов и достижений науки, включая данные ДНК-исследований. Одновременно выявились проблемы, связанные с переводами и интерпретацией китайских хроник, а также с локализацией енисейских и тяньшаньских кыргызов в древности и Средневековье.

Одним из первых переводчиков китайских источников о народах Центральной Азии был И. Бичурин [100, 101], позднее эту работу продолжили В. С. Таскин [470], Г. П. Супруненко [465] и Л. А. Боровкова [107]. И. Бичурин и В. С. Таскин связывали древнюю историю кыргызов с Минусинской котловиной. Г. П. Супруненко различала енисейских и тяньшаньских кыргызов, обозначая первых термином «цзянькунь», а вторых — «йегу» [465. – С. 237]. Л. А. Боровкова, напротив, локализовала цзянькуней в Восточном Туркестане — севернее хребта Боро-Хоро и западнее пустыни Дзосотын-Элисун, связывая их с территорией йегу-

кыргызов [107. – С. 61–62]. Такая локализация расходилась с традиционной концепцией В. В. Бартольда, помещавшего кыргызов эпохи хунну в Минусинскую котловину и в районе озера Кыргызнур в Западной Монголии [72. – С. 6–7].

Неустановленность первоначального месторасположения кыргызов в исторических источниках привела к различным интерпретациям ученых, отходу от первоначальной локализации и появлению разных точек зрения на проблему происхождения и этногенеза кыргызского народа. Одним из первых, кто пересмотрел первоначальную локализацию кыргызов и поместил их не в Минусинской котловине, а в степях Западной Монголии, был археолог С. В. Киселев. Он связывал енисейских кыргызов с районом озера Кыргызнур, а динлинов — с Минусинской котловиной. По его мнению, после покорения хуннским шаньюем Модэ в 201 г. до н. э. кыргызы переселились в земли динлинов и смешались с их населением, что стало одним из факторов формирования таштыкской культуры [262]. При этом он опирался на сведения китайских источников о происхождении хягасов в результате смешения динлинов, алтайских тюрков и гяньгуней.

Положение С. В. Киселева о локализации енисейских кыргызов в районе озера Кыргызнур получило дальнейшее развитие в исследованиях Л. Р. Кызласова. В 1960-е гг. Л. Р. Кызласов, опираясь на исследования С. В. Киселева, разработал хягасскую концепцию происхождения кыргызов, согласно которой в Минусинской котловине с древности проживал народ хягас (хакас), а кыргызы-цзянькуни представляли его аристократическую верхушку. В основе этой концепции лежала локализация С. В. Киселевым динлинов в Минусинской котловине, а енисейских кыргызов — в районе озера Кыргызнур [262. – С. 561]. В отличие от Киселева, связывавшего динлинов с населением, смешавшимся с тюрками, Л. Р. Кызласов рассматривал их как часть местного самоедского населения, покоренного кыргызами [297. – С. 19; 298. – С. 190, 11–14; 299. – С. 260–263; 301. – С. 89–91; 302. – С. 196–198, 201–202].

Однако ключевой проблемой концепции Л. Р. Кызласова стала трактовка этнонима «хягас», которым в китайских источниках обозначались енисейские кыргызы. Он связывал его с названиями хакасских родов хаас и касха (хасха) [299. – С. 260–263; 302. – С. 201–202], хотя идентификация хягас с кыргызами к этому времени уже имела достаточно серьезное научное обоснование [329, 330.].

Однако концепция Л. Р. Кызласова вызвала возражения Н. Л. Членовой, которая критически оценивала отождествление динлинов с населением Минусинской котловины и тагарской культурой. Она указывала на неопределенность географической локализации динлинов и считала, что этот термин мог иметь как этническое, так и более широкое нарицательное значение [522. – С. 221–222]. По ее мнению, сведения о динлинах

хронологически относятся преимущественно к таштыкской эпохе, а их ареал простирался от Байкала до Оби и Иртыша.

Н. Л. Членова связывала формирование тагарской культуры с миграциями населения из Алтая и Восточного Казахстана в Минусинскую котловину в конце VI–V вв. до н. э. и предполагала участие в этих процессах саков-тиграхауда [522. – С. 219–222]. Тем самым она рассматривала древнюю историю населения Саяно-Алтая как результат сложных миграционных и этнокультурных взаимодействий, а не как последовательное развитие одного этнического компонента.

Таким образом, уже в советской историографии существовали существенные расхождения по вопросам локализации древних кыргызов, соотношения цзянькуней и йегу, происхождения населения Саяно-Алтая и роли миграционных процессов в формировании древних культур. Эти дискуссии создали основу для дальнейшего пересмотра традиционных концепций с привлечением археологических, письменных и, позднее, генетических данных.

Еще в 1925 г. С. Е. Малов установил соответствие китайского этнонима «хягас» руническому «кыргыз» [329, 330.]. Впоследствии этот вывод получил развитие и подтверждение в исследованиях Л. П. Потапова, Дж. Э. Пуллиблэнка, С. Е. Яхонтова, Ю. С. Худякова, В. Я. Бутанаева, О. К. Караева, Т. А. Акерова и других ученых [407; 544, 545; 509; 112; 239, 241; 16; 18; 31]. Поэтому представление хягас как отдельного древнего народа Минусинской котловины вступало в противоречие с уже сложившейся в науке идентификацией этого этнонима с енисейскими кыргызами.

Вместе с тем определенное влияние на данную дискуссию оказала позиция Л. А. Боровковой, которая, в отличие от традиционной локализации цзянькуней эпохи хунну в Минусинской котловине, помещала их в Восточный Туркестан [107.-С. 61–62]. Ю. С. Худяков, опираясь на ее разработки, предположил, что кыргызы-цзянькуни были разбиты Модэ-шаньюем в районе Боро-Хоро в Восточном Туркестане, а позднее, в конце V в., переселились в Минусинскую котловину, где сформировали Кыргызский каганат. Объединение кыргызов с динлинами он относил еще к периоду их пребывания в Восточном Туркестане [510. – С. 31].

Таким образом, различные варианты локализации цзянькуней и динлинов обусловили существенно различавшиеся реконструкции этнической истории Минусинской котловины. В одной из них древние кыргызы рассматривались как аристократическая группа, управлявшая местным населением, в другой — как самостоятельное население, связанное с Енисеем. При этом отождествление хягас с кыргызами, установленное еще в первой половине XX в., существенно ограничивало возможности трактовки хягас как самостоятельного древнего этноса.

На современном этапе дискуссия о происхождении енисейских кыргызов получила новое направление благодаря данным генетических исследований. Согласно приведенным в исследовании результатам, енисейские кыргызы являлись носителями гаплогруппы R1a-Z93, связанной с древними популяциями андроновской культуры [362. – С. 70–71]. У тяньшаньских кыргызов также выявлена значительная доля этой гаплогруппы. Эти данные позволяют рассматривать енисейских и тяньшаньских кыргызов в едином этногенетическом контексте и требуют нового осмысления их исторических связей.

Полученные генетические данные в определённой мере согласуются с выводами исследователей, локализовавших кыргызов в среднем течении Енисея: И. Бичурина [100, 101], Г. Ф. Миллера [351], Н. А. Аристова [48], Ч. Валиханова [124; 126], Н. Ф. Катанова [253], В. В. Бартольда [69; 70; 78], А. Н. Бернштама [95], Л. Н. Гумилева [147.], В. С. Таскина [470], Г. П. Супруненко [465] и других. Н. Ф. Катанов, в частности, рассматривал кыргызов как древнее население Минусинской котловины и отмечал сохранение здесь отдельных кыргызских родов. В работе «Предания присаянских племен о прежних делах и людях» он упоминал роды киргиз, сагай и чоода, оставшиеся в Минусинской котловине после переселения части кыргызов в 1703 г. [253. – С. 35].

Результаты генетических исследований в определенной мере согласуются также с выводами ряда археологов и историков, связывавших происхождение енисейских кыргызов с населением тагарской культуры и скифскими племенами Саяно-Алтая. К числу таких исследователей относятся А. Н. Бернштам, Н. Л. Членова, В. Е. Майнагашева, Д. Г. Савинов, В. В. Ушницкий, Ю. Н. Есин, Б. Б. Монгуш, Т. А. Акеров и другие [89, 92, 93, 95; 522; 319; 433, 434, 437; 491; 184; 369; 16.]. В их работах прослеживаются различные варианты связи енисейских кыргызов с тагарской культурой, скифо-сакскими, тохарскими, усуньскими и другими древними европеоидными этнокультурными сообществами региона.

Важным аспектом исследований А. Н. Бернштама является его представление о древнем населении Енисея и Тянь-Шаня как частях единого этнокультурного массива, разделенного под воздействием хунну и вновь сблизившегося в результате миграций енисейских кыргызов на Тянь-Шань [89. – С. 176; 95. – С. 176–177]. В рамках этой концепции этногенез кыргызского народа протекал в двух основных регионах — на Енисее и Тянь-Шане. А. Н. Бернштам выделял несколько этапов миграции кыргызов, начиная с середины I в. до н. э., массовое переселение относил к IX–X вв., а окончательное формирование кыргызского народа — к XVI в., связывая его с миграцией енисейских кыргызов и ассимиляцией местного населения Тянь-Шаня [91. – С. 21; 92. – С. 20–25].

Н. Л. Членова связывала население тагарской культуры с древними ирано-тохарскими и сакскими группами, мигрировавшими в Саяно-Алтай из южных районов [522. – С. 219–221]. Д. Г. Савинов рассматривал тагарскую и таштыкскую культуры как этапы единого культурно-исторического развития Южной Сибири и отмечал их связь с последующей историей енисейских кыргызов [433, 434, 436]. В. Е. Майнагашева также связывала формирование енисейских кыргызов с южными сако-тохарскими миграциями и рассматривала их участие в формировании тагарской культуры [319. – С. 46–53]. В. В. Ушницкий и Ю. Н. Есин непосредственно связывали енисейских кыргызов с тагарской культурой, причем Ю. Н. Есин рассматривал территорию позднетагарской культуры Минусинской котловины как владение кыргызов-цзянькуней [184. – С. 37–38; 491. – С. 110–118].

Определенный интерес представляет концепция Б. Б. Монгуша, связывающего древних саков с кераитскими сакаитами, а последних — с сагайцами, которых он рассматривает как потомков енисейских кыргызов Минусинской котловины [369; 253. – С. 35]. Изыскания Б. Б. Монгуша в определенной мере согласуются с концепцией Т. А. Акерова, связывающего древние владения Канха на Сырдарье и Кангорай в Минусинской котловине с сакскими племенами, которых он рассматривает как предков сагайцев, а также енисейских и тяньшаньских кыргызов [16. – С. 140–181]. Т. А. Акеров также сопоставляет ряд этнонимов и топонимов Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, связывая их с сакским и кыргызским наследием, и на этой основе обосновывает историческую связь енисейских и тяньшаньских кыргызов [16. – С. 98; 18. – С. 351, 440; 60. – С. 57–64, 116–125, 165–166; 166–168].

Полученные генетические данные позволяют по-новому рассмотреть гипотезу Н. Л. Членовой о связи древнего населения Минусинской котловины с сакскими группами, мигрировавшими с юга, а также традиционную локализацию кыргызов в районе Минусинской котловины и озера Кыргызнур в Западной Монголии, предложенную В. В. Бартольдом. Данный регион, включающий бассейны Кыргызнура и Убсу-Нура и районы Западного Танну-Ола, связан с важными этапами истории енисейских кыргызов. Сохранившиеся здесь топонимы — Саглы, Конграй-Сагай, Булан-Таг, Кандагайты, Кыргызнур и другие — могут рассматриваться как дополнительные свидетельства исторической памяти о населении региона.

Представляется вероятным, что сакские группы, а позднее енисейские кыргызы поддерживали миграционные и этнокультурные связи с Тянь-Шанем. Об этом могут свидетельствовать сохранившиеся в Тянь-Шане этнонимы и племенные названия, сопоставляемые с населением Саяно-Алтая, в частности сары багыш (булан; «желтый лось»), бугу (сагын — «олень»), саяк, сопоставимый с енисейскими сагай и сагайях, и др. Эти параллели требуют дальнейшего комплексного изучения с привлечением письменных, археологических, лингвистических и генетических материалов.

Таким образом, совокупность приведенных данных позволяет рассматривать историю кыргызов в контексте длительных этнокультурных и миграционных процессов, связывающих Саяно-Алтай, Западную Монголию и Тянь-Шань. Генетические, археологические и письменные материалы создают основу для дальнейшего изучения связей кыргызов со скифо-сакскими и другими древними компонентами населения региона, а также для рассмотрения енисейских и тяньшаньских кыргызов в едином историческом и этногенетическом контексте.

Проблема миграционных и этнических процессов кочевников Притяньшанья и сопредельных регионов, включая этногенез кыргызского народа, на протяжении длительного времени остается одной из актуальных тем исторических исследований.

В ходе изучения данной проблематики было разработано множество теорий и гипотез, посвященных вопросам происхождения, этногенеза и формирования кыргызского народа в Тянь-Шанском регионе. В изучении данной темы приняли участие многие исследователи, в том числе Г. Ф. Миллер, И. Фишер, Н. Бичурин, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. Левшин, Ч. Валиханов, В. Радлов, Н. Катанов, В. Шот, Ю. Клапрот, К. Риттер и многие другие [351; 499; 48; 99, 100, 101; 151, 152; 312; 123, 124, 125, 126; 417, 420; 253, 254; 570.].

В советский период значительное внимание исследованию этого вопроса уделяли такие ученые, как В. Бартольд, А. Бернштам, А. Маргулан, С. Киселев, Л. Евтюхова, Д. Савинов, Л. Потапов, К. Петров, О. Караев, А. Мокеев, И. Батманов, С. Ванштейн, А. Грач, З. Арагачи, Э. Вадецкая, Т. Чоротегин, М. Кожобеков и другие [69, 70, 78; 87, 89, 90, 92, 93; 338, 339; 262; 177; 433, 434; 407, 408; 391; 239, 240; 360; 84.]. В своих исследованиях они стремились доказать тождество или различия между енисейскими и тяньшаньскими кыргызами. Указанные работы впоследствии были проанализированы современными исследователями, в том числе Ю. Худяковым [509, 510, 514], О. Караевым, М. Кожобековым [234, 235], К. Петровым [391], А. Мокеевым [360], Т. А. Акеровым [15] и другими.

Первая — автохтонная теория происхождения кыргызского этноса получила развитие в трудах И. Бичурина, А. Левшина, В. Шотта, Н. Аристова, Ч. Валиханова, А. Маргулана, Л. Боровковой, Э. Ж. Маанаева и других исследователей [99, 100, 101; 312; 570; 47, 48; 123, 124, 125, 126; 338, 339; 107; 331]. Ряд ученых из этой группы, включая Н. Бичурина, А. Левшина и В. Шота, выдвинули гипотезу о том, что кыргызы-буруты являются потомками народа болу, проживавшего в горах Куэнь-Луня в эпоху Танской династии (618–907 гг.) [101. – С. 28; 312. – С. 14–15].

По мнению И. Бичурина, кыргызы ранее обитали на южной стороне Хотанских гор, неподалеку от северных пределов Тибета. Он писал: «… уже в IV веке появились на нынешних местах под китайскими именами: болу,

булу и болюй. Болу и булу сходствуют со словом «бурут», следовательно, «бурут» – это древнее имя кыргызов, которым китайцы и монголы и доныне их называют» [99. – С. XXVIII]. А. Левшин, опираясь на сведения китайских источников, писал: «Имя полу, очевидно, сходное с бору, и нет сомнения, что народ полу – это буруты. Из сего следует заключить, что буруты в V и VI столетиях от Рождества Христова уже жили там, где они ныне живут. Киргизы, вероятно, смешались с ними после изгнания из Южной Сибири» [312. – С. 14–15]. Дополнительным аргументом в пользу связи кыргызов-бурутов с упомянутым владением Булу могут служить сведения китайских хроник, зафиксированные в одном из источников XVII в. и переведенные Е. Кычановым [138. – С. 10]. В источнике отмечается, что в период династии Тан нынешние буруты (тянь шаньские кыргызы) назывались «булу … или по другому наименованию болюй» [138. – С. 10].

Особенность исследований Ч. Валиханова, Н. А. Аристова и А. Маргулана заключалась в признании исторической связи енисейских и тяньшаньских кыргызов. Рассматривая кыргызов как древний этнос, исторически связанный одновременно с Саяно-Алтаем и Тянь-Шанем, они исходили из представления о существовании двух взаимосвязанных ветвей кыргызского народа — енисейской и тяньшаньской. При этом Н. А. Аристов, опираясь на предшествующие исследования Ч. Валиханова и В. В. Радлова, предложил собственную концепцию происхождения и ранних миграций кыргызов.

Особый интерес представляет гипотеза Н. А. Аристова, существенно отличавшаяся от представлений ряда его предшественников. Как этнограф, Н. А. Аристов изучал этногенез кыргызов на основе сравнительного анализа родоплеменного состава тюркоязычных народов Сибири и Центральной Азии. В отличие от Г. Ф. Миллера и других исследователей, он предполагал, что часть енисейских кыргызов мигрировала на Тянь-Шань уже во II в. до н. э. Он был также одним из первых исследователей, связавших усуней с енисейскими кыргызами. По его мнению, усуни представляли собой часть енисейских кыргызов, которая ко II в. до н. э. отделилась от основной массы народа и сформировала джунгарскую ветвь. Под давлением хунну усуни впоследствии переместились на Тянь-Шань. Н. А. Аристов писал: «Усунь — это имя господствующего племени народа, а истинное имя этого народа всегда было “кыргыз”» [48. – С. 218–219].

Ученый также полагал, что потомками усуней были западнотюркские племена асиги и гешу (союз нушиби). Последние, по его мнению, были связаны с названиями племен тяньшаньских кыргызов азык и кючюк [48. – С. 218–219]. Азыки, по его мнению, представляли собой этнообразующее племя древних кыргызов [60. – С. 76]. Азыки состояли из четырех родов: козугун, бычман, борю (волк) и байкючюк (собака). То есть один из его родов с тотемом волка связывал азыков с усунями.

Однако в советское время гипотезой Н. А. Аристова не заинтересовались, и она была забыта, хотя имелись все основания для ее дальнейшего развития. Единственным недостатком в разработке Н. А. Аристова можно считать то, что он не установил связи между племенами асиги и гешу и йегу — этнонимом, упоминаемым в событиях 651 года в контексте западнотюркских племен чумугунов и хосинов, о которых впоследствии писал Е. Г. Грумм-Гржимайло [151. – С. 259–260]. В данном случае под йегу-кыргызами можно понимать племена нушиби: асиги/азык (с волчьим тотемом), гешу [48. – С. 218–219] и басайган (барскан), тогда как чумугуны, вероятно, являлись потомками усуньского племени, чьим тотемом была ворона.

Следовательно, при формировании тяньшаньских племен потомков усуней (асиги) с тотемом волка Истеми-каган определил в состав союза племен нушиби, а потомков племени с тотемом ворона (чумугунь) включил в конфедерацию дулу. Истеми-каган назначил сына Туркcангфа во главе нушиби [26. – С. 1285; 166. – С. 222], а дулу управлялся аристократическим кланом чумук [166. – С. 220], представлявшим племя среднеазиатских хунну чумугунь [26. – С. 1285; 166. – С. 220]. Туркcангф управлял с помощью племени тухсы, а чумугуни были подвластны самому кагану. Однако чумугуни находились в статусе брачующегося клана.

К проблеме автохтонности кыргызов Ч. Валиханов подошел с иной точки зрения. Основываясь на данных персидских и тюркских источников, он критиковал гипотезы Ю. Клапрота и А. И. Левшина о переселении кыргызов с Енисея на Тянь-Шань лишь после событий 1703 г. При этом он не отрицал древнего проживания кыргызов на Енисее. Ч. Валиханов также не поддерживал гипотезу Н. Бичурина о происхождении кыргызов от древних полу [103. – С. 57–59].

Особенность этой группы исследователей заключается также в том, что Н. А. Аристов, Ч. Валиханов, А. Н. Бернштам, Е. Кычанов, Т. Бейшеналиев, Э. Маанаев и Т. Аке́ров пытались рассматривать кыргызов как единый народ, одновременно проживавший на Саяно-Алтае и Тянь-Шане. При этом И. Бичурин, Е. Кычанов и Т. Бейшеналиев, основываясь на данных китайских хроник, тяньшаньских кыргызов также называли бурутами.

Очевидно, Ч. Валиханов одним из первых, значительно раньше А. Н. Бернштама, рассматривал кыргызов как народ, исторически связанный одновременно с двумя регионами — Саяно-Алтаем и Тянь-Шанем [87. – С.39-43, 46].

По мнению Ч. Валиханова, кыргызы с древних времен проживали в Саяно-Алтайском крае и на Тянь-Шане. В период миграции уйгуров, а возможно, несколько позднее, во времена Чингисхана, кыргызский народ оказался разделен на две группы — тяньшаньских и енисейских кыргызов [124. – С. 63–65; 126. – С. 346]. После этого кыргызы стали совершать летние

перекочевки с Тянь-Шаня на север Хангая (в Джунгарию), до тех пор, пока не возвысились ойраты, расположившиеся между Алтаем и Восточным Притяньшанье [126. – С. 346; 240. – С. 10]. Позднее гипотезу Ч. Валиханова развил А. Н. Бернштам, конкретизировав ее и предложив концепцию поэтапного переселения енисейских кыргызов на Тянь-Шань. А. Н. Бернштам считал, что проблема этногенеза кыргызов была связана сразу с двумя регионами — Енисеем и Тянь-Шанем. Алтай он рассматривал как последнее место пребывания кыргызов перед их переселением на Тянь-Шань [87. – С.39-43, 46].

Как представитель казахского народа, родственного кыргызам, Ч. Валиханов прекрасно знал и понимал кыргызский язык, что давало ему больше возможностей для сбора информации о древней истории кыргызов. Он также попытался проанализировать один из сюжетов эпоса «Манас», записанных им самим в «Поминках по Кокетаю». Ч. Валиханов отмечал, что эпосы кыргызов, в том числе «Манас», относятся ко временам Золотой Орды, то есть XIII–XIV веков. Будучи знатоком родословных кыргызов и казахов, а также сказаний, он одним из первых высказал мнение о том, что «ногайцы в своем движении на запад могли увлечь за собой небольшую часть кочевавших вместе с ними казахов и кыргызов» [124. – С. 155]. В частности, в казахском сказании «Эр Таргын» «главный герой эпоса выводится из кыргызов, «живших в эпоху кыргызов». Спасаясь от возмездия за совершенное убийство, он бежал и нашел прибежище у народа кырксан, крым и ногайцев. Впоследствии он даже становится их правителем» [365. – С. 190–191].

Однако Ч. Валиханов считал, что тяньшаньские кыргызы с древних времен жили на территории между Андижаном и озером Иссык-Куль, а летом они перекочевывали до Урумчи, Иртыша, Алтая и Хангая. Он писал, что в эпосе «Манас» мы видим главного героя Манаса, «богатыря, который защищает слабых, воюет с калмаками и оставляет следы своих подвигов в глубине Джунгарии». Киргизы говорят, что город «Манас» около Урумчи и урочище того же имени на верхнем Иртыше получили свое название от этого героя. Он также отметил, что в преданиях кыргызов не упоминается о каких-либо фактах переселения их с Енисея на Тянь-Шань, делая вывод, что это событие не могло произойти в начале XVIII века, так как оно, вероятно, сохранилось бы в памяти народа [124. – С. 58, 6; 126. – С. 346].

Ч. Валиханов записал легенду о кыргызском батыре Манасе, сохранившуюся среди казахов, живущих в Каркыралинских и Чингизтауских горах (между Иртышом и Балхашом). Согласно преданию, богатырский конь Манаса назывался Как-Кула ат, он стоял под горой Бегазы и ел клевер из каменных яслей (тас соры). В этих горах, в 80 км к югу от Каркаралинска, сохранилось множество древних наскальных рисунков козлов, собак и лошадей. Одну из этих групп местные жители связывают с богатырским

конем Манаса — Кула ат. Здесь же, на Тарбагатае, встречалось урочище под названием Манас [338. – С. 197].

Теория Ч. Валиханова была поддержана и развита учеными А. Маргуланом и А. Хасановым, которые полагали, что кыргызский политический союз на Тянь-Шане сложился в IX–X веках в районе Урумчи и к северу от Турфана. Позже кыргызы переселились на Центральный Тянь-Шань, где, слившись с местными племенами, образовали кыргызский народ. А. Маргулан отвергал теорию поэтапного переселения кыргызов на Тянь-Шань, и поэтому его также причисляют к числу ученых, придерживающихся мнения об автохтонном происхождении кыргызского народа. В своих работах он основывался на сюжете эпоса «Манас», в частности на «Поминках по Кокетаю», где кыргызы мигрировали с Тянь-Шаня в Прииртышье [338. – С. 183, 195–197].

А. Маргулан, поддерживая мнение Ч. Валиханова, полагал, что кыргызы постоянно совершали перекочевки с юга на север, к Хангаю. Он изучал генеалогию казахских племен, в частности аргынов, которые обитали в районах Каркыралинских и Чингизтауских гор. Согласно родословной, они переселились в Арку из Внутренней Сибири. Племя аргынов включало в свой состав родоплеменные группы: теит, кусшы, шерик, жунды кыргыз (жунды — признак европеоидности). По генеалогии, они пришли в Арку в два этапа. Первым переселился Шерик. Здесь Шерик-бий оказался под влиянием Кыпчакского хана. Вместе с ним переселились его сорок дружинников — кырк шоро. А. Маргулан сопоставил кырк шоро шериков племени аргын с эпическими героями кырк чоро Манаса, упоминаемыми в эпосе «Манас». Шерик имел трех сыновей: Увай, Ногай и Орыс. Вслед за Шериком в Арку переселились, «переплыв Иртыш на тулпарах», Орыс и Убай [339. – С. 109].

Синологи Е. Кычанов и Т. Бейшеналиев также относятся к числу исследователей, рассматривавших кыргызов как народ, исторически связанный одновременно с двумя регионами — Енисеем и Тянь-Шанем. По мнению Е. Кычанова в эпоху Кыргызского Великодержавия кыргызы активно участвовали в этногенезе киреитов, найманов, меркитов и татар, и считал, что созданные этими народами государства можно считать кыргызскими [307]. Е. Кычанов и Т. Бейшеналиев, изучив китайские источники Минской эпохи (1368–1644 гг.), пришли к выводу, что в этот период в Восточном Туркестане существовала небольшая область под названием Кыргыз, упоминавшаяся в китайских хрониках наряду с такими городами, как Кашгар, Хами и Илибали, которые имели торговые связи с Китаем. По их мнению, происхождение этнонима «бурут» было связано с кыргызами и могло происходить от монгольского слова «борук» – «скала» [305. – С. 103–104].

Т. Бейшеналиев изучив сведения китайских исторических источников о кыргызах, Т. Бейшеналиев пришел к выводу, что кыргызы с древних времен проживали не только на Енисее, но и на Тянь-Шане. Причем свои выводы он обосновывал данными китайских источников, таких как «Хань шу», «Тан шу», «Шэн-у цинь чжэнлу», «Си ши цзи», «Мин ши», «Мин шиил», в которых говорится о проживании народа не только в Минусинской котловине и на Алтае, но и на Тянь-Шане с самых древних времен. Т. Бейшеналиев в своих исследованиях подтвердил правильность гипотезы К. Риттера, который утверждал, что автохтонные кыргызские племена носили общее название бурут, а пришлые — кыргыз. По мнению Т. Бейшеналиева, объединение и слияние местных тяньшаньских и енисейских кыргызов произошло после краха Ойратского государства, когда часть енисейских кыргызов переселилась и обосновалась в Восточном Туркестане. Он пишет: «С этого времени активные действия кыргызов перемещаются с Енисея, Алтая и Урянхая на Тянь-Шань, что стало результатом изменения этнополитической ситуации в регионе в пользу кыргызов» [85. – С. 20–21]. Т. Бейшеналиев также на основе данных китайских хроник подтвердил правильность мнений Г. Е. Грумм-Гржимайло [151] и Г. П. Супруненко [465] о древнем проживании кыргызов под именем йегу (кыргыз) на Тянь-Шане.

Кыргызского профессора Э. Маанаева также интересовали этнонимы «полу» и «болуй-бурут». Он попытался сопоставить средневековый этноним «полу» с арабо-персидским этнонимом «фури», носители которого являлись соседями енисейских кыргызов. Э. Маанаев размещал это владение к юго-западу от енисейских кыргызов, в Восточном Туркестане, и полагал, что фури могли иметь связи с населением полу, болуй-бурут, которое находилось в районах Горного Бадахшана в Таджикистане [331. – С. 16].

Вторая — енисейская теория происхождения кыргызского этноса, связанная с именем Г. Ф. Миллера [351]. Согласно его представлениям, кыргызы в древности проживали на Енисее, а после событий 1703 г. часть кыргызского населения была джунгарами уведена в Прииртышье, откуда впоследствии отдельные группы переселились на Тянь-Шань. Г. Ф. Миллер писал, что енисейские кыргызы в течение ста лет воевали с Российской империей, отстаивая свою независимость. Однако в 1703 году джунгары переселили последних в Прииртышье. Впоследствии они перебрались на Тянь-Шань [351. – С. 314].

В дальнейшем енисейская теория получила развитие в рамках енисейско-таштыкской теории происхождения кыргызского народа, сторонниками и последователями которой выступали И. Фишер, А. Левшин, В. Радлов, Н. Катанов, В. В. Бартольд, В. Ромодин, И. Я. Златкин, О. К. Караев, Ю. С. Худяков, В. Я. Бутанаев, Е. Кычанов, Т. К. Джуманалиев, Т. К. Чоротегин, К. Т. Табалдиев, М. Ч. Кожобеков, Т. Бейшеналиев, Д. Сапаралиев, О. К. Каратаев, В. И. Козодой и другие исследователи [351; 499;

312; 417, 418; 253, 254; 69, 78; 424, 4259; 239, 240, 241; 509, 510, 515; 112, 114; 305, 307; 166, 170, 171; 526, 527; 468; 239; 85; 443; 245, 246; 281].

И. Фишер, в отличие от Г. Ф. Миллера, писавшего преимущественно о енисейских кыргызах, знал и о тяньшаньских кыргызах, называя их бурутскими кыргызами. Он считал, что все поколения кыргызов, которые именуются киргизами, имеют общее происхождение [499. – С. 58–59, 63, 208]. По мнению А. Левшина, на рубеже XVII–XVIII вв. енисейские кыргызы переселились на земли между Кашгаром и Андижаном [312. – С. 12, 21]. В своих исследованиях он пришел к выводу, что енисейские кыргызы после событий 1703 года переселились на Тянь-Шань и смешались с бурутами. В бурутах он видел потомков древнетяньшаньских племен, известных на территории Восточного Туркестана еще в V–VI вв., – полу, пулу, болу, которые, по его мнению, не имели ничего общего с енисейскими кыргызами. А. Левшин писал: «Киргизы, вероятно, смешались с ними по изгнании из Южной Сибири» [312. – С. 14–15].

К. Риттер считал, что енисейские киргизы (хакасы) переселились в начале XVIII века в Джунгарию и Восточный Туркестан к своим соплеменникам – бурутам [240. – С. 9], которые являлись аборигенами Восточного Туркестана.

В. Радлов одним из первых выразил сомнение относительно мнений ученых о миграции кыргызов на Тянь-Шань после событий 1703 года. Прекрасно зная фольклор народов Саяно-Алтайского края и кыргызов, прежде всего эпос «Манас», он пришел к выводу, что кыргызы переселились на Тянь-Шань в более раннее время. По его мнению, если бы кыргызы переселились туда в более позднее время, то эти события сохранились бы в народной памяти. В. Радлов считал, что в X веке енисейские кыргызы столкнулись с новыми, более могущественными племенами – киданями. Под их давлением часть кыргызов вернулась в X веке в Минусинскую котловину и смешалась с народностями Саяно-Алтая. Отдельные их группы ушли в верховья Иртыша, а часть бежала на Тянь-Шань [420. – С. 18].

В. Радлов считал енисейских кыргызов предками современных хакасов и тяньшаньских кыргызов, предки которых мигрировали на юго-запад в эпоху возвышения Кыргызской государственности на Енисее. Он пишет: «Такое полнейшее господство эпоса я нашел только у двух народов тюркского происхождения, живущих в настоящее время совершенно отдельно друг от друга: у Абаканских или Минусинских татар на верховьях Енисея и у кара-киргизов. Первое племя состоит преимущественно из киргизов, оставшихся в XVII столетии на Енисее, т.е. из потомков древних хакасов (Къе-гя-си – кыргызы Т.А.), которые в IX веке уничтожили великое царство уйгуров. Кара киргизы, живущие ныне на Тянь-Шане, происходят от той части хакасов (хягясов – кыргызов – Т.А.), которая в X веке покинула прибрежья Енисея и восточного Алтая и направилась к юго-западу, поэтому

мы имеем основание думать, что склонность к эпической поэзии была уже свойственна хакасам (хягасам – кыргызам – Т.А.) и сохранилась до настоящего времени у всех их потомков (минусинских татар и кара-киргизов) в одинаковой силе, хотя и эти два племени уже более девяти столетий живут совершенно отдельно друг от друга» [420. – С. 18].

Таким образом, В. Радлов предложил рассматривать эпоху возвышения Кыргызской государственности как один из периодов переселения енисейских кыргызов на Тянь-Шань. Тем самым В. Радлов одним из первых дал оценку периоду возвышения Кыргызской государственности на Енисее в IX–X вв. Вместе с тем, по мнению В. Радлова, кыргызы могли переселяться на Тянь-Шань и в монгольский период.

Он отмечал, что кыргызы, начиная с V в., в течение пяти столетий обитали в Саянских горах и на Восточном Алтае. Однако в эпоху завоеваний Чингисханом земель Кыргызского государства в XIII в. значительная часть кыргызов была вытеснена на север Саян. Другая часть кочевала в долине Абакана. «Большая же часть киргизов была отодвинута на юго-запад и водворилась в долине Западного Тянь-Шаня» [417. – С. 20].

В 1927 году В. В. Бартольд [72], в результате обобщения сведений о древних кыргызах, содержащихся в китайских, арабских, персидских и древнетюркских источниках, выявил и обосновал существование общих исторических корней между тяньшаньскими и енисейскими кыргызами. По его мнению, древние кыргызы в эпоху хунну жили не только в Минусинской котловине [72. – С. 6], но и несколько южнее, в районе озера Кыргыз-нур [72. – С. 7], расположенного в Северо-Западной Монголии. В. В. Бартольд подробно охарактеризовал различные периоды истории кыргызов, особо выделив период формирования Великого Кыргызского каганата в IX–X веках и справедливо назвав его эпохой «Кыргызского Великодержавия» [72. – С. 17].

По мнению В. В. Бартольда, енисейские кыргызы мигрировали на Тянь-Шань поэтапно. Первый этап миграции енисейских кыргызов на Тянь-Шань он связывал с эпохой Кыргызского Великодержавия в IX–X вв. По его мнению, кыргызские завоевания во главе с генералом Алп Сол Тепеком в Восточном Туркестане носили временный характер. Он писал, что часть кыргызов в X веке проникла на Тянь-Шань через Кульжинский край. Далее он высказал предположение, что кыргызы могли продвигаться на запад вместе с кара-китаями в XII в. и монголами в XIII в. [68. – С. 269]. Он писал: «Киргизы переселились на Тянь-Шань в период монгольского нашествия или чуть позже». Однако позднее он более конкретно сформулировал свое мнение относительно миграции кыргызов в эпоху их Великодержавия, отмечая: «Возможно, что теперь (т.е. в X веке) киргизы выступили в качестве союзников карлуков против токуз-огузов и заняли часть Семиречья,

своей теперешней родины. Но основная масса киргизов переселилась в Семиречье значительно позже, иначе они не приняли бы ислам при караханидах и остались бы язычниками до XVI века» [70. – С. 39]. В. В. Бартольд считал, что очередной этап, или массовое переселение енисейских кыргызов на Тянь-Шань, произошел лишь в XV веке.

Г. Е. Грумм-Гржимайло выступал против всех гипотез о миграции енисейских кыргызов на Тянь-Шань, кроме гипотезы о переселении в IX–X веках. Он поддерживал точку зрения В. В. Бартольда о переселении енисейских кыргызов на Тянь-Шань в эпоху Великодержавия. Он отмечал, что в 840 году кыргызы, уничтожив Уйгурский каганат, вытеснили уйгуров за реку Хайдык-Гол и проникли на Тянь-Шань [152]. Г. Е. Грумм-Гржимайло писал: «Таким образом, я не вижу необходимости искать пополнения киргизской массы, обосновавшейся в небесных горах в X веке, последующими переселениями с Енисея, тем более в монгольскую эпоху...» [151 – С. 367]. Он также подчеркивал, что тяньшаньские кыргызы всегда были малочисленны. По его мнению, кыргызы сформировались как этнос на территории Тянь-Шаня из различных конгломератов, в основном в эпоху монголов. Основным компонентом кыргызского народа являлись буруты, обитавшие в Южной Сибири и являвшиеся соседями енисейских кыргызов. В XIII веке буруты переселились на Тянь-Шань и слились с кыргызами, в результате чего утратили свой этноним [151. – С. 445; 152. – С. 179–180].

Отметим, что Ю. С. Худяков, ссылаясь на работы Л. Боровковой, считал прародиной кыргызов Тянь-Шань. Согласно локализации Л. Боровковой, в эпоху Маотунь-шаньюя земли цзянькуней (кыргызов) находились севернее восточных земель усуней, к северу от хребта Боро-Хоро в системе Восточного Тянь-Шаня и к западу от пустыни Дзосотын-Элисун [107. – С. 62]. Кыргызы, таким образом, жили в северной части Восточного Тянь-Шаня.

Ю. С. Худяков, основываясь на указанной локализации Л. Боровковой цзянькуней (кыргызов) в районах степей хребта Боро-Хоро, разработал теорию о тяньшаньском происхождении кыргызов. Согласно его теории, до конца V века н. э. кыргызы жили в Восточном Туркестане, где слились с динлинами, а затем переселились на Енисей [510. – С. 31]. Здесь они сформировали Кыргызский каганат в VI веке. Далее, как и В. В. Бартольд, Ю. С. Худяков пишет, что в 840 году енисейские кыргызы уничтожили Тогуз-огузский каганат на Орхоне и установили свое господство над Центральной Азией. В эту эпоху часть кыргызов переселилась и обосновалась на Тянь-Шане.

Однако локализация Л. Боровковой кыргызов в Восточном Туркестане в эпоху хунну еще больше запутала исследовательскую ситуацию. Если ранее С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов и другие полагали, что кыргызы пришли на Енисей из района озера Кыргыз-нур в Западной Монголии [262. – С. 4;

298. – С. 190; 299. – С. 260–263], то теперь, благодаря разработкам Ю. С. Худякова, Восточный Туркестан стал рассматриваться как регион, откуда кыргызы мигрировали в Минусинскую котловину в конце V века н. э. [510. – С. 31].

Однако следует отметить, что месторасположение цзянькуней, предложенное Л. Боровковой, не соответствует сведениям китайских хроник о кыргызах, переведенным Г. П. Супруненко, которая делит последних на северных – цзянькуней и южных – йегу. То есть, согласно китайским хроникам, кыргызы еще с древних времен жили как в Минусинской котловине, так и на Тянь-Шане [465. – С. 237]. Если даже допустить, что Ю. С. Худяков прав в локализации цзянькуней в Восточном Туркестане, то в V веке, в период миграции южных племен на север, не все кыргызские племена могли переселиться на Енисей, и часть из них могла остаться на Тянь-Шане. Ими могли быть кыргызы-йегу, которые упоминались наряду с чумугунами и хосинами в землях Западнотюркского каганата в событиях 641 года [151. – С. 259–260].

Стало быть, представляется справедливым считать, что часть кыргызов все-таки постоянно проживала на Тянь-Шане и в эпоху Истеми-кагана входила в состав союза племен он-ок будунов, в котором были представлены племена союза нушиби – асиги, гешу и басайгань.

Следует отметить, что гипотеза Ю. С. Худякова имеет определенные отклонения от основной общепринятой теории Миллера – Бартольда, согласно которой прародиной кыргызов признавалась Минусинская котловина. Однако в целом Ю. С. Худяков внес неоценимый вклад в изучение средневековой истории кыргызского народа на енисейском этапе его развития. Гипотеза Ю. С. Худякова отличается от теории С. В. Киселева лишь первичным месторасположением цзянькуней (кыргызов), но в остальном мнения ученых совпадают. Если первый располагал кыргызов в Восточном Туркестане, то второй – в районе Кыргыз-нур в Западной Монголии. С. В. Киселев пишет, что кыргызы переселились на Енисей в эпоху хунну, а Ю. С. Худяков намного позже, в конце V в. н. э. По мнению Ю. С. Худякова, так же как и С. В. Киселева, после событий 840 года часть енисейских кыргызов переселилась на территорию Тянь-Шаня.

А. Н. Бернштам, В. А. Ромодин, В. Я. Бутанаев, О. К. Караев [87, 88, 92, 93; 424; 112, 114; 235, 239, 240] поддерживали мнение о поэтапном переселении кыргызов с Енисея на Тянь-Шань. Развивая гипотезы В. Радлова и В. В. Бартольда, они считали, что в IX–X веках кыргызы смогли организовать свое владение под названием Каркырахан на Тянь-Шане. А. Н. Бернштам локализовал владение Каркырахан и город под таким названием в Семиречье [91. – С. 21]. В. Ромодин и О. К. Караев, анализируя отрывок эпоса «Манас» С. Ахсикенди и другие источники, пришли к выводу, что речь идет о жителях древней области Каркырахан, центральными районами

которой были Таласская и Илийская долины. Ставка предводителя кыргызов находилась в районе современного города Мерке, где обнаруживались реки под названиями Каркыра и Кара-Кыштак [235].

О. К. Караев в своих работах доказывал, что часть енисейских кыргызов переселилась в составе войск Алп Сол Тепека и осела в Восточном Туркестане в IX–X веках. В последующем эта группа составила этническое ядро современного кыргызского народа. О. К. Караев писал: «Енисейские кыргызы, переселившиеся в IX веке (возможно и в последующие времена при кара-китаях и монголах), на Тянь-Шань, составили этническое ядро современного кыргызского народа» [242. – С. 54]. Он также отмечал, что «в Чагатайском улусе этноним «кыргыз» упоминается в 1307–1308 годах. По-видимому, они в то время кочевали где-то в северо-восточном Притяньшанье» [242– С. 53].

О. К. Караева поддержали ученые-историки Ю. С. Худяков, В. Я. Бутанаев, Т. К. Чоротегин, Т. Д. Джуманалиев, К. Табалдиев, М. Кожобеков и другие. Ученые основывались на сведениях исторических источников о военной экспедиции кыргызского генерала Алп Сол Тепека в Восточный Туркестан в 842–843 гг., которому удалось подчинить ряд племен и населенных пунктов в этом регионе [240. – С. 52]. По данным источников, Алп Сол Тепеку «… подчинились пять племен Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), дата (татары) и другие» [240. – С. 52].

Хакасский ученый В. Бутанаев придерживался теории поэтапной миграции енисейских кыргызов на Тянь-Шань. Он отмечал, что первая группа переселилась в эпоху Великодержавия. По собранным этнографическим материалам, значительная группа кыргыс-ондаров переселилась на юг, к озеру Изиг-хол [111. – С. 42–43], то есть в район Иссык-Куля. Он также попытался внести ясность в отношении терминов «хонгорай» и «хорай кыргыз». По его мнению, государство енисейских кыргызов в эпоху монголов стало называться Кангорай, что вызывает сомнения, так как Кангорай мог относиться к более раннему периоду истории енисейских кыргызов. Он отмечал, что в монгольскую эпоху у кыргызов произошла смена династий и ими стали управлять представители рода пюрют (бурут). В. Бутанаев также отождествил название минусинского сеока соххы с кыргызским этнонимом «соколок». Он полагал, что енисейские кыргызы были угнаны джунгарами в Прииртышье в начале XVIII века, откуда они мигрировали на Тянь-Шань [111. – С. 60].

Известный этнограф и манасовед И. Молдобаев, на основе изучения эпоса «Манас» и сопоставления его данных с историческими источниками, этнографическими и археологическими материалами, пришел к выводу, что кыргызы поэтапно мигрировали с Енисея на Тянь-Шань. Касаясь проблемы этногенеза кыргызов, он поддержал точку зрения Л. Н. Гумилева, который утверждал, что енисейские кыргызы могли образоваться не только в

результате смешения гяньгуней (цзянькуней) из Северо-Западной Монголии (озеро Кыргыз-нор) с динлинами, но и с хуннами. И. Молдобаев полагал, что эпос «Манас» подтверждает связь кыргызов с хунну. Он также отметил, что хуннские катакомбные могильники Тянь-Шаня и Ферганской долины имеют схожее устройство с описанием могилы при погребении Манаса в эпосе «Манас». Ученый полагал, что в XII веке, в связи с усилением кара-китаев, часть енисейских кыргызов мигрировала на Тянь-Шань [367. – С. 16–17, 26].

Третья — алтайская — теория происхождения кыргызского этноса была выдвинута К. Петровым и поддержана рядом исследователей, в том числе С. М. Абрамзоном [5], В. П. Мокрыниным [264], Б. Е. Кумековым [294] и А. М. Мокеевым [360]. Она основывается на предположении, что енисейские кыргызы в IX–X веках заняли Алтай, где впоследствии были поглощены кимако-кыпчакской массой. В своей гипотезе К. Петров опирался на сведения, приведенные в сочинении анонимного автора «Худуд аль-Алам», где говорится: «Каркар(а)хан — еще одна область, принадлежащая кимакам, и жители ее напоминают по своим обычаям хырхызов» [345. – С. 50]. Само сообщение «Худуд аль-Алам» действительно связывает область Каркар(а)хан с кимаками и одновременно отмечает близость ее населения к кыргызам по обычаям.

По мнению К. Петрова, енисейские кыргызы, заняв Алтай, вступили в тесное взаимодействие с местными племенами и в дальнейшем были поглощены кимако-кыпчакской массой. Эта масса, в свою очередь, унаследовала этническое имя «кыргыз», которое стало основой для обозначения нового этноса. Гипотеза К. Петрова, предполагающая двух- или трехэтапное переселение кыргызского населения из «Енисейско-Иртышского междуречья», исходит из того, что алтайские кыргызы первоначально заняли Или-Иртышское междуречье, а начиная с середины XIII века начали продвигаться к Центральному Тянь-Шаню. В соответствии с этой концепцией современные кыргызы не выводятся непосредственно из енисейских кыргызов; их основными предками рассматриваются алтайские кыпчаки, воспринявшие этноним «кыргыз» от господствующей группы — носителей и распространителей этого этнонима [391. – С. 88–91]. Тем самым гипотеза К. Петрова фактически предполагает преимущественно кимако-кыпчакскую основу формирования современного кыргызского этноса.

Ученые, поддерживавшие гипотезу К. Петрова, — В. Минорский, Б. Кумеков, С. Ахинжанов, А. Мокеев, В. Мокрынин и другие — локализовали область Каркырахан преимущественно в Восточном Казахстане. В. Минорский и Б. Кумеков связывали ее с районом современного города Каркаралинска в Восточном Казахстане. С. Ахинжанов полагал, что земли Каркырахана простирались от Иртыша до Балхаша и Алакуля на юге. В эту область, по его мнению, входили Тарбагатайский хребет, Чингизтауские и

Каркаралинские горы, где обнаруживались многочисленные топонимы, связываемые с эпосом «Манас» [53. – С. 157–158].

Вместе с тем Б. Кумеков допускал, что часть кыргызов в IX–X веках могла проживать и на Тянь-Шане. По его данным, кимаки имели общие границы с кыргызами как на Алтае, так и на Тянь-Шане, где последние в X веке контролировали ряд городов Восточного Туркестана [295. – С. 67]. В подтверждение этой точки зрения Б. Кумеков сопоставлял топонимы, упомянутые аль-Идриси, с известными географическими объектами — озером Гаган, которое он связывал с системой озер Алакульской впадины, и Гиргиром, отождествляемым с Тарбагатаем. В этом регионе он также локализовал город Банжар. Кроме того, ссылаясь на Шамс ад-Дина Суфи, Б. Кумеков писал о существовании отдельного племени кыркыр, земли которого находились между кыргызами и кимаками [294. – С. 66].

С. М. Ахинжанов и А. М. Мокеев исследовали также историю алтайского племени шары, которое, включив ябагу и другие племена, возглавило миграционную волну восточных кочевников на запад во второй половине XI века. А. М. Мокеев локализовал племя ябагу на реке Ямар, которую связывал с бассейном Катуни на Алтае. Он сопоставлял реку Ямар, упомянутую в трудах Махмуда Кашгари, с рекой Ябар на «Карте Рената-2», которую В. В. Бартольд отождествлял с алтайскими реками Омар или Умор. По мнению А. М. Мокеева, к XI веку одно из племен карлуков — ябагу, возродившись, сформировало небольшое княжество в районе реки Ямар [360. – С. 77–79].

А. М. Мокеев также высказывал мнение, что в монгольскую эпоху племена ябагу и йемеки были инкорпорированы в более могущественные племенные объединения, в том числе в среду алтайских кыргызов. В подтверждение этого он сопоставлял название алтайского рода ябак с именем одного из подразделений кыргызского племени саруу — жабагы [360. – С. 66–67, 78–79]. Он также разделял мнение исследователей, локализовавших Каркырахан на Алтае, и допускал, что в эпоху султана Санжара кыргызы могли участвовать в войнах против кара-китаев в Ферганской долине на стороне огузов [360. – С. 72]. Вместе с тем А. М. Мокеев считал, что переселение кыргызов с Алтая на Тянь-Шань началось лишь в XV веке и продолжалось до XVIII века [360. – С. 126–248].

Однако гипотеза К. Петрова о поглощении енисейских кыргызов кимако-кыпчакской массой не вполне согласуется с современными данными популяционной генетики. Генетические исследования свидетельствуют о существенных различиях в структуре мужских линий кыргызов и кимако-кыпчакских популяций. Для кыргызов характерна высокая частота гаплогруппы R1a-Z93, доля которой в отдельных исследованных выборках составляет около 63%, тогда как среди ряда кимако-кыпчакских групп отмечается присутствие преимущественно гаплогрупп R1b. Данное различие

позволяет предполагать сохранение значительного компонента древнего кыргызского генофонда и не подтверждает представление о полном растворении кыргызов в кимако-кыпчакской среде.

Не вполне убедительной представляется и интерпретация К. Петровым сообщения анонимного автора «Худуд аль-Алам», согласно которому: «Каркар(а)хан — еще одна область, принадлежащая кимакам, и жители ее напоминают по своим обычаям хырхызов» [345. – С. 50]. В данном сообщении, вероятно, речь могла идти об алтайских племенах, которые длительное время находились под влиянием кыргызов и поддерживали с ними тесные этнополитические и этнокультурные связи. Вследствие этого они могли воспринимать и усваивать отдельные кыргызские обычаи и традиции. Само по себе указание на сходство обычаев с кыргызскими, прежде всего, может свидетельствовать о значительной роли кыргызов на Алтае, а не об их второстепенном положении, которое предполагало бы возможность их последующего поглощения кимако-кыпчакской массой.

Вместе с тем источники позволяют говорить о длительном присутствии кыргызского компонента на Алтае. Здесь с древних времен проживали азы, которые участвовали в формировании Западнотюркского и Тюргешского каганатов, а позднее вошли в состав Великого Кыргызского каганата.

Весьма важное значение в этом отношении имеют сведения Гардизи, подтверждающие присутствие кыргызов в Алтайском регионе. По его сообщению, правитель кыргызов Емке подчинил себе огузов и дал им имя «кыргыз» [78. – С. 43, 46–48]. Автор полагает, что после событий 840 г. кыргызы заняли Алтай и включили в свой состав определенные огузские группы, что противоречит концепции К. Петрова о поглощении кыргызов кимако-кыпчакской массой на Алтае. Сведения Гардизи, прежде всего, свидетельствуют о господстве кыргызов на Алтае и показывают, что они сами могли включать в свой состав различные этнические компоненты, а не быть объектом ассимиляции со стороны кимаков и кыпчаков.

Следовательно, этнический состав кыргызского сообщества мог формироваться в результате сложных процессов политической интеграции, включения и консолидации различных групп. Это существенно отличается от представления К. Петрова о том, что кыргызы, оказавшись на Алтае, были преимущественно поглощены кимако-кыпчакской массой.

Автор полагает, что кыргызы не могли быть полностью поглощены кимако-кыпчакской массой. Согласно китайским хроникам, интерпретированным Ютайшанем, кыргызы жили на Алтае еще в X в. до н. э. Енисейские кыргызы могли встретить здесь древние кыргызские группы и, смешавшись с ними, способствовать их усилению. Кыргызы с древних времен кочевали от Ангары до Кангая и Алтая. Ими могли быть бурут-кыргызы, которые отмечены Рашид ад-Дином под именем агач-эри, которых

он располагал рядом с притиртышскими хазладжи и алтайскими кыпчаками [421. – С. 83; 47. – С. 54]. Название «агач-эри» может соответствовать имени племени алтайских кыргызов бага, почитавших, согласно Гардизи, священные деревья. Этноним «агач-эри» также сопоставим со вторым названием кыргызов «бурут» («лесной народ»), а также с этнонимами «бурят» и тыва-кижи, имеющими сходное значение.

Автор считает, что это может быть не случайным совпадением, а отражением древних связей кыргызов с населением Алтая. Возможно, потомки агач-эри сохранились в составе кыргызского племени саяк под именем кулжыгач («могущественное дерево») [60.-С.96.] и передали одну из версий генеалогического предания, известного по сведениям Гардизи. В этой связи автор рассматривает агач-эри как возможных предков команов-кимаков и кыпчаков, происхождение которых связывается с сакральным термином «кобук».

Отсюда происхождение кимаков и кыпчаков автор рассматривает в связи с агач-эри, а комано-кимакские антропонимы «Кобяк» и «Кончак» сопоставляет с термином «кобук» — «дупло», «полость», упоминаемым как один из сакральных элементов в генеалогическом предании о происхождении кыпчаков. Абу-л-Гази отмечал: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют “кыпчак”» [6. – С. 43]. Автор полагает, что имя Кобяк и другие формы этнонимов и антропонимов куманско-кыпчакского мира могут восходить к древнетюркскому корню qobuq (кобук) со значением «полость, дупло». Данный корень мог иметь различные фонетические варианты, отраженные в этнонимах Qobuq/Kobuk, Qobaq/Kubak, Qïpaq/Кипак, Qïpčaq/Кыпчак и, возможно, Qïmaq/Кимак. По мнению автора, «кыпчак» мог быть связан с древнетюркским обозначением полого дерева — «кобук» — или его кыргызскими соответствиями «куу жыгач», «куу агач» и «куу бак», а также тувинским «ойбак».

Данная гипотеза требует дополнительного лингвистического и источниковедческого обоснования, однако в контексте рассматриваемых процессов она позволяет обратить внимание на возможное участие кыргызского компонента в формировании этнополитической среды Алтая.

В отличие от кимаков и кыпчаков, значительная часть которых в последующие столетия продвигалась на запад, кыргызские группы сохраняли свои позиции в Саяно-Алтайском регионе и одновременно пополнялись за счет новых восточных миграционных потоков, в том числе, своих соплеменников. В результате Алтай мог выступать не только территорией взаимодействия кыргызов с кимако-кыпчакскими группами, но и важным пространством их политической и этнической консолидации.

По утверждению С. Г. Кляшторного, в рунических надписях этого периода правитель алтайских кыргызов носил титул ябгу [269. – С. 63]. Сведения о деятельности Алп Сол Тепека также свидетельствуют об

усилении кыргызского присутствия на Алтае и сопредельных территориях. После успешного военного похода в Восточный Туркестан Алп Сол Тепек, по утверждению С. Г. Кляшторного, переселился на дарственные земли в районе Алтая и Тувы. В результате численность кыргызского населения в этих районах могла увеличиться за счет воинов Алп Сол Тепека, осевших здесь вместе со своими семьями и соплеменниками. На это, по мнению С. Г. Кляшторного, указывают рунические надписи с р. Бегре — правого притока Бий-Хема [269. – С. 63].

Алтайские кыргызы на севере поддерживались енисейскими кыргызами, на востоке, в районе Танну Ола и Хангая, — военным гарнизоном Алп Сол Тепека, владением Каньчжоу (Кэмэкмджиут) в Западной Монголии и владением Ус на Ангаре, откуда отдельные кыргызские группы могли продвигаться на запад, в том числе в направлении Алтая. Усиление кыргызского присутствия на Алтае создавало предпосылки для формирования здесь самостоятельной кыргызской области Каркырахан, которая могла существовать еще до образования кимакского союза племен.

С. Г. Кляшторный считал Алп Сол Тепека историческим прототипом хана Манаса в кыргызском эпосе. По его мнению, усиление кыргызов на Алтае создало историческую основу для формирования эпического повествования об Алп Манасе, сопоставляемом в тюркской эпической традиции с Алпамышем и в научной литературе — с образом Манаса [269. – С. 64].

События последующего периода также свидетельствуют о значительной роли кыргызов на Алтае. Автор отмечает, что в словаре Махмуда Кашгари алтайские кыргызы представлены как самостоятельное владение, имеющее ведущее положение и влияние на Алтае. Они были в числе инициаторов создания союза против кара китаев. Махмуд Кашгари информировал о союзе трех алтайских племен — кыргызов, ябагу и кыпчаков, объединившихся для противодействия экспансии каракитаев. Автор отождествляет кыргызов Махмуда Кашгари с аз-шарийа ал-Марвази, рассматривая их как одну из групп, возглавивших новую волну миграции восточных кочевников на запад в XI в.

По мнению автора, аз-шарийа (шары) могли представлять собой языческую группу, родственную семиреченским азам, и первоначально мигрировать в земли своих сородичей в Таласской долине. Однако восточная часть этой группы, опасавшаяся обращения в ислам, позднее переселилась и обосновалась в восточных приграничных землях Караханидского каганата [53. – С. 185]. Шабангараи поместил племена сарих и ягма к западу от кыргызов [396. – С. 64], в районе средневекового города Ямгур в бассейне р. Манас в Илийской долине западнее Бешбалыка [469. – С. 45; 565.-С. 272, 292]. Возможно, сарихи пришли в земли, населенные языческими кыргызами. Автор считает, что именно об этих кыргызах

сообщал Марвази, когда писал, что кыргызы, оказавшись в соседстве с мусульманами, приняли ислам [239. – С. 58–59].

В дальнейшем шары/сарихи и кыргызы могли вступить в более тесное этнополитическое взаимодействие с населением Восточного Туркестана и участвовать в борьбе против каракитаев, в том числе в составе войск Караханидов — Ахмада Харуна (1103–1130) и его сына Ибрагима Ахмада (1130–1156). В связи с этим автор предлагает рассматривать миграцию аз-шарийа на запад в контексте формирования тройственного союза кыргызов, кыпчаков и ябагу, направленного против каракитайской экспансии. В данном случае различные по своему происхождению и религиозной принадлежности группы могли консолидироваться перед лицом общего политического противника.

Связь шары-половцев с кыргызским компонентом прослеживается также в некоторых мамлюкских источниках. В одном из рассказов упоминается противостояние сына кимакского хана Котяна — Мангуша из племени дурут — с Аккубулом, правителем токсоба [494. – С. 126–129]. Некий Джамгар выступал союзником Котяна. Название племени дурут (тортуул) может свидетельствовать о связи Мангуша с четырехсоставными азами — торт ас — Алтая. Антропоним «Мангуш» вполне сопоставим с названием одного из аристократических родов кыргызов — мунгуш.

Автор также обращает внимание на возможное тождество антропонима «Джамгар» [494. – С. 126–127] с названием средневекового города Ямгур в бассейне р. Манас в Илийской долине западнее Бешбалыка [469. – С. 45; 566.-С. 272, 292], а также с именем эпического персонажа Жамгырчы — союзника Манаса в кыргызском эпосе. В рамках предлагаемой гипотезы это может указывать на район, из которого началось движение отдельных предков Котяна. В таком случае нельзя исключать их связь с Или-Таласскими кыргызами, вовлеченными в миграционные процессы восточных кочевников, связанные с аз-шарийа.

С. Ахсикенди в «Маджму ат-Таварих» упоминает Аккубула (Ак уула) как родоначальника правого крыла кыргызов и относит Монгуша (мунгкуша) к числу его аристократических родов, тогда как саруу называет одним из крупных объединений левого крыла [345. – С. 225]. Этноним «аз-шарийа» традиционно отождествляется с половцами. Их союзников ябагу («пегий жеребенок») можно сопоставить с названием половецкого племени кулоба ~ кулобичи ~ колоба ~ колобичи, известного среди донецких половцев; в частности, в источниках упоминается Садвака Кулобича в 1182 и 1185 гг. [383. – С. 39–40]. В свою очередь, аз-шарийа могут быть сопоставлены с кыргызским племенем саруу, тогда как кулобо (ябагу) — с родовым подразделением саруу култай или кулатай («пегий жеребенок»), а также с родом кулатай у казахских кыпчаков [18. – С. 5–6, 155, 484–485].

Таким образом, приведенный комплекс источников позволяет рассматривать Алтай не как место растворения кыргызов в кимако-кыпчакской среде, а как одно из важных пространств длительного кыргызского присутствия, политического взаимодействия и этнической консолидации. В этой связи гипотеза К. Петрова о полном поглощении енисейских кыргызов кимако-кыпчакской массой представляется весьма сомнительной.

Таким образом, рассматривая миграционные и этнические процессы в Притяньшанье и сопредельных регионах в VIII–XIV вв., можно заключить, что они сыграли важную роль в политической и этнической истории кочевых племен и народов не только Притяньшанья, но и сопредельных регионов. В настоящей работе исследуются миграции енисейских кыргызов на запад, их участие в этнических процессах Притяньшанья и прилегающих регионов, а также их роль в консолидации кыргызского этноса на тяньшаньском этапе его развития.

Настоящая работа является завершающей частью комплексного исследования, включавшего ряд монографий и научных статей, посвященных анализу сведений о кыргызах и родственных им племенах, содержащихся в древних и средневековых источниках. Особое внимание уделено миграционным процессам восточных племен на запад, а также их этногенетическим, этнополитическим и этнокультурным связям с различными народами и племенными объединениями, включая нушиби, дулу, огузов, тюргешей, азов, тухсы, аргу, отуз огланов, чигилей, ягма, карлуков, кимако-кыпчаков, кераитов, канглы, моголов, племена союза аз-ширинов и др.

В рамках данного исследования рассматриваются история и этногенез кыргызского народа в контексте миграционных и этнических процессов кочевых племен Притяньшанья и сопредельных регионов в тюркский и монгольский периоды. Основной целью исследования является анализ миграционных процессов и их влияния на изменение этнополитической ситуации, а также на формирование новых государственных и этнических образований в Притяньшанье и прилегающих регионах в VIII–XIV вв.

Основные задачи исследования включают:

– анализ миграционных процессов и их влияния на енисейских и тяньшаньских кыргызов, а также на другие группы номадов Притяньшанья и сопредельных регионов в VIII–XIV вв.;

– оценку влияния миграционных волн кочевников на этнические процессы, формирование новых племенных союзов, государственных образований и этнополитических объединений;

– рассмотрение процессов тюркизации Притяньшанья и сопредельных регионов в исследуемый период.

В историографической части работы проанализированы данные китайских хроник, античных источников, орхоно-енисейских и таласских рунических надписей, а также сведения средневековых авторов, таких как М. Кашгари, Н. Бекран, Рашид ад-Дин, Ибн Вали, Муин ад-Дин Натанзи, Утемиш Ходжи, С. Ахсикенди и др. Использованы также фольклорные произведения, включая эпос «Манас», и генеалогические сведения о кыргызских племенах. Новые сведения о кыргызах на Алтае в монгольский период были получены, в частности, из трудов Рашид ад-Дин, Ибн Вали, Муин ад-Дин Натанзи, Утемиш Ходжи, С. Ахсикенди.

Автором также проанализированы основные миграционные волны, зафиксированные в исторических источниках. Первая волна миграции была связана с реваншистской политикой II-Восточнотюркского каганата. Вторая относится к эпохе Кыргызского Великодержавия. Третья волна была связана с движением племен аз-шарийа. Четвертая охватывала эпоху монгольских завоеваний и последовавших за ними миграционных процессов.

Таким образом, исследование охватывает основные этапы миграционных и этнических процессов, происходивших в Притяньшанье и сопредельных регионах в тюркский и монгольский периоды, с целью выявления их влияния на формирование кыргызского этноса и его взаимодействие с соседними народами.

В научной литературе велась и продолжает вестись активная дискуссия по каждой из указанных миграционных волн, их влиянию на изменение этнополитической ситуации, этнические процессы и тюркизацию отдельных регионов Центральной Азии, охваченных движением восточных кочевников на запад, включая Притяньшанье, Саяно-Алтай и Северный Кавказ.

Вместе с тем проведенный анализ позволяет предположить, что процессы тюркизации Саяно-Алтая и Тянь-Шаня начались значительно раньше, чем это обычно предполагается в историографии. На это, по мнению автора, указывают сведения о ранних связях предков тюрков с племенами лебедь (ку-хэ) и цигу, относившимися к области Со. Следовательно, уже в древности племена лебедь и цигу, проживавшие в пределах области Со, могли представлять собой тюркские или прототюркские объединения в рамках скифского общества.

Автор отождествляет страну азов «Йирим Аз» («владение Аз») [284. – С. 12; 111. – С. 71], упоминаемую в рунических надписях, с владением аримаспов античных источников. На этой основе предлагается гипотеза о том, что процессы тюркизации Саяно-Алтая и Тянь-Шаня могли начаться задолго до эпохи ашина-тюрков.

В работе также предпринята попытка проанализировать миграцию восточных кочевников на запад в период реваншистской политики II-Восточнотюркского каганата. Автор разделяет мнение исследователей,

полагавших, что после гибели Барсбек-кагана азы, тюргеши и часть енисейских кыргызов мигрировали на запад [200. – С. 78] и возвратилась на Тянь-Шань. Здесь они смогли возродить свою политическую организацию и создать новое государственное образование во главе с Сулук-каганом, носившим титул карахан и происходившим из племени тухсы.

Эти политические процессы сопровождались миграцией ряда восточных племен в земли тюргешей. В Семиречье также переселились уч-карлуки-чигили, булаки, ташили, чумугуни, ягма и другие племена. В IX–X вв. к ним присоединились енисейские кыргызы, продвигавшиеся на запад вслед за тогуз-огузами, покинувшими эти территории несколько ранее. Новая миграционная волна, по-видимому, способствовала перемещению части азов, кыргызов, кангаро-печенегов и других племен Семиречья. Часть этих групп продолжила движение в сторону Хорезма и Прикаспийских степей, а затем через Северный Кавказ — в Причерноморье, Крым, Кубань и другие регионы.

Отметим, что одной из особенностей очередной волны миграции восточных племен на запад стало переселение азов в Семиречье, что впоследствии могло сыграть положительную роль в развитии и консолидации местных племен вокруг азов и тухсы в период правления Сулук-кагана, а позднее — в эпоху Караханидского каганата. В научной литературе азы традиционно отождествлялись с кыргызами. Утвердилось мнение о том, что азы представляли собой аристократический род енисейских кыргызов. В связи с этим большинство исследователей связывают миграцию азов на запад с миграцией кыргызов [200. – С. 78], в том числе в период реваншистской политики правителей II-Восточнотюркского каганата.

В работе автор рассматривает проблему этногенетических и этнополитических связей азов и кыргызов на основе анализа сведений об азах в таласских рунических надписях, согласно которым они проживали по соседству с отуз огланами в долине реки Талас. В одной из таласских надписей отмечается: «За перевалом Ата агыз – азы» [81. – С. 29]. Данное свидетельство указывает на то, что азы, наряду с отуз огланами, являлись одним из основных племен долины реки Талас.

Следовательно, можно предполагать, что таласские рунические надписи принадлежали азам и отуз огланам, которые сыграли значительную роль в этногенезе тяньшаньских кыргызов. В связи с этим автор рассматривает отуз огланов как одно из основных объединений древних азов и енисейских кыргызов, которое впоследствии слившись с племенами нушиби, создали новый племенной союз в долине реки Талас.

С учетом того, что в научной литературе древние азы признаются аристократическим родом енисейских кыргызов, автор предлагает рассматривать отуз огланов как аристократический род семиреченских азов,

то есть кыргызов. Отуз огланы сыграли важную роль в этногенезе не только тяньшаньских кыргызов, но и китайских кыргызов [5. – С. 88]. В родословной кыргызов, приведенной С. Ахсикенди, некий Отуз огул указан как общий предок правого, левого крыла и ичкилик кыргызов.

В научной литературе появлении группы отуз огланов одни ученые связывают с Западнотюркским каганатов, другие же эпохой Кыргызского Великодержавия. Автор поддерживает мнения ученых, связывавших появление отуз огланов в IX-Хвека, когда енисейские кыргызам необходимо было защищать свои интересы и интересы манихейцев региона от экспансии Саманидского государства, которые захватили долину реки Талас в X веке. Автор считает, что Кыргызский каган в это время создал специальную группу манихеев для защиты их интересов в Таласской долине. Он же взял под свое покровительство правителя карлуков Огулчак Кадыр хана, который в 893 году перенес свою ставку в город Кашгар, в окрестностях которого уже жили ягма и кыргызы.

Важно отметить, что в историографической части работы автору удалось проанализировать и сопоставить рунические надписи, посвященные кыргызскому кагану Барсбеку, его союзнику — князю тюргешей Ченгбеку из тюргешского племени эзгене [118. – С. 63; 25. – С. 23], а также кагану Тиригбеку [284. – С. 122; 118. – С. 64–65; рис. 44], который правил енисейскими кыргызами в период противостояния Кыргызского каганата и Тогуз-огузского государства в середине IX века. Автор соглашается с мнением В. В. Бутанаева, сопоставившего тюргешский этноним «езгене» [118. – С. 63] с названием кыргызского племени адыгине [118. – С. 63–64; 25. – С. 23]. В своих исследованиях, поддерживая гипотезу В. Я. Бутанаева, автор рассматривает езгене как вариант западнотюркского этнонима асиги и кыргызского этнонима азык, а последний, в свою очередь, — как вариант адыгине [18. – С. 152–153, 160, 535–536], реконструируя его в форме «азыгине» [25. – С. 23]. Таким образом, можно провести параллель между этнонимами эзгене, асиги, азык/ине и адыг/ине.

Сопоставив рунические тексты памятника Тиригбека с отуз-огланскими надписями, обнаруженными в долине реки Талас, автор приходит к выводу об их значительном сходстве. Кроме того, в отдельных фрагментах текстов прослеживается близость к мотивам эпоса «Манас». Так, в надписи Тиригбека и в отуз-огланских текстах говорится о тридцати и сорока воеводах-сподвижниках кыргызского кагана или вождя, постоянно сопровождавших его. В эпосе «Манас» также упоминаются сорок витязей и тридцать сподвижников Манаса [335. – С. 180–181, 502–505]. Это позволяет предположить, что кыргызы могли быть авторами части орхоно-енисейских рунических надписей.

В контексте изучения рунических надписей автор также проанализировал происхождение и содержание надписи, оставленной

кыргызским военачальником Алп Сол Тепеком. Еще при жизни он собственноручно высек на скале в районе долины р. Тэс в районе Танну Ола в Северо-Западной Монголии следующие слова: «Я, Тепек Алп Сол, это написал. Я пребывал тогда в добром здравии». Надпись была обнаружена в 1975 г. в долине р. Тэс. Согласно ее прочтению С. Г. Кляшторным, в этом районе располагался военный гарнизон Алп Сол Тепека, осуществлявший контроль над Орхонской долиной и прилегающими территориями [173. – С. 373]. Данная надпись свидетельствует о распространении рунической письменности среди кыргызов и, в совокупности с другими эпиграфическими материалами, может служить аргументом в пользу кыргызского происхождения или принадлежности части рунических памятников Саяно-Алтайского и Центрально-Азиатского региона.

Отдельной проблемой, рассматриваемой в работе, является эпоха Кыргызского Великодержавия, когда кыргызы уничтожили Тогуз-огузский каганат на Орхоне и установили свое господство в значительной части Центральной Азии. Особое внимание уделяется миграции кыргызов на запад — в Алтай и Тянь-Шань, а также на восток — в Орхонский регион. Анализируются исторические источники, в том числе сочинение анонимного автора «Худуд ал-Алам», труды Истахри, аль-Идриси, Н. Бекрана и других авторов, освещающие миграционные процессы в Притяньшанье и сопредельных регионах.

Согласно источникам, в IX–X веках, в период новой волны миграции восточных кочевников, кыргызы начинают упоминаться значительно чаще. Часть из них мигрировала в составе войск кыргызских генералов Алп Сол Тепека (842/43 гг.) и Або (848 г.) на Тянь-Шань. В сочинении анонимного автора «Худуд аль-Алам» (X век) сообщается об успехах кыргызской армии в Восточном Туркестане. Источник отмечает: «Им подчинились пять племен: Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), дата (татары) и другие» [324. – С. 101]. Здесь же кыргызы упоминаются в районе стратегического города Кашгара, где они соседствовали с ягма [162. - С. 360.], а в Илийской долине — с тухсы, чигилями и другими племенами [237.-С.70; 27.-С. 44].

В целом в IX–X веках кыргызы контролировали огромную территорию, простиравшуюся от Амура до Каспийского моря и Волги, где располагалась страна Хешдек. На этой территории уже в то время сформировались три центра компактного проживания этносоциальных групп кыргызов, объединенных общей историей, культурой и языком. Первая группа проживала на территории современного Башкортостана. О ее присутствии может свидетельствовать, в частности, название реки Манашты (Манас), сохранившееся в районах компактного проживания башкирских кыргызов. Вторая группа проживала в Орхонском регионе, где в северо-западной Монголии и ныне сохраняется название города Манас. В указанных районах существовали родоплеменные группы под названием

кыргыс, представлявшие, по-видимому, осколки енисейских кыргызов, сохранившие свое этническое имя в монгольской среде. Третья этносоциальная группа кыргызов обитала в районе реки Манас в Илийской долине и Восточном Туркестане. Сюда также относилась группа отуз оглан, азы, аргу, которые располагались в долине реки Талас.

Таким образом, в IX–X веках кыргызы, по мнению автора, существовали в пределах своеобразного «треугольника Манаса», центром которого была Минусинская котловина, закрепив за собой это пространство как единое этнокультурное поле. В эпоху Кыргызского Великодержавия кыргызы смогли сформировать за пределами Минусинской котловины три крупных этнокультурных центра — на Алтае, в Западной Монголии и Восточном Туркестане. Это, по мнению автора, подтверждает положение о том, что кыргызы как этнос сложились еще в эпоху Барсбек-кагана, а в период Кыргызского Великодержавия расширяли свои владения, мигрировали, осваивали новые территории, вступали в этнические контакты с соседними и покоренными народами и включали в свой состав новые этнокомпоненты.

В то же время на завоеванных территориях Алтая, Западной Монголии и Орхонского региона кыргызы укрепляли свои позиции, создавая новые владения и включая в свой состав различные этнокомпоненты. В результате к востоку от Енисея сформировались новые союзы племен — усинцев, кераитов, найманов, меркитов, татар, онгутов и других, — которые впоследствии сыграли важную роль в формировании союза племен цзубу, одной из основных задач которого было противостояние иноземной кара-китайской экспансии.

Рассматривая проблему этнической принадлежности основателей Караханидского каганата, автор выдвигает гипотезу о тухсыйском происхождении караханидской династии. Согласно источникам, тухсы и азы имели самостоятельные улусы в рамках Карлукского каганата, что, вероятно, могло подтолкнуть их к борьбе против карлукского ябгу. Азы и тухсы поддерживали тесные этнополитические связи с енисейскими кыргызами. В сочинении анонимного автора «Худуд ал-Алам» (X в.) в одном месте кыргызы упоминаются как соседи ягма в районе города Кашгара, а в другом одна из групп кыргызов помещается рядом с тухсы, которые, согласно источникам, считались господствующим племенем в долине реки Талас со времен Истеми-кагана. Отсюда можно предположить, что в IX–X вв. кыргызы заняли окрестности Кашгара и контролировали значительную часть Центрального Тянь-Шаня. Следовательно, тухсы и азы Семиречья могли слиться с енисейскими кыргызами, что способствовало укреплению их политической роли в Карлукском каганате. В результате они свергли власть карлукского ябгу и в 940 году создали собственное государство на Тянь-Шане.

Этнографические материалы также подтверждают этногенетические и этнокультурные связи азов и тухсы с кыргызами. В родоплеменном составе кыргызского племени чон багыш встречаются родовые подразделения азыгаалы (азыг + аалы — «потомки азов») и тынчин («тухсы»), что может указывать на существование тесных этногенетических и этнополитических связей между кыргызами, азами и тухсы в IX–X веках. В родоплеменном составе бугу и сары багыш также встречаются осколки тухсы, представленные под названиями токоч и токо [60. См. таблицы племен].

Автор проанализировал сведения, содержащиеся в книге М. Кашгари «Дивани лугат ат-Турк», где упоминаются три тяньшаньских племени — тухсы, чигиль и ягма, имевшие тесные этнополитические и этнокультурные связи. По мнению автора, среди них тухсы занимали особое положение и со времен Истеми-кагана считались аристократическим племенем на Тянь-Шане. Тухсы и азы являлись лидерами среди манихейских общин в регионе. Поэтому именно тухсы имели больше возможностей для формирования Караханидского каганата. Чигили и ягма, в свою очередь, могли выполнять роль вспомогательных племен при кагане, подобно тому, как это происходило в улусе Тайбуга, где такую роль выполняли салджугиты и конграды [18. – С. 465, 468], а также в Золотой Орде, где аналогичное положение занимали аз-ширины и мангыты [18. – С. 468].

В рамках исследования были проанализированы исторические источники, касающиеся саяно-алтайского и тяньшаньского периодов развития кыргызского этноса. Для характеристики алтайского периода использованы сведения Гардизи в сочинении «Зайн ал-Ахбар» [282. – С. 43] об этнополитических связях кыргызов с огузами, отражающие процессы миграции, консолидации, слияния и возрождения кыргызских племен на Алтае в IX–X веках. Автор предполагает, что взаимоотношения кыргызов и огузов, описанные Гардизи, оказали влияние на последующие исторические события, связанные с миграцией кыргызских, огузских и карлукских племен на Тянь-Шань в IX–X веках.

Согласно Гардизи (XI в.), кыргызами управлял некий незрячий славянин Эмке, сын Яфета. Сообщается, что Эмке заключил союз с хазарами, затем откололся от них, сблизился с башкирами, а впоследствии и от них отделился, начав жить самостоятельно. Далее говорится, что Эмке собрал кыргызов и огузов и дал вновь образованному народу имя «кыргыз» [78. – С. 46–48]. Следовательно, после событий 840 года кыргызы могли занять Алтай, где начался процесс консолидации кыргызских групп, продвигавшихся в западном направлении. В этот период кыргызы могли включить в свой состав ряд алтайских племен — огузов, мундузов, чаруков, карлуков и ябагу. В дальнейшем эти группы постепенно и поэтапно мигрировали на Тянь-Шань.

В исторических источниках сообщается, что чаруки уже в X веке находились на Тянь-Шане. В хотано-сакском документе-свитке, датируемом 925 годом, говорится о группе племени чаруков, проживавшей по соседству с родами телесских и тардушских объединений в районе Каратата или Кара-Тага (возможно, реки Каратал) в провинции Ганьсу, которая позднее вошла в состав государства Караханидов. Одна из групп чаруков, составлявшая западную ветвь, обитала в районе города Тараз [446. – С. 124], в долине реки Талас. Примечательно, что чаруки появляются в источнике вскоре после того, как в 924 году кидани вторглись в восточные земли Великого Кыргызского каганата, в Орхонский регион. Не исключено, что именно с этого времени кыргызские группы, инкорпорировавшие отдельные теле-тардушские и огузские компоненты, постепенно начали продвигаться на запад. Имя чаруков устойчиво ассоциировалось с Таразом. Фирдоуси писал о Таразе как о «городе славных и благословенных тюрок-чаруков и как о городе хаканцев» [446. – С. 124].

Очевидно, чаруки Тараза, мундузы [18. – С. 237; 446. – С. 124] и кыргызы области Каркыра, о которых сообщает С. Ахсикенди [58. – С. 44–45], могли быть связаны с населением страны Хакания (сокращенно от Каркыра-Хакания), упоминаемой М. Кашгари [18. – С. 237; 446. – С. 124]. Позднее чаруки вошли в родоплеменной состав кыргызского племени мундуз под названием жарыке [5. – С. 64].

Сведения Фирдоуси о племени чаруков, проживавших в Таразе [446. – С. 124; 272. – С. 131], могут служить свидетельством того, что еще на востоке кыргызы вступили в тесные контакты с огузами и начали продвигаться вслед за ними. В связи с этим миграцию огузов и кыргызов следует рассматривать в контексте движения Сельджука, который, прибыв в Семиречье, привел с собой множество восточных тюркских кочевников, в том числе огузов, кыргызов, теле-тардушские группы, чаруков и мундузов. Часть этих племен, вероятно, еще на Алтае была инкорпорирована в состав алтайских кыргызов.

Таким образом, западная группа чаруков могла отделиться от теле в районе Каратала (Восточный Туркестан) и в купе с кыргызами продвинуться в долину реки Талас. Следовательно, в X веке кыргызы занимали Или-Таласскую долину. Стало быть алтайские чаруки, мундузы вместе с кыргызами мигрировали из области Каркырахан на Алтае в долину реки Талас, где располагались отуз огланы, чаруки и мундуз, которые вероятнее всего жили в области Каркыра, упоминаемой С. Ахсикенди. Миграция восточных племен, вероятно, проходила по следующему маршруту: Енисей — Ангара — Йитал (Улуг хем) — Кыргыз-нур — Алтай — Каратал — Кашгар — Талас.

Следовательно, после событий 840 года кыргызы могли мигрировать на запад наступая на пятки огузам, следуя за их миграционной волной и

включая отдельные замыкающие теле-тардушские и огузские группы в свой состав. Это мнение может быть сопоставлено с генеалогией родоначальника огузов Сельджука, приведенной в книге Гамдаллаха Мустафы «Тарихи Гузиде». Согласно этому источнику, происхождение Сельджука связывалось с племенем кабак, обитавшим по соседству с богу (бугу) и канглы [48. – С. 308]. Сельджук служил военачальником у местного правителя по имени Богу (Бугу), но позднее переселился за Сырдарью, где возглавил огузов. На новом юрте Сельджука преобладали канглы. При этом огузы называли чигилями кочевников, живших по другую сторону Сырдарьи. Автор считает, что огузы использовали манихейский термин «чигиль» в качестве обозначения мусульманского населения Караханидского государства, с чем не соглашался М. Кашгари, поясняя, что «это ошибка» [257. – С. 304; 26. – С. 2285].

Автор сопоставляет название аристократического клана сельджуков «кыныk» с именем родоплеменного подразделения кыргызского племени бугу — кыдык/кадык/канды [60. – С. 115], что, по его мнению, может косвенно свидетельствовать о связи Сельджука с племенами богу/бугу, кабак и канглы [48. – С. 308, прим. 3]. По мнению автора, кабак, бугу и канглы вместе с енисейскими кыргызами и огузами составляли основное население владения Кабак, где последние проживали еще со времени Кыргызского Великодержавия. Примерно в этот же период часть населения могла переселиться в долину реки Талас и горные районы Тянь-Шаня, где, согласно М. Кашгари, Кабаком назывался горный проход между Кашгаром и Узгеном [259. – С. 363].

В качестве дополнительного подтверждения своей гипотезы автор обращается к сведениям С. Ахсикенди, согласно которым кыргызы жили в области Кабак [58. – С. 82], в землях Анга-Торе в Прииртышье, где в IX–X веках располагалось кимакское владение Каркырахан, «…чьи жители по своим обычаям напоминали кыргызов» [345. – С. 50]. В то же время в другом месте своего сочинения С. Ахсикенди сообщает о местностях Кабак и Каркыра, которые представлены как центральные области проживания кыргызов [58. – С. 44–45, 48, 55].

Все эти сведения, по мнению автора, указывают на то, что упоминаемые в источниках названия областей Каркырахан и Кабак, с одной стороны, и Каркыра и Кабак — с другой, могли быть связаны с местами пребывания кыргызских, теле-тардушских и тюрко-огузских племен на Алтае и Тянь-Шане в IX–X веках, то есть еще до периода политического возвышения кимаков и формирования Кимакского каганата.

Анализ источников показывает, что тюркские племена — огузы и кыргызы, последовавшие за Сельджуком, — в источниках обозначались как огузы. Те же группы, которые остались по другую сторону Сырдарьи, впоследствии стали известны как кыргызы. По свидетельству С. Ахсикенди,

при султане Санжаре сельджуки-огузы и кыргызы состояли в военно-политическом союзе, направленном против каракитаев [360. – С. 72]. С. Ахсикенди связывает происхождение кыргызов с сорока огузами, которые под предводительством имама Джафара Садыка вели религиозную борьбу с кафирами (неверными) в Восточном Туркестане. Потерпев поражение, предки кыргызов бежали в Узген и поступили на службу к султану Санжару.

С. Ахсикенди также упоминает некоего имама Ибрахима, который для борьбы с каракитаями создал правое и левое крыло кыргызов [345. – С. 222–223, прим. 22]. О. Караев и М. Кожобеков проводили параллели между этим имамом Ибрахимом и «верховным правителем восточных караханидов Ибрагимом ибн Ахмедом» [239. – С. 60–61]. Однако, по мнению автора, под именем имама Ибрахима могут скрываться два правителя Караханидской династии — Ахмед Харун (1103–1130) и его сын Ибрагим Ахмед (1130–1156), которые возглавляли войско, опираясь в том числе на силы кыргызов. Вместе с тем автор считает, что инициатива формирования правого и левого крыла кыргызов для борьбы с каракитаями, вероятнее всего, связана с Ахмедом Харуном. В 1128 году он нанес каракитаям сокрушительное поражение близ Кашгара и умер в 1130 году.

В эпоху Ахмеда Харуна алтайские племена, по-видимому, уже были объединены под знаменем алтайских кыргызов для противодействия каракитайской экспансии. Однако часть алтайских кыргызских племен — шары, поглотив ябагу, — была вынуждена откочевать в Семиречье [18. – С. 203, 264–265, 537–539; 360. – С. 66–67, 78–79]. Здесь они объединились с местными кыргызскими группами, которые совместно поддержали Ахмеда Харуна. Таким образом, в эпоху Ахмеда Харуна и Ибрахима Ахмеда сложились, по мнению автора, благоприятные условия для утверждения этнонима «кыргыз» на Тянь-Шане.

В настоящей работе автор стремится показать значение Алтая в истории кыргызских племен и проследить их связь с этим регионом, который на протяжении длительного времени являлся одним из ключевых ареалов их расселения. Кыргызы проживали на Алтае с древнейших времен.

В генеалогических преданиях древних тюрков среди десяти потомков волчицы, родившихся в одной из пещер на Алтае, упоминаются роды Лебедь и Цигу (кыркыр или кыркыз) [346. – С. 16; 147. – С. 23–24]. В X веке одна из трех областей кимаков носила название Каркырахан [345. – С. 50]. В «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди также говорится, что кыргызами правил аристократический клан Каркырабека, то есть клан, связанный с тотемом журавля [58. – С. 44]. Эти сведения, по мнению автора, позволяют говорить о длительной связи кыргызских племён с Алтаем как одним из основных регионов их исторического расселения, истоки которой, возможно, восходят еще к эпохе гипербореев, о чем уже говорилось в предыдущих работах [18. С. 76–78].

В работе также анализируются сведения арабского (мамлюкского) историографа Рукн ад-Дина Бейбарса [486. – С. 16–19], описывающего причины появления монголов в землях Котян-хана и в древнерусских степях. Согласно его данным, во время охоты Мангуш, сын Котян-хана из племени дурут, встретился с Ак-Кубулом, вождем племени токсоба. Ак-Кубул убил Мангуша, после чего Котян-хан послал Джамгара на поиски сына. Узнав о его гибели, Котян собрал войско и выступил против Ак-Кубула. В сражении Ак-Кубул был тяжело ранен, а его войско обратилось в бегство. После этого младший брат Ак-Кубула обратился за помощью к Джучи-хану, который выступил против дурутов и уничтожил их племя [486. – С. 16–19; 494. – С. 126–127].

Приведенные сведения мамлюкских источников представляют особый интерес, поскольку позволяют автору сопоставить племя дурут, название которого означает «четыре», с алтайскими четырехсоставными азами — торт ас. Автор предполагает, что аристократический клан кимаков дурут мог происходить из азов, что указывает на его возможную связь с кыргызской этнополитической средой. Косвенным подтверждением этой гипотезы могут служить также антропонимы Ак-Кубул, Мангуш и Джамгар, имеющие, по мнению автора, параллели в кыргызской традиции. В частности, имя Ак-Кубул («бледно-желтый») и имя Мангуш могут быть сопоставлены с именем предка правого крыла Ак уул и племенем мунгуш, упомянутыми в родословной кыргызов в «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди [18. – С. 155].

Следовательно, аз-шарийа, возглавившие миграционное движение восточных племен на запад, могли представлять часть кыргызских групп, вовлекших в этот процесс кимако-кыпчакские племена. Часть аз-шарийа, вероятно, отделилась и поселилась на восточных границах Караханидского каганата. Шебангараи упоминал сарихов (шары) и ягма, живших западнее кыргызов [396. – С. 64]. Это может свидетельствовать о тесных этнополитических связях сариков и ягма с кыргызской средой. Вероятно, аккубулы (ак уулы) и мунгуши, упоминаемые С. Ахсикенди, относились к потомкам восточной группы аз-шарийа — сарикам и кыргызам, кочевавшим в Восточном Туркестане.

Проблема происхождения и этногенеза азов, а также их соотношения с кыргызами является одной из важных проблем данного исследования. В исторических источниках азы неоднократно упоминаются наряду с кыргызами или непосредственно вместе с ними. В научной литературе миграцию азов на Тянь-Шань традиционно связывали с переселениями кыргызов. Проведенное исследование позволяет связать процессы этногенеза кыргызов с азами, которые, по всей вероятности, представляли аристократическую и военно-политическую верхушку древних кыргызов. В связи с этим в исторических источниках азы могли выступать как под

собственным названием, так и под более широким этнополитическим обозначением «кыргыз».

Автор поддерживает мнение В. В. Бартольда о тождестве тюргешских азийцев с народом аз, упоминаемым в орхоно-енисейских текстах [70.-С.36], и развивает его концепцию, дополняя ее новыми аргументами. Одним из важных аргументов в пользу данной точки зрения являются сведения о существовании двух владений азов — на востоке и западе, их территориальной локализации, а также сопоставление Аргу-Тага и Аркуй-Булака [200.–С. 124; 53.–С. 154.] с районами расселения древних азов и кыргызов [100.–С. 41; 200.–С. 205; 284.–С. 12; 115.–С. 71].

На Тянь-Шане азы проживали в районе Кумуш-Тага (Серебряная гора), в долине р. Талас, тогда как на Енисее они имели владение на Ангаре, вблизи Акуй-Булака, где располагалось кыргызское владение серебряных усинцев. Аркуй-Булак был отождествлен с Серебряной горой Монгур/Манкур в стране кимаков [200. -С. 124; 53.-С. 154.]. Азы, по-видимому, неоднократно перемещались на запад, в том числе в направлении Тянь-Шаня. Вместе с тем автор считает, что в монгольскую эпоху кыргызское владение Ус на Ангаре подверглось монголизации. Значительная часть восточных групп азов и кыргызов, по-видимому, переселилась на запад — в Приаралье, а далее через Северный Кавказ в Причерноморье, Крым и на Кубань, а также на Тянь-Шань, где они сыграли важную роль в этногенезе кыргызского народа. По некоторым данным, в монгольское время азы имели свое владение и на Северном Кавказе, что свидетельствует о продвижении отдельных азских групп далеко на запад.

Автор считает, что именно эти процессы нашли отражение в географическом приложении к «Равзат ас-сафа» Мирхонда, проанализированном А. Мокеевым, где кыргызы называются ас и приводится одна из версий легенды об их происхождении от сорока девиц — кырк кыз [360. – С. 158–160]. Оставшиеся на прежних землях группы серебряных усинцев, по-видимому, постепенно ассимилировались и в монгольское время выступали под различными названиями — усуту-мангуны, татары, су-моалы и др.

Автор в контексте изучения истории и взаимоотношении кыргызов с монголами и другими племенами Центральной Азии в монгольскую эпоху проанализировал генеалогию потомков Алангоа — Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Буданчара, от которых, согласно источникам, произошли племена борджигинов, катаркинов и салджугитов [421. – С. 152–153]. В исторических источниках в области Баркуджин Токума жили баргуты, мангуты, баяуты, усуту-мангуны и другие. В эпосе Гэсэр» мангыты Начин Батура упоминались рядом с государством кергисов» [152.-С.62.], а также усуту-мангунами [538. - С. 159.]. Предок Чингизхана в седьмом колене Хайду хан его родственник Начин-Баатур находились в брачных узах с

баргутами. Начин Баатур Хайду хан во главе мангытов разбивают жалаиров, в затем обосновались на берегу Онона [421.- С. 180]. В исторических источниках мангыты и кыргызы упоминались всегда вместе. Последние активно участвовали в формировании чингизидского улуса Джучи, сыграли важную роль в этногенезе ногайского этноса.

В работе автор также анализирует сведения Махмуда ибн Вали, содержащиеся в его сочинении «Бахр-ул-Асрар» XVII века, о консолидации вокруг кыргызов лесных племен урасутов (усинцев), теленгутов и кистимов. Ибн Вали писал: «Хотя этот туман по внешнему облику походит на монголов, но (они не происходят из этого народа: их называют лесным племенем, т.к. место их… в лесах между племенем и киргиз. Некоторые из (их) уругов ранее подчинялись Чингиз-хану. Ныне (имруз) они входят в киргизский иль» [391. – С. 41]. Автор полагает, что в данном случае речь идет об урасутах, теленгутах и кистимах — племенных группах, которые ранее входили в состав Великого Кыргызского каганата, а в период монгольских завоеваний подчинились Чингисхану. Впоследствии, согласно предлагаемой реконструкции, эти группы вновь вернулись в свою родовую среду и связали свою судьбу с кыргызами. Автор разделяет точку зрения исследователей, отождествляющих урасутов с усинцами, и предлагает рассматривать теленгутов как алтайские группы мундузов и толосов, объединившиеся с кыргызами в единый этнос еще в эпоху Кыргызского Великодержавия.

Автор также анализирует сведения Натанзи о Мубарак-ходже, используя их для подтверждения проживания кыргызов на Алтае в XIII–XIV веках. Согласно Натанзи, Мубарак-ходжа после неудачной попытки захватить власть в Золотой Орде скрывался в землях кыргызов и на Алтае. В его сочинении говорится: «Через шесть месяцев он распростился с подобной раю равниной Сарая и еще два года и шесть месяцев бездомно скитался в краях и странах кыргызов и Алтая, пока не погиб там» [430. – С. 151–152]. Эти сведения, по мнению автора, подтверждают, что кыргызы еще до Токтамыш-хана поддерживали этнополитические связи с царевичами Ак Орды. Усиление влияния кыргызов и племен союза аз-ширинов в Ак Орде способствовало укреплению позиций чингизидов этого улуса в борьбе за золотоордынский престол.

Сведения Утемиш-Хаджи о владениях алтайских кыргызов, служивших чингизиду-шибаниду Ибак-хану, также свидетельствуют о существовании отдельного кыргызского улуса в соседстве с шибанидами и на Алтае в монгольский период. В полном списке рукописи Утемиш-Хаджи «Чингиз-наме», находившемся в распоряжении востоковеда А.-З. Валиди Тогана и получившем название «Тарих-и Дост-султан» [200. – С. 47], содержится ценная информация о взаимоотношениях сибирского хана Ибака с улусом Кыргыз и Казанью. В переведенных А.-З. Валиди Тоганом

отрывках рукописи об Ибак-хане говорится, что он «… был знаменитым ханом» и «…правил всей киргизской и казанской страной» [375. **– С. 28].** Более конкретно в источнике сообщается: «…из клана Бек Конды Айбак хан, который был знаменитым ханом и правил, объединив страны Кыркыз и Казань» [355. – С. 64–65]. Ибак (1468–1495гг.) правил после Абулхайир хана, который вместе с Бакасом мангытом захватил Мавераннахр и Фергану в 1428 году. Поэтому автор считает, что Утемиш-Ходжа сообщал о тех кыргызах, которые не участвовали в этом походе и остались на прежних землях в районе Казани.

Автор отмечает, что Утемиш-Хаджи и С. Ахсикенди описывают события одной эпохи из истории Золотой Орды, связанные с возвышением Токтамыш-хана, которого с первых дней его борьбы за власть поддерживал союз племен аз-ширинов.

Автор считает, что улус Хорчи был создан Чингисханом на основе земель бахринов и лесных племен Саяно-Алтая. В «Сокровенном сказании монголов» говорится: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он не возбранно кочует по всем кочевьям при-Эрдышских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмой Лесных народов» [279. – С. 161].

В состав этих народов, по мнению автора, могли входить кыргызы, черики и другие лесные племена, населявшие пространство от Енисея до Иртыша. При этом тысячники Тахай и Аших [279. – С. 107, 161], получившие свой статус от Чингисхана, совместно с Хорчи осуществляли управление данным улусом. Автор предполагает, что имена тысячников Тахай и Ашихтар могут быть сопоставлены с именами князей Аших-Ширун и Тахай-Бахадур [523. – С. 93], которые, согласно «Сокровенному сказанию монголов», служили двум союзникам — Ван-хану и Чингисхану. После гибели кераитского владыки эти князья по распоряжению Чингисхана поступили на службу к его племяннику Хорчи [24. – С. 126]. Отсюда можно полагать, что последние быть правителями в кыргызских владениях Кыргыз, Кэм-Кэмджиут и Ус в Западной Монголии, которые также входили в состав улуса Хорчи. Однако, в 1207 году все вышеотмеченные владения были покорены старшим сыном Чингиз хана Джучи, в связи с чем, впоследствии оказались под его влиянием. Особенно, племена Иртышско-Алтайской части улуса.

В составе улуса Хорчи встречались имена аристократических кланов, таких как Тахай и Ашихтар (Азыктар), а также названия племен чериков и толосов. Эти имена встречаются и в родословной кыргызских племен, приведенной С. Ахсикенди в «Маджму ат-Таварих» (XVI век), где упоминаются Тахай, Азык, Черик и Доолос [24. – С. 126]. Автор

сопоставляет рунических азов с антропонимом Ашиг из улуса Хорчи, а также с Аших-Ширунами и аз-ширинами [24. – С. 126]. Кроме того, он связывает Ашиха и Тахая из улуса Хорчи с кыргызскими племенами азык и тахайНа основании этих параллелей автор предполагает, что рунические азы, аз-ширины и ашиги (азыки) могли представлять собой единое этнополитическое объединение, сложившееся в Саяно-Алтае. Азы, вероятно, являлись аристократическим кланом древних кыргызов и управляли владением Ус, входившим в состав Кыргызского каганата. В этой связи автор сопоставляет азы, аз-ширинов и ашигов с кыргызами и рассматривает их в контексте истории кыргызского объединения [24. – С. 126].

Автор считает, что союз племен аз-ширинов, куда входили аз-ширины, бахрины, кыпчаки и аргыны, находился в тесном этнополитической связи с алтайскими кыргызами с одной стороны, улусом Анга Торе с другой. Однако, по мнению автора союз племен аз-ширинов был сформирован племенами улуса Хорчи, значительная часть которого с 1207 года находилась под влиянием Джучи, особенно, иртышо-алтайские лесные племена. Сюда же относились и алтайские кыргызы. Поэтому, еще до образования государства Хайду в 1269 году племена улуса Хорчи переселялись в земли Ак Ордо, где активно поддерживали акординских царевичей в их борьбе за престол Золотой Орды. Одними из первых переселились в земли Ак Ордо бахрины и черики. Однако после утверждения Хайду в 1269 г. в качестве правителя объединенных владений Чагатаидов и Угэдэидов бахрины и черики присоединились к нему и поступили на службу. Впоследствии значительная часть племен, связанных с улусом Хорчи, мигрировали в земли восточных приграничных зонах государства Хайду, где затем появились улусы Кыргыз (улус Манаса), Анга Торе, Салучи-Булгачи, Ульмас-Кулана, Бахрин и другие.

Однако анализ сведений Утемиш-Хаджи, С. Ахсикенди и других авторов показывает, что миграция кыргызских групп происходила поэтапно на протяжении монгольской эпохи. Одна из значительных волн переселения кыргызских племен на Тянь-Шань, по мнению автора, пришлась на эпоху золотоордынского хана Токтамыша, которому служили Манас, Анга-Торе, Салучи-булгачи, Кара-Ходжа, Кокчо и др. Источники этого периода, по мнению автора, свидетельствуют о тесной интеграции племен союза аз-ширинов с кыргызами. Золотоордынские князья Кара-Ходжа Аргын и Кокчо, согласно авторской реконструкции и сведениям эпоса «Манас», возглавляли аргыно-кыргызские и абако-кыргызские объединения [15.-С. 493-495].

Стремясь эффективно противостоять Амиру Тимуру, Токтамыш-хан, по мнению автора, вступил в этнополитический союз с племенами аз-ширинов и кыргызами, а также с улусами Анга Торе и Салучи-Булгачи, рассчитывая создать своеобразное буферное государственное образование в Семиречье. Этнополитические связи между кыргызами и племенами союза

аз-ширинов, по-видимому, оказали влияние на последующие процессы этногенеза кыргызов. В родоплеменной структуре кыргызов встречались племена и родовые подразделения, связанные с союзом аз-ширинов: азыки и баарыны вошли в состав правого крыла кыргызов, аргыны были представлены отдельными небольшими группами, а часть кыпчаков вошла в состав объединения ичкилик-кыргызов [60.см. табл.]. Эти процессы, по мнению автора, свидетельствуют о высокой степени этнополитической интеграции отдельных групп союза аз-ширинов в кыргызское сообщество. В этом смысле союз аз-ширинов может рассматриваться как одно из объединений, тесно связанных с ни только алтайской, но и тяньшаньской группой племен кыргызов.

В целом анализ миграционных волн кочевников в Притяньшанье показывает,, что кыргызские группы присутствовали на Тянь-Шане с древнейших времен. Миграция азов и других восточных кочевников на Тянь-Шань, представлены как обитатели горных районов Ферганской долины. Одним из ранних авторов, упоминающих кыргызов в данном регионе, автор считает аль-Идриси. М. Т. Тынышпаев анализировал миграцию восточных племен на запад в период реваншистской политики II Восточнотюркского каганата [485]. В этом движении, по его мнению, участвовали азы, чики, чумугуни, канглы, теиты и кесеки, расселившиеся в районе Сырдарьи [485. – С. 23–24]. Позднее сюда пришли уч-карлуки-чигили и ягма, в IX–X вв. — кыргызы, а в X–XI вв. — новые группы кыргызов, аз-шарийа и кимако-кыпчакские племена. По мнению автора, уже X- XII вв. кыргызские группы, принявшие ислам, достигли на западе Ферганы и Горного Бадахшана. В монгольскую эпоху одно из монгольских племен, которое имело тесные этнополитические связи с кыргызами, — катаганы — наряду с кыргызскими родами отмечалось в Северном Афганистане.

В книге XV века «Шаджара ал-атрак» рассказывается о моголо-кыргызо-отуз-огланских связях в эпоху господства чингизидов на Тянь-Шане. Согласно приведенной в ней легенде, происхождение кыргызов связывалось с сорока могольскими девицами, а отуз-огланы — с тридцатью юношами [360. – С. 120]. Эта версия родословной кыргызов, по мнению автора, получает дополнительное подтверждение в сочинении историка могольской эпохи Мухаммеда Хайдара, который рассматривал моголов и кыргызов как один этнос [21. – С. 148]. В ней также предпринимается попытка связать генеалогию кыргызов с племенами, носившими монгольские названия, — кыятами, дарлекинами и акирасами (родом дарлекинов). Традиционный мотив сорока девиц — кырк кыз, прародительниц кыргызов, — здесь трансформирован в образ сорока могольских девиц. Эти сведения, по мнению автора, свидетельствуют о возрождении кыргызского этнополитического объединения под

предводительством потомков отуз-огланов на Тянь-Шане. При этом прослеживается традиционный генеалогический прием, при котором могольское происхождение отодвигается на второй план, а ведущая роль отводится кыргызскому аристократическому клану отуз-уул. Сведения этого источника согласуются с данными «Си юйчжи», где говорится о существовании двух ветвей кыргызов под названиями Отуз-огул (То-го-со-хо-лэ) и Кыргыз [360. – С. 119].

В «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди в родословную кыргызов и кыргызских племен включены он, сол и ичкилик [58. – С. 82]. Автор подробно анализирует это сочинение, раскрывая связи кыргызов с азширинами, кыпчаками, могольским племенем сагарачи (кончи) и другими группами. По его мнению, происхождение аристократических родов кыргызов от Отуз Огула — Адина (Адыгине), Тахай-бахадура, Карабагыша и Мунгуша [58. – С. 82] — связано с азами, отуз огланми и кыргызскими племенами пришедшими с Алтая и Западной Монголии [18. – С. 153, 160, 170, 305, 316–317].

В рамках исследования выполнен полный перевод на русский язык средневекового источника «Маджму ат-Таварих» XVI века, посвященного мусульманским шейхам Ширкента и Касана, а также истории возрождения кыргызского народа. Несмотря на многочисленные хронологические напластования и включение событий, относящихся к разным периодам истории кыргызов, источник содержит сведения и предания о кыргызах начиная с IX и вплоть до XVI века, а также родословную кыргызских племен. В работе проведен подробный анализ «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди, написанного на персидском языке в стихотворной форме с использованием фольклорных сюжетов и более поздних исторических напластований. В произведение органично включен рассказ о «Манасе», который может рассматриваться как фольклорное произведение и одна из ранних письменных версий кыргызского эпического предания. «Маджму ат-Таварих» охватывает события IX–XVI веков и содержит сведения об исторических деятелях, ханах, принцах и князьях, а также о событиях в Золотой Орде и Моголистане с участием кыргызов, кыпчаков, кереитов, онгутов и моголов, что в ряде случаев находит подтверждение в других исторических источниках. В «Маджму ат-Таварих» кыргызы представлены как тяньшаньский этнос, тесно связанный с моголами. Вместе с тем сочинение подчеркивает ведущую роль кыргызов, тогда как моголы занимают в нем второстепенное положение.

По мнению автора, «Маджму ат-Таварих» отражает социально-политический заказ кыргызской политической элиты своего времени, когда в условиях этнополитической консолидации происходило стремление к возрождению кыргызской государственности и укреплению позиций кыргызов как одного из ведущих этносов Тянь-Шаня [18. – С. 27, 301, 516].

В этом смысле труд С. Ахсикенди представляет особую ценность как исторический источник по этнополитической и этнографической истории кыргызов. В нем упоминаются имена крупных исторических деятелей и ханов, в том числе Чингисхана и его союзника Ван-хана, а также отдельные события истории Золотой Орды и Моголистана, связанные с кыргызами и моголами. Особое значение имеет содержащаяся в источнике генеалогия кыргызских племен. Золотая Орда и Моголистан представлены как два родственных государства, населенных близкими по происхождению народами и племенами. Согласно С. Ахсикенди, после смерти Онг-хана западная часть Монгольской империи была разделена между Токтамыш-ханом и Анга Торе, которые в повествовании выступали как (его) «сыновья» и одновременно как двоюродные братья. Первый из них правил в Золотой Орде, тогда как второй — в Моголистане [58. – С. 47].

Однако, следует отметить, что сведения Шараф ад-Дина Йазди и С. Ахсикенди по-разному объясняют происхождение Анга-Торе. У Йазди Анга-Торе связан с родом аркинутов через семью Хаджи-бека, тогда как С. Ахсикенди возводит его родословную к Онг-хану (Ван-хану), представляя последнего его предком. Очевидное расхождение этих сведений показывает, что генеалогия Анга-Торе в «Маджму ат-Таварих» имеет не только исторический, но и династийно-идеологический характер.

В монгольский период в результате длительного противостояния часть кераитов была вынуждена мигрировать на запад — сначала на Алтай, а затем на Тянь-Шань, где занимали центральные районы Моголистана В Семиречье кераиты, согласно авторской концепции, стали известны как моголы (монолдоры), сохранив при этом тесные связи с кыргызами и воспринимаясь в определенной политико-этнической традиции как близкородственный народ. В этой связи М. Хайдар отмечал: «...кыргызы тоже из могольских племен, но по причине частого неповиновения хакану они отделились от моголов...» [462. – С. 81]. По мнению автора, С. Ахсикеди в своей книге тоже придерживался могольских традиций и не делил моголов и кыргызов, отмечая лишь второстепенную роль первых в политической системе и иерархии кочевой аристократии и общественно-политической жизни. Он пытался представить моголов и кыргызов как участников формирования политических объединений Золотой Орды и Моголистана, правители которых — Токтамыш-хан и Анга-Торе — в его повествовании связаны с наследием легендарного Ван-хана кераитского. Тем самым «Маджму ат-Таварих» формирует представление о тесном политическом и этнокультурном родстве Золотой Орды и Моголистана с кыргызской исторической традицией.

В рамках Ак Орды сформировался мощный племенной союз во главе с аз-ширинами, в который входили аз-ширины, бахрины, кыпчаки и аргыны. К этому объединению, согласно авторской реконструкции, относились также

алтайские кыргызы. Рассматривая Ак Орду как один из важнейших политических центров, с которым были связаны кыргызские группы, автор отмечает их активное участие в политических процессах и борьбе за власть в Золотой Орде.

В Моголистане, в свою очередь, сформировалось крупное политическое объединение во главе с Анга-Торе, центром которого, согласно рассматриваемым источникам, был Каратал. В формировании улуса Анга-Торе участвовали и вовлекались представители племен черикoв, монолдоров, кыргызов, кераитов, азов (азыки), кыпчаков, канглы, онгутов и других групп, чьи владения и кочевья охватывали Саяно-Алтай, Западную Монголию. Центр улуса находился в Каратале. Автор считает, что кыргызы, кераиты и другие перечисленные племена сыграли значительную роль в формировании улуса Анга-Торе и последующем становлении государства Моголистан. Это создало благоприятные условия для консолидации кыргызских племен вокруг данного политического центра, закрепления их на Тянь-Шане и последующего формирования самостоятельной кыргызской политической структуры во главе с Мухаммедом-Кыргызом в XVI веке.

Автор проанализировал родословную кыргызских племен, зафиксированную С. Ахсикенди и представленную в составе трех этнополитических объединений — Оң, Сол и Ичкилик. Большинство упомянутых в ней племен имеет исторические связи с древними политическими объединениями Саяно-Алтая и Тянь-Шаня VIII–XVI вв., что свидетельствует о сложном и длительном характере этногенеза кыргызов, не ограниченном одним регионом. В частности, особого внимания заслуживают азы и тухсы, которых Ю. А. Зуев рассматривал как потомков древних юэчжи и связывал с формированием Тюргешского каганата: «Прямые потомки юэчжи, племена аз и тухс, эти юэчжи в Канге, стали этнополитической основой при создании Тюргешского каганата» [200. – С. 157].

В VIII в. представители клан азов приходят к власти как на Енисее, так и на Тянь-Шане, где становятся основателями двух каганатов. На Енисее Барсбек-каган создал Кыргызский каганат, первоначальным ядром которого стали владения азов в Минусинской котловине и Приангарье, где проживали серебряные усинцы. На Тянь-Шане Уч-Элик-каган, происходивший из клана езгене племени азов, основал Тюргешский каганат, первоначальным ядром которого стали Или-Таласские долины, включая район Кумуш-Тага (Серебряной горы).

Анализируя миграционные волны восточных кочевников с востока на запад, в том числе азов и кыргызов, автор полагает, что этническим ядром объединения, сформированного при Барсбек-кагане и известного в научной литературе как енисейские кыргызы, могли быть азы. В государстве Уч-Элик-кагана, по мнению автора, важную роль наряду с азами и тухсы

позднее сыграли отуз-огланы. Последние, по-видимому, внесли существенный вклад в этногенез не только кыргызов Кыргызстана, но и кыргызов, проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. В родословной традиции как кыргызов Кыргызстана, так и кыргызов Синьцзяна отуз-огланы, представленные под названием «отуз уул», сохраняются в качестве одного из древних и аристократических компонентов происхождения кыргызского народа. Неслучайно, в родословной С. Ахсикенди Отуз Огул назван предком аристократических родов правого крыла кыргызов. Автор поддерживает мнения ученых, которые связывали происхождение отуз огланов эпохой Кыргызского Великодержавия. По мнению автора союз племен отуз огланов был создан каганом енисейских кыргызов против экспансии Саманидов, которые 893 году захватили долину реки Талас. По мнению автора, ядро союза отуз огланов составляли азы и тухсы, которые объединили вокруг себя чигилей, ягма и другие племена, исповедовавшие манихейство. Позднее, в период этнополитического возрождения кыргызов, из среды отуз огланов выделился ряд племенных объединений — адыгине, тагай, азык, бугу и др., составивших основу правого крыла кыргызского народа, что отражение в родословной С. Ахсикенди.

Автор полагает, что в народной версии родословной также отразилась могольская традиция, основанная на представлении об историческом единстве кыргызов и моголов. Она проявляется, в частности, в признании сказителями аристократического происхождения ряда могольских племен. В кыргызской генеалогической традиции происхождение некоторых монгольских племенных групп, вошедших в состав кыргызского народа, объясняется посредством родословных связей с Наал-эже и Мунгушем. Согласно мамлюкским источникам, вероятно, первые группы мунгушей могли прийти на Тянь-Шань вместе с племенами аз-шарийа в XVI в.

Вместе с тем сопоставление родословной кыргызских племен С. Ахсикенди с данными мамлюкских источников о команах-кимаках и сведениями аль-Марвази об очередной волне восточных кочевников, направившейся на запад, позволяет автору предположить, что значительная группа племен, впоследствии вошедших в состав кыргызского народа, могла переселиться на Тянь-Шань в составе миграционного потока, возглавляемого племенами аз-шарийа. По мнению автора, одним из факторов этого движения могло стать усиление кара китаев на востоке в XI-XII вв. Автор отождествляет аз-шарийа с кыргызами, упоминаемыми М. Кашгари, которые совместно с ябагу и кыпчаками создали тройственный союз для противодействия экспансии каракитаев.

Автор считает, что ко времени каракитайских завоеваний основные племенные компоненты, позднее представленные в родословной кыргызского народа, уже сложились и связывали свою политическую судьбу

с кыргызами. Поэтому в родословной С. Ахсикенди среди племен левого крыла кыргызов упоминаются мундуз (огузск. бугдуз), саруу (аз-шарийа), басыз (басмыл), кушчу, кытай и др., которые, согласно предлагаемой автором реконструкции, могли иметь более древние исторические корни, восходящие к этнополитическим процессам X–XI вв. Об этом же свидетельствуют племена объединения Салучи-Булгачи, происхождение которых связывается с Алтаем, а также с канглы, карлуками (бостон). Вместе с тем, по мнению автора, они, как и племена правого и левого крыла, не имели непосредственной связи с собственно монгольскими племенами. Это позволяет предположить, что значительная часть племен, упоминаемых С. Ахсикенди, длительное время сохраняла обособленность от монгольского мира, а их основные этнические компоненты формировались за пределами территорий расселения монгольских племен. Без сомнения, предки последних постепенно мигрировали из Саяно-Алтая, Западной Монголии и Прибайкалья в Притяньшанье, где в XIV–XVI вв. происходили их консолидация и включение в состав кыргызского этноса.

Вероятно, именно поэтому племена монгольской эпохи представлены в родословной кыргызов обособленно, отдельным генеалогическим слоем — через Наал-эже и Мунгуша. Это позволяет автору предположить, что основные компоненты кыргызского этноса сложились значительно раньше, тогда как в XIV–XVI вв. на Тянь-Шане происходил новый этап их политической и этнической консолидации.

В работе предпринята также попытка расшифровать и сопоставить имя одного из потомков Анга-Торе по линии Мухаммед-бека — Накаш, упомянутое в «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди и прокомментированное В. В. Радловым. В рукописи В 667, а также в рукописи ЛГУ В 963 это имя написано неясно. Радлов прочитал его как «Лакаш», «Лафаш» или «Накаш», однако чтение остается сомнительным, поскольку диакритические знаки могли быть пропущены [424. – С. 106]. Автор предлагает сопоставить это имя с названием кимакского племени локтан (локтай/локай/лакай), потомками которого могли быть лакайцы Таджикистана, а также с названием аристократического рода локуш или лакшы племени кыпчак. Согласно родословной кашгарских кыргызов, Манас относился к роду лакшу племени кыпчак.

Отдельно рассмотрена роль Абдырахманбека, упоминаемого С. Ахсикенди как одного из участников посольства Анга-Торе к Амиру Тимуру, организованного с целью освобождения кыргызских биев, попавших в плен. Абдырахманбек, как взять Тарагая, отца Амира Тимура, и как правитель города Ахсы, занимал, согласно источнику, важное место в этом посольстве. Автор рассматривает Абдырахманбека как возможный прототип родоначальника кыргызского племени азык — Абдырахманбека Азыка. Согласно С. Ахсикенди, он был современником Амира Тимура и

Анга-Торе и состоял с последним в родственных отношениях через брак. В рассказе о сыне Тагай-бия Кара-Чоро, разыскивавшем своего отца вместе с друзьями Азыком, Саяком и Чериком, его образ представлен в роли Азыка, отвечавшего за обеспечение продовольствием [24. – С. 127–128].

Анализ источников и генеалогических преданий позволяет предположить, что в XIV веке кыргызские группы не только проживали на Тянь-Шане, но и вступили в новый этап политической консолидации, сформировав отдельный улус во главе с Анга-Торе. Рассказ о Тагай-бие, его сыне Кара-Чоро и приемных сыновьях Азыке, Саяке и Черике, по мнению автора, отражает второй этап консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане [24. – С. 127–128].

В целом проведенное исследование показывает, что Притяньшанье с древнейших времен играло важную роль в миграционных и этнических процессах, а также в истории кочевых и оседлых народов региона. С эпохи Великого переселения народов до XVI века Притяньшанье пережило несколько крупных миграционных волн, большинство которых относится к тюркскому и монгольскому периодам, прежде всего к VIII–XIV векам. В связи с этим в монографии исследованы миграционные и этнические процессы восточных кочевников в периоды реваншистской политики правителей II Восточнотюркского каганата, эпохи Кыргызского Великодержавия, а также последующего развития кимако-кыпчакских объединений и монгольской эпохи.

Вместе с тем очевидно, что в рамках одной монографии невозможно охватить все аспекты и стороны столь сложной проблемы. Тем не менее автор предпринял попытку комплексно исследовать миграционные и этнические процессы кочевников Притяньшанья и сопредельных регионов в древности и средневековье. Особое внимание уделено истории и этногенезу кыргызского народа от древнейших времен до позднего средневековья, а также выявлению закономерностей исторических, миграционных, этнических и этнополитических процессов, определявших развитие кочевых этносов и социальную структуру кочевых обществ, в том числе кыргызского народа.

В работе использован значительный комплекс письменных и фольклорных источников. Особое внимание уделено анализу версии эпоса «Манас», записанной С. Ахсикенди, а также его более поздних вариантов [333, 334, 335, 336]. В монографии сопоставлены и прокомментированы сведения анонимного автора «Худуд ал-Алам» [345], Махмуда Кашгари [255, 254], Н. Бекрана [86] и Ибн Вали [349] о кыргызах, а также проанализированы сведения Утемиш-Ходжи [488] и Натанзи [379] об алтайских кыргызах. Исследованы миграция племен аз-шарийа, описанная Марвази, на запад в XI веке, а также сведения Рашид ад-Дина [421, 422] о восточных кочевниках и енисейских кыргызах. Особое место занимает

анализ «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди [19], позволивший, по мнению автора, выявить новые аспекты миграционных и этнических процессов среди кочевников Притяньшанья и сопредельных регионов.

Особое внимание уделено этногенетическим, этнополитическим и этнокультурным связям кыргызов с алтайскими племенами, в частности с племенами тогуз-огузов, союзом аз-ширинов, включавшим аз-ширинов, бахринов, аргынов и кыпчаков, а также с кочевниками монгольской эпохи — катаркинами, кераитами, канглы, найманами, чериками, онгутами (нойгутами), моголами и другими средневековыми народами указанных регионов.

Безусловно, настоящая работа не лишена отдельных недоработок и упущений. Ряд положений, выдвинутых в монографии, может вызвать научную дискуссию и потребовать дальнейшего изучения. Это закономерно, поскольку исследование ограничивалось поставленными целями и задачами. Автор рассматривает настоящую работу не как окончательное решение всех обозначенных проблем, а как попытку предложить целостную концепцию миграционных, этнических и этнополитических процессов, происходивших в Притяньшанье и сопредельных регионах в древности и средневековье.

Глава I. Кыргызы и другие кочевники Приятнтьшанья и сопредельных регионов в тюркскую эпоху

§ 1. О происхождении этнонима «кыргыз»

Существуют различные народные версии происхождения этнонима «кыргыз». Народные версии обычно представляют собой генеалогические рассказы, связывающие происхождение этнонима «кыргыз» с терминами «кырк» – «сорок», «кыз» – «девушка», «огуз» и другими.

Отметим, что персидский историк Гардизи в своей книге «Зайн ал-Акбар» связывал происхождение кыргызов с огузами. Согласно преданию, предводитель алтайских кыргызов Емке покорил огузов и назвал собранный им народ кыргызами [66.- С.526]. Абулгази в «Родословном древе тюрков» утверждал, что кыргызы произошли от внука Огуза по имени Кыргыз [6.-С. 98].

Согласно легенде, записанной С. Ахсикенди, предки кыргызов получили свое название от чилгызов (сорока гузов) или кырк гызов, которые смогли выйти из окружения войск Султана Санжара, правившего в XII веке, в местности между двумя горами. В ней говорится, что сорок узгенских огузов спаслись бегством в Ходжентские горы от уничтожения во время нашествия Султана Санжара в Восточную Фергану [58.-С. **30].** В китайском источнике «Юаньши» приводится легенда, согласно которой кыргызы произошли от сорока девиц из страны Хань, вступивших в брачные узы с мужчинами из владения Усы. После этого эта страна стала называться Кыргызской землей [345.-С. 53; 356.-С. 75–76].

Однако, отметим, что в источниках кыргызы описываются как народ, живущий в неприступных горах на севере Китая. Очевидно, что неслучайно, в первой вышеуказанной легенде происхождение народа связывалось с сорока гузами, вышедшими из окружения в степной местности между двумя горами, а во второй – с владением Усы, народ которого называли кыргызами. Следовательно, вышеприведенные сведения из источников подчеркивают связь происхождения этнонима «кыргыз» с горным ландшафтом.

Как уже отмечалось в одном из ранних упоминаний в китайских хрониках, кыргызы располагались «подле Бай-Шаня» (Белые горы) в Восточном Туркестане. В источнике отмечалось: [Кыргызы] Хагас есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу. Жители перемешались с динлинами» [100.-С. 350-351. Прим. 6.] В генеалогии тюрков-ашина волчица родила десятерых сыновей в пещере рядом с долиной [147.-С. 23–24]. Одного из них звали Цигу (Кыргыз) [346.-С.16]. В с. «Худуд ал-Алам» рассказывается о кимакской области

Каркырахан, где «… жители ее напоминают по своим обычаям хырхызов» [345.-С.50.]. «Маджму ат-Таварихе» С. Ахсикенди подробно рассказывалось о Кыргызском владении Каркыра, земли которого простирались от Енисея до Таласа. Кыргызы делились на два улуса: улус Каркыра, где правил дед Манаса Каркырабек, ставка его находилась в городе Какыра в долине реки Талас. Улус Салучи-Булгачи [58.- С. 82] в Прииртышье. Владение Каркыра располагалась в соседстве с владением бахринов, которые были потомками средневековых мукринов Приамурья. Таким образом, азы имели соседство с мукринами как в Семиречье, так и в Западной Монголии. В поздних версиях эпоса «Манас» главный герой Манас, прибыв в Семиречье, осмотрев Тянь-Шаньские горы, располагает свою ставку в защищенной горами долине р. Талас. Согласно одной из версий генеалогии кыргызы происходили от внука Огуз-хана по имени Тоо-хан (буквально «царь гор») [60.-С. 38].

В связи с вышеизложенным, отметим, что неслучайно, в средневековых источниках нередко упоминали кыргызов и азов как соседние или даже тождественные племена, обитавшие в горных районах Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. В книге «Бадаи ат-Таривах» отмечается, что «кыргызов называют аз» [5.–С. 426. Прим. 78.]. В источнике кыргызы описываются как обитатели горной области. Соответственно, происхождение этнонима «кыргыз» также связывалось с горной местностью. Отмечается, что среди моголов этим словом обозначали жителя гор — горца, употребляя его в нарицательном значении [360. — С. 158]. А. Мокеев, сопоставив сведения из «Бадаи…» с информацией из сочинения Мирхонда «Равзат ас-сафа», отмечает, что, несмотря на существенные различия в написании слова «кыргыз» и трактовке его значения в этих источниках, остальные детали сообщения в основном совпадают [360. — С. 159]. По его мнению, в обоих сочинениях содержатся сведения о том, что кыргызов (или жителей Кырк-Эра) называют «ас». В источнике рассказывается «о жителях укреплённой горной местности под названием Кырк-Эр, расположенной в пределах седьмого климата», то есть, по интерпретации автора, в Крыму. При этом отмечается, что выражение «Кырк-Эр» в монгольском языке означает «сорок мужей». В одном из списков «Равзат ас-сафа» Мирхонда имеется также вариант, в котором название «кыргыз» связывается с традиционным выражением «кырк кыз», то есть «сорок девушек» [360. — С. 158–160]. Однако следует отметить, что генеалогические предания о происхождении кыргызов, сохранившиеся в вышеотмеченных источниках, перекликаются с легендой о происхождении народа от сорока девиц (кырк кыз) из страны Хань, приведённой в «Юаньши». По-видимому, именно с этой легендой связано название владения Усы — «владение азов», которое источники также обозначают как Кыргызскую землю [345. – С. 53; 356. – С. 75–76].

Отметим, что в данном случае речь идет о владении енисейских кыргызов Ус (аз), расположенного в степях Западной Монголии. В орхоно-

енисейских рунических текстах оно отмечалось под названием Йирим аз (владение азов) [23.-С.15.] на Ангаре, где азы имели соседями кимаков, кыпчаков, канглы и др. Затем, азы поэтапно стали мигрировать на запад. Согласно сведениям Махмуда Кашгари, часть племени азкеше («люди аз») мигрировала на запад и была удостоена упоминания наряду с аланами и касами (касогами), что, без сомнения, указывает на их принадлежность к тюркским племенам [73.-С. 587]. В монгольскую эпоху азы проживали по соседству с мангытами и вместе с ними мигрировали на запад из районов Ангары. В Золотой Орде азы или аз-ширины возглавляли правое крыло его войска и политический центр последних находился в Крыму. В связи с чем, Крымское ханство могло состоять из сорока бейликов (земель). Согласно Э.Челеби, еще при Джучи аз-ширины добились статуса брачующего рода в улусе старшего сына Чингиз хана. Э.Челеби писал: «Всего в Крыму 40 бейликов. Первый среди беев – орский бей… Затем следует Ширин-бей… Все крымские ханы отдают своих дочерей за Ширин-беев. Поэтому они являются свойственниками ханам» [521.– С. 99-100].

Следовательно, анализ сведений в исторических источниках указывает на то, что владение «Кырк Эр» отмеченный в рассказах Мирхонда и владение Ус в Западной Монголии в китайских хрониках, принадлежали одному и тому же племени азов или кыргызов, часть которых поэтапно мигрировала на запад в средние века. На Северном Кавказе владение азов также как и на востоке назывались в связи с термином Кырк Эр. В монгольское время азы или аз-ширины вошли в состав улуса Джучи, а затем в Крымское ханство, которое также состояло из сорока бейликов или земель (Кырк Эр).

Стало быть, в генеалогических преданиях, упоминаемые в средневековых источниках, связанные с терминами «кырк кыз» («сорок девиц») и «кырк эр» («сорок мужей») использовались для обозначения владения азов (усинцев) или кыргызов. Это также подтверждается тем, что вторая часть термина «кырк эр» -«эр» имела два значения: первое- «сорок мужей/человек/воевод (букв. эр-мужи) и второе - «владение». Т.е. «кырк эр», прежде всего, означал владение племени азов или кыргызов, которое состояло из сорока мелких земель («йер»). Например, в эпосе «Манас» главный герой Манас имел сорок/кырк чоро (витязи) [335.-С.181.], олицетворявших сорок земель кыргызов, объединенных под его единоначалием.

Следовательно, из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы: во-первых, исторические источники подтверждают связь этнонима «кыргыз» с древними азами и горным ландшафтом; во-вторых, обнаруживается тождество азов, упомянутых в орхоно-енисейских рунических надписях, с азкеше у Махмуда Кашгари, а также с азами и аз-ширинами Золотой Орды; В-третьих, прослеживается тождество

(идентичность) народов, упоминаемых в источниках под названиями «аз» и «кыргыз»; в-четвертых, источники свидетельствует об одновременном проживании этнических групп, обозначаемых как азы или кыргызы, как на Саяно-Алтае и Тянь-Шане, так и на Северном Кавказе с древних времен.

Отсюда можно полагать, что источники древности и Средневековья вполне обоснованно упоминали кыргызов и азов как соседние, а в ряде случаев — и как тождественные племена. Эти сведения подтверждаются выявленными археологическими, лингвистическими и текстологическими данными, указывающими на наличие между ними устойчивых этногенетических и этнополитических связей. Данная взаимосвязь прослеживается в различных временных пластах исторического развития Центральной Азии и отражает как территориальную близость, так и возможное происхождение из общего этнического ядра, сложившегося в условиях взаимодействия ираноязычного (скифского), тюркоязычного алтайского компонентов. Т.е. с точки зрения этногенеза, кыргызы и азы могли восходить к общему ирано-сакскому (европеоидному) субстрату, адаптированному в тюркоязычной среде в ранний железный век. В ряде источников прослеживаются указания на то, что азы могли быть одним из ранних компонентов этнического ядра кыргызов, представлявшую аристократический клан в племенном союза кыргызов.

Следовательно, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что упоминания кыргызов и азов в древних и средневековых источниках как родственных или идентичных племен находят подтверждение в материалах исследования. Это позволяет обоснованно говорить о кыргызо-азском единстве как о значимом элементе этногенеза и политической истории тюркоязычного населения Центральной Азии в ранний и средневековый периоды.

Однако, отметим, что в научной литературе были высказаны различные версии о происхождении этнонима «кыргыз». Некоторые связывают его с географическими названиями и термином «кырык» («кыргу» – красный), другие – с числительным «кырк» (сорок) и этнонимами «огуз», «аз» или «юс».

Среди различных гипотез происхождения этнонима «кыргыз» наиболее ранней считается версия, предложенная в 1840 году Д. Банзаровым. Он интерпретировал название как производное от тюркского числительного «кырк» (сорок) с аффиксом множественного числа «-ыз», что, по его мнению, означало «сороковики» — народ, состоящий из сорока родов [65. — С. 184]. В. В. Радлов этимологизировал этноним как «кырк юз» — «сорок сотен», подразумевая объединение сорока сотен воинов или племен [417. — С. 103, 106; 418. — С. 18–19]. Турецкие ученые Х. Атласов, М. М. Ремзи и другие, чьи взгляды проанализировал и поддержал М. Кылдыроглу, выдвинули гипотезу о слиянии числительного «кырк» с этнонимом «огуз».

Впоследствии эту версию поддержали И. Н. Березин, Б. Мункаши, Г. Супка и Нажип Асым (1896), трактовавший название как «кырк огуз» — «народ сорока рек», при этом «огуз» рассматривался в значении «река» [303. — С. 6–7]. Башкирский ученый З. Валиди-Тоган предлагал иную интерпретацию, выводя «кыргыз» от словосочетания «кырк эр» — «сорок мужчин» или «сорок богатырей» [349. — С. 7]. Венгерский тюрколог Л. Лигети, в свою очередь, указывал на морфологическую структуру слова «кыргыз», производного от числительного «кырк» и аффикса множественного числа «-ыз», характерного для древнетюркского языка. В таком контексте «кыргыз» также мог означать «сороковики» [65. — С. 184].

Ю. А. Зуев рассматривал две версии происхождения этнонима «кыргыз». По первому варианту, название могло происходить от сочетания слова «кыр» (степь) и этнонима «кун» («хун»), что означало бы «степные гунны». Второй вариант связывает происхождение с индо-иранским словом karkasa — «орел», «гриф» [202. — С. 74–85].

По мнению К. Петрова, этноним «кыргыз» происходит от тюркского прилагательного «кырыг» (или «кыргу»), где суффикс «-ыз» выступает как аффикс множественного числа. Он предполагал, что термин «кырыг» с аффиксом «-ыз» в процессе языковой эволюции преобразовался в форму «кыр/ы/гыз» [392. — С. 81]. По Н. А. Баскакову, этноним «кыргыз» мог состоять из двух элементов: первый связывается с цветом — «кыргу», «кырыг», «кыргы», что означает «красный», а второй — с названием конкретного племени — гузов или огузов. Таким образом, -«кыргыз» мог означать «красные огузы», «огузы, локализованные на юге» или «западные огузы» [83. — С. 92–93]. По мнению А. Н. Кононова, популярные формы этнонима — «кыргун», «кыргут», «кыргыз(с)» — представляют собой формы собирательности и множественного числа от основы «кыр» — «красный» [282. — С. 84]. Тувинский ученый Б. Монгуш связывал этноним с числительным «кырк» — «сорок» и этнонимом «аз» или «уз» [370. — С. 148].

Однако анализ показывает, что большинство ученых склоняются к версии, объясняющей происхождение этнонима «кыргыз» числительным «кырк» — «сорок». Менее убедительными считаются гипотезы, связывающие этноним с терминами «кыр» («степь»), «огуз» или «гуз» («огузы»), поскольку кыргызы не были степняками.

Следовательно, легенды о происхождении кыргызов от огузов, вероятно, возникли позднее — после начала миграции огузских племен на запад, которая последовала за уничтожением енисейскими кыргызами Тогуз огузского каганата на Орхоне в 840 году и установлением Кыргызского Великодержавия в Центральной Азии. В этот период огузы и другие племена, покоренные кыргызским каганом, могли принимать этноним «кыргыз» независимо от места проживания — будь то горы, степи и прочее.

В частности, часть енисейских кыргызов могла вместе с огузами мигрировать в Ферганскую долину, где последние, возможно, имели этнополитические связи с огузами Султана Санжара.

Однако, по-видимому, важным аспектом исследования должно быть выявление генетической взаимосвязи азов и кыргызов, которые в древних и средневековых исторических источниках указывались всегда вместе. В них азы и кыргызы упоминались как соседние племена, населявшие как на Саяно-Алтае, так и Тянь-Шане.

В связи с вышеизложенным в настоящей работе мы попытались проанализировать сведения из исторических источников о кыргызы и азах, а также рассмотреть этногенетические, этнополитические и этнокультурные связи между этими народами. В рамках исследования также будут изучены этнические отношения кыргызов и азов с другими племенами Саяно-Алтая и Тянь-Шаня.

Следует отметить, что кыргызы в исторических источниках еще с древних времен характеризовались как горный народ Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. Основные переводчики китайских хроник И. Я. Бичурин и Г. П. Супруненко локализовали кыргызов одновременно в районах Енисея и Тянь-Шаня. И. Я. Бичурин енисейских кыргызов называл цзянькунями, гэгунями и другими подобными названиями, а тяньшаньских кыргызов связывал с племенами полу, болу и болюй, отмеченными им в районе Куньлуня в Тибете и связывавшимися с последующим переселением на территорию современного Кыргызстана. И. Я. Бичурин в пояснениях к переводу китайского сочинения «Описание Западного края» отмечал, что нынешние кыргызы прежде обитали к югу от Хотанских гор, неподалеку от северных пределов Тибета, а уже в IV в. появились на нынешних местах под китайскими именами болу, булу и болюй. По его мнению, названия болу и булу сходны со словом «бурут», которое он считал древним именем кыргызов [99. – С. XXVIII]. Позже мнение И. Бичурина подтвердил Е. Кычанов, который перевел китайские хроники, имевшие отношения владения Булу, зафиксированного в одной из китайских хроник XVIIв. [138.– С.10]. В источнике отмечалось, что в период династии Тан нынешние буруты назывались «булу … или по другому наименованию болюй» [138.– С.10]. По его мнению, названия «болу» и «булу» сходны со словом «бурут», которое он считал древним именем кыргызов [99. – С. XXVIII]. Дополнительное основание для такого сопоставления дают сведения китайских хроник, переведенные Е. Кычановым. В источнике отмечается, что в период династии Тан нынешние буруты (кыргызы) назывались «булу … или по другому наименованию болюй» [138. – С. 10]. Г. П. Супруненко, в свою очередь, попыталась определить локализацию групп, носивших название «кыргызы», и различала енисейских кыргызов — цзянькуней и

тяньшаньских кыргызов — йегу [465. – С. 237], которые могли иметь связь с болу или болюй.

Однако, отметим, что арабо-персидские авторы также локализовали кыргызов на Саяно-Алтае и Тянь-Шане. В сочинении «Худуд ал-алам» X в. кыргызы упоминаются в Кашгарском округе, где локализовались вблизи Кашгара, на границе земель ягма, Тибета, кыргызов и Китая [345. – С. 47]. На севере кыргызы были представлены в Минусинской котловине, а также в составе владений кимаков, где упоминается область Каркара(х)ан, жители которой, согласно автору «Худуд ал-алам», «по своим обычаям напоминают кыргызов» [178. – С. 50].

Н. Бекран в своей книге «Джекан-наме» также связывал кыргызов с горной областью Гарчистан [86.], которую В. В. Бартольд связывал с областью верховьев Мургаба [79. – С. 100], где, вероятно, уже в древности проживали предки памирских кыргызов. Согласно Бекрану, в этой области локализовались кыргызы, причем направление их расселения связывалось с Ферганой, Усрушаной и Серебряными горами [86.]. В. В. Бартольд отмечал также употребление названия Гарчистан применительно к горным районам верховьев Зеравшана [79. – С. 100]. Н. Бекран пишет:«Большая гора выступает у пределов Гарчистана» и Гур тянется мимо Бамияна и Пенджехира и достигает городов Вехана. Название ее мы нходим неопределенным. Оно является внешней стороной -спиной Тибета вплоть до границы киргизов и продолжается до пределов Чина. Другой острог поворачивается в направлении Хатлана и достигает предела Ферганы, затем дходит до Джебал и Сим Серебряных гор, что вблизи от города Ашрусте. И таким образом идет до пределов Бухары, и далее указывает, что «пустыня, которая начинается у Ашрусте» и тянется до Ферганы вблизи киргиз, расположена сбоку от этой горы. В этой горе много рудников, особенно Ашрусте,-так что эти горы называют Серебряными»… [86; 331.-С.18.]

Сведения Бекрана в определенной мере согласуются с данными «Истории Северных Вэй» («Бэй ши») о западном крае, где сообщается о владении Булу, находившемся к северо-западу от Агоуцян… а государство Агоуцян располагалось к юго-западу от Шаче. С запада от него находились горы Сяньду, то владение Агоуцянов как раз могло граничить с Горным Бадахшаном. Таким образом, владение Агоуцян располагалось в районе, непосредственно связанном с горными районами к северу и северо-востоку от современного Бадахшана. Владение Болу, согласно «Бэй ши», находилось к северо-западу от Агоуцян, который лежал от Яркенда на юго-запад [101.–С.266; 331.-С.17.]. Т. е. в Горном Бадахшане. Однако, китайские хроники также отмечали о группе пулу (болюй) серлакских, живших в долинах и ущельях Луковых гор к западу от Тибета [101.–С.178, 243, 319-320], что по мнению Аристова соответствовал Сарыколу, где жили памирские кыргызы [46.–С.49-55].

Название Болу традиционно сопоставлялось исследователями с этнонимом «бурут», одним из исторических названий кыргызов, а само владение Болу рассматривалось как кыргызская страна. В этом контексте сообщение «Бэй ши» представляет интерес как дополнительное свидетельство древнего пребывания кыргызов на Памиро-Алае и в Сары-Кол [334. – С. 135], где, согласно кыргызскому эпосу «Манас», с этим пространством связываются такие племенные группы, как нойгут, окчу, думара и др. [331. – С. 18].

Отметим, что примерно аналогичная пространственная картина прослеживается и у Истахри, который описывает горы Гур, перед Ваханом разветвляющиеся в сторону Мавераннахра и далее доходящие до Илака и Шаша, вблизи которых локализовались кыргызы; в этой же связи он упоминает серебряные и золотые рудники [345. – С. 20, 31].

Таким образом, сведения Бекрана и других средневековых авторов позволяют видеть устойчивую пространственную связь Гарчистана с горными районами, Ферганой и Серебряными горами, которые, по всей видимости, соответствуют Кумуш-Тагу в долине реки Талас. В таком случае, кыргызы-йегу, проживавшие в районе Аргу-Тага (Белых гор) [103. -С. 358; 200. -С. 205], могли быть тождественны племенам болу, болу и болуй (бурут), отмеченным в районе Куньлуня в Северном Тибете и входившим в Кашгарский округ. Следовательно, можно предположить, что эти кыргызские группы могли перемещаться в западном направлении — от района Куньлуня и Аргу-Тага через Кашгар и Или-Талас, далее в сторону Памиро-Алая, Сарыкола и Горного Бадахшана. В тюркскую эпоху последние входили в состав Западнотюркского каганата и представляли союз племен нушиби.

Однако следует отметить, что в китайских хрониках место локализации кыргызов-цзянькуней непосредственно не указывается. Вместе с тем они упоминаются наряду с северными племенами угэ, динлинами, цзюеше и синьли, которые проживали в горных районах Саяно-Алтая и подвергались нашествиям со стороны хуннских шаньюев Модэ и Чжичжи [90. – С. 109]. С учетом этих обстоятельств академик В. В. Бартольд локализовал кыргызов хуннского времени в Минусинской котловине и в районе озера Хяргяс-Нур, в степях Западной Монголии [72. – С. 6–7].

Однако, еще в 1960 годы Н. Л. Членова [522. – С. 219–222; 461. – С. 65–66], затем современные исследователи В. В. Ушницкий [491. – С. 110] и Ю. Н. Есин локализовали кыргызов на Енисее еще до эпохи хунну. Последние связывали кыргызов с тагарской культурой. Примечательно, что еще в 1960-е годы Н. Л. Членова, опираясь на археологические материалы могильников Бес-Шатыр, указывала на факт переселения части саков-тиграхауда, потерпевших поражение от царя Дария, в Минусинскую котловину в 518–519 гг. до н. э. [522.-С. 218-219.]. Особо можно отметить

работу Ю. Н. Есина, который изучив и последовательно проанализировав все сведения о кыргызах в китайских хрониках, убедительно локализовал кыргызов именно в Минусинской котловине. Как утверждает ученый все сведения о кыргызах в китайских хрониках, указывают на их проживание в Минусинской котловине. По его мнению, владение енисейских кыргызов — цзянькуней — являлось центральным из трех основных владений (Канцзюй, Динлин, Цзянькунь) и охватывало степные и лесостепные территории вдоль реки Енисей. В своих исследованиях Ю. Н. Есин дал источниковедческое обоснование научным изысканиям археологов, которые еще ранее отождествляли тагарскую культуру с енисейскими кыргызами. Ю. Н. Есин полагает, что древнейшие кыргызы, впервые упомянутые в китайских хрониках в связи с северными походами шаньюев Маодуня и Чжичжи, могут быть соотнесены с населением Минусинской котловины в поздний период тагарской археологической культуры (а возможно, и на протяжении всей ее истории) [184.-С. 37–38].

Однако отметим, что в отличии от от енисейских кыргызов, месторасположение тяньшаньских кыргызов-йегу привязывается к конкретной территории — к горам Бай-Шань в Восточном Туркестане. Согласно И. Бичурину кыргызы-йегу локализовались от оазиса Хами на запад, от Карашара на север, под Белыми горами (Бай- Шанем) [103. -С. 358; 200. -С. 205]. Согласно китайским хроникам народ мукрины (или мукри) жил на «западной границе империи Вэй, на восточных отрогах Тянь-Шаня и Бай-Шаня» [147. - С. 342.]. Т.е. там же, где жили кыргызы. Исторические источники располагали мукринов (мохэ) вместе с согэ и алишэ в верховьях Или и Северного Тянь-Шаня вплоть до Хами, где обнаруживался город Мохэ [147. - С. 342-343.]. Отсюда в согэ можно видеть потомков саков-тиграхауда или кыргызов Бай-Шаня. Очевидно, это первое сообщение, когда кыргызов можно отождествить с саками-тиграхауда.

Н. Я. Бичурин в комментарии о Бай-Шане писал: «Кряж Небесных гор начинается в Кашгарском округе от Аргу-тага (горы Аргу); китайцы называют их Белыми горами Бай-Шань» [100.–С. 41; 200.–С. 205]. Т.е. согласно ему китайцы под Белыми горами (Бай-Шань) понимали Аргу-Таг [100.–С. 41; 200.–С. 205]. Следовательно, кыргызы проживали в районе горы Аргу-Таг. Не будет излишне заметить, что еще Махмуд Кашгари в своей книге «Диван лугат ат-тюрк» упоминал одноименное племя и страну под названием Аргу в контексте манихейских объединений чигиль [257. — С. 304; 205. — С. 22], которые обитали в долине реки Кунгес, в западной части Ганьсу (Синьцзяна) [200. — С. 256]. Т.е. в районе Аргу-Тага. Махмуд Кашгари отмечал: «Аргу –«ущелье», то, что находится между двумя горами. Страну, расположенную между Таразом и Баласагуном называют «Аргу», так как она располагается между двумя горами» [259. –С.155]. По мнению З.

В. Тогана, племена аргу кочевали в долинах Чу и Таласа, а затем переселились в Кашгар [574.-С. 60].

Следует отметить, что Ю. А. Зуев проанализировав вышеприведенные сведения китайских хроник об Аргу-таге писал, что «аргу» (arγu), использованное в «Книге», связано с тохарским «Б. arkwi» [отсюда тюрк. arquj, arqun, arxon...] и переводится как «белый», «серебряный», «чистый». Это слово воспринималось китайцами как «белый», что подтверждается случаем калькирования, приведенным в труде Н. Я. Бичурина: «Кряж Небесных гор начинается в Кашгарском округе от Аргу-тага (горы Аргу); китайцы называют их Белыми горами Бай-Шань» [200.–С. 205]. Это тохарское заимствование омонимично тюркскому «arγu/arqu», что в значении «ущелье». В связи с чем, по его мнению, название «страна Аргу» воспринималось исследователями как страна с долинами между горами или страна, изрезанная ущельями [200.–С. 205]. Значит, под племенем аргу М. Кашгари можно понимать, объединение, которое обитало в горной местности с множеством ущелий, что указывает на его происхождение в связи с ландшафтом местности.

Следует отметить, что Ю. А. Зуев определил два географических объекта, связанных с названием Аргу-таг. Оба массива, по его мнению, имели прямое отношение к древним азам и кыргызам. Первый из них — гора Аргу-таг, или Белые горы, — располагалась в Восточном Туркестане [100. -С. 41; 200. -С. 205.], где отмечались кыргызы (горы Байшань) [103. -С. 358; 200. -С. 205.]. Второй объект находился севернее — в районе священного Серебряного источника Аркуй-булак (кит. Алэхуй-булахэ), который, согласно источникам, располагался к востоку от земель енисейских кыргызов-цзянькунь, предположительно в пределах владения азов «Йирим Аз» [330.-С. 62,67; 284.–С. 12; 115.–С. 71.] в степях Западной Монголии. Ю. А. Зуев сопоставляет -Аргу-таг (Белые горы) в Восточном Туркестане [100. -С. 41; 200. -С. 205.] и Аркуй-булак с источником, упомянутым у подножия Серебряной горы Монгур (Манкур) — в землях семи кимакских племен, описанной ал-Бируни [200.–С. 124; 53.–С. 154.].

В связи с вышеизложенным отметим, что в докимакскую эпоху земли, расположенные к востоку от Енисея, входили в состав Великого Кыргызского каганата, где локализовались кыргызские владения Ус, Кяньжоу, а также самые восточные области – Илань- жоу, Ханьхэна и Анкэла (Ангара) [345.-С.26.], находившиеся Западной Монголии и Прибайкалье. Отсюда реку Манхар аль-Идриси, игравшей важную роль в жизни кыргызов, можно сопоставить с названием горы Манкур аль-Бируни. Очевидно, что историографы одну и ту же реку или район, где находился серебряный источник и протекала большая река называли по-разному, в одних случаях Аркуй-Булак, в других Манхар, в-третьих Серебряная гора Монгур (Манкур) и т.д. Аль-Идриси пишет: «Страна киркиров обширна,

плодородна, часто посещается путешественниками, хорошо орошается многими реками, доходящими сюда от китайских границ; главная из этих рек носит имя Манхаз (в других переводах Манхар). Киркиры сжигают своих умерших и бросают их пепел в Манхаз, а кто живет далеко от реки, те собирают пепел и пускают по ветру...» [213.-С. 106].

Следует отметить, что сведения, подчеркивающие важную роль реки и речных духов в жизни народа, встречаются как у усинцев, так и у кимаков [356.-С. 75; 16.-С. 279.]. В источниках рассказывалось о владении серебряных усинцев или усуту-мангунов [200. -С. 135], которые по мнению Ю.А. Зуева жили в районе Серебряного источника Аркуй-булак (Серебряной горой Монгур/Манкур) в стране семи кимакских племен, упоминаемой ал-Бируни [200. -С. 124; 53.-С. 154.].

Согласно Ю. А. Зуеву, в древности гора Аркуй-Булак принадлежала скифским племенам — асиям и тохарам. По его данным, в средние века в районе Аркуй-Булака и его окрестностях, в том числе вблизи Ангары, проживали аз, йирим-азы, чигили, булаки, ташили, канглы, кимаки, кыпчаки, алакчины и другие племена. В монгольскую эпоху здесь кочевали азы (усы), булугачины, керемучины, хонгираты (хонгир/ат), мангыты, онгуты (кыргызск. нойгут) и другие группы, в том числе, по мнению исследователя, восточная ветвь племени «аргу/т». В этом отношении одно из племен тюрков-шато онгутов (орхун) можно связать с древними ху или хунну (орхун), которые жили в степях Орхона (орху/н) в Монголии. Это позволяет нам отождествить асиев и аримаспеев [143. IV. 27.], упоминаемых античными авторами, с азами и йирим-азами [330.-С. 62,67; 284.–С. 12; 115.–С. 71.] известными по руническим надписям. Тождество аримаспеев, описанных Геродотом (V в. до н. э.), с йирим-азами может свидетельствовать о существовании тесной этнической связи между скифскими объединениями асиев, тохаров и аримаспеев, упоминаемых в античных источниках и племенами цзянькунь, усуней (асиев), юэчжи (тохаров) и синьли (канглов), зафиксированными в китайских хрониках. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать асиев, тохар, цзянькуней (кыргызов) и других в качестве носителей тагарской культуры (VIII–III вв. до н. э.).

Мы уже писали о том, что асии и аримаспеи могли соответствовать двум владениям азов, которые, вероятно, имели общее название цзянькунь (кыргыз) [16.-С. 148]. Согласно И. В. Кормушину, азы компактно проживали в двух владениях: одни – «по южную сторону Западного Саяна», другие – на территории современной Хакасии, рядом с кыргызами [330.-С. 62,67; 284.–С. 12; 115.–С. 71.]. Речь идет об азах, о которых В. Бартольд писал, что в рунических надписях, вместе с кыргызами, несколько раз упоминается народ аз [68.-С. 485.]. В одном из рунических текстов представитель западномонгольской ветви азов, попавший в плен Кюльтегину, называл свою страну «Йирим Аз»/«страна Азов» [330.-С. 62,67; 284.–С. 12; 115.–С. 71.],

что соответствует Кыргызскому владению Ус/Аз или серебряных усинцев (или усуту-мангунов) [356.-С.74-75.], которые кочевали на восток от Енисея до Ангары, а возможно и до Аргуни.

Академик В.В. Бартольд считал возможным сопоставление рунических азов (Западной Монголии) с тюргешами – азийцами. Изучив рунические надписи Тонукука, он отметил упоминание племени аз вместе с кыргызами и отнес семиреченских азов к ветви тюргешей, располагающейся в восточных землях Тюргешского каганата. В своих трудах он писал: «… ко времени завоевания Семиречья карлуками тюргеши разделились на два поколения – на тохсийцев (тухси) и азийцев» [68.-С. 36.]. Д.Г. Савинов считал, что в VII–IX веках народ «ач» (аз) составлял основу кыргызского этноса [16.-С. 207.]. По мнению В.Бутанаева и Ю.Худякова, народ «аз» или «ач» следует отождествлять с царствующей фамилией Кыргызского государства, которая зафиксирована в китайских хрониках в форме «ажо» (ажэ). В.Бутанаев и Ю.Худяков писали, что «исходя из контекста памятника в честь Куль-Тегина, можно предположить, что «азы» соответствовали понятию элитарной части кыргызов...» [112.-С. 72.]. Тюргешские азы и тухсы сражались во главе с Ченгбеком на стороне Барсбек кагана в битве на Черни Сунга в 711 году [16.-С. 338.].

Следует отметить, что ранее мы уже отождествляли союз племен нушиби, возглавляемый тухсы, с кыргызами-йегу [16.– С. 184, 205]. Соответственно, племена тухсы, асиги, гешу и басайганы были тесно связаны с кыргызами-йегу, упоминаемыми в китайских хрониках [465. – С. 239] и с хархезами Менандра [186. – С. 8]. В пользу родства енисейской и тюргешской ветвей азов прежде всего свидетельствует тождество двух племен асиги (азов) [23.-С. 15], входивших в союз Нушиби, с двумя владениями азов, локализованных И. В. Кормушиным на Енисее и Западных Саянах [284.–С. 12.]. Название племени нушиби — басайган — легко отождествляется с именем аристократического клана енисейских кыргызов барсом [329.-С. 39.], к которому принадлежал Барсбек-каган.

Согласно Ю. А. Зуеву, в древности гора Аркуй-Булак принадлежала скифским племенам — асиям и тохарам. По его данным, в средние века в районе Аркуй-Булака и его окрестностях, в том числе вблизи Ангары, проживали азы, йирим-азы, чигили, булаки, ташили, канглы, кимаки, кыпчаки, алакчины и другие племена. В монгольскую эпоху здесь кочевали азы (усы), хонгираты (хонгир/ат), мангыты, онгуты (кыргызск. нойгут) и другие группы, в том числе, по мнению исследователя, восточная ветвь племени «аргу/т».

Следовательно, основываясь на вышеизложенном, можно предположить, что происхождение этнонима «кыргыз» целесообразно рассматривать в связи с географическими особенностями местности, где жили кыргызы. Не исключено, что предки кыргызов, проживавшие в стране

Аргу — в краю Небесных гор, изрезанном ущельями, — могли, подобно племени аргу («ущелье»), упомянутому Махмудом Кашгари, получить свое название от горы Аргу-Таг. Отметим, что если этноним «аргу» действительно восходит к тохарскому заимствованию aγγu /arqu, означающему «ущелье», то этнонимы «аргу» и «кыргыз» могут рассматриваться как тюркизированные формы древнего индоевропейского слова с аналогичным значением. Т.е. «аргу» и -«кыргыз» могли быть синонимами. Очевидно, «аргу» представлял стяженную форму этнонимов «карку/р/кыркур» или «карку/з/кыркуз» [545.-С. 124–125], о чем скажем чуть ниже. В этом контексте слово «аргу» (в значении «ущелье») может рассматриваться как своеобразная калька или семантический прообраз для китайских этнонимов «гэгунь», цзянькунь, «гэгунь», «килигисы», «цигу», «йегу», «хэгу» и «хягас», которые по утверждениям авторитетных синологов транскрибировались в форме «кыркур» и «кыркуз» [545.-С. 124–125]. В качестве возможных лексических параллелей «аргу», «кыркур» и «кыркуз» можно привести английское и французское gorge/коч («ущелье/кууш капчыгай»), которое использовалось в географическом контексте. Данный термин, вероятно, восходит к праиндоевропейским корням, связанным с природной топографией — горной местностью, ущельями и пересеченным рельефом.

Следовательно, имеются основания рассматривать этноним «кыргыз» в тесной связи с названием племени и области Аргу, а также с топонимом Аргу-Таг, трактуемым в значении «ущелье». Значит, в древности нас интересующими наименованиями обозначали народ, проживавший в гористой местности, изобилующей ущельями, узкими долинами и водными проходами, что, в свою очередь, отражалось в самоназвании народа. Отсюда можно предположить, что этнонимы «аргу» и «кыргыз» представляют собой тюркизированные формы древнего индоевропейского слова «aгγu/arqu», обозначающего «ущелье». Т.е. этноним мог иметь разные формы, одни из которых сохранились на английском и французском языках в форме «gorge» («ущелье») и латинском «gurgēs» («водоворот», «глубокое место», «ущелье» в переносном смысле). По аналогичному принципу могли сформироваться и другие этнонимы, связанные с потомками древних индоиранских племен Саяно-Алтая, такие как «Канха/Карха», «Кангар/Каркар», «Ханхан/Ханха/р».

В этой связи представляет интерес семантика древних географических обозначений. В. Ушницкий отмечал, что одно из кыргызских владений в Западной Монголии называлось «Ханхан», что означало «ущелье» [491. – С. 48]. Термин «аргу» также мог обозначать ущелье или горную теснину и иметь семантические параллели с «ханхан», а также с широко распространенными в Центральной Азии терминами танг/данги — «теснина, ущелье, узкая долина». Показательно, что подобная терминология сохранилась в топонимии Кыргызстана и Таджикистана: Данги-суу, Танги-

Ворух, Бартанг и др. Таким образом, обозначения типа «аргу», «ханхан» и «танг/данги», вероятно, могли использоваться для характеристики горных ущелий, теснин и межгорных долин, в том числе лесистых местностей у подножия гор.

Подобная связь географических обозначений с этнополитическими названиями позволяет предположить, что некоторые древние этнонимы также могли первоначально иметь территориальное или географическое содержание. В этом отношении заслуживает внимания возможная фонетико-семантическая параллель между данг/данги и китайской формой «динлин», а также между танг/танги и отдельными вариантами этнонимов типа «теленг/теленги». В рамках этой гипотезы можно предположить, что «динлин» мог иметь более широкое территориальное и этнополитическое содержание и обозначать родственные группы населения, включая усуней, гаочэ, кыргызов, кюеше, синьли другие объединения. Возможно, распространение этого наименования на север было связано с миграциями древних групп с юга. Аналогичным образом могут рассматриваться формы канг/канха и канглы/канлин. Вместе с тем приведенные фонетико-семантические соответствия пока не позволяют говорить о доказанном этимологическом родстве и требуют специального лингвистического исследования.

Следует отметить, что в китайских хрониках, как, впрочем, и в научной литературе, этноним «динлин» обычно придавали более широкий территориальный и этнополитический охват, чем этноним «кыргыз», традиционно локализуемому в Минусинской котловине и прилегающих районах Саяно-Алтая. В этом отношении можно допустить мысль о том, что этноним «цзянькунь» мог быть наименованием народа Минусинской котловины на тюркском языке, тогда как «динлин» — его же названием, использовавшимся в китайской традиции для обозначения более широкого круга племен, имевших с ним этнополитические и этнокультурные связи. Такое понимание согласуется с мнением В. С. Таскина, относившего динлинов к тюркоязычным народам, что позволяет рассматривать и население Минусинской котловины в составе данной тюркоязычной общности [465.-С. 136, прим. 111]. Учитывая, что хойху в китайских источниках также относятся к динлинам, можно предположить, что в определенных исторических контекстах обозначения «цзянькунь» и «динлин», «усунь» и «динлин», а также «цзянькунь», «кыргызы» и «синьли» («канлы») могли быть не только родственными, но и тождественными обозначениями одного народа либо одной этнополитической общности. Следовательно, различия между этнонимами, зафиксированными в китайских источниках, не всегда свидетельствуют о различии самих народов, а могли отражать различные уровни этнической, политической и территориальной идентификации населения Саяно-Алтая.

Следует отметить, что улус Ханхан (Ханьхэна) вместе с Кыргыз, Усы, Кяньчжоу (Кэм-Кэмджиут), Анкэла (Ангара), Иланьджоу [491.-26.], входил в состав Кыргызского каганата. В эпоху династии Тан и Юань был известен также под именами ханас, хабханас, ханьхэна, лыжные тюцзюэ. В. В. Ушницкий связывал ханьхэна, хамханас (хабханас) и хангмазы (камасинцы) с названием племени хангалас, который мог иметь стяженную форму хаас. Он далее пишет: «Однако, этноним «хамханас» выводиться от слова ханхан-ущелье, а канг-от названия реки Кан» [491.-С.48.]. В этой связи особый интерес представляет род кангит, входящий в состав хаас (качинцев). Б. И. Татаринцев рассматривал хакасские этнонимы хаас и хасха как родственные этнониму канг [472.-С. 118]. Возможно, кангиты были осколком древних эчжи-канггач. Близкая форма этнонима «канггач» зафиксирована в генеалогии могольского князя Анга Торе (XVI век) в форме антропонима «кункош» [346.-С. 227–228], который был отождествлен с канглы. Это позволяет проводить параллели: «канггач» – «кункош» – «хааш» – «хаас».

Отсюда можно предположить, что одно из племен дубо – хэйчецы/хэчже/эчжень/эчжи-канггач [545.-С. 125] – имело этническую связь с кангач/кункош/канглы. Кроме того, можно сделать ряд необходимых сопоставлений «канха/канха/р/«каргар/кангар», кангар/л/ас с «кангорай», а также «аргу», «кыргыз/к/аргу/з», «Аргу-таг» и «Аркуй -булак» на Ангаре, где жили азы или йирим азы, мангыты, белые татары-онгуты/аргуты (оргуты, нойгуты).

Следовательно, этнонимы «аргу» и «кыргыз», вероятно, являлись синонимичными по своему смысловому содержанию и восходят к общему скифскому корню. Это позволяет предположить, что предки племен аргу и кыргызов могли унаследовать свои наименования от скифских племен, обитавших в районе Аргу-тага еще в эпоху скифов-тиграхауда, а также асиев (усуней) и тохаров (юэчжи-массагетов), упомянутыми в античных и китайских хрониках [89.-С. 153-154; 16. — С. 159-163]. Стало быть, формирование нас интересующих этнонимов, возможно, происходило на фоне ранних этнокультурных взаимодействий между ираноязычными скифскими племенами и тюркоязычным населением Саяно-Алтая и Тянь-Шаня.

О племенах скифского времени рассказывается в «Махабхарате», «Авесте» и «Шах-наме», где в качестве центра их страны указывается среднее течение Сырдарьи. В «Махабхарате» упоминаются три племени: канха, шака и тукхар [398.-С. 49.] с центром на Сырдарье. Однако, названия вышеуказанных племен легко отождествляются с древними скифскими племенами Минусинской котловины: «шака» с саками-тиграхаудами, «канха» с синьли (канглы) или владением енисейских кыргызов «кангорай», а «тукхар» с античными тохарами (юэчжи), которые рассматривались как восточная ветвь массагетов. Т. е., речь идет о связи Турана с восточными

кочевниками асиями (усунями), тохарами (юэчжи) античных авторов и цзянькунями, синьли (канглы) китайских хроник, которые жили на Енисее в скифское время. Вышеприведенные сопоставления еще раз убеждают нас справедливости мнения Н. Л. Членовой, которая, опираясь на археологические материалы могильников Бес-Шатыр, доказывала о переселении части племен саков-тиграхауда, потерпевших поражение от царя Дария, в Минусинскую котловину в 518–519 гг. до н. э. [522.-С. 218-219.].

Однако, следует отметить, что сакские племена мигрировали ни только в Минусинскую котловину. По мнению Б. Б. Монгуша [369.] в скифское время жили сакские племена жили в долине реки Саглы, последние оставили множества царских захоронений в Саглынской или Конграй-Сагай – Сагайской степи» [370.-С.32]. Саки кочевали в землях сумына Сагиль Убсу-Норского аймака в Монголии, а также в «Долине царей» в Центральной Туве [369.].

Б. Б. Монгуш локализовал кераитские племена сакайит и тонкайит в районе долины Саглы или Конграй-Сагай, расположенной не далеко от Убсу-нурской котловины. По его мнению, «Потомками тункаитов являются тувинская родоплеменная группа донгаки [369; 448. -С. 125], а сакаитов – хакасы-сагайцы и тувинская родоплеменная группа саая». Отсюда, он видит в сакаитах потомков саков. Б. Б. Монгуш отмечает: «племя сакаит упоминается в монгольских источниках в этом же регионе, что свидетельствует о непрерывности проживания саков на Саяно-Алтае» [369; 506.-С. 230].

Отметим, что в средние века здесь жили канглы и кераиты, о которых китайские хроники сообщали «Киреиты были предками канглы. Западные именовались канглы, восточные киреитами» [261.-С.59]. Саки или сакаиты тождественны ни только с сагайцами Минусинской котловины. Мы уже писали, что потомки последних встречаются в родоплеменном составе кыргызов-«саяк», тувинцев-саай, якутов- «саха» и всех других современных тюркских народов Центральной Азии. Топоним «Конграй-Сагай» можно отождествить с названием страны енисейских кыргызов Кангорай и с наименованиями родоплеменных групп улуса Анга-Торе — кире и согу [345. – С. 227–228; 5. – С. 52], а также с кыргызскими этнонимами кыйра [60. – С.130.] (конгра/й) и ырай (60.-С. 93.), которые, по-видимому, имели отношение к интересующим нас этнонимам «кераит» и «хоорай». Следовательно, этноним «кангорай», возможно, восходит к сочетанию терминов «кан» и «кара», которое в стяжённой форме могло передаваться в различных вариантах: «кангар», «канграй», «конграй», «кырайт», «кыйра», «кера» и др. В таком случае этнонимы «кераит» и «сакаит» могли представлять собой стяжённые формы названия страны сакаитов — «конграй-сагай», например, в вариантах «кон/гырайит» и «сакайит». Можно

предположить, что первые части этих этнонимов были связаны с компонентами «кан» и «кара», тогда как их конечный компонент мог соотноситься с числовым обозначением «йетти» — «семь». В пользу такой смысловой интерпретации косвенно может свидетельствовать предание Абулгази, который связывал происхождение кераитов с «семью чёрными братьями» — «кара йетти», происходившими от общего предка [6. – С. 100–101]. Однако, вероятно, речь идет об аристократическом клане енисейских кыргызов иди [421. – С. 150] («семь»), упоминаемом Рашид ад-Дином, который вполне может быть отождествлен с племенем еди буур [129. – С. 178], встречающимся в орхоно-енисейских рунических надписях. Очевидно, представители аристократического клана кыргызов иди в эпоху Кыргызского Великодержавия были известны и управляли под именами еди пуур или кара иди (йетти). В. Я. Бутанаев усматривал в потомках еди бууров хакасский род читы-бююр (букв. «семь волков») племени сагай, который, по его мнению, восходит к потомкам великого кыргызского кагана Тиригбека. Предок этого рода, согласно исследователю, запечатлен в скульптурном памятнике «Хосхартас» в Минусинской котловине. Представители рода читы- бююр особо почитали памятник, «ежегодно совершали ему жертвоприношения «хосхартас тайыг» [119.-С.178.].

Следовательно, в кераитах и сакаитах можно видеть кара иди или еди бууров и предков современных сагайцев, которые являлись одними из основных племен кыргызского владения Кангорай. Первую часть этнонима «кераит» — «кера» или «кара» в значении «черный» — можно соотнести с этнонимами «канхоорай», «конграй-сагай», «хоорай» или «кырай», трактуемыми как «собранный народ». В кыргызском языке слово кара («черный») в обобщенном смысле также употребляется для обозначения «народа». Т.е. кераиты западномонгольские кыргызы, которые управлялись кланом кара еди или еди буур.

Б. Б. Монгуш сопоставил название страны — древнего места проживания теленгитов, обитавших в районе Чулышмана, — Конграй (или Конграй-Сагай), с Саглынской степью, расположенной в долине реки Саглы (монг. Сагил-Б. Монгуш), охватывающей обширные степи западной части Убсу-Нурской котловины, где обнаружены множество царских курганов древних саков. При этом он отмечает: «Конграй, как не без оснований полагал Г.Н. Потанин, означает название Енисея, а Конграй-Сагай – Сагайской степи» [369; 412. -С. 32]. Эта местность названа Конгурай-Сагайской степью благодаря тому, что здесь в древности жили потомки сакских племен, которые имели великий сакский племенной союз. Б. Монгуш отождествил топоним «саглы» с этнонимом «сак» в значении «лось». По его мнению, это подтверждается другим топонимом, зафиксированным в том же районе — «кандагайты», который представляет собой кальку слова «саглы» («лось»).

Б. Монгуш в своих исследованиях достаточно убедительно раскрыл этногенетическую и этнополитическую связь древних саков с кераитскими сакаитами, хакасскими сагайцами и тувинскими саай, тем самым доказывая непрерывное проживание потомков саков в данном регионе.

Однако следует отметить, что его изыскания полностью подтверждают нашу точку зрения, согласно которой мы связывали древние владения Канха на Сырдарье и Кангорай в Минусинской котловине с саками-тиграхауда, которых рассматривали как предков енисейских и тяньшаньских кыргызов. На картах 1701 г. сибирского картографа С.У. Ремезова Кузнецкое Алатау обозначено как «Белые горы», где находился центр Алтырского княжества енисейских кыргызов. Владение Алтырского княжества на севере доходило до Белого Июса, а на юге доходило до Западных Саян, на западе простиралось до отрогов Белых гор, верховьев Абакана и Томи. Основное население улуса составляли племя сагай (сагайях). Здесь на Кузнецком Алатау (огибает Минусинский край с западной стороны) располагались священные горы Булан таг (родовая гора Лось) [320.– С. 277-292.]. По поверьям в Булан таг уходят души умерших предков. Булан таг особо почитался хакасскими родами, охотящимися в районах этой горы. Особенно, сагайцами. Это позволяло нам саков отождествить с сагайцами, а название священной горы Булан-Таг (гора Лось) в Минусинской котловине сопоставляли с древним названием вышеуказанной местности — Кандагайты (Буланык/лось), при этом отмечая, что топоним «кандагайты» (лось) представляет собой кальку с названия более древнего «буланык». Исходя из этого мы рассматривали топонимы с тотемом лося Булан-Таг, Буланык, Кандагайты в связи с названиями крупных племен тяньшаньских кыргызов: багыш («лось»), кара багыш («могущественный»), чоң багыш («большой»), бостон багыш, сары багыш («желтый»), кызыл багыш («красный»), окум багыш («приказ») и уч багыш.

Значить, упомянутые выше названия местностей — Булан-Таг, Буланык, Кандагайты и Канграй-Сагай — представляли собой кальку с древнего термина саглы, обозначавшего степь, населенную скифо-сакскими племенами, чьим тотемом был лось». Следовательно, древние времена саки жили в Минусинской котловине, в районах оз. Кыргызнур и Убсунур, р. Улук Хем и Хемчик. Здесь же в Уюке расположена скифская «Долина Царей». Отсюда можно полагать, что саки Саяно-Алтая имели тотем в образе сахатого — лося, что отразилось в названии местности их компактного проживания.

Отметим, что в родословной С. Ахсикенди два из четырех аристократических родов правого крыла кыргызов Кара Багыш (могучий лось) и Мунгуш (ср. с тувинск. «монгуш») связаны с Западной Монголией. Топонимические названия Улук Хем и Хемчик можно сравнить с именами рек и долин в Чон Кемин и Кичи Кемин, а также Чон Алай и Кичи Алай в

Кыргызстане, куда предположительно могли мигрировать кыргызские племена. В долинах рек Чон Кемин и Кичи Кемин проживает часть племени сары багыш (желтый лось), что может указывать на то, что кыргызские этнонимы, связанные с тотемом «багыш» («лося»), могли быть калькой этнонимов «булан» или «сагай» енисейских кыргызов, жившего в районе Булан Тага на Кузнецком Алатау (Белые горы). Значить, названия всех кыргызских племен, связанные с тотемом «лось» [18.–С.440; 60.–С.57-64, 116-125, 165-166, 166-168 – см. таблицы] указывают на связь их предков с саками и территорией Минусинской котловины, Алтая и Западной Монголии. Отметим, что недалеко от оз. Кыргызнур и Убсунура находятся степи Баян Талаа Ховузу, где проживали племена кыргыс, монгуш и куулар [365. – С. 125.]. В эпосе «Манас» упоминается название местности «Баяндынын талаасы», где, якобы, после смерти похоронили Манаса» [365. – С. 125.]. И. Б. Молдобаев сопоставил топоним «Баяндынын талаасы» и Баян Талаа Ховузу. Он также название группы «Барык балыкчан эли» (букв. барыкцы или «барыкский народ»), отраженной в радловской записи эпоса «Манас» [365. – С. 125.] сопоставил с гидронимом Барык, в районе впадающей в Улуг Хем (Кем). В одноименном селе Барык жили представители племен кыргыс, монгуш и тонгак с общим названием барыкские кыргызы. Здесь в селе Ийи-Тал живет компактная группа тувинского племени кыргыс.

Следовательно, скифские племена саки-тиграхауда, асии и тохары являются предками енисейских (кыргызов-хакасов) и тяньшаньских кыргызов, хакасов, тувинцев, алтайцев, саха-якутов Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. Значит, предки современных кыргызов, носители гаплогруппы R1a-Z93, помимо Минусинской котловины и Западной Монголии, занимали также степные просторы Кангая на востоке и Алтая на западе. Через Джунгарские ворота они проникали и в регион Тянь-Шаня. На этой территории до настоящего времени также как и других районах Саяно-Алтая, Монголии и Тянь-Шаня встречаются керексуры (оленьи камни) и кыргызские могильники — «хяргяс ур» («кыргызское гнездо»), которые сегодня учеными признаны элементами единой культуры, получившей название «Комплекс оленьих камней — хиргисуур» [518.].

Однако, весьма любопытно, что одна из гористых областей Кыргызстана изрезанная множеством ущелий с узким водным проходом и поныне известно под названием Нарын, что на тувинском и старомонгольском языках означает «узкий». Т.е. «узкая река/ущелье», что может представлять ассоциированную кальку «аргу» («ущелье»). Здесь же в местности Оорук, имеется ущелье с узкими водными проходами, называемое «Тартар». На кыргызском языке горную местность с множеством ущелий с узкими водными проходами (ущелье) называют «тартар». Это слово образовано от корня «тар» с наполнением, что означает «узкий» («тар»), что

может указывать на то, что термины «кыркыр» и «тартар» представляют собой синонимы, использовавшиеся для обозначения горной местности, изрезанными ущельями. На кыргызском языке так же широко используют слова «тар кыпчыгай» («узкое ущелье») и «кууш капчыгай» («узкое ущелье»), первая часть которого могла служить в качестве производного термина известным кыргызским и тувинским этнонимам «ус/ас» (стяженный вариант от «кууш/узкий»), «мунгуш» и «монгуш». В этом случае этноним «монгуш» также может иметь два значения: первое — человек, род, живущий в ущелье («кызаа»); второе — род сокола. В обоих случаях «монгуш» связан с кыргызами.

Отметим, что на алтайском языке «ущелье» -капчал, на кыргызском — «капчыгай», а «узское ущелье»-«кууш капчыгай». На тувинском языке «ущелье» означало «чарык», «кызаа» или «кошпал», последний имел, прямое отношение к алтайским топонимам «копал» и «кабак». В этом смысле, географический термин «аргу» («ущелье») М. Кашгари мог быть синонимом названия алтайских областей Каркырахан анонимного автора с. «Худуд ал- Аалам», Кыпчак, Кабак, Каркыра («кыркыр») С. Ахсикенди, а также Нарын одной из горных областей Кыргызстана.

Следовательно, можно полагать, что этнонимы «кыргыз», «кыркыр» или «тартар» могли обозначать народ, живший в горной области, защищенной неприступными горами, то есть в ущелье.

Итак, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что более правильно рассматривать происхождение этнонима «кыргыз» в связи с горным ландшафтом местности и кругом племен скифского мира саками-тиграхауда, асиями, тохарами, аримаспеями античных авторов, цзянькунь (кыргыз) и синьли китайских хроник, а также канха, шака, тугхара «Махабхараты», которые по-видимому и были основателями государства Канха на среднем течении Сырдарьи и Кангорай в Минусинской котловине.

Значить, под древними кыргызами правильнее всего понимать горные племена, населявшие районы Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, где кыргызы строили свои владения и в древности и средневековье. Китайцы располагали тяньшаньских кыргызов «подле Бай-Шаня, т.е. Аргу-тага в Кашгарском округе [103. -С. 358; 200. -С. 205], изрезанной в тысячу ущелий.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно полагать, что происхождение этнонима «кыргыз» было связано с индоевропейскими племенами, которые обитали в горных районах Саяно-Алтая, Тянь-Шаня и Северного Кавказа. Соответственно, последние могли получить свои этнические наименования в связи с горным ландшафтом, характеризующий их места обитания как горную страну изрезанную множеством ущелий с узким водным проходом аргу и кыргыз, имена которых могли иметь тесную связь с первой частью древнего названия горы Аргу-таг, где китайские хроники отмечали кыргызов в форме «кыркур» и «кыркуз [545.-С. 124–125].

Следовательно, кыргызы-это народ, обитавший в Небесных горах Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, изрезанных бесчисленными ущельями еще со скифских времен.

§ 2. Средневековые исторические источники о кыргызах

В средневековых источниках азы, кыргызы и ряд восточных кочевых народов упоминаются как племена, населявшие территории Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. В китайских хрониках, рунических надписях и арабо-персидских источниках азы и кыргызы нередко фигурируют совместно, а в ряде свидетельств рассматриваются как близкие или единые этнические объединения.

В связи с этим в данном разделе анализируются сведения средневековых источников о кыргызах и азах, а также рассматривается проблема их этнических связей с племенами Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, миграционные волны восточных кочевников на запад и этнические процессы в Притяньшанье и сопредельных регионах в средние века.

В исследуемый период одна из первых миграционных волн восточных кочевых племен на запад была вызвана реваншистской политикой правителей Второго Восточнотюркского каганата и их противостоянием с Кыргызским каганатом. Ее участниками стали племенные объединения азов, ягма и уч-карлуков — давние противники восточных тюрков, ранее выступавшие союзниками Кыргызского каганата.

Консолидация противников восточных тюрков на территории Тюргешского каганата способствовала укреплению Кыргызского каганата на Енисее и сохранению союзнических отношений между кыргызами и тюргешами. Азы расселились в восточных владениях тюргешей. Согласно сведениям Гардизи, племя ягма, прежде чем присоединиться к тюргешам, отделилось от тогуз-огузов и позднее прибыло на их территорию и заверяли кагана: «Мы пришли служить тебе. Если будет дано позволение, мы будем совершать набеги во все стороны» [66. -С. 525–526].

В этот же период на запад продвинулись уч-карлуки, включавшие чигилей, булаков и ташили. Китайские хроники локализуют их кочевья западнее Алтая, по обеим сторонам реки Пугу-чжэнь [100. – С. 347; 27. – С. 51]. С. М. Абрамзон связывал округ Цзиньвэйшань западных пугу с Тарбагатаем, а Пугу-чжэнь — с Верхним Иртышом [5. – С. 65]. По ал-Марвази, карлукское объединение состояло из девяти племен: трех чигиль, трех бескиль, тухси, булак и кукеркин; отдельно упоминаются лазана (азы) и фаракия [324. – С. 394; 25. – С. 18]. Таким образом, источники свидетельствуют о сложном этнополитическом составе карлукского объединения и его тесных связях с племенами, участвовавшими в миграциях из восточных районов Центральной Азии.

Особый интерес представляют сведения о булаках — одном из трёх племён объединения уч-карлуков. «Худуд ал-Алам» локализует их в Семиречье и объясняет этноним значением «пегий конь» [565. – С. 96, 280; 374. – С. 47–48]. По Махмуду Кашгари, часть булаков, спасаясь от кыпчаков, переселилась в долину Таласа, где получила название алка-булак [53. – С. 175]. Этот этноним сопоставляется с названиями Аркуй-булак (кит. Алэхуй-булахэ) — священного Серебряного источника, а также источника у Серебряной горы Монгур (Манкур), находившейся в стране семи кимакских племен и упоминаемой ал-Бируни [200. – С. 124; 53. – С. 154].

В источниках IX–XI вв. отражены активные миграционные процессы енисейских кыргызов как на восток, так и на запад. В эпоху Кыргызского Великодержавия кыргызы владели рядом территорий на востоке: собственно кыргызское ядро находилось в Минусинской котловине, а к востоку от него располагались владения Усы, Кяньчжоу (Кэм-Кэмджиут), Анкэла (Ангара), Ханьхэна и Иланьчжоу [491. – С. 26]. Эти области, по-видимому, находились в степных районах Западной Монголии и Прибайкалья. Примерно в тот же период кыргызы появляются и на Тянь-Шане, где соседствовали с местными племенами — чигилями, ягма и тухси. О тяньшаньских кыргызах сообщают средневековые авторы: анонимный автор «Худуд ал-Алам», ал-Истахри, ал-Идриси, Абу Дулаф, ал-Марвази, Н. Бекран, а также китайский посол Вань Яньдэ. Ал-Истахри и анонимный автор «Худуд ал-Алам» отмечали, что в X в. тяньшаньская ветвь кыргызов соседствовала с тухсы, ягма и чигилями.

Позднейшие сведения ал-Марвази и Н. Бекрана свидетельствуют о более глубокой интеграции кыргызов в среду тяньшаньских кочевников, включая принятие ими ислама. По-видимому, к эпохе Н. Бекрана, после принятия ими ислама, их кочевья распространялись вплоть до Горного Бадахшана [79. – С. 100; 331. – С. 18].

Согласно данным источников X в., после событий 840 г. кыргызы продвинулись на юг до Кашгара, где, соседствуя с ягма и чигилями, стали одним из трех ведущих племенных объединений региона.

В труде Гардизи «Зайн ал-ахбар» (XI в.) содержатся сведения о кыргызско-огузских этногенетических и этнокультурных связях, возникших после 840 года, когда енисейские кыргызы уничтожили государство Тогуз огузов на Орхоне и утвердили свое господство в Центральной Азии, положив начало Кыргызскому Великодержавию. Согласно Гардизи, управителем кыргызов был незрячий славянин Эмке, сын Яфета, который заключал союз с хазарами, затем отделился от них, сблизился с башкирами и в итоге начал самостоятельное правление. Эмке собрал кыргызы и огузов и дал вновь образованному народу имя «кыргыз» [78. – С. 46–48]. Связь кыргызов с огузами подтверждается и в «Огуз намэ», где кыргызы фигурируют под мифическим именем ит-барак. По мнению исследователей, сюжет о мифических ит-бараках, одолевших легендарного Огуз хана,

отражает эпоху Кыргызского Великодержавия и победу кыргызов над огузами. О кыргызско-огузских взаимосвязях сообщается также у С. Ахсикенди: согласно генеалогическому преданию, кыргызы получили свое название от чилгызов (сорока гузов) или кырк гызов, которые сумели выйти из окружения войск Султана Санжара в XII веке и бежали в Ходжентские горы, спасаясь от уничтожения в Восточной Фергане [58. – С. 30]. По родословной Абул Гази Хивинского, кыргызы происходили от сына Огуз хана — Таг хана («царь гор») [6. – С. 98]. У Таг хана было четыре сына: Кыргыз хан, Салр, Имар и Алай-унтали. Последние три антропонима, связанные с огузами, подтверждают слияние кыргызов и огузов, а также миграцию одной группы кыргызов вместе с огузами на запад после событий 840 года.

Частое упоминание кыргызов вместе с огузами подтверждается сведениями Гардизи, который фиксирует слияние алтайских кыргызов с огузами. Очевидно, на Алтае енисейские кыргызы включили в свой состав замыкающую часть огузов и племен теле-тардушской группы и позднее вместе с ними мигрировали на Тянь-Шань. Эта миграция, вероятно, относится ко времени миграции алтайских кыргызов, вовлекших в свое движение ряд алтайских племен огузов, теле-тардушей на Тянь-Шане в период усиления каракитаев в 924 г.

Миграция восточных кочевников алтайских кыргызов, огузов и племен теле-тардушской группы зафиксирована в хотано-сакском документе-свитке 925 г., где отмечена группа племени чаруков, соседствовавшая с родами телеских и тардушских объединений в районе Каратата (возможно, р. Каратала) провинции Ганьсу, позже включенной в состав государства Караханидов. Другая группа чаруков, западное крыло, обитала в районе города Тараз в долине реки Талас [446. – С. 124]. Имя чаруков стало ассоциироваться с Таразом; Фирдоуси упоминает город как «место славных и благословенных тюрок-чаруков и хаканцев» [446. – С. 124]. Очевидно, чаруки Тараза, мундузы и кыргызы входили в состав страны Хакания, упомянутой М. Кашгари [259. – С. 69–70], а позднее чаруки были инкорпорированы в родоплеменной состав кыргызского племени мундуз под названием жарыке [5. – С. 64].

Сведения Фирдоуси о чаруках Тараза [446. – С. 124; 269. – С. 131] подтверждают, что отдельные объединения, ранее входившие в группу телеских и тардушских племен, еще на Алтае были включены в состав алтайских кыргызов. Это способствовало их отделению от теле Восточного Туркестана и последующему переселению в Таласскую долину. Аналогичные процессы, по-видимому, отражает и этноним «мундуз», встречавшийся в Караханидском каганате. Л. Н. Гумилев указывает, что миграция племени теле байырку была связана с перемещением басмалов после поражения уйгуров в 747 году [147. – С. 377]. Г. С. Кляшторный

считал, что байырку переселилось в Восточный Туркестан в IX в. [266. – С. 36; 151. – С. 311]. В Притяньшанье одновременно переселилась западная ветвь пугу [5. – С. 65], а впоследствии байырку и бугу были включены в состав кыргызского народа.

После событий 840 года кыргызы закрепились на Алтае, где начался процесс консолидации племен, включавших карлуков, огузов, мундузов, чаруков, байырку и другие. Параллельно кыргызы постепенно мигрировали в направлении Тянь-Шаня. Вероятно, одна из первых групп алтайских кыргызов переселилась вместе с огузами в период усиления киданей на востоке около 924 г. Часть этих переселенцев, перешли Сырдарью и позже вошли в составе сельжук -огузов и впоследствии участвовала в формировании Сельджукского каганата в Мавераннахре. По сведениям Ибн Бекрана, кыргызы проживали в районе Бухары, а часть вместе с сельджук-огузами продвинулась на запад, достигнув Анатолии. Следы западной группы фиксируются в Изнике, где кыргызы участвовали в боевых действиях за город. Другая группа обосновалась у Копетдага, где их потомки сохраняют фамилию «Кыргыз». Одновременно часть кыргызов, огузов и племен теле-тардушской группы, оставшихся в Семиречье, включилась в процесс региональной консолидации и, вероятно, поддержала Сатука Бугра-хана при формировании Караханидского каганата на Тянь-Шане.

Абу Дулаф сообщает о кыргызах, живших в степях Восточного Туркестана в IX–X вв.: «Хирхизы — тюркское племя. Расстояние их страны один месяц. У них есть государь, которому все повинуются… У них особая мерная речь для молитв, три праздника в году, зелёные знамёна, которые вывешивают к праздникам. Они почитают Сатурна и Венеру; Марс считают дурным предзнаменованием… Диких зверей много. Питаются просом, рисом, говядиной и бараниной, кроме верблюжьего. Есть обрядовый дом; растет тростник для письма. Светильник не гасят, пока сам не погаснет. В стране есть камень, светящийся ночью, заменяющий лампы» [344. – С. 17]. Абу Дулаф побывал в кыргызских землях около 942 г., проходя через Тянь-Шань и Восточный Туркестан в направлении Китая. Его описания вызывали разночтения среди исследователей: одни считали, что он встретил манихейских кыргызов, другие — мусульман. Анализ свидетельствует, что Абу Дулаф встречал енисейских кыргызов, переселившихся в Восточный Туркестан, где они занимались земледелием, включая возделывание риса — культуры, отсутствовавшей в Минусинской котловине. Возможно, кыргызы находились на переходном этапе от манихейства к исламу. Абу Дулаф пишет о существовании у них храмов, очевидно, манихейских. Он отмечал, что «молясь обращаются в сторону юга… Знамена их зеленого цвета» [344. – С. с.17.].

Согласно Абу Дулафу, кыргызы сохраняли свои обычаи, традиции и нравы, представляя в регионе относительно независимый этнос. Проживая в

земледельческих оазисах Восточного Туркестана, они освоили рисоводство, тогда как у местных кочевых племен земледелие имело второстепенное значение. В «Худуд ал-Алам» указывается, что «в стране ягма занимаются земледелием, но мало» [235. – С. 94], а чигили и карлуки сеяли ячмень, горох, чечевицу и просо, но не рис [235. – С. 94].

В том же источнике кыргызы и карлуки упоминаются вместе с народом хазладжи, населявшим Среднюю Азию, которого можно сопоставить с племенем хосинов, известным из китайских хроник. Хосины упоминаются наряду с чумугунями и йегу-кыргызами в районе между Тарбагатаем и Восточным Туркестаном в контексте событий 761 года [151. – С. 259–260]. Рашид ад-Дин упоминает народ халач вместе с кыпчаками и агач-эри, относя их к этносам, «соединившимся с Огузом и смешавшимся с его родом» [421. – С. 83; 47. – С. 54].

Особый интерес представляют сведения анонимного автора «Худуд аль-Алам» (982 г.) о племенах аз, тухсы, кыргыз, чигиль и др. По Ю. А. Зуеву, племя «азы» в «Худуд…» упоминается как одно из двух племен тухсы — лазийна, реконструированное как «ал-азийа» или «азы». Под именем аз оно встречается также в древнетюркских надписях и мусульманских источниках [554. – С. 300–302; 200. – С. 154–155]. Аноним сообщает о кыргызах в районах стратегического Кашгара, где они соседствовали с ягма: «Им подчинились пять племен: Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), дата (татары) и другие» [324. – С. 101]. Далее отмечается: «Кашгар относится к области Чинистан, но расположен на границе между ягмой, Тибетом, хырхызами и Чином» [162. – С. 360]. Источник также фиксирует успехи кыргызской армии в Восточном Туркестане. Сведения «Худуд…» указывают на соседство земель чигилей, тухсы и кыргызов, что отражает существование тесных этнополитических и этнокультурных связей. Земля чигилей первоначально принадлежала карлукам и характеризовалась высокой плотностью населения; ее границы: к востоку и югу — пределы халлухов (карлуков), к западу — пределы тухсыйцев, к северу — страна кыргызов [349. – С. 50]. В разделе о тухсы отмечается: «К востоку от нее — пределы чигилей, на юге — халлухи (карлуки) и их гористые пристанища, на западе — часть хырхызов (кыргызов), на севере — чигили. Эта область на много приятнее чигильской. Их богатства — в лошадях, овцах, палатках и мехах. Зимой и летом они кочуют по пастбищам, полям и лугам. Лазина и ф.рюшйа — два племени тухсы, каждое владеет небольшой территорией; имеют два селения, названные по именам этих племен. Суйаб — большое селение, выставляющее 20 тысяч воинов. Беглилиг — большое селение, его дихкан Инал бег-тегин выходит с 3 тысячами воинов. Уркат расположен между двумя селениями тухсы, население мало, но место приятное и богатое» [565. – С. 99; 200. – С. 154].

Сведения о землях племени тухсы в «Худуд аль-Алам» представляют особый интерес, так как эти территории описаны как более благоприятные по сравнению с землями чигилей, рассматриваемыми как одно из основных племен Тянь-Шаня. Это отражает социально-политический статус тухсы в регионе. О. Караев, анализируя «Худуд…», отметил, что «кыргызы и карлуки непосредственно граничат друг с другом, а между ними лежат земли чигилей и тюрков» [237. – С. 70], которых В. Ф. Минорский отождествил с тухсы [237. – С. 70; 26. – С. 44]. Сообщения китайского посла Вань Яньдэ о больших и малых туцюе (тюрках), упомянутых вместе с большими и малыми чигилями (чжунь-юнь), кыргызами и другими племенами, подтверждают эту информацию. В своем отчете о княжестве Гаочань (981–983 гг.) он фиксирует присутствие северных и южных туцюе, больших и малых чигилей, ягма, кыргызов, барман и геты урунгу (волянхетэ/уряньхай) [239. – С. 58; 53. – С. 115, 119]. Этноним «геты урунгу», отождествляемый с уранхайцами — соседями енисейских кыргызов, — может свидетельствовать о восточном происхождении упомянутых здесь кыргызов.

Однако Абу Дулаф, писавший около 942 г., характеризовал кыргызов как одно из влиятельных племен Восточного Притяньшанья. В свою очередь, Ван Яньдэ, посетивший Гаочань в 981–983 гг., упоминает кыргызов наряду с другими тюркскими племенами, находившимися под властью этого княжества [266. – С. 58; 47. – С. 115, 119]. Это позволяет предположить, что еще до прибытия Ван Яньдэ кыргызы, вероятно известные в источниках как отуз-огланы, переселили часть указанных выше племен в долину Таласа. Вероятно, это произошло около 925 г., в период миграции кыргызов и огузов, либо во время саманидского вторжения в Талас, когда возникла необходимость защитить манихейское население региона. По-видимому, тогда же была образована область Аргу и основан город Чигиль. Впоследствии они под влиянием мусульман Таласской долины приняли ислам. В то же время кыргызы и другие тюркские племена, упомянутые Ван Яньдэ, вследствие своей обособленности от караханидов, по-видимому, еще оставались язычниками.

Следовательно, средневековые источники IX–X вв. описывают одних и тех же кыргызов, мигрировавших в земли предков — Аргу-Таг в Восточном Туркестане, где они интегрировались с южной ветвью народа и другими тюркскими племенами. Все перечисленные Вань Яньдэ племена обитали в районе Аргу-Тага Кашгарского округа, где исторически упоминаются и кыргызы, и аргу. Кыргызы и их соседи — племя геты урунгу [239. – С. 58; 53. – С. 115, 119] — вероятно, переселились в земли своих предков, соседствуя с чигилями, ягма, туцюе, барман и др. В Аргу-Таге кыргызов могли представлять чигили-шато, располагались там же где китайские хроники отмечали йегу-кыргызов [346.-С. 15-16.]. Здесь же жили родственные онгуты (или племени нойгуты), близкие к лобнорцам. Сюда же,

вероятно, можно отнести сарыг-уйгуров (согэ), часть которых, по-видимому, была связана с восточной группой аз-шарийа и продвигалась из районов Западных Саян и Алтая. В их возможных потомках можно видеть сарыглар, название которых, согласно преданиям, связывалось с горами Саар-таг [109. – С. 546]. В. Я. Бутанаев относил сарыглар к части кыргызов; после угона 1703 г. остатки этого сеока, по его мнению, оказались рассеяны среди сагайцев, бельтыров и качинцев. Тувинский род сарыглар при этом локализовался в долине Кемчика и по р. Ак-Суг [109. – С. 546].

Отметим, что Шабангари упоминал аз-шарийа под именем сарихов и вместе с ягма помещал их к западу от кыргызов [396. – С. 64]. В этом регионе кыргызы, вероятно, взаимодействовали с местными тюркскими объединениями — тюргешами, азами, тухсы и чигилями.

В научной литературе аз-шарийа, известные также как шары, отождествляются с кыргызским племенем саруу [360. – С. 49]. Это сопоставление позволяет привлечь для сравнения сарыглар Западных Саян, а также сарыг-уйгуров. Показательно, что первая часть этнонима сарыг-уйгур — сарыг — находит соответствие в наименовании рода сары кыргызского племени мунгуш. Названия некоторых родов сарыг-уйгуров также имеют параллели с кыргызскими родовыми группами. Так, эркер можно сопоставить с родом эрке-кашка́ племени мунгуш, а сулдуз — с родом сулдуз того же племени [60. – С. 87–89]. Более широкий сравнительный материал приводит Э. Р. Тенишев, анализирующий родоплеменной состав юйгу в сопоставлении с названиями саянских тюрков и монголов и моголов [474. – С. 59–66]. Среди названий сарыг-уйгуров он отмечает кыргыс, комджук, харацгат, отуз, орге, оргу, йагток, ыглан, эркер, сокалык, паглык, вай, пей, лакшо, шартен, тургеш, токшу и другие [474. – С. 62–64].

Часть этих названий имеет соответствия в кыргызской родоплеменной номенклатуре: кыргыс, комджук/хемчик, отуз уул, харацгат/уранкат, орге/аргу, оргу, йагток/чогду–чоода, ыглан/илан, эркер/эрке-кашка́, сокалык/сакы–согу–соколок, паглык, вай/пей–бай, лакшо/локчу и шартен/шерден [474. – С. 62–64; 60. – С. 87–89; 18. – С. 223–324]. При этом Э. Р. Тенишев в ряде случаев сам допускает связь этих названий с кыргызским материалом: комджук он связывает с Кемчиком и считает возможным его кыргызское происхождение, а паглык — скорее кыргызским, чем монгольским; название кыргыс сопоставляет с соответствующими родовыми подразделениями хакасов, алтайцев и тувинцев [474. – С. 62–65]. Названия тургеш и токшу, в свою очередь, имеют соответствия в тюргешском и тухсийском родоплеменном материале [474. – С. 64].

Таким образом, сопоставление аз-шарийа (сарих/шары) с саруу, сарыгларами и сарыг-уйгурами получает дополнительное основание в целом комплексе родоплеменных параллелей. Совокупность этих данных позволяет предположить наличие длительных этнокультурных связей между

кыргызами, тюргешами и группами саянских тюрков. При этом отдельные фонетические или родоплеменные соответствия сами по себе не свидетельствуют о прямом тождестве данных объединений, но в совокупности представляют интерес для изучения их исторических связей.

По соседству с сарыг-уйгурами жили онгуты или белые татары, имевшие собственный улус в Восточном Туркестане [198.–С. 183; 200.–С. 222]. Этому соответствует сюжет эпоса «Манас», в котором описано проживание кыргызов-нойгутов в земледельческих районах Восточного Туркестана. Эта группа, включавшая нойгутов — родственников Манаса по материнской линии, обитала в регионе до монгольских завоеваний и занималась земледелием. В трех версиях эпоса (С. Каралаев, М. Чокморов, Ж. Мамай) Манас, обиженный на отца, переселяется в районы Турпана и ведет земледельческую жизнь, а урожай его отца Джакыпа передаётся Чингиз-хану, который сохраняет за Манасом трон и дарует ему молодого скакуна Ак Кула [304.-С.85; 22. – С. 22].

Полевые исследования подтверждают сведения Ибн Бекрана о пребывании кыргызов в Горном Бадахшане и их занятии земледелием в IX–X вв. Согласно местным преданиям, первыми землепашцами и основателями обжитых поселений здесь были кыргызы Кара и Тегин [44.–С. 126; 263.–С. 38]. Источники сообщают о саманидском военачальнике Мансуре ибн Каратегине (ум. 961 г.), владевшем рабатом в Исфиджабе с ежемесячным доходом 7 тыс. дирхемов [446. – С. 111–112]. Исфиджаб находился в долине Таласа, откуда позже началось продвижение караханидов. После завоевания Таласа Саманидами в 893 году и образования Караханидского каганата Сатук Бугра-ханом в 940 году, кыргызы, азы, отуз огланы и тухсы приняли ислам под влиянием Саманидского государства.

Титул «тегин» или «текин» носили царевичи караханидской династии, предводители азов, тухсы и уч-карлукского племени чигиль. Правители тухсы имели особый титул «чигиль-тухсы», что указывает на их лидерство среди манихейских племен Притяньшанья. Первые два объединения были родственными кыргызским племенам, третье — союзником. Следовательно, Караханидский каганат мог сформирован предками царевича с титулом каратегин из Исфиджаба, который контролировал стратегические маршруты Саманидов и торговые пути Мавераннахра. После завоевания Таласа Саманидами в 893 г. кыргызы и карлуки вошли в состав Саманидского государства.

Потомками кыргызов Бекрана, возможно, являлось племя кызыл-аяк, сохранившееся в составе ичкиликских кыргызов (кыдыршах, кесек) в Баткенской области Кыргызстана и Джергетальском районе Таджикистана. Кызыл-аяки имели подразделения кызыл аяк («красный/золотой сосуд» — кесе) и кызыл табак, а кесеки — кызыл баш («красная голова/волосы») [106. – С. 34, 60]. Этноним «кызыл-аяк» связывают с представлением о

благородном происхождении и преданием о красных сапогах — мокю (рус. «мокасины»). Согласно преданию, предки племени, обрабатывая землю, испачкали сапоги в красный цвет от местной почвы, в связи с чем племя получило название «кызыл-аяк». Эти группы могли быть потомками земледельцев енисейских кыргызов, мигрировавших на Тянь-Шань и объединенных с тяньшаньскими кыргызами. Этноним «кызыл аяк» можно сопоставить с названием хакасского рода кызыл и сагай, которые происходили от двух братьев – Хызылаха и Сагаяха [106. - С. 60]. Причем, сагайцы имели род кызыл сагай (кызыл сагайях). В. Я. Бутанаев считает, что потомков Кызылаха называли кызылами из-за антропологического типа последних: «из-за рыжих волос, которые будто бы были у их предков» [110. - С. 60].

Вероятно, предания о кыргызах-земледельцах в Таласе, прежде всего, свидетельствуют о следах древнего пребывания енисейских кыргызов-земледельцев в долине реки Талас. Возможно, к ним относились отуз огланы. Археотопонимы Таласской области, такие как «Кырк Кыз» и «Кырк Жигит», могут отражать древние ирригационные сооружения, связанные с деятельностью кыргызов: согласно преданию, сорок девушек прокладывали каналы в одном направлении, а сорок юношей — в другом. Этот сюжет, вероятно, отражает коллективный характер освоения и ирригационного обустройства земель предками кыргызов.

Согласно источникам, в IX–X вв. кыргызы установили полный контроль над Южным Алтаем. Их племена продвигались на запад до Волги и Каспия, а на юго-западе — до Кашгара и Таласа.

Аль-Идриси, описывая Центральную Азию после падения гегемонии тогуз огузов и утверждения енисейскими кыргызами Великодержавия, писал [1154 г.]: «Страна киркиров обширна, плодородна, часто посещается путешественниками, хорошо орошается реками, текущими с китайских границ. Главная из них — Манхаз (Манхар). … Город, где обитает царь киркиров, расположен близ полуострова Гиацинтов. Киркиры сжигают умерших и пепел бросают в Манхаз; те, кто живет вдали от реки, собирают пепел и пускают по ветру. … Страна киркиров находится к востоку от багаргаров (уйгуров) и недалеко от китайского моря».

Следовательно, погребальный обряд был адаптирован к кочевому образу жизни, что позволяло рассеивать прах умерших без необходимости его транспортировки к священной реке. Аль-Идриси также фиксировал пять кыргызских городов — Нашран, Хирхир (дважды), Хакан Хирхир и Дараид Хирхир, протянувшихся от Ангары на востоке до Енисея [213.-С. 106].

Весьма важны сведения Истахри, который сообщает о достижении кыргызами р. Волги на западе [345. – С. 31], а также районов Ферганы, включая города Илак и Шаш [345. – С. 21], где они соседствовали с мусульманским населением в IX–X вв. Эти сообщения Истахри, прежде

всего, свидетельствуют о масштабах и относительной свободе передвижения кыргызов в западном направлении. По-видимому, их миграция происходила одновременно по двум основным направлениям: к Волге и в сторону богатых торговых центров Ферганской долины. Истахри отмечал: «Итил… берет начало близ земли хырхызов» [345.–С.21]. Также Истахри сообщал о кыргызах, кочевавших вблизи рудников и городов Усрушана, Ферганы, Илака, Шельджи и Лабан. Шельджи находился в долине реки Талас, Лабан — на землях кочевий карлукского племени Лабан в Кемине. В другом месте Истахри помещает кыргызов возле Илака и Шаша: «Горы Гур находятся в пределах Хорасана до границ Бамиана вплоть до Банджхира, пока не входят в страну Ваххан и не разветвляются [затем] в Мавераннахре, [приходя] до внутренних пределов [страны] тюрков вплоть до пределов Илака и Шаша, вблизи от хырхызов» [345.–С.21]. По его сведениям, Тараз и Чач являлись рубежом между тюрками и мусульманами: «граница распространения ислама доходила до Таласа, а оттуда — до шатров харлуков. Это — одновременно граница Чача» [345.–С.35], «От Чача до пределов расселения мусульман...» [345.–С.38]. С учетом сведений анонимного автора «Худуд ал-Аалам», Абу Дулафа, Ван Яньдэ и аль-Марвази о локализации кыргызов в Притяньшанье можно сделать вывод, что уже в IX–X вв. кыргызы переселились на Тянь-Шань и прочно закрепились в этом регионе. Как свидетельствует Истахри, их продвижение на запад происходило одновременно по нескольким направлениям, что свидетельствует о значительном масштабе миграционных процессов и политическом влиянии кыргызов. При этом кыргызы, несомненно, продолжали поддерживать прежние отношения с союзниками — карлуками, одновременно устанавливая новые связи с местными племенами: азами, тухсы, чигилями, ягма и другими. На основе вышеизложенного можно отметить, что уже в этот период кыргызы прочно вошли в этнополитическую структуру населения Тянь-Шаня и заняли в ней определенное место.

Вышеизложенные предположения находят подтверждение в сведениях аль-Марвази (XI–XII вв.), который сообщает о группе кыргызов, мигрировавших далеко на запад и впоследствии принявших ислам. При этом аль-Марвази локализует основную массу кыргызов в пределах Восточного Тянь-Шаня: «К числу тюрков относятся хирхизы, многочисленный народ, живущий между востоком (северо-востоком) и севером…». Кимаки живут к северу от них, ягма и харлухи — к западу, а Куча и Арк расположились относительно их между зимним западом (юго-западом) и югом» [239.–С.58–59]. Он также отмечал изменения в погребальных обычаях: «У хирхизов в обычае сжигание умерших; они утверждали (при этом), что огонь очищает и делает их чистыми. Таким был их обычай в прошлом, но когда оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых» [239.–С.59].

Таким образом, по Марвази, кыргызы, проживавшие на юго-западе, постепенно адаптировались к соседству с мусульманами и переходили к исламским обычаям. Эти данные позволяют заключить, что енисейские кыргызы в до-кимакскую эпоху занимали территорию от Байкала на востоке до Кашгара и Таласа на юго-западе, создавая условия для формирования устойчивой этносоциальной группы на Алтае-Тянь-Шаньском регионе. Часть этих племен мигрировала на Тянь-Шань еще в IX–X вв., что отражено в трудах Анонимного автора «Худуд ал-Аалам», Истахри, Абу Дулафа и Вань Яньдэ.

Однако следует отметить, что в период возрождения кимакских племен и изменений этнополитической ситуации на Саяно-Алтае термины «кыркыр» и «кыргыз» стали встречаться в контексте кимако-кыпчакских племен. В эпоху господства кимаков на Алтае часть земель бывшей Кыргызской империи вошла в состав Кимакского каганата.

Анонимный автор «Худуд ал-Аалам» помещает на Алтае кимакскую область Каркар (а) хан и отмечает: «…и жители ее напоминают по своим обычаям хырхызов» [394.–С.50]. С. Ахсикенди в «Маджму ат-Таварих» подтверждает существование кыргызской области под названием Каркыра, которая, согласно источнику, находилась в долине реки Талас на Тянь-Шане. В «Маджму ат-Таварихе» страна и народ кыргызов называются Каркыра в честь аристократического клана кыргызов — Каркырабека. Ставка Каркырабека располагалась в городе Каркыра в долине Таласа. Правитель кыргызов Джакып и его сын Манас родились во владении Каркыра [58.–С.44–45, 66]. Сведения «Худуд…» об области Каркырахан и «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди вызвали широкие дискуссии среди исследователей. Ученые разделились на два лагеря по вопросу локализации области Каркырахан. Новосибирский ученый К. Петров предложил гипотезу о происхождении тяньшаньских кыргызов, согласно которой енисейские кыргызы, после событий 840 года, заняв Алтай, вступили в контакт с местными племенами и частично были поглощены кимако-кыпчакской массой. При этом кыргызы оставались господствующим племенем, и их этноним распространился на кимаки и кыпчаков. В XV веке ядро нового этноса, включавшего кимаки и кыпчаков, переселилось на Тянь-Шань.

Эту гипотезу К. Петрова поддержали В. Минорский, Б. Кумеков, С. Ахинжанов, А. Мокеев, В. Плоских, В. Мокрынин и другие. В частности, В. Минорский и Б. Кумеков локализовали область Каркырахан в районе современного города Каркыралинск (Восточный Казахстан). С. Ахинжанов считал, что земли Каркырахана простирались от Иртыша до Балхаша и Алакуля на юге, включая Тарбагатайский хребет, Чингизтауские и Каркыралинские горы, где обнаруживались многочисленные топонимы, связанные с эпосом «Манас» [53.–С.157–158]. Б. Кумеков также допускал, что часть кыргызов в IX–X веках могла проживать на Тянь-Шане. По его

данным, кимаки имели общие границы с кыргызами как на Алтае, так и на Тянь-Шане, где последние контролировали ряд городов в Восточном Туркестане в X веке [295.–С.67]. В подтверждение этой гипотезы Б. Кумеков соотносил топонимы, упомянутые аль-Идриси, с известными географическими объектами, такими как озеро Гаган (система озер Алакульской впадины) и Гиргир (Тарбагатай), где также находился город Банжар. Ссылаясь на Шамс ад-Дина Суфи, он указывал на существование отдельного племени кыркыр, земли которого располагались между кыргызами и кимаками [294.–С.66]. Возможно, что под названием «кыркыр» следует понимать область Каркыра, упомянутую С. Ахсикенди, расположенную в долине реки Талас на Тянь-Шане [58.–С.44–45, 66].

С. М. Ахинжанов и А. Мокеев анализировали сведения М. Кашгари о создании тройственного союза племен — кыргызов, кыпчаков и ябагу — для противодействия экспансии кара-китаев на Алтай. По их мнению, усиление кара-китаев стало основной причиной миграции восточных племен на запад во главе с аз-шарийа Марвази. В результате алтайское племя аз-шарийа, включив в свой состав ябагу, чумулов и другие племена, возглавило волну миграции восточных кочевников на запад во второй половине XI века. А. Мокеев локализовал племя ябагу на реке Ямар, что, по его мнению, соответствовало бассейну реки Катунь на Алтае. Кроме того, А. Мокеев высказывал мнение, что в монгольскую эпоху племена ябагу и йемеки были инкорпорированы в более могущественные племена, включая алтайских кыргызов. В подтверждение своего взгляда он сопоставил название алтайского рода «ябак» с именем одного из подразделений кыргызского племени саруу — «жабагы» [360.–С.66–79]. Он также соглашался с учеными, локализовавшими область Каркырахан на Алтае, и допускал, что в эпоху султана Санжара кыргызы участвовали в войнах против кара-китаев в Ферганской долине, выступая на стороне огузов [364.–С.72]. В то же время А. Мокеев считал, что переселение кыргызов с Алтая на Тянь-Шань началось в XV веке и продолжалось до XVIII века [360.–С.126–248].

Следует подчеркнуть, что сведения М. Кашгари, аль-Марвази и арабского (мамлюкского) историографа Рукн ад-Дин Бейбарса [486.–С.16–19] необходимо рассматривать в контексте очередной миграционной волны восточных кочевников на запад во главе аз-шарийа в XI веке.

М. Кашгари в «Дивани лугат ат-Турк», информируя о создании тройственного союза алтайских племен — кыргызов, кыпчаков и ябагу — для противодействия экспансии киданей, третьим племенем назвал ябагу, а не кимаков. Аз-шарийа считались аристократической верхушкой половцев, в союз которых входили каи (каиповичи), кыпчаки, канглы, улашевичи (булаки) и другие племена.

Аз-шарийа, упомянутые ал-Марвази, по-видимому, представляли кыргызов, которые по сведениям Махмуд Кашгари в союзе с кыпчаками и

ябагу противостояли экспансии кара-китаев [360. – С. 77-79]. Будучи язычниками, они первоначально переселились в Таласскую долину под защиту тюрков-мусульман, однако позднее, опасаясь исламизации, часть аз-шарийа мигрировала в восточные пределы Караханидского государства, где вероятно, расположились рядом с кыргызами-язычниками Ван Яньдэ.

Сведения Шабангараи подтверждают присутствие восточной группы аз-шарийа в Восточном Притяньшанье. Он упоминает сарихов (шары) и ягма, к западу от кыргызов [496. – С. 64], что свидетельствует об их связи с кыргызами. По-видимому, именно к этой группе кыргызов относится сообщение ал-Марвази об их принятии ислама. Племя ягма, чей тотем был верблюд (бугра), связывается с кыргызами также через степи Западной Монголии, где в 20 км от города Шаганар, в Улуг-Хемской котловине, находится почитаемая тувинцами и их племенем кыргыс гора Буура («Верблюд»). До настоящего времени у подножия горы проводится ежегодный обряд ее освящения. Один из осведомителей, во время пребывания в Туве, лично наблюдал, как пожилой представитель племени кыргыс из Эйлиг-Хема посетил гору в составе группы людей, поклонился ей, опустился на колени, поцеловал землю и, поглаживая ее, со слезами неоднократно повторял слова: «Моя родная земля».

Анализ сведений арабского (мамлюкского) историографа Рукн ад-Дин Бейбарса [486.–С.16–19] также свидетельствует об активном участии кыргызских племен в миграции, инициированной аз-шарийа в XI веке. Согласно его данным, на охоте Мангуш, сын Котян-хана из племени дурут, встретился с Ак-Кубулом, вождем племени токсоба. Ак-Кубул убил Мангуша, после чего Котян-хан отправил Джамгара на поиски сына. Узнав о гибели, Котян собрал войско и выступил против Ак-Кубула. В битве Ак-Кубул был тяжело ранен, а его войско разбежалось. Младший брат Ак-Кубула обратился за помощью к Джучи-хану, который пришел и уничтожил племя дурут [486.–С.16–19; 494.–С.126–127].

Сведения мамлюкских источников важны тем, что аристократическое племя дурут («четыре») можно отождествить с алтайскими четырехсоставными азами — торт ас, а также с кыргызским племенем торт тамгалуу азык (букв. «четырехтамговые азыки»). Аристократический клан кимаков дурут происходил из азов, что подтверждает их связь с кыргызами. Антропонимы «Ак-Кубул», «Мангуш» и «Джамгар» (Жамгырчы, эпический герой в эпосе «Манас») также свидетельствуют о связи с кыргызами. В частности, «Ак-Кубул» («бледно-желтый») и «Мангуш» коррелируют с именами предка правого крыла Акогул (Ак уул) и племени мунгуш, упомянутых в родословной кыргызов «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди [18.–С.155].

Следовательно, аз-шарийа, возглавившие миграцию восточных племен на запад, могли представлять кыргызов, которые вовлекли в свое движение

кимако-кыпчакские племена. Часть аз-шарийа откололась и поселилась на восточных границах Караханидского каганата. Вероятно, аккубулы (Ак уул) и мунгуши, упомянутые С. Ахсикенди, относились к потомкам восточной группы аз-шарийа — сарикам и кыргызам, кочевавшим в Восточном Туркестане.

Однако в общем контексте исследования важно рассмотреть и альтернативную точку зрения ученых, которые локализовали область Каркырахан в Семиречье. Так, А. Бернштам [89, 93], В. Ромодин [424], О. Караев [239, 241, 242], основываясь на исследованиях В. Радлова и В. Бартольда, полагали, что в IX–X веках кыргызы смогли организовать свое княжество под названием Каркырахан на Тянь-Шане. А.Н. Бернштам локализовал владение Каркырахан и одноименный город именно в Семиречье [91.–С.21].

О. Караев, опираясь на сведения об области кыргызов Каркыра из «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди, предполагал, что центральными районами владения были Таласская и Илийская долины. Ставка предводителя кыргызов находилась в районе современного города Мерке, где были обнаружены реки с названиями Каркыра и Кара-Кыштак [235.]. При этом О.К. Караев отмечал: «Наряду с религиозными и фантастическими легендами, в рукописи приведены и описываются события и факты, имевшие место в IX–XVI веках» [234.–С.32–33]. Разработки ученых этой группы, хотя и важны для локализации Каркырахана, носили ограниченный характер, так как они больше сосредотачивались на географии, не проводя глубокого анализа источников.

В «Маджму ат-Таварихе» С. Ахсикенди выделяются сюжеты, отражающие три этапа истории кыргызов, соответствующие трем миграционным волнам восточных кочевников на запад: эпоха Кыргызского Великодержавия, господство кимако-кыпчаков и монгольские завоевания. К сюжетам эпохи Кыргызского Великодержавия относится период правления клана Каркырабека, который имел ставку в городе Каркыра в долине реки Талас. Кыргызы в это время состояли из двух владений: Каркыра с центром в долине Таласа, где находилась ставка Манаса [58.–С.47–48]. Салучи-Булгачи на Алтае, которая в других источниках упоминается в районах местности Бикут в Прииртышье [346.–С.121,155]. Важно отметить, что, согласно С. Ахсикенди, аристократический клан Каркырабека (правитель кыргызов), страна Каркыра и Манас не связывались с Алтаем. Джакып и его сын Манас родились во владении Каркыра в Таласе, а не на Алтае [58.–С.44–45,48,55].

Отметим, что деление народа на два владения подтверждается и топонимами, встречающимися в исторических источниках. Названия Кабак и Каркыра фиксируются как на Алтае, так и на Тянь-Шане задолго до выхода книги С. Ахсикенди «Маджму ат-Таварих». Аль-Истахри, в

частности, упоминает кыргызов рядом с ферганскими городами Илак и Шаш, а в другом месте — селение Кабакат в долине реки Талас: «Кимаки находятся между (территорией — О. К.) гузов, хирхизов и горой Саклабия. Расстояние между селением Кавакат, расположенным недалеко от города Тараза, и резиденцией кимаков в районе реки занимает 80 дней пути» [236.–С.34]. По сведениям М. Кашгари, Кабаком называли горный проход между Кашгаром и Узжандом [259.–С.363]. В одном из источников тимуридской эпохи рядом с Аспарой и Ташкентом упоминается город Му-Каркыра [345.–С.166]. Эти топонимы — Кавакат, Кабак и Му-Каркыра — подтверждают раннее пребывание кыргызов в долине реки Талас. Однако область под названием Кабак существовала и на Алтае задолго до эпохи Анга Торе. Гамдаллах Мустафа Казвини в своей «Тарихи Гузиде» упоминает племя Кабак наряду с Бугу и Канглы [48.–С.308], которые жили в Прииртышье, т.е. в районе, локализуемом как область Салучи-Булгачи [58.–С.82], упомянутой С. Ахсикенди.

Следовательно, эти факты подтверждают гипотезу о том, что после событий 840 года енисейские кыргызы слились с огузами и мигрировали вместе с ними на Алтай и Тянь-Шань. Центральной областью кыргызов на Алтае было владение Каркырахан [345.–С.50], а на Тянь-Шане — область Каркыра в долине реки Талас [58.–С.44–45], где кыргызы соседствовали с огузами. Отсюда можно заключить, что упоминаемые в источниках области Каркырахан и Кабак, Каркыра и Кабак были местами пребывания кыргызских и тюрко-огузских племен на Алтае и Тянь-Шане в IX–X вв. Эти племена проживали здесь задолго до миграции кимаков на запад. В эпоху Анга Торе в Притяньшанье начался процесс этнического возрождения кыргызского народа, который С. Ахсикенди отразил в образе собирателя кыргызских земель.

Следовательно, вышеизложенное еще раз подтверждает наше мнение о том, что енисейские кыргызы на Тянь-Шань слились с племенами нушиби, среди которых одними из главных были асиги и тухсы [25.–С.22–24; 26.–С.2286–2287, 2289]. В эпоху Истеми кагана союз племен нушиби возглавлял младший сын Истеми с помощью племени тухсы. Согласно китайским хроникам, азы имели здесь два владения — асицзе/асиги [200.–С.177], составлявшие первое и четвертое племена правого крыла Западнотюркского каганата [553.–С.34, 60; 200.–С.177]. Асиги уже были сопоставлены нами с азами [25.–С.21–24; 26.–С.2286–2287, 2289].

Отсюда можно полагать, что в эпоху Кыргызского Великодержавия енисейские кыргызы, переселившись вместе с карлукскими и огузскими племенами на Алтай и Тянь-Шань, слились с племенами тухсы, азами, отуз огланами, аргу и чигилями, образовав собственное владение, зафиксированное в «Худуд ал-Аламе» — княжество Каркырахан [345.–С.50] на Алтае. Однако в период господства кимаков это княжество

разделилось на два владения: Каркырахан на Алтае и Хакания [259.–С.69–70] на Тянь-Шане, последняя упоминается в «Маджму ат-Таварихе» С. Ахсикенди как владение Каркыра [58.–С.47–48]. Анализ показывает, что Хакания М. Кашгари [259.–С.69–70] и область Каркыра С. Ахсикенди [58.–С.47–48] находились в центральной части страны чигилей Аргу в долине реки Талас. Следовательно, область Каркыра и Хакания относились к владению Аргу, которое являлось манихейским названием страны племен тяньшаньских кыргызов, среди которых прежде всего выделялись племена аргу, отуз огланы, азы, тухсы, кючюки, басайганы (Барсхан), чигили, ягма и другие.

Таким образом, в IX–X вв. кыргызы на западе от Енисея сформировали устойчивую этносоциальную группу, которая поселилась в землях своих союзников — карлуков. Очевидно, енисейские кыргызы, продвигаясь вместе с огузами, на Алтае встретили карлукские племена и совместно с ними переселились на Тянь-Шань.

В связи с этим анонимный автор «Худуд ал-Аалам» и Вань Яньдэ отмечали кыргызов (отуз огланов), тухсы и чигилей как соседние племена, имеющие отношение к владениям Аргу и Хакания, упомянутыми М. Кашгари [259.–С.69–70]. При этом Хакания М. Кашгари, вероятно, тождественна области Каркыра С. Ахсикенди [58.–С.47–48] и могла происходить от Каркыра хан (Хакания/Хания), что подтверждает более древнее проживание кыргызов в долине реки Талас, на землях, где в средние века господствовали тухсы.

Анализ показывает, что этнополитическая ситуация, сложившаяся после 840 года, создала благоприятные условия для формирования к западу от Енисея устойчивой этносоциальной группы кыргызов. Однако в кимакскую эпоху эта группа разделилась между двумя владениями: Каркыраханом на Алтае и Каркырой (или Хаканией) на Тянь-Шане. Первое вошло в состав Кимакского каганата, второе — в Караханидское государство, где одними из основных племен были аргу, кыргызы, азы, тухсы, мундузы, чаруки, канглы, чигили, ягма и другие. В монгольскую эпоху кыргызы возродились, образовав на базе этих владений улусы Каркыра и Салучи-Булгачи. Ядро этих улусов составляли кыргызские племена, такие как канды, теит, жоо-кесек и другие, известные еще со времен Западнотюркского каганата в Притяньшанье.

В период господства кимаков на Алтае алтайские кыргызы, карлуки и огузы признали власть царя кимаков и вошли во состав Кимакского каганата, что отражено в сведениях об области Каркырахан, упомянутой в с. «Худуд ал-Аалам». Эти процессы подтверждаются сведениями С. Ахсикенди, который называет народ Манаса и Каркыры каркыралинскими кыпчаками [58.–С.47–48], что указывает на влияние кимако-кыпчаков на улус последних.

Таким образом, анализ средневековых источников тюркского периода свидетельствует, что кыргызы продолжали проживать как в районе Саяно-Алтая, так и на Тянь-Шане. В эпоху Истеми кагана кыргызов на Тянь-Шане представлял союз племен нушиби, возглавляемый племенем тухсы. В 840 году, после ликвидации гегемонии тогуз огузов и установления Кыргызского Великодержавия в Центральной Азии, часть енисейских кыргызов, следуя за тогуз огузами, переселилась на Тянь-Шань, где слилась с племенами союза нушиби, среди которых ведущую роль играли азы и тухсы. Источники также подтверждают, что к западу от Енисея в период Кыргызского Великодержавия сложилась устойчивая этническая группа кыргызов, которая сыграла заметную роль в политических процессах региона, включая формирование Кимакского каганата на Алтае и Караханидского каганата на Тянь-Шане. Кыргызы принимали активное участие в миграционных волнах восточных кочевников и пережили монгольские завоевания. В XIV веке, в период активной политической деятельности князя Анга Торе, они вступили в этап этнического возрождения, ознаменовавший консолидацию кыргызских племен на Тянь-Шане.

§ 3. Рунические надписи об изменении этнополитической ситуации в Притяньшанье и сопредельных регионах в тюркский период (миграционные и этнические аспекты).

В рунических надписях отражены исторические события, а также миграционные и этнические процессы, сыгравшие значительную роль в судьбе восточных кочевников в эпоху реваншистской политики правителей Второго Восточнотюркского каганата и в период Великого Кыргызского каганата.

В VIII веке политические интриги и борьба за лидерство в регионе между правителем енисейских кыргызов Барсбек-каганом и лидерами Второго Восточнотюркского каганата достигают своего апогея на востоке, тогда как на западе это приводит к краху власти тюрков ашина в Западнотюркском каганате и установлению господства тюргешей на Тянь-Шане. В связи с пресечением каганского рода ашина, тюргеши провозгласили своего вождя Уч Элика каганом (699–706) вновь образованного Тюргешского каганата, просуществовавшего с 704 по 756 год.

Тюргеши унаследовали политическую систему, построенную Истеми каганом. Народ был разделен на два крупных объединения – желтых и черных тюргешей, которые постоянно конкурировали между собой за первенство. Соответственно, каждый из них имел свой собственный политический центр: первый – в Суябе, второй – в Кунгуте. Желтые тюргеши считались основными, а черные тюргеши – второстепенными. Ядро кара тюргешей составляли племена азов и тухсы.

Ю. А. Зуев полагал, что государством управляли представители клана Уч Элик кагана из рода эзгене [329. – С. 67; 118. – С. 47–57.] племени азов [118. – С. 63; 25. – С. 23–24.], стоявшие во главе желтых тюргешей. Господствующий клан управлял страной с помощью мукринов, представители которых носили титул «мохэ-дагянь». Представители желтых тюргешей управлялись большим ханом, а черных тюргешей – малым ханом с титулом «кара хан» [200. – С. 174, 210–211, 213, 237.].

Тюргешский каганат располагался в Семиречье и включал в себя бассейны рек Или, Чу и Талас. Сюда же относились земли, расположенные от Шаша (Ташкента) до Турфана и Бешбалыка.

Однако, не успев полностью утвердиться, молодое Тюргешское государство оказалось под ударами арабов (705 г.), которые воевали с Согдом. Уч-Элик кагану удалось заключить союз с Китаем и Согдом и дважды достичь успехов в сражениях с арабами под Пайкендом и Бухарой. Арабам удалось лишь чудом избежать полного уничтожения. При правлении его преемника, Сакала кагана, Тюргешский каганат достиг своего расцвета. Сакал каган вытеснил арабов из Средней Азии, и тюргеши установили свою гегемонию в регионе.

Но вскоре, в 708 году, Тюргешское государство впало в междоусобную войну из-за внутренних разногласий между Сакалом каганом и его вассалом Кули Чуром. По данным китайских источников, от Сакала откололся его младший брат с титулом «карахан» Ченгбек (Чен), который правил в Таласе. В борьбе за престол он попросил помощи у правителя II-Восточнотюркского каганата Капаган кагана [200. – С. 208.]. В 710 году тюрки организовали поход против Сакала кагана. В сражении на реке Болучу тюргеши потерпели поражение, а вскоре каган был взят в плен и казнен. После смерти Сакал кагана, с поддержкой тюрков, к власти пришел его младший брат Ченгбек. Однако, Ченгбек придя к власти, стал продолжать линию предыдущих тюргешских каганов и открыто поддерживал Барсбек кагана.

В 711 году тюрки ночью внезапно напали, когда кыргызы спали. Однако Барсбек каган, чтобы отвлечь врага, оставил небольшую часть своего войска, а основную часть увел. В решающем сражении в местности Черни-Сунга кыргызы проиграли битву. Правитель кыргызов Барсбек каган и его союзник Ченгбек были убиты. В 715 году Культегину удалось разбить войско азов у озера Кара- Коль. Уцелевшие азы и тухсы бежали в Семиречье. Ученые полагают, что вместе с тухсы и азами часть енисейских кыргызов тоже мигрировала на Тянь-Шань.

Следует отметить, что, по данным источников, относящихся к периоду реваншистской политики Второго Восточнотюркского каганата, прослеживается тесная этнополитическая связь между правителем Тюргешского каганата Уч-Эликом, его преемниками Сакал-каганом и

Ченгбеком, и кыргызским Барсбек-каганом — направленная против восточных тюрков. Вожди тюргешей из племени эзгене [118. – С. 63] имели не только этногенетическую связь с восточными азами, проживавшими в Западной Монголии, но и с господствующим кланом енисейских кыргызов — азами, к которому принадлежал и сам Барсбек-каган.

В связи с вышеизложенным, можно полагать, что крах тюрков- ашина в 704 году и приход к власти клана азов во главе с Уч Элик каганом был неслучайным. Не исключено, что здесь имело место вмешательство извне. Барсбек каган, глубоко осознавая геополитические интересы Кыргызского каганата, активно поддерживал политическую элиту в соседних государствах, которые были против реваншистской политики II-Восточнотюркского каганата. Кыргызы постепенно наращивали свои силы, устанавливая дипломатические отношения со всеми большими и малыми государствами и владениями. Кыргызские послы побывали и установили связи с Тибетом, Китаем, Карлукским и Тюргешским каганатами.

Развитие политических событий в Западнотюркском каганате в 704 году, приведших к гибели государства ашина-тюрков на Тянь-Шане, в большей степени свидетельствует в пользу вмешательства внешних сил в этот процесс — в частности, правителя енисейских кыргызов Барсбека-кагана, происходившего из рода азов. Очевидно, Барсбек-каган, хорошо зная, что 23-й каган западных тюрков не имел наследника, поддержал силы, настроенные против тюрков, во главе с Уч Элик-каганом из клана эзгене — то есть своего соплеменника [118.-С. 63]. В 704 году вождь тюргешей Уч Элик поднимает мятеж и убивает последнего 23-го кагана из рода ашина, тем самым каганский род пресекается. Это открывает широкую дорогу к провозглашению Уч Элик кагана (699-706 гг.) новым каганом, который на руинах владения западных тюрков сформировал Тюргешский каганат.

Стало быть, неслучайно, первые тюргешские каганы – основатель Тюргешского каганата Уч Элик каган и его сыновья Сакал каган и принц Ченгбек – имели тесные этнополитические связи с Барсбек каганом. Уч Элик каган с первых дней пребывания у власти стал поддерживать Барсбек кагана в его борьбе против II- Восточно-Тюркского каганата. После смерти Уч Элик кагана к власти пришел его старший сын Сакал каган (706-711 гг.). Младший сын Уч Элик кагана, Ченгбек, правил племенами нушиби, азами и тухсы. Однако в период смуты и разногласий между кланами Ченгбек переметнулся во вражеский стан и поступил на службу к Капаган кагану [200. – С. 208.].

Возможно, действия Ченгбека и его переход на сторону врага были заранее спланированной акцией. Очевидно, Ченгбек стремился заручиться поддержкой западномонгольских азов и чиков, собирая силы вокруг себя. Он недолго служил Капаган-кагану. В 710 году, после расправы тюрков с Сакал-каганом, Ченгбек был поставлен во главе тюргешей. Однако, последний,

отказавшись служить Капаган кагану, стал поддерживать Барсбек кагана. Таким образом, анализ показывает, что Ченгбек пошел на такие действия из-за своей чрезмерной амбиции и он плел интриги, играя между могущественными политиками – Барсбек каганом и Капаган каганом. Однако, возможно, Ченгбек согласовал свои действия с Барсбек каганом, чтобы совместными усилиями уничтожить II-Восточнотюркский каганат и обеспечить независимость Кыргызского и Тюргешского каганатов. Тем не менее тюрки относились к нему с недоверием. По мнению Л. Н. Гумилева, именно Ченгбек, вероятно, и был тем князем, к которому с подозрением относился Тонукук, считая его тюргешским лазутчиком, отправленным в тюркский стан [147. – С. 298–299].

Союз с тюргешами усилил Кыргызский каганат. Правители II-Восточнотюркского каганата открыто признавали силу и могущество Барсбек кагана и даже, чтобы усмирить его амбиции, выдали за него дочь Элтерес кагана. Согласно данным рунических текстов, основными врагами Второго Восточнотюркского каганата являлись табгачский, тюргешский и «кыргызский сильный каган». «Эти три кагана, рассудив, сказали: да пойдем мы (походом) на Алтынскую чернь. Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана... Втроем мы объединимся и отправимся в поход, и уничтожим его...» [509.– С. 54.], – говорится в орхоно-енисейских надписях в честь кагана Тонукука 709 года.

Барсбек-каган, рассчитывая на поддержку союзников, решился на решающее сражение и пригласил тюркские силы на местность Черни-Сунга в 711 году. Однако в назначенный день союзники так и не прибыли, и Барсбек-кагану вместе с Ченгбек-каганом пришлось в одиночку противостоять многочисленной армии Второго Восточнотюркского каганата. В неравной битве Барсбек-каган потерпел поражение и пал. Ченгбек был захвачен в плен и обезглавлен Капаган-каганом за предательство.

Отметим, что несмотря на неудачи, кыргызы, тюргеши, азы и тухсы продолжили борьбу за независимость и после гибели Барсбек кагана и его союзника Ченгбека. Тюргеши, азы и тухсы, вместе с кыргызами, возвратились на Тянь-Шань, где последние смогли образовать новое государство во главе с Сулук каганом, который был выходцем из тухсы.

В советское время на месте сражения кыргызов и тюрков в районе Алтын-Коля учеными были обнаружены две наскальные надгробные надписи. Одна из каменных стел была посвящена герою по имени Барс, другая — Ченгбеку.

По мнению ученых, на Алтын-Коле был похоронен и главный герой сражения в местности Черни-Сунга – правитель кыргызов Барсбек каган. В. Я. Бутанаев пишет, что в одной из надгробных надписей «повествуется о герое, именуемом Барс, происходившем из ханского рода и бывшем послом

в Тибет. Герой эпитафии пал в неравном бою с многочисленными врагами в золотой Черни-Сунга». С.Г. Кляшторный считал, что стелы на Алтын-Коле сооружены в честь правителя кыргызов Барсбек кагана, который пал в битве с тюрками II-Восточнотюркского каганата в 711 году. В. Я. Бутанаев отождествил местность «Золотая Черни-Сунга» с сосновыми борами долины реки Сос, где расположено озеро Алтынколь. По его мнению, топоним «Сос» (в хакасском произношении «Соос») является стяженной формой от первоначального «Сонга (с)» [389.- С. 153]. Любопытно, что в кыргызском языке слово «сынга» ассоциируется с майданом — местом сражения, где две противоборствующие стороны меряются силами.

В надгробной надписи, посвященной Ченгбеку говорится, что он тюргеш из племени эзгене.

1. Я умер. Я – тюргеш, Я – Ченг бег. (Это моя) надпись.

2. Я был на тридцать шестом году своей жизни.

3. Я придворный служитель Кара-хана, я – Эзгене [329. -С. 67.]. В. Я. Бутанаев Ченгбека отождествил младшим братом Сакал кагана предводителем кара тюргешей Ченом, упоминаемого в китайских источниках, как союзник Барсбек кагана. Он отмечает, что после разгрома кыргызско–тюргешской коалиции в 711 году, попавший в плен Ченгбек был казнен за предательство Капаган каганом в стране кыргызов [69.-С.484; 147. -С. 300.]

В. Я Бутанаев этноним «эзгене» сопоставил с именем одного из аристократических племен тяньшаньских кыргызов адыгине [5.-С. 38.], в родоплеменном составе которого встречается род кара сакал. Он о происхождении этого князя пишет: «По всей видимости, происходил из племени «эзгене». Можно отождествить название эзгене с созвучным именем племени «адигине», среди современных киргизов Тянь-Шаня. Возможно, «эдигине» происходят от древних тюргешей из Чуйской долины» [118.-С.63-64; 5. -С. 50-51.]. В свою очередь, мы уже сопоставляли название езгене с западнотюркским племенем асиги, а также с именами кыргызских племен азык, адыгине/азыгине/езгене [25. -С. 23]. Мы также ранее отождествляли азык и адыгине/азыгине [18.-С. 152–153, 160, 535–536].

По-видимому, тюргеши князя Ченгбека [329. -С. 67.] обитали во владении карсагалов русских источников, упоминаемых в соседстве с сагайцами в Минусинской котловине в исторических источниках XVII-XIXвв. «Этноним» карсагал можно сопоставить с названием тувинского рода кара сал (восходящего к «кара сакал») [175. -С.65.], кыргызского рода кара сакал объединения адыгине [5. -С.23.], а также казахского рода кара сакал племени алимулы [485. -С.23; 383. -С. 36, 43.], предки которых по мнению ученых мигрировали на запад в период реваншистской политики предводителей II- Восточнотюркского каганата. А. А. Нурумбаев название одного из родов алимулы торт кара (четыре черных или могущественных

родов) и его подрода караш (могущественные азы) сопоставил с именем кыргызского племени торт тамгалуу азык (букв. четырехтамговый азык), получившим свое имя по числу его четырех родов-борю, байкючюк, козугуна, бычман [383.-С. 36]. Торткара тоже состоял из четырех родов-ораз, оразгельды, жаншукур и караш. В структуре караш (кара аз) имелся подрод шынтас [383.-С. 36], которых также называли аккийиз, что означает род, представитель которого был поднят на белом войлоке и провозглашен в ханы. В связи с чем, мы выше этимологизировали его как «чынг ас» (истинный, крепкий, великий, благородный ас) и сопоставили с именем Ченгбека (Чынг бек/крепкий, благородный [329. -С. 67.;16.-С.220, 339], в значении Великий князь.

В исторических источниках рассказывалось о союзе енисейских кыргызов с тюргешами против Тогуз огузского каганата. Согласно китайских хроник в 820 г. правитель кыргызов Ажо объявил себя каганом, свою мать, тюргешскую принцессу, вдовствующей ханьшею, а свою жену, дочь карлукского ябгу – ханьшею [100. -С. 355.]

Один из рунических памятников найденный в устье реки Ниня на большом холме в Уйбатской степи 1963 году археологом А. Н. Липским, посвящен представителю клана барсов Тиригбеку, который жил в период противостояний между Кыргызским каганатом и Тогуз огузским государством. Памятник был перевезен и установлен в Хакасском краеведческом музее. В Уйбатской рунической надписи повествуется о событиях середины IXвека, когда енисейские кыргызы разгромили ставку Тогуз огузского каганата и установили полный контроль над Центральной Азией. В. Я. Бутанаев изучивший и прочитавший заново, после И. Кормушина [284. -С. 117-123.], уйбатский рунических памятник, пришел к выводу, что памятник посвящен кыргызскому правителю Тириг- беку, у которого тотемным животным был барс… Он пишет, что «Захоронен Тириг-бег в Уйбатской степи недалеко от устья реки Ниня, где были обнаружены остатки посвященного ему культово - мемориального комплекса, который первоначально состоял из самой могилы, памятника с рунической надписью и надмогильного сооружения» [119. -С. 178.]. Надгробное изваяние в честь Тириг- бека, имевший в народе название «хосхартас» (посвященный военачальникам, героям воин) «…представляло высеченную песчаниковую фигуру архара, стоявшего на пьедестале на небольшом перевале «Хосхар биль» [119. -С. 178.].

В. Я. Бутанаев отождествил Тиригбек кагана с правителем Кыргызского каганата, известным по китайским источникам под именем «Ажо», который одержал сокрушительную победу над тогуз огузами в 840 году. Правитель кыргызов умер в 847. Китайский император присудил победителю титул Цзун-ин Хюн-Ву Чен- мин-хан [100. -С. 357; 389.-С. 137,145.]. Китайский император в ответном письме Тиригбек кагану

отмечал: «Вы сожгли шатер ..., Вы установили Сеть!» [200. -С.254.]. Период правления Тиригбек кагана можно рассматривать как время победы учения Мани в Кыргызском каганате, который становится одним из главных центров для приверженцев манихейской веры. Тиригбек каган легко устанавливал дипломатические отношения манихейскими владениями тюргешей, карлуков на Тянь-Шане. К нему приходили и поступали на службу герои степей, генералы даже с вражеского стана. Генерал тогуз огузов Бойла Кутлук Ярган перешел на сторону кыргызского кагана со стотысячной армией укомплектованной карлуками, тюрками-шато, онгутами. После победы над врагом в 840 году Тиригбек каган организовал специальную военную экспедицию во главе с генералом Алп Сол Тепеком и армией из 100 тысяч человек для поисков китайской принцессы Тайхон в Восточном Туркестане. Другой задачей военной экспедиции было защита владений союзников кыргызов карлуков, тюрков-шато и не пропустить беглые тогуз огузские племена на Тянь-Шань. В результате этой операции кыргызы захватили ряд городов Восточного Туркестана и дошли до Кашгара. Кыргызы стали одной из главных политических сил, контролирующих Кашгар и его окрестности. По всем описаниям источников Тиригбек каган одним из главных претендентов на роль собирательного образа Манаса в эпосе «Манас», как правитель приведший свой народ к победе и установивший свою власть над Центральной Азией. Вторым кандидатом может стать генерал Алп Сол Тепек, а третьим каган Чабышчур Кумул огя (манихейски. «oga»-«мудрый», «мудрец»), правивший после Тиригбек кагана 847- 863 гг. Он правил церьковным именем Кумул огя.

Отметим, что надгробной надписи Тиригбек каган описывался как доблестный воин, за что его образ сравнивался «клыкастым диким вепрем». Тиригбег каган руководил гвардией из сорока эров - батыров, для которых он являлся «родным отцом». Подобные характеристики отношений между вождем и ему подвластными военачальниками описывались и в рунических текстах отуз огланов, найденных в долине реки Талас в Кыргызстане. Отуз огланы находились под управлением клана барсов [26. -С.10.]. Значит и правители отуз огланов, и енисейских кыргызов Барсбек и Тирикбек, происходили из клана барсов [329.-С. 39; 118. -С. 64-65]. Согласно надписям, вождь из клана барсов считался отцом для отуз огланов — тридцати сыновей. Любопытно, что в киргизском эпосе «Манас» правитель кыргызов Манас также имел сорок чоро — военачальников и витязей — во главе с Кыргылчалом [333. — С. 122]. В эпосе Манаса называли народным «тиреком» — опорой, на которую возлагались надежды на будущее. Вероятно, именно по этой причине кагана енисейских кыргызов называли Тирекбеком — «опорой народа», что дает основание отождествлять его с легендарным Манасом.

Отсюда можно полагать, что более обоснованно относить время сложения эпоса «Манас» к эпохе тюркских государств VI–XI веков. Именно в это время происходят ключевые исторические события и политические процессы, связанные с образованием Кыргызского каганата и установлением его господства над Центральной Азией. Эти события в конечном итоге привели к формированию кыргызского этноса VIII–XI веков. В X–XIII веках кыргызы уже вели войны с каракитаями, а затем и с монголами.

По мнению В. Я. Бутанаева хакасский род «читы-бююр» (букв. семь волков) племени сагай относится к потомкам великого кыргызкого кагана Тиригбека, предок рода был запечатлен в скульптурном памятнике «хосхартас». Представители рода читы- бююр особо почитали памятник, «ежегодно совершали ему жертвоприношения «хосхартас тайыг» [119.-С.178.]. Ниже приводим рунический надписи уйбатского памятника, прочитанный В. Я. Бутанаевым.

Транскрипция

1. [erdem] er qunçuyun qazğandınız, bökmediniz beg erkime beg;
2. bunğ bunğa adırıldınğız, açığa qırq erig qanğsız qıld [ınğız];
3. Uiğur qan ilin alduqta azığlığ tonğuz teg Tirig beg siz;
4. alıç bars Tirig beğim yıta erdemim size;
5. [Tüpütke] elçisi ertım şab kök Tırığ beğe;
6. [Er] ölürtüm kök böri qaramağ bağın ölürtüm; Перевод

1. [Доблестный] муж! Вы приобрели (много) принцесс, (но) не насладились княжеской властью, о бег!

2. Тысяча печалей! Вы отделились (от нас), о горе! Сорок мужей-воинов Вы оставили (букв. сделали) без отца!

3. При взятии государства Уйгурского хана, Вы Тириг-бег (были) словно клыкастый дикий вепрь!

4. …мой почитаемый барс Тириг бег! Увы! моя мужская доблесть Вам (принадлежит)!

5. Я был послом [в Тибет], слава божественному Тириг-бегу!

6. ...Я убивал [вражеских мужей-воинов], я уничтожил подразделения [многочисленной] стаи серых волков!» [284.-С. 122; 112. -С.123.; рис.44.]

Согласно уйбатскому памятнику Тиригбег совершил посольскую миссию в Тибет, одновременно с кыргызами ведший войну против тогуз огузов. Тибетцы поддерживали дипломатические связи с кыргызами, и, вероятно, их действия были согласованными. Поскольку кыргызы могли беспрепятственно совершать посольства в Тибет, по землям дружественного Карлукского государства. Правитель карлуков приходился тестем Тиригбега – Ажо, что находило подтверждение сведениями китайских хроник. Источники сообщают, что кыргызы установили дипломатические связи с рядом государств: «Сие государство было всегда в дружеских связях с Даши, Туфанию и Гэлолу, но туфаньцы, при сообщении с Хягасом, боялись

грабежей со стороны хойху, поэтому брали провожатых из Гэлолу» [100.-С. 355.]

Судя по контексту уйбатской надписи, был заключен союз между Кыргызским каганатом и Тибетом, что сыграло важную роль в победе кыргызов над тогуз огузами в 840 году. Кыргызы избавили Тибет от врагов – тогуз огузов. В. Я. Бутанаев считает, что победа Тиригбека отражена в строках, где говорится о том, что Тиригбек «уничтожил подразделения (многочисленной) стаи серых волков», что, по его мнению, символизирует победу над врагами из II- Восточнотюркского и Тогуз огузского каганатов.

В уйбатском памятнике Тиригбек описан как талантливый полководец и дипломат, что также было характерно для кыргызского кагана Ажо, который поддерживал дружественные связи со всеми владениями и государствами того времени. Дипломатический курс Тиригбека, направленный на повышение международного имиджа Кыргызского каганата, принес успех и сыграл решающую роль в ликвидации Тогуз огузского государства в 840 году, а также в формировании Великого Кыргызского каганата в Центральной Азии.

Однако, отметим, что при кагане Кумул огя Кыргызский каганат достигает своего рассвета. Кумул огя придал манихейству статус государственного. Кыргызский каганат приобретает идеологию на основе учения Мани. Вторым названием государства и народа стало Кумул эл [200. -С. 254]. В надгробной надписи Кумул огя говорится; «…не было народа юз-кёмюль ... Я нашел множество кёмюлей. Ничтожное я, кёмюль, сделал великим» [200. -С. 252]. Смысл этого текста в точь-точь совпадает с крылатыми слова Манаса в эпосе «Манас», где он говорит: «Кулаалы таптап куш кылдым, курама жыйып», журт кылдым». Кумулы это приверженцы учения Мани, которые собирались вокруг вождя племени, который выступает в роли наставника, вокруг которого собирались приверженцы манихейского учения. При вожде племен или кагане формировались специальные социально-религиозные группы отуз оглан («тридцать сыновей воспитанников» [200 – С. 201], «юз оглан» (сто религиозных молодых учеников -послушников) [200.-С. 208], juz er (сотня мужей-послушников) [284.-С. 169-174], otuz er- тридцать мужей (послушников), «juz komul» (сто кёмюлей послушников), juz qadas («сто сородичей»), juz er- qadas/кадаш (кит. баньлюй- «компаньон», «товарищ», «спутник») [200.-С. 209-210.]. Поэтому Кумул огя говорит: «…не было народа юз-кёмюль ... Я нашел множество кёмюлей…». То есть кумулы отуз оглан могли представлять личную гвардию или дружину Кумул огя.

В связи с вышеизложенным можно полагать, что в период усиления Саманидов Кумул огя направил военный отряд в долину реки Талас для защиты интересов манихейцев региона, где, по-видимому, сформировалась манихейская область Аргу. Впоследствии, вероятно, в ее рамках сложился

манихейский военно-политический союз отуз оглан. Отметим, что по китайским хроникам Кыргызскому кагану Тиригбеку служил полководец по имени Ургу Алп (Вань Ухэ), который мог быть выходцем из племени аргу. Махмуд Кашгари упоминал о существовании одноименного племени и области под названием Аргу, название которой, по его словам, означало «ущелье». «Аргу –«ущелье», то, что находится между двумя горами. Страну, расположенную между Таразом и Баласагуном называют «Аргу», так как она располагается между двумя горами» [259.-С.155], -отмечал М. Кашгари. По мнению З. В. Тогана, племена аргу кочевали в долинах Чу и Таласа, а затем переселились в Кашгар [574.-С. 60].

Следовательно, енисейские кыргызы первоначально переселились в земли своих южных соплеменников, которые в источниках упоминались в районе Аргу- тага, который включал большой комплекс горных массивов Кашгарского округа. Неслучайно, одна из горных областей Центрального Тянь-Шаня близ Кашгара и поныне носит название Нарын (ущелье), что на тувинском и старо-монгольском языке означает ущелье [23. -С.15-16.].

Отуз огланы управлялись кланом барсов с титулом «кара чор». Представители клана барсов правили тронными именами Огул Барс, Ак Барс, Кара Барс [26. -С.1292.] и т.д. Отуз огланы сыграли важную роль в этногенезе кыргызского народа. Исторические источники и генеалогические предания позднего средневековья связывали происхождение кыргызского народа с потомками отуз огланов и азов, наделяя последних статусом консолидирующих объединений тяньшаньских кыргызов.

Отуз огланы и азы были связаны с таласскими рунами, которые еще В. В. Бартольд, П. М. Мелиоранский и С. В. Киселев по графическим особенностям сближали с енисейскими руническими надписями. В связи с этим ученые полагали, что руны были экспортированы кыргызами с Енисея в V-IX веках [84.-С.12.].

С. В. Киселев, сравнивая рунические надписи Таласской долины с орхоно-енисейскими текстами, обнаружил определенную близость первых с енисейскими рунами, что подтолкнуло его к выводу о том, что енисейские кыргызы мигрировали на Тянь-Шань еще до эпохи Кыргызского Великодержавия. По его мнению, рунические тексты на таласской палочке схожи с надписью на минусинской пряслице, что позволяло предположить о кыргызском происхождении этих текстов. Таким образом, он пытался рассматривать данный документ как источник, фиксирующий проникновение кыргызов в Семиречье ранее IX-X веков [262.-С. 33- 41.].

И. В. Кормушин, изучив и сравнив таласские, суджинские и енисейские тексты с учетом новой датировки, был склонен считать, что таласские руны были занесены енисейскими кыргызами на Тянь-Шань в IX веке [283.-С.47.]. Его мнение поддержал О. Караев, который считал отуз огланов частью енисейских кыргызов, переселившихся на Тянь-Шань в

эпоху Кыргызского Великодержавия. О. Караев и С. М. Абрамзон также отмечали активное участие группы отуз уул (тридцать сыновей) в формировании кыргызского этноса, объединяя правое и левое крыло.

По мнению С.М. Абрамзона родоплеменная структура китайских кыргызов немного отличается от тяньшаньских кыргызов. «К левому крылу они относят всю группу отуз уул…» [5.- С. 338.]. Т.е. отмечается активное участие группы отуз уул в формировании левого крыла китайских кыргызов.

Отметим, что связь отуз огланов с кыргызами также подтверждается сведениями рунических надписей, найденных в Минусинской котловине и в долине реки Талас, которые принадлежали отуз огланам. Выше мы проанализировали тексты из надгробной надписи, посвященной кагану енисейских кыргызов Тиригбеку, положивший конец Тогуз огузскому каганату в 840 году, его образ сравнивается «клыкастым диким вепрем», руководившим гвардией из сорока эров - батыров, для которых он являлся «родным отцом». Тексты подобного содержания и характера обнаруживались и в рунах отуз огланов Таласа, где вождь племени охарактеризован как отец отуз огланов– тридцати сыновей, представлявших его военачальников. Подобные сюжеты встречались и в эпосе «Манас», где правителя кыргызов Манаса всегда сопровождали в одних случаях тридцать, в других сорок чоров/витязей [335.-С.181.]. В одном из сюжетов, когда Манас побеждает Алооке, примирение сторон прикрепляется брачными узами между противоборствующими силами. В знак примирения тридцать витезей во главе с Манасом женятся на тридцать девиц вражеской страны Алооке [335.-С.181.]. Т.е. отсюда можно полагать, что енисейские кыргызы являлись авторами рунических писем, а тяньшаньские таласских. Это также свидетельствует о том, что енисейские кыргызы переселились на Тянь-Шань под именем «отуз оглан».

Важно также отметить, что обнаруженные в 1975 г. в долине р. Тэс, в горах Танну-Ола, рунические надписи, оставленные генералом Алп Сол Тепеком, могут свидетельствовать о распространении рунической письменности на запад вместе с кыргызскими войсками, участвовавшими в военных походах и экспедициях, в ходе которых завоёвывались новые территории и города, включавшиеся в состав Великого Кыргызского каганата. С. Г. Кляшторный, прочитав текст надписи, отмечал, что в данном районе располагался военный гарнизон Алп Сол Тепека, осуществлявший контроль над Орхонской долиной и прилегающими территориями [275. – С. 348; 173. – С. 373].

Алп Сол Тепек собственноручно высек на скале в долине р. Тэс, в районе Танну-Ола, на северо-западе Монголии, следующую надпись: «Я, Тепек Алп Сол, это написал. Я пребывал тогда в добром здравии» [275. – С. 348; 173. – С. 373]. Таким образом, надпись была создана непосредственно в месте дислокации его военного гарнизона, откуда осуществлялся контроль

за передвижением остатков войск тогуз-огузов, а также за киданями и территориями, связанными с Китаем. Это направление имело важное стратегическое значение, поскольку отсюда открывался путь в сторону Кашгара и Таласа, где проходила граница между мусульманским и манихейским мирами. После ликвидации гегемонии тогуз-огузов Кыргызский каганат стал одним из основных центров манихейства, в связи с чем защита интересов этой религии приобрела для него особое значение.

Надпись Алп Сол Тепека, кроме того, свидетельствует о том, что кыргызская военно-политическая элита самостоятельно и достаточно широко использовала руническую письменность в своей деятельности.

В. С. Киселев вполне обоснованно допускал возможность раннего пребывания отуз огланов в долине р. Талас, то есть еще до IX–X вв. [262.-С. 33- 41.]. В этом контексте представляется возможным согласиться с исследователями, связывающими отуз огланов с енисейскими кыргызами. Не исключено, что часть отуз огланов проживала на Тянь-Шане еще со времен Истеми-кагана. В таком случае можно предположить, что часть отуз огланов, включая аристократический клан кара чор, находилась на Тянь-Шане задолго до эпохи Кыргызского Великодержавия, представляя здесь интересы енисейских кыргызов, которые, наряду с азами и тухсы, служили Истеми-кагану.

В качестве возможного примера можно привести племя нушиби басайган, или барскан, название которого, вероятно, связано с племенем барсов. Племена нушиби, особенно азы и тухсы, находившиеся в соседстве с кангаро-печенегами в долине р. Талас, могли активно взаимодействовать с ними. В связи с этим союз отуз огланов мог сложиться на основе азов, тухсы, кангаро-печенегов и енисейских кыргызов, переселившихся на Тянь-Шань после событий 711–715 гг., либо кыргызских групп, мигрировавших в долину р. Талас уже в период Кыргызского Великодержавия.

Отметим, что в пользу енисейского происхождения отуз огланов также говорит и то, что среди средневековых тяньшаньских племен только отуз огланы и азы имели свою письменность, представленную таласскими рунами. В одном из таласских рунических текстов говорится о принадлежности их не только к отуз огланам, но и азам и в целом кыргызам. В нем сказано: «Ата агыз аша аз». Т.е. перейдя через Ата агыз – азы [84.-С.29]. Приведенные здесь сведения из таласских рун могут свидетельствовать о важной роли отуз огланов, азов в миграции восточных племен на запад. Отуз огланы с аристократическим кланом барсов нельзя рассматривать отдельно от союза племен нушиби- тухсы, асиги (аз), гешу (кючюков) и басайган (барсхан), которые также компактно проживали в долине реки Талас [26. - С.1286.]. Отуз огланы и племена нушиби находились в тесной этногенетической связи между собой.

Анализ этнополитической ситуации в IX–X вв. позволяет предположить, что в создании нового племенного союза прежде всего был заинтересован кыргызский каган, стремившийся укрепить свои позиции и создать политическую силу для контроля над регионом. Под предлогом защиты интересов манихеев он, вероятно, пытался объединить местные племена для противодействия Саманидскому государству, которое стремилось установить контроль над Семиречьем и распространить в регионе ислам. В 983 г. саманидам удалось захватить Талас.

В этих условиях кыргызский каган, очевидно, вступил в союз с азами и тухсы, составившими ядро отуз огланов. Не исключено, что союз енисейских кыргызов с тухсы отражен в «Худуд ал-‘Алам», где говорится о соседстве тухсы с одной из групп кыргызов [345.–С.50.]. Это может свидетельствовать об их последующем взаимодействии и возможном объединении в рамках нового союза отуз огланов. Можно предположить, что данный союз представлял собой преобразованную форму прежнего союза нушиби, возрождённого в новых этнополитических условиях. Помимо азов и тухсы, в его состав, вероятно, вошли енисейские кыргызы, чигили, ягма и другие племена региона.

Таким образом, создание отуз огланов могло способствовать укреплению позиций кыргызского кагана и консолидации местных племен перед лицом саманидской экспансии. Одновременно усилилось кыргызское присутствие в Кашгаре, где кыргызы стали соседями ягма. Вероятно, кыргызский каган также покровительствовал Огулчаку Кадырхану, перенесшему свою ставку в Кашгар после захвата саманидами долины р. Талас в 983 г.

Согласно Гардизи, предводители тухсы носили титул «чигиль-тухчин» [225. – С. 40]. В средние века термин «чигиль», по-видимому, имел несколько значений и мог обозначать как социальную группу и племенное объединение, так и приверженцев манихейской религии. Титул «чигиль-тухчин» может указывать на лидирующее положение тухсы среди манихейских общин Тянь-Шаня. Согласно данным источников, в X–XI вв. тухсы занимали одно из ведущих положений в регионе и, по-видимому, превосходили по влиянию одно из крупных племен Семиречья — чигилей, проживавших между городами Барсхан и Тон на Иссык-Куле. Один из источников отмечает: «по дороге повсеместно встречается только шатры джикилей. Барсханский правитель носил манихейский титул “манак”» [68. – С. 532].

Однако, М. Шебангараи в «Маджма ал-ансаб» (XIV в.) сообщает о победе тухсы над чигилями и пленении ими будущего правителя Газневидов, юного Себук-тегина, в окрестностях Барсхана, после чего он был продан на невольничьем рынке [139. – С. 107]. Это позволяет предположить, что Барсхан мог принадлежать к аристократическому клану

барсов племени тухсы, являвшегося одним из основных объединений союза отуз огланов, созданного при участии кыргызского кагана.

Гардизи также сообщал о правителе алтайских кыргызов Емке, который покорил огузов и дал собранному им народу свое название. Эти сведения позволяют предположить, что в эпоху Кыргызского Великодержавия кыргызы, продвигаясь в направлении Тянь-Шаня, покоряли и включали в свой состав огузские и теле-тардушские племена Алтая и Прииртышья. Вместе с тем в состав кыргызского объединения могли войти некоторые племена их союзников — карлуки, тухсы, азы и западная ветвь пугэ, проживавшая на р. Пугу-чжень [5.-С. 65.] в Прииртышье.

Согласно китайским источникам, «Гэлолу произошло из тукюеского Дома, кочевало от Бэй-тьхин на северо-запад, от Алтайских гор на запад, по обеим сторонам реки Пугу-чжень… Поколение Гэлолу состояло из трех родов: Мэуло, иначе Мэули, Чжисы, иначе Пофу и Ташили» [100. – С. 347; 27. – С. 51]. В источнике отмечено, что карлуки жили «от Алтайских гор на запад по обеим сторонам реки Пугу-чжень». По мнению С.М. Абрамзона, «округ Цзиньвэйшань западных пугу соответствовал цепи Тарбагатайских гор в северо-западной Джунгарии, а р. Пугу-чжень (Бугу-чин) – Верхнему Иртышу» [5.-С. 65.]. По Марвази карлуки насчитывали девять племен три чигиль, три бескиль, одно тухсы, одно булак, одно-кукеркин, а также лазана (азы), фаракия [324.-С. 394; 25.-С. 18.]. Большинство вышеназванных племен и групп в купе с кыргызами, могли прийти на Тянь-Шань, представляя уже кыргызские объединения.

Согласно китайским хроникам, Алп Сол Тепек во время переговоров в крепости Таньдэ, сообщил военному министру императора в 842 году …Кыргызы будут селиться на реке Хэло в Восточном Туркестане и будут проживать на старых землях Уйгурского каганата и «им подчинились пять племен Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), дата (татары) и другие» [324. - С. 101.] Абу Дулаф сообщает о крупной группе кыргызов в Восточном Туркестане. О них же мог писать Ван Яньдэ, 983 гг., который в своем отчете зафиксировал проживание в землях кыргызов, живущих по соседству с северными и южными туцюе, большими и малыми чигилями, ягма, барманами и геты урунгу (волянхетэ/уряньхай) [239.-С.58; 53.-С.115,119.].

В «Худуд ал-Алам» кыргызы и ягма имели соседство в районе Кашгара [345. – С. 47]. М. Шабангараи также подтверждает соседство ягма и кыргызов, указывая, что ягма и сарихи жили к западу от кыргызов [396. – С. 64]. Вероятно, кыргызов следует локализовать в районе бассейна реки Манас и прилегающих территориях Центрального Тянь-Шаня, где, согласно В. Ф. Минорскому, находился город Ямгур, располагавшийся восточнее Барсхана, в области реки Манас, западнее Бибалдык (Бешбалык) [565. – С. 272, 293; 526. – С. 236]. В этом контексте сведения о Барсхане и Каясе имеют особое значение. Согласно Махмуду Кашгарскому, Каяс находился «за Барсханом»

и относился к области расселения тухси и чигилей. Это позволяет связывать упоминаемый в данном контексте Барсхан прежде всего с Верхним Барсханом — современным Барсконом, а не с Нижним Барсханом в Таласской долине [526. – С. 236, 237].

Таким образом, сведения М. Шабангараи в сочетании с данными Минорского и Махмуда Кашгарского позволяют связывать локализацию кыргызов с бассейном Манаса и прилегающими территориями, находившимися в зоне контактов с тухсы. Вероятно, уже в IX–X вв. отдельные группы кыргызов продвинулись в Таласскую долину, где взаимодействовали с тухсы и другими племенами региона и, возможно, совместно защищали интересы манихейской религиозной общины от Саманидов.

Следует отметить, что приведенный выше анализ хорошо согласуется с последующими событиями, повлиявшими на изменение этнополитической ситуации на Тянь-Шане и приведшими к ликвидации государства карлуков и образованию Караханидского каганата в середине X века.

Согласно хотано-сакского документа-свитка, датируемого 925 г., часть алтайских чаруков проживала в соседстве с группой телеских и тардушских племен, обитавших в районе Каратата или Кара Тага (возможно, р. Каратала), в провинции Гансу, позже вошло в состав государства Караханидов. Одна из групп чаруков, составляя западную группу, обитала в районе города Тараз [446. – С. 124] в долине реки Талас. Имя чаруков ассоциировалось с Таразом. Фирдоуси писал о Таразе как о «городе славных и благословенных тюрок-чаруков и как о городе хаканцев» [446. – С. 124]. Сведения Фирдоуси о племенах чаруков, проживавших в городе хаканцев Таразе [446.-С. 124; 272.-С. 131], могут служить ярким свидетельством того, что еще на востоке кыргызы слились с огузами и начали мигрировать вслед за тогуз огузами на Тянь-Шань. Значит, на основании вышеизложенного чаруков Тараза, караханидских мундузов (огузск. букдуз) [18.-С.237; 446. – С. 124] и кыргызов из области Каркыра С. Ахсикенди [58. – С. 44-45] можно отождествить с жителями страны Хакания (сокращ. от Каркыра Хакания), упомянутой М. Кашгари [18.-С.237; 446. – С. 124].

Следовательно, из вышеизложенного можно сделать вывод, что в IX–X вв. земли от Байкала до Кашгара и Таласа представляли собой единое этнокультурное пространство, в котором господствовали кыргызы. Кыргызы на Алтае включив свой состав огузов, теле-тардушские группы, чаруков, мундузов, пугэ мигрировали на Тянь-Шань. Очевидно, под кыргызами Тянь-Шаня следует понимать отуз огланов, ядро которых представляли азы, тухсы и другие, сыгравших важную роль в формировании Караханидского каганата на Тянь-Шане. Позже, отуз огланы, азы, тухсы, пугэ, мундузы, чаруки сыграли важную роль в этногенезе кыргызского народа и упоминается в родословной кыргызских племен С. Ахсикенди. Важно отметить, что,

согласно народной версии, большая часть потомков вышеназванных племен — отуз уулу, азык, тагай, бугу и саяк — составила ядро правого крыла кыргызов. Мундузы, наряду с другими племенами левого крыла, упоминаемыми С. Ахсикенди, вошли в состав одного из двух крупных объединений левого крыла — каратал. Т.е. мундузы относились каратальской группе кыргызов, живших в центральных районах улуса Анга Торе. Чаруки же вошли в состав мундузов в качестве родоплеменного подразделения под названием жарыке [5. – С. 64].

Итак, из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод:анализ рунических надписей и восточных источников показывает, что енисейские кыргызы в середине IX века превратились в одно из могущественных государств Востока, ликвидировали гегемонию Тогуз-огузского каганата и установили свое господство в регионе. После событий 840 года кыргызы активно продвигались на Алтай, где включили в свой состав новые огузские и теле-тардушские группы, а затем начали перемещение на Тянь-Шань.

По-видимому, одной из групп, представлявших кыргызские интересы на Тянь-Шане, были отуз огланы, являвшиеся аристократической военно-политической группой кыргызов-манихеев. Вероятно, Кыргызский каганат сыграл немаловажную роль в формировании союза племен отуз огланов, будучи заинтересованным в сохранении и защите позиций манихейских групп в регионе. Тем самым, возможно, предпринималась попытка консолидировать манихейские племена для противодействия Саманидскому государству, стремившемуся установить политическое господство в Семиречье и способствовать распространению ислама в регионе.

Возможно, именно этим объясняется появление в IX–X вв. на Тянь-Шане ряда племенных союзов и объединений, носивших, предположительно, названия, связанные с манихейской средой: отуз оглан, аргу, чигиль, тухсы-чигиль, чигили-шато, ягма и др. В связи с этим можно предположить, что в IX–X вв. некоторые тяньшаньские племена могли обозначать себя преимущественно этнополитическими или религиозно-культурными именами — отуз оглан, аргу, чигиль, тухсы-чигиль и др., — а не этнонимом «кыргыз». Вместе с тем эти объединения могли представлять отдельные кыргызские племенные группы либо входить в более широкое кыргызское политическое сообщество.

Следовательно, в IX–X вв. в долине р. Талас проживали различные группы тюркских племен — азы, тухсы, ытлыки (кючюки), отуз огланы, аргу, мундузы, чаруки, чигили, ягма, булаки и др. Часть из них, сохраняя свои традиционные названия, могла входить в состав кыргызского политического сообщества, тогда как более крупные конфедеративные объединения, такие как чигили и ягма, продолжали выступать под собственными именами.

Таким образом, можно предположить, что после разгрома Тогуз-огузского каганата енисейскими кыргызами в 840 г. часть алтайских племен, включая огузские и теле-тардушские объединения, вошла в состав кыргызского политического сообщества и вместе с кыргызами переместилась на Тянь-Шань. Вероятно, именно в этот период в Притяньшанье оказались предки отуз огланов, аргу, чаруков, пугэ, мундузов, канды и других групп, которые впоследствии приняли участие в этногенезе кыргызского народа.

§ 4. Тухсы и азы основатели Караханидского каганата

Караханидский каганат был образован Сатук Бугра-ханом в 940 г. В 960 г. по его распоряжению ислам был провозглашен государственной религией. Некоторые исследователи полагали, что в результате этого тяньшаньские кыргызы, приняв ислам, постепенно приобщились к исламской культуре.

О кыргызах, проживавших на Тянь-Шане в X–XVI вв., сообщают арабо-персидские источники, в том числе «Худуд ал-Алам», труды Абу Исхака ал-Истахри, Абу Дулафа, Марвази, Ауфи, Джувейни, Абд ар-Раззака ас-Самарканди, С. Ахсикенди, Мухаммеда Хайдара и др.

В научной литературе существуют различные гипотезы о происхождении караханидской династии. И. Макварт относил караханидов к буграчам (бограчам) [237. – С. 58]. Ахмед Зеки Велиди Тоган считал их кöктюрками, проживавшими в Центральном Тянь-Шане. В. В. Бартольд связывал происхождение караханидов с чигилями, карлуками или ягма, отмечая, что тотемом последних был верблюд (бугра), однако к версии об их карлукском происхождении относился осторожно [237. – С. 58]. Позднее гипотезу о чигильском происхождении караханидов поддержали О. Караев, З. Эралиев и Т. Чоротегин. О. Караев развил положение В. В. Бартольда о происхождении династии из чигилей [237. – С. 57–58], а З. Эралиев связал караханидскую династию с кыргызским племенем бугу, входившим в конфедерацию чигилей, и считал бугу потомками караханидов-чигилей [537].

Особый интерес представляет гипотеза А. Т. Тагиржанова, связывающая события истории Восточного Караханидского каганата середины XI в. с отдельными сюжетами эпоса «Манас». Анализируя противостояние правителя Барсхана Янал-Тегина и правителя Восточного Туркестана и Семиречья Мухаммеда Богра-хана (Ибрахима, сына Йинал-Тегина), завершившееся гибелью Ибрахима в 1059 г., исследователь предполагал, что эти события могли найти отражение в эпосе. По его мнению, сведения о последующих событиях, связанных с сыновьями Кадыр-хана Юсуфа — Тогрул-Караханом Юсуфом (1059–1074/75), Богра-ханом Харуном (1074/75–1102/03) и их братом Якуб-Тегином, правителем Атбаша,

Барсхана и Тараза, могли распространиться среди тяньшаньских кыргызов и отразиться в эпической традиции.

В частности, А. Т. Тагиржанов связывает освобождение Якуб-Тегина из плена султана Мелик-шаха с походом Манака Тогрула, сына Янал-Тегина, на Кашгар [469. – С. 44]. По мнению исследователя, эти события могли способствовать распространению соответствующих преданий среди кыргызов. Он сопоставляет их с эпизодом, зафиксированным С. Ахсикенди, где Манас освобождает своего отца Жакыпа, оказавшегося в плену у каракитаев, в том числе у Жолоя [469. – С. 44–46].

А. Т. Тагиржанов также сопоставляет титул правителей Барсхана «манак» с именем или титулом «Манас», а имя Янал с титулом «инал», известным у енисейских кыргызов, допуская возможность кыргызского происхождения правителя Барсхана Манака Янал-Тегина [469. – С. 45].

В середине XI в. Восточный Караханидский каганат переживал политический кризис. После гибели Ибрахима в 1059 г. власть перешла к сыновьям Кадыр-хана Юсуфа — Тогрул-хану и Богра-хану Харуну, которые в 1059–1074 гг. восстановили контроль над землями, уступленными западным караханидам. Фергана вновь вошла в состав Восточного каганата, граница между двумя государствами проходила по Сырдарье. После смерти Тогрула его владения перешли к Богра-хану Харуну, правившему Кашгаром, Баласагуном и Хотаном.

В 1089 г. Харун признал власть сельджукского султана Мелик-шаха, совершившего поход в его владения. Вскоре брат Харуна Якуб, поддержав чигильских мятежников, захватил Самарканд, однако был вынужден бежать. Впоследствии Харун захватил Якуба в Атбаше, но отказался выдать его Мелик-шаху. После нового похода султана Харун был вынужден отправить Якуба в Узгент. Однако в этот период Манак Тогрул, сын Янал-Тегина, захватил Харуна в плен. Узнав об этом, сын Харуна Тогрул освободил Якуба, после чего Мелик-шах заключил союз с Якубом против Манака Тогрула.

Таким образом, в исторической традиции сохранился сюжет о том, как царевич Тогрул, освободив Якуба, способствовал освобождению своего отца Харуна из плена. Не исключено, что со временем эти события могли сохраниться в народной памяти в измененном и фрагментарном виде и получить отражение в эпосе «Манас», где Манас освобождает своего отца Жакыпа из плена. Подобное совпадение сюжетных мотивов позволяет рассматривать исторические события XI–XII вв. как один из возможных источников отдельных эпических преданий.

В 1128 г. Ахмед, сын и преемник Харуна, нанес каракитаям поражение близ Кашгара и временно остановил их продвижение на запад. Однако его преемник Ибрахим Ахмед, не имея возможности противостоять карлукам и канглы, был вынужден обратиться за помощью к гурхану каракитаев Елюй

Даши. Гурхан прибыл в Баласагун и занял караханидский престол, а Ибрахима Ахмеда назначил руководителем мусульманских войск с титулом «илек туркмен».

Ибрахим Ахмед, вероятно, участвовал и в походе 1134 г., когда Елюй Даши направил крупное войско на восток через пустыню с целью восстановления власти Ляо в Китае. Эти события также могли найти отражение в эпической традиции и быть связаны с сюжетом «Великого похода» Манаса на Бейджин (Пекин).

В 1158 г. гурхан направил Ибрахима против восставших карлуков, где, вероятно, тот погиб. После установления власти каракитаев караханидские правители не были полностью устранены, а сохранили свои владения в качестве вассалов.

Следовательно, анализ показывает, что продвижение каракитаев во главе с Елюй Даши в 1125 г. могло найти отражение в генеалогических преданиях о происхождении кыргызов, которые, вероятно, отражали процесс этнополитического объединения кыргызских племен в условиях борьбы с общим врагом. В этот период кыргызы и другие тюркские племена могли вступать в этнополитические союзы с сельджукидами, караханидами и огузами Восточного Туркестана.

Согласно С. Ахсикенди, предки кыргызов — огузы — в древние времена, приблизительно в эпоху Караханидов и до правления султана Санджара, проживали в Восточном Туркестане. После поражения в борьбе с кафирами во главе с имамом Джафаром Садыком они отступили в Ферганскую долину, обосновались в районе Узгенских гор и поступили на службу к султану Санджару. Впоследствии из-за непосильного налога они восстали, но были разгромлены. Спастись удалось лишь сорока гузам («чехель гыз» — «кырк гыз»), скрывшимся в Ходжентских горах. Именно от этой группы, согласно С. Ахсикенди, произошли кыргызы [345. – С. 222, прим. 22].

Сведения «Маджму ат-таварих» о происхождении кыргызов и формировании имамом Ибрагимом правого и левого крыла кыргызских племен привлекали внимание В. А. Ромодиной, О. К. Караева, С. А. Аттокурова, А. М. Мокеева и других исследователей. В. А. Ромодина считала, что легенда о происхождении кыргызов могла сложиться еще до монгольской эпохи. При этом она отмечала, что предание о борьбе с каракитаями и создании имамом Ибрагимом правого и левого крыла отражает древнюю традицию, связывающую кыргызов с Ферганой и Тянь-Шанем, хотя его конкретную датировку требует подтверждения другими источниками [344. – С. 202].

О. Караев, М. Кожобеков и С. А. Аттокуров связывали образование правого и левого крыльев кыргызов с эпохой каракитаев. О. Караев и М. Кожобеков сопоставляли имама Ибрагима с верховным правителем

Восточных Караханидов Ибрахимом ибн Ахмедом, погибшим в борьбе с каракитаями, отмечая близость даты его смерти (1136 г.) к сведениям «Маджму ат-таварих» [239. – С. 60–61]. А. Мокеев связывал это предание с войнами султана Санджара и гурхана каракитаев в середине XII в. и полагал, что сельджуки-огузы и кыргызы могли выступать в военно-политическом союзе против каракитаев [403. – С. 52; 360. – С. 52].

В связи с этим представляется возможным рассматривать два предания С. Ахсикенди — о происхождении кыргызов от сорока гузов («чехель кыз» / «кырк кыз») и о формировании имамом Ибрагимом правого и левого крыла кыргызов для борьбы с каракитаями [58. – С. 33–34] — как отражение событий одной исторической эпохи. В условиях борьбы с каракитаями вокруг Караханидов могли объединяться не только местные тяньшаньские племена, но и кочевники Саяно-Алтая, включая кыргызов, кыпчаков и ябагу [360. – С. 66–67]. Поэтому под «кыргызами» в данном контексте, вероятно, следует понимать широкое объединение кыргызских и других тюркских племен, а также мусульманского населения Караханидского каганата, выступавшего против каракитаев. Не исключено, что в составе этого объединения находились и предки сорока гузов, упомянутых в генеалогии С. Ахсикенди, часть которых могла переместиться через Узген в Ходжентские горы и впоследствии идентифицировать себя как кыргызы.

При этом С. Ахсикенди неслучайно связывает создание правого и левого крыла кыргызов с имамом Ибрагимом и указывает дату его смерти, близкую ко времени гибели караханида Ахмеда Харуна. Возможно, возникновение этого образа связано с наложением сведений о двух правителях Караханидской династии — Ахмеде Харуне (1103–1130) и его сыне Ибрагиме Ахмеде (1130–1156/58). Ахмед Харун в 1128 г. нанес каракитаям поражение близ Кашгара, тогда как его сын Ибрагим Ахмед, носивший титул «илек туркмен», позднее возглавлял мусульманские войска при гурханах каракитаев. В связи с этим можно предположить, что традиция о создании правого и левого крыла кыргызов могла восходить к военно-политической деятельности Ахмеда Харуна, а Ибрагим Ахмед продолжил опираться на сформированное ранее войско.

Эта гипотеза позволяет осторожно поставить вопрос и о возможном отражении караханидских событий в эпосе «Манас». Ахмед Харун, как и его отец Харун, которому Ж. Баласагуни посвятил «Кутадгу билиг», а также другие представители караханидской династии — Тогрул-хан и Богра-хан — могли участвовать в формировании исторических прототипов отдельных образов эпоса. В таком случае образ Манаса мог складываться не на основе одного исторического лица, а как собирательный образ, вобравший черты нескольких правителей караханидской эпохи.

Вместе с тем предания С. Ахсикенди могли иметь и другое историческое основание — миграцию части кыргызов на запад совместно с огузами в период усиления киданей. Гардизи в «Зайн ал-ахбар» сообщает о слиянии кыргызов с огузами: предводитель алтайских кыргызов Емке покорил огузов и назвал объединенный народ кыргызами [68. – С. 526]. Это позволяет предположить, что после 840 г. кыргызы могли включить в свой состав часть огузов и племена алтайской телесо-тардушской группы, в том числе чаруков, мундузов и др.

В период экспансии киданей в 924 г., согласно предлагаемой гипотезе, часть алтайских кыргызов совместно с огузами и племенами теле-тардушской группы могла мигрировать на запад. Часть этих групп, достигнув Семиречья, перешли Сырдарью, а позже участвовала в формировании государства Сельджукидов в Мавераннахре, тогда как оставшиеся в Семиречье группы могли войти в состав населения Караханидского каганата, созданного Сатук Бугра-ханом в 940 г. В дальнейшем кыргызы и связанные с ними племена могли продвинуться на Тянь-Шань.

Возможно, именно о части этих племен свидетельствует хотано-сакский документ 925 г., где упоминается группа чаруков, проживавшая по соседству с родами телеских и тардушских объединений в районе Каратата (Кара-Тага), возможно, в районе реки Каратал в провинции Ганьсу. Другая группа чаруков, составлявшая западное крыло, обитала в районе Тараза [446. – С. 124]. Здесь кыргызы, чаруки и другие племена теле-тардушской группы могли постепенно интегрироваться в караханидскую общность — хаканцев области Хакания [446. – С. 124; 259. – С. 69–70], упоминаемой М. Кашгари.

Однако, следует отметить, что воспевание великих мужей государства было в традиции кочевников, и имело особую значимость в период внешней угрозы. Караханиды воевали с алтайскими язычниками – ябагу, басмылами, чумулами, ограками, чаруками и др. М.Кашгари информировал о воинах между Арслан- тегином во главе 40 тысяч мусульман и предводителем ябагу Бука- Будрачем руководившем 700 тысячным войском в XI веке [53. – С. 183.]. Он также сообщал о сложении тройственного союза между алтайскими племенами – кыргызами, кыпчаками и ябагу – против кара китайской экспансии [360.-С. 66-67.]. Согласно эпоса «Манас», в коалиции алтайских племен против общего врага главную роль играли кыргызы. В результате, не выдержав натиска кара китаев алтайские племена стали мигрировать на запад во главе аз-шарийа (шары), а часть последних осела в Илийской долине, в восточных пределах Караханидского каганата, где они слились тяньшаньскими кыргызами. Все вышеописанные события нашли отражение в одном из основных сюжетов эпоса «Манас», где рассказывается о переселении кыргызов на Тянь-Шань.

Таким образом, источники подтверждают присутствие и влияние кыргызских племен в стратегически важных регионах Центральной Азии, а также их взаимодействие с соседними этническими и племенными группами.

Отметим, что анализ исторических источников указывает на три племени, которые в IX–X веках были активны в районе стратегически важного города Кашгар и считались одними из самых могущественных племен региона: чигили, ягма и кыргызы. В анонимном источнике «Худуд ал-Алам» отмечается: «Кашгар относится к области Чинистан, но расположен на границе между ягмой, Тибетом, хырхызами и Чином» [162. — С. 360]. Здесь же сообщается, что одна из групп кыргызов кочевала рядом с тухсы [345.– С.50.], что указывает на активность кыргызов в районах Кашгара, Илийской и Таласской долин, где господствующее положение занимали тухсы еще со времен Истеми кагана.

Отметим, что в X веке в Таласе столкнулись интересы двух крупных держав: государства Саманидов и Великого Кыргызского каганата на Енисее. Эти государства имели диаметрально противоположные идеологические ориентации: Саманиды активно способствовали распространению ислама, тогда как Кыргызский каганат сохранял и поддерживал манихейство, основанное на учении Мани. Анализ сведений анонимного автора «Худуд ал-Алам» показывает, что кыргызы активизировались в районе Кашгара именно в период противостояния карлукского правителя Огулчака Кадыр-хана (893–940 гг.) с саманидами. В 893 году саманиды захватили Талас, и Огулчак Кадыр-хан, из-за опасений, перенес свою ставку в Кашгар.

Следовательно, в период противостояния Огулчака Кадыр-хана и Саманидов Кыргызский каган предпринимал шаги по укреплению положения тяньшаньских кыргызов, увеличивая их присутствие в Кашгаре, где они должны были поддерживать власть и интересы карлукского правителя карлуков и манихейцев данного региона. Кыргызский кагана усилив кашгарское направление, взял под покровительство Огулчак Кадыр-хана и обеспечил не только военное присутствие, но и защиту интересов манихейских племен — тухсы, азов и чигилей, что способствовало укреплению этнополитических связей новых хозяев степи с местными племенами Тянь-Шаня. Очевидно, что под группой кыргызов, соседствующей с тухсы [345.-С.50.] (в X в.) следует видеть отуз огланов, которые представляли кыргызов-манихеев на Тянь-Шане.

В то же время, с целью защиты манихейских общин Таласской долины и Тянь-Шаня, Кыргызский каган мог вступить в этнополитический союз с родственными племенами — азами и тухсы. Еще со времен Истеми-кагана тухсы имело господствующее положение в Таласской долине. Не исключено, что при поддержке кыргызского кагана вожди тухсы на основе

союза племен нушиби — азов, кючюков и барсхана, а также енисейских кыргызов сформировали новый племенной союз, известный под манихейским названием «отуз оглан». Консорциум «отуз оглан» должен был защищать и пропагандировать учение Мани, а также интересы кыргызского кагана на Тянь-Шане. Тем самым енисейские кыргызы -манихеи обосновались в долине реки Талас, что обусловило соперничество идеологий двух мировых религий — манихейства и ислама. Это подтверждается сведениями из «Худуд ал-Алам», где отмечается соседство тухсы с одной из групп кыргызов, что свидетельствует о тесном взаимодействии и, вероятно, о слиянии енисейских кыргызов с родственными азами и тухсы. Т.е. кыргызы уже были в составе аристократической тюркской группы в регионе. Позднее, под влиянием саманидов, кочевники Таласской долины приняли ислам. Вероятно, аналогичная судьба постигла и манихейский консорциум отуз огланов: после исламизации они стали одним из основных политических сил, поддержавших Сатука Бугра-хана в его борьбе за власть. В результате, в 940 году Сатук Бугра-хан захватил власть и провозгласил образование Караханидского каганата. В 955 году ислам был провозглашен государственной религией Караханидского каганата. Следовательно, в регионе произошел плавный переход от манихейства к исламу, что нашло отражение и в эпосе «Манас», где ставка Манаса как религиозно-культурный центр народа располагалась в долине реки Талас.

Следовательно, авторами Караханидского каганата могли быть тухсы и азы, вожди которых (Сулук каган) носили титул кара хан. Имя «сатук» мог быть связан с тюргешким или еще более древним скифским словом «сата», который также сохранился среди тюрков-шато и их манихейской части чигилей-шато. В скифском языке слово сада/сата значило «сотня», «сотник» [2.-С.302.].

Мы уже отмечали, что отуз огланы, как одно из крупных объединений региона, сыграли важную роль в консолидации кыргызского народа на Тянь-Шане. В данном случае нельзя не учитывать тот факт, что отуз огланы имели тесные этногенетические связи с средневековыми племенами пугэ/бугу и кючюками, что свидетельствует о наличии этнополитических и этногенетических связей последних с родственными объединениями чигилей и азов. Не исключено, что город Барсхан был основан отуз огланами. Т.е. племенем басайган (барскан). Одним из правителей Барсхана был вышеупомянутый Манак Янал Тегин, отец Манака Тогрула, который прославился историей пленения Харуна. Вероятнее всего, к союзу отуз огланов относились и кыргызы Кашгара, упоминаемых в «Худуде…». Очевидно, что отуз огланы имели этнополитические связи ни только с восточнотуркестанскими кыргызами, но и большими и малыми чигилями, ягма, северными и южными туцзюе, барманами, а также с геты урунгу (волянхетэ/уряньхай), которые были упомянуты в сообщениях китайского

посла Ван Яньдэ во время его визита в Гаочань в 981-983 гг. [239.-С.58; 53.-С.115, 119.]. Вероятно, отуз огланы сыграли роль связующего звена между вышеприведенными восточнотуркестанскими племенами – особенно кыргызами, большими и малыми чигилями, ягма, северными и южными туцзюе – и более западными объединениями, такими как азы, тухсы, канглы и карлуки, которые участвовали в формировании Караханидского каганата. Возможно, под упомянутым в сообщениях Ван Яньдэ племенем туцзюэ (соседями кыргызов и чигилей) следует понимать тухсы, которые также упоминаются в «Худуде…» как соседи кыргызов и чигилей [345.-С.50.].

Отсюда можно предположить, что отуз огланы (кыргызы), вместе с тухсы и азами, могли быть лидирующей и основной группой среди караханидских племен. В родословной С. Ахсикенди общий предок отуз огланов, Отуз Огул [58.-С.82], указан как прародитель всех кыргызских племен правого, левого крыла и ичкилик кыргызов (канды). В его родословной упоминаются племена, предки которых были известны на Тянь-Шане с VI-VIII вв. В число последних относятся, такие племена, как азы/азыки, канглы/канды, пугэ/бугу, доиты/теиты, жоо кесеки [345.-С.226-227.].

М.Кашгари в своей книге «Дивани Лугат ат Турк» указывал три селения – имения Азык, Кас и Абал вблизи Кашгара [531.-С.70], принадлежавших лично представителям караханидской династии барсханской ветви. Выше отмеченные селения до сих пор сохранились в качестве населенных пунктов Азык, Касы и Опол вблизи горы Опол Тоо [526.-С.86-87; 20. -С. 191.]. В одном из документов относящегося личности Верховного правителя караханидов Богра- хану Харуну рассказывается об имениях, расположенных рядом с каналом Азак в округе Рабул, в провинции Яркенд. По всей вероятности, последние принадлежали аристократической верхушке носившим титул «инал». Там были имения Хаджи Инала, сына Пулада Субаши Кара Банд [или Юнд] Инала, Юсуф Инала, Джубаз Инала [73.-С. 422.]. Термин субашы может указывать на социальный статус его носителя. Вероятно, он был военнослужащим в звании генерала и происходил из племени азов. Об этом же могут свидетельствовать и названия местностей Азык и Азак, которые, по всей видимости, имели отношение к азам. Аристократическая верхушка азов всегда носила титул «инал» [282. — С. 63, см. прим. 118]. Тот же титул носил Барсбек каган, Урус инал и другие правители енисейских кыргызов из племени азов [282.-С.63, см. прим. 118; 421.-С. 150.]. Примечательно, что вышеприведенный титул «су-башы» сохранился в структуре кыргызского племени нойгут, предками которых были онгуты или тюрки-шато.

Отметим, что названия вышеназванных селений, так же как и средневекового города Барсхан (ныне село Барскоон) на берегу озера Иссык-Куль сохранились и до наших дней. По родословным данным, азыки с

древних времен жили на берегу Барсханского озера (Иссык-Куль). В связи вышеизложенным отметим, что современной этнонимии кыргызов все три вышеотмеченных топонима М. Кашгари находят свои аналогии в названиях родоплеменных групп кыргызских племен и родов таких как азык (племя), газды (р. пл. нойгут) и апал (или апалтай, род племени адыгине) [60.-С. 78, 171, 71]. Вышеупомянутые топонимы «азык» и «азак» вполне сопоставимы с азами, а «кас» М. Кашгари с первой частью названия одного из родоплеменных групп каш керен кыргызского племени азык, а также с названием хакасского племени «хас» или «хаас». Кас или Газ (Согмент) название села в Баткенской области, где был похоронен один из предводителей кыргызского племени нойгут Нарбото бий [5.-С.343; 60. -С. 171]. Селение Азык, расположенное у горы Опол Тоо (ср. с «абал»), является местом, где находится мавзолей средневекового ученого М. Кашгари [20. -С. 191.]. С городом Барсхан гору Опол Тоо [20. -С. 191.] связывают горные перевалы, через которые проходила одна из веток Великого Шелкового пути. Отметим, что слово «опол» на кыргызском языке применяется только для обозначения высоких скалистых гор. В районе Опол Тоо расположены высокие, до небес (до бесконечности) каменисты голые скалы (жыланач аска), где живут кыргызы, уйгуры и таджики с голубыми глазами и белой кожей. Через эти горные перевалы обеспечиваются доступ в Горный Бадахшан и Алайскую долину.

Отметим, что по сведениям ряда источников тяньшаньские кыргызы находились в тесном взаимодействии с Караханидским каганатом. В X веке Аль Истахри и анонимный автор сочинений «Худуд…» и другие указывали кыргызов рядом с тухсы и чигилями в Илийской долине на Тянь-Шане [237.-С. 70]. В «Худуде…» кыргызы и ягма указаны в районе Кашгара [345.- С. 47.]. Согласно аль-Марвази ягма и карлуки жили на западе от кыргызов, а Шебангараи указывал сарихов (шары) и ягма на запад от кыргызов [396.-С.64]. Однако, Марвази (1056/57–1124/25) сообщает о кыргызах, оказавшихся рядом с мусульманами, и принявших ислам, что могло произойти примерно в X-XI в. [239.– С. 59; 360.-С.53.]. Н. Бекран же («Книга о мире», 1208-1209 гг.) рассказывал о событиях в X-XII веков и уже располагал кыргызов в Горном Бадахшане [353.- С. 122; 79. - С. 100; 331. – С. 18]. Отсюда можно полагать, что восточная группа аз-шарийа (сарихов Шабангараи) пришли в земли кыргызов, которые также как и они являлись язычниками. Ими могли быть кыргызы, которые жили в районе города Джамгур в бассейне реки Манас в Илийской долине. Однако, позже сарики, кыргызы под влиянием ягма и других караханидских тюрков приняли ислам, что и зафиксировал аль Марвази. Позже, очевидно, кыргызы, сарики, ягма и огузы как мусульмане боролись против кара китаев в составе войск караханида Ахмеда Харуна.

Следовательно, под язычниками-кыргызами, вероятно, следует понимать сариков (шары), а также кыргызов, проживавших в бассейне реки Манас и в Илийской долине. Переселение аз-шарийа (шаров, сариков), по-видимому, способствовало усилению позиций кыргызских групп на Тянь-Шане. В этих условиях Ахмед Харун, рассматривая кыргызов как значительную военную силу и опору каганата, мог сформировать правое и левое крыло караханидского войска преимущественно из кыргызских племен. Это, в свою очередь, могло способствовать укреплению этнополитических позиций и распространению этнонима «кыргыз» на Тянь-Шане.

Возможно, именно военно-политическое противостояние кыргызов и караханидских тюрков во главе с Ахмедом Харуном с гурханом каракитаев Елюй Даши нашло свое отражение в эпических преданиях, позднее вошедших в состав эпоса «Манас». В этом контексте период Караханидского каганата можно рассматривать как один из важнейших и наиболее значимых этапов в истории кыргызского народа и, в определенной степени, как его золотой век.

Следовательно, в IX-X вв. кыргызы мигрировали на юг и заняли Илийскую долину, оказавшись рядом городом Кашгаром, оттуда проникли Таласскую долину, где слились с азами и тухсы. Отсюда можно полагать, процесс принятия ислама кыргызами и переименования реки Ли-и-дэ-Цзян в Манас происходило в одно и тоже время, в X-XIвв. Т.е. до эпохи кара китаев.

Однако, следует отметить, что ряд источников рассказывали о воинах между караханидами и восточными племенами до миграции аз-шарийа на Запад. М. Кашгари (1028/1029г.р.) «Диван лугат ат-турк» (составленном в 1072–1074 гг.) в соседстве с чигилями помещает племя ыграк, которое находилось в постоянной вражде с караханидами. Здесь же лингвист рассказывал о походе Арслан- тегина на Будрача и бека басмылов [53.-С. 183; 396.- С.67.] на север. По мнению Я. Пилипчука, караханиды воевали кунами и басмылами еще до миграции кыпчаков аз-шарийа. Он, ссылаясь на сообщения Аль- Марвази пишет о миграции племени кун из страны Китай под давлением племени кай. В 1097 году представитель племени кунов Икинчи 6. Кочкар правил Хорезмом [396.- С.67.]. Куны привели в движение шары (аз-шарийа), которые также находились во вражеских отношениях с басмылами. Марвази информирует, что «вождь шары из племени басмыл» [277.-С. 56; 53.-С. 185.]. Т.е. речь идет о подчинении басмылами восточных шары, которые под влиянием последних стали мусульманами [53. – С. 185.]. Сложившуюся ситуацию в регионе умело использовал караханид Ахмед Харун, который перетянул на свою сторону и создал мощный союз с шары (сарих) и кыргызами против кунов, басмылов и кара китаев, что в конечном счете привело его к победе над кара китаями в 1128 году. М. Кашгари племя

кучет упоминал в форме кучет (kjt), Бейхаки - kukat (kjut), а Фахр ад-Дин Мубарак шах алты-кучат, древнерусских летописях- кучебичи [396.- С.68.]. По мнению Я. Пилипчука кыпчакскую волну миграции были вовлечены куны, (ябаку), шары, кочеты, чаграки, которая практически не затронула государство Караханидов. Он пишет, что кочеты (кучеты), куны и чаграки пришли в Приаралье, где стали служить хорезмшахам [396.-С.68.]. П. Голден этноним чаграқ (чағрақ. чаграт, чоғрақ, чограт, чоқрат) Бейхаки отождествляет с jgraq/оград [396.- С.68]. Чаграк можно сопоставить с огузским титулом чакраг/чоград и названием племени чакрак (чоград, чагрек, чегерак), упомянутого в мемуарах С. Бабура [5.- С.48].

Следовательно, можно полагать, что часть саяно-алтайских племен — аз-шарийа и чаграки — поддерживала Ахмеда Харуна и представляя кыргызов воевала в составе его войска против каракитаев. В родословной С. Ахсикенди потомки аз-шарийа (или сариков) упоминаются как племя саруу в составе левого крыла кыргызов. Потомки вышеупомянутых чаграков (или чограков) были обнаружены в родоплеменном составе кыргызских племен Мунгуш (сколок, жагалмай) и нойгут (чогорок, жабайы, жабалак). В составе мунгушей есть род жагалмай с тамгой аналогичным названием. Чогороки также обнаруживались как одно из крупных племен в составе мургабских кыргызов Таджикстана. Отсюда под племенем чаграк (с тотемом сокола) следует понимать кыргызское объединение мунгуш (с тотемом сокола — жамалмай), название которого упоминается в мамлюкских источниках среди восточных кочевников (ак кубул, дурут, мангуш, жамгар/жамгырчы) [486. – С. 16–19; 494. – С. 126–127], мигрировавших на запад под предводительством аз-шарийа. В родословной кыргызских племен, приведенной С. Ахсикенди, «мунгуш» также упоминается среди аристократических кланов правого крыла кыргызов.

Однако анализ миграции восточных племен на запад в этот период указывает на родственные связи Караханидов с племенами-мигрантами. Упоминание у ал-Марвази о «вожде Шары из племени басмыл» [277. — С. 56; 53. — С. 185] представляет собой важное свидетельство, которое может иметь отношение как к династии караханидов, так и к кыргызам. Басмылы считались карлукским племенем, управлявшимся представителями клана тюрков-ашина. Как карлукское племя, басмылы могли иметь связь с союзниками — кыргызами. Возможно, именно поэтому их называли сорокаплеменными басмылами. Правители басмылов тюрки-ашина подчинившие шары, по праву могли называться тюрками и тюркским племенем народа караханидов. Тухсы, чигили, бугу и ягма также имели отношение Карлукскому каганату. Следовательно, народ Караханидского каганата по праву мог называться тюрками, поскольку его крупные племена — тухсы, чигили, ягма, басмылы, бугу — ранее входили в состав государств, находившихся под управлением тюрков-ашина. Однако позже потомки

племен караханидской эпохи упоминаются в родословной С. Ахсикенди как кыргызские объединения— например, саруу и басызы (басмыл). Басызы, а также небольшая группа тюрков до сих пор проживают в районе города Узген, который в прошлом был южной столицей Караханидского каганата.

Отсюда можно полагать, что часть восточных племен вовлеченных в движение шары представляли кыргызские объединения, которые в период кара китайской экспансии мигрировали и сливались со своими тяньшаньскими соплеменниками в Илийской долине.

Важно отметить, что согласно аль Марвази (1056/57–1124/25) кыргызы приняли ислам под влиянием караханидских тюрков и огузов, а шары-кыргызы под внешней угрозой и в период походов кара китаев на запад в Восточный Туркестан, где последние в районе Кашгара, Хотана и Бешбалыка столкнулись с огузами и кыргызами. Отдельные события данного периода связанные с походами Елюй Даши против огузов и кыргызов отразились в книге С. Ахсикенди [345.- С.223.]. Абдр ар Раззак Самарканди тоже рассказывал о группе кыргызов, подвергнувшихся нападению внука Тимура вблизи г. Бешбалык. Он писал о том, что внук амира Тимура Искандер (сын Омар-шейха) совершил поход в Моголистан и оттуда в дар своему деду послал «несколько десятков периликих алмалыкских (долина Или), хотанских красавиц и кыргызских пишбалыкских чаровниц» [239.- С. 61-62.].

Отметим, что в 1125 году, после того, как чжурчжэни положили конец киданскому (кара-китайскому) государству, Елюй Даши (по некоторым данным Нуси или Туси Тайфу), бежал с немногочисленным войском в Монгольские степи. Прибыв на Орхон, он там собрал 20-ти тысячный корпус воинов в крепости Хотунь. После этого они, пройдя через земли уйгуров в Восточном Туркестане, прибыли в долину р. Эмиль, основали здесь город и остались там жить.

Джувейни по этому поводу писал, что, когда кидани подошли к границе кыргызов, они напали на племена, которые оказали им сильное сопротивление. Прожив в Эмиле несколько лет, в 1134 году гурхан предпринял поход на Кашгар и Хотан. Подчинив эти города, он послал «войско к пределу киргизов, чтобы отомстить за беспокойства, причиненные ими, и взял Бешбалык» [390. - С. С. 246- 247.]. Очевидно, гурхан, продвигаясь через земли уйгуров в сторону Эмиля, по пути мог столкнуться с кыргызами, проживавшими в бассейне реки Манас. Вероятно, именно этих кыргызов встретил китайский посол Ван Яньдэ, следовавший с посольской миссией в Гаочань в 981–983 гг. [239. – С. 58; 53. – С. 115, 119]. В связи с чем, чуть позже, после взятия Кашгара и Хотана, гурхан, усилившись, отомстил им «за беспокойства, причиненные ими, и взял Бешбалык» [386. - С. 246-247.].

Отсюда можно полагать, что именно вышеприведенные события связанные с продвижением на запад и нашествием кара китайского гурхана Елюй Даши на огузов и кыргызов, живущих в районах городов Кашгар, Хотан и Бешбалык легли в основу рассказов С. Ахсикенди об имаме Ибрахиме имаме и Джафар Садыке, которые собрали вокруг себя огузов и кыргызов и отражали натиск кара китаев.

Следовательно, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сведения анонимного автора с. «Хухуд ал Аалам», Т. Марвази (1056/57–1124/25), Н. Бекрана (1208-1209 гг.), Абд-ар Раззак ас-Самарканди, С. Ахсикенди о кыргызах в районе Бешбалыка и Восточного Притяньшанья содержат информацию отражающие исторические события одной цепи, происходившие в промежутке между 840 годом и 1125-1236 годы, когда на политическую арену вышел гурхан Елюй Даши и кара китаи. Сведения из вышеотмеченных источников, еще раз подтверждают наше мнение о том, что, кыргызы после ликвидации Тогуз огузского каганата дошли до Кашгара контролировали Центральный Тянь- Шань, где слились с родственными азами и тухсы. Кыргызы в Илийской долине, став соседями средневековых торговых центров Кашгара, Хотана и Бешбалыка, контролировали Кашгаро-Ферганское направление Великого Шелкового пути. Отсюда они проникали в долину реки Талас и Алайскую долину. Однако после принятия ислама кыргызы, по-видимому, уже беспрепятственно кочевали в горных районах Ферганы и достигали Горного Бадахшана, о чем писал Н. Бекран [331. – С. 18; 18. – С. 352].

К эпохе Елюй Даши кыргызы давно уже были мусульманами и входили в состав Караханидского каганата, в основном располагаясь в восточных землях страны. Анализ сведений вышеуказанных источников указывает на то, что в период кара китайских нашествий кыргызы могли иметь этнополитический союз с огузами Восточного Туркестана, которые совместными усилиями охраняли восточные границы Караханидского каганата, не давая проникнуть кара китаям в данный регион. Однако, гурхан Елюй Даши, после захвата Кашгара и Хотана, организовал специальный поход против кыргызов и занял Бешбалык. После чего, часть огузов и кыргызов бегут в Ферганскую долину и поступают на службу Султану Санджару. Т.е. кыргызы (аз-шарийа, чаграки) в эпоху Елюй Даши мигрировали на запад и переселяются в глубь страны, став одним из основных племен Караханидского каганата. Этноним «кыргыз» становиться политонимом для всех племен Караханидского каганата, которые воевали с кара китаями.

Следовательно, анализ показывает, что кыргызы жили на Тянь- Шане с древних времен. В IX-X веках енисейские кыргызы, переселившиеся в долину реки Или, поселялись рядом со своими тяньшаньскими соплеменниками, не уничтожая родственные племена и их общественную

структуру. Очевидно, первоначально енисейские кыргызы заняли Кашгар и Илийскую и Таласскую долины, где слились с племенами союза нушиби, управляемыми тухсы. Тем самым, кыргызы получили возможность переселяться в различные районы Семиречья, где проживали азы, тухсы и их союзники – карлуки. Анонимный автор в «Худуд…» локализовал кыргызов в окрестностях Кашгара, Ван Яньдэ – в землях владения Гаочань, а Н. Бекран (в XII в.) – в Горном Бадахшане [331. – С. 18.]. Кыргызы и им родственные группы также встречались в Ферганской долине. Т. Д. Джуманалиев пишет, что в с. анонимного автора «Худуд…» кыргызы упоминались «11 раз связи с описанием соседних областей и народов». Т. Д. Джуманалиев отмечает, что в источнике в районах «городов и селений Ош, Узген, Аксы, Хоканд, (Коканд), Кубасай и их окрестностей проживали ряд тюркоязычных племен, в том числе, кыргызы и им родственные племена чигили, ягма, карлуки, кесими, тухсы другие» [170. -С. 1297; 171.-С.112-113.].

Однако, следует отметить, что в источниках кыргызы упоминались наряду с основными племенами Караханидского каганата, такими как тухсы, азы, чигили, ягма, карлуки и другими, с которыми находились в тесных этногенетических и этнополитических связях, что особенно активизировалось в эпоху нашествий кара китаев.

Тухсы являлись одним из ведущих племен региона еще с эпоху Великого Тюркского каганата. В.Бартольд писал, что ко времени завоевания Семиречья карлуками тюргеши разделились на два поколения – на тохсийцев (тухсы) и азийцев». Ученые, ссылаясь на сообщения Гардизи, располагали тухсы в горах Кемина. В.Ф. Минорский локализовал тухсы западнее перевала Кастек в Заилийском Ала-Тоо и отождествил их с племенем тюрк [237. - С. 70], упоминавшемся в сочинении «Худуд…». Однако на карте поместил тухсы западнее перевала Курдай [237. - С. 70.].

Тюргешском каганате тухсы и азы представляли кара тюргешей, чьи правители носили титул карахан. Тухсы и азы одними из первых приняли ислам, чтобы быть единоверцами с оседлым населением и претендовать на власть над всей Средней Азией. В VIII–X веках тухсы и азы представляли тюргешей, образуя отдельные улусы в составе Карлукского каганата. Следует отметить, что анализ сведений исторических источников указывает на то, что тухсы и азы не потеряли свою активность и в составе Караханидского каганата в X–XIвв. По сведениям М. Кашгари, в Караханидском каганате тухсы находились в тесных этнополитических и этнокультурных связях с могущественными племенами того времени чигилями, ягма [526.-С. 81], имея непосредственное соседство с последними. Сюда же относятся и их соседи кыргызы [360. - С. 50].

Анонимный автор сочинения «Худуд ал–Аалам» о владении тухсы отмечает: «К востоку от нее – пределы [расселения] чигилей, к югу халлухи

и лесистые горы, на запад от них – группа хырхызов, а на север – чигили. Эта область еще богаче области чигилей, там добывают мускус и различные меха» [360. - С. 50]. В данном сообщении говорится о соседстве тухсы с чигилями и одной из групп кыргызов [237.-С. 70], которые в то время уже господствовали в Центральной Азии. В источнике неслучайно кыргызы упоминаются рядом с тухсы, вожди которых признавались лидерами и ярыми защитниками манихейской религии. Кыргызский каган енисейских кыргызов из клана азов мог создать этнополитический союз с родственными группами тухсы и азов на религиозной основе и сформировать манихейский консорциум «отуз оглан». Тем самым кыргызский каган, а также тухсы и азы могли выступать защитниками учения Мани на Тянь-Шане, противопоставляя его исламу. Однако, по всей видимости, после того как большинство кочевников Таласской долины приняли ислам, тухсы, азы, отуз-огланы, кыргызы и чаруки также перешли в мусульманство. Впоследствии тухсы, азы, кыргызы и другие поддержали Сатука Бугра-хана, который, основал Караханидский каганат. Этнографические материалы подтверждают этногенетические и этнокультурные связи азов, тухсы, отуз оглнанов с кыргызами [15. -С.61-63, 67, 72].

По данным источников тухсы имели ряд преимущества над чигилями. Согласно сведениям книги М. Шабангараи «Маджма ал ансаб» (XIVв.) основатель династии газневидов Себук тегин происходивший из Барсхана, в юности был пленен тухсыйцами, в стране которых он пас скот на протяжении четырех лет, а затем его продали купцам из Мавераннахра [139.-С.107.].

Однако, Гардизи упоминал о титуле «чигиль-тухчин» [225.-С.40], что может указывать на лидирующее положение тухсы среди племен Западнотюркского каганата, которые исповедовали манихейство. Т.е. политический статус вождей тухсы с чигиль-тухсы [225.-С.40] был выше статуса правителей чигилей, ягма и других племен. В «Диване...» М.Кашгари писал, что тухсыйцев называют тохсы- чигил-toχsï čigil [257.-С. 423; 235.-С.22.]. М. Кашгари особо отмечал о существовании этнокультурных связей между тремя родами тухсы, чигилями и ягма [528.-С. 48; 527.-С. 81]. Тем самым, он как бы делает подсказку, специально выделяя эти три племени – тухсы, чигили и ягма, что позволяет сузить круг племен, которые могли выступать в качестве основателей Караханидского каганата. Однако, в другом месте книги лингвист сообщал о существовании военно-политического союза между тухсыйцами и чигилями, тем самым, еще больше сужая список племен, которые могли представлять караханидов. Он информировал о совместном владении тухсыйцев и чигилей городами-замками Каяс. Всего имелось три замка – Саплыг Каяс, Орун Каяс и Кара Каяс [259.-С. 869; 526.-С. 70]. Т.е. в данном сообщении он дает нам понять, что караханидами могли быть одно из вышеуказанных двух племен,

имевшие между собой военно-политический союз. Т.е. или тухсы, или чигили.

В связи с вышеизложенным отметим, что под именем Барсхан, упоминавшимся в родословной караханидской династии как один из сыновей Тюрка, сына Яфета [527.–С. 41; 26.-С.1292.] можно видеть представителя отуз огланов, которые управлялись кланом барсов с тронными именами Огул Барс, Ак Барс, Кара Барс [26. -С.1292.]. Это значит, что город Барсхан, построенный сыном Афросиаба Барсханом [26.- С.1291.] тоже принадлежал тухсы. Т.е. тухсыйцы являлись потомками Алп Эр Тонга (Афросиаба).

Отсюда можно полагать, что тухсы и азы, являлись тем народом, который низложил власть карлукского ябгу и основал Караханидский каганат на Тянь- Шане в 940 году.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что караханиды, вероятно, происходили из племен тухсы и азов. Последние в эпоху Кыргызского Великодержавия, установив этнополитические связи с енисейскими кыргызами, превратились в одно из ведущих племен в Семиречье. Следовательно, тухсы и азы могли быть основателями Караханидского каганата, а чигили и ягма – их верными помощниками в управлении государством.

Глава 2. Кыргызы в монгольский период

§ 1. Исторические источники о тяньшаньских и алтайских кыргызах в монгольский период

В исторических источниках имелось немало сообщений о кыргызах в монгольский период. Сведения Н. Бекрана, Рашид ад- Дина, Ибн Вали, Натанзи, Утемиш Ходжи, С.Ахсикенди и других указывается месторасположение кыргызов и кыргызских племен в монгольский период. Анализ сведений источников о кыргызах в монгольский период позволяет восстановить последовательную картину миграции восточных племен Алтая и Енисейско- Иртышского междуречья на запад, начиная с эпохи возвышения Чингиз хана и их участия в формировании улусов Джучи, Чагатая и других чингизидских государственных образований, в том числе Моголистана.

Рашид ад-Дин описывал кыргызские владения Кыргыз и Кэм-Кэмджиут как смежные друг с другом улусы и номинально входившие в одно «владение». Длина этих владений – 1400 ли, а ширина составляла половину этого. Область Кэм-Кэмджиут получила свое название благодаря именам двух рек – Кэм (Верхний Енисей) и Кемчик Туве. Во владении Кыргыз сидел верховный государь кыргызских княжеств. В эпоху Чингиз хана ставка кыргызского владыки Урус инала находилась в местности Еди орун (Семь урочищ) в Минусинской котловине. Северная граница княжества Урус инала проходила в месте впадения Ангары в Енисей, где находился город Кикас (Кыргыз), о котором у Рашид ад- Дина сказано: «Город тот принадлежит к области киргизов» [421.-С. 102.].

Рашид ад-Дин отмечал: «Кэм-Кэмджиут – большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов (Могулистан) и одна (ее) граница – с рекой Селенга, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с бассейном большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори (фули – Т.А.), баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области» [421.-С. 150, 102, 123.]. Далее автор отмечал, что в этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны. Титул (каждого) их государя, хотя бы он имел другое имя, – инал, а родовое тех, кто пользовался уважением и известностью в этой области, – иди» [421.- С. 150, 102, 123.].

Согласно Рашид ад-Дину, «В тех пределах сидело множество племен: ойрат, булагачин, кэрэмучин… хойин-урянка»… Чингиз- хан покорил всех их…» [421.-С.121.]. К.Петров и Г.В. Ксенофонтов считали булагачинов и керемучинов кыргызскими объединениями. К.Петров писал: «При

рассмотрении состава населения страны киргизов и кэмчуут (Кэмкемджиут) было видно, что булагачи и кэрэмучи жили в Приенисейском районе «в пределах Баргуджин Токум и у самого края страны киргизов… были близки друг другу» [421.-С. 121.]. Кроме булагачинов и кэрэмучинов, в области Баргуджин Токум жили баргу (т), кори и толос [421.-С. 42-43.]. «…Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища – на той стороне реки Селенга, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин Токум» [421. -С.121.].

По Рашид ад-Дину, баргу, кури и кыргызы имели тесные этнополитические отношения. Баргутами также названы племена, родственные курлаутам, кунгиратам и эджигинам, имеющие общую тамгу и сохранившие фратральные отношения.

Следовательно, до монгольских завоеваний этнополитическая ситуация на Саяно-Алтае и Западной Монголии развивалась в пользу владений енисейских кыргызов. Анализ источников указывал на то, что до монгольских нашествий вокруг вышеназванных двух кыргызских областей – Кыргыз и Кэмкемджиут – располагалось множество мелких владений и племен, которые находились в этногенетическом, этнополитическом и этнокультурном сношении с ними. Например, урасуты (усуту-мангуны, усинцы), дурманы (дорбоны), кераиты, баргуты, мангуты, конгират, катакин (катаркин, катаган), салджиут (салжигут), икарас, эджигины, бахрины, алакчыны, булагачины, керемучины и др. Отдельные из них, вероятно, имели этнополитические связи с енисейскими кыргызами и их владениями в Западной Монголии — Ус (усуту-мангунами) и Кяньчжоу (кем-кемджиутами). В частности, к их числу могли относиться кераиты, баяуты, баргуты, мангуты, кори, бахрины, туматы и другие племенные объединения.

К.Петров посвятил специальную работу, где проанализировал сведения исторических источников о миграции кыргызов из Саяно- Алтая на Тянь-Шань в период господства монголов [391.]. К. Петров посвятил специальное исследование анализу сведений исторических источников о миграции кыргызов из Саяно-Алтая на Тянь-Шань в период господства монголов [391]. Ссылаясь главным образом на сведения Рашид ад-Дина, который локализовал ряд восточных племен, находившихся в непосредственном соседстве с кыргызами в Прибайкалье накануне монгольских завоеваний, исследователь также проследил переселение части из них на запад в период возвышения Чингис-хана. Рашид ад-Дин в разделе о татарах отмечал: «когда племена татар, дорбан, салжигут и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек. По слиянию этих рек образуется река Анкара-мурен. Река эта чрезвычайно большая: на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Граница [его расселения] в настоящее время соприкасается с [пропущено название страны]. Та река [Ангара] находится вблизи города по имени Кикас и в том

месте, где она и река Кэм сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов. Утверждают, что эта река [Ангара] течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду [там] серебро. Имена этой области: Алафхим, Адутан, Манху и Балаурнан. Говорят, что лошади их [тамошних народов] все пегие [ала]; каждая лошадь сильная, как алагуй четырехгодовалый верблюд; все инструменты и посуда [у населения] из серебра. [В этой стране] много птиц [421.-С. 102.].

Приведенное сообщение представляет значительный интерес для реконструкции этнополитической ситуации в Прибайкалье накануне монгольских завоеваний. Из сообщения Рашид ад-Дина следует, что он достаточно четко локализовал владения кыргызов в районе верхнего течения Енисея и бассейна Ангары, а также указал на соседствовавшие с ними племена. Особое значение имеют сведения об области, богатой серебром, и населении, владевшем многочисленными табунами пегих лошадей. Эти данные представляют ценность для изучения этнополитического окружения енисейских кыргызов и миграций восточных племен в период монгольской экспансии.

Согласно сведениям Рашид ад-Дина, ко времени монгольских нашествий кыргызы на востоке имели два крупных политико-культурных центра: Кыргыз и Кэм-Кэмджиут [421.-С. 112.], контролируя Минусинскую котловину и Западную Монголию. Кыргызы также контролировали Алтай и Енисейско-Иртышское междуречье. Рашид ад-Дин о кыргызах и их алтайских соседях отмечал: «Эти племена [найманы] были кочевыми, некоторые обитали в сильно гористых местах, а некоторые – на равнинах. Места, на которых они сидели, таковы: Большой (Екэ) Алтай, Каракорум, где Угедэй-каан… построил дворец, горы: Элуй-Сирак и Кок-Ирдыш (Синий Иртыш), – в этих пределах обитало также племя канглы, – Иртыш-мурен, который есть река Иртыш, горы, лежащие между той рекой и областью киргизов и соприкасающиеся с пределами той страны, до местностей земель Могулистана (Монголии) до области, в которой проживал Он-хан, – по этой причине у найманов с Он-ханом постоянно была распря и вражда, – до области и до границ пустынь, соприкасающихся со страной уйгуров» [421.-С.136-137.].

Рашид ад-Дин помещает канглы и найманов в Прииртышье, однако до монгольских завоеваний найманы обитали к востоку от кыргызского улуса Ус на Ангаре, где К. Петров и Г. В. Ксенофонтов локализовали кыргызские объединения булагачинов и керемучинов. Усинцев Рашид ад-Дин упоминает под новым этнонимом — усуту-мангун («серебряные усинцы») [421.-С.102; 200.-С.135.]. Согласно источникам, кыргызы и азы (усинцы) быстро оправились от ударов каракитаев в XII в. и еще до начала монгольских завоеваний сохраняли свои владения. Народ азов упомянут в перечне народов Средней и Центральной Азии домонгольского периода,

составленном Фахр ад-Дином Мубаракшахом Мерверруди, что позволяет предполагать наличие у них собственного политического объединения.

К периоду возрождения азов, или кыргызов, можно отнести и сведения генеалогического предания, зафиксированного в «Юаньши», согласно которому кыргызы происходили от сорока девушек (кырк кыз) из земли Хань, вступивших в брак с сорока мужчинами (кырк эр) из владения Ус В этой связи владение Ус в предании называли Кыргызской землей [370. — С. 48]. Представляется обоснованным мнение исследователей, сопоставляющих данное предание со сведениями географического приложения к «Равзат ас-сафа» Мирхонда о жителях укрепленной горной местности Кырк Эр, расположенной в пределах седьмого климата. По мнению А. Мокеева, проанализировавшего данное предание, оно было заимствовано из географического сочинения Абул-Фиды. В описании седьмого климата сообщается, что горная крепость Кырк-Эр, расположенная в Крыму, находится в стране асов, а ее название в переводе с тюркского языка означает «сорок мужей» [360. — С. 159]. Проанализировав содержание трех версий предания Мирхонда, А. Мокеев отмечал: «…во всех сочинениях содержатся сообщения о том, что кыргызов (или жителей Кырк Эра) называют ас. В одном из списков происхождение кыргызов связывается с традиционным термином «кырк кыз», то есть «сорок девушек» [360 — С. 158–160].

Следовательно, обе легенды, по-видимому, восходят к единой исторической традиции и могут отражать процесс возрождения и консолидации азов после периода политического упадка. Не исключено, что в эпоху возвышения Чингис-хана часть азов мигрировала на запад и обосновалась в Крыму, сохранив предание о происхождении народа от Кырк Эр и Кырк Кыз, связывавшее образование кыргызского этнополитического объединения с союзом сорока родов или владений. В таком случае данное предание позволяет предположить, что азы, упоминаемые Мирхондом и представлявшие крымскую ветвь этого народа, сохраняли традиционную этнополитическую организацию, состоявшую из сорока небольших земельных бейликов (Кырк Эр), которые объединялись в единое этнополитическое сообщество под общим названием кыргыз.

Однако, следует отметить, что в данном случае, речь идет об азах или кыргызах, которые омглди быть связаны с улусом Джучи. Царевич Джучи унаследовал земли племен, в основном покоренных им самим, что и послужило обоснованием для формирования его улуса. Джучи совершил два похода на Север, в том числе и на енисейских и алтайских кыргызов. В источнике отмечается, что «после рассматриваемого похода «Лесные народы» были жалованы (отданы в подданство) Чингиз ханом Джучи» [455.-С. 119; 315.-С.184.].

В исторических источниках отмечалось о сложившихся особых отношениях между Джучи и азами, а также мангытами, которых еще Чингиз хан переселил в район Аральского моря. В период монгольских завоеваний азы мигрировали на запад, в земли асов Хорезма и Приаралья [402. С. 176–179; 56. С. 174]. Впоследствии к ним присоединились мангыты, занимавшие кочевья в степных районах Мангышлака и Мангистау. Азы постепенно добились статуса брачующегося рода в улусе Джучи. В связи с чем последние назывались «свойственниками ханам» [520. –С. 99-100]. Т.е. становится очевидным, что Джучи, понимая стратегическое значение улуса Хорчи и владений енисейских кыргызов Кыргыз и Кэмкемджиут, с огромными территориями, большими человеческими и природными ресурсами, с самого начала пытался установить полный контроль над племенами данных улусов. И это борьба продолжалась и при его приемниках Батыя, Берке, Токтамыш хана и т.д.

Следовательно, в период разделения земель Чингисханом между четырьмя сыновьями азы были разделены на два крупных объединения — западное и восточное. Западные азы и мангыты, оказавшиеся под властью Джучи, занимали район Волги, где сыграли важную роль в формировании улуса этого чингизида. Восточные, оставшиеся на прежних землях, вошли в состав улуса племянника Чингиз хана Хорчи. Хотя, конечно, между этими ветвями азов была тесная этнополитическая связь, что привело к созданию нового союза племен аз-ширинов, в который вошли основные группы улуса Хорчи: азы (или аз-ширины), бахрины, аргыны и кыпчаки. Племена аз-ширинов находились в улусных отношениях с алтайскими кыргызами, продолжая тесные этногенетические и этнополитические связи с ними, интегрируясь в общую этносоциальную группу кыргызов Алтая.

Следует отметить, что с созданием улуса Джучи судьба многих кочевых племен Саяно-Алтая и Западной Монголии была связана с Золотой Ордой и Моголистаном, куда мигрировали восточные племена. Улус Джучи сразу после своего образования становится одним из могущественных владений в Евразии. В приведенном списке племен Утемиш Ходжи, подчиненных главе мангытов Едигу беку некоторые имели отношение Западной Монголией кады тулус (канды тулуш; ср. с тувинским тулуш), кумат (тумат), болгачин (булагачин), урат (урасут), сагает (сакаит) [489.- С. 60-61].

Таким образом, анализ исторических источников и политических процессов до и после формирования улуса Джучи показывает, что ранняя история улуса Джучи неразрывно связано с кыргызами, усинцами, которые вместе со всеми остальными восточными кочевниками были покорены во время походов двух походов на Север. В улусе Джучи представители племен союза аз-ширинов возглавляли правое крыло войска владения с центром в Крыму, а мангытов -левое крыло.

Отметим, что рассказы о политических интригах и событиях периодов политических кризисов в Золотой Орде отражают исторические события, после разделения беклеярбеком Ногаем государства на два конкурировавших между собой владения на Ак Орду и Кок Орду в 1243 году. С тех пор Ногай и его потомки управляли Ак Ордой, тогда как Кок Ордой правил старший брат Орда Иджен и его потомки. Ак Ордо был признан как политический центр потомков Ногая, Тотамыш хана и других чингизидов данного владения, царевичи которого имели этнополитический союз с кыргызами. С образованием Ногайской Орды этноним «ногай» как политоним получил распространение на все племена Золотой Орды, в том числе на кыргызов.

Рашид ад-Дин указывал на конкретный район, месторасположение алтайских кыргызов, которые находились в тесных этнополитических связях с Золотой Ордой. По его данным, Джучи, старший сын Чингиз хана, во время своего второго похода к енисейским кыргызам, дошел до реки Обь и там покорил алтайских кыргызов. В источнике отмечалось, что Джучи и Бухуа «преследовали Киргис до реки Имар и вернулись» [360.– С. 66]. Река Имар (или Ямар) соответствовала бассейну реки Катунь на Алтае, где жили кыргыз в соседстве с ябагу в XI веке [360.– С. 66-68, 87-90].

Однако, следует отметить, что сведения в «Бахр-ул-Асрар» Ибн Вали тоже подтверждают о проживании кыргызов на Алтае. Ибн Вали сообщает о консолидации вокруг кыргызов лесных племен урасутов (усинцы), теленгутов и кистими. Ибн Вали писал: «Хотя этот туман по внешнему облику походит на монголов, но (они не происходят из этого народа: их называют лесным племенем, т.к. место их… в лесах между племенем и киргиз. Некоторые из (их) уругов ранее подчинялись Чингиз-хану. Ныне (имруз) они входят в киргизский иль» [391.-С.41.]. К. Петров, комментируя эти сведения Ибн Вали, отмечал: «Это указание высшей степени ценно, поскольку известно, что автор использовал в своей работе многие не дошедшие до нас источники. Он подтверждается также современными данными» [391.-С.41.]. Однако, как мы полагаем, в данном случае речь идет об урасутах, теленгутах и кистимах — племенных группах, которые ранее входили в состав Великого Кыргызского каганата, а в эпоху монгольских завоеваний подчинились Чингисхану. Однако впоследствии эти племена вновь возвратились в свое родовое лоно и соединили свою судьбу с кыргызами. Мы разделяем точку зрения исследователей, отождествляющих урасутов с усинцами, но, в теленгутах мы считаем целесообразно видеть главным образом алтайские объединения последних мундузов и толосов, которые объединились с кыргызами в единый этнос еще в эпоху Кыргызского Великодержавия.

Следовательно, в монгольскую эпоху последние уже представляли алтайских кыргызов, которые играли заметную роль в политической жизни и дворцовых интригах Золотой Орды.

Сведения Натанзи, Утемиш Ходжи и Ибн Вали подтверждают о проживании группы кыргызов на Алтае и в центральных районах Золотой Орды. Согласно Натанзи в то время улус кыргызов считалось одним из крупных и могущественных владений, который вел самостоятельную политику. Натанзи отмечал, что после неудачного захвата власти в Золотой Орде, Мубарак ходжи скрывался в землях кыргызов и Алтая, где ему было безопасно. Натанзи вспоминал о событиях с Мубарак ходжи: «Через 6 месяцев он распростился с подобной раю равниной Сарая и еще 2 года и 6 месяцев бездомно скитался в краях и странах киргизов и Алтая, пока не погиб там» [430.-С.151-152]. Т.е. он использовал в своих политических интригах кыргызов, но не смог удержаться у власти в Золотой Орде и был вынужден бежать в страну своих союзников кыргызов. Т.е., в Прииртышье.

Натанзи и Утемиш Ходжи упоминали о владении кыргызов на Алтае, которые занимали здесь лидирующее положение со времен Великого Кыргызского каганата. Согласно Утемиш Ходжи, кыргызы с главой Бек Конды жили кыргызы жили рядом с городом Казань [355.-С. 64-65]. Особую ценность сведения Утемиш-Ходжи представляют в связи с упоминанием о существовании кыргызского владения в районе Казани, которым, по его данным, управлял сибирский хан Ибак, сын Бек-Конды. [341.-С.117- 134.]. В полном списке рукописи книги Утемиш-Ходжи «Чингиз- наме», находившейся в распоряжении востоковеда А.-З. Валиди Тогана и получившей название «Тарих-и Дост-султан» [200.-С.47] имелась весьма ценная информация о взаимоотношениях Сибирского хана Ибака с улусом Кыргыз и Казанью. Источник до сих пор не переведен на русский язык. Однако, в частично переведенных отрывках рукописи А.-З. Валиди Тоганом об Ибак хане говорилось, что он «… был знаменитым ханом» и «…правил всей киргизской и казанской страной» [375.-С.28.]. Более конкретно в источнике сообщалось: «… из клана Бек Конды Айбак хан, который был знаменитым ханом и правил, объединив страны Кыркыз и Казань» [355.-С.64-65.], что подтверждается кыргызскими родословными данными.

Отметим, что вышеуказанный чингизид Ибак был популярным среди ногайских и татарских племен. Ибак организовал со своими союзниками – мурзами Мусой и Ямгурчи – совместный поход против хана Большой Орды Ахмата, который был убит ими в 1481 году. В 1492 году Ибак и его союзники – ногайские мурзы Муса и Ямгурчи – также совершили неудачный поход в Хаджи-Тархан (Астрахань). После, в 1493 году он захватил Чинги Туру, ликвидировав власть тайбугинов. Но, Ибак был убит мятежным князем Мухаммедом Тайбугой в 1495 году.

Однако, Ибак хан как утверждал источник являясь знаменитым ханом, правившим «всей киргизской и казанской страной» [375.-С.28.] вполне может выступать прототипом предводителя и хана казахского племени абак Кокчо, союзника Манаса в эпосе «Манас». Отметим, что в кыргызских родословных улус Тайбуга считается четвертым улусом, который добровольно подчинился сыну Чингиз хана Джучи во время его похода на северные племена в 1207 году [572. – С. 80.]. По мнению Адия Атласова [64.-С.38-39.] начиная с 20-х годов XIII века по XVI век, владением, находившемся между землями Джучи и Угедэя правили потомки Тайбука хана. Далее он отмечал, что в 1220 году после покорения Бухары один из отпрысков кыргызского хана Мамыка Тайбука выпросил у Чингиз хана – районы Иртыша, Тобола, Ишима и Туры. После его смерти там правили его потомки. Весьма любопытно, что имена исторических тайбугинцев совпадали с именами потомков кыргызского Тайбуги [64.-С.38-39.]

Согласно информации Ибн Вали, кыргызские племена, проживавшие в Астраханском вилайете, дважды поднимали восстание после смерти Абай хана, внука Бату- хана (1227-1256 гг.). В связи с информацией Ибн Вали А. Мокеев сопоставил и проанализировал информацией Ибн Вали с народным преданием, зафиксированным П. П. Ивановым, где рассказывалось о миграции кыргызов со степей Астрахани. В нем отмечалось, что «предки каракульских кыргызов в весьма отдаленные времена проживали в астраханских степях, откуда также давно переселились в окрестности Андижана. Отсюда будто бы совершался постепенный переход на южные склоны Тянь-Шаня и в части -в районы Нарына и в бассейн Иссык-Куля» [360. –С. 158]. А.Мокеев полагает, что данное сообщение Ибн Вали говорит о проживании определенной части кыргызов в центральных районах Золотой Орды. Он же полагает, что позже золотоордынские кыргызы мигрировали в Ферганскую долину, а затем оттуда перебрались на север современного Кыргызстана [360. –С. 158]. Однако, в кыргызской среде достаточно много различных преданий, где кыргызы связываются с средневековым владением Булгар на Волге и Астраханской областью. Любопытно, что С. Ахсикенди писал о связи кыргызов и моголов со страной Булгар на Волге. Он информирует о вынужденном бегстве десяти тысяч семейств кыргызов и моголов в город Булгар [58.- С. 71]. Эти сведения в определенной степени согласуются с полевыми материалами С. М. Абрамзона, который зафиксировал предания о связях кыргызов со страной Булгар [5.-С. 76]. Согласно этим преданиям, из Булгара переселились такие племена, как жетиген, кушчу и куркуроо, проживавшие в долине реки Талас. Кроме того, С. М. Абрамзон отмечал, что в 1950-х годах некоторые кыргызские племена Таласской долины, в частности жетиген и саяк, подобно своим предкам, сохраняли самоназвание «астархан-ногой» [5. – С. 76].

Отметим, что в этом контексте сведения Утемиш Ходжи о группе кыргызов живущих в районе Казани [355.-С. 64-65], дополняют информация С. Ахсикенди, который связывает кыргызов и моголов со страной Булгар. Согласно источников Ногай, внук Бувала и правнук Джучи, владел улусом на Яике. После его гибели эти владения были переданы ханом Тохтой своему сыну Ильбасару. Однако следует отметить, что после образования мангытами во главе с Едиге Ногайской Орды население значительной части бывшей Золотой Орды стало именоваться ногайским элем. Этноним «ногай», выполнявший функцию политонима, распространился на различные племена и этнополитические объединения, близкие по своему этническому составу и связанные общностью историко-культурного развития. По-видимому, этот процесс затронул и кыргызов, проживавших на территории улуса Ногая и в зоне его влияния. Возможно, именно этим объясняется сохранение в эпосе «Манас» представления о Ногае как о деде Манаса и родоначальнике его династической линии. Однако, отметим, что этногенетические и этнополитические связи кыргызов с союзом племен аз-ширин и ногайцами находят определенное подтверждение в родоплеменной структуре волжских ногайцев. Так, род карашы (потомки Есеке-бия; кырг. карача, племя нойгут), представлявший потомков аз-ширинов и их союзников, включал четыре основных рода: шерин, барын, аргын и кыпчак [293]. Данное обстоятельство свидетельствует о сохранении элементов прежней этнополитической организации в составе ногайского населения. Примечательно также, что одна из наиболее компактных групп потомков азов и мангытов до настоящего времени проживает в Нижнем Поволжье под общим названием кондуровских асов и мангытов [380. – С. 5–6]. Этот факт может рассматриваться как дополнительное свидетельство длительных этногенетических и этнополитических связей между указанными группами населения.

Однако, Чингиз хан также образовал владение на основе земель лесных народов Севера для своего племянника Хорчи за особые заслуги. Улус Хорчи был образован на основе соседних владений бахринов, кыргызов и азов Алтая и Западной Монголии. В источнике об этом отмечается: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами бааринцев, но также и пополненными до тьмы адаркинцами, чиносцами, тоолесами и теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашиком [279.-С.161.]. Сюда же входили кыргызы, черики, ряд других лесных народов, живших от Енисея до Иртыша. Однако в источнике прямо указано, что Хорчи управлял улусом совместно с тысячниками Тахаем и Ашиком. В империи Чингисхана наследственной властью обладали исключительно его потомки по линии Оэлун. Судя по тексту источника, Хорчи занимал положение надулусного правителя, тогда как Тахай и Ашик выступали его соправителями — тысячниками, каждый из которых обладал собственным

улусом. После смерти Хорчи власть в улусе могла перейти к соправителям Тахаю и Ашику, при этом их собственные улусы могли занять доминирующее положение.

Однако распад улуса Хорчи начался одновременно с образованием государства Хайду в 1269 году и началом его противостояния с Хубилаем. Племена улуса Хорчи, оказавшиеся между двумя политическими центрами, были вынуждены определить свою политическую ориентацию. Бахрины и черики одними из первых выразили покорность Хайду и принесли ему клятву верности сразу после формирования его государства. Но, вскоре большинство племен улуса Хорчи оказались на Тянь-Шане. Одним из главных причин появлению миграционных тенденций явилось насильственное переселение восточных племен, главным образом, енисейских кыргызов Хубилаем в глубь своей страны [305.-С. 157-158.] с помощью кыпчакского полководца Тутука [491. - С. 80-81.]. Назначив во главе данной кампании кипчакского полководца, Хубилай тем самым противопоставил кипчаков кыргызам и другим лесным народам, что также влияло на политическую ориентацию племен в регионе. Многие племена, не желавшие подвергаться переселению, покинули свои восточные земли в Приангарье и Западной Монголии и переселились в Восточное Притяньшанье, а самые сильные группы мигрантов дошли до центральных районов Золотой Орды. В родословной кыргызских племен и улуса Анга Торо, записанной С. Ахсикенди в XVI в., встречается множество названий племен, имена которых совпадают или близки с названиями родов улуса Хорчи и лесных кочевников Саяно-Алтая, в частности: тахай, азык (ашик), черик, доолос (толос), канды (канглы). Связь кыргызских племен с улусом Хорчи подтверждается также родоплеменным составом тяньшаньских кыргызов [60.-С. 39–40; 78–80; 85–86; 101–105], что указывает на миграцию определенной части енисейских кыргызов на Тянь-Шань именно в период противостояния между Хайду и Хубилаем. Об этом же говорит создание на западе от Енисея нового племенного союза аз-ширинов, в основу которой составляли лесные объединения аз-ширины, бахрины, аргыны и кыпчаки. Также были созданы улусы Тайбуга и Анга Торе с центром Каратале.

В монгольскую эпоху кыргызы контролировали Алтай, что создавала благоприятные условия для миграции восточных племен конгиратам, салджугитам, дурманам, кераитам и канглам в земли контролируемые кыргызами на Алтае в период возвышения Чингиз хана [421.-С. 102.]. Первые группы кыргызов могли прийти в Притяньшанье в купе с кераитами и канглами, которые продвигались на запад через земли енисейских кыргызов. После ликвидации улусов Чагатая и Угэдэя и последующего перераспределения земель соответствующих чингизидских линий между Батыем и всемонгольским ханом Мункэ кераиты и канглы, стали консолидироваться в районе Алтая и Притяньшанья. В последующем

кераиты, канглы и кыргызы участвовали в формировании государства Хайду, а затем и Моголистана.

Следует отметить, что в период противостояний между Хайду-хану и Хубилаем, последний стремясь не допустить объединения енисейских и алтайских кыргызов с силами своего противника, целенаправленно усиливал кыпчакского военачальника Тутука и жестоко подавлял выступления мятежных племен [491. С. 80–81]. Кроме того, по распоряжению Хубилая часть кыргызского населения была переселена во внутренние районы империи — в степи Западной Монголии и Маньчжурии. В 1277 году большая часть кыргызов была насильно переселена в центр вновь созданного округа Чжаочжоу в Западной Монголии. В 1293 году на бывшие земли мятежного князя Наяна были переселены племена усухань, ханас, цзилицзисы (кыргызы). Другая группа кыргызов, проживавшая в местности Чжирхэхусотай, была переселена в район Хэсыхэ в провинции Ляодунь, находящийся на юго-востоке Маньжурии [305.-С. 157-158.]. Кычанов ссылаясь на сведения в «Юань-ши» отмечал, что переселенные в Каракоруме «чжирхэхусотайские» кыргызы входили в состав отдельного соединения конного войска, состоящего из канглов и кыпчаков, под главенством того же Токтака [309.-С.61].

Следовательно, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что: первое, противостояние между Золотой Ордой и Всемонгольским ханом усилили миграционные тенденции среди племен Енисейско-Иртышского междуречья; второе, большинство племен улуса Хорчи, в том числе кыргызы, стесненные всемонгольским ханом Хубилаем, были вынуждены бежать и мигрировать в земли государства Хайду, и восточные, и центральные районы Ак Орды; третье, именно в эту эпоху в миграционный процесс, возглавляемый кыргызами, были вовлечены кыпчаки, которые в купе с кыргызами и другими племенами Енисейско-Иртышского междуречья, переселились в Или-Иртышское и Или-Таласское междуречья.

Отметим, что политическая активность кыргызов в Золотой Орде наблюдается еще со времен возвышения Токтамыш хана, который в борьбе с Мамаем, главным образом, опирался на союз племен, возглавляемый племенем аз-ширинов, состоящий из четырех племен – аз-ширин, барын, аргын и кыпчак, а также на кыргызов и др. Утемиш-Хаджи поэтому поводу отмечал «Ширин, Барын, Аргун [и] Кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохтамыш оглана», которых тот, наряду с прочими своими элями, «забрал … и ушел к реке Идил» [488. - С. 115-116.]. По данным источников, при Токтамыш хане представители ас- ширинов, кыпчаков, барынов, аргынов занимали должности четырех карачи беев правого крыла войска Золотой Орды. Должность улусбеги занимали представители ас-ширинов, которые руководили всем войском Золотой Орды.

Согласно Утемишу-Хаджи «Чингиз намэ», при Токтамыше в Золотой Орде представитель клана аз-ширин Дангы бей руководил правым крылом войска. Левым крылом руководил предводитель мангытов Едиге. После уничтожения Мамая в Крыму, в данном регионе был образован Крымский тумен, возглавляемый представителями клана аз-ширинов в должности даруги. Аз- ширины здесь заменили клан киятов. Князь Дангы бей сидел в Крыму и руководил армией, а его сын Руктемир находился при Токтамыш хане и занимал должность беклярбека Золотой Орды. Беклярбеком был и его сын или внук Тегина. Согласно источнику, племя аз-ширин, возглавляемое князьями из клана Дангы бея, происходило от «эля ас», у которого была тамга «чумеч» (ковш) [227. - С. 44, 45, 46.]. Под элем ас, следует понимать аз-ширинов. Однако, следует омтеить, что в одном из вариантов ногайского эпоса «Эдиге» Урук-Тимур (Рухтемир) представлен выходцем из «племени киргиз» [534. -С. 56; 441. -С. 305], что может указывать на кыргызское происхождение племен союза аз-ширинов.

Следовательно, для прихода к власти Токтамыш хан воспользовался слабостью центральной власти и сложившейся благоприятной ситуацией в Золотой Орде. Токтамыш хан, чтобы уничтожить своих главных врагов – правителя Ак Орды Урус хана, мангыта Мамая, сделал ставку на союз племен аз-ширинов, баринов, кыпчаков и аргынов, которые были тесно связаны с алтайскими кыргызами.

Все вышеотмеченные племена обитали во владении Туй ходжи отца Токтамыш хана и выражали недовольство Ак Ордынскому правителю. С их помощью Токтамыш хан с легкостью уничтожил Урус хана, а затем взял Сарай-Берке, прогнав Мамая. Его войска, состоящие из аз-ширинов, барынов, аргынов кыпчаков и кыргызов отправились в Крым и ликвидировали Мамая в городе Кафе. По мнению профессора И. Молдобаева этнографические материалы в определенной мере подтверждают участие кыргызов в преследовании Мамая, который бежал в Крым. Он по этому поводу писал: «Бытующее среди кыргызов выражение «Кайда барсан – Мамайдын кору» («Куда ни пойди – могила Мамая») возникло, на наш взгляд, на основе реальных событий, связанных с личностью Мамая – известного темника в Золотой Орде, жившего в XIV веке» [365. - С. 190-191.].

Следовательно, из всего вышеизложенного можно полагать, что племена союза аз-ширин представляли кыргызов и находились в тесном взаимодействии с алтайскими кыргызами и улусом Анга-Торе. Анализ источников показывает, что союз племен аз-ширин активно поддерживал Токтамыш-хана и повсюду сопровождал его, служа в качестве личной гвардии, а после смерти хана — его сыновей [530.- С. 174–178.], что даже получили генетические подтверждения [176.- С. 310,314-321.].

Отметим, что миграция кыргызов и других восточных кочевых племен на запад усиливала позиции Ак Орды, предоставляя акордынским царевичам дополнительные ресурсы и возможности в борьбе за золотоордынский трон. Уже в эпоху Токтамыш-хана кыргызы упоминались как самостоятельный народ и союзник золотоордынского правителя. В этом контексте Токтамыш сделал ставку на алтайских кыргызов, а также на улус Анга торе, Салучи-Булгачи и другие в противостоянии с эмиром Тимуром, рассматривая их как одну из основных политических сил на Алтае и в Восточном Притяньшане. С другой стороны, продвижение кыргызов и племен Или-Иртышского междуречья к Тянь-Шаню совпало по времени с распадом Чагатайского улуса (1340 г.), что создало благоприятные условия для их мирного переселения в Семиречье — без серьезного сопротивления и внешнего вмешательства.

Анализ исторических источников показывает, что усиление кыргызов начинается с ослаблением власти чагатаидов в Чагатайском улусе. Согласно источникам, в данный период между кыргызами и моголами развернулось соперничество за контроль над Моголистаном. Могольские ханы пытались держать в подчиненном положении кыргызов, не давая им усилиться, а кыргызы пробились в центральные районы Моголистана. Ибн Вали писал, что после смерти Хайду кыргызы и кытай, воспользовавшись внутренними распрями между царевичами-чингизидами, постоянно оказывали неподчинение монгольским князьям. Они нападали, грабили города и юрты кочевников края [238.-С.61.]. Т.И. Султанов и Ж.Сабитов полагают, что кыргызы были переселены Ильчидаем на Тянь-Шань во время его похода на Иртыш в 1327-1329 гг. Т.И. Султанов, комментируя источник, отмечал, что чагатаид Ильчидай «совершил военный поход на северо-восток ханства с целью наказания «военачальников кыргызских племен» (сердаран-и аквам-и кыргыз), которые подвергали нападениям окраинные земли Чагатаидов; оттуда Ильчигидай прибыл к берегам Иртыша и переселил тамошних «лесных жителей» (бишенишинан) в центральные районы своей богохранимой страны» (судя по контексту, в юго-западные пределы Семиречья)» [464.-С.159]. Т.е. в результате похода Ильчидай (1327- 1329 гг.) наказал вождей кыргызских племен и часть кыргызов переселил вглубь своей страны.

Сочинения Утемиш Ходжи и С.Ахсикенди насыщены сюжетами и эпизодами военного характера и больше касались политических событий в Золотой Орде в XIV-XVI вв. С. Ахсикенди дополнительно писал также о событиях в Моголистане. Описывались союзнические отношения, дворцовые интриги, политические конфликты, противостояния группировок, военные походы и т.д. Данная эпоха характеризовалась как период бесконечных смут, в результате которого племена союза аз-ширинов – аз-ширины, бахрины, кыпчаки, аргыны и кыргызы были втянуты в дворцовые

интриги в Золотой Орде и Моголистане. Все это расшатывало государство, которое не всегда могла контролировать ситуацию и племена.

Утемиш Ходжи подробно рассказывал об участии и роли союза племен аз-ширинов – аз-ширин, барын, кыпчак, аргын в появлении на политической арене ак ордынского царевича Токтамыш хана и его борьбе за трон с лидерами противоборствующей группой мангытской Кок Ордой в лице Мамая, Пулад (в. Пулат) хана и мангыта Джамгырчи (Йамгурчи). Утемиш Ходжи отмечал, что Токтамыш хан «пришел и забрал эли ширин, барын, аргун, кыпчак, а также и прочие свои эли и ушел к реке Идиль» [489. -С. 55-56.].

С.Ахсикенди в «Маджму ат-Таварихе» упоминал имена многих золотоордынских ханов, что указывает о важной роли кыргызов в политической жизни Золотой Орды. Отметим, что С.Ахсикенди, рассказывая о событиях, связанных с историей Золотой Орды, конкретно указывает имена исторических личностей, двух противоборствующих лагерей акордынских и кокордынских ханов, царевичей и князей. Например, в качестве главных союзников Токтамыш хана и Манаса, приводил имена акордынских царевичей и князей, таких как сыновья Токтамыш хана – Джалал ад-Дин, Кабак/Кебек, мурза Кара-Хусейн (правитель Булгар) и его сын Кара- Ногай (правитель Сыгнака) и внуки Бакир Ходжа, Коку мырза, а также Кара Ходжа аргын, Баба Али Кытай, а в качестве их противников – кокордынских ханов и мангытских беев – Пулад хана, Кейкубада (сын Едиге), мангыта Жамгырчи, Сарай Мамая. По данным С.Ахсикенди, решающее сражение между соперниками произошло в «Жайыке», т.е. на Урале [58.-С.52-54].

С.Ахсикенди также отмечает политическую активность кыргызов в Моголистане. Автор сочинения описывал взаимоотношения кыргызов с кыпчаками Каркыры, чериками, моголами, кераитами, канглами в рамках государства Моголистан, что указывало на постепенное ориентирование и сосредоточение определенной части кыргызов на семиреченском направлении и их переселение с Енисейско- Иртышского междуречья на Тянь-Шань в период Токтамыш хана и Анга Торе.

М. Тагиржанов одним из первых подверг анализу труд С. Ахсикенди «Маджму ат-таварих». По мнению исследователя, кыргызы проживали на Тянь-Шане с древнейших времен. Вместе с тем их этнический состав постоянно пополнялся новыми группами кыргызов, прибывавшими с востока и впоследствии сливавшимися со своими соплеменниками на Тянь-Шане. Группу кыргызов, которые, согласно преданию, происходили от «кырк кыз», он связывает с продвижением огузов на запад в IX–X вв. По его мнению, уже в этот период огузы и кыргызы достигли Семиречья и Ферганской долины и обосновались там. М. Тагиржанов полагает, что С. Ахсикенди поместил кыргызов в страну Рум с целью связать их

происхождение с Джафаром Садиком, приверженцами которого лыи гузы и могулы, которые якобы владели территорией от Рума до Хорезма [469.-С. 37]. Соответственно, страну Рум исследователь отождествляет с владениями кыргызов на Енисее [469.-С. 37]. Повествование начинается с разгрома Абулхайра гузов, которые жили на территории от Рума до Хорезма. Гузы после поражения бегут в Хотан и Кашмир, а затем в Камул. Проиграв сражение, гузы бегут в Узгента, где за не желание платить налог подверглись к истреблению со стороны Султану Санджару. Спаслись лишь сорок гузов -кырк-кыз, которые скрылись в Ходжентских горах [469.-С 37]. Позже направленный из Багдада имам Ибрахим в Хорезме женившись на дочери его правителя, а после он прибыл в Ходжент, где был очень хорошо принят потомками сорока гузов. Т.е. кыргызами. Имама Ибрахим возглавил кыргызов, сформировал правое и левое крыло для борьбы с гурханом. Он разбил гурхана вблизи Касана, обосновался там и умер [469.-С. 22-23].

Анализ сведений исторических источников исследуемого периода показывает, что кыргызы как и ранее проживали как на Тянь-Шане, так и Саяно-Алтае. Тянь-Шаньские кыргызы первоначально занимали Кашгарский округ и Восточном и Центральном Тянь-Шане, то в эпоху караханидов, с принятием ислама, продвинулись в горные районы Ферганы и Горного Бадахшана, где они были отмечены Н. Бекраном в XIIв. [331.-С. 18]. Поэтому С. Ахсикенди связывает кыргызов и их союзников аз-ширинов, аргынов из союза племен аз-ширинов с ширкенскими и касанскими шейхами Ферганы. С другой стороны, это также может косвенно указывать на существование этногенетических и этнополитических связей между кыргызами Бекрана и Утемиш Ходжи, который располагал группу кыргызов рядом с городом Казань и в соседстве с улусом Тайбуга, правители которого являлись выходцами из Бухары. Отсюда движение Абул Хайыр хана и его главного темника Бакаса на юг и переселение его ставки в Сыгнак можно рассматривать в контексте миграции кыргызов, мангытов и других племен Золотой Орды в Мавереннхар и Фергану. Согласно источникам Абул Хайырхан захватывают улус Тайбуга в 1428 году, а затем, стремясь быть ближе к торговым центрам Мавераннахра и Ферганы, совершает поход на Хорезм и переносит свою ставку в Сыгнак. В знак благодарности Бакас-бию хан пожаловал город Узгент в Ферганской долине. Но, позднее Бакас неудачно попытался изменить хану и вернулся на Алтай. Тем не менее хан простил его, хотя впоследствии Бакас все же был убит при неизвестных обстоятельствах.

Отметим, что исторические события, связанные движением Абулхайрхана на юг вполне могли быть отражены в одном из основных сюжетов эпоса «Манас», где рассказывается о переселении кыргызского народа во главе с Манасом внуком Ногая с Алтая в Ферганскую долину. По рассказам, предводитель племени нойгут (ногой+гут; родственники Манаса

по матери) Ак Балта со своим элем расположился в Узгене и его окрестностях. Согласно эпоса «Манас» нойгуты и кыргызы жили в землях от Алая до Кара Тегина в Горном Бадахшане. Однако, через некоторое время, Ак Балта вместе с сыном Ошпура Кутубием возвращается на Алтай. Согласно родословной город Ош и его окрестности считаются первоначальным местом пребывания Долон бия и его младшего сына Мунгуша. Отсюда мунгуши (родоплеменной структуре есть род мангыт) [60.-С.86.] распространились в Алайскую долину и другие регионы Кыргызстана.

Следовательно, Абулхайр-хан изменил геополитические ориентиры многих племен Золотой Орды и Саяно-Алтая. Часть кыргызов, кочевавшие в районах Казани и Алтая, мигрировала на Тянь-Шань. К Моголистану тяготели не только алтайские кыргызы, но и союзные им аргыны и кыпчаки, входившие в союз племен аз-ширинов. М. Тагиржанов пишет: «Манас побеждает с помощью своих союзников: Кукира-мырзы, сына Кара Ногая, во главе туркестанского войска, Тимур-Ходжи, правителя Джете (Моголистана), его сына Кара-Ходжи и Баба Али Хитайа» [469.-С. 26], что может свидетельствовать об участии племен союза аз-ширинов в этногенезе кыргызского народа.

Таким образом, анализ исторических источников показывает, что в монгольский период кыргызы продолжали проживать как на Саяно-Алтае, так и на Тянь-Шане. Монгольские завоевания и последующее образование улусов чингизидов сопровождались масштабными переселениями восточных кочевых племен на запад, сохранявших этногенетические и этнокультурные связи, сложившиеся еще в домонгольский период. Это создало благоприятные условия для их этнополитической консолидации и формирования новых этнических общностей.

Особую роль в этих процессах играли союзы племен аз-ширинов и мангытов, а также кыргызы Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, связанные с политическими центрами Ак Орды и Кок Орды. Мангыты, как одно из ведущих племен Кок Орды, внесли значительный вклад в формирование Ногайской Орды и ногайского этноса, тогда как аз-ширины принимали активное участие в политической жизни постзолотоордынского пространства. Междоусобная борьба чингизидов и походы Амира Тимура стали одними из важнейших факторов распада Золотой Орды, что привело к существенным изменениям этнополитической ситуации в регионе. В этот период значительная часть кыргызов переселилась на Тянь-Шань, где завершился процесс их консолидации в рамках Моголистана. Одновременно племена, входившие в союз аз-ширинов, участвовали в этнополитических процессах, связанных с формированием Казахского ханства, а также ряда постзолотоордынских государств, население которых впоследствии стало одной из основ формирования татарских народов.

Таким образом, монгольская эпоха и последующий распад улуса Джучи стали важным этапом этногенеза народов Центральной Евразии. Существенную роль в этих процессах сыграли кыргызы, союзы племен аз-ширинов и мангытов, оказавшие заметное влияние на процессы этногенеза кыргызов, казахов, ногайцев и ряда татарских народов.

§ 2. Кыргызы в с. «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди

Книга С.Ахсикенди «Маджму ат-Таварих» [58.] является поистине памятником старины, содержашим, хоть и в эпической форме с напластованиями, отдельные эпизоды средневековой истории кыргызского этноса, исторические процессы и события, охватывавшие IX-XVI века в Центральной Азии и чингизидских государствах в Золотой Орде и Моголистане.

Первые исследователи источника В.В. Бартольд, В.А. Ромодин, А.Т. Тагирджанов, О.К. Караев и другие, в определенной мере отмечая религиозный, полулегендарный и мифический характер сочинения «Маджму ат-Таварих», считали его одним из ценных источников по изучению истории кыргызского народа и эпоса «Манас» [344; 234; 429.]. В. А. Ромодин считал, что сведения о кыргызах в эпоху Султана Санджара в «Маджму ат-Таварихе» подтверждали давность пребывания киргизов на Тянь-Шане [69. – С. 513]. О.К. Караев отмечал, что «Наряду с религиозными и фантастическими легендами, в рукописи приведены и описываются события и факты, имевшие место в IX-XVI веках. Есть сообщения о родоплеменных названиях кыргызов, а также их предводителях. Помимо этого, повествуется о Манасе и его союзниках, выступавших против калмакских завоевателей. События, связанные с Манасом, разворачиваются на землях Тянь-Шаня, Жети-Суу и просторах Средней Азии [234. - С. 32-33].

Сочинение «Маджму ат-Таварих» впервые было переведено частично на русский язык В.А. Ромодиным и А.Т. Тагирджановым. В 1973 году В.А. Ромодиным были переведены лишь отдельные эпизоды эпоса «Манас» и родословная кыргызских племен и князя Анга Торе [344.]. В 1996 году бишкекская рукопись сочинения «Маджму ат-Таварих» была полностью переведена на кыргызский язык известными знатоками фарси О.Сооронов ым и Молдо Сабыр Досболовым [58.]. Благодаря этому кыргызским ученым представилась возможность ознакомиться с полным содержанием сочинения «Маджму ат-Таварих». С целью введения сведений, содержащихся в «Маджму ат-Таварих», в широкий научный оборот данный список был переведен на русский язык Т. Акеровым в 2017 году.

В результате «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди предстал перед наукой в новом свете — как единственный исторический источник, в котором, пусть и с определенными интерпретационными напластованиями, рассказывается исторические события, связанные с кыргызами в средние

века, о тесных этногенетических, этнополитических и этнокультурных взаимосвязях между кыргызами, кераитами, кыпчаками, моголами. Приводиться родословная кыргызского народа и содержатся не отрывки из кыргызского сказания, как ранее полагали, а напротив, одна из древних версий эпоса «Манас», с участием одного из выдающихся правителей кераитов Ван хана [16; 32; 33.].

Соответственно, это повысило актуальность проблемы, поставила перед наукой новые задачи, требования к источнику с последующим тщательным научным изучением его содержания.

По информации С.Ахсикенди, при написании данной книги автором были использованы материалы четырех источников:«Тарихи жахан гушай», «Кассасул Амбия», «Тарихи Мугулия», «Тарихи зубдатул башар» [429.].

Однако, несмотря на это, для выполнения возложенной на него задачи С.Ахсикенди должен был иметь ряд источников, которые могли ему рассказать о тех или иных событиях, описанных им в «Маджму ат-Таварихе». Ж.Сабитов считает, что главным информатором «Маджму ат-Таварих» в плане сведений об улусе Джучи был Баба Али из племени Хитай, который был также информатором Утемиш-Хаджи в плане рассказов о Тохтамыше и Кара-Ногае, поэтому рассказы о Кара Ногае и его сыне, а также рассказы о периоде правления Тохтамыша также встречались и в сочинении «Маджму ат-Таварих». Он жил в конце XV века – первой половине XVI века [429; 495;19.-С. 311-312,317; 30.-С. 327-336.].

Однако, одним из главных возможных источников, инициаторов и заказчиков книги «Маджму ат-Таварих» мог быть Али Дост Тагай из племени кончи. Очевидно, племя кончи тождественно с кончу-мундуз («кончу жок мундуз -мундузы без сапог») кыргызского объединения ай тамгалуу мундуз.

Согласно источникам клан Али Дост Тагая был очень популярным в Моголистане. Род Али Дост Тагая был брачующим родом с домом могольских ханов, что свидетельствует о его благородном происхождении. Дочь его близкого родственника Шер Коджо Исан Даулат ханум была выдана замуж за могольского владыку Юнус хана. От их дочери Кутлук Нигар ханум и тимурида шейха Омара родился (будущий султан) Бабур.

Али Дост Тагай и его брат Мир Кыяз Тагай были знатными биями и всю жизнь были верными придворными вельможами у тимуридов. Али Дост Тагай являлся главным советником Султана Бабура. Он был в должности кушчу и возглавлял правое крыло войска султана. После того как преемник Ахмед хана, Мансур, одержал победу в решающем сражении над своими младшими братьями Султаном Саидом и Султаном Халилом, в Илийской долине в 1508 году, Али Дост Тагай покинул страну. Он вслед бежавшим из страны Султаном Саидом, ушел к Бабуру в Афганистан. Не исключено, что именно он посоветовал Султану Саиду перебраться к своему родственнику в

Афганистан. Вероятно, Али Дост Тагай, как опытный государственный чиновник, понимал, что в сложившейся ситуации положение может спасти только Султан Бабур, который в 1504 году был коронован и принял титул «падишаха» в Афганистане. После ухода Султана Бабура из Самарканда в 1497 году, Али Дост Тагай вернулся в Моголистан, где, вероятно, занялся установлением нового порядка с учетом сложившейся политической ситуации в стране. Возможно, за политическими интригами против Мансур хана стояли братья Али Дост Тагай и Мир Кыяз Тагай, которые пытались привести к власти своего человека и использовать силы кочевников Моголистана против Шейбани хана. Исходя из этого, можно предположить, что Али Дост Тагай мог быть реальным инициатором и заказчиком книги «Маджму ат-Таварих». Тем более, что Али Дост Тагай возвратился из Афганистана на Тянь-Шань сразу, как только стало известно о приходе к власти Султана Саида в Моголистане. То есть, он не остался рядом с Бабуром. В таком случае Али Дост Тагай, Мир Кыяз Тагай и их родственница Исан Давлет ханум (дочь амира Мир Хаджи кончи), супруга основателя Моголистана Юнус-хана, вполне могут быть сопоставлены с общими предками правого крыла кыргызов, представленными в родословной народа Адыгине, — Тагай бием и Наал эже, с которой связывали происхождение племени монолдор.

Отметим, что Али Дост Тагай, долгое время служивший тимуридам при дворе, прекрасно знал всех влиятельных предводителей последнего и поддерживал постоянные связи с ними. Возможно, он также привлекал их силы для решения определенных политических задач. В том числе и С. Ахсикенди, чьи предки были известными богословами не только в Аксы или на Тянь-Шане, но и во всем Мавераннахре. Их знал сам Амир Тимур. В этом смысле можно сказать, что Али Дост Тагай прекрасно знал отца и деда С. Ахсикенди, которые свободно говорили и писали на персидском языке, представляя кыргызскую общину, жившую в таджикской среде. С. Ахсикенди в своем труде упоминает имя одного из влиятельных бия Абдырахманбека, который также был выходцем из города Аксы. Он [58. – С. 77] приходился зятем отца Амира Тимура Тыграя (Тарагая) [58. – С. 75-76]. С. Ахсикенди сообщает о назначении Амиром Тимуром своего родственника Абдыракманбека правителем города Аксы в Ферганской долине [58. – С. 75-76]. Анга-Торе направил Абдыракманбека как одного из основных представителей посольства к Амиру Тимуру [58. – С. 77]. Возможно, С. Ахсикенди и Абдыракманбек, с мусульманскими именами, могли происходить из одного племени, исповедовавшего ислам и обитавшего в районах города Аксы, о чем будет сказано чуть ниже.

Третьим источником С.Ахсикенди мог быть его отец или его дед Аббас. По мнению переводчиков источника на кыргызский язык Молдосабыра Досболова и О.Сооронова, один из членов посольства,

возглавляемого Мавлоной А”замом, отправленного со стороны «правителем Моголистана» Анга Торе к Амиру Тимуру для освобождения попавших в плен кыргызских и могольских биев и баатыров во время похода полководца в Моголистан, мулла Аббас мог быть отцом С.Ахсикенди. Он пишет, Мавлона А”зам предстал перед Амиром Темиром вместе с Абдыракманбеком и муллой Аббасом» (С.Ахсикенди - С.). Однако, вполне возможно, что мулла Аббас мог быть и его дедом, достигшим столь высокого уважения и признания в эпоху Амира Тимура [58. - С. 77-78.]. Несомненно, часть этих рассказов о кыргызах и других кочевниках он мог слышать от своих предков – отца и деда, которые возможно тоже были известными священнослужителями. Как выше отмечали согласно С.Ахсикенди, один из членов посольства Абдыракманбек приходился зятем отца Амира Тимура Сахибкыраана Амира Тыграя (Тарагая, Тургая). Анга Торе глава улуса чериков склонил его на свою сторону, выдав за его сына Абдраимбека свою дочь Гулькан и попросил войти в состав посольства [58. - С. 77]. Но, к сожалению, С.Ахсикенди не раскрывает этническую принадлежность Абдыракманбека, хотя конечно, весьма заметно как Анга Торе проявил большую заинтересованность и вложил все усилия для того, чтобы он вошел в состав посольства.

Однако, отметим, что в кыргызских генеалогических преданиях существуют различные версии об Абдыракманбеке, который имел родовую фамилию Азык. В них Абдыракманбек выступает как прототип легендарного предка племени азыков с родовой фамилией Азык, упомянутого в книге Б. Солтоноева. Азыки потомки древнего народа азов, жившего на берегу Енисея в VII-VIIIвв. [202.-С. 50; 200.- С. 174, 237, 290.]. Б.Солтоноев привел ряд версий о происхождении Азыка (Асыка). По его данным, Кара Чоро сдружился с Азыком, Саяком и Чериком в пути, когда он находился в поисках своего отца. Они вместе отыскали Тагай бия.

Следовательно, Абдыракманбек С. Ахсикенди и Абдыракманбек Азык [15. - С. 221] и Азык [58. - С. 77] встречаемые в генеалогии кыргызских племен одно и то же лицо. Анализ всех вышеприведенных генеалогических преданий показывает, что все они могли быть составлены в XIII-XVIвв., когда, кыргызы, азы, черики, баарины (бахрины) улуса Хорчи мигрировали с Саяно-Алтая на Тянь-Шань.

Следовательно, родословная Абдракманбека Азыка указывает на важную роль племени азыков в процессе консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане. Анализ генеалогических сведений о племени азык позволяет выдвинуть предположение, что представители аристократического клана кыргызов, упомянутые в «Маджму ат-таварих» С. Ахсикенди, а именно Тагай-багатур (Тагай-бий), Адин (Адыгине), Кара-Багыш и Мунгуш [58. – С. 82] могли происходить от одной из ветвей древних азов.

Известные кыргызские советские этнографы С.М. Абрамзон и С.А. Аттокуров и другие считали азыков древним кыргызским родом, происхождение которых связывалось с аристократическим родом енисейских кыргызов – азами [60. – С. 76]. С.А. Аттокуров отмечал, что азыки, являясь одним крупных племенных объединений кыргызов, оказывали отчаянное сопротивление калмако-ойратским и другим завоевателям, что сказалось на их численности. Т.е. численно уменьшились [60. – С. 76].

Особый интерес представляют описанные С. Ахсикенди этнополитические связи Анга-Торе Черика с предводителем племени азык Абдрахманбеком, которые могут способствовать реконструкции ряда малоизученных аспектов этнополитической истории кыргызского народа. Согласно С. Ахсикенди азыки жили в районе города Аксы [58. – С. 75-76]. Позже вошли в состав улуса Анга Торе. Очевидно, предки азыков – азы сыграли важную роль в миграции кыргызских и кыпчакских племен из Прииртышья и Саяно-Алтая в Ферганскую долину. Т.е. с территории Алтая и Западной Монголии. Это также указывает на то, что азыки или четырехтамговые азыки (козугуна, бычман, байкючюк, борю) имели непосредственную связь с союзом племен аз-ширинов, куда входили аз-ширины, бахрины, аргын и кыпчаки, которые сыграли немаловажную роль в этногенезе кыргызского народа на тяньшаньском этапе развития этноса. Очевидно, азыки представляли часть племени аз-ширин под именем семиреченьских азов или азыков, которые в генеалогии кыргызов всегда встречались с баарынами, кара чоро, саяками, чериками, кыпчаками. Т.е. средневековых аз-ширинов можно отождествить с кыргызскими азыками, бахринов с баарынами, кыпчаков с кыпчаками. Сведения С. Ахсикенди о женитьбе сына Абдрахманбека и дочери Анга торе указывает на то, что еще в эпоху Токтамыш хана и Анга Торе началась консолидация кыргызских племен на Тянь-Шане. Анга Торе специально склонил Абдыракманбека на свою сторону, чтобы придать еще больше стимула и инициативности в процесс интеграции и консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане [58. – С. 75-76].

Отметим, что большинство ученых полагают, что «Маджму ат-Таварих» был написан в 1503 году. Однако, несмотря на то, что он изложен в эпической форме и выглядит полулегендарным произведением, все же он, прежде всего, содержит ценные сведения, отражавшие историю тяньшаньских и алтайских кыргызов в монгольскую эпоху. Источник был написан в период возрождения кыргызского народа и поэтому имел социально- политический характер. В данный период шел процесс этнического возрождения местных тюркских народов – кыргызов, казахов, ногайцев и других, что противоречило интересам господствующего клана – чингизидов в Золотой Орде и Моголистане. В книге С.Ахсикенди

обосновывает мотивации и причины, побудившие написать новое сочинение. Он пишет, что возникла необходимость составить отдельную книгу по истории и распространению религии ислама в Среднюю Азию, в том числе среди кочевников Моголистана. В этих целях было привлечено огромное количество сведений из других исторических источников. Неслучайно, источник был написан на персидском языке. Сочинение «Маджму ат-Таварих» должно было, прежде всего, ориентировано на священнослужителей и местное мусульманское население Средней Азии, которые должны были быть осведомлены о том, что кыргызы, так же, как и другие народы региона, являются правоверными мусульманами и слугами Аллаха. Источник должен был изменить представление о кыргызах как о неверных, не имеющим ничего общего с исламом народе, о чем писали могольские историографы, тем самым политизируя религиозную ситуацию в регионе, оставляя за моголами монопольное право для использования ислама в политических и геополитических целях.

Следовательно, в соответствии с целями своего труда С. Ахсикенди представлял Касан и Ширкент как религиозные центры мусульман Средней Азии, где покоились известные имамы и священнослужители, в том числе предки кыргызов и племен союза аз-ширинов. Согласно источнику, здесь были похоронены имам Акоша (Акеше), считавшийся первопредком кыргызов, Айкожо из аргынов, духовный наставник Манаса и Кара кожа, а также, по утверждению автора, Есугей-бахадур — отец Чингис-хана [58. – С. 23, 28].

Важным аспектом труда С. Ахсикенди является то, что он указал духовным лидером предков кыргызов современника и сподвижника пророка Мухаммеда Алейхи Ва-Саллама некого Акоша из рода гызов (огузов) [58. - С. 28.], который, по преданию, распространил ислам в Среднюю Азию. Тем самым, С. Ахсикенди в число касанских и ширкентских саидов включает и лидеров кыргызов и союза племен аз-ширинов, например, Саида Ибрагима по прозвищу Султан Малик Зарбагыш и его сына имама Али Зарбагыш (женился на дочери Тугдар хана) и его отпрыска Зарбагыша имама Саида Мухаммада, которые были похоронены в Касане и Ширкенте. С.Ахсикенди также включает в генеалогию предводителей из племени аргын Айкоджо и его сына Кара коджо в число саидов и потомков Саида Султана Малика Зарбагыша [58. – С.63.], что еще раз подтверждает сведения о кыргызском происхождении аз-ширинов и племен этого союза. Однако следует отметить, что связь кыргызов и одного из племен союза азширинов — аргынов — с суфийским орденом, центр которого находился в Фергане, указывает на то, что племена этого союза были близки к кыргызам и в религиозном отношении. Указанная информация позволяет предположить, что племена союза аз-ширинов представляли собой кыргызские объединения.

Отсюда можно полагать, что сочинение «Маджму ат-Таварих», прежде всего, представляет политический заказ кыргызской политической элиты, где документировалась и оформлялась ее политическая воля о своей роли и месте в истории Золотой Орды и Моголистана. В связи с этим книга С.Ахсикенди «Маджму ат- Таварих», отражавшая стремление к свободе и независимости кыргызской политической элиты и народа, главным образом, должна была обеспечить предводителю кыргызов и аристократической верхушке выигрышное положение на политической арене в регионе. По этой причине в источнике придается важное значение исламу суффийского толка и генеалогии кыргызских племен и народа, а также эпосу «Манас» как генерирующей, консолидирующей, идеологической основе кыргызского этноса. В

«Маджму ат-Таварихе» эпос «Манас» представлен как неотъемлемая часть труда С.Ахсикенди [58.]. Ценность книги С. Ахсикенди «Маджму ат-Таварих» как исторического источника в том, что в нем содержится родословная кыргызских племен, которая может помочь раскрыть многие не известные страницы и аспекты жизни средневековой истории кыргызского народа. Анализ и сравнение родословной кыргызских племен записанной С. Ахсикенди со сведениями из других исторических источников подтверждает наше мнение о том, что, во-первых, кыргызский народ был сформирован еще ранее чем предполагалось. Мы же писали о том, что кыргызы как этнос сформировались в период правления Барсбек кагана, а в эпоху Кыргызского Великодержавия кыргызы получили право и возможность мигрировать и устанавливать свои порядки, экспортировать этноним «кыргыз», язык, культуру по бескрайним просторам Евразии, где последние формировали новые государственные образования, улусы и участвовали в этногенезе более молодых этносов.

В связи с вышеизложенным отметим, что, анализ и сравнение родословной кыргызских племен записанной С. Ахсикенди со сведениями мамлюкских источников показывает, что к концу XI в. общественная структура кыргызов уже была сформирована и она была очень схожа со родоплеменной структурой, зафиксированной в XVIвеке, где мы обнаруживаем те же племена кыргызов (аккубул, саруу, мунгуш) [58. - С.76,82.], которые участвовали в миграционной волне возглавляемом племенем аз- шарийа (шары, саруу) - аккубул, мангуш, дурут [494. - С.126-127.] и т.д.

В связи с вышеизложенным XIV-XVвв. более правильно рассматривать в период правления Анга Торе и Мухаммеда-Кыргыза как процесс поэтапной консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане.

Мирза Мухаммад Хайдар [1500- 1551 гг.] кыргызов относил моголам. Он о ведущей роли кыргызов в Моголистане писал: «Хотя киргизи то же могольское племя, но ввиду большой вражду, которую они питали к

хаканам, отделились от моголов... Из-за этого разногласия случилось так, что моголы стали самым отдаленным и малочисленным народом» [376. -С. 176.]. Т.е. моголы постепенно ассимилировались кыргызами, о чем говорили и генеалогические предания в сочинениях «Шаджара аль Атрак» и «Маджу ат-Таварих».

Во-первых, в условиях исламизации региона одной из важнейших задач С. Ахсикенди, по-видимому, являлась адаптация и переосмысление более ранних генеалогических преданий о кыргызах и их происхождении в соответствии с исламской историко-генеалогической традицией. В его сочинении кыргызский народ представлен как один из ведущих этносов Тянь-Шаня, связанный с исламом суфийского толка. Несомненно, это повышает значение труда С. Ахсикенди как важного источника для изучения исторической памяти, генеалогических традиций, этнополитических процессов и истории кыргызов монгольского периода.

Во-вторых, родословная кыргызов С. Ахсикенди повышает значимость отражения кара китайской эпохи в «Маджму ат- Таварихе», которая могла бы вообще остаться не замеченной, если бы кыргызы не сложились как этнос до кара китайской экспансии на земли последних, что вызвало отчаянное сопротивление со стороны народа. Кыргызы посвятили этой эпохе несравнимое, океаноподобное произведение искусства –эпос «Манас». В книге С. Ахсикенди в лице их правителя Жолоя [58. – С. 45.], который назван одним из главных врагов кыргызского народа.

В-третьих, С. Ахсикенди в своей книге рассказывает о событиях в Золотой Орде и Моголистане, о борьбе между акордынскими царевичами и князьями союза племен аз-ширин, кыргызов Токтамыш хана, Манаса, Анга Торе, Салучи-Булгачи с одной стороны и кокордынскими ханами и мангытскими князьями Пулад хан, беклербек Едиге, его сын Кейкубад, мангыт Жамгырчи и Сарай-Мамай другой стороны. Ак Ордо был политическим центром союза племен аз-ширинов и кыргызов, которые занимали центральные и восточные земли владения. В связи с чем, Токтамыш хан в геополитических интересах поддерживал Анга Торе, Салучи -Булгачи, Камар ад-Дина и других в борьбе против Амира Тимура [58. - С. 46-83.].

В-четвертых, особенность родословной кыргызов в «Маджму ат-Таварихе» С.Ахсикенди в том, что в ней зафиксировано завершение процесса консолидации тяньшаньских кыргызов на Тянь-Шане. В процессе консолидации кыргызов на Тянь-Шане активное участие принимали кыргызские племена, пришедшие с Акбарчын Чингсангом после распада Дорбон-ойратского племенного союза в 1468 году, племена которого слились с тяньшаньскими кыргызами [85.-С. 21.].

Отметим, что в книге С.Ахсикенди, связывая генеалогию кыргызских биев с саидами касанских и ширкентских саидов, попытался обособить

кыргызов от моголов, ставя первых выше и ближе к потомкам пророка Мухаммеда [58. – С. 20]. Тем самым, лишая чингизидов какой-либо претензии на власть в Моголистане. Эта же линия прослеживается в генеалогическом предании о происхождении кыргызов от сорока гызов [58. – С. 30- 31], а также в генеалогии сыновей Анга Торе -Мухаммедбека и Акматбека, записанном С.Ахсикенди. По сведениям С. Ахсикенди, от двух сыновей Анга Торе — Мухаммедбека и Акматбека — произошли, соответственно, два племени: от Мухаммедбека — племя монолдор, а от Акматбека — племя черик. Акматбек был знаменосцем. Следует отметить, что упомянутые в родословной чилгызов, приводимой С. Ахсикенди, Султан Санжар и Акматбек, сын Анга Торе, жили в разные исторические эпохи. О.Караев отождествлял Мухаммедбека с правителем кыргызов Мухаммед Кыргызом, а Акматбека – с сыном Юнус хана Ахмедханом. По его мнению, они попали в генеалогию Анга Торе лишь в XVI веке [235.].

Отсюда можно полагать, что автор «Маджму ат-Тавариха» специально возвеличивал личность Анга Торе, возвышая его до статуса хана (потомка Онг хана) Моголистана. С.Ахсикенди указывал Анга Торе в качестве правителя Моголистана.

В период войны с ойратами сын Юнус хана Ахмед хан был провозглашен кыргызским ханом. Ахмед хан возглавлял объединенное войско моголов, кыргызов (во главе с Мухаммедом Кыргызом), чериков и других, которые бок о бок сражались против общего врага – ойратов. Однако, Ахмед хан умер в 1504 году, а Мухаммед Кыргыз был поднят на белом войлоке и провозглашен ханом кыргызов в 1508 году. Сразу после смерти Ахмед хана в стране началась междоусобная война между сыновьями Ахмед хана – Султаном Мансуром, Султаном Халилом и Султаном Саидом. Следовательно, С.Ахсикенди, прекрасно зная сложившуюся ситуацию в стране в последние годы жизни Ахмед хана, специально возвеличивал личность Анга Торе, возвышая его до статуса хана. В то же время, понижая личность Ахмед хана до статуса знаменосца Анга Торе, владыки Моголистана.

Таким образом, анализ показывает, что С.Ахсикенди специально возвышал личность Анга Торе для того, чтобы показать его в роли владыки Моголистана Юнус хана, а в роли сыновей князя указать имена героев ойрато-могольской войны (сына Юнус хана) Ахмед хана (Акматбека знаменосца) и Мухаммеда Кыргыза (Мухаммедбека). В случае безвременной или неожиданной кончины Ахмед хана, что и произошло в 1504 году, власть должна была перейти к единственному «наследнику» Анга Торе — Мухаммедбеку. Т.е. Мухаммеду Кыргызу, который на то время консолидировал вокруг себя кыргызские племена и был готов выступить в качестве одного из основных претендентов на власть в Моголистане.

Очевидно, к 1500 году кыргызские бии прекрасно понимали, что Ахмед хану осталось жить совсем немного, а многолетняя война с ойратами консолидировала кыргызов вокруг Мухаммеда Кыргыза как никогда. Оставалось лишь идеологически обосновать свои притязания на власть, поднять боевой дух и мобилизовать народ для борьбы за гегемонию в Могулистане — что и было успешно реализовано.

Одним из главных особенностей книги С. Ахсикенди «Маджму ат-Таварих» она зафиксировала процесс возрождения и консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане, который проходил в двух этапах в XIV - XVIвв. Первый этап проходил в XIV в. и был связан с именем и эпохой Анга Торе, политический центр улуса которого находился в местности Каратал в Восточном Притяньшанье. В генеалогии князя Анга Торе представлен как потомок Вана хан кераитского, одними из основных племен его улуса считались черики и монолдоры. В целом вокруг Анга Торе консолидировались кыргызские, кыпчакские, бааринские, могольские племена Тянь-Шаня, Саяно-Алтая и Западной Монголии. Это более конкретно заметно, по названиям местностей, где проживали кыргызы в то время. Очевидно, в улус Анга-Торе в первую очередь вошли кыргызские племена улуса Хорчи Саяно-Алтая, один из центров которых находился в местностях Ийи-Тал и Кара-Тал Улуг-Хемского и Чеди-Кольского кожунов современной Тувы. Западная группа последних еще в IX-X века проживала в местности Кара тал в Восточном Притяньшанье, представлявшую центральную часть улуса Анга Торе.

Второй этап прошел в XVIв. и связан с именем и эпохой Мухаммеда Кыргыза, больше известного по фамилии Тагай бий, которому приписывают сложение трех крылой системы управления он, сол и ичилик.

С.Ахсикенди в своей книге попытался показать историю кыргызского народа в пяти больших исторических этапах: кыргызской (IX-Xвв.), кыргызско-кыпчакской/ябагу (XIвв.), караханидской (X-XII вв.), кара китайской (XII в.), и могольско-кыргызской. В отношении Караханидской эпохи он пытался показать в форме родословного повествования этнополитическую связь кыргызов с караханидами и огузами. В контексте могольско-кыргызского этапа С. Ахсикенди подчеркнул значительную роль Анга-Торе в объединении кыргызских и могольских племен, а также в их совместной борьбе за независимость и власть в Моголистане.

К рассказам (разделам) более древнего периода истории тяньшаньских кыргызов можно отнести генеалогические предания, повествующие о происхождении кыргызов от чилгызов-сорока огузов, которые были мусульманами и последователями духовного лидера народа современника и сподвижника пророка Мухаммеда Алейхи Ва-Саллама Акоша из гызов (огузов) [58. - С. 28.]. Это главным образом указывает на то,

что ядро тяньшаньских кыргызов составили местные племена, имена которых были известны в Притяньшанье еще в VIII-XIвв.

Здесь же приводится генеалогия кыргызских племен, входивших в правое, левое крыло и объединение ичкилик. Общим предком всех кыргызских племен указан некий Отуз Огул, от которого происходили Адина (Адыгине), Тахай-бахадур, Карабыгыш и Мунгуш [58. – С. 82.]. Анализ племен правого крыла кыргызов показывает, что ядро последних могли представлять объединения выделившиеся из древнего манихейского консорциума отуз оглан, которые сыграли важную роль в этногенезе кыргызского народа на тяньшаньском этапе его развития. Очевидно, Отуз Огул в родословной С. Ахсикенди представлен как предок потомков средневекового манихейского консорциума отуз огланов, от которых выделились основные племена правого крыла кыргызов адыгине, тагай, азык, пугэ/бугу и другие, чьи имена были известны в Притяньшанье еще в VIII-XI вв. Если не брать в учет чон багышей, предки которых могли быть связаны с кыргызскими группами IX-X веков, то в левое крыло представлено в основном потомками восточных мигрантов во главе аз-шарийа, которые оказались на Тянь-Шане до нашествий кара китаев. Это потомки огузских или теле-тардушских племен - мундузы, карлукских басмылов-басызы, алтайских шары -саруу, кушчу (X-XIвв.), кара китайских- кытай. С. Ахсикенди представил древний пласт племен ичкилик кыргызов как потомков Салучи-Булгачи, среди которых упоминаются этнонимы, известные еще в эпоху древних тюрков: жоо кесеки (кесеки), теиты (доиты), канды (канглы), а также бостон (племя карлукского происхождения) [58. – С. 82].

Отметим, что ареал участвующих в консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане охватывает огромную территорию и в этом процессе участвовали племена, обитавшие на Саяно-Алтае и Тянь-Шане еще с эпохи Кыргызского Великодержавия.

Гардизи сообщал, что предводитель Емке включил в состав своего народа огузов и назвал вновь созданный народ кыргызами. Отсюда можно говорить о том, что после победы 840 года, енисейские кыргызы на Алтае включили в свой состав замыкающие группы огузов, теле -тардышские группы и вслед за огузами на Тянь-Шань.

Согласно информации, упоминавшаяся в хотано-сакском документе-свитка, датируемом 925 г., часть племени чаруков проживала в соседстве с группой телеских и тардушских племен, обитавших в районе Каратата или Кара Тага (возможно, р. Каратала), в провинции Гансу, позже вошло в состав государства Караханидов. Следовательно, часть кыргызских и теле-тардушских племен мигрировала в Восточный и Центральный Тянь-Шань в период появления киданей в Орхонском регионе в 924 году. В результате последние активно участвовали в формировании Караханидского каганата на

Тянь-Шане в 940г.Очевидно, енисейские кыргызы на Алтае включили в свой состав племена огузов, чаруков и мигрировали в направлении тянь-Шаня, где заняли Или-Таласскую долину. Таласские чаруки оказывали большое влияние на город Тараз. Имя таласских чаруков ассоциировалось с Таразом, который прославился как «город славных и благословенных тюрок-чаруков, и как город хаканцев» [450.-С. 124.], что указывает на связь последних с владением Хакания, упомянутой М. Кашгари [259.-69.]. Т.е. выясняется, что чаруки участвовали в формировании Хакании [259.-69.].

Следовательно, в IX–X вв. миграционный путь енисейских кыргызов, огузов и чаруков пролегал из Приангарья в юго-западном направлении — через район Каратала к Кашгару и далее в долину реки Талас. Отметим, что именно в восточной части вышеуказанной территории в кимакскую эпоху мы находим область Каркырахан, упоминаемой в с. анонимного автору «Худуд…», а в монгольскую эпоху на основе племен этого владения был сформирован улус Анга Торе с центром в Каратале.

Одним из племен, пришедших в купе с енисейскими кыргызами могли быть мундузы, которые относились к огузской группе племен. Еще С.М. Абрамзон писал, что этнонимы «толос» и «мундуз» сохранились только в структуре алтайцев и тяньшаньских кыргызов [5.-С. 63.]. С движением мундузов можно связать появления города Кочнар-башы, расположенного в Кочкорской долине в эпоху Караханидского каганата. На Тянь-Шане мундузы вместе с азами, чаруками входили в состав караханидского этноса [18.-С. 319]. Об восточном происхождении мундузов, прежде всего, говорят родовые его подразделения азык и джарык [5.-С. -63-64.], которые тождественны с алтайскими азами и чаруками. Этноним «чарук» мы уже сопоставляли с названием огузского племени «йорынчы» («йарук»), а также с именем родового подразделения кыргызского племени саяк — жорукту. Он также встречается в качестве названия местности наряду с топонимами связанными с азами (Ас, Биюк-Ас, Темес-Ас), асы-джорокчи в Крыму, куда мигрировали азы, кыргызы, огузы, кангаро-печенеги и другие восточные кочевники в тюркское время (IX-XIвв.).

Очевидно, что в IX–X вв. енисейские кыргызы, чаруки, аргу, мундузы и мигрировали со стороны Алтая в долину реки Талас. Здесь кыргызы — вместе с аргу, чаруками и другими племенами — слились с родами племенного союза нушиби, образовав с ними единое владение Каркырахан, упоминаемого в с. анонимного автору «Худуд…». Позднее, в кимакскую эпоху, западная часть земель владения Каркырахана была отделена от основной территории и превратилась в самостоятельную область Каркыра [58.–С. 47– 48.]. Отсюда можно полагать, что название области Хакания Махмуд Кашгари [259.-70.] представляла собой усеченный вариант наименования владения «Каркырахан» [345. – С. 50]. Можно сопоставить «Каркыра Хакания» и Каркырахан (Хания). Значит еще до эпохи Анга Торе

кыргызы кочевали по линии Енисей (Кара-Тал, Ийи-Тал; Улук Хем)-Кыргызнур -Алтай-Каратал-Кашгар-Талас. В XIVв. Анга Торе возродил это кыргызское владение.

Рассказы С. Ахсикенди, связанные с Джакыпом и Манасом, вероятно, отражают исторические традиции, восходящие ко временам Кыргызского Великодержавия. В этот период кыргызские племена, мигрировавшие и расселившиеся на обширных пространствах Центральной Азии, в арабо-персидских источниках фиксировались под этнонимами «кыркыр» («хирхир») и «кыргыз» («хирхиз»). В источниках более позднего времени данный народ обозначался уже только этнонимом «кыргыз». Примечательно, что сведения С.Ахсикенди о взаимоотношениях кыргызов и кимаков полностью подтверждают о принадлежности алтайской области Каркырахан, упоминаемой в сочинении анонимного автора сочинения «Худуд…», к кыргызам [345.- С.50]. По С.Ахсикенди, народ Манаса, называемый каркыралинскими кыпчаками, обитал в области Каркыра в долине реки Талас в Центральном Тянь-Шане. Кыргызами правил сын Каркырабека Жакыпбек и царевич Манас. Центр владения Жакыпбека находился в Кара Кыштаке в долине реки Талас [58. - С.45.].

С. Ахсикенди союз кыргызов с Вана ханом кераитским связывает с периодом нашествия кара китаев во главе с Жолоем. Предводители кыргызов Джакып, его сын Манас и их союзник Ван хан кераитский противостояли Жолою, что вероятно, имели отношения к событиям, когда кыргызы и кыпчаки жили на Алтае и степях Западной Монголии. При чем борьба Манаса и кыргызов с кара-китаями под руководством Жолоя (Елюй) воспета во всех версиях эпоса «Манас».

В источнике Онг хан представлен как выходец из благородного племени «кара йетти» [58.-С. 36.] (переводчик прочитал в такой форме этноним «кераит»/б. могущественный род семь), что по смыслу очень близок этимологии этнонима «кераит» Абул Гази Хивинским. Вероятно, это указывало на родство кереитов с аристократическим родом енисейских кыргызов иди или эди (семь) [421.- С.150; 509. - С. 108-109.]. Согласно сведениям Абул Гази, кераиты получили свое имя от семерых черных сыновей общего предка народа [6. – С. 100-101]. Т.е. Абул Гази Хивинский происхождение «кераит» связывал с семью черными братьями (кара йетти) или черным бараном (кара кой). На кыргызском языке слово «кер» означает «красно-черный» цвет масти тотема, например, «кера ит» (красно-черная собака, волк), карагер ат (красно-черная лощадь), кара будун эл (могущественный народ или черный люд). То есть «кераит» означает семь черных/могущественных сыновей -кара йетти огул-родоначальников, о чем, собственно, информировал Абулгази. С.Ахсикенди справедливо называл кераитов этнонимом «кара йетти/иди» (от «кара – «черный», «могущественный», «народный» или «союзный» и «иди – семь»). Т.е. можно

полагать, что кераитами называли представителей аристократического клана енисейских кыргызов иди (семь), которые в эпоху Кыргызского Великодержавия собрали свой союз племен за пределами Минусинской котловины. В результате чего стала называться кара иди в значении могущественный, народный (хоорай), союзный клан кара йетти.

С. Ахсикенди рассматривает Золотую Орду и Моголистан как родственные государства, а населявших их кочевников — как единое сообщество. В книге Онг-хан представлен как правитель земель улуса Джучи (Золотой Орды) и Моголистана. С. Ахсикенди представил его (Ван-хана, по прозвищу Ак-Туг-бий) в качестве отца таких исторических личностей, как Тохтамыш-хан, Темир-хан (вероятно, Амир Тимур) и Атан-бий (предок Анга-Торе) [58. – С. 55–59].

С. Ахсикенди отмечает, что после смерти Онг хана западная часть империи монголов была разделена между Токтамыш ханом и Анга Торе, которые в сказании представлены как двоюродные братья, а согласно генеалогическим данным сыновьями правителя кераитов. Земли от р. Атил до Ташкента отходят Токтамыш хану, а Анга Торе от Кашкара до горы Могол хан. Соответственно первый правил в Золотой Орде, а второй – в Моголистане [58. - С. 47.].

Важной особенностью сочинения С. Ахсикенди является следование могольской историографической традиции, в рамках которой моголы и кыргызы рассматривались как единое этнополитическое сообщество. Более того, С. Ахсикенди идет еще дальше, связывая происхождение отца Чингис-хана, Тугдар-хана, с ширкентскими и касанскими священнослужителями и указывая город Касан как место его захоронения. Вероятно, именно поэтому в книге С. Ахсикенди отсутствуют сюжеты, основанные на противопоставлении кыргызов Чингис-хану и его потомкам. Примечательно, что С. Ахсикенди даже не упоминает имен Чингис-хана, Мункэ, Хубилая и Тогон-тайши, которые постоянно воевали с кыргызами и причиняли им немало бедствий. По мнению М. Тагирджанова, С. Ахсикенди упомянул их имена лишь в измененной форме, в качестве эпических персонажей — Чунгмиша, Чунгче, Джолоя и Тунгжи-калмака [469.-С.48-50, 52-53]. М. Тагирджанов считает, что С. Ахсикенди поместил кыргызов в страну Рум лишь для того, чтобы связать их с имамом Джафаром Садиком, и на этом основании локализовал упоминаемую С. Ахсикенди страну Рум на Енисее [469.-С. 37], который, по его мнению, являлся их постоянным местом жительства. Однако, в этом также можно усмотреть указать связь кыргызов с кангаро-печенегами, которые продвинулись в направлении Рума, с берегов Сырдарьи. На Алтае кыргызы поддерживали тесные этнополитические связи с кимако-кыпчакскими и кераитскими объединениями, а также с племенами союза цзубу, участвовавшими в совместной борьбе против гурхана Элюй Даши. М. Тагиржанов полагал, что Джакып (Якуб-тегин) и его

сын Манас являлись историческими личностями, сопоставляя «Манас» с титулом правителя Барсхана — «манаком». Имя правителя Барсхана Яналтегина он сопоставлял с титулом князей енисейских кыргызов «инал» и также связывал его происхождение с кыргызами. По его мнению, кыргызы, переселившиеся на Тянь-Шань в более позднее время, соотносили «манак» с формами «манап» и «манаф» [469.-С. 45-46].

Отметим, что С. Ахсикенди в своей книге заметно преувеличивает роль Ван-хана, приписывая ему значительное влияние как на тюркские племена, так и на чингизидов, которым, согласно его версии, было завещано следовать его советам. Очевидно, что С. Ахсикенди, последовательно возвеличивая личность Ван-хана, стремился подчеркнуть древность этнополитических связей между Ван-ханом и Манасом, возводя их к периоду противостояния на востоке с Элюй Даши, а также показать преемственность исторического развития кыргызского народа от эпохи Кыргызского Великодержавия до времени Анга Торе и Мухаммеда Кыргыза. Согласно С. Ахсикенди, Джакып, Манас, Кара Ходжа и ряд кыпчакских князей находились в этнополитическом союзе с Ван-ханом, возглавлявшим союз племен цзубу, ведших борьбу с киданями. Ван-хан являлся одним из главных противников киданьского гурхана Элюй Даши, а впоследствии оказался и в числе врагов Чингис-хана. Именно в период противостояния с киданями кыргызы, кыпчаки и другие тюркские племена начали мигрировать с востока на запад. Позднее, в эпоху возвышения Чингис-хана, кераиты и канглы через земли кыргызов переселились на Алтай и Тянь-Шань. В дальнейшем кераиты и канглы заняли центральные районы Моголистана, что свидетельствует об их значительной роли в формировании данного улуса.

С. Ахсикенди возвеличивал личность Ван-хана, который в действительности умер задолго до похода Чингис-хана в Среднюю Азию, и представлял его общим предком Тохтамыш-хана и Анга Торе. Тем самым Ван-хан в его сочинении фактически интерпретируется как родоначальник тюрко-монгольских племен Моголистана. Вероятно, столь высокая оценка его роли была связана с процессами этнической консолидации тюрко-монгольских племен после раздела Монгольской империи между сыновьями Чингис-хана. Кераиты, оказавшиеся в составе различных улусов чингизидов, могли участвовать в формировании владений Тайбуги и Анга Торе, а также государств Золотой Орды, Хайду и Моголистана.

Следовательно, тюркские племена – кыргызы, кереиты, канглы, кыпчаки, Саяно-Алтайского края и Тянь-Шаня, с помощью имени Онг хана, пытались возродиться, обосновать свое благородное происхождение, чтобы быть полноправными подданными в новых владениях и государствах чингизидов Центральной Азии. Это также может говорить о том, что

тяньшаньская ветвь кераитов могла представлять аристократический клан в улусе Анга Торе в XIII-XIV века.

Вероятнее всего, рассказы о политических интригах и событиях периодов политических кризисов в Золотой Орде отражают исторические события, после разделения беклеярбеком Ногаем государства на два конкурировавших между собой владения на Ак Орду и Кок Орду в 1243 году. С тех пор Ак Ордо был признан как политический центр потомков Ногая, Тотамыш хана и других чингизидов данного владения. С. Ахсикенди, также как и Ибн Вали [217. –С.108-109], рассказывает о походе Пулада против мятежных кыргызских племен в 1407 году, живших рядом с бахринами. Решающее сражение сторон происходит в Яике, т.е. на Урале [58. - С. 52-54.]. Примечательно, что Урал признавался как первоначальные наследственные земли Ногая.

Описывается борьба и консолидирующая роль Токтамыш хана и его союзников – Анга Торе, Манаса, Салучи-Булгачи, бахринов в борьбе за власть в Моголистане с могольскими князьями Камар ад- дином и Ильяс Кожо (сын владыки Моголистана Тоглук Тимура) [58. - С. 46-83.]. Однако, С. Ахсикенди в то же время указывает на существовании этнополитического союза между союзом племен аз-ширинов и улусом Анга Торе, приводя расширенный список союзников Токтамыш хана и Манаса. В источнике одними из самых близких князей Манасу указывались Айкожо (он же Темир кожо) и его сын Кара Кожо из клана аргын. По источнику дух Айкожо всегда покровительствовал Манасу, а его сын Кара кожо всегда приходил ему на выручку в трудные минуты [58. - С.54-55, 59, 61.]. В поздних версиях эпоса «Манас» аргыны встречались наряду с кыргызскими и казахскими племенами. Они всегда упоминались с именем своего предводителя Каракожо: «Алтайлыктын баары бар, Аргын Каракожо бар» [335.- С. 52, 74.]. Все это дает нам право видеть в последнем прототипа вышеотмеченного золотоордынского князя из аргынов Кара Ходжа, военачальника Токтамыш хана.

Таким образом, книга С. Ахсикенди «Маджму ат-Таварих», несмотря на определенные напластования и мифологизированность, прежде всего представляет собой политический заказ кыргызской элиты, которая была готова повести народ на борьбу за независимость, свободу и процветание. В связи с этим в источнике придается особое значение генеалогии кыргызских племен и народа в целом, представленного как одна из мусульманских общин Средней Азии.

§ 3. «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди о кыргызах Моголистана в XIV-XVI вв.

С.Ахсикенди в своем «Маджму ат-Таварих» особое внимание уделяет Онг хану кераитскому, золотоордынскому владыке Токтамыш хану, улусу князя Анга Торе, кыргызским улусам Салучи -Булгачи, Каркыра возглавляемого Джакыпом и его сыном Манасом, могольскому Бахрин, кыргызам и моголам Моголистана. С. Ахсикенди также писал о борьбе кыргызов против нашествий Амира Тимура, что находят подтверждения сведениями авторов других источников и этнографическими материалами [58.-С. 68-69, 75; 166. – С.422].

Согласно С. Ахсикенди, Онг-хан носил прозвище Актуг-бий («Белый стяг»), что указывало на аристократическое происхождение его рода. У тюркских народов белый цвет традиционно символизировал стабильность и мир в государстве. Покоритель мира Чингис-хан также обладал белым девятиножным знаменем — символом высшей власти. Белый стяг имел и сам Онг-хан, а в улусе его сына (по генеалогии) Анга-Торе обязанности знаменосца были возложены на сына князя Ахматбека, главу племени черик.

Особый интерес представляет сообщение С. Ахсикенди об этнополитических связях кыргызов и моголов с Ван ханом кераитским. В своей версии эпоса «Манас» он не только упоминал контакты между этими племенами, но и называл правителя кераитов (кара-йетти) Тогрула -Онг-хан моголом, что свидетельствует о восприятии кераитов как части более широкого круга племен, связанных с моголами [58. – С. 36, 45; 19. – С. 41]. Согласно сказанию, Онг-хан, приступая к правлению в Ташкенте, принял новое имя — Мари Онг-хан, где первая часть имени является усеченной формой династийной фамилии «Маргуз». В том же сказании говорится: «Ему подчинились все моголы» [58. — С. 45], что может свидетельствовать о принятии кераитами нового этнонима — «могол».

Однако, отметим, что Ван хан кераитский прославился в войне против кара китаев. Собрав вокруг себя большинство племен против кара китайской экспансии он стал одним из самых популярных правителей среди тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и Западной Монголии. Ван хан был тем лидером, чей собирательный образ широко использовался в преданиях и легендах тюрко-монгольских обществ в средние века. Судьба Ван хана и Манаса в эпическом произведении «Манас» очень схожи. Они оба герои войны с кара китаями.

Согласно С. Ахсикенди, Онг-хан как верный друг и сподвижник Чингисхана, получил политический иммунитет от монгольского владыки, который перед смертью завещал своим сыновьям уважать и прислушиваться к его советам. Кераиты состояли в брачных союзах с домом Чингис-хана как по линии Ван-хана, так и по линии его брата Джаха-Гамбу, который выдал

своих дочерей замуж за самого Чингис-хана, а также за его сыновей — Джучи и Тулуя. Поэтому С. Ахсикенди дом Чингис-хана и дом Ван-хана описывал как правящие династии, обладавшие равным положением и статусом и находившиеся во взаимном признании и уважении. Онг-хан представлен как выходец из страны Адыл (Итиль) и упоминается в качестве правителя Золотой Орды, где одной из основных политических сил в государстве являлся союз племен аз-ширинов, в который входили аз-ширины, бахрины, кипчаки и аргыны. В труде С. Ахсикенди сообщается, что после смерти Онг-хана (Ван-хана) его преемником стал один из трех сыновей — Токтамыш-хан. Последний описывается как покровитель и союзник Манаса и алтайских кыргызов, в число которых, вероятно, относился и союз племен аз-ширинов, которые позже сыграли важную роль в этногенезе кыргызского народа. В одной из версий сказания «Об Эдигее» правитель союза племен аз-ширинов Урук-Тимур представлен выходцем из «племени киргиз» [534. -С. 56; 441. -С. 305], что подтверждает наше мнение о принадлежности аз-ширинов и племен этого союза к азо-кыргызской общности [534. -С. 56; 441. -С. 305]. Рук-Темира можно отождествить с Ак-Тимур-Кыпчаком из области Кулан, упоминаемым в версии эпоса «Манас», зафиксированной С. Ахсикенди. Согласно его сообщению, у Ак-Тимур-Кыпчака было семеро сыновей, которые поклялись в верности Мавлоне Аъзаму и выезжали на семи серых скакунах с белыми отметинами (кашка) на лбу. Поэтому их стали именовать «жети кашка» («семь кашка»). По сведениям С. Ахсикенди, Каркара, Жакып и Манас происходили из рода жети кашка [58. — С. 62], принадлежавшего к каркыралинским кыпчакам.

В XI в. М. Кашгари сообщал о существовании союза трех алтайских племен — кыргызов, ябагу («пегий жеребенок») и кыпчаков, объединившихся для противодействия нашествиям киданей. Согласно М. Кашгари, эти племена консолидировались для противодействия кара-китайской экспансии. С. М. Ахинжанов пишет, что впоследствии часть этих племен, не выдержав натиска, во главе с аз-шарийа начала продвижение на запад через Семиречье. Эта миграционная волна, по-видимому, прошла через Или-Таласскую долину, где ее восточная группа в бассейне р. Манас в Восточном Туркестане встретилась с кыргызами. В дальнейшем часть мигрантов продвинулась в Южнорусские степи, а сведения об их последующей судьбе, вероятно, сохранились в мамлюкских источниках.

Согласно С. Ахсикенди, после смерти Ван-хана его владения были разделены между сыном Токтамыш-ханом [58. — С. 44, 47] и Анга-Торе, который в генеалогии князя представлен его потомком. В сказании оба персонажа выступают как двоюродные братья. Таким образом, по версии С. Ахсикенди, и Токтамыш-хан, и Анга-Торе унаследовали свою власть непосредственно от самого Онг-хана-могола [58. — С. 47]. В результате оба государства предстают как кыргызские (могольские) владения, легитимность

которых выводится из единой кыргызской (могольской) династической традиции. Очевидно, что, указывая Токтамыш-хана и Анга-Торе как сыновей Ван-хана, С. Ахсикенди стремился выстроить прямую линию наследования его потомков как в Золотой Орде, так и в Моголистане. Утверждая древнее присутствие кыргызов не только на Алтае, но и на Тянь-Шане, С. Ахсикенди тем самым представлял их как соучредителей Золотой Орды и Моголистана. По-видимому, используя образ Ван-хана (Онг-хана), С. Ахсикенди стремился обосновать легитимность власти Анга-Торе, выводя его происхождение от владыки кераитов [58. – С. 36, 47; 17. – С. 69].

Следовательно, С. Ахсикенди рассматривает племена Золотой Орды и Моголистана как объединения, имевшие тесные этногенетические и этнополитические связи еще на востоке — в Монгольских степях. В составе Монгольской империи они представляли собой части единого политико-этнического массива, связанного с народом Чингис-хана и переплетенного этногенетическими и этнополитическими узами еще со времен Великого Кыргызского каганата. Вместе с тем Чингис-хан разделил созданное им государство и народ между четырьмя своими сыновьями, признававшимися законными наследниками его великой империи. В этом контексте кочевые племена Золотой Орды и Моголистана могли рассматриваться как выходцы из единого этнополитического сообщества, сохранявшие прежние этногенетические узы и этнокультурные связи. Они могли выступать как составные компоненты единого этносоциального организма, сформировавшегося в предшествующий период. Источники также свидетельствуют о тесных этнополитических связях золотоордынских ханов с кыргызами. Источники отмечали о существовании тесных этнополитических связей золотордынских ханов с кыргызами. Отсюда можно предположить, что кераиты, канглы и кыргызы, переселившиеся на Тянь-Шань в период возвышения Чингис-хана, смогли консолидироваться в Семиречье после смерти Угэдэя в 1241 году, в период ликвидации улусов Чагатая и Угэдэя. Позже они участвовали в формировании государства Хайду хана, а затем и Моголистана. Значит, кераиты, канглы и кыргызы были в числе племен, поддержавших Тоглук-Тимура при образовании государства Моголистан, выступая под общим именем «моголы» (монолдор).

Согласно источников кераиты и канглы кочевавшие на Иссык-Куле и в районах Янги Тараза [166.-С. 439.], занимали центральные районы Моголистана. Кераиты, канглы и моголы считались одним народом с кыргызами. В связи с чем М. Хайдар считал моголов и кыргызов одним народом отмечая: «...кыргызы тоже из могольских племен, но по причине частого неповиновения хаканам, они отделились от моголов... » [376.–С. 178; 462.-С. 81.]. Это утверждение М. Хайдара, находит подтверждение в рассказах С. Ахсикенди, чьи описания, основанные на реальных событиях,

отражают период возрождения и укрепления этнополитических связей кыргызов с кераитами, канглы, моголами, племенами союза аз-ширинов и другими в рамках Золотой Орды и Моголистана.

В этой связи следует отметить, что генеалогия князя Анга-Торе и его потомков, приведенная в сочинении С. Ахсикенди, отражает представления автора об этногенетической связи кераитов с моголами и кыргызами. В генеалогии Анга Торе происхождение князя возводился к общекыргызским родоначальникам правого крыла [5. – С. 60-61.]. В генеалогии Анга Торе названия кераитских племен кераит, канглы (канггач), сахыят (сагаит) в числе имен сыновей князя упоминались под антропонимами «кире», «кункаш», «согу» и «баакы» (Буваке или Бакы бий) [345.-С. 227–228; 14.-С.497.]. Последние находили свою аналогию в названиях родов кыргызского племени монолдор (конкош, согу, бакы, кыйра) и нойгут (сакы и бакы) [18. – С.497.], кыпчак (сакы), саяк (ырай). Другие формы этнонима сакы встречаются у мунгушей в форме «соколок» и у сары уйгуров – «сокалык». Более того, три подразделения вышеприведенного рода бакы (Бакы – общий предок) племени монолдор имели названия улуу кыйра, орто кыйра и кичи-кыйра [60.-С.130], что уже было сопоставлено с могольским антропонимом кире (в. кераит) С.Ахсикенди [5. –С. 62.]. Здесь же можно отождествить имя канглийского вождя Кайрынбая с кыргызскими «кыйра» , «ырай» и «кангорай», а имя одного из потомков Анга Торе — Конкош — с этнонимами канггач/хэйчецы и канглы [18.-С. 497]. В этом контексте можно прийти к выводу, что кыргызы, кераиты и канглы сыграли важную роль в формировании улусов Анга Торе, Отуз огул, Салучи-Булгачи и других владений Тянь-Шаня и Кашгарского округа в XIII–XIV веках.

Очевидно, что имена потомков князя Абаджат и Накаш тоже говорят о связи улуса Анга Торе с племенами Салучи-Булгачи, канглы и кыпчаками. Антропоним абаджат» можно отождествить с названием племени ичкилик кыргызов абат или абажаат, происхождение которого связывалось с Алтаем. Еще В.А. Ромодин, анализируя родословную Анга Торе и его потомков, приведенных с. «Маджму ат-Таварих» С.Ахсикенди, с интересом относился к имени потомка князя по линии Мухаммед-бека – Накаш. Он комментируя источник отмечал: «Лакаш» или Лафаш или Накаш или На”аш и т.д. Слово неясно написано в рукописи В 667 как и в рукописи ЛГУ В 963. Вероятно, пропущены диакритические знаки. Чтение сомнительно» [424.-С.106].

«Лакаш» или «лакай» можно сопоставить с названием одного из кимакского племени «локтан» (лактай/лакай/кимакск.), а также лакай аристократического рода кыпчаков, к которому, по рассказам кашгарских кыргызов, зафиксированным Б. Солтоноевым, принадлежал баатыр Манас. Согласно этим сведениям, Манас, будучи из рода Локуш (Лакаш, Лакай), прибыл в Талас и объединился с Кара Ходжой против каракитаев, напавших на Кара-Кыштак. В результате совместных действий им удалось освободить

Каштек и вернуть его кыпчакам [457. - С. 138; 3.-С. 211-217.]. «Лакай» встречается в качестве названия родоплеменных групп кыргызских племен мундуз (лакай), доолос (лакай), кушчу (накай), предки которых в прошлом входили в состав народа и государства Моголистан.

В этом контексте показательно, что С. Ахсикенди неслучайно приписывает ведущую роль Онг-хану (Ван-хану) в борьбе кыргызов с каракитайским Жолоем [58. -С. 35–36] в стране кыргызов Каркыре в Таласе, несмотря на то что сам Онг хан умер задолго до миграции кераитов на запад, включая Тянь-Шань. Ван хан не мог быть союзником и поддерживать кыргызского правителя Каркырабека и его потомков Джакыпа и Манаса в долине реки Талас [58. -С. 35–36], как об этом пишет С. Ахсикенди. Отсюда следует, что кыргызы проживали в долине реки Талас по меньшей мере с IX–XI вв., когда кимаки, кыпчаки и алтайские кыргызы, огузы, теле-тардушские племена стали покидать Алтай в связи с усилением киданей на востоке. Однако упоминание в источнике Ван-хана указывает на напластование повествования: рассказы о событиях более ранних эпох впоследствии дополнялись новыми персонажами и племенами — такими как Онг-хан, союз аз-ширинов и моголы монгольской эпохи. В исторической реалии Ван хан и вождь кара китаев Элюй Даши были заклятыми врагами. На протяжении всей своей жизни Ван-хан, возглавляя кераитов и канглы, вел упорную борьбу против каракитаев. В этом противостоянии земли кыргызов и сами кыргызы служили для Ван-хана надежным тылом. В период возвышения Чингиз хана, после смерти Ван хана кераиты и канглы бежали на запад через земли енисейских кыргызов, на Алтай и Тянь-Шань. Тем самым, кераиты, канглы и енисейские кыргызы сыграли важную роль в истории и этногенезе ни только енисейских кыргызов, но, и вновь созданных кыргызских улусов Анга Торе, Салучи- Булгачи и других. Анализ показывает, что С. Ахсикенди прекрасно знал о родстве кераитов и канглы с енисейскими и тяньшаньскими кыргызами. В связи с этим можно предположить, что одним из важных аспектов книги С. Ахсикенди «Маджу ат-Таварих» было стремление автора, пусть и с определенными наслоениями, подчеркнуть этногенетическую и этнополитическую связь между кыргызами и кераитами в их совместной борьбе против нашествий кара-китаев.

Отметим, что в «Юаньши» происхождение Ванг хана связывалось с одной из областей кыргызов Кэмкэмджиут в Запайной Монголии. В источнике о кыргызском владении Цяньчжоу (Кэм-Кэмджиут) сообщается: «эта местность первоначально была местом жительства Ван-хана (Тогрул-хана)» [66. – С. 185.]. Данное свидетельство позволяет предположить наличие устойчивых историко-политических связей между кыргызами и Ван-ханом, и соответственно, с кераитами, правящая династия которых

сыграла важную роль в формировании племенного союза цзубу и на протяжении двух столетий возглавляла сопротивление иноземной экспансии.

Отсюда можно полагать, что сюжет об этнополитическом союзе Ван-хана и предводителя кыргызов Каркырабека, его сына Джыкыпа и внука Манаса в первую очередь отражает наслоения событий более ранней эпохи — периода противостояния двух мощных племенных объединений Центральной Азии: союза племен цзубу во главе с кераитами (включавшего кыргызов и канглы) и кара-китаев. Эти события произошли еще на востоке, во времена, когда Ван-хан кераитский был жив и вел непримиримую войну с кара китаями, что сыграла немаловажную роль в судьбе кыргызского народа и эпоса «Манас». Исходя из этого, можно назвать версию эпоса «Манас» С. Ахсикенди кераитской версией великого сказания, так как если в ней найманы вообще не упоминались, то в более поздних версиях сказания отсутствуют кераиты и имена главных союзников Манаса – Ван хана и Анга Торе. Одной из главных причин является то, что кераиты и найманы, конкурируя между собой, поочередно господствовали на Алтае, сменяя друг друга в регионе.

По мнению А.Ш. Кадырбаева, В.В. Ушницкого, средневековые источники рассказывали о существовании тесной этногенетической связи канглов с кераитским улусом Тогрул-хана. Согласно китайских хроник «Менуэр- шицзы» кераиты состояли из двух улусов «Западные именовались канглы, восточные – кераитами» [230.-С.35-36.]. Правители кераитского дома поддерживали особые отношения с канглы, привлекая на службу представителей их аристократии, что указывает на наличие генетической связи между кераитами и канглы. В «Юань ши» отмечается, что канглийская знать, в том числе князь Кайранбай, служила при дворе кераитских ханов. Тождество имени вождя канглы Кайранбая с названием страны Кангорай представляет собой дополнительный аргумент в пользу гипотезы о принадлежности как кераитов, так и канглы к енисейским кыргызам-кангорайцам.

Любопытно, что история с Кайранбаем, после смерти Ван хана, очень схожа с одним из основных сюжетов в эпосе «Манас», где рассказывается о кыргызском правителе Орозду хане и его десяти сыновьях, которые были разбиты врагом и переселены в разные уголки Центральной Азии. Чингизхан предложил подчиниться беглому полководцу Кайранбаю, но тот отказался, несмотря на требования хана сдаться и служить ему. Его отказ был аргументирован тем, что он раньше служил Ван хану, теперь его нет в живых, а он не может изменить тому, кому служил. Затем Кайранбай скрылся. Все десять сыновей его попали в плен к монголам. Младшего из них, Яньчжэня (Алчина), отдали на воспитание императрице Чжуаншэн (жена Толуя, мать Хубилая, кераитка). Получив воспитание при дворе, он служил Хубилаю.

Однако следует отметить, что, как и многие восточные племена, кераиты и канглы, не выдержав давления в период возвышения Темучина, были вынуждены покинуть свои земли и откочевать на запад, пройдя через территории енисейских кыргызов. Следует отметить, что В. Я. Бутанаев и Ю. С. Худяков также писали о консолидации енисейских кыргызов и существовании на территории Минусинской котловины племенного союза Хонгорай [120.] в XV–XVI вв. Однако анализ показывает, что в данном случае речь идет о возрождении Кыргызской государственности — Кангорая, который был восстановлен под влиянием кераитов и канглы, бежавших в Минусинскую котловину после падения династии Юань в Китае в 1368 году. Однако канглы и кераиты возродили кыргызское владение не только в Минусинской котловине, но и на Алтае и Тянь-Шане, где последние, по-видимому, активно участвовали в формировании улусов Тайбуги и Анга-Торе соответственно. Данный факт позволяет рассматривать кераитов и канглы как часть народа, представлявшего древних горцев Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. По совокупности основных критериев под данное определение наиболее полно подходят кыргызы, которые, согласно сообщению С. Ахсикенди, выступали союзниками Ван-хана кераитского.

Следовательно, вышеизложенные и взаимодополняющие друг друга сведения позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, они указывают на постоянное присутствие кыргызов как на Алтае и Саяно-Алтае, так и на Тянь-Шане. Во-вторых, как следует из сообщения С. Ахсикенди, кыргызы поддерживали тесные этнополитические связи с Ван-ханом и кераитами, что может указывать на существование между ними этногенетических связей. В-третьих, располагаясь одновременно на Саяно-Алтае и Тянь-Шане, кыргызы фактически образовывали для кераитов надежный тыл.

В версии эпоса «Манас» С. Ахсикенди главными героями указывались исторические лица Ван хан кераитский, Токтамыш хан, Манас, Анга Торе, Салучи-Булгачи, а также эпические герои: предводитель кыргызов Манас, Ак Тимур Кыпчак из области Каркыра и их заклятые враги-личности Жолой (Елюй Даши), Камар ад-Дин, Кызыр Коджа. Причем, большинство упомянутых здесь исторических лиц были современниками и одновременно заклятыми врагами. В данном перечне современниками Ван хана могли быть только эпические герои Манас, Ак Тимур Кыпчак, которые могли быть его союзниками в борьбе против Элюй Даши, который выступал прототипом Жолоя. Имена остальных личностей, попали в «Манас» в связи с напластованиями в монгольскую эпоху.

Следовательно, на основе вышеизложенного можно заключить, что кыргызы, усинцы (усуту-мангуны) и кераиты Ван-хана, длительное время противостоявшие каракитаям во главе с Элюй Даши, в период возвышения Чингис-хана постепенно начали продвигаться на запад, в направлении Тянь-Шаня. Данные процессы, по-видимому, согласуются с сообщением Плано

Карпини, который писал, что для возвышения «великих монголов» Чингис-хану пришлось уничтожить тартар, или су-монголов [252. — С. 177–178], то есть усуту-мангунов. В XIII–XIV вв. этот народ обладал рядом кыргызских владений, таких как улус Анга-Торе, Отуз-огул (Адыгине, Тагай), Салучи-Булгачи, Бахрин и другие. Исходя из этого, можно предположить, что кераиты и канглы имели тесные этногенетические и этнополитические связи с кыргызами, владевшими обширной территорией от Ангары до Горного Бадахшана [78. — С. 100; 331. — С. 18], где они также упоминались в книге Бекрана «Книга о мире» (1208–1209 гг.) [86; 331. — С. 21], что соответствует времени бегства кераитов и канглов на запад после гибели Ван-хана в 1203 году.

Соответственно, кераиты и канглы, переселившиеся на территории, контролируемые кыргызами на Алтае и Тянь-Шане, впоследствии могли возродиться и образовать улусы, связанные с именем кераитского Ван-хана (1130–1203) [86; 331. — С. 21], — улус Тай-Бугу на Алтае и Анга-Торе на Тянь-Шане.

В связи с вышеизложенным, отметим, что С. Ахсикенди среди представителей аристократического клана правого крыла кыргызов, наряду с сыновьями Отуз Огула — Адиной (Адыгине) и Тагай -багадуром (Тагаем), упоминает также Кара Багыша и Мункгуша [345. -С. 225; 494.- С. 126-129], чьи имена тесно связаны с Саяно-Алтаем и Западной Монголией. Согласно народной версии родословной, происхождение Наал эже связывается с территорией Тувы, где она родилась и вышла замуж за Долонбия, который имел от нее сына Монмоша. От него произошли все роды кыргызских монгушей с родовой тамгой «жагалмай» (сокол-дербник) [5.-С.43.]. После, Долон бий переселяет народ в Ферганскую долину. Здесь родились Адыгине, Тагай, от которых разошлись все кыргызские племена правого крыла. Т.е. в родословной прослеживается четкое деление племен на объединения до и после женитьбы Долон бия на Наал эже с которой связывается исключительно племена монгольской эпохи, куда относятся роды правого крыла мунгуш, монолдор, черик, баарын (бахрин), конурат. Т.е. это были те, племена, которые включены были в состав кыргызов в монгольскую эпоху. Причем, все они входили в правое крыло, а в составе левого крыла и ичкилик кыргызов племен, имевших связь с монголами не встречается. Это оправдывает наше мнение о том, что кыргызский народ был сформирован еще задолго до эпохи каракитайских и монгольских нашествий. Формирование кыргызов как этноса представляло собой длительный процесс, начавшийся в тюркскую эпоху, вероятно, во времена Барсбек-кагана, и продолжавшийся вплоть до каракитайских нашествий XII века. В период Кыргызского Великодержавия этнический состав кыргызов существенно расширился, включив в себя ряд этнических групп, ставших впоследствии составной частью кыргызского этноса. В эпоху Кыргызского

Великодержавия этноним «кыргыз» фактически превратился в политоним, служивший общим самоназванием для многих племен и этнических групп, входивших в орбиту Великого Кыргызского каганата.

Очевидно, именно поэтому и в правом, и левом крыле и составе ичкилик кыргызов, за исключением потомков тех племен, связанных с персонажем Наал эже, родов, связанных с монголами не обнаруживается. Например, согласно родословной от Тагай бия происходят племена сарыбагыш, бугу, багыш, саяк, азык, солто, жедигер, черик, моңолдор, тогда как от Адыгине — двенадцать родов: баргы, бочен (печенек), бору (волк), джору (грифон), кара багыш, таздар (тас), тенгизбай, конгурат (конгират), бакал, сансыз, сарттар, мирза-аки [131.-С. 151]. К племенам, восходящим к тюркской эпохе, по-видимому, можно отнести бору (волк), бугу (пугэ), баргы (байырку), бочен (печенег), таздар (тас), багыш (кара чоро), кара багыш («могущественный лось»), сары багыш («желтый лось»). Примечательно, что левое крыло кыргызов, согласно данной традиции, представлено преимущественно племенами тюркской эпохи. Согласно народной версии сюда кроме тех шести родов, которые были перечислены С. Ахскенди (чон багыш, басыз/басмыл, саруу/аз-шарийа, кытай, мундуз, кушчу) [58. - С. 82] входили жетиген и тобой. Как выше было отмечено, племена левого крыла, практически не имели контактов с монгольскими объединениями, что также подтверждает наше предположение о том, что их формирование было связано с перемещением алтайских племен аз-шарийа в земли отуз-огланов и ягма в долину реки Талас в XI веке. Согласно Марвази, племена аз-шарийа, спасаясь от каракитаев, переселились в долину реки Талас, где проживали тюрки-мусульмане. Однако позднее восточная группа аз-шарийа, не желая мириться с традициями обрезания, ушла на восток и закрепилась на восточных границах Караханидского каганата. Восточные племена аз-шарийа управлялись басмылами [53. — С. 185]. В этой связи представляет интерес сведения Шабангараи, который помещает племена сарихов (сары/шары) и ягма к западу от кыргызов, в пределах Кашгарского округа [400. – С. 64]. Тем самым он, с одной стороны, подтверждает соседство кыргызов и ягма в районе Кашгара, о котором ранее сообщал анонимный автор сочинения «Худуд ал-‘Алам» (X в.), а с другой — фиксирует появление нового племени сарихов в этом регионе. Не исключено, что кыргызы, ягма и сарихи были соседями в районе средневекового города Ямгур (Жамгырчы, эпический герой в эпосе «Манас»), который В. Ф. Минорский предположительно локализовал в бассейне реки Манас, к западу от Бешбалыка [469.– С. 45].

Следовательно, в X–XI вв. ягма, по-видимому, соседствовали с отуз-огланами и аз-шарийа в долине Таласа, а также с кыргызами и сарихами в Кашгарском округе. Это позволяет предположить наличие тесных контактов

между ягма, отуз-огланами, аз-шарийа (сарихами) и кыргызами, проживавшими в Илийской и Таласской долинах.

В этом контексте сообщение Марвази о миграции аз-шарийа следует рассматривать как отражение процесса консолидации алтайских и тяньшаньских кыргызов накануне каракитайских нашествий. Восточная группа аз-ашрийа, не желавшая следовать мусульманским традициям, переселилась ближе к землям языческих кыргызов в Илийской долине, где кыргызы-язычники и сарихи, испытывая религиозное влияние ягма, вероятно, приняли ислам накануне каракитайского вторжения на Тянь-Шань, о чем информировал нас Марвази [239. –С. 59].

Отметим, что приведенный выше анализ находит дополнительное подтверждение в сведениях мамлюкских источников, где в качестве антропонимов сохранились названия племен, участвовавших в миграционной волне, возглавляемой племенем аз-шарийа (шары, саруу): аккубул, мангуш, дурут и «джамгар» [494. – С. 126–127] (Жамгырчы, эпический герой в эпосе «Манас»), имевшие связь с кыргызами. Эти же названия, мы обнаруживаем в качестве имен крупных племен народа-аккубул, саруу, мунгуш [58. -С.76,82.] в родословной кыргызов С. Ахсикенди в XVIвеке.

Следовательно, анализ и сравнение родословной кыргызских племен записанной С. Ахсикенди со сведениями мамлюкских источников показывает, что к концу XI в. общественная структура кыргызов уже была сформирована и она была очень схожа с родоплеменной структурой, зафиксированной в XVIвеке, где мы обнаруживаем те же племена кыргызов (аккубул, саруу, мунгуш) [58. -С.76,82.]. В целом мамлюкские источники сообщают о миграции на запад ряда кыргызских племен, вовлекших в это движение союзные кимако-кыпчакские роды, а также объединения ябагу и чагры («сокол») [396.- С.68], накануне каракитайских нашествий, в том числе на Тянь-Шань. Примечательно, что названия некоторых из этих групп впоследствии фиксируются в источниках данного региона, включая родословную кыргызов, представленную С. Ахсикенди.

Не случайно С. Ахсикенди упоминает имама Ибрахима, который для борьбы с неверными каракитаями создал правое и левое крыло кыргызов [345. — С. 222–223, прим. 22]. В сложившейся этнополитической обстановке кыргызы консолидировались вокруг караханидских правителей Ахмеда Харуна и его сына Ибрахима Ахмеда и выступили против каракитайского гурхана Элюй Даши. В этой связи сведения С. Ахсикенди об имаме Ибрахиме, сформировавшем правое и левое крыло кыргызов, а также сообщение аль-Марвази о принятии кыргызами ислама следует рассматривать в контексте этнополитических процессов, предшествовавших каракитайским нашествиям. По-видимому, караханид Ахмед Харун и его сын Ибрахим Ахмед сумели сплотить вокруг себя кыргызов и родственные

им племена — аз-шарийа, басмылов и ягма — для совместной борьбы против каракитаев. В 1128 г. Ахмед Харун, возглавив кыргызов, нанёс Элюй Даши крупное поражение, отбросив его войска далеко на восток. Вероятно, память об Ахмеде Харуне (1103–1130) и его борьбе с каракитаями нашла отражение в эпосе «Манас», где одним из главных противников Манаса выступает Жолой.

Анализ миграции восточных племен на запад и родословной кыргызских племен С. Ахсикенди больше говорит о том, что этногенез кыргызского народа проходил в двух регионах на Саяно-Алтае и Тянь-Шане. В этой связи заслуживает внимания сообщение Гардизи о племенной структуре алтайских кыргызов, согласно которому кыргызы состояли из шести багов: сокола, коровы, ветра, ежа, сороки и красивого дерева [79. – С. 46–48]. Тотем сокола у тюркских народов, как правило, был связан с аристократическим кланом. В средние века синоним тотема сокола— чагры (чакыр) использовался в качестве титула у огузов, караханидов, сельджукидов и енисейских кыргызов. Особого внимания заслуживает тот факт, что политическим центром одного из племен союза нушиби — басайганов (барсканов) — выступал город Байшункур (Байшумкар), занимавший важное место в политической организации региона. Возможно, басайган был тотемическим именем племени барскан, а сокол байшункур (байшумкар) – его титульным или тронным именем. Гардизи отмечал наличие у алтайских кыргызов родов с тотемом сокола, собаки-кючюка и ряда других [79. – С. 46–48]. Не исключено, что племя басайган (барскан) представляло западную ветвь енисейских кыргызов с тотемами сокола-шумкара и барса, к которому относился Барсбек каган. В этом случае, нельзя исключить того, что байшункуры (сокол) могли иметь родственные связи с племенами жагалмай (соколо-дербник), которые оставили свой след в местности Жагалмай, где в средние века кочевали ягма [5.- С.302.]. Возможно, к племенам с тотемом сокола также следует отнести племя чагры [453.- С.68], которое мигрировало на Тянь-Шань в купе с союзом племен аз-шарийа в XIв.

Следовательно, миграция ягма на Тянь-Шань в VIII в. не была случайной. Байшумкар и ягма, чагры могли представлять разные поколения одного и того же племенного объединения енисейских кыргызов с тотемом сокола, переселившиеся на Тянь-Шане еще до кара китайских нашествий.

Тамга и тотем сокола являлись важными элементами политической символики древних кыргызов, отражая особенности их этнической идентичности и социальной организации. Еще С. М. Абрамзон отмечал:« Наибольший интерес представляет тот факт, что тамга племени цзегу (киргут, т.е. древних кыргызов) идентична тамге (жагалмай тамга и жаа тамга), распространенной у крупных в прошлом киргизских племен правого крыла: бугу, сарыбагыш, черик, монолдор, азык, а также у части

подразделений племени саруу левого крыла» [5.-С.45]. Примечательно, что проведенная Н. Г. Маллицким «кара-киргизская» (т. е. общекиргизская) тамга имеет сходное начертание с тамгой цзегу [5.-С.45]. Далее С.М. Абрамзон пытался связать этноним «ягма» с топонимом жагалмай, обнаруженного в горных сыртах Прииссыкулья, где в прошлом (VIII-XII века) жило древнетюркское племя ягма [5.- С.302.]. С. М. Абрамзон отмечает наличие жагалмай тамги ни только у крупных племен разошедшихся от Тагай бия бугу, сары багыш, черик, монолдор, но и Адыгине кара багыш, мунгуш, баргы и сарттар [5.- С.302.]. Причем, двое из которых кара багыш и мунгуш упоминались в родословной С. Ахсикенди в качестве аристократических кланов правого крыла кыргызов. Племена из группы адыгине кара багыш, мунгуш, баргы интересны еще тем, что все они кыргызов связывают с территорией Западной Монголии, где в средние века находились кыргызские улусы Кяньчжоу и Ус, а также владение Байырку. В монгольскую эпоху последние назывались Кэм-Кэмджиут, Усуту-мангун, Анхэла и Буркуджин Токум, где жили булагачины, керемучины, толосы, усуту-мангуны (кыргызы), тайджиуты, баргуты, мангуты, и другие монголоязычные племена, что находит подтверждение этнографическими материалами.

Согласно одного из основных сюжетов эпоса «Манас» «О гибели Манаса», кара калмак Токтак, сын Кыянку, выстрелом из лука в голову убил Манаса [365.- С.80.]. Баатыра похоронили в местности Баяндынын Талаасы [369.- С. 80.]. И.Молдобаев местность Баян Талаа [365.- С. 80.], сопоставил с местностью Баян Талаа Ховузу, где по показаниям стариков …, издревле жило основное ядро тувинцев (монгушы, кыргызы, куулар)» [365. – С. 125.]. Нами установлено, что западномонгольский гидроним «Барык», который И. Молдобаев отождествил с названием эпического народа Барык-Балакчан эли, упомянутого в радловской записи эпоса «Манас» [365. – С. 125], имел прямое отношение к тувинским племенам кыргыс, монгуш и тонгак.

Таким образом, анализ сведений из исторических источников больше мере связывает кыргызов с Енисеем, Алтаем и Западной Монголией, где в связи с ликвидацией гегемонии тогуз огузов, закрепились кыргызы и стала доминировать и влиять кыргызская культура, язык. Кыргызы переносили савку кагана два раз переносили ставку кагана, первый раз в район реки Тез в районе гор Танну Ола, второй раз – Кэмкэмжиут, в район Улухема, что повлияло на дальнейшей истории региона. Согласно Рашид ад-Дин кыргызы в монгольскую эпохи имели два крупных владения Кыргыз и Кэм- Кэмджиут как смежные друг с другом улусы и номинально входившие в одно «владение». Т.е. территория Минусинской котловины и Западная Монголия представляли одно большое кыргызское владение. Кыргыз также контролировали Алтай. Кыргызы в короткий срок возродили свои древние связи с местными племенами и положили началу динамичному развитию и

культурному обогащению региона. Обнаруживаемые следы культуры кыргызов в быте и культуре современных народов хакасов, алтайцев и тувинцев позволяет говорит о том, что Минусинская котловина, Алтай и Западная Монголия длительное время находилась под влиянием кыргызской культуры. Причем, влияние кыргызов находит подтверждение ни только по ДНК исследованиям [362. – С. 70], но и археологическими и этнографическими материалами.

Отметим, что Р. Г. Кузеев, И. Молдобаев, В. В. Тишин и ряд других исследователей проводили параллели между некоторыми кыргызскими и тувинскими этнонимами, в том числе: кыргыс [175. – С. 63], мунгуш/монгуш [363. – С. 95], долос/толос/тюлюш [477. – С. 215], сары/сарыглар [363. – С. 95], саруу/сарыглар [363. – С. 95] и др. В этом контексте представляет интерес работа А. М. Мокеева, который связывает имя Долон-бия с названием тувинского племени долаан [175. – С. 63], восходящим, по его мнению, к названию древних племен теле [360.- С. 52; 448.- С. 86]. Далее Мокеев приводит мнение С. М. Абрамзона, связывавшего восточнотуркестанских долонов с кыргызами [5.- С. 40]. Это позволяет сопоставить этнонимы долаан/долан/толан [175. – С. 63] и долон с кыргызскими антропонимами «Долон бий» и «Долос», а также с названием алтайского племени толос и восточнотуркестанских долонов. Совокупность этих данных позволяет предположить наличие исторической связи между данными этнонимами и антропонимами, восходящими к древнетюркскому и кыргызскому этнокультурному кругу. Более того, это также оправдывает мнение В. С. Таскина, относившего динлинов к тюркоязычному населению, в период своего расцвета занимавшего обширную территорию «к юго-западу от Байкала до Алтая» [470.-С. 136, прим. 111]. Это находит подтверждение археологическими материалами. В частности, Д. Г. Савинов отмечал, что динлины и гяньгуни могли иметь отношение к раннему этапу истории енисейских кыргызов [434.-С.7]. Ряд ученых-археологов [497, 182.] связывали тагарскую культуру с енисейскими кыргызами.

Анализ отдельных аспектов материальной культуры, образа жизни, быта, обычаев и традиций современных кыргызов позволяет проследить их связи с территориями Саяно-Алтая и Западной Монголии, где в древности фиксируются цзянькуни (кыргызы) и динлины [470. – С. 41, 136, прим. 111]. Складывается впечатление, что одна из наиболее распространенных традиций кыргызов — преподношение уча самому старшему и уважаемому человеку в общине или почетному гостю — сложилась еще в глубокой древности, в эпоху первобытно-родового строя, когда население Минусинской котловины и Саяно-Алтая занималось преимущественно охотой [216. – С. 60]. Согласно исследованиям, обычай преподношения уча у саянских тюрков зародился в зачаточной форме еще у охотников первобытного общества, а его расцвет пришелся на неолитический период

[216. – С. 60]. У саянских тюрков эта традиция хорошо сохранилась как у охотников, так и у скотоводов [121. – С. 53–58]. У саянских тюрков, хакасов, тувинцев уча относилась к наиболее почетным частям туши и преподносилась наиболее старшему и уважаемому человеку. С. М. Абрамзон отмечал, что у алтайцев и тувинцев наряду с грудинкой общим с рядом групп северных и южных кыргызов почётным куском туши являлся крестец — уча, ужа, связывая эту традицию с их историко-этногенетическими связями [5 – С. 161]. У хакасов уча также преподносилась в качестве почетного дара, а у тувинцев ужа — задняя часть туши с хвостовой частью — предназначалась наиболее почётному гостю [121. – С. 58]. Показательно, что сходная традиция сохранялась и у тувинского племени кыргыс: наиболее старшему и уважаемому человеку подавались грудинка — дош и ужа [524. – С. 51]. У алтайцев, помимо уча, почётным гостям и сватам подавались также төш (грудинка) и жалмаш (тазовая кость). У тяньшаньских кыргызов к числу наиболее почетных частей относились голова, жамбаш и крестец, тогда как төш имел особый статус и предназначался дочери хозяина дома. У казахов в отличии от кыргызов и других основными почетными частями являлись голова и жамбас, а төш традиционно подавался зятю.

Следовательно, из всего вышеизложенного можно полагать, что исторические, археологические, этнографические и генетические материалы [362. – С. 70] подтверждают древнюю связь кыргызов с Енисеем, Алтаем и Западной Монголией, где происходило их формирование и складывалась общая история с народами региона — алтайцами, хакасами и тувинцами.

Важно отметить, что следы средневековых кыргызов обнаруживаются на землях, относившихся к бывшей кыргызской области Кэм-Кэмджиут, где наблюдается компактное проживание тувинских племенных групп кыргыс и монгуш, которые, вероятно, находились в тесных этногенетических и этнокультурных связях с тяньшаньскими кыргызами. Представители племени кыргыс встречались в селениях Барык, Хайрахан и Улук-Хем. В Барыке кыргысы жили вместе с монгушами и другими группами. Кыргысы также компактно проживали в населённых пунктах в районах рек Ийи-Тал и Кара-Тал, а также Эйлиг-Хем, расположенных преимущественно в бассейне и верховьях Улуг-Хема. Тулуши (кыргыз. долос) также относят себя к местности Ийи-Тал и считают себя выходцами из этой местности. Представители племени «кыргыс» населяли также долины рек Эйлиг-Хем, Куйлук-Хем, Демир-Суг (правый приток Енисея), начиная от горы Буура далее на запад, вдоль цепи вытянутых хребтов Ийме по правой стороне Енисея. На севере граница земель проходила по Куртубишинскому хребту [524. – С. 49].

Сказители старины рассказывали об особом почитании представителями племени кыргыс священной горы Буура (верблюд), расположенной на северо-западе Улуг-Хемской котловины, в 20 км к северу

от тувинского города Шагонара. В честь этой горы представители различных тувинских племён ежегодно проводили обряд омовения, в котором участвовали и представители племени кыргыс. Окрестности горы Буура представители этого племени называли священной землёй предков и родиной кыргысов.

Отметим, что связь тувинского племени кыргыс со священной горой Буура может указывать на существование этногенетических и этнополитических связей между средневековыми кыргызами и ягма, которые также носили тотем бугра (верблюд). Стало быть, не случайно, в X веке анонимный автор сочинения «Худуд ал-Аалам» кыргызов и ягма помещал в районе средневекового города Кашгар. Вполне возможно, что ягмийцы и кыргызы Кашгара являлись выходцами с районов священной горы Буура, что указывает на связь кыргызов с тюргешскими азами и тухсы, которые отмечались вместе с ягма в источниках X-XIвв. Т.е. кыргызы, ягма, азы и тухсы могли быть родственными группами.

Отметим, что еще С. М. Абрамзон обращал внимание на то, что в землях, где ранее обитали ягма — в Иссык-Кульской и Нарынской областях, — кыргызские племена, предки которых упоминались в родословной С. Ахсикенди сары багыш и бугу носили родовые тамги «жагалмай тамга» [5. — С. 43, 302]. С. Абрамзон пишет, что тамга жагалмай в основном встречается у родоплеменных групп крупных племен правого крыла разошедшихся от Тагай бия-бугу, сарыбагыш, а также азык, саяк, черик, монолдор, кара багыш, мунгуш, баргы, а также родовых подразделениях саруу [5. — С. 43, 45, 302]. У северных кыргызских племен, особенно, Иссык-Кульской области, у представителей племен бугу в традиции преподносить уважаемому гостю уча конины. Бугинцы, возможно, представляли собой потомков западных пугэ Западной Монголии, мигрировавших в VIII в. в Прииртышье, а позднее переселившихся на Тянь-Шань. Отметим, что названия последних трех из вышеперечисленных племен- кара багыш, мунгуш, баргы указывают на связь их предков с территорией Западной Монголии, откуда мигрировало ягма на Тянь-Шань в VIIIв. Вполне возможно, что племя жагалбай (сокол) или чагры (сокол) начало свою миграцию с района Баян Талаа Ховузу (Тува), где наблюдалось компактное проживание тувинских родов кара монгуш, монгуш, кыргыс и куулар.

Следует отметить, что племя с тотемом сокола, по-видимому, длительное время сохраняло свое присутствие на Тянь-Шане и являлось одним из этнических компонентов средневековых кыргызов. Очевидно, неслучайно С. Ахсикенди указывал клан мунгуш в числе аристократических кланов кыргызов. В родоплеменной структуре кыргызов мунгуши с тотемом хищной птицы жагалмай (сокол- дербник) также признавались в качестве одного из аристократических кланов правого крыла. В то же время

тувинские монгуши с родовой тамгой с начертанием сокола жагалмай в полете считались этносообразующим племенем. Следовательно, племя сокола, упоминаемое Гардизи, вероятно, считалось одним из аристократических кланов кыргызов, господствовавших в Западной Монголии, потомками которых могли быть тувинские роды кара-монгуш, монгуш, кыргыс и куулар. Т.е. племя сокола Гардизи могло быть предком тувинских племен кыргыс и монгуш и кыргызских мунгушей, которые имели родовую тамгу со схожим начертанием, в виде птицы в полете. У кыргызских мунгушей она известна под названием «жагалмай тамга» («тамга сокола»). Как отмечал С. М. Абрамзон по своей форме она сопоставима с тамгой племени цзегу (киргутов, то есть древних кыргызов) и идентична «жагалмай тамге» («жаа тамге»), широко распространенной в прошлом преимущественно среди крупных кыргызских племен правого крыла кыргызов [5. – С. 45]. Вполне возможно этноним происходит от слияния двух слов «муун» (поколение, род, клан) или «мон» («знак», род с отличительным знаком) и «куш» («сокол»), т.е. буквально аристократическое племя с тамгой или знаком сокола.

Следовательно, кыргызы и мунгуши, переселившиеся на Тянь-Шань под предводительством Долонбия, предположительно представляли западную группу тувинских племен — кыргыс, монгуш, кара-монгуш и куулар, локализуемых в районе Баян-Талаа и Ховузу на территории современной Тувы [365. – С. 125].

Султан Бабур в XVIв. одну из групп племени с тотемом сокола упоминал под именем чограк (чарак, чагрек, чегерек), кочевавшем «к востоку от Андижана между Ферганской долиной и Кашгаром» [5.-С.48.]. В 1950-годы С М. Абрамзоном были обнаружены его мелкие родовые группы, которые относили себя к осколкам племени чогорок (чограк). Потомки чограков были выявлены в составе ряда кыргызских племен тейитов, бостонов и нойгутов [5.-С.48.]. Однако, в родоплеменном составе вышеотмеченного племени мунгуш также встречались роды мангыт, соколок (чогорок), жапалак и жагалмай с тамгой аналогичным названием. Соколок и жапалак вполне сопоставимы с нойгутскими «чогорок», «жабалак» и «жабайи». Последние, видимо, представляют видоизмененные варианты или стяженные формы этнонима жагалмай. Можно сопоставить «жабалак» «жабайи» и «жапалак». Не исключено, что чограк (чарак, чагрек, чегерек) и ягма (ягра/к, ягарбойлы, ягалмай) восходят к одному племенному объединению с тотемом сокола. В таком случае их история может отражать процесс поэтапной миграции части саяно-алтайского населения на Тянь-Шань с последующим сохранением различных вариантов этнонима.

Отсюда племя енисейских кыргызов с тотемом сокола можно отождествить с тюргешским объединением ягма, имя которого, по-видимому, представляло стяженный вариант от названия хищной птицы

соколиной породы жагалмай или йагалмай. Очевидно, ягмийцы вместе с онгутами (нойгутами) представляли одно из объединений кыргызов, которые постоянно переселялись с юга на север и наоборот.

Анализ исторических источников и генеалогических преданий показывает, что племена с тотемом сокола-жагалмай (чагры) мигрировали с территории Западной Монголии на Тянь-Шань в трех этапах. Первый этап приходиться к эпохе реваншистской политики правителей Второго Восточно-Тюркского каганата. Князья ягма поступая на службу Тюргешскому кагану писали: «мы пришли служить тебе, если будет дано позволение, мы будем совершать набеги во все стороны» [66.-С. 526]. В племени ягма (от тотема «жагалмай-дербник») можно видеть одну из групп енисейских кыргызов, относящихся к племенам Кыргызского владения Ус Западной Монголии, имевшую родовую тамгу «жагалмай». Т.е. первые группы племен ягма- жагалмай мигрировали примерно в одно и тоже время с азами, кыргызами и чиками из степей Западной Монголии в VIII веке. Видимо, ягмийцы, чаграки с тотемом сокола имели этногенетические связи с предками современных тувинских племен кара монгуш (тысяча соколов-жагалмай куш) и кыргыс с родовыми тамгами со схожим начертанием к кыргызской тамге «жагалмай».

Второй этап связан с периодом правления Котян хана, когда в связи с усилением кара китаев ряд восточных племен кимако- кыпчаков во главе с аз-шарийа из кыргызов мигрировал на Запад. Кыргызов также представляли чаграки (чограки, чогороки/сокол [396.-С.68.]. Согласно мамлюкских источников кыргызские племена аккубул и мунгуш [494.- С.126-128.] продвигались на запад в составе народа хана Котяна из степей Западной Монголии и достигли древнерусских степей. Потомки последних вошли в состав более поздних тюркских этносов. В этническом составе современных башкиров, казахов и кара калпаков встречались племена с тотемическими названиями дербника-сокола яглыбай, жагалбайлы, жагалтай. Этноним «жагалмай» (яглыбай») наряду с «мунаш» (ср. с «манас») встречался и родоплеменной структуре башкирского племени бурзян.

Третий этап связан с периодом возвышения Чингиз хана, когда кыргызские правители Долон бий и Муратай бежали на Тянь-Шань, о чем говорили или чуть выше. В эту эпоху мунгуши находят чограков С. Бабура и сливаются с ними на Тянь-Шане.

Следовательно, имевшийся на руках материал и его анализ говорит: во-первых, в пользу поэтапной миграции кыргызов на Тянь-Шань, во-вторых, кыргызы мигрировали не большими группами, которые прибыв на запад сливались со своими тяньшаньскими соплеменниками.

Отсюда можно сделать вывод, что С. Ахсикенди в своей книге «Маджму ат-Таварих» отражал как древнее присутствие кыргызов на Тянь-Шане со времен тюркских государств, так и последующее прибытие сюда

новых кыргызских племен в эпоху Кыргызского Великодержавия, кимако-кыпчакский и монгольский периоды.

Следовательно, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что кыргызы могли сформироваться как этнос еще раньше, чем предполагалось. Становится очевидным, что кыргызы были образованы как этнос в эпоху Барсбек кагана, а эпоху Великого Кыргызского каганата кыргызы вступили в активную фазу миграционных и этнических процессов, когда последние обеспечили себе полную свободу передвижения по степи и в связи с чем большинство степных племен сами начали принимать этноним «кыркыр» или «кыргыз». К концу XI в. общественная структура кыргызов уже была сформирована и она была очень схожа со структурой, зафиксированной С.Ахсикенди, где мы обнаруживаем те же племена кыргызов, которые участвовали в миграционном процессе, возглавляемом племенем аз-шарийа – аккубул, монгуш, дурут, жамгар/жамгырчы [494.-С.126-128.] и т.д.

В связи с этим в монгольский период, по мере усиления давления с востока, кыргызские племена постепенно покидали свои исконные территории и переселялись на Тянь-Шань, где происходила их дальнейшая этнополитическая консолидация.

Итак, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в сочинении С. Ахсикенди «Маджму ат-Таварих» отражены разные события, имевшие место в жизни кыргызов, рассказанные в эпической форме с напластованиями, охватывавшие длительный период времени, начиная с IX-Xвв. до XVIв. В сочинении С. Ахсикенди, пусть и с определенными напластованиями, отражены период кара-китайской экспансии на земли кыргызов, монгольские нашествия на Среднюю Азию, а также этнополитические связи кыргызов с Золотой Ордой и Моголистаном. В этом отношении с. «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди в определенной мере перекликается с сведениями из книги Утемиш-Хаджи «Чингиз намэ», где говориться об этнополитических связей между Токтамыш ханом и союзом племен аз-ширинов, бахринов, аргынов и кыпчаков. С. Ахсикенди подтверждает существование этнополитической связи между Токтамыш ханом и племенами союза аз-ширинов, куда входили бахрины, байри, аргыны и кыпчаки [58. - С. 46], а также улусами Анга Торе, Салучи Булгачи в Притяньшанье.

Однако, тюрко-монгольские племена, которые были разделены Чингиз ханом между его четырьмя сыновьями тоже жаждали свободы и независимости и пытались всячески обосновать свое благородное происхождение, чтобы быть на равных с потомками Чингиз хана, реальными хозяевами положения в чингизидских государствах, в частности Золотой Орде и Моголистане.

Именно поэтому С. Ахсикенди в своей книге пытается чрезмерно возвеличить личность Онг хана кераитского, который был представлен правителем Золотой Орды и предком Токтамыш хана и Анга Торе (по генеалогии князя), который имел двоих сыновей Акматбека (Ахмед хана) и Мухаммедбека (Мухаммеда Кыргыза). И это оправдывалось тем, что, с одной стороны, чрезмерное возвеличивание личности Онг-хана отражало дух времени и соответствовало стремлению к этническому возрождению кыргызов и других тюрко-монгольских племен, входивших в состав Золотой Орды и Моголистана. С другой стороны, С. Ахсикенди, превознося личность Онг хана, стремился тем самым повысить статус Анга Торе до уровня хана Моголистана. Тем самым С. Ахсикенди выстраивал такую генеалогическую линию, которая в случае безвременной или неожиданной смерти Ахмед-хана должна была обеспечить плавный переход власти к единственному «наследнику» Анга Торе — его второму сыну Мухаммедбеку, также известному как Мухаммед Кыргыз. Впоследствии именно так и произошло: в 1504 году умер Ахмед-хан, правитель Моголистана, а в 1508 году кыргызы провозгласили Мухаммеда Кыргыза своим ханом.

Таким образом, особенность и ценность сведений «Маджму ат-Тавариха» как памятника старины в том, что в нем отражены хоть и напластованиями исторические события с середины IX века до XVI века в Центральной Азии и чингизидских государствах в Золотой Орде и Моголистане и приводиться полная версия родословной кыргызского народа, что указывает на завершение процесса консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане в монгольский период.

Глава 3. Тюргеши, кыргызы и другие кочевники Притяньшанья и сопредельных регионов в миграционных и этнических процессах в VIII–XII вв.

§ 1. Об изменениях этнополитической ситуации в Притяньшанье и сопредельных регионах в тюркский период (в VIII–X вв.): миграционные и этнические аспекты.

Важную роль в истории кочевников Притяньшанья и сопредельных территорий сыграли исторические процессы, развернувшиеся в Центральной Азии в VI–VIII вв. и связанные с завоеваниями тюрок-ашина, а также с формированием Великого Тюркского каганата, оказавшего заметное влияние на развитие кочевых племен на протяжении всего тюркского периода.

Отметим, что в VI в., после того как тюрки уничтожили гегемонию жужаней и установили свою власть в восточной части Центральной Азии, Истеми-каган, утвердив свое господство на Тянь-Шане и разгромив эфталитов в Средней Азии, существенно изменил этнополитическую ситуацию в регионе, открыв широкий путь процессу его тюркизации.

В VI веке Истеми-каган покорил племена владений Йегу, Юэбань и Канцзюй, включив их в состав вновь созданного союза племен он ок будун — нушиби и дулу. Во главе племенного союза нушиби он поставил своего сына Туркcангфа [547. – С. 47.] с титулом тегин (техсин, тухсин), который управлял с помощью племени тухсы. Племена нушиби состояли из двух племен асиги, двух гешу и одного басайгана. В научной литературе название племени басайгань отождествляется с барсханом, а первую часть имени предводителя нушибийцев, Басайгань Тунь-шаболо-сыцзинь, расшифровывают как Барсхан Тун-ашпара эркин из племенного союза нушиби [202.–С. 48, 50, 53; 396.–С. 68]. По мнению Я. Пилипчука, китайцы, племя, к которому относился Себук тегин, выходец из города Барсхан, отмечали этнонимом басайгань [396.–С. 68], что транскрибируется как барсхан (<b'uat - sai - kan < barsqan) [202.–С. 50]. Племя барсхан в источниках впервые упоминалось в 651 году. Его имя встречалось наряду с азами, тухсы и чигилями в составе Западнотюркского (Тюргешского) каганата. В период господства тюргешей азы (асиги) и тухсы [26. – С. 1287–1289; 25. – С. 23–24] составляли ядро кара тюргешей. Вероятно, Барсхан также представлял собой один из аристократических кланов азов или тухсы с политическим центром в городе Байшунку/р (позже Исфиджаб) [100.–С. 218.], исповедовавших манихейство. Это позволяет предположить, что под двумя племенами асиги, двумя объединениями гешу и басайган союза нушиби следует понимать объединения азов, упоминаемых восточными авторами [26. – С. 1287–1289; 25. – С. 23–24]. Это, в свою очередь, дает основание видеть в них, а также в целом в племенах союза нушиби,

кыргызов-йегу китайских хроник и херхезов Менандра [186. – С. 8]. Истеми-каган передал управление над племенами дулу вождям клана чумук [166. – С. 220.], представлявшего племя среднеазиатских хунну чумугунь.

Происхождение этнонимов «чумук» и «чумугунь» может быть связано с тотемом пегого или пятнистого ворона, который, согласно М. Кашгари, назывался на огузском языке «чумгук» или «чумук» [255.-С. 99]. В научной литературе семантику слова «дулу» также пытались связать со среднеперсидским «duli» (ворон) [200.-С. 25; 179.-С. 14]. В этом контексте этноним «дулу» мог быть калькой слов «чумук» и «чумугунь». Название «чумугунь» можно сопоставить с формой этнонима среднеазиатских хунну «чуми» [147.-С. 217], а также с именем персидского царя Бахрама Чубина, известного своим прозвищем «Ворон» [147.-С. 162]. Аналогично, племена хунну, в названиях которых встречалось слово «чубань», могли быть связаны с этнонимом «юэбань», что, возможно, указывало на масть или цвет тотема («пегий», «пестрый»). Тотем пегого ворона может также указывать на связь чумугуней с усунями и племенем алат-алакчынов, соседей енисейских кыргызов. Одним из оснований для локализации кыргыз-йегу в тюркский период на Тянь-Шане являются сведения китайских хроник, согласно которым в событиях 651 г. кыргызы-йегу упоминаются вместе с чумугунями и племенем хосинь, обитавшими на территории между Южным Алтаем и Восточным Тянь-Шанем [151. — С. 259–260].

Стало быть, среднеазиатские хунну, переселившись в земли усуней, стали соседями кыргызов-йегу и канцзюйцев, что позволяет предположить возможное тождество усуней (союз племен аз, ус ис) и йегу (племя аз).

Следовательно, основу союзов племен нушиби и дулу составляли два крупных объединения Восточного Притяньшанья — йегу (кыргызы) и юэбань в лице чумугуней. Исходя из этого, можно предположить, что ранее, в составе племенного союза усуней, они представляли два его основных объединения, связанные с тотемами волчицы и ворона. Отсюда уже можно с достаточной уверенностью говорить о тождестве рунических азов и тюргешских азов, которых на западе, в союзе племен Нушиби представляли два племени — асиги (азов) [200. – С. 177], а на востоке — два владения азов, локализованных И. В. Кормушиным в районе Енисея и Западных Саян [284.-С. 12; 115.-С. 71].

Анализ показывает, что племена чумугуни, асиги, тухсы, басайганы и гешу имели тесную связь с йегу. Следовательно, Канцзюй, Йегу и Юэбань были родственными владениями, которые впоследствии вошли в состав Западнотюркского (Тюргешского) каганата. Соответственно, с объединениями последних были связаны союзы племен нушиби, дулу и кангаро-печенегов Семиречья.

Этнополитическую основу Тюргешского каганата, возникшего в 704 году на месте Западнотюркского государства, составляли племена, ранее

входившие в состав державы тюрков-ашина. Л. Н. Гумилев утверждал, что тюргеши состояли из двух объединений: мукри и абаров [147.-С. 353]. Народ делился на сары (желтых) и кара (черных) тюргешей. По его мнению, основатели государства Учжилэ и Согэ относились к желтым тюргешам, тогда как возродивший тюргешскую государственность Сулук-каган происходил из черных родов [147.-С. 353]. Ю. Зуев отмечает, что азы возглавляли кара-тюргешей [202.-С. 50]. Между тем, согласно исследованию В. Я. Бутанаева, основывающегося на надгробной надписи, найденной у озера Алтын-Коль, первые правители — Уч-элик каган, Сакал каган и Ченг бек — происходили из клана езгене, связанного с азами [389.-С. 153; 26.-С. 1287-1289]. Азы Алтая и Западной Монголии сыграли важную роль в формировании тюргешского племенного союза. Т. е. азы, как мы отмечали ранее, представляли кыргызов в Западнотюркском (Тюргешском) каганатах [26.-С. 1287-1289; 25.-С. 23-24].

Тюргеши унаследовали дуальную политическую систему Западнотюркского каганата, подразделяясь на сары- и кара-тюргешей. Сары-тюргеши считались главными (ак сакалами) и управлялись представителями аристократического клана езгене из племени азов [389. – С. 153; 26. – С. 1287–1289; 25. – С. 23–24]. Очевидно, что Уч Элик-каган, стремясь контролировать сары-тюргешей, опирался на одно из их крупных объединений — племя мукри (мукринов, мохэ). Подобно Истеми-кагану, поставившему во главе тухсы своего сына Туркcанфа (Тухсана) с титулом тегин и тем самым подчинившему объединение нушиби, Уч Элик-каган через мукринов властвовал над сары-тюргешами. Кара-тюргеши, считавшиеся второстепенными, возглавлялись представителями кланов азов и тухсы.

С первых лет существования Тюргешский каганат стремился укрепить свои позиции в регионе и противостоять Второму Восточнотюркскому каганату, поддерживая в этой борьбе Барсбек-кагана. Одновременно тюргеши усиливали свои рубежи за счет кочевых племен, мигрировавших с востока и спасавшихся от преследований кок-тюрков, — азов, чумугуней, ягма, чигилей, кыргызов и др. Рассчитывая на их поддержку, они создавали на границе буферные владения на случай войны со Вторым Восточнотюркским каганатом. Так, вожди ягма открыто заявляли о своей верности Тюргешскому кагану: «Мы пришли служить тебе; если будет позволено, будем совершать набеги во все стороны» [66. – С. 526].

Согласно Терхинской надписи, в год собаки, в 746 году уч-карлуки бежали на запад «в страну народа десяти стрел» [265.-С. 94.]. Бежали чигили (чжисы), булаки (мэуло) и ташили [69.–С. 186–187]. Примерно в это же время мигрировала группа племен чумугуней. М. Т. Тынышпаев отмечал, что после событий 742–744 гг., когда чумугуни проиграли объединенным силам тогуз-огузов и карлуков, племя разделилось на две группы: одна

большая часть была вынуждена бежать на запад и образовала объединение кара-кесек на Урале, а меньшая группа, под защитой гор, через Кашгар переселилась в Ферганскую долину, где сформировала два крупных объединения — кесек и теит [485.–С. 24]. Здесь они поселились в низовьях Сыр-Дарьи, к востоку от Аральского моря.

В VIII в. правитель западных тюрков воспринимался как покровитель последователей манихейства на Востоке, вплоть до Китая. Это, вероятно, стало одной из причин миграции восточных племен на Тянь-Шань в период реваншистской политики Второго Восточнотюркского каганата и появления в регионе манихейских городов- центров. В этом контексте показательно сообщение М. Кашгари о манихейском происхождении этнонима «чигиль» в связи со средневековым городом Чигиль в Таласе:«Когда Зу-л-Карнайн (Александр Македонский) дошел до страны Аргу, тучи пролили потоки воды, и дорога стала грязной, что вызвало большие затруднения. Он сказал по-персидски: «Ин чи гиль аст?» – «Что это за грязь, мы никак не избавимся от нее?!». И приказал возвести здесь постройку. Так была построена крепость, которая теперь называется Чигиль. Потом те из тюрок, кто поселился в этой крепости, стали называться «чигиль». Позже это название распространилось… И тех, кто одевался по-чигильски, т.е. всех тюрок, живущих от Джейхуна до Верхнего Китая, стали называть чигиль, что является ошибкой» [257.-С. 304; 205.-С. 22].

Исследователи усматривали в этом сообщении следы манихейской традиции. В частности, высказывалось мнение, что этноним «чигиль» мог обозначать тюрков-манихеев, ассоциировавшихся с особой чигильской одеждой (uzun tonluğ) [547. – С. 219]. В связи с этим Ю. А. Зуев рассматривал «чигиль» как манихейский термин, выделяя его носителей среди тюргешских племен, позднее вошедших в состав карлуков [200. – С. 191]. Т. е. «чигиль» использовался в качестве синонима слова «манихей» [26.-С. 1285-1286.]. Ю. А. Зуев связывал этноним «чигиль» с персидским словом «чил», что значит «сорок».

Следовательно, упоминаемый М. Кашгари город Чигиль в стране Аргу мог быть одним из религиозно-политических центров тюркских кочевников-манихеев в Таласской долине. Однако ко времени самого М. Кашгари чигили и другие тюрки этого региона уже исповедовали ислам, что, по-видимому, и объясняет его оговорку о неправомерности распространения этнонима «чигиль» на всех тюрков от Джейхуна до Верхнего Китая [257 – С. 304; 205. – С. 22; 200. – С. 191].

Ю. А. Зуеву удалось установить названия двух тюргешских племен, упомянутых у Гардизи, чтение которых ранее оставалось неясным. На основе сопоставления сведений Гардизи с данными анонимного автора «Худуд ал-Алам» и М. Кашгари он пришел к выводу, что речь идет о тухсыйцах и азийцах (тухсы и азы). При этом азийцы, по его данным,

обитали между Суябом и Узкентом [200. – С. 152]. Согласно источнику, племя «азы» в «Худуд-ал Алам» упоминается как одно из двух племен тухсы под названием лазийна, что реконструировано как «ал-азийа» или «азы». Эти азы упоминаются в древнетюркских надписях и трудах мусульманских писателей [565.-С. 300-302; 200.-С. 154-155]. В «Худуде…» тухсы отмечались в непосредственной связи с чигилями. В источнике сообщается: «К востоку от нее – пределы чигилей, на юге – халлухи (карлуки) и их гористые пристанища, на западе – часть хирхизов (кыргызов), на севере от нее – чигили. Эта область еще богаче области чигилей» [345. -С. 50; 200. – С. 154].

Следует отметить, что Ю. А. Зуев определил два географических объекта, связанных с названием Аргу-таг. Оба массива, по его мнению, имели прямое отношение к древним азам и кыргызам, в связи с чем можно предполагать возможность миграций вышеотмеченных групп с юга на север и в обратном направлении. Первый собственно гора Аргу-таг, или Белые горы, — располагалась в Восточном Туркестане [100.–С. 41; 200.–С. 205], где жили кыргызы-йегу (горы Байшань) [103.-С. 358; 200.-С. 205.]. Второй объект находился севернее — в районе священного Серебряного источника Аркуй-булак (кит. Алэхуй-булахэ), который, согласно источникам, располагался к востоку от земель енисейских кыргызов-цзянькунь, предположительно в пределах владения азов «Йирим Аз» [330.-С. 62,67; 284.-С. 12; 115.-С. 71]. Ю. А. Зуев сопоставляет Аргу-таг (Белые горы) в Восточном Туркестане [100.–С. 41; 200.–С. 205] и Аркуй-булак с источником, упомянутым у подножия Серебряной горы Монгур (Манкур) — в землях семи кимакских племен, описанной ал-Бируни [200.-С. 124.].

Следовательно, миграция восточных племен — ягма, чигилей, азов, енисейских кыргызов — еще более усилила позиции манихейства на Тянь-Шане и, по-видимому, способствовала его распространению в Семиречье. Не исключено, что под влиянием манихейской традиции тюркские племена, исповедовавшие эту религию, могли отказываться от прежних самоназваний и принимать новые этнонимы и топонимы, в том числе «аргу» и «чигиль». В этом контексте страну Аргу и чигилей-манихеев можно предположительно связать с азами или кыргызами, которые могли мигрировать с земель древних азов или усинцев-манихеев, живших к востоку от Енисея. Т. е. под племенами аргу и чигиль можно предполагать азов (кыргызов) или усинцев Западной Монголии.

Отметим, что азы являлись одним из аристократических племен енисейских кыргызов и обладали собственным владением Ус в степях Западной Монголии. В «Юаньши» происхождение усинцев также связывается с числительным «сорок». Согласно генеалогии, усинцы, или кыргызы, произошли от сорока девиц из страны Хань, вступивших в брак с мужчинами из владения Усы. Далее говорится, что в связи с этим

впоследствии земли усинцев стали называть Кыргызской землей. [345.-С. 53; 356.-С. 75–76]. Связь этнонимов «чигиль» (от перс. «cihil/сорок») и «ягма» («qirq jagma – сорок ягма») [200.–С. 257] с числительным «сорок» также может указывать на этногенетическую и этнополитическую связь последних с усинцами или азами (кыргызами), в названии которых присутствует числительное «сорок» («кырк»).

Яркими представителями аристократического клана азов были Барсбек-каган, Тириг-каган, Чубуч-ынал Кумул огя и другие. Тириг-каган ликвидировал гегемонию тогуз-огузов на Орхоне и установил Кыргызское Великодержавие в Центральной Азии в 840 году. При кагане Чубуч-Ынале, носившем церковное имя Кумул Огя, Кыргызский каганат стал одним из крупнейших манихейских политических центров на востоке Центральной Азии. Название Кумул использовалось как для обозначения самого государства енисейских кыргызов, так и его элиты.

Ю. А. Зуев исследовал происхождение ряда терминов, включая «кумул огя» [200.–С. 254], «огя» («мудрый», «мудрец») [200.–С. 202–203, 254], «чигиль-сорок», «отуз оглан» (тридцать юношей, манихейская консорция или «школа», возглавляемая кара-чором) [161.–С. 18–23, 25, 29, рис. 14], «дом кара-мара»/наставника [161.– С. 39, рис. 21]. Он связывает эти термины с распространением манихейства как на Тянь-Шане, так и в Саяно-Алтае и Западной Монголии.

В таком случае не исключено, что один из послов кыргызского кагана, упоминаемый в работах Г. П. Супруненко как Вань Ухэ (Ургу Алп) и отправленный в Китай после событий 840 году, происходил из племени аргу [465.- С. 244; 509.-С. 65]. По мнению З. В. Тогана, племена аргу кочевали в долинах Чу и Таласа, а затем переселились в Кашгар [574.-С. 60]. В этническом составе кыргызов потомки аргу известны под названием оргу в составе ичкилик кыргызов. Согласно Махмуду Кашгари, «аргу» означает ущелье между двумя горами, что может подтверждать связь этого названия с географическим положением и культурной идентичностью данного племени. Махмуд Кашгари пишет: «Аргу –«ущелье», то, что находится между двумя горами. Страну, расположенную между Таразом и Баласагуном называют «Аргу», так как она располагается между двумя горами» [257. –С.155].

На Северном Кавказе одно из крупнейших ущелий носит название Аргунь. Согласно С. Ахсикенди, кыргызы произошли от сорока гузов, народ которых жил в степной местности, расположенной между двумя горами («кыркыр») в районе Узгенских гор [58. – С. 30]. Отсюда можно полагать, что в данном случае название страны Аргу и племени аргу является калькой этнонима с наполнением «кыркыр» или «кыргыз», что означало страну и народ небесных гор и ущелий. То есть под сорока огузами, жившими в районах Узгенских

гор (которые располагались в местности между двух гор и вышли из окружения войск Султана Санжара), от которых произошли кыргызы, можно понимать народ страны Аргу, кочующий между Таразом и Баласагуном. Ими могли быть азы и тухсы, которые жили ближе всех других семиреченских племен к Баласагуну и Суябу. Сюда же следует отнести вышеназванных аргу, чигилей и ягма с числительным «сорок», что может свидетельствовать об их родстве с азами и тухсы.

Следовательно, енисейские кыргызы в IX–X веках мигрировали на Тянь-Шань вместе с родственными карлуками, тюрками-шато и белыми татарами-онгутами, а также включив в свой состав часть племен огузов. В племени аргу можно видеть предков енисейских кыргызов, вовлекших в свое движение алтайских мундузов и толосов, один из родов которых до сих пор сохранил манихейское имя оргончу-толос [179.-С. 19] в составе алтайцев. Т. е. потомки аргу сохранили свое этническое название в имени кыргызского племени оргу [60.-С. 211-212] и алтайского рода оргончу-толос [179.-С. 19]. Названия вышеотмеченных племен упоминались в качестве фамилий и имен кыргызских послов, отправленных Кыргызским каганом в Китай, Дулюй Шихэ/Тулуш Алп [465.-С. 236-242] и Вань Ухэ (Ургу Алп) [465.-С. 244; 509.-С.65], прочтенных Г. П. Супруненко. То есть это может свидетельствовать о том, что племена, представленные в именах упомянутых послов, — аргу, тулуш (толос), а также мундузы — продвигались вместе с кыргызами на запад и достигли долины реки Талас в IX–X вв.

Восточные пришельцы в Семиречье образовали владение Аргу, где, по-видимому, проживали енисейские кыргызы, отуз огланы, аргу, толосы, мундузы, чаруки, азы, чигили, тухсы, ягма, карлуки и другие племена. Последние занимали Или-Таласскую и Алайскую долины и распространились до Горного Бадахшана. В эпосе «Манас» алтайские кыргызы переселялись сначала в Алайскую долину, а затем заселяли горные районы Ферганы и Горного Бадахшана, становясь соседями таких городов, как Балх, Бухара и Самарканд.

Нельзя не отметить, что потомки средневековых аргу, известные под названием оргу, наряду с другими группами — доолосами, нойгутами/онгутами, кесеками, теитами, бостонами, канды, кыдырша — встречались в составе племен ичкилик кыргызов, имена которых были известны еще в VIII–X веках.

Следовательно, страну Аргу, описанную М. Кашгари, можно рассматривать как территорию, где проживали и концентрировались кыргызские племена аргу/оргу, азы, тухсы, отуз огланы, чигили, ягма и другие.

Тухсы и азы, как одни из основных племен Западнотюркского (Тюргешского) каганата, сыграли важную роль в истории тяньшаньских кочевников и всего региона. Последние проявляли активность еще с эпохи

Истеми-кагана. Я. Пилипчук отмечает, что в китайских источниках чигили упоминаются как племя асицзе, входившее в состав племенного союза нушиби, одним из главных племен которого были тухсы [396.–С. 65; 26.–С. 1287-1289; 25.–С. 23-24]. Он также отождествляет чигилей и асицзе с эзгилями [396.– С. 65]. Я. Пилипчук добавляет, что в период упадка Западнотюркского каганата китайцы использовали термин «го» (государство) для обозначения асицзе, находящихся рядом с Каном (Самаркандом) и Тохаристаном [396.–С. 65]. Ю. Чигили находились в союзе с тюргешами, а затем с карлуками [396.–С. 25]. Б. Д. Кочнев полагал, что чигили входили в состав карлукской конфедерации, а одно из ее основных племен — эгдиши (эдгиши) — сыграло ключевую роль в образовании Караханидского каганата [288.–С. 148]. Однако более обоснованным, по-видимому, является сопоставление названия рода «эдгиш» с «азгиши», а также кыргызским этнонимом «адыгине» [18. – С. 152–153, 189, 194, 535].

Западнотюркские племена, в том числе тухсы и азы, находились под влиянием манихейской религии еще до миграции чигилей на Тянь-Шань. Например, согласно Гардизи, представители аристократического клана тухсы носили титул «чигиль-тухчин» [222.–С. 40]. Я. Пилипчук, проанализировав сведения из «Муджмал ат-Таварих» и данные Гардизи, утверждает, что вожди чигилей носили титул «тухчин» [396.–С. 26]. Он также отмечает упоминание городов Чигиль Кент и Чигиль Балык в тюркских манихейских текстах [396.–С. 26]. М. Кашгари упоминает, что тухсийцев называли «тухсы-чигиль» — toχsï čigil [257.–С. 423; 528.–С. 78; 166.– С. 265]. В другом месте книги лингвист подтверждает существование военного и политического союза между тухсийцами и чигилями, которые совместно владели городами-замками Каяс, среди которых были Саплыг Каяс, Орун Каяс и Кара Каяс [526.–С. 70].

Ю. А. Зуев связывает происхождение этнонима «чигиль» с распространением манихейства среди тюркских племен на Тянь-Шане и Саяно-Алтае. Он связывал появление тюрков-чигилей с распространением манихейства среди племен, приверженцев учения Мани, в Кашгарском округе, расположенном в горной области Аргу Таг, которую китайцы называли Бай-Шань [100.–С. 41; 200.–С. 205]. Ю. А. Зуев отмечает, что первое племя с названием чигиль обитало в долине реки Кунгес, в западной части Гансу (Синьцзяна) [200.–С. 256]. Термин «чигиль», исходящий от персидского числительного «cihil» (сорок), изначально обозначал манихейскую «консорцию» (сорок комулов-последователей) или «школу» в стране Аргу [200.–С. 256]. Позднее этим словом обозначали тюркские племена с числительным «сорок», исповедовавшие манихейство.

Ю. А. Зуев также утверждает, что чигили имели связь с царствующей династией шато, основавшей государство Поздняя Тан (923–936 гг.) в Северном Китае, и в связи с чем приняли китайскую фамилию Ли.

Основатель этого государства, Ли Кэюн, был выходцем из племени Дракон, культ которого был широко распространен среди общества шато [328.–С. 100]. В китайских источниках шато описываются как предводители тюргешей из северо-западных иноземцев [200.–С. 145]. Ю. А. Зуев отмечает, что транскрипция «шато» (<sa-d'a) восходит к термину sada из тюрко-манихейских текстов Турфана и древнеиндийскому sada (ср. авест. Sata-Ю. А.) «сотня» [200.-С. 145.]. Ю. А. Зуев выделяет две группы племен чигилей (кит. чуюэ): первая группа — чжу-се/ся/е (с различной трактовкой второго иероглифа), а вторая — шато (<sa-di<sada), что связано с вышеупомянутым термином sada, отмеченным как манихейский [200.–С. 256]. По мнению Ю. Зуева, «шато» считалось официальным именем племени, хотя династия Хоу-Тан (923–936 гг.) связывала свое происхождение с племенем чжусе. Однако «шато» и «чжусе» равнозначны, и чжу-се (<t siu-zia на тюркской основе) означает «juz-juz» — «сто», что соответствует «протомонгольскому киданьскому обозначению этой династии» — jaut «сто» (кит. чжаодин) [200.–С. 256].

Следовательно, на основе вышеизложенного можно предположить, что западнотюркские племена азы и тухсы были связаны с чигилями и тухсы-чигилями, упомянутыми М. Кашгари. Под «чигилями-шато» можно, в рамках данной гипотезы, понимать одно из племен, входивших в круг племен азов, тюрков -шато. Например, онгуты -белые татары. Т. е. чигилями могли быть племя онгут (оргут), чье имя, возможно, имело связь с этнонимом «аргу». Таким образом, шато-тюрков можно предположительно идентифицировать с азами и онгутами (белыми татарами), представлявшими тяньшаньских кыргызов.

Очевидно, именно это могло стать одной из причин миграции азов в Семиречье в 715 году, произошедшей после смерти Барсбек-кагана в 711 году и поражения их войск у озера Каракол в 715 году. Примерно в это же время, в 744 году, чигили вместе с булаками и ташили переселились в земли Тюргешского каганата. Т. е. миграцию азов и чигилей можно рассматривать как продвижение родственных племен в Семиречье в период реваншистской политики кок-тюркских правителей.

Развивая свою гипотезу о связи чигилей с шатоским царствующим кланом дракона, Ю. А. Зуев поддержал мнение американского ученого П. Б. Голдена, который рассматривал первую часть этнонима тухсоба (тухс) в контексте объединения тюргешей — тухс/тухсы, аристократическим («царским») родом которых был шарукань — «дракон» [576.–С. 306–307; 200.–С. 157]. Ю. А. Зуев отмечает, что в эпоху тюргешских каганов Юзлика и Сакала символом племени тухсы «был дракон Улу, берущий начало в юэчжиской древности» [200.–С. 156]. По его мнению, тамга на тухсыйских монетах тождественна родовым знакам эдизов VIII века и тюрков-аштаков [199.–С. 132; 200.–С. 156] и имеет сходство с изображениями дракона

Аждахака, который был изображен на монетах юэчжи-кушанских правителей [200.–С. 156]. Город половцев-токсобичей Шарукан также назывался городом Змиевым и Чешуевым [53.–С. 133–134].

В этом отношении Ю. А. Зуев вполне обоснованно связывает азов и тухсы с потомками юэчжи — асиями и тохарами [200.–С. 150–151]. Он пишет: «Прямые потомки юэчжи, племена аз и тухс, эти юэчжи в Канге, стали этнополитической основой при создании Тюргешского каганата» [200.–С. 157]. Следовательно, это подтверждает наше мнение о том, что два племени асиги (аз) союза племен нушиби вместе с тухсы представляли потомков асиев и тохар античных авторов, а также усуней и юэчжи, упомянутых в китайских хрониках [18.–С. 109, 115, 117]. Отсюда асиев и тохар можно сопоставить с йегу и хусе (хешдек), которые обитали на юге от енисейских кыргызов цзянькунь. Хусе также связано с владением Хешдек, находящимся между Волгой и Иртышом [29.–С. 173], где, возможно, согласно Н. В. Беленову, находился булгарский город Тухчин [15.-С. 309.].

Ю. А. Зуев, ссылаясь на Ван Говэя, пишет: «Белый (чистый, светлый) — основной цвет манихейства и его элементов: Белый отец, белый принц, белое племя, белое одеяние, белое облако, белый лотос и т. д.» [200.–С. 206]. Далее Ю. А. Зуев отмечает, что слово «аргу» (arγu), использованное в «Книге», связано с тохарским «Б. arkwi» [отсюда тюрк. arquj, arqun, arxon...] и переводится как «белый», «серебряный», «чистый». Это слово воспринималось китайцами как «белый», что подтверждается случаем калькирования, приведенным в труде Н. Я. Бичурина: «Кряж Небесных гор начинается в Кашгарском округе от Аргу-тага (горы Аргу); китайцы называют их Белыми горами Бай-Шань» [200.–С. 205]. Это тохарское заимствование омонимично тюркскому «агγu/arqu», что в значении «ущелье». Поэтому название «страна Аргу» воспринималось исследователями как страна с долинами между горами или страна, изрезанная ущельями [200.–С. 205]. Тем самым Ю. А. Зуев помогает нам раскрыть основную причину локализации кыргызов в районе Аргу-тага. В китайских источниках кыргызы локализовались от оазиса «Хами» на западе и от Карашара на севере, подле Белых гор (Бай-Шаня) [101.–С. 358; 200.–С. 205]. То есть кыргызы жили в стране Аргу, в стране небесных гор с множеством ущелий (от тувинск. «кызаа»). В этом контексте «аргу» можно рассматривать как кальку для этнонимов «кыркыр/кыргыз» и «тартар», под которыми понимался народ, обитающий в стране небесных гор (кыр), с множеством ущелий (от тувинск. «кызаа») и узкими водными проходами.

Л. Н. Гумилев писал, что после поражения от уйгуров в 747 году [147. – С. 377] байырку вместе с басмалами мигрировали в Притяньшанье. По мнению Г. С. Кляшторного, в IX веке одно из племен теле байырку переселилось в Восточный Туркестан [266.-С. 36; 151. –С. 311.]. Однако Ю. А. Зуев рассматривал эту проблему в связи с кочевниками, относимыми к

так называемым «белым племенам», обозначаемым термином «чаган» («белый»), к которым он относил роды тюрков — шато, чигилей-шато, а также так называемых «белых татар» — онгутов [198.–С. 183; 200.–С. 222]. Ю. А. Зуев родоначальника чигилей-шато называл Ба-е (<b'watiai <barja-bajar), упомянутого в старой редакции «Истории Пяти династий», отождествляет с именем прибайкальского племени байырку/байырку [201.–С. 257]. Следовательно, Ю. А. Зуев раскрывает название того огузского племени, которое, по мнению Л. Н. Гумилева, слившись с чу-юе, образовало тюрков-шато, кочевавших в районе озера Барскуль и города Бешбалык.

Однако китайские источники возводят происхождение правящей линии онгутов к тюркам-шато, связанным с областью Яньмэнь (Шаньси). Возможно, аристократический клан тюрков-шато вместе с байырку, возглавившие белое племя манихеев — чаган, мигрировали в Притяньшанье, где стали известны под именем чигилей-шато. В VII веке белые татары-онгуты обитали в районах Барколя (Восточный Синьцзян) и находились под протекторатом китайской династии Тан (618–907). По данным источников, онгуты кочевали от озера Буир-Нур вдоль границ Цзиньской империи, выполняя функции охраны границ Северного Китая от кочевников. На севере они соседствовали с Кыргызским владением Ус, где жили усинцы. На востоке их соседями были хэйчецев, отуз татар-шивеи и кидани. Т. е. чигили-шато и онгуты кочевали на тех же землях, где в прошлом обитали асии и тохары, чьими возможными потомками могут быть азы и йегу-кыргызы, а также племена нойгут (сакы) и сары уйгуры (с родами сокалык, тюргюш, токшу/тухсы, кыргыс/кырхыс и т. д.).

Следовательно, тюрки-шато-чигили-чуюе и белые татары-онгуты могли представлять собой потомков древних асиев и тохаров или южную ветвь енисейских кыргызов — йегу в Восточном Туркестане [465.–С. 239]. Очевидно, именно поэтому в IV–V веках источники в Восточном Туркестане упоминают три владения: Канцзюй, Йегу и Юэбань (среднеазиатские хунну). Учитывая, что среднеазиатские хунну пришли в земли усуней, можно предположить, что произошло слияние среднеазиатских хунну и йегу или усунями. Возможно, йегу в составе среднеазиатских хунну представляли чуюе, чумиши-чубань и гешу-чубань. Связь йегу и юэбань указывает не только на тюркоязычность кыргызов и среднеазиатских хунну, которые активно способствовали тюркизации региона в раннем Средневековье, но и на родственные связи, существовавшие между ними в дотюркский период. Следовательно, йегу и юэбань (чумугуни) можно рассматривать как потомков основных конфедераций усуней с тотемами волка и ворона.

Значит, под страной чигилей Аргу следует понимать прежде всего страну потомков асиев и тохаров, а также кыргызов-йегу — азов и тухсы, чуюэ/чигилей -шато, белых татар-онгутов, отуз огланов, ягма и других кочевников, исповедовавших манихейство и связанных с племенной средой

Западнотюркского (Тюргешского) каганата. Однако, поскольку термин «чигиль» ассоциировался с манихейством и имел непосредственную связь с манихейской страной Аргу, можно полагать, что под чигилями-шато действительно могли скрываться азы или онгуты-манихеи, которые так и назывались белыми-татарами (т.е. татарами-манихеями). В эпоху противостояния между Кыргызским каганатом и Тогуз-огузским государством главнокомандующий западной группой войск Бойлу Кутлук Ярган возглавил стотысячную армию, состоявшую преимущественно из карлуков, чигилей, тюрков-шато (белых татар-онгутов), и в решающий момент перешел на сторону Кыргызского кагана, что привело последних к победе в 840 году.

Следовательно, в эпоху Кыргызского Великодержавия азы, тухсы, чигили, тюрки-шато и белые татары, объединившись с енисейскими кыргызами, могли вновь усилиться и на своих землях — как на Алтае, так и на Тянь-Шане — образовать собственные владения, зафиксированные в «Худуд ал-Аламе» как княжество Каркырахан [345.–С. 50.] и в «Маджму ат-Таварихе» С. Ахсикенди как область Каркыра [58.–С. 47– 48.], находившуюся в центральной части страны чигилей Аргу, в долине реки Талас. Следовательно, область Каркыра можно сопоставить с Аргу, которое, вероятно, могло представлять собой манихейское название страны кыргызов.

В источниках западномонгольские азы или усинцы также упоминаются как серебряные усинцы [356.–С. 73–74.]. Ибн Хардатбек азгиши располагает между кыргызами и кыпчаками. Однако большинство ученых считают, что в 711 году, после смерти Барсбек-кагана, азы и кыргызы подвинулись на запад, в Семиречье. С. Г. Агаджанов, изучив сведения аль-Идриси об азах, указывает на резиденцию правителя азгиши («аз киши – люди племени азов»), находившуюся в крепости Ика в долине реки Или [11.–С. 63]. Ю. А. Зуев, проанализировав данные больших рунических текстов Монголии, уточняет, что «азы были кара тюргешами из Таласской долины» [200.–С. 150], в стране которых располагались горы Кумуш Таг (Серебряные горы). Отсюда можно полагать, что ученые справедливо отмечали существование этногенетической связи между семиреченскими и западномонгольскими азами, которые также назывались усинцами или серебряными усинцами или усуту-мангунами [200.-С.135].

В связи с вышеизложенным можно связать движение уч-карлукских племен чигилей, булаков и ташили в период реваншистской политики правителей Второго Восточнотюркского каганата со страной серебряных усинцев (азов), которые могли начать свое движение из районов Серебряного источника Аркуй-булак, упоминаемого у подножья Серебряной горы Монгур/Манкур в стране семи кимакских племен, о чем писал ал-Бируни [200.–С. 124; 53.–С. 154.]. Здесь вместе с усинцами (азами) отмечались племена кумуш и булак [200. – С. 125; 53.-С.175]. В Терхинской

надписи сказано: «В год собаки уч-карлуки, замыслив измену, бежали. На западе в страну народа десяти стрел они пришли» [162.-С.94].

В этом отношении миграцию уч-карлукских племен можно также рассматривать в контексте более широкого движения азов и кыргызов на земли Тюргешского каганата после падения Второго Восточнотюркского каганата в середине VIII в. Отметим, что, по данным источников, кыргызы и карлуки издавна являлись близкородственными объединениями. Согласно историческим источникам, в первых сведениях о карлуках владение последних находилось в соседстве с кыргызами. В. В. Бартольд отмечал, что «Карлуки, ушедшие в VIII в. на запад и образовавшие после 766 г. государство с центром на берегах Чу, постоянно упоминаются и потом, как соседи и союзники киргиз…» [67.-С.18-28]

М. С. Муканов пишет, что «анонимный автор «Худуд ал-Аалам» рассказывает об обитании в районе Семиречья племени булак, что, по его мнению, означает «пегий конь»» [565.–С. 96, 280; 374.–С. 47–48.]. М. Кашгари в своем «Диване» отмечает: «Булак – тюркское племя. Они находились в подчинении у кыпчаков, но затем спаслись благодаря помощи Аллаха и теперь называются алка-булак» [53.–С. 175.]. Т. е. булаки бежали в район Кумуштага (Серебряные горы) в Таласе и стали называться алка-булаками. Само название племени «алка-булак» указывает на его связь со страной священного Серебряного источника Аркуй-булак (кит. Алэхуй-булахэ), упоминаемого у подножья Серебряной горы Монгур/Манкур в стране семи кимакских племен, о чем писал ал-Бируни [200.–С. 124; 53.–С. 154.].

Ю. А. Зуев пишет, что по древней традиции «в тюркское время отроги Тянь-Шаня между прежними тохарскими княжествами Куча и Агни (Яньци, Карашар-Ю. А.) в Восточном Туркестане продолжали носить название Аркуй или Argy «Серебряные», но одновременно назывались по-тюркски Кумуш-таг «Серебряные горы», Айкумуш-таг «Лунносеребряные горы» и по-китайски Инь-Шань «Серебряные горы» [200.–С. 124]. Очевидно, маршрут движения восточных беглецов был следующим: Серебряный источник Аркуй-булак — Сары-Арка и далее долина реки Талас, где они образовали страну манихеев — чигилей Аргу. Миграция уч-карлуков напоминает процесс переселения азов в земли Тюргешского каганата в середине VIII века н. э. Азы сначала приходили в восточные земли тюргешей, а затем переселялись в центральные районы их владений.

В связи с этим следует отметить, что, согласно сведениям С. Ахсикенди, в долине реки Талас располагалась ставка предводителя кыргызов, деда Манаса, Каркырабека [58.–С. 44.], город Каркыра. В поздних версиях «Манаса» ставка Манаса находилась в Таласе, а в Сары-Арке и его окрестностях жили союзники кыргызов — предводители казахов Кара Ходжа Аргын и Кокчо из племени Абак.

Отсюда можно предположить, что чигили, булаки и ташили представляли собой алтайских кыргызов, пришедших из страны священного Серебряного источника Аркуй-булак (кит. Алэхуй-булахе), которая также могла называться Серебряной горой Монгур/Манкур, в окрестностях которой кочевало племя аркуй или аркай [200.–С. 124–125, 135]. Ю. А. Зуев в источниках находит древнетюркский эквивалент названиям горы Манкур и племени аркуй/аркай — гора Кумус и племя кумуш [200.–С. 125–126.].

Согласно Ю. А. Зуеву, в персидской Географии 982 года и арабском труде 1120 года племя кумуш (тюрк. kumus — «серебро») упоминается вторым в перечне племен Хинганского пояса («слева от Чина-Китая, в направлении летнего восхода, т. е. на северо-востоке, между чином и хирхизами») [200.–С. 125–126]. Однако племя аркуй/аркай также могло иметь кыпчакскую кальку манкур оглы, упоминаемую в сочинении Дамишки среди крупных кыпчакских племен [200. — С. 125–126]. В этой связи можно предполагать, что названия реки Манхар аль Идриси [213.-С. 106] и священной горы Монгур были связаны с этнонимом кангар оглы [475. — С. 539–541], тождественным кыпчакскому названию манкур оглы, которое могло возникнуть в результате взаимодействия с монголоязычными соседями.

Следовательно, страна племени аркуй/кумуш могла соответствовать владениям усуту-мангунов или серебряных усинцев, что указывает на связь чигилей, булаков и ташили с первыми. Этноним «ташили» («горцы») может свидетельствовать о связи этого племени с кыргызскими терминами «кыркыр», «тартар» и манихейским «аргу». Значит, нам уместно будет отождествить племя аркуй или аркай [200.–С. 124–125, 135] с алка-булаками и аркуй татарами [200.–С. 135]. Первую часть последнего можно сопоставить с аргу (в. аргу татары) и белыми татарами-онгутами (арку/н/т/аргу/онгут/ойгут/нойгут) [467.–С. 141]. Очевидно, что Ю. А. Зуев справедливо связывал чигилей с шато, под которыми можно понимать племя аргу или онгутов, правящая линия которых возводила свое происхождение к клану шато Яньмэнь.

Следовательно, страна манихейцев чигилей Аргу, а также города Чигиль и Барсхан могла принадлежать тухсы, азам, отуз огланам, кыргызам, ягма, чигилям, белым татарам-онгутам и другим последователям учения Мани в Семиречье. Потомками племени аркай/аркуй или аргу могли быть не только кыргызские оргу [60.–С. 211], алтайские оргончы [179.–С. 66], но и казахские аргыны.

Основываясь на вышеизложенном, можно полагать, что все мигрировавшие на запад после смерти Барсбек-кагана в 711 году восточные племена — азы, тухсы, енисейские кыргызы, ягма, чумугуни, а также уч-карлуки (чигили, чжисы), булаки (мэуло), ташили [69.–С. 186–187.] и другие — находились в тесных этнополитических связях с енисейскими кыргызами

и азами и входили в число коалиционных сил против кок-тюрков, выступая под своими именами и флагами; при этом некоторые из них могли являться частью азийских (кыргызских) объединений. Очевидно, последние в период реваншистской политики правителей кок-тюрков мигрировали на Тянь-Шань, где в рамках Тюргешского каганата могли сформировать крупную коалицию против Второго Восточнотюркского каганата.

На основе вышеизложенного можно считать, что исследователи обоснованно связывали миграцию азов на запад с кыргызами [200. – С. 78]. Это, в свою очередь, позволяет полагать, что под чигилями, булаками и ташилями следует понимать одну из групп азов или кыргызов, которые, не пожелав подчиниться власти тогуз-огузов, утвердившихся на востоке после событий 744 года, предпочли переселиться в Семиречье. К числу восточных мигрантов также относились ягма, чумугуни, азы, тухсы и другие племена, которые покинули свои земли на Востоке, спасаясь от кок-тюрков, и в Семиречье быстро консолидировались, создав новое политическое объединение во главе с Сулуком-каганом, носившим титул кара-хан [200.–С. 174, 237, 290.]. Ю. А. Зуев указывает, что кара-тюргешей возглавляли правители с титулом qara qan (кит. хэй син кэхань — «каган черной фамилии») [200.–С. 174, 210–211, 213, 237.]. Учитывая, что его сын носил имя Тухсан [200.– С. 209.], можно предположить, что он происходил из тухсы. Возможно, этим объясняется то обстоятельство, что сын и преемник Сулука, Тухсан, не смог удержаться у власти после его смерти и был изгнан из страны.

Итак, проведенный анализ позволяет глубже раскрыть ранее малоизученные аспекты истории, миграционных и этнических процессов кочевых племен Притяньшанья, а также основные этапы тюркизации региона в рассматриваемый период. Исследование, по-видимому, подтверждает возможность разделения китайскими хрониками кыргызов на две группы: северных — цзянькунь, проживавших на Енисее, и южных — йегу, обитавших к северу от Карашара, у Белых Гор (Аргу-таг). Азы, тухсы, кыргызы, аргу, белые татары-онгуты, вероятно, восходили к сакским племенам тиграхауда, асиев и тохаров, населявшим Саяно-Алтай и Тянь-Шань.

Одними из основных племен южных кыргызов-йегу, по всей вероятности, могли быть аргу, азы (асиги) и тухсы, а также белые татары-онгуты, которые, согласно рассматриваемой нами гипотезе, восходили к европеоидным племенам с гаплогруппой R1a1 — асиям (усуней) и тохарам (юэчжи) в Канге [200.-С.157].

Упоминания в источниках о кыргызах-йегу, канцзюй и юэбань в Восточном Туркестане в IV веке н. э. свидетельствуют об их активной роли в этнокультурных процессах региона. Йегу, азы, тухсы, сул-тюрки, синьли (канглы), тюрки-шато и белые татары на северо-востоке имели тесные

контакты с Кыргызским владением Ус (Йирим Аз), располагавшимся в Западной Монголии. Кыргызы-йегу, наряду со среднеазиатскими хунну с тотемными названиями чубань и чумугунь, что могло означать «пегас» или «пегий ворон», сыграли важную роль в процессах тюркизации региона.

Новый этап тюркизации региона связан с тюркскими государствами VI–XII вв., существовавшими на Тянь-Шане. Западнотюркский, Тюргешский, Карлукский и Караханидский каганаты способствовали утверждению тюркского языка и культуры, формированию этнического облика народов региона и межкультурному синтезу кочевых и оседлых этносов, заложив основы общей этнокультурной идентичности, сохраняющейся до настоящего времени.

Однако анализ показал, что в период расцвета манихейства кочевники Тянь-Шаня могли использовать термин «чигиль» как собирательное имя, отражавшее одновременно религиозную и культурную общность, тогда как Барсхан и Чигиль стали важными политико-религиозными центрами манихейских общин. В это время политоним «чигиль» мог распространяться на аристократические кланы азы, тухсы, чигили, шато и другие тюркские племена, исповедовавшие учение Мани, а их страна, вероятно, получила название Аргу.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в VIII–XI веках азы, тухсы, отуз огланы, кыргызы, ягма, чигили, шато и белые татары-онгуты являлись одними из ведущих этнополитических групп на Тянь-Шане. Азы, тухсы, ягма, чигили, булаки, ташили и другие группы ранее входили в состав II Восточно-тюркского каганата. Позже на Тянь-Шане они консолидировались в борьбе против его правителей, что способствовало созданию в сравнительно короткий срок Тюргешского каганата во главе с Сулук-каганом.

Тухсы еще со времени Истеми-кагана были связаны с распространением манихейства и, вероятно, играли заметную консолидирующую роль среди манихейских общин региона. На это, возможно, указывало и употребление правителями тухсы манихейского титула тухсы-чигиль. Согласно источникам, в VIII–X веках манихейство получило распространение среди значительной части племён Тянь-Шаня, включая азы, тухсы, отуз огланов, кыргызов, ягма, чигилей, шато и белых татар-онгутов, что создавало дополнительную основу для их политического и культурного взаимодействия.

Впоследствии значительная часть этих племен вошла в состав Карлукского каганата. В рамках Карлукского каганата азы и тухсы, по-видимому, сохраняли самостоятельные владения. При этом, вероятно, тухсы и азы не утратили своей консолидирующей роли среди манихейских групп региона, сохраняя с ними тесные этнополитические связи.

Не исключено также, что тухсы и азы при поддержке енисейских кыргызов, отуз огланов, аргу, чигилей, ягма и тюрков-шато могли участвовать в процессах консолидации племён Семиречья и политических событиях, приведших к низложению карлукского ябгу и формированию Караханидского каганата на Тянь-Шане в середине X века.

§ 2. Енисейские кыргызы в эпоху Кыргызского Великодержавия: наивысший рассвет и золотой век Кыргызской государственности

В IX–X вв. енисейские кыргызы вступили в эпоху наивысшего расцвета своей государственности, сопровождавшуюся укреплением военно-политического могущества и расширением влияния на просторах Центральной Азии. В 840 г. они разгромили Тогуз-Огузский (Уйгурский) каганат, политический центр которого находился в Орхонской долине, и тем самым утвердили свое господство в РЕГИОНЕ. Эта победа стала переломным событием кыргызской истории, положив начало эпохе Кыргызского Великодержавия — золотому веку средневековой кыргызской государственности. После разгрома Тогуз-Огузского каганата Кыргызский каганат превратился в одну из ведущих военно-политических сил Центральной Азии. Его влияние распространялось далеко за пределы Минусинской котловины, охватывая Саяно-Алтай и значительную часть Центральной Азии и сопредельных регионов. Именно в этот период кыргызское государство достигло наивысшего уровня своего политического авторитета и международного значения. Память об эпохе Кыргызского Великодержавия сохранилась не только в письменных источниках, но и в историческом сознании кыргызского народа. Наиболее яркое отражение она получила в героическом эпосе «Манас», в котором этот период предстаёт временем наивысшего военно-политического могущества кыргызов, их военных побед и утверждения политического господства Кыргызского каганата в Центральной Азии.

Высокую историческую значимость эпохи Кыргызского Великодержавия отмечали многие исследователи. Так, В. В. Бартольд характеризовал IX–X вв. как эпоху Кыргызского Великодержавия, Ю. С. Худяков называл этот период «звездным часом» кыргызской истории, а Ю. А. Зуев полагал, что «Кыргызское Великодержавие» не было кратковременным, племена Внутренней Монголии ощущали его влияние еще два столетия» [200. – С. 104].

Эпоха Кыргызского Великодержавия стала временем не только политического возвышения, но и напряженной борьбы за сохранение и укрепление достигнутого господства. Военные успехи кыргызов были обусловлены не только благоприятной внешнеполитической ситуацией, но и

высоким уровнем организации государства, эффективной деятельностью кыргызского кагана, его военачальников и воинов, сумевших соединить стратегическое мышление, богатый боевой опыт и силу воинского духа.

С событиями этой эпохи в исторической и эпической традиции связываются имена Бойла Кутлук Яргана, Алп Сол Тепека, Або и других выдающихся деятелей Кыргызского каганата, образы которых, по всей вероятности, нашли отражение в героическом эпосе «Манас». Это позволяет рассматривать эпос не только как выдающийся памятник устного народного творчества, но и как важный историко-культурный источник, сохранивший память о наиболее значительном этапе развития средневековой кыргызской государственности.

Эпоха Кыргызского Великодержавия получила широкое освещение в трудах Шаванна, Э. Бретшнейдера, Р. Груссе, В. В. Бартольда, А. Н. Бернштама, О. Караева, Ю. А. Зуева, К. Петрова, А. Мокеева, А. Д. Грача, Д. Г. Савинова, Г. В. Длужневской, М. Дромппа и многих других исследователей. Несмотря на различия в оценках отдельных событий и масштабов политического влияния кыргызов, большинство ученых признает, что после победы над тогуз огузами в 840 г. Кыргызский каганат превратился в ведущую военно-политическую силу Центральной Азии.

Особое значение для изучения эпохи Кыргызского Великодержавия имеют археологические исследования А. Д. Грача, Д. Г. Савинова и Г. В. Длужневской. На основании археологических материалов ими была реконструирована система продвижения енисейских кыргызов после 840 г. По мнению ученых, кыргызы первоначально занимали проходы через Саяны, южную оконечность Саянского каньона, Северную Туву (долина реки Хут) и правобережье Енисея. Далее они двинулись южнее и через Танну- Ола пришли в Монгольские степи, а также на юго-запад – в район Монгун-Тайги. Могильники с трупосожжениями, раскопанные в Саглынской долине, А. Д. Грач относил к одной из «максимальных фаз экспансии кыргызов за Саяны» [140. – С. 118]. Кыргызы заняли Центральную Туву [140. – С. 66–69], а затем Монголию, откуда совершали походы в Джунгарию и Восточный Туркестан. Кыргызы перенесли ставку своего вождя Ажо (кагана) в Северо-Западную Монголию, южнее гор Танну-Ола, «в 15 днях конной езды от прежнего хойхуского (уйгурского) стойбища» [100. – С. 356; 140. –С. 68]. Вскоре, в 841–842 годах, кыргызы добиваются успехов в южном направлении, захватывая крупные торговые центры Восточного Туркестана – Бешбалык и Куча. В 843 году в руки кыргызов переходят Аньси и Бэйтин [324. – С. 101]. В 847–848 годах енисейские кыргызы продвигаются в сторону Забайкалья. На востоке была проведена специальная операция против шивэй, в стране которых скрывались осколки военных сил тогуз огузов. В этот период кыргызские послы трижды посетили Пекин [100. – С. 357]. В конце IX века кыргызы вновь совершают

военные марши в Восточный Туркестан. Они покоряют города Пенчул и Аксу и доходят до Кашгара. Ю. С. Худяков пишет: «К владениям кыргызов в Восточном Туркестане относилась значительная территория от Кашгара до озера Иссык-Куль» [69. – С. 492; 516. – С. 161]. Кыргызы проникают в долину реки Талас и Нарынскую область [516. – С. 162; 140. – С. 73].

В IX–X веках в результате военных походов енисейские кыргызы покорили Туву и Монголию, на востоке достигли верховьев Амура, а на юго-западе дошли до Кашгара и проникли в Центральный Тянь-Шань [516. – С. 161–162; 140. – С. 65–68, 73]. В руках кыргызов находились отдельные области Восточного Туркестана вплоть до Таласской долины [516. – С. 162; 340. – С. 119], где проживали племена страны Аргу. Следовательно, кыргызы оказывали значительное влияние на Центральный Тянь-Шань.

Согласно результатам исследований ученых, в середине IX века кыргызы, разгромив Тогуз-огузский каганат на Орхоне, стали одной из ведущих военно-политических сил Центральной Азии. Кыргызское государство и его владения простирались на западе от Приамурья до Каспийского моря, до страны Хешдек [29. – С. 173], а на юге — от Сибирской тайги до Великой Китайской стены. На юго-западе кыргызы достигли Кашгара и Горного Бадахшана. Отсюда они контролировали торговые пути, ведущие из Кашгара в долину р. Талас, Ферганскую долину и далее к городам Мавераннахра, Бухаре и Самарканду [18. – С. 352].

Достигнутые успехи имели далеко идущие не только военно-политические, но и экономические последствия. Особенно важным стало установление кыргызского влияния в Восточном Туркестане. Контроль над Кашгаром и прилегающими к нему землями открывал кыргызским правителям возможность контролировать важнейшие участки Великого шелкового пути, связывавшие Китай с Таласской и Ферганской долинами, а через них — с Бухарой, Самаркандом и другими центрами Мавераннахра, а далее — со странами Передней Азии. Тем самым Кыргызский каганат превратился в один из ключевых факторов международной торговли Центральной Азии.

Таким образом, эпоха Кыргызского Великодержавия представляет собой качественно новый этап развития кыргызской государственности. Ее отличительными чертами стали создание мощной военной организации, проведение активной геополитической стратегии, распространение политического влияния на значительную часть Центральной Азии, установление контроля над важнейшими международными торговыми коммуникациями, формирование сети военно-административных центров и укрепление международного авторитета Кыргызского каганата. Совокупность письменных, археологических и этнографических источников позволяет рассматривать IX–X вв. как период наивысшего расцвета средневековой кыргызской государственности, ознаменовавший

превращение Кыргызского каганата в одну из ведущих держав Центральной Азии.

История енисейских кыргызов IX–X вв. отражена в широком круге письменных источников различного происхождения — китайских хрониках, арабо-персидской географической традиции, а также трудах средневековых путешественников и компиляторов. Совокупность этих свидетельств позволяет реконструировать масштабы политического влияния Кыргызского каганата и его восприятие современниками как одной из крупнейших держав Центральной Азии. Источники фиксируют значительные размеры государства кыргызов и его сопоставимость с ведущими политическими образованиями тюркского мира.

Особое значение имеет свидетельство Тамима ибн Бахра, путешествие которого к уйгурам, согласно датировке В. Минорского, относится примерно к 821 г., то есть еще до разгрома Уйгурского каганата в 840 г. Его сообщение характеризует кыргызского кагана как одного из наиболее могущественных тюркских правителей, что свидетельствует о высоком политическом статусе Кыргызского каганата уже в первой половине IX в. [567.–С.303]. Это свидетельствует о высоком международном авторитете Кыргызского каганата еще до формирования его великодержавного этапа, тогда как победа 840 г. закрепила и расширила его военно-политическое превосходство.

Китайские хроники также подчёркивают масштаб кыргызского государства: «Хягас было сильное государство; по пространству оно равнялось тукюеским владениям. Тукюеский Дом выдавал своих дочерей за их старшин. На восток простиралось до Гулигани (Байкал), на юг — до Тибета, на юго-запад — до Гэлолу (карлуков)» [103. – С. 353]. Данное сообщение показывает, что китайские авторы сопоставляли Кыргызский каганат с крупнейшими тюркскими политическими образованиями, признавая его одной из ведущих военно-политических сил региона. В IX–X вв. государство енисейских кыргызов достигло наибольшего военно-политического могущества, что позволяет говорить о формировании эпохи Кыргызского Великодержавия.

Не менее важны сведения арабо-персидских авторов, позволяющие проследить распространение отдельных кыргызских групп за пределами основного ареала их расселения и особенности сохранения ими этнокультурной идентичности. Города, географические местности и племена степных кочевников также использовали в своих названиях этнонимы «кыргыз» или «кыркыр» [157. – С. 345–348].

Аль-Идриси отмечал, что страна кыргызов (киркиров) располагалась к востоку от уйгурских владений и представляла собой обширную территорию с развитыми формами расселения: «Страна этих киркиров находится к востоку от страны багаргаров (уйгуров) и недалеко от китайского моря»

[213. – С. 106]. Упоминание в «Худуд ал-Алам» области Каркар(а)-хан, население которой «по своим обычаям напоминает хырхызов» [346. – С. 50], может свидетельствовать о тесных культурных контактах алтайских кимаков с кыргызами и восприятии ими отдельных элементов кыргызской культуры, включая обычаи, традиции и, вероятно, особенности одежды.

Аль-Идриси также отмечает сохранение у переселившихся кыргызов традиционного обряда кремации [213. – С. 106]. При этом кыргызы, проживавшие вдали от основного ареала своего расселения, собирали пепел и развеивали его по ветру [213. – С. 106]. Это свидетельствует об устойчивости их этнокультурной идентичности даже за пределами енисейского центра и одновременно указывает на адаптацию традиций к новым условиям, что подтверждается и другими письменными источниками. В последующий период, оказавшись в непосредственном соседстве с мусульманскими государствами, часть кыргызских групп приняла ислам, сохранив при этом этноним «кыргыз» и свою этническую идентичность. Об этом свидетельствует сообщение аль-Марвази о том, что кыргызы, прежде придерживавшиеся обряда сожжения умерших, впоследствии стали совершать захоронения по мусульманскому обычаю [239. – С. 59]. С. Ахсикенди также писал о формировании имамом Ибрахимом правого и левого крыла кыргызов для противодействия каракитайской экспансии в Притяньшанье.

Сообщения аль-Марвази, Истахри, Абу Дулафа и других авторов подтверждают присутствие кыргызов в Восточном Туркестане и сопредельных районах мусульманского мира. Тем самым источники фиксируют не только широкое расселение кыргызов, но и сохранение ими этнической идентичности, а также распространение кыргызского политического и культурного влияния на значительные пространства Центральной Евразии.

В IX–X вв. влияние кыргызов распространилось на Южный Алтай. В Восточном Казахстане, по-видимому, находились районы их расселения и военно-политического присутствия, откуда отдельные кыргызские группы могли продвигаться в западном и юго-западном направлениях — вплоть до Волги и Каспийского региона. Истахри на Волге помещал одну из групп кыргызов [345. – С. 31], которые, вероятно, проживали в соседстве с владением остяков Хешдек [28. – С. 133–136; 29. – С. 173].

Важным направлением деятельности Кыргызского каганата в эпоху его политического могущества было не только расширение территории, но и развитие инфраструктуры, торговых связей и городского строительства. По-видимому, эти процессы являлись важной частью государственной политики. Об этом свидетельствует сообщение аль-Идриси, согласно которому «все города страны киркиров помещаются на территории протяжением около трёх дней. Городов этих четыре» [213. – С. 106].

Наличие нескольких городских центров, включая резиденцию правителя, указывает на достаточно организованную систему управления и коммуникаций. Важным пунктом торговых путей был также город Кикас в районе слияния Ангары и Енисея, который, согласно Рашид ад-Дину, относился к области кыргызов [421.– С. 102], где проходил «кыргызский путь» Великого Шелкового пути. Сохранение созданной инфраструктуры, системы коммуникаций и торговых путей свидетельствует о длительном и устойчивом характере господства кыргызов в восточных районах Енисейского региона.

Кыргызы накопили значительный военный потенциал, позволивший им вести длительную борьбу с Уйгурским каганатом и в конечном итоге одержать победу в 840 г. Средневековые источники свидетельствуют о значительной военной мощи кыргызов еще до разгрома Уйгурского каганата. Согласно Карабалгасунской надписи Уйгурского каганата, датируемой 821 г., кыргызское войско оценивалось в 400 тыс. человек; эта цифра, очевидно, значительно завышена, однако сама ее фиксация свидетельствует о восприятии кыргызов как крупной военно-политической силы [233.-С. 196]. Другой китайский источник определяет численность строевого войска кыргызов в 80 тыс. человек [100.-С. 351]. Несмотря на условность этих оценок, они свидетельствуют о значительном военном потенциале кыргызов, сформировавшемся еще до разгрома Уйгурского каганата в 840 г.

Военное превосходство кыргызов, проявившееся после победы 840 г., было результатом длительного укрепления их военно-политического влияния. Покорение алакчынов не было непосредственным следствием разгрома Уйгурского каганата, а завершало уже сложившуюся тенденцию расширения кыргызского влияния на Алтае, в Прибайкалье и сопредельных регионах. После ликвидации Уйгурского каганата военно-политическое превосходство кыргызов проявилось в полной мере: под их власть окончательно перешли алакчыны. Это существенно укрепило позиции Кыргызского каганата в Центральной Азии.

В этих условиях, как отмечает Ю. И. Дробышев, кидани в первой половине X в. не представляли для кыргызов сопоставимой военно-политической силы; после смерти гурхана в 926 г. их давление на кыргызские владения существенно ослабло [173. – С. 383-385]. Вместе с тем историография по-разному интерпретирует поход киданьского правителя Абаоцзи в Орхонский регион в 924 г., рассматривая его Э. Шаванн, Р. Груссе, М. Дромпп как свидетельство ослабления кыргызского контроля в Центральной Монголии.

Однако данная точка зрения не является убедительной. Источники не фиксируют ни разгрома кыргызов, ни ликвидации их системы власти в регионе. Кидани не создали устойчивой административной структуры и не

закрепились в Орхонской долине, что позволяет рассматривать их действия как ограниченную по целям экспедицию, направленную на демонстрацию силы и контроль коммуникаций, а не на территориальное присоединение.

Отсутствие прямого военного столкновения между кыргызами и киданями также не свидетельствует о слабости Кыргызского каганата. Напротив, оно отражает, вероятно, сознательно избранную стратегию сдерживания. Кыргызское руководство, сохраняя значительный военный потенциал, приняло меры по защите ключевых направлений возможного продвижения противника, включая создание оборонительного заслона в районе Танну-Ола под командованием Алп Сол Тепека, контролировавшего пути к Восточному Туркестану и регионам Великого шелкового пути.

Таким образом, поход Абаоцзи 924–926 гг. следует рассматривать не как свидетельство упадка Кыргызского Великодержавия, а как эпизод борьбы за политическое лидерство в Центральной Азии. Кратковременное присутствие киданей в Орхонской долине не привело к разрушению сложившегося после 840 г. военно-политического порядка и не сопровождалось установлением устойчивого контроля. Напротив, политика кыргызских правителей демонстрирует высокий уровень стратегического мышления, позволивший сохранить военный потенциал государства и удерживать ключевые коммуникационные узлы региона.

Военные успехи кыргызов сопровождались продуманной геополитической стратегией. Анализ событий после ликвидации Тогуз-Огузского каганата на Орхоне показывает, что новые хозяева степи действовали в соответствии с долгосрочными планами установления устойчивого порядка на завоеванных территориях, включая Орхонский регион. Эти стратегические установки учитывали природно-географические особенности Минусинской котловины, Орхона и Тянь-Шаня.

Минусинская котловина представляла собой относительно защищенное пространство, ограниченное Саянами и Енисеем, тогда как монгольские степи отличались открытым характером, что существенно осложняло ведение боевых действий и поиск укрытий для горных народов. В этой связи показательно, что на протяжении истории Кыргызский каганат подвергался внешним вторжениям лишь дважды — и оба раза в зимний период, когда Енисей был скован льдом. Первый случай связан с походами полководцев Тюркского каганата (Тонукук, Кюльтегин и др.), когда переправа через Саяны позволила застать кыргызов врасплох и одержать победу на Черни-Сунга. Второй — с завоеваниями эпохи Чингисхана, когда Джучи, используя зимние условия, пересек замерзший Енисей и подчинил кыргызов.

В то же время Орхонская долина, обладая обширными степными пространствами, создавала для енисейских кыргызов, привыкших к горно-

таежной среде, значительные трудности в ведении маневренных военных действий.

Военно-политические успехи енисейских кыргызов после победы над Тогуз-Огузским каганатом в 840 г. не были случайным стечением обстоятельств. Они явились результатом продуманной государственной стратегии, основанной на геополитических интересах и направленной на формирование устойчивой системы контроля над ключевыми районами Центральной Азии. Победа открыла кыргызам возможность не только ликвидировать прежнюю гегемонию тогуз-огузов, но и сформировать собственную модель великодержавного устройства, основанную на сочетании военной силы, дипломатии и контроля над важнейшими коммуникациями региона.

Одним из первых шагов кыргызского кагана после разгрома противника стало освобождение китайской принцессы Тайхон и ее отправка ко двору империи Тан. Этот акт имел важное дипломатическое значение и был направлен на международное признание кыргызской победы и установление стабильных отношений с Китаем. Одновременно было принято решение о разрушении Орду-Балыка как центра прежней власти, что исключало возможность консолидации остатков сопротивления.

Однако, следует отметить, что кыргызы в стратегических целях не сочли необходимым переносить ставку кагана непосредственно на Орхон после разгрома Уйгурского каганата в 840 г. Они предпочли сжечь резиденцию уйгурского кагана на Орхоне, а свою ставку перенести в район Танну-Ола, ближе к бывшей ставке уйгурского кагана и китайскому направлению. Это не следует рассматривать как признак слабости кыргызского кагана или недостаточности военно-политического потенциала Кыргызского каганата. Перемещение ставки между различными политическими центрами само по себе не свидетельствует о сокращении территории государства или ослаблении его политического влияния. Поскольку верховная власть сохранялась в рамках правящей династии, изменение местоположения ставки отражало прежде всего выбор военно-политического центра в зависимости от складывавшейся обстановки. Подобная практика была характерна и для других тюркских государств. Так, Истеми-каган сосредоточил политический центр западной части Тюркского каганата ближе к Тянь-Шаню и Семиречью, а не в Орхонском регионе.

В связи с этим можно предположить, что в рамках новой геополитической стратегии кыргызы первоначально перенесли ставку кагана в район Танну-Ола для установления контроля над бывшей резиденцией уйгурского кагана. Археологические материалы и руническая надпись «Я, Тепек Алп Сол, это написал. Я пребывал тогда в добром здравии», оставленная генералом Алп Сол Тепеком в долине р. Тэс, подтверждают кыргызское военное присутствие и существование системы военно-

политического контроля в Орхонском регионе [275. – С. 348; 173. – С. 373]. Надпись свидетельствует о функционировании гарнизона под его командованием, что указывает на формирование постоянной военной инфраструктуры в ключевых стратегических районах.

В дальнейшем ставка кагана последовательно перемещалась в районы Северо-Западной Монголии и Центральной Тувы, включая территории к югу от Танну-Ола и Верхнего Енисея. Согласно «Худуд ал-'Алам», здесь находилась резиденция кыргызского хакана — город Кемиджкет. Эти перемещения отражают формирование системы взаимосвязанных военно-политических центров, обеспечивавших управление обширным пространством от Саян до Монголии.

Закрепление в районе Танну-Ола имело не только оборонительное, но и важное стратегическое значение. Расположение ставки между Минусинской котловиной, Алтаем и Монголией позволяло контролировать Орхонский регион, ключевые перевалы и коммуникации Восточного Туркестана, а также обеспечивать оперативное воздействие на западное и восточное направления внешней политики. Таким образом, Танну-Ола превращался в естественный геостратегический центр Кыргызского каганата, откуда осуществлялось управление его основными военно-политическими и торговыми артериями.

После переноса ставки в район Танну-Ола кыргызский каган в 841–843 гг. направил военную экспедицию в Восточный Туркестан во главе с генералом Алп Сол Тепеком. Официальным предлогом были поиски принцессы Тайхон, однако фактически поход был направлен на установление кыргызского контроля над городами региона. Алп Сол Тепек достиг верховьев Эдзин-Гола, после чего кыргызские войска овладели Пенчулом и рядом других городов. В 843 г. в руки кыргызов перешли Аньси (Куча) и Бэйтин (Бешбалык) [324. – С. 101]. В 847–848 гг. енисейские кыргызы продвинулись в сторону Забайкалья. На востоке была проведена специальная операция против шивэй, в стране которых укрывались остатки военных сил Тогуз-огузского каганата. В этот период кыргызские послы трижды посетили Пекин [100. – С. 357].

После переноса ставки в район Танну-Ола кыргызский каган в 841–843 гг. направил военную экспедицию в Восточный Туркестан во главе с генералом Алп Сол Тепеком. Официальным предлогом экспедиции были поиски (или спасение) принцессы Тайхон. Вместе с тем ее результаты свидетельствуют о более широких военно-политических целях кыргызского руководства. Ход и результаты этой экспедиции отражены в китайских источниках, согласно которым кыргызы переселились на р. Хэло, то есть в район Эдзин-Гола, заняв старые территории Уйгурского государства. К этому времени им уже подчинились пять племён, включая Аньси (Кучу), Бэйтин (Бешбалык), татар и другие [324. – С. 101]. Эти сведения

свидетельствуют, что уже в 842–843 гг. кыргызское военно-политическое влияние распространилось далеко за пределы прежнего ареала и достигло Восточного Туркестана.

В конце IX в. кыргызы вновь совершили военные походы в Восточный Туркестан, овладели городами Пенчул и Аксу и достигли Кашгара, где вступили в соседство с ягма [162. – С. 360]. Ю. С. Худяков отмечает: «К владениям кыргызов в Восточном Туркестане относилась значительная территория от Кашгара до озера Иссык-Куль» [69. – С. 492; 516. – С. 161]. Кыргызы проникли также в долины рек Талас и Нарын [516. – С. 162; 140. – С. 73].

В результате этих военных походов сфера кыргызского военно-политического влияния значительно расширилась в юго-западном направлении, охватив земледельческие районы, города и торговые центры Восточного Туркестана. О. Караев полагал, что в IX–X вв. кыргызы достигли Кашгара и занимали Или-Таласскую долину, а часть кыргызских групп, по его мнению, обосновалась в бассейне р. Манас. Вместе с тем Н. Бекран в XII в. сообщал о проживании отдельных групп кыргызов к юго-западу от Кашгара, в Горном Бадахшане. Примечательно, что и сегодня в Горном Бадахшане сохраняются топонимы, связанные с этнонимом «кыргыз» и именем Манас, которые служат свидетельством древнего пребывания кыргызов в данном регионе. Отсюда можно предположить, что, продвигаясь вдоль важнейших участков Великого шелкового пути, кыргызы достигли Кашгара и установили контроль над важными караванными путями, связывавшими его с городами Ферганской долины, Бухарой и Самаркандом. Кыргызы для эффективного контроля над караванными путями могли выставить свои дозорные пункты. Например, в Горном Бадахшане дозорные отряды размещали не только Караханиды, но и Саманиды. В связи с этим можно предположить, что на отдельных стратегически важных участках, в частности в районе Эдзин-Гола, бассейне р. Манас, на Каратале и в Горном Бадахшане, где фиксируется присутствие кыргызских групп, могли находиться дозорные отряды, обеспечивавшие контроль и безопасность караванных путей.

Таким образом, после 840 г. Кыргызский каганат сформировал разветвленную систему военно-политических центров и коммуникационных направлений, связывавших районы Танну-Ола, бассейн р. Манас, Или-Таласскую долину, Кашгар, Фергану и далее Горный Бадахшан. Эта система могла обеспечивать контроль над важнейшими участками торговых коммуникаций Центральной Азии и способствовать дальнейшему распространению кыргызского военно-политического влияния.

Расширение Кыргызского каганата сопровождалось формированием сети зависимых владений и буферных территорий, служивших элементами системы политического контроля и обороны. Значительная часть таких

владений возникла в Западной Монголии и опиралась на родственные племенные объединения, включая азов (усинцев), керемучинов, булагачинов и кераитов и т.д.

Китайские источники фиксируют ряд политико-административных центров, связанных с кыргызской орбитой: Усы, Кяньчжоу (Кэм-Кэмджиут), Анкэла (Ангара), Ханьхэн и Иланьчжоу. Наличие этих центров свидетельствует о стремлении кыргызских правителей к устойчивому управлению землями от Енисея до Восточной Монголии.

Следует отметить, что кыргызски владения существовали довольно долго, а отдельные в дальнейшем усилились через этнополитические и этнокультурные контакты с тюрко-монгольскими и монгольскими племенами. Так, Усинское владение в поздних источниках известно как усуту-мангунское, а Кяньчжоу (Кэм-Кэмджиут) упоминается как особое кыргызское владение, из которого, по преданию, происходил Ван-хан кераитский [66. – С. 185.]. В «Юань ши» рассказывалось о кыргызском владении Ус на востоке от Енисея. Отметим, что что еще в эпоху Хубилай хана империя Юань имела свои наместничества во владениях кыргызов на самой восточной части земель последних, что может свидетельствовать о длительном влиянии кыргызов на степные племена.

В условиях усиливавшейся киданьской экспансии кыргызские правители, по-видимому, применили аналогичную тактику, инициировав создание в степи нового союза племён — цзубу, предназначенного для противодействия киданьской (каракитайской) экспансии. Вновь созданный союз возглавили родственные кыргызам кераиты, которые на протяжении двух столетий активно противостояли киданям.

Союз цзубу представлял собой военно-политическую коалицию степных племен, в которую входили кераиты, найманы, меркиты, татары, шивэй и другие группы. Его ядро составляли кераиты, сохранявшие ведущие позиции в регионе вплоть до возвышения Чингисхана. По всей видимости, данный союз возник как механизм коллективного противодействия внешней экспансии и просуществовал около двух столетий, играя важную роль в поддержании политического равновесия в Центральной Азии. Особое значение в этом противостоянии принадлежало кераитам, которые вплоть до возвышения Чингисхана на протяжении двух столетий активно противодействовали усилению киданей, препятствуя их дальнейшему продвижению и сохраняя относительный баланс сил в степном регионе. В этом контексте представляется справедливым мнение Ю. А. Зуева о том, что политическое влияние кыргызов после победы 840 г. сохранялось во Внутренней Монголии еще на протяжении двух столетий [200. – С. 104].

Часть племен, входивших в союз цзубу, имела устойчивые исторические, этногенетические и этнокультурные связи с кыргызами. В последующем эти связи способствовали их включению в более широкие

процессы этнополитической консолидации региона. В частности, кераиты упоминаются в эпической традиции «Манас» в интерпретации С. Ахсикенди [58. – С.36, 45; 19. – С. 41.], а найманы в поздних версиях эпоса выступают как союзники Манаса [166.-С.422]. Меркиты же, согласно отдельным источникам, фиксируются в районах Хами (около 50 тыс. человек), где впоследствии частично вошли в состав кыргызских племенных объединений [85. - С. 20-21.].

О долговременном характере кыргызского присутствия в Западной Монголии свидетельствуют письменные источники, тувинские исторические предания и этнографические данные. В них кыргызы представлены как воинственный и независимый народ, пользовавшийся уважением и одновременно опасением со стороны соседних племен. В тувинской традиции сохраняется представление о том, что монголы называли кыргызов «злым народом», что отражает восприятие их как сильного и трудно подчиняемого противника.

Сохранение кыргызского присутствия в регионе подтверждается и политическими реалиями монгольской эпохи. Даже после включения Западной Монголии в состав Монгольской империи кыргызы продолжали играть заметную роль в местной политической жизни, неоднократно оказывая сопротивление монгольской администрации. Назначение специального наместника для управления кыргызскими землями при Хубилае свидетельствует об особом значении этого региона для центральной власти.

Особый интерес представляют сведения о западномонгольских группах кыргызов — баян-кольских и хунгуртукских, память о которых сохранилась в тувинской традиции. Баян-кольские кыргызы кочевали в пределах Западных Саян, Хангая и района современного Баянхонгора, используя горные рубежи как естественную защиту от внешнего давления. По всей видимости, эти группы являлись элементом более ранней системы военно-политического контроля, сформированной после событий 840 г., и обеспечивали связь между центральными кыргызскими владениями и восточными территориями, включая Ус, Ангару, районы Селенги и Орхонской долины.

Согласно тувинским преданиям, часть кыргызы сохраняли автономность и после монгольских завоеваний, отказываясь от уплаты дани и укрываясь в труднодоступных районах Саян и тайги. Хунгуртукские кыргызы занимали территории к востоку от Енисея, в районе Пор-Бажына, и, вероятно, контролировали стратегический узел, связанный с наблюдением за Центральной Монголией. Таким образом, они продолжали традицию кыргызских военно-административных владений, сформированных после разгрома Уйгурского каганата в 840г., обеспечивая контроль над

прилегающими территориями и препятствуя консолидации враждебных сил в Орхонском регионе.

Память о кыргызском присутствии фиксируется также в этнотопонимии региона: в среде монгольских урианхаев, найманов, сартуулов и хошуудов сохраняются родовые названия, восходящие к этнониму «кыргыз» («хиргис»). В ряде случаев отмечается и последующая языковая ассимиляция отдельных групп, включая переход части западномонгольских кыргызов (в советское время) на тувинский язык при сохранении этнической памяти о происхождении.

Таким образом, совокупность письменных, фольклорных и этнографических данных свидетельствует о длительном сохранении кыргызского присутствия в Западной Монголии и сопредельных районах. Это позволяет утверждать, что система военно-политического контроля, сформированная после победы 840 г., обладала значительной устойчивостью и продолжала оказывать влияние на региональные процессы вплоть до эпохи Монгольской империи и позднее.

Одним из важнейших последствий эпохи Кыргызского Великодержавия стало широкое расселение кыргызских племен далеко за пределами основной территории Кыргызского каганата. Военно-политическое господство кыргызов сопровождалось постоянными миграционными волнами, вследствие которых отдельные кыргызские группы на протяжении IX–XI вв. постепенно проникали в Поволжье, на Алтай, в Восточный Казахстан, Восточный Туркестан, Илийскую и Таласскую долины, а также в Горный Бадахшан. Эти процессы сопровождались сохранением этнической самобытности, что подтверждается данными арабо-персидских авторов, этнонимами «кыргыз», «кыркыр», «манас» и многочисленными топонимическими свидетельствами на пространстве Центральной Евразии.

Распространение этнонимов и топонимов отражает не только военные походы, но и длительное присутствие кыргызских групп в новых регионах. Сопоставление письменных источников и топонимии позволяет предполагать, что в IX–X вв. кыргызские племена занимали и использовали обширное пространство от районов Северо-Западной Монголии (включая город Манас) на востоке до бассейна Оби и районов Башкирии (р. Манашты) на западе, а также от Южной Сибири до Или-Талаской долины (р. Манас). Такой ареал указывает как на масштаб политического влияния, так и на глубину этнических процессов, связанных с эпохой Кыргызского Великодержавия.

Особый интерес представляют сведения «Худуд ал-'Алам», согласно которым на Алтае кыргызы взаимодействовали с кимаками в области Каркырахан, жители которой «по своим обычаям напоминали хырхызов». В Кашгарском регионе кыргызские племена соседствовали с ягма, часть

которых кочевала в долине Таласа. Шабангараи помещает сарихов и ягма к западу от кыргызов [396. – С. 64.], в пределах Кашгарского округа, что отражает сложную систему межплеменных контактов в регионе.

Вероятно, сарики представляли восточную группу аз-шарийа и могли относиться к северной ветви отуз-огланов, часть которых в период политических потрясений мигрировала к своим соплеменникам. Согласно сообщению Марвази, эта группа переселилась из района Таласа в восточные области Караханидского государства, избегая насильственной исламизации [53. – С. 185]. В новых условиях они оказались в зоне непосредственных контактов с ягма и кыргызами в районе бассейна реки Манас [396. – С. 64.].

Таким образом, кыргызы, ягма и сарихи формировали устойчивую зону этнополитических контактов в районе средневекового города Ямгур, который В. Ф. Минорский локализовал в бассейне реки Манас, к западу от Бешбалыка [469. -С. 45; 565.-С. 272, 292]. Это позволяет предполагать сохранение в регионе архаичных религиозных традиций в период формирования новых политических и культурных связей. Вероятно, таласские ягма, кыргызы, отуз огланы уже были мусульманами, тогда как кыргызы бассейна реки Манас, куда мигрировали восточные аз-шарийа (сарихи), еще сохраняли традиционные языческие верования. Последующая исламизация кыргызов и родственных им групп происходила в условиях длительного соседства с мусульманскими центрами Караханидского государства и, вероятно, нашла отражение в сообщении аль-Марвази о трансформации погребальных обрядов кыргызов под влиянием исламской среды [239. –С. 59]. В дальнейшем, согласно С. Ахсикенди, процесс консолидации кыргызов получил новое развитие: под руководством имама Ибрахима они возродились и объединились, сформировав правое и левое крыло для противодействия иноземной экспансии.

Таким образом, эпоха Кыргызского Великодержавия характеризовалась не только территориальной экспансией, но и формированием широкого пространства этнополитического взаимодействия, долговременным влиянием на миграционные процессы и устойчивым участием кыргызских племен в этнической и культурной истории Центральной Евразии. В совокупности эти процессы позволяют рассматривать IX–X вв. как период наивысшего расцвета средневековой кыргызской государственности.

Итак, двадцатилетняя борьба за гегемонию в Центральной Азии завершилась в 840 г. победой енисейских кыргызов, положившей конец политическому господству Тогуз-Огузского каганата. Существенную роль в этом успехе сыграл союз кыргызов с карлуками, тюрками-шато и белыми татарами, что привело к коренному изменению военно-политического баланса сил в регионе.

После победы Кыргызский каганат не только утвердил свое влияние на обширных пространствах Центральной Азии, но и выработал механизмы закрепления достигнутых результатов. На востоке и в Западной Монголии кыргызы восстанавливали и формировали новые владения, опираясь на родственные племенные объединения, а на юго-западном направлении, достигнув Кашгара, установили контроль над ключевыми участками Великого шелкового пути. В результате Кыргызский каганат превратился в одну из ведущих военно-политических сил Центральной Азии.

Поход киданьского правителя Абаоцзи в 924–926 гг. не привел к разрушению сложившейся после 840 г. системы кыргызского политического доминирования. Отсутствие устойчивой киданьской администрации и ограниченный характер экспедиции свидетельствуют о сохранении кыргызами контроля над стратегическими направлениями и о гибкости их внешнеполитического курса, сочетавшего сдерживание противника с сохранением военного потенциала.

Совокупность письменных источников различных традиций позволяет заключить, что в IX–X вв. Кыргызский каганат воспринимался современниками как одно из крупнейших и наиболее влиятельных государств Евразии, игравшее заметную роль в международной системе Центральной Азии.

Таким образом, победа 840 г. ознаменовала начало нового этапа в истории региона. Кыргызский каганат утвердился как ведущая военно-политическая сила Центральной Азии, распространив свое влияние от Верхнего Енисея до Восточного Туркестана и контролируя ключевые коммуникации Евразии. Последствия Кыргызского Великодержавия оказались долговечнее самого каганата: расширился ареал расселения кыргызов, были заложены предпосылки формирования тяньшаньской ветви этноса и определены основные направления его исторического развития. В совокупности эти процессы позволяют рассматривать IX–X вв. как «золотой век» кыргызской истории — период наивысшего расцвета средневековой кыргызской государственности.

§ 3. Кимаки-алтайские кыргызы

Происхождение кимаков и этнонимов «кимак» и «йемек» остается дискуссионным. И. Макварт выводил название «кимак» из соединения этнонимов «ими» и «имак», однако эта гипотеза не получила широкого признания [53.– С. 113]. Большинство исследователей Л. Амбис, Ю.А. Зуев, Д.Г. Савинов, С.М. Ахинжанов связывают йемеков с китайским племенем яньмо, локализуя их в верховьях Иртыша и рассматривая как одно из западнотюркских или телесских племен. Б.Э. Кумеков считал этнонимы «кимак» и «йемек» обозначениями одного народа и полагал, что усиление Кимакского государства было связано с включением после 840 г. части

тогуз-огузов, эймуров, баяндуров и татар в состав кимакского союза [294. – С. 114].

Наряду с этим существуют и другие версии происхождения кимаков. Л. Гумилев связывал их с племенем чумугунь [148.– С. 404], В.В. Тишин — с генеалогическим преданием Гардизи о прародителе, погрузившемся в воду, и одновременно поддержал мнение Ю.А. Зуева о том, что йемек и кимек не являются вариантами одного и того же этнонима [476.– С. 109, 111].. С.М. Ахинжанов отождествлял кимаков с каями (каи) [53.– С. 47, 89, 109.], а В.В. Ушницкий, критикуя эту точку зрения, поддержав концепцию восточного происхождения кимаков, обратил внимание на существование в верховьях Иртыша названия кумак (кубак) со значением «змея» [491. – С. 33]. Это наблюдение согласуется с гипотезой Ю. А. Зуева, который сопоставил усуту-мангунов, упомянутых Рашид ад-Дином, с кимаками, интерпретировав их название как «речные драконы», и отождествил их с племенем аджилар, название которого связывал с авестийским azi — «змей». На этом основании он допускал переселение части кимаков в Прибайкалье, где носителями усть-талькинской культуры XII–XIV вв., по его мнению, были усуту-мангуны, а ее истоки могли быть связаны с проникновением кимако-кыпчакских племен в Южное Приангарье [200. – С. 133; 386].

Однако, весьма интересную гипотезу о происхождении этнонима «кимак» предложил В.В. Тишин, который обратил внимание на один из сюжетов генеалогического предания, приведенного Гардизи, о погружении прародителя кимаков в воду и особом почитании ими воды, выдвинув свою версию. В.В. Тишин попытался рассмотреть «чумугунь» в связи с тюркским словом «cumugun», «comugun» (от «com» – тонуть, «погрузившийся в воду», «утонувший») [476– С. 109, 111]. Однако, чумугун можно этимологизировать в связи с тюркскими и огузскими словами «чумгук» и «чумук», означающими «пестро- серого ворона», упоминавшимися в книге М. Кашгари «Дивани луга тат Турк» [285. – С. 99.]. Чумугуни представляли одно из племен среднеазиатских хунну, вышедшее из владений Юэбань [100. – С. 189; 142. – С. 133.]. Клан чумугуней чумук управлял союзом племен дулу в Западнотюркском каганате.

Мы уже писали, что в тюркскую эпоху владения Юэбань, Йегу и Канцзюй входили в состав державы Истеми-кагана. При этом ведущую роль в племенных союзах Йегу и Юэбань играли асиги (азы, йегу) и чумугуни (клан с тотемом чумук, означавшим пятнисто-серого ворона, или «ала карга») [255. – С. 99], представители которых возглавляли племенные объединения нушиби и дулу («duli» — «ворон») [200. – С. 25]. По мнению Л. М. Гумилева владение чумугуней находилось по западную сторону Тарбагатая [147. – С.377]. Т.е. располагаясь в землях между Южным Алтаем и Восточным Тянь-Шанем [151.-С. 259-260] кочевали ближе к племенам йирим аз, которые жили в степях Западной Монголии и Ангары. Центр их

владения находился в Священном Серебряном источнике Аркуй-булак (кит. Алэхуй-булахе), который соответствовал источнику у подножья Серебряной горы Монгур/Манкур в стране семи кимакских племен, упоминаемого ал-Бируни [200. – С. 124; 53. – С. 154].

Согласно С. М. Ахинжанова, горы Манкур аль-Бируни располагались в центре страны кимаков [53. – С. 263]. В списке кыпчакских племен ад-Димашки, приведенном С. М. Ахинжановым, среди крупных племен упоминаются названия бурджоглы, манкуроглы, йемек, а мелких подразделений «кумук-атыкуз» (вариант чтения — «куманку» С. А.) [53. – С. 263]. В якутском предании рассказывается о прародине предка саха Омогой Баая, в далекой стране народа Монкуур [105. – С. 23], что видимо, было связано с названием местности Серебряной горы Монгур/Манкур в стране усуту-мангунов, которым принадлежала вышеотмеченная усть-талькинская культура (XII–XIV вв.) саха-якутов истоки которой связывали с проникновением кимакских и кыпчакских племен в Южное Приангарье» [382.].

Следовательно, происхождение кимаков, вероятно, связано с племенами Аркуй-Булака, где располагалось владение Йирим-Аз, ближе к которому после распада Западнотюркского каганата переселились азы и чумугуни. Согласно источникам, йирим-азы соседствовали и взаимодействовали с племенами аркуй (аркай), булаков, кимаков, кыпчаков, канглы и другими.

Однако, до кимакской эпохи земли, расположенные на восток от Енисея, входили в состав Великого Кыргызского каганата. В этом регионе кыргызы контролировали важные территории, включая владения Усы, Кяньжоу, Иланьжоу, Ханьхэна и Анкэла (Ангара) [491.-26.]. Последние находились в лесо-степных зонах современной Западной Монголии и Прибайкалья. Аль Идриси отмечал кыргызов в районе священной реки Манхар. Аль-Идриси, описывая страну кыргызов, упоминает о священной реке Манхар/Манхаз, которая играла важную роль в жизни этого народа. Он пишет: «Страна киркиров обширна, плодородна, часто посещается путешественниками, хорошо орошается многими реками, доходящими сюда от китайских границ; главная из этих рек носит имя Манхаз (в других переводах Манхар). Киркиры сжигают своих умерших и бросают их пепел в Манхаз, а кто живет далеко от реки, те собирают пепел и пускают по ветру...» [214. – С. 106.]. Далее аль- Идриси сообщает, что главный город страны киркиров, где проживал царь, был расположен близ полуострова Гиацинтов, а расстояние от города до моря составляло около трех дней пути. На карте аль-Идриси указано пять городов в стране киркиров: Нашран, Хирхир (дважды), Хакан Хирхир и Дараид Хирхир. Города протянулись от Китайского моря на востоке до Енисея на западе. Город, в котором жил каган киркиров, был сильно укреплен и окружен стенами, рвами и

траншеями [214. – С. 106.]. Согласно аль Идриси «страна этих киркиров находится к востоку от страны багаргаров (уйгуров) и недалека от китайского моря» [214. - С. 106.]. Таким образом, из описания аль-Идриси можно заключить, что страна киркиров (кыргызов) располагалась на востоке, в районе важного перекрестка торговых и культурных путей, связывавших Центральную Азию с Китаем. Река Манхар, вероятно, имела для этого народа не только географическое, но и определённое культурное и ритуальное значение.

Следовательно, река Манхар, омывавшая земли, вероятно, находившиеся в пределах Кыргызского владения Ус в Западной Монголии, имела важное социально-религиозное значение для кыргызов. Обычаи, связанные с почитанием речных духов, подтверждают важность рек и водных ресурсов в жизни усинцев. Источники о древних усинцах сообщали: «по существующему у них обычаю, каждый год в первой декаде шестого месяца убивают белую лошадь, быка и барана, разбрызгивают кумыс; все усы омываются в реке, чтобы почтить духов реки, потому что, по преданию оттуда вышел их родоначальник» [356.-С. 75.]. В источниках упоминается, что владение серебряных усинцев или усуту-мангунов [200. – С. 135] располагалось в соседстве с княжеством Алакчын в Прибайкалье, которое славилось, как и улус усинцев, своим богатством на золото и серебро. Рашид ад-Дин сообщал, что Алакчын находился ниже по течению у моря [421. – С. 102]. «Имена этой области: Алафхин, Адутан, Мангу и Балаурнан. Лошади в этой стране огромные и все пегие, инструменты и посуда – из серебра» [421. – С. 102]. Здесь же автор отмечал, что в месте впадения Енисея в Ангару находился город Кикас, принадлежавший кыргызам [421. – С. 102]. Г. В. Ксенофонтов размещал владение кыргызских племен булагачинов и керемучинов на гористом и лесистом водоразделе Енисея и Ангары, «на краю страны кыргызов» [290. – С. 140]. Абул-Гази Хивинский также помещал кыргызов на Ангару, что является неопровержимым фактом древнего пребывания кыргызов в стране Алакчын и их влияния в этом крае [6. – С. 99]. Несомненно, одним из важных моментов в вышеприведенных сведениях Рашид ад-Дина являлось то, что область Мангу в серебряной стране Алакчын располагалась на востоке от енисейских кыргызов. Рашид ад-Дин владение усуту- мангунов (серебряных усинцев) помещал в области чрезвычайно большой реки Ангары и называл ее страной, где много серебра, т.е. Серебряной страной: «Повсюду там серебро» [200. – С. 135].

Д.Г. Савинов и А.В. Харинский связывали Мангу с народом усуту-мангун, упомянутым у Рашида ад-Дина [435.]. Ю.А. Зуев название области «Мангу» алакчынов, расположенной на Ангаре, связывал со словом «мэнгу» – «серебро» [200. – С. 135] и отождествил его с кимакским племенем «кумуш» [200. – С. 125].

В.В. Ушницкий, анализируя сообщения Ц. де Бридиа, Плано Карпини и других средневековых авторов, обратил внимание на сведения о «су-монголах» («водных монголах»), которые сами называли себя татарами по имени реки Татар (Тартар), протекавшей через их землю [541. – С. 100–101; 543. – С. 508]. Не исключено, что этноним «татар» восходит к более древним формам (тардуш/тардур/тартар, тадуш, тардыш и др.), известным у тюркских народов. Так, С.М. Абрамзон отмечал, что в государстве сеяньто западная часть владений называлась Тадуш [5. – С. 65].

В «Кратких сведениях о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина урсуты названы одним из татарских племен. На основании сопоставления китайских, персидских и европейских источников В.В. Ушницкий пришел к выводу, что этнонимы усу-ирган, урсут, усухань, усы и усуту-мангун, вероятно, обозначали один и тот же народ. Общим для них является основа усу (су) — «вода», что согласуется с известиями о «водных монголах» (татарах) XIII века [497. – С. 153].

Выше мы отмечали, что Ю. А. Зуев определил два географических объекта, связанных с названием Аргу-таг, которые по его мнению, имели прямое отношение к древним азам и кыргызам. Первая гора, Аргу таг или Белые горы, находилась в Восточном Туркестане [100.–С. 41; 200.–С. 205], где китайские источники отмечали кыргызов йегу. Здесь же на Центральном Тянь-Шане в районе горы Кумуштаг располагалась страна Аргу, где жили азы, тыхсы, отуз огланы, чигили, ягма и другие. Вторая гора находилась на Севере, в стране священного Серебряного источника Аркуй-булак (кит. Алэхуй-булахе), которая в древности принадлежала асие-тохарам. Аркуй-булак располагался восточнее енисейских кыргызов цзянькунь, в землях владения «Йирим Аз» (владение азов или усинцев) [284.–С. 12; 111.–С. 71]. Ю. А. Зуев сопоставляет Аргу-таг (Белые горы) в Восточном Туркестане [100.-С.41; 200.-С. 205] и Аркуй-булак с источником, упомянутым у подножия Серебряной горы Монгур (Манкур) — в землях семи кимакских племен, описанной ал-Бируни [200.-С. 124.].

В связи с вышеизложенным отметим, что в докимакскую эпоху земли, расположенные к востоку от Енисея, входили в состав Великого Кыргызского каганата, где локализовались кыргызские владения Ус, Анкэла (Ангара) [491.-С.26.] и другие, находившиеся Западной Монголии и Прибайкалье. В этом контексте мы считаем целесообразным гидроним Манхар аль-Идриси, игравшей важную роль в жизни кыргызов, сопоставить с названием горы Манкур, описанной аль-Бируни.

Следовательно, древние усинцы в районе Аркуй-булака имели соседями племена кумуш и булак (аркуй-булак), которые могли быть одними из основных племен последних. Племя кумуш называлось племенем горы Кумус [197.-С. 125–126.]. Стало быть, одним из основных племен серебряных усинцев (азов) могло быть племя кумуш, упоминаемое в

персидской географии 982 года и арабском труде 1120 года как второе объединение в перечне кочевников Хинганского пояса (на восток от Китая, в сторону летнего восхода). Минорский указывает его местоположение на северо-востоке, между Китаем и кыргызами [565.–С. 84, 228; 566.–С. 26, 85.]. Кумуш входил сначала в кимако-кыпчакский, а затем в кара-китайский племенной союз под руководством Елюй Даши, который позже переселился с Алтая на Тянь-Шань [200.–С. 125–126.]. Потомки племени кумуш также обнаружены в Кузнецком округе Кумышской волости, получившей свое имя от рода кумыш, также известной как Конгдошская (по роду конгдош). Согласно легенде, в связи с тем, что девушка-мать, родившая ребенка, не могла назвать его отца, дала ему имя рода матери – Конгдош [407.– С. 251; он же 412.–С. 174]. «Конгдош» можно сопоставить с хэйчецы/канггач/конгкош/конкош. Т.е. племя кумуш могло иметь связь с канглы.

Следовательно, кумуш считалось одним из главных племен усинцев или усуту-мангунов [267; 18. – С. 237]. В этом отношении, можно допустить, что позже от серебряных усинцев (усуту-мангунов) и его племени кумуш выделилось новое племя мангун. Это племя (кумуш) представляло одно из объединений ранних кимаков под аналогичным именем кумуш («серебро»). Название этого племени могло быть калькой названия области «Мангу» алакчынов, упомянутой Рашид-ад-Дином и расположенной на Ангаре, рассматриваемой в научной литературе в связи с термином мэнгу – «серебро» [200. – С. 135].

Племя булак вместе с уч-карлукскими родами чигиль и ташили мигрировало в Семиречье в период реваншистской политики правителей Второго Восточнотюркского каганата. Согласно М. Кашгари, булаки (аркуй-булак), переселившись в долину реки Талас, стали называться алка-булаками [53.-С. 175]. Само название племени «алка-булак» указывает на его связь со страной священного Серебряного источника Аркуй- булак (кит. Алэхуй-булахе). Вышеприведенные сведения М. Кашгари подтверждают связь племен Аркуй-булака с тюргешскими азами и тухсы, проживавшими в районе горы Кумуш таг в Таласе. Т.е. анализ указывает на то, что вышеотмеченные средневековые топонимы Кумуш таг, Аркуй -булак и Манкур могли иметь связь с древними азами или йирим азами и кыргызами Западной Монголии [284.-С. 12; 115.-С. 71]. Отсюда в чигилях можно видеть одно из объединений азов, исповедующих манихейство. Мы уже сопоставляли булаков М. Кашгари с кыргызским племенем булагачин и булагатами [20. -С. 55; 18.-С.57-59.], которое вместе с керемучинами обитало на самой восточной окраине владения енисейских кыргызов в районе Ангары «на краю страны кыргызов» [290.- С. 140.]. Булагачины и керемучины могли представлять алтайскую часть булаков, которые остались на старых землях после ухода уч-карлуков чигилей, булаков и ташили в

Семиречье. Т.е. это дает нам дополнительные основания связывать чигилей, булаков и ташили с Кыргызским владением Ус в Западной Монголии. Очевидно, с уходом чигилей в Семиречье енисейские кыргызы усилили свои восточные земли, образовав улусы булагачинов и керемучинов, которые относились к владению Ус. Потомки булагачинов булагаты и поныне компактно проживают в Западной Бурятии [491.- С. 102- 103.]. В средневековых источниках булагачины и керемучины упоминаются наряду с бурятами, бома-алакчынами и ойратами как племена Приангарья. По сведениям Рашид ад-Дина, на Ангаре жили усуту-мангуны и татары, а Абульгази также помещал татар в район города Алакчин на Ангаре [6. – С. 99].

Однако, в данном случае, весьма важно установление древней связи между племенами (усинцы/азы, кючюки, булак, аркуй-булак, онгут) Аркуй-булака (Серебряной горы Монгур/Манкур) и объединениями нушиби (асиги, гешу) Кумуш Тага в долине реки Талас, куда мигрировали чигили, булаки или алка булаки и ташили. Складывается, впечатление, что предки вышеназванных племен постоянно кочевали с востока на запад и наоборот со времен саков, асиев и тохар.

Анализ показывает, что азы делились на западных и восточных и кочевали на огромной территории охватывая Тянь-Шань, Саяно-Алтай и Западную Монголию. Западные азы кочевали от Таласа до Алтая, а восточные азы или усы на восток от Енисея до Ангары и Аргуни. По мнению Ю. А. Зуева именно в районе Ангары, а может быть Аргуни мог находиться Серебряная гора и источник Аркуй/Алкуй-булак (ср. мох. Б arkwi «серебряный», «белый»). Рашид ад-Дин сообщает, что здесь Чжамуха был избран гурханом и отмечает, что «они проживали по низовьям рек, и по слиянии этих рек образуется река Эргунэ. Река эта чрезвычайно большая, на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту мангус»… Эта река находится близ города, называемого Канкати, который относится к владениям кыргызов [421.-С.101- 102; 200.-С. 107-108.]. Следовательно, енисейские кыргызы имели на востоке йирим аз (потомков аримаспеев), центр области которых находилась в Серебряном источнике Аркуй/Алкуй-булак, где жили также булаки, аркуйи или аркайи, пугэ и другие.

Очевидно, именно поэтому формирование кимакских владений отражало продвижение азийско-кимако-кыпчакских групп из районов Западной Монголии и Южной Сибири через Прииртышье в Центральный Казахстан. Первоначальное ядро кимаков, вероятно, находилось в районах Алтая, Западной Монголии и Верхнего Прииртышья. Область Каркырахан, по-видимому, охватывала восточные земли кимаков — Южный Алтай, Верхнее Прииртышье и Западную Монголию, территории, связанные с расселением алтайских азгишей и кыргызов, упоминаемых Ибн Хардадбехом. Область Ондар-Аз-Кыпчак занимала Центральный Казахстан

и соседствовала с приаральскими и семиреченьскими азами. В ее формировании могли участвовать приаральские азы, мигранты из Алтая и Западной Монголии — ондары, азгиши и кыпчаки. Западное направление кимакского объединения позднее включило область Яксун-Йасу, которую ряд исследователей связывает с Саксином в Нижнем Поволжье.

Другим свидетельством связи рунических (приангарских) азов с тюргешскими азами является их соседство с приамурскими мукринами (бахринами), зафиксированное средневековыми источниками как в Приангарье, так и в Семиречье. Это указывает на существование устойчивых этнополитических контактов между данными группами. История мукринов (бахринов) была неразрывно связана с племенами азов Западной Монголии и Семиречья. Не случайно анонимный автор «Худуд ал-Алам», рассказывая об одной из областей кимаков — Каркара(хан), отмечал, что ее жители «…напоминают по своим обычаям хырхызов» [345. – С. 50]. В свою очередь, С. Ахсикенди в «Маджму ат-Таварих» упоминал кыргызское владение Каркыра в долине реки Талас, соседствовавшее с владением бахринов [58. – С. 44–45, 57]. Все это позволяет предположить, что мукрины (бахрины) соседствовали с азами как в Приангарье и Приамурье, так и позднее в Восточном Притяньшанье.

Предания о Серебряном источнике Аркуй-Булак и Серебряной горе Манкур свидетельствуют о сакральном значении этой области для кочевников Западной Монголии. По-видимому, первоначально она принадлежала асиям и тохарам Аримаспеи (Аз-Йирим), а в средние века стала владением енисейских кыргызов, имевших здесь княжество Ус (Йирим Аз) [284. – С. 12; 115. – С. 71]. В эпоху Кыргызского Великодержавия владение Ус стало важным восточным опорным центром Кыргызского каганата, контролировавшим земли от Енисея до Амура и Орхона.

Вероятно, в IX–X вв. енисейские кыргызы окончательно подчинили Приангарье, включив земли алакчынов в состав владения Ус, которое Абулгази позднее называл «страной поколения татар» [6. – С. 99]. Именно в этой среде происходило тесное взаимодействие кыргызов, усинцев, карлуков, алакчынов, кимаков, кыпчаков, канглы и других лесных племен Саяно-Алтая, создавшее предпосылки для формирования Кимакского союза.

Таким образом, Приангарье и прилегающие районы Западной Монголии, где усинцы, аркуй и булаки соседствовали с семью кимакскими племенами, кыпчаками и канглы, следует рассматривать как один из важнейших центров формирования нового этнополитического пространства. Усиление кыргызского влияния к востоку от Енисея сопровождалось образованием новых владений и интенсивной консолидацией местных племен. Вероятно, именно с этими процессами связано происхождение ряда

племен Алтая, включая ябагу-карлуков, онгутов, усуту-мангунов и каев (уранкай).

Кимаки, подобно азам, почитали священные реки и речные божества. Они обожествляли Иртыш, совершали обряды вызывания дождя, поклонялись огню и солнцу, а также практиковали кремацию. Не менее показательно и генеалогическое предание, связывающее происхождение кимаков с легендой о Шаде и семи родоначальниках, изложенной Гардизи. Согласно этому преданию, после бегства Шада к Иртышу вокруг него объединились семь родов — Ими, Имак, Татар, Баяндер, Кыпчак, Ланиказ и Аджлад, положивших начало семи кимакским племенам [53. – С. 95].

Однако, как отмечалось выше, ряд исследователей также относит к кимакам одну из областей алакчинов — Мангу. Разделяя высказанное Ю. А. Зуевым мнение о тождестве этнонимов «мэнгу» и «кумуш», считаем возможным уточнить вопрос о соотношении формы «мангу» с «кумуш». Этноним «кумуш», вероятно, можно сопоставить с тувинским «монгуш» (стяженная форма от «монкумуш» — «серебряный человек», «серебряный род»). В этом случае Кумуш как одно из крупных объединений «серебряных усинцев» в монгольскую эпоху, вероятно, стало именоваться Монкумуш или монгуш (стяженная форма), что могло отражать значение «серебряные усинцы». Вместе с тем представляется возможным, что форма «мангу» имела и более древнюю тюркскую основу, связанную с кимакским этнонимом «куман» и обозначением лесного населения Саяно-Алтая. «Мангу» можно сопоставить с «куманку» аль Дамишки [53. – С. 263]. Поэтому этноним «мангу» целесообразно рассматривать в сопоставлении не только с «кумуш», но и с кимакским этнонимом «куман», а также с антропонимом Мангуш, упоминаемым в мамлюкских источниках как имя сына Котян-хана [486.–С. 17; 494..–С. 126–129]. Вероятно, формы «мангу», «мангуш» и «куман» были семантически близки и могли обозначать «лесного человека». При этом «мангу» и «куман», по-видимому, являлись формами единственного числа, тогда как «мангуш» представлял форму множественного числа. Вместе с тем слово «мангу» в тюркских языках, вероятно, имело несколько значений. Оно образовано компонентами «ман» — «человек» и «ку», который мог означать «лесной», «рыжий», «бледно-желтый», а также «лебедь». Такая многозначность допускает различные варианты толкования данного этнонима.

Наряду с этим происхождение ряда этнонимов и антропонимов кимакско-кыпчакского круга, вероятно, связано с древнетюркским корнем qobuq (кобук), сохранившимся в генеалогическом предании о происхождении кыпчаков. Как уже отмечалось выше, Абулгази соотносил древнетюркское слово «кобук» (дупло или полость) с термином «кыпчак». В кыргызском языке этому соответствуют выражения «куу жыгач», «куу агач» и «куу бак», фонетически близкие словам «Qobuq/Kobuk» и «Qïpaq/Кипак».

Следовательно, этноним «кыпчак» мог быть связан с древнетюркским обозначением полого дерева (кобук) или его кыргызским соответствием (куу жыгач, куу бак).

Команы имели двух наиболее известных правителей: Кобяка, действовавшего во второй половине XI — начале XII в., и Кончака, возглавлявшего половецкие объединения во второй половине XII в. Сходство этих антропонимов, возможно, не является случайным. В исторических источниках прослеживается связь между словом «кобук» («дупло», («полость») и этнонимом «кыпчак». Абу-л-Гази отмечал: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют «кыпчак» [6. – С. 43]. Не исключено, что имя Кобяк и другие формы этнонимов и антропонимов куманско-кыпчакского мира восходят к древнетюркскому корню qobuq (кобук) со значением «полость, дупло». Данный корень мог иметь различные фонетические варианты, отраженные в этнонимах «Qobuq/Kobuk», «Qobaq/Kubak», «Qïpaq/Кипак», «Qïpčaq/Кыпчак» и, возможно, «Qïmaq/Кимак».

Косвенным свидетельством высказанного предположения служит предание, зафиксированное Рашид ад-Дином, о рождении родоначальника кыпчаков в полости дерева. Согласно легенде, мать родила его в кобуке (полости, дупле) дерева, после чего Огуз-хан нарек младенца Кыпчаком, а впоследствии он стал предводителем племени [421. – С. 83–84]. Вероятно, данное предание отражало древнее представление о происхождении рода, связанное с образом полого дерева. Если эта гипотеза верна, то названия кимак и кыпчак могли восходить к общей древней основе «qobuq/kobuk», отражая не смену поколений, а различные исторические обозначения единого кочевого мира. Венгерское «Kun», вероятно, представляет собой стяженную форму этнонима «Quman/Kuman», закрепившуюся в венгерской языковой среде, тогда как формы «Cuman» и «Koman» передавали этот этноним в византийской, латинской и других традициях. В этом смысле, «чумукун» мог бы означать «пегие кун» или «куман».

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным более подробно рассмотреть локализацию кыргызов и соседних с ними племен, а также этнические процессы на Саяно-Алтае и в Западной Монголии в тюркский и монгольский периоды, начиная с эпохи Кыргызского Великодержавия.

Согласно письменным источникам, в IX–X вв. владения кыргызов занимали обширную территорию, простиравшуюся от Байкала до Каспия. К востоку от Енисея им принадлежали владения Керемучин, Булагачин и Ус в бассейне Ангары, где они соседствовали с кимаками, кыпчаками, канглы и другими племенами. Аль-Идриси (1154 г.) писал: «Страна киркиров обширна, плодородна, часто посещается путешественниками, хорошо орошается многими реками, которые протекают сюда с китайских границ.

Главная из этих рек носит имя Манхаз (в других переводах — Манхар)… Город, где обитает царь киркиров, расположен близ полуострова Гиацинтов» [213. – С. 106]. Примечательно, что сведения о почитании рек и духов вод встречаются как у кыргызов, так и у их соседей — усинцев и кимаков [356. – С. 75; 16. – С. 279]. Не менее показательны сообщения о владении серебряных усинцев, или усуту-мангунов [200. – С. 135]. По мнению Ю. А. Зуева, усинцы проживали в районе Серебряного источника Аркуй-булак (Серебряной горы Монгур/Манкур), располагавшегося в стране семи кимакских племен, упоминаемой ал-Бируни [200. – С. 124; 53. – С. 154].

Судя по имеющимся данным, этот район на протяжении длительного времени сохранял этническую преемственность. В тюркскую эпоху здесь проживали усинцы, кумуши, булаки, ограки и манкур-оглы, а в монгольское и постмонгольское время — булагачины, керемучины, булагаты, эхириты, найманы, усуту-мангуны, мангыты. Это позволяет рассматривать Приангарье как один из важнейших центров взаимодействия кыргызов, кимаков, кыпчаков и родственных им племен.

В сочинении Истахри кимаки упоминаются наряду с кыргызами и хазладжами. По его словам, «страна кимаков находится к северу за владениями хазладжей, которые обитают между владениями гуззов и хырхызов» [345. – С. 20]. Вероятно, упоминаемые хазладжи могут быть сопоставлены с племенем калач (халадж), которое Рашид ад-Дин относил к числу трех племен — кыпчаков, калачей и агач-эри, происходивших «из того народа, который соединился с Огузом и смешался с его родом» [421. – С. 83; 47. – С. 54]. Утемиш-хаджи также упоминает агач-эров и калачей наряду с уйгурами, канглы, кыпчаками и карлуками как народы, не признавшие власть Едиге [489. – С. 60–61].

Однако, Ибн Хардадбек в X веке в своем перечне тюркских племен не упоминал агач-эри, но кыпчаков поместил рядом с азгиши и кыргызами [294.- С. 113; 271.-С. 153], что может указывать на то, что в агач-эри следует видеть алтайских азгиши и кыргызов. Вероятно, агач эри представляли азов на Ангаре, которые также могли называться бурут (от борулу-лесные азы). Это оправдывает наше мнение о азийском происхождении чигилей, мигрировавших вместе с булаками и ташили в долину реки Талас в VIIIв. Причем, этот же маршрут был и у аз-шарийа в XIвеке, которые заняли долину реки Талас и бассейн реки Манас в Илийской долине в Восточном Туркестане. В связи с чем, весьма интересна сведения Ибн ал-Асира информировавшего о принятии в 1043 году ислама каким-то алтайским народом (в 10000 шатров), который имел зимовки в окрестностях Баласагуна, а летовки — в низовьях Камы, рядом со столицей Волжской Булгарии [53.-С. 183-185.]. С. М. Ахинжанов попытался связать их с восточной группой аз-шарийа, которую В. Ф. Минорский локализовал в районе реки Эдзин-Гол [53.-С. 185.]. В то же время мы опираемся на

сведения Шабангараи, согласно которым ягма и сарихи располагались к западу от кыргызов, что позволяет локализовать их в бассейне реки Манас. Утемиш-хаджи в XIVвеке располагал кыргызов рядом с городом Казань [355.-С.64-65.], а Бекран в XII в. помешает группу кыргызов в Горном Бадахшане [78. - С. 100; 331. – С. 18]. Еще Ч. Валиханов основываясь на один из основных сюжетов эпоса «Манас» «Кокотойдун ашы» писал, что кыргызы с древних времен жили на территории между Андижаном и озером Иссык-Куль, летом они перекочевывали до Урумчи, Иртыша, Алтая и Хангая. Летом уходили на летовку, а зимой вновь возвращались на Тянь-Шань [119. – С. 25].

Таким образом, анализ исторических источников показывает, что азы и кыргызы постоянно могли проживать как на Тянь-Шане, так и на Саяно-Алтае. Вероятно, потомками алтайских кыргызов владения Juanhan, упомянутых Юй Тайшанем могли быть азы, которых Ибн Хардадбек отмечал как азгиши рядом с кыргызами и кыпчаками на Алтае [294.-С.113]. В научной литературе именно азов и им родственных тухсы называют потомками древних юэчжи. Ю. А. Зуев поэтому поводу отмечал: «Прямые потомки юэчжи, племена аз и тухс, эти юэчжи в Канге, стали этнополитической основой при создании Тюргешского каганата» [200.-С. 157].

Кыргызы представляют собой народ, сохранивший единство этнической идентичности независимо от региона проживания. Об этом свидетельствуют исторические и этнографические материалы, а также богатое фольклорное наследие кыргызского народа. Как писал Ю. А. Зуев, «Кыргызское Великодержавие не было кратковременным: племена Внутренней Монголии ощущали его влияние еще два столетия» [200. – С. 104]. В этом контексте можно предположить, что кыргызы с древних времен могли обозначаться этнонимами «кыргыз» («кыр» — гора + «кызаа» — ущелье) и «бурут» («борулю» — густой лес в горной местности, у входа в ущелье), которые, возможно, являлись близкими по значению наименованиями и могли обозначать население горных ущелий, покрытых лесными массивами. Подобный природно-географический образ был характерен для Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. В монгольскую эпоху кыргызы также продолжали восприниматься как лесной народ, о чем, по-видимому, свидетельствует их обозначение как «лесных львов Моголистана» [376. – С. 153–154; 225]. Гардизи сообщал, что кыргызами управлял некий незрячий предводитель Емке, который сонлансо предния в младенчестве был вскормлен молоком собаки [66.- С.526]. Его имя Емке, вероятно, восходит к той же основе, что и этнонимы «йемек» («имак») и «кимак». Упоминание правителя с таким именем во главе кыргызского владения на Алтае может служить дополнительным свидетельством общности происхождения, а также длительных этнополитических связей кыргызских и кимакских племен

Алтая и Прииртышья. Кроме того, Гардизи характеризует кыргызов как народ европеоидной внешности и сообщает, что они подразделялись на шесть багов (объединений): Сокола, Коровы (или Лося), Ветра, Ежа, Сороки и Красивого дерева [78. – С. 46–48]. Особый интерес представляет упоминание багов «сокола» и «красивого дерева». Это позволяет предположить, что данная группа кыргызов была связана с лесной зоной Алтая, где культ родового дерева занимал важное место в традиционных представлениях. Представители этого племени, связанные с символом сокола как олицетворением власти и высокого статуса, могли играть важную роль в кыргызском обществе. Об этом, прежде всего, говорит вышеуказаное генеалогическое предание в «Огузнамэ», где рассказывается о новорожденном мальчике в полости дерева, которого нарекли Кыпчаком [421. – С. 83–84]. Однако, кыргызы тоже сохранили схожее генеалогическое предание о происхождении племени мунгуш, название которго мы выше отождествляли с именем сына кимаков Котян хана Мангуш [486.–С. 17; 494.-С. 126-129]. Причем мунгушская версия предания включает не только мотив рождения в полости дерева, но и ряд архаичных элементов — образ дерева, птицы, гнезда, происхождения потомства, прародителя народа, а также народную этимологию этнонима. Говориться, что однажды, когда возвращался с охоты Долон бий услышал крики птицы, зовущей о помощи. Осмотрев местность, он увидел опечалившуюся птицу, горевавшую по птенцам, выпавшим из гнезда, устроенного на стволе дерева. Долон бий собрал все ее потомство и обратно положил птинцов в гнездо. И после эту птицу назвали мунгуш (от тюркс. «мун»; «печаль, тоска»; павшая в печаль, горе птица). Имя этой птицы стало именем младшего сына Долон бия, родившейся от младшей успруги, представительницы соседнего племени монмош (монгуш). От него пошли все роды мунгушей. Отметим, что прародиной кыргызских мунгушей считаются степи Западной Монголии, где ныне живут тувинские племена кара монгуш, монгуш [416.– С. 130.] и кыргыс, которые имели аналогичную родовую тамгу с кыргызским племенем мунгуш, изображавшую птицу-сокола (жагалмай) в полете [5.–С.43.]. Мунгуши делятся на жагалмай тамга (сокол дербник, символ власти) и кош тамга, что может ассоициироваться слияние двух племен в одно. Вероятно, в предании отразилось утеря кыргызами своей государственности в связи с приходом к власти борджигинов во главе с Чингиз ханом, в связи с чем новая этимология этнонима с монголо-бурятским и кыргызским термином моң/moŋ («печаль, тоска»).

Отсюда можно предположить, что вышеупоминутое алтайское племя агач-эри соответствует кыргызскому багу, почитавшему красивые деревья, известному по сообщению Гардизи. По всей видимости, именно агач-эри в результате длительных контактов с монголоязычным миром стали одной из ведущих групп в кимакском обществе и могли сыграть важную роль в

этногенезе лесных племен кимаков и кыпчаков. Косвенным подтверждением этого может служить то, что в письменных источниках агач-эри нередко упоминаются рядом с кыпчаками, а сами кыргызы связывали свою этническую идентичность с образом лесного народа. Отметим, что кыргызы сохранили множество версий генеалогического предания Гардизи, одни из наиболее близкими считались версии племен чон багыш и саяк, где главной роли выступает некий Кулжыгач (Могучее дерево) баатыр. Отметим, что если в вышеприведенном предании Гардизи о предводителе кыргызов Емке рассказывалось, что будто бы он в младенчестве был вскормлен молоком собаки-сак [66.- С.526], то кыргызское племя саяк (ср. с сак) сохранило генеалогию о потомках Кулжыгач баатыра - младенцах-близнецах Итэмгена и Сютэмгена, где одного вскармливала кер тайган (красная борзая), а другого – мать-олениха/сагын.

Следовательно, происхождение кимакского объединения связано с событиями после 840 г., когда енисейские кыргызы ликвидировали господство Тогуз-Огузского каганата на Орхоне и установили свое влияние в Центральной Азии. После занятия Алтая и Западной Монголии кыргызы вступили в тесные этнические связи с местными племенами, что способствовало формированию нового этнополитического объединения во главе с агач-эри («лесные люди») и династической группой Емке (йемек/кимак). В процессе длительной этнической консолидации могли сформироваться близкие формы этнонимов qobuq (кобук), Qobaq/Kubak, Qïpaq (Кипак), Qïpčaq (Кыпчак) и Qïmaq (Кимак).

Косвенным свидетельством этого предположения служит предание, зафиксированное Рашид ад-Дином, о рождении родоначальника кыпчаков в полости дерева, которое, вероятно, отражало древнее представление о происхождении рода, связанное с образом полого дерева.

Важная роль кыргызов в этнических процессах на Алтае в IX–XI вв. подтверждается также сведениями анонимного автора сочинения «Худуд ал-Алам» об области Каркыр(а)хан, жители которой, согласно источнику, «напоминают по своим обычаям хырхызов». Ранее К. Петров, по-видимому, неправильно интерпретировав эти ценные сведения, пришел к выводу о поглощении кыргызов кимако-кыпчакской массой [391. – С. 88–91]. Однако современные данные ДНК-исследований позволяют критически пересмотреть такое предположение. В частности, современные кыргызы унаследовали значительную часть генетического наследия древних енисейских кыргызов. По данным ДНК-исследований, об этом может свидетельствовать высокая частота гаплогруппы R1a1, составляющая около 63 % [362. – С. 70–71].

При внимательном прочтении текста «Худуд ал-Алам» можно, напротив, предположить, что приведенные сведения свидетельствуют о влиянии кыргызов на население Алтая. Они указывают не только на

политическую роль кыргызов, но и на распространение среди местного населения их обычаев, традиций и элементов этнической культуры. В этих условиях кыргызы и связанные с ними родовые группы, прежде всего агач-эри, могли стать одной из основных политических сил, войдя в состав Кимакского государства как одна из трёх основных областей. В этом случае этноним «кимак» мог выступать в качестве политонима и иметь более широкое политическое значение, распространяясь на племена Алтая, Прииртышья и Западной Монголии.

Таким образом, после установления Кыргызского Великодержавия в Центральной Азии в 840 году, кыргызы вступили в новый этап своего развития. В результате сложных этнополитических и этнических контактов кыргызы стали идентифицировать себя как лесной народ — агач-эри. Кыргызы активно участвовали в формировании Кимакского каганата и возродились в рамках этого объединения как одна из основных этнополитических сил, сохранив в условиях взаимодействия различных этнических групп тюркскую основу народа и государства. Можно предположить, что первоначально «кимак» имело значение политонима, тогда как формы «кимак», «куман», «кун» и «кыпчак», по-видимому, представляли собой различные исторические самоназвания и внешние обозначения единого кочевого объединения, сформировавшегося в пространстве Алтая, Прииртышья и Восточного Дешт-и-Кыпчака.

§ 4. Кыпчаки -потомки племени лесостепной зоны Алтая

В византийских источниках кыпчаков называли команами (куманами), в восточноевропейских — кунами, в русских — половцами, в мусульманских — кыпчаками. В научной литературе одни исследователи отождествляют команов и кыпчаков, другие рассматривают их как самостоятельные племенные объединения.

По мнению В.В. Бартольда, кыпчаки не представляли собой единого племени с централизованной властью: ими управляли отдельные ханы, тогда как общего хана всех кыпчаков не существовало [76. – С. 209]. Вместе с тем кыпчаки представляли собой не отдельное племя, а крупное объединение восточных кочевых племен, сложившееся в результате длительных этнополитических процессов.

После разгрома Тогуз-Огузского каганата в 840 г. пятнадцать тогуз-огузских племен переселилась на Алтай [294.– С. 114.], где вместе с местным населением участвовала в формировании кимакского и кыпчакского объединений. П.В. Голубовский одним из первых, сопоставив византийские, мусульманские, западноевропейские источники и русские летописи, показал, что в западной традиции кыпчаки были известны как команы и половцы [15. – С. 387].

Вопросы происхождения кыпчаков, соотношения кимаков, команов и кыпчаков, а также этимологии этнонимов «кыпчак» и «половцы» остаются дискуссионными. Происхождение этнонима «половцы» большинство исследователей А. Куник [296.], С.А. Плетнева, [402.] Н.А. Аристов [47.], Г.Е. Грумм-Гржимайло [151.], Л.Н. Гумилев [150.], А.Понамарев [405.], Д.Е. Еремеев [182.-С. 136.], Г.А. Михайлова [357. - С.58.], С.М. Ахинжанов [53, 55.] и др. связывали со светлым европеоидным обликом кыпчаков, тогда как А. Пономарев отрицал подобную интерпретацию [405.]. Ряд ученых (П. Пелльо, К. Цегледи, А. Н. Кононов и др.) разграничивали команов и кыпчаков, тогда как О. Притцак и другие исследователи считали этнонимы «коман», «куман», «половец» и «кыпчак» обозначениями одного и того же этноса [570. – С. 321–335]. Б.Э. Кумеков рассматривал кимаков и кыпчаков как единый этнический коллектив, полагая, что кочевые племена Восточного и Западного Дешт-и-Кыпчака были объединены общим самоназванием «коман (куман)» и находились в зависимости от кыпчаков [295. – С. 31].

Не менее дискуссионным остается происхождение самого этнонима «кыпчак». Ряд исследователей вслед за Б. Карлгреном [89.-С.154; 90.-С. 63, 106.] и А.Н. Бернштамом сопоставляли его с китайским этнонимом «цюеше» (кыйчак) [272. –С. 110], упоминаемым в связи с походами Модэ-шаньюя. Д.Г. Савинов связывал племя цюйше с Верхним Приобьем и последующим вхождением в союз теле, тогда как С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов отвергали как фонетическое тождество «цюеше» и «кыпчак», так и предложенную локализацию [272. – С. 110]. Несмотря на многочисленные исследования, вопросы происхождения кыпчаков, их этногенеза и этимологии этнонима до настоящего времени остаются предметом научных дискуссий.

Однако в китайских источниках этноним «кыбчак» упоминается уже в перечне телеских племен, приведенном Цэнь Чжунь Мянем со ссылкой на 99-ю главу «Бэйши» (VIII в.), где среди племен, обитавших к западу от Алтая, названы хэдэ, хэцзе, боху, бичань, чжуйхай, хэбиси (кыбчак), хэцо, суба, емо и хэда [53. – С. 59]. Примерно в это же время кыпчаки упоминаются в перечне тюркских племен Ибн Хардадбека рядом с тюргешами, азами и кыргызами [294. – С. 113]. Аналогичным образом Стефан Сюнийский помещал кыпчаков рядом с азами, тогда как Утемиш-хаджи в составе союза племен азов или аз-ширинов, упоминал наряду с бахринами и аргынами также кыпчаков [488. – С. 16]. Такое соседство позволяет предположить, что кыпчаки уже в раннее время находились в тесных этнополитических связях с азами и кыргызами.

Особый интерес представляет этноним «тюрк-сир будун» (сеяньто), которым в древнетюркских и китайских источниках обозначались предки кыпчаков. Ю.А. Зуев связывал вторую часть этнонима «сир» с китайским названием сйе и предполагал его связь с аристократической фратрией

Ашида, родовой тамгой которой являлось изображение льва [204. – С. 97]. В.Л. Ушницкий, напротив, справедливо отмечал, что Ашида представляли собой династийную группу, а термин «сир» в орхонских памятниках употреблялся прежде всего как этноним [491. – С. 40]. С.Г. Кляшторный отождествлял сиров орхонских надписей с сеяньто китайских источников, указывая, что после разгрома Второго Восточнотюркского каганата в 744 г. этноним «сир» исчезает из письменной традиции, тогда как со второй половины VIII в. появляются упоминания этнонима «кыбчак» [271. – С. 153–155].

Этноним «сир» встречается в рунических памятниках в различных сочетаниях: «тюрк сир будун» в надписи Тоньюкука, «алты сир» в надписи Бильге-кагана, а также «сир эркин» в тексте из Ихе-Хушоту [271. – С. 153]. По всей видимости, речь идет об одном из ведущих племен Второго Восточнотюркского каганата. После его падения часть сиров, вероятно, переселилась на Северный Алтай, где в новых этнополитических условиях могла получить название «кыбчак», впоследствии ставшее самостоятельным этнонимом.

Особого внимания заслуживает упоминание «алты сир» рядом с этнонимом «тюрк». Возможно, первоначально речь шла о ведущем племени союза шести чуйских племен (алты-чуб), которое со временем стало известно как алты сир. Не исключено, что именно эта группа сыграла заметную роль в этногенезе древних тюрков, а позднее — кимаков и кыпчаков. Косвенным подтверждением этого может служить участие чумугуней — одного из шести чуйских племен — в формировании Кимакского каганата.

Вероятно, важную роль в этногенезе кыпчаков сыграли и синьли, которых ряд исследователей отождествляет с канглы. Г.Е. Грумм-Гржимайло связывал возвышение канглы с событиями середины VII в., когда после разгрома сеяньто их переселили на освободившиеся земли [151. – С. 277]. В XI в. Махмуд Кашгари отмечал, что «канглы» означало имя знатного человека среди кыпчаков [258. – С. 379], что свидетельствует о высоком положении этой группы в кыпчакском обществе.

Китайское предание о происхождении древних тюрков от четырех потомков волчицы также представляет значительный интерес. Согласно легенде, после гибели рода Со уцелели четыре ветви, связанные с Алтаем, Верхним Енисеем и долиной Чуя. По всей видимости, это предание отражает объединение нескольких племенных групп, среди которых важное место занимали носители тотемов лебедя, журавля, волка и собаки. Отголоски этой традиции прослеживаются и в генеалогических преданиях башкирских юрматов [227. -С.26] и башкирских кыргызов [5. -С.63], где сохраняются мотивы происхождения отдельных родов от лебедя, что позволяет говорить о существовании общей древней алтайской этнокультурной традиции.

Таким образом, сведения китайских, мусульманских и древнетюркских источников позволяют предполагать сложный и многоэтапный процесс формирования кыпчакского объединения. Этнонимы «сир», «алты сир», «аз-шырин» и «кыпчак», вероятно, отражают различные этапы развития родственных этнополитических групп, впоследствии вошедших в состав кимакско-кыпчакского объединения.

Важные сведения содержатся в рунической надписи Шине-Усу, обнаруженной Г. Рамстедтом в 1909 г. В ее начальной строке исследователи реконструируют выражение «Когда тюрки-кыпчаки властвовали над нами пятьдесят лет» [271. — С. 162]. Ю. А. Зуев связывал это сообщение с господствующим положением кыпчаков среди древних тюрков, тогда как С. Г. Кляшторный и М. Шинэху признали реконструкцию [qy]bcaq достаточно обоснованной, несмотря на сильную поврежденность текста [276. — С. 302]. По-видимому, выражение «тюрки-кыпчаки» обозначало не весь тюркский мир, а одну из его ведущих этнополитических групп.

Следует, однако, учитывать, что средневековые источники различают «тюрков-кыпчаков» и другие тюркские объединения. Поэтому упоминание «тюрков-кыпчаков» в Шине-Усу, вероятно, относится не ко всему тюркскому миру, а к одной из его ведущих этнополитических групп. В этой связи заслуживает внимания сопоставление данного памятника с более ранним руническим сочетанием «тюрк сир будун». Если оно обозначало союз «тюрков» и «сиров», то выражение «тюрки-кыпчаки» могло отражать последующий этап развития той же этнополитической общности, когда прежнее название «сир» было вытеснено этнонимом «кыпчак». Не исключено, что эта трансформация была связана с событиями 744 г., после разгрома Второго Восточнотюркского каганата, когда сиры утратили прежнее политическое положение, а название «кыпчак» стало обозначать изменившуюся политическую организацию этой группы.

Дополнительный материал дают тюркские генеалогические предания. В легенде об Огуз-кагане происхождение имени Кыпчак связывается с мальчиком, обнаруженным в дупле дерева; согласно Абу-л-Гази, на древнетюркском языке дуплистое дерево называлось «кыпчак» [6. — С. 43]. Сходный мотив встречается и в алтайской традиции, где прародитель кыпчаков рождается из кедрового ореха [178. — С. 29]. Несмотря на различие сюжетов, оба предания объединяет символика дерева как источника происхождения рода. Это позволяет рассматривать их как отражение древней традиции, связывавшей происхождение отдельных тюркских групп с лесной средой Саяно-Алтая.

В этой связи обращает на себя внимание древнетюркское слово qobuq («кобук»), обозначавшее полое, сухое или дуплистое дерево. Вероятно, именно с этой семантической основой связаны позднейшие формы «qubaq/kubak» («кубак/кипак»), «кыпчак» и, возможно, «кимак».

Показательно, что в кыргызском языке слово «кабык» означает кору дерева, скорлупу яйца и другие виды наружной оболочки, сохраняя тот же корень qab/qob, связанный с представлением о внешней оболочке или древесной коре. В процессе длительного исторического развития единая лексическая основа могла приобрести различные фонетические формы, отраженные в этнонимах Qobuq, Qobaq/Kubak, Qïpaq, Qïrčaq и Qïmaq. В таком случае данные названия могут восходить к общей древней этнонимической традиции, сформировавшейся среди населения лесной и лесостепной зоны Саяно-Алтая, Западной Монголии и Прииртышья.

Отметим, что в большинстве современных тюркских языков слово «кобук» сохранило близкую форму и общую этимологическую основу — «къувуш», что даже ближе к древнему китайскому этнониму «кюеше» и средневековому «кыпчак». Сходные значения представлены и в других тюркских языках: в казахском кеуек, қуыс — «полость, дупло»; татарском куыш — «дупло, пустота в стволе дерева»; карачаево-балкарском къувуш — «дупло»; башкирском ағас ҡыуышы, ҡыуыш — «полый, пустой; дупло».

Следует также учитывать, что образ дерева в тюркской традиции имел многозначный характер. Наряду с понятием полого дерева (qobuq) существовали формы «коп», «копи» и «куу», связанные с высохшим деревом (куу жыгач, куу бак) и изготовленными из него изделиями. Вместе с тем слово «куу» означало и «лебедь», вследствие чего в древнетюркской символике образы дерева и благородной священной птицы могли сосуществовать и взаимно дополнять друг друга. Подобная многозначность характерна для древних этнонимов, в которых природные объекты, тотемические представления и особенности ландшафта нередко образовывали единый семантический комплекс.

Таким образом, генеалогические предания и лексические данные позволяют предположить, что первоначальная семантика этнонима «кыпчак» была тесно связана с образом дерева и лесного пространства. Позднее эта традиция получила различные формы отражения в исторической памяти тюркских народов, сохранившись как в легендах о происхождении кыпчаков, так и в системе древних этнонимов Саяно-Алтая.

Связь этнонима «кыпчак» с образом дерева и лесного пространства позволяет по-новому рассмотреть сведения письменных источников о лесных племенах Алтая. Особый интерес в этом отношении представляет племя агач-эри («лесные люди»), которое, вероятно, тождественно кыргызскому багу, упоминаемому Гардизи как племя, почитавшее красивые деревья. Подобные сведения свидетельствуют не только о существовании культа дерева, но и о важной роли лесной среды в хозяйственной и духовной жизни части енисейских кыргызов.

Косвенным подтверждением этого служит то, что в письменных источниках агач-эри нередко упоминаются рядом с кыпчаками, а сами

кыргызы идентифицировали себя как лесной народ. По всей видимости, именно агач-эри в результате длительных контактов с монголоязычным миром стали одной из ведущих групп в кимакском обществе и могли сыграть важную роль в этногенезе лесных племен кимаков и кыпчаков.

Не исключено, что именно в среде агач-эри получили дальнейшее развитие древние представления, связывавшие происхождение рода с образом дерева. В таком случае генеалогическое предание о рождении родоначальника кыпчаков в полости дерева могло отражать не случайный мифологический мотив, а историческую память о лесных племенах, входивших в состав кимако-кыпчакского объединения. В этой связи древнетюркское qobuq («кобук» — полое, дуплистое дерево) приобретает не только лексическое, но и этнокультурное значение, отражая особенности природной среды, в которой складывались ранние племенные объединения Алтая.

Сходную семантику обнаруживают и другие этнонимы, связанные с лесной зоной. Так, обозначения агач-эри («лесные люди»), тыва-кижи («лесные люди»), а также, возможно, кимак и кыпчак могли первоначально характеризовать не столько происхождение отдельных племен, сколько их принадлежность к населению лесной и лесостепной зоны Саяно-Алтая. В этом случае подобные названия отражали прежде всего природно-географическую среду и особенности традиционного образа жизни их носителей.

С. М. Ахинжанов отождествляет кимаков с народом каи, который, по его мнению, мигрировал на Иртыш из районов реки Утикан, где Рашид ад-Дин помещал племя кумук-атыкуз [53. – С. 104]. В дальнейшем эти же племена упоминались на Иртыше у Махмуда Кашгари под именем каи, а у аль-Бируни — как кумук [53. – С. 104, 107]. Ссылаясь на сообщение М. Кашгари о том, что каи относились к народам, которые, помимо родного языка, владели также тюркским языком, С. М. Ахинжанов приходит к выводу, что кимаки являлись двуязычным народом [53. – С. 105].

Значит, предки кимаков представляли собой пришлые племена, среди которых особую роль играли каи и другие восточные группы. К моменту их появления на Алтае кыргызы уже длительное время занимали этот регион, распространяя здесь свои обычаи и традиции. Поэтому каи и другие переселенцы, вероятно, были вовлечены в уже существовавшие этнокультурные процессы и адаптировались к местной политической и культурной среде.

С образованием Кимакского каганата кыргызы вошли в его состав как одна из влиятельных политических сил, оказав заметное воздействие на социально-политическое развитие кимакского общества. В рамках Кимакского каганата кыргызские племена прошли новый этап этнополитической консолидации и способствовали укреплению тюркской

языковой и государственной традиции. Этим, вероятно, объясняется сохранение тюркского характера Кимакского каганата, несмотря на его взаимодействие с различными иноязычными группами Алтая и Прииртышья.

Таким образом, лесная зона Алтая выступала не только территорией расселения отдельных племен, но и важным центром этнополитической консолидации. В этих условиях агач-эри (бурут), представляя аристократическую группу кыргызов, по всей видимости, являлись одной из ведущих групп кимакского общества, тогда как связанные с ними представления о дереве, лесе и происхождении рода нашли отражение в генеалогических преданиях кыпчаков, системе древних этнонимов и этнокультурных традициях населения Саяно-Алтая.

Особый интерес представляет связь этнонима «кыпчак» с древней символикой лебедя. Отметим, что племена ку-хэ, связанные с образом лебедя, имели восточную группу кууларов, обитавших в степях Западной Монголии. Возможно, именно с этой традицией связано происхождение команов (куманов) и кыпчаков. Куулары имели этногенетические связи с хоринцами, в родословной которых также присутствовал образ лебедя. Согласно преданию, хоринцы происходили от Хоридоя и дочери неба — лебеди Хобоши [191. – С. 127–132].

Д.С. Дугаров отмечал, что имя Хобоши, отсутствующее в монгольских языках, может быть связано с древнетюркским словом «куба» — «лебедь» [174. – С. 220–221]. В этой связи возможно сопоставление антропонима Хобоши («куба+ши») с этнонимом кыпчак, который мог восходить к древнему обозначению, связанному с образом лебедя. Подобная символика хорошо согласуется с традицией тюрко-монгольских народов, где образы животных выступали как важные элементы родовой и этнической идентичности.

Учитывая эти обстоятельства, можно предположить, что этногенез кыпчаков мог быть связан с одним из древних лесных племен, входивших в круг объединений азов или азгиши. В их составе, вероятно, существовали родовые группы, связанные с тотемами лебедя (куу, куба), журавля (каркыра), волка (бөрү) и собаки (күчүк). В этой связи можно предположить, что этногенез кыпчаков также был связан с одним из трех благородных племен кангаро-печенежского объединения, имевшего тотем карха — «белый лебедь». Возможно, именно в этом контексте следует рассматривать сообщение М. Кашгари (XI в.) о том, что «канглы» означало «имя знатного человека среди кыпчаков» [258. — С. 379]. Если данное сопоставление верно, кыпчаки могли представлять одну из ветвей куманов — «племени лебедя», а этноним «кыпчак» («хобоши») в таком случае мог быть связан с представлением о благородном лебеде как родовом символе.

В таком случае кыпчаки могли представлять одно из поколений куманов, связанных с древней символикой лебедя. Не случайно в научной литературе происхождение отдельных племен, например меркитов хо/хоас и хоринов хуасай, также связывали с древнетюркскими формами «ку», «куу», «куба».

В связи с этим можно предположить, что этноним кыпчак мог иметь связь с древними обозначениями, восходящими к образу лебедя: куба, куу, хобоши. Подобная символика прослеживается и в генеалогических преданиях других тюрко-монгольских народов, где лебедь выступает как образ происхождения знатных родов.

Вместе с тем происхождение этнонима «кыпчак» нельзя сводить только к религиозно-мифологическим представлениям. В древнетюркской традиции этнические названия могли формироваться также под влиянием природной среды и особенностей территории расселения.

Однако происхождение этнонима «кыпчак» могло быть связано не только с религиозно-мифологическими представлениями, но и с особенностями природной среды обитания древних племен. Как уже выше отмечали, одной из возможных основ этнонима могла быть форма qobuq («кобук») — «полое, дуплистое дерево», связанная с образом родового дерева и лесным пространством. Согласно преданию о происхождении кыпчаков, именно дуплистое дерево защитило новорожденного мальчика, будущего родоначальника племени, что, вероятно, отражало древние представления о происхождении рода, связанные с лесной средой.

Вместе с тем нельзя исключать возможную связь этнонима с другими природно-географическими терминами. В частности, форма «кыпчак» могла быть связана с понятием капчыгай — «ущелье», отражающим особенности горного ландшафта Алтая и Саяно-Алтая, где складывались ранние племенные объединения. Подобный принцип формирования этнонимов от особенностей окружающей среды встречается и у других древних тюркских народов. Например, название одного из владений енисейских кыргызов — Хамханас (варианты: Хабханас, Кангалас), по мнению В. Ушницкого, может быть связано с термином ханхан — «ущелье» [491. – С. 48].

Таким образом, на основе рассмотренного материала можно выделить несколько возможных вариантов происхождения этнонима «кыпчак».

Во-первых, его происхождение могло быть связано с природной средой — лесными и лесостепными пространствами, где формировались ранние племенные объединения Алтая, Западной Монголии и Прииртышья. В этом случае этноним отражал особенности окружающего ландшафта и образ жизни населения лесной зоны.

Во-вторых, название могло восходить к древней символике лебедя — куу, куба, которая занимала важное место в мировоззрении тюрко-монгольских народов. Образ лебедя выступал символом происхождения и

знатности отдельных родов, что позволяет рассматривать этноним «кыпчак» в контексте древних родовых преданий и тотемических представлений.

В-третьих, нельзя исключать связь этнонима с термином капчыгай — «ущелье», что указывает на возможное происхождение названия от природно-географических особенностей территории расселения древних племен.

Следовательно, этноним «кыпчак» мог иметь несколько смысловых значений происхождения, отражавших древнюю традицию тюркской номинации. Названия племен могли быть связаны как с растительным миром и лесным пространством, так и с животной символикой и особенностями природного ландшафта. Подобная многозначность свидетельствует о сложном характере этнических процессов, происходивших в лесной и лесостепной зоне Саяно-Алтая, Западной Монголии и Прииртышья.

Вопросы этногенеза кыпчаков тесно связаны с процессами миграции восточных кочевых племен на запад. Сложность изучения ранней истории кыпчаков обусловлена их кочевым образом жизни и постоянным перемещением различных племенных групп, входивших в состав крупных объединений. Поэтому формирование кыпчакской общности необходимо рассматривать в контексте масштабных этнополитических процессов, происходивших в Евразийской степи в X–XII вв.

Одним из важнейших свидетельств этих процессов являются сообщения аль-Марвази (XII в.), который зафиксировал начало крупного переселения восточных племен на запад. По его сведениям, куны, вытесненные киданями (каракитаями), первоначально прибыли к племени каи в районе Иртыша, а затем под давлением последних продолжили движение на запад. В результате возникла цепь переселений: куны двинулись к аш-шарийа (шарам), шары — в земли туркмен, туркмены — к огузам, а огузы — в сторону печенегов у берегов Черного моря [53. – С. 178–179]. Таким образом, в источниках отражается сложный процесс передвижения восточных кочевых объединений, среди которых важное место занимали кыпчакские и родственные им племена.

По мнению В. Минорского, западные группы аш-шарийа (шары) обитали в бассейне реки Сарысу и северо-восточных районах Аральского моря, тогда как их восточные соплеменники находились в районе Эдзин-гола [53. – С. 185], куда енисейские кыргызы мигрировали в IX–X вв. Возможно, данное обстоятельство связано с тем, что в период усиления каракитаев аз-шарийа, представлявшие одну из влиятельных групп кыргызского мира Алтая и Западной Монголии, усилившись, возглавили новую волну миграции на запад. В этом контексте ряд исследователей справедливо усматривает в потомках аз-шарийа кыргызское племя саруу [360. – С. 49]. В потомках восточной группы, вероятно, следует видеть сарыг уйгуров. Еще И. Молдобаев сопоставлял названия родовых подразделений кыргызских

племен оргу-сары и мунгуш-сарылар с тувинским племенем сарыглар [261. – С. 95].

Сведения аль-Марвази о перемещениях шаров, басмылов, ябагу и других восточных племен находят подтверждение в данных Махмуда Кашгари, сообщавшего о существовании союза между кыргызами, кыпчаками и ябагу. [360. – С. 66–67]. Это свидетельствует о тесных политических и этнических связях между данными группами в Саяно-Алтайском регионе. В условиях усиления каракитаев кыргызы вновь могли играть значительную роль среди восточных кочевников, объединяя вокруг себя родственные и союзные племена.

Данная традиция нашла отражение и в кыргызском эпосе «Манас», где сохраняется память о борьбе кыргызов с каракитаями и консолидации вокруг них различных алтайских племен. Хотя эпические сведения не могут рассматриваться как прямое историческое свидетельство, они отражают устойчивые представления о политическом лидерстве кыргызов в регионе.

Вероятно, именно об этих процессах свидетельствуют сведения о продвижении на запад кыргызских и родственных им групп вместе с аз-шарийа, среди которых могли находиться ак кубул, монгуш, дурут и другие племенные объединения, позднее зафиксированные в мамлюкских источниках [494. – С. 126–127]. Часть этих этнонимов сохранилась и в родословной тяньшаньских кыргызов, представленной в труде Сайф ад-Дина Ахсикенди «Маджму ат-Таварих» (XVI в.), где упоминаются ак огул (ак кубул), саруу и мунгуш [345. – С. 225; 494. – С. 126–129].

Особенно примечательно упоминание племени мунгуш, которое может быть сопоставлено с тувинскими монгушами. И. Молдобаев отмечал связь кыргызского племени мунгуш с тувинскими племенами монгуш и кара монгуш, компактно проживающими в Туве вместе с объединениями кыргызы и куулар [365. – С. 125, 130–131]. Это позволяет предположить сохранение древних этнических связей между группами Саяно-Алтая и тяньшаньскими кыргызами. Не менее интересным является этноним саруу С. Ахсикенди. Ранее нами отмечалась возможная связь этого названия с объединением кызыл Алтысарского владения енисейских кыргызов. Само название «кызыл» и родственные формы встречаются в составе кыргызских племен и родов: кызыл багыш, сары багыш, кызыл аяк, кызыл табак, кер тайган, кызыл курт и др. [18. – С. 440; 60. – С. 57–64]. Подобные параллели могут свидетельствовать о сохранении древних родовых названий, связанных с символикой цвета и происхождением отдельных групп.

В.В. Бартольд уделил значительное внимание проблеме происхождения кыпчаков в рецензии на работу И. Маркварта, где кыпчаки рассматривались как предки казахов [77. – С. 393]. Одним из первых он связал этноним шары у аль Марвази с тюркским словом «сары» и сопоставил его с кыпчаками, известными в русских летописях как половцы. Эту

позицию поддержал С.М. Ахинжанов, отождествивший шары Марвази с кыпчаками и полагавший, что названия «шары» и «коман» отражали особенности внешнего облика кыпчаков-половцев [53. – С. 81–84].

А. Мокеев считал, что в период усиления каракитаев шары возглавили движение восточных племен на запад, включив в свой состав ябагу, обитавших в районе Катуни. В потомках шары он видел кыргызское племя саруу, в составе которого сохранился род жабагы, сопоставимый с ябагу [360. – С. 49]. С.Г. Кляшторный, напротив, полагал, что половцы не являлись непосредственно кыпчаками, связывая происхождение последних с басмылами, которых он отождествлял с шары [272. – С. 137–138].

Однако, шары Марвази могли соответствовать кыргызам, упоминаемым М. Кашгари, которые вступили в союз с ябагу и кыпчаками [360. – С. 66–67]. В этом случае аз-шарийа могли представлять аз-кыргызские или аз-команские группы, возглавившие часть восточных мигрантов и вошедшие в западные источники под названием команов-половцев.

На основе приведенных данных можно поддержать мнение исследователей, связывающих аз-шарийа с команами-половцами. Вместе с тем представляется возможным сопоставить ябагу с половецкими группами кулоба–кулобичи–колоба–колобичи, известными по русским источникам XII века [383. – С. 39–40]. Это название имеет возможные параллели с рядом тюркских этнонимов: карлукским калтай/калтатай, кыргызским култай у племени саруу и кыпчакским кулатай.

Вероятно, команы (куманы) и кыпчаки представляли близкие, но первоначально самостоятельные группы. Команы могли быть связаны с шары, тогда как ябагу в составе половцев отражались в этнониме кулоба. В составе более широкого половецкого объединения находились каи, кыпчаки, канглы, улашевичи и другие племена.

Продвижение шары на запад оказало влияние на этногенез многих народов Западного Казахстана, Северного Кавказа и Тянь-Шаня. В этом отношении показательны параллели между половецкими названиями кулоба/кулобич и кыргызскими этнонимами култай, жабагы, коман и другими родовыми именами.

Особый интерес представляют сведения мамлюкского историка Рукн ад-Дина Бейбарса о Котян-хане и его сыне Мангуше, которые сопоставляются с данными С. Ахсикенди о кыргызских племенах [486. – С. 16–19]. Согласно Бейбарсу, Мангуш, сын Котян-хана из племени дурут, во время охоты встретился с Ак-Кубулом, вождем племени токсоба. После гибели Мангуша Котян-хан выступил против Ак-Кубула, однако в результате вмешательства Джучи-хана племя дурут было разгромлено [486. – С. 16–19; 494. – С. 126–127].

Эти сведения представляют интерес, поскольку антропонимы Ак-Кубул, Мангуш и Джамгар имеют возможные параллели с кыргызской этнонимической традицией, о чем говорили выше. Однако, антропоним Мангуш тождествен с тувинскими монгушами и упоминается в родословной С. Ахсикенди «Маджму ат-Таварих» [345. – С. 225; 494. – С. 126–129]. Антропоним «Джамгар» можно сопоставить как с названием средневекового города Джамгур [469.– С. 45; 565.-С. 272, 292] в бассейне реки Манас в Илийской долине, так и с именем эпического персонажа Жамгырчы — союзника Манаса в кыргызском эпосе «Манас».

Таким образом, сведения мамлюкских источников позволяют предполагать участие отдельных кыргызских и других саяно-алтайских племен в формировании комано-кыпчакского объединения. Сопоставление сведений мамлюкских источников с данными других письменных источников позволяет установить связь племен союза аз-шарийа с кыргызами, проживавшими в XI в. в Таласской долине и бассейне реки Манас Илийской долины. Следовательно, можно полагать, что движение аз-шарийа в Семиречье не только способствовало сближению алтайских кыпчаков с тяньшанскими кыргызами, но и содействовало превращению Алтая и Тянь-Шаня в единый этнокультурный регион, в рамках которого оставшаяся часть кыпчакского населения могла постепенно ассимилироваться кыргызами.

В историографии предпринимались попытки связать происхождение кыпчаков с басмылами, кунами, меркитами и другими племенами. Л.Н. Гумилев предполагал связь басмылов с аргынами, которые, по его мнению, вместе с кыпчаками и бахринами входили в круг аз-ширинов [147. – С. 372]. Н.А. Аристов, Г.Е. Грумм-Гржимайло и В.В. Бартольд связывали этнонимы аргын и басмыл с понятием «помесь», рассматривая их как обозначение смешанного происхождения [46. – С. 37; 151.-С.256; 68.-С.44.].

В.В. Ушницкий также рассматривал возможность связи кыпчаков с басмылами или аргынами, поскольку эти группы занимали близкие территории [495. – С. 99]. Однако гипотеза И. Маркварта о монгольском происхождении кыпчаков была подвергнута критике В.В. Бартольдом, П. Пелльо и В.Ф. Минорским. Кыпчаки в ранних источниках выступают как тюркоязычное население, что подтверждает ошибочность их прямого происхождения от монголов.

И. Маркварт, анализируя сведения Марвази, связывал кунов с монгольским племенем марка [563.]. В.Ф. Минорский также рассматривал возможность связи кунов с родом марка, известным у Ауфи [496]. Однако В.В. Ушницкий отметил, что более убедительной является версия о происхождении кунов от телеского племени хунь, поскольку простое сопоставление кунов с отдельными монгольскими группами недостаточно обосновано [491. – С. 42–43].

Следовательно, происхождение кыпчаков следует рассматривать не через одну этническую линию, а как результат сложных процессов взаимодействия различных тюркских и саяно-алтайских племен.

Одной из главных причин дальнейшего продвижения кимаков и кыпчаков на запад стало усиление киданей в X–XI вв. Восточные кочевые группы, двигаясь через Семиречье, Прииртышье и Приаралье, вступали во взаимодействие с местными тюркскими объединениями — тюргешами, азами, кангаро-печенегами и огузами.

В Приаралье кимаки и кыпчаки, смешавшись с западными группами тюргешских азов и кангаро-печенегов, приняли участие в формировании позднейших этнополитических объединений, включая черных клобуков и каракалпаков. В этом смысле кыпчакское объединение, по-видимому, представляло собой конфедеративное образование, сходное в определённой степени с кангаро-печенежским союзом, где отдельные племена сохраняли значительную самостоятельность и внутреннюю автономию.

Таким образом, кыпчакское объединение являлось результатом длительной консолидации различных восточных кочевых групп. Его ядро формировалось на территории Саяно-Алтая, Прииртышья и Западной Монголии, а последующее продвижение на запад привело к созданию огромного политического пространства Дешт-и-Кыпчака.

В этом отношении особый интерес представляет предание о ку-хэ, одном из четырех родов, связанных с происхождением тюрков-ашина. Ку-хэ («ку — лебедь, хэ — река») локализуются в районе реки Куманды на Алтае и могут быть сопоставлены с древними команами (куманами). Возможно, именно эта группа позднее вошла в состав более широкого кыпчакского объединения. В таком случае этнонимы «коман» и «кыпчак» могли отражать различные этапы этнической идентификации одной из древних групп, связанной с культом лебедя.

Вероятно, в ранних источниках эта группа могла выступать под другими политическими и родовыми названиями. Так, упоминаемые в орхоно-енисейских памятниках «тюрк-сир будун» и последующие обозначения, связанные с кыпчаками, могли отражать изменения политического статуса одного и того же или близких родственных объединений в условиях смены каганатов и этнополитических союзов.

Вместе с тем необходимо учитывать, что кыпчакский союз не являлся единым племенем в узком смысле этого слова. Он представлял собой сложное объединение различных тюркских групп, среди которых могли находиться кыргызы, азы, шары, басмылы, кимаки, канглы, каи и другие племена Саяно-Алтая, Западной Монголии и Прииртышья. Именно в результате их политической консолидации этноним «кыпчак» постепенно приобрел значение общего политического и этнического обозначения.

Особое место в этом процессе могли занимать кыргызские группы, связанные с азами и аз-шаийа. После усиления кыргызов в Центральной Азии в IX в. часть восточных племен вошла в сферу их политического влияния. Последующие миграции этих групп на запад привели к формированию новых объединений, известных в источниках как команы, половцы и кыпчаки.

В этом контексте показательно, что в источниках XI–XII вв. кыпчаки выступают не только как отдельное племя, но и как название большого степного объединения. Выходцы из различных восточных групп, оказавшиеся в Дешт-и-Кыпчаке, постепенно стали восприниматься под единым политическим именем кыпчак. Поэтому этноним «кыпчак» мог выполнять функцию политонима, объединяя различные племенные компоненты.

Миграция восточных племен на запад происходила несколькими волнами. Одними из первых могли выступить группы, связанные с азами и черными клобуками. Затем в западном направлении продвигались команские объединения, связанные с шары и другими восточными племенами. Последующую волну составляли группы, вошедшие в состав кыпчакского союза и распространившиеся через Семиречье в сторону Приаралья и Восточной Европы.

В этом процессе важную роль могли сыграть кыргызские родовые группы, среди которых упоминаются аз-шарийа, ябагу, кыпчак, ак-кубулы, мангуши, дурут и другие. Их присутствие отражается не только в письменных источниках, но и в родоплеменной памяти тюркоязычных народов Центральной Азии.

Таким образом, западная миграция кыпчаков была не простым переселением одного народа, а сложным процессом движения и объединения различных восточных кочевых групп. В результате этого процесса сформировалось политическое пространство Дешт-и-Кыпчака, где этноним «кыпчак» приобрел широкое историческое значение.

Следовательно, происхождение и этническая история кыпчаков должны рассматриваться в рамках длительных процессов взаимодействия племен Саяно-Алтая, Западной Монголии и Центральной Азии. Этноним «кыпчак», вероятно, имел несколько смысловых уровней, связанных как с древними символиками, прежде всего, «кобук-полость, дупло», «куба-лебедь», «капчыгай» (куу/куба — «лебедь»), так и с природно-географическими представлениями лесной и лесостепной зоны.

Кыпчакское объединение сформировалось на основе различных тюркских племен, среди которых значительную роль могли играть кыргызские группы, особенно связанные с агач-эри, азами и аз-шарийа. В дальнейшем, после миграции на запад, этноним «кыпчак» стал обозначать не

только отдельное племя, но и крупное военно-политическое объединение степных народов Евразии.

Таким образом, история кыпчаков представляет собой пример сложной этнополитической консолидации, в которой древние племенные традиции Саяно-Алтая, наследие Кыргызского каганата и процессы западной миграции восточных кочевников соединились в формировании одного из крупнейших объединений средневековой Евразии — Дешт-и-Кыпчака.

Глава 4. Золотая Орда – Степная империя Евразии

§ 1. Золотая Орда – Кыргызский каганат

В XIII-XIV века Центральная Азия переживает важные политические события, которые повлияли на ход истории народов и региона в целом. В 1227 году, после смерти Чингиз хана, империя, сформированная им, была поделена между его четырьмя сыновьями и в соответствии с этим были учреждены улусы Джучи, Чагатая, Угедэя и Тулуя.

После смерти Чингиз хана между владениями четырех сыновей монгольского владыки Джучи (Батыя), Чагатая, Угедэя и Тулуя началась открытая борьба за лидерство, за усиление влияния своего улуса в геополитических интересах. Одним из главных претендентов на власть в степи выступал Бату хан, старший внук Чингиз хана, стремившийся взять под контроль все кочевые владения и племена, которые могли бы служить ему верой и правдой, а также помочь в захвате Руси и западных стран.

Бату хан и его главный темник Ногай действовали согласно геополитическим интересам Золотой Орды. В целях подчинения степных кочевников Бату, после смерти Угедэя в 1241 году, сговорившись с отпрысками Тулуя, расправился с потомками Угедэя и Чагатая, обвинив их в подготовке государственного переворота. Большинство из них было уничтожено. Т.Джуманалиев пишет, что улусы Чагатая и Угедэя были разделены между Бату и Мункэ ханом, старшим сыном Тулуя. Граница их владений проходила по степи между Таласом и Чу, к востоку от Александрийского хребта [166.-С.382.]. Восточный Туркестан, Кульджинский край и Семиречье были подчинены верховной власти великого монгольского хана [166.-С.382.].

После смерти Бату хана политику по усилению Золотой Орды продолжил его главный темник Ногай, который практически превратился в соправителя, управляя государством с помощью своих ставленников и марионеточных ханов. В результате вскоре все племена Дашти Кыпчака, Семиречья и Саяно-Алтайского края были вовлечены в политические процессы, инициируемые Золотой Ордой. Это государство постоянно пыталось привлечь на свою сторону все больше восточных кочевников, которые стремились отколоться от власти всемонгольского хана Хубилая и добиться независимости. Золотая Орда не столько стремилась к независимости, сколько пыталась стать одной из главных держав или империй на евразийском пространстве.

В XIII веке Золотая Орда, вступившая в борьбу за ее политическую гегемонию в Евразии, разрешила учредить на курултае потомкам Угедэя и Чагатая новое государство во главе с Хайду ханом. Одной из главных целей было усилить влияние на лесные племена Енисейско-Иртышского

междуречья. Особенно енисейским кыргызам. Однако, ответ Хубилая на эти действия были очень жесткими. Хубилай, усилив своего темника из клана эльбури Тутука, подавлял восставших мятежников [513. - С. 80-81.]. Он переселил часть енисейских кыргызов вглубь своей страны в степные районы Манджурии.

В целом, в XIII-XIV века, как указывали источники, кыргызы постоянно вовлекались в политические интриги Золотоордынских ханов, что могло создать благоприятные условия для начала нового витка миграции енисейских и алтайских кыргызов на Тянь-Шань.

В XIII–XIV веках источники сообщают о кыргызских и родственных им тюрко-монгольских улусах, существовавших в Тянь-Шано-Саяно-Алтайском регионе. Среди них упоминаются Мангытская Орда, союз племен аз-ширин, а также улусы Хорчи, Салучи-Булгачи, Анга-Торе, Тайбуга и Угэчи-Кашка. Все они располагались рядом с улусом Джучи, Чагатая и Угедэя. Племена, входившие в вышеназванные улусы, могли принять непосредственное участие в формировании государств чингизидов, особенно, Золотой Орды (Ак Орды, Кок Орды), Чагатайского улуса, государства Хайду и Моголистана. Т.е. миграционные процессы проходили по той схеме –Саяно-Алтай-Тянь-Шань и Северный Кавказ, где кочевники формировали свои улусы-государства.

Отметим, что клановая структура государства указывает на то, что племена аз-ширинов входили в правящую элиту Золотой Орды. В научной литературе представители племен союза аз-ширинов представляли правящий клан не только в Крымском ханстве, но и в Казанском, Касимовском ханствах. По мнению ряда, ученых, «правящая племенная конфедерация в Большой Орде – прямой наследнице кочевой части населения Золотой Орды, состояла из кланов Кыйат, Салжигут, Конграт и Мангыт. Но в синхронном Крымском ханстве, как и в ханствах Казанском и Касимовском, политическое ядро государства образовывала конфедерация кланов Ширин, Барын, Аргын и Кыпчак» [225. – 30.].

По данным источников, Батыю от его деда достался ряд полководцев владыки с четырьмя тысячами войска. Это были Байку нойон, глава хушинов, Мунгур/Мунгеур нойон, глава сиджиутов (салжигутов), и Кутан нойон, глава кингитов [189. – С. 405; 222. - С. 36]. По данным Рашид ад-Дина, Чингиз хан еще при жизни своего эмира Байку вместе с войском отдал Джучи. Байку ведал правым крылом его войска [189. – С. 405; 222. - С. 36]. В «Дафтар-и Чингис- наме» (XVII в.) Байку упоминался под именем Майкы бия как глава рода уйшин/уйшын. В источнике уйшын Майкы би показан как значительное лицо, восседающее по правую руку от Чингиз хана [160. – С. 17.]. Кроме того, он там фигурирует как предводитель племени уйшын, получивший от этого хана отличительные знаки племени (дерево – карагай, птицу – кара кош, клич – салават, тамгу – серьга, кольчугу – сыгыр [189. – С.

36-37.]. Отметим, что Байку бий имел большой авторитет и влияние среди северных лесных племен. В связи с чем, кыргызы, карлуки, табыны, алашцы и другие племена, учитывая это обстоятельство, а также заслуги и авторитет бия, имя легендарного военачальника могли использовать в генеалогии своего клана. Это особенно заметно в легенде об Алаша-хане, где говорится о том, что Майкы- би сам лично разыскал мальчика Алаша, чтобы передать ему право властвовать.

Однако, весьма интересна история образования улуса Джучи. Старший сын Чингиз хана Джучи унаследовал земли племен, в основном покоренных им самим, что и послужило обоснованием для формирования его улуса. В источнике отмечается, что «после рассматриваемого похода «Лесные народы» были жалованы (отданы в подданство) Чингиз ханом Джучи» [455. - С. 119; 315. - С. 184.]. Джучи совершил два похода на Север. В первом походе в 1207 году он подчинил енисейских кыргызов, которые добровольно сдались царевичу. В 1218 году Джучи был отправлен Чингиз ханом на Север для подавления мятежа туматов, кыргызов и др. Джучи перешел Селенгу по льду, добрался до притока реки Усы в Верхнем Енисее, после прошелся вниз по течению реки, где напал на кыргызов. Войска Джучи дошли до Оби и повернули назад. О походе Джучи и Бухуа сказано: «преследовали Киргис до реки Имар и вернулись» [360.– С. 66]. Джучи подавил восстание и подчинил теленгутов, живших к западу от енисейских кыргызов.

Отметим, что Чингиз хан, после покорения «лесных племен», создал специальное владение и доверил его управление старцу Хорчи-Усун» («Usun ebügen») из племени бахрин (или баарин, барин), за особую роль в возведении Монгольского владыки. Улус Хорчи был образован на основе соседних владений бахринов, кыргызов, азов Кыргызского владения Ус в Западной Монголии. Возможно, об этом же говорит имя Хорчи Усун, где первая часть как собственное имя владетеля улуса, связывало его с собственным племенем бахринами, а вторая с названием одного из основных улусов в его владении Кыргызским княжеством Ус в Западной Монголии. Т.е. под именем предводителя улуса были объединены все лесные племена Севера, подчиненные Джучи хану [282.-С. 161]. Причем, костяк улуса составляли родственные племена бахрины, азы и кыргызы, имевшие между собой этнополитические связи еще с Тюргешского каганата. В «Сокровенном сказании» говорится, что Чингисхан повелел: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом» [279.-С. 161]. Сюда также входили прииртышские племена лесные племена. Однако, Хорчи не обладал наследственной властью. Очевидно, в связи с этим, после его смерти Тахай и

Ашик, как соправители и представители местной элиты с наследственной властью, могли добиться самостоятельного правления и независимости.

Следовательно, после смерти Хорчи, в улусе инициатива перешла к азам и кыргызам. В связи с чем, политическая структура улуса была сформирована на основе древней традиции алтайских азов, где в управлении владения отдавалась предпочтение четырем кланам. Т.е. в рамках племен улуса Хорчи существовал четырех составной союз племен аз-ширинов, который представляли аз-ширины, бахрины, аргыны, кыпчаки. Сюда же относились кыргызы, которые вместе с азами представляли отдельный самостоятельный политический центр в рамках улуса. Отсюда улус Хорчи можно рассматривать как Кыргызский улус. Союз племен аз-ширинов и кыргызы сыграли важную роль в истории и политической жизни Золотой Орды и государства Хайду хана, а затем и Моголистана.

В монгольскую эпоху произошло две крупные миграционные волны восточных кочевников на запад. Первая волна была связана с возвышением Чингисхана. Опасаясь уничтожения, одними из первых покинули свои земли и откочевали на запад кунгираты, дурманы, салджигуты, катаркины и татары [421.-С. 102.]. Такая же миграционная участь постигла мангытов, кереитов, канглы, енисейских кыргызов и другие племена, которые также были вынуждены покинуть свои земли. Вторая миграционная волна была обусловлена разделом Монгольской империи между сыновьями Чингисхана — Джучи, Чагатаем, Угэдэем и Тулуем, в результате которого значительные массы кочевого населения были перераспределены между новыми улусами.

Во время возвышения Чингисхана кереиты и канглы, продвигаясь через земли енисейских кыргызов, вовлекли в миграционное движение часть кыргызских племен, вследствие чего отдельные группы последних переселились на Алтай и Тянь-Шань. В дальнейшем восточные переселенцы приняли участие в формировании улусов Джучи, Чагатая и Угэдэя, а также ряда более мелких политических образований, в том числе улусов Тайбуги и Анга-Торе. Вместе с тем основная часть енисейских кыргызов сохранила свои позиции в Саяно-Алтайском регионе, продолжая контролировать Алтай и Западную Монголию.

Таким образом, миграционные процессы монгольской эпохи следует рассматривать не столько как стихийное переселение разрозненных кочевых племен, сколько как перемещение на запад родственных этнических групп, между которыми еще в эпоху Кыргызского Великодержавия сформировались устойчивые этногенетические, этнополитические и культурные связи. Именно в рамках новых политических центров — улусов Джучи, Чагатая, Угэдэя и других государственных образований — эти ранее сложившиеся связи получили дальнейшее развитие, способствуя этнической консолидации отдельных народов и формированию новых этнополитических общностей Центральной Азии и Дешт-и Кыпчака.

Несмотря на частичную монголизацию отдельных кыргызских групп, материалы монгольского периода свидетельствуют о том, что кыргызы в целом сохранили свою этническую идентичность, несмотря на расселение на обширной территории и политическую разобщенность. Более того, источники позволяют говорить об их устойчивом стремлении к консолидации в рамках чингизидских государств, прежде всего Золотой Орды и Моголистана.

В пользу сохранения этой общности свидетельствуют не только политические процессы, но и данные письменных источников, этнографических материалов и родословных. Характерной особенностью монгольского периода является то, что азы, кыргызы и мангыты практически неизменно упоминаются совместно — как в восточных районах их расселения, где кыргызы соседствовали с монголоязычными племенами Западной Монголии, так и на территории Золотой Орды и Моголистана.

Следует отметить, что первые контакты между кыргызами и мангытами, согласно источникам, приходятся на эпоху правления Начин-баатура, родоначальника мангытов, и Хайду — предка Чингисхана в шестом или седьмом колене. Эти сведения позволяют проследить ранние этапы взаимодействия между кыргызами и мангытами. Согласно источнику в данный период кыргызы жили по соседству с мангытами, баргутами, бахринами, баяутами, усуту-мангунами (серебряными усинцами) и другими монголоязычными племенами [279.-С. 46, 80, 83,207] области Баркуджин Токум, под влиянием которых часть кыргызских племен подверглась монголизации. В источниках указывается определенная связь мангытов с кыргызами, а также усуту-мангунами (су-монголов/татар), в составе которых были онгуты [414. -С. 52.]. В «Сказании о Гэсэре», отражающем события XI века, содержатся сведения о соседстве мангытов и кыргызов во времена хана Нанчина [155.-С. 62]. В других эпизодах мангыты упоминаются вместе с усуту-мангунами [538.Эрдынеева -С. 158–160], в составе которых, согласно некоторым данным, находились онгуты [414. -С. 52]. Их локализация в Приангарье позволяет предполагать тесные контакты между данными группами. В результате длительных этнических и культурных взаимодействий усуту-мангуны и онгуты впоследствии подверглись монголизации. На этнокультурную трансформацию онгутов указывает и Рашид ад-Дин, отмечавший, что это был народ, «который не столь давно получил имя монголов» [421.-С.77].

Часть онгутов-белых татар позднее мигрировала на запад. Отдельные их группы, вероятно, приняли участие в этнополитических процессах формирования населения Улуса Джучи и Ногайской орды, другие продвинулись в Центральную Азию и Моголистан, где, возможно, вошли в состав кыргызского народа. Отметим, что В. П. Юдин относит одно из кыргызских племён — нойгутов — к числу «явно могульских и общих с

могульскими элементов» в составе кыргызов [539. С. 69]. Кыргызский историк О. Сыдыков в своей версии родословной народа, нойгутов отметил в форме «ойгут» [467.-С. 141.], что фонетически сближает к этнониму «онгут».

Отсюда можно предположить, что этнонимы «онгут» и «нойгут» восходят к названию племени «аргу» или «оргу», кочевавшего в районе горы Аргу-Таг в Восточном Тянь-Шане. Источники упоминают ряд племен, обитавших в районе Аргу-Тага, — йегу, аргу, чигилей-шато и онгутов — «белых татар» (тюрков-шато). Примечательно, что эти племена кочевали от Аргу-Тага на восток, вплоть до Аркуй-Булака, где располагалось кыргызское владение Ус в верховьях Ангары.

Можно предположить, что все вышеназванные группы были связаны с йегу-кыргызами, которые, выступая под разными наименованиями, возглавляли объединения кыргызских племен. В этом контексте йегу, аргу, тюрки-шато, чигили-шато могли представлять тяньшаньскую ветвь кыргызов.

Могольский историк Мухаммед Хайдар Дулати, хорошо знавший этнополитическую ситуацию в Моголистане, прямо утверждал, что моголы и кыргызы представляли собой единый народ [376. -С. 184.]. Этой же могольской историко-генеалогической традиции придерживался и Сайф ад-Дин Ахсикенди. Стремясь подчеркнуть общность происхождения кочевых элит Моголистана и Золотой Орды, он выстроил единую генеалогическую линию, восходящую к правителю кереитов Ван-хану. В его сочинении Ван-хан представлен предком Тохтамыш-хана, который, согласно приведенной Ахсикенди родословной, имел двоюродного брата Анга-Торе, статус которого был возвышен до хана Моголистана. В родословной самого Анга-Торе он также представлен потомком Ван-хана. Тем самым Ахсикенди стремился обосновать историческую общность и единство происхождения правящих элит Моголистана и Золотой Орды [58. – С. 55-59].

Подобная генеалогическая конструкция не была случайной. Она отражала представления Ахсикенди о политической организации чингизидского мира и месте кыргызов в этой системе. Характерно, что автор был хорошо осведомлен о политической структуре чингизидских государств. Ему было известно, что в Золотой Орде ведущими аристократическими кланами являлись аз-ширины и мангыты, которые, как уже отмечалось выше, еще в домонгольскую эпоху поддерживали тесные этнополитические связи с енисейскими кыргызами. Примечательно, что в составе кыргызского племени мунгуш фиксируется родовое подразделение мангыт, тогда как само племя мунгуш Ахсикенди относил к числу кыргызской племенной аристократии. Не менее показательно, что, излагая родословную кыргызских племен, он выделял в качестве их аристократических кланов Адина (Адигине), Тагая (Тагай Бахадур), Кара-Багыш и Монгуш (Мунгкуш). Такое сопоставление правящих кланов

Золотой Орды с кыргызской племенной аристократией едва ли было случайным. Напротив, оно отражало стремление автора показать преемственность политических традиций и подчеркнуть историческую общность кочевых элит, истоки которой, по его представлению, восходили к домонгольскому периоду.

Таким образом, сведения письменных источников, генеалогических преданий и родословных подтверждают, что миграции монгольской эпохи не привели к разрыву ранее сложившихся этнополитических связей. Напротив, в условиях чингизидских государств они получили новое развитие, сохранив память об общности происхождения и политических традициях кыргызов, азов, мангытов и других восточных кочевых групп.

В улусе Джучи ядро населения, по-видимому, составляли племена союза аз-ширинов и мангытов — выходцы из Западной Монголии, сохранявшие тесные этнополитические связи с кыргызами Саяно-Алтайского региона. Однако, к усилению роли аз-ширинов и мангытов в улусе важную роль сыграло разделение Батыем и главным темником государства на два улуса на Ак Орду и Кок Орду, которые возглавили аз-ширины (азы) и мангыты. Муʿин ад-Дин Натанзи поэтому поводу отмечает, что после завершения борьбы между Токта и Ногаем «…Улус Джучи разделился на две части» – на Кок Орду и Ак Орду. «…Те, которые относятся к левому крылу, то есть пределы Улуг-тага, Сегиз-ягача и Каратала до пределов Туйсена (Тулеса, Тумена), окрестностей Дженда и Барчкенда, утвердились за потомками Ногая, и они стали называться султанами Ак-Орды; правое же крыло, к которому относится Ибир-Сибир, Рус, Либка, Укек, Маджар, Булгар, Башгирд и Сарай-Берке, назначили потомкам Токтая, и их называли султанами Кок-Орды» [379.-С. 127]. Согласно источников с тех пор Ногай и его потомки управляли Ак Ордой, тогда как Кок Ордой правил старший брат Орда Иджен и его потомки. Ак-Ордо был признан политическим центром потомков Ногая, Тотамыш хана и других чингизидов, а также союза племен аз-ширинов и союзников акордынских царевичей — алтайских кыргызов. При этом, аз-ширины имели ряд преимуществ.

Отметим, что союз племен аз-ширинов состоял из четырех племен -аз-ширин, бахрин, аргын и кыпчак. Главы четырех союзных племен аз-ширинов носили титул карачибеев, которые управляли правым крылом войска Золотой Орды. Беклербеком становился правитель пелмени аз-ширинов. Политический центр правого крыла находился в Крыму. Однако, правитель правого крыла с титулом беклербек всегда находился при дворе. Дангы-бей из рода аз-шірин и его потомки возглавляли правое крыло войска, тогда как мангыт Едиге и его потомки — левое крыло Золотой Орды.

Отметим, что при Тотамыш хане главным темником был Урук-Тимур (Орек-Тимур, Омрук-Темир, Урунг Тимур, Урек-Тимур, Рук-Тимур,

Рухтимер) из племени шырын (аз-ширин) [530. -С. 191, 186, 167, 175; 441.-С.334]. Утемиш-хаджи выводит происхождение эмира Рук-Темира из аз-ширинов. Об этом же вероятно говорит имя главного темника Урунг Тимур, первая часть которого указывает на страну уранхай в землях кыргызов в Западной Монголии. Показательно, что в одном из вариантов ногайского эпоса «Эдиге» предводитель аз-ширинов, главный темник Золотой Орды Рук-Темир, представлен выходцем из «племени киргиз» [534. – С. 56; 441. – С. 305], что подтверждает наше предположение о принадлежности аз-ширинов и входивших в их союз племен к азо-кыргызской общности. Характерно также, что еще при Бату-хане Тукай-Тимур получил в качестве юрта «вилайет (область) асов и Мангышлак» [273. – С. 245], а отец Тохтамыша Туй-Ходжа правил в Мангышлаке [413. – С. 190; 445. – С. 400].

Таким образом, имеются основания полагать, что упоминаемые Эвлией Челеби азы (аз-ширины) представляли собой аристократический клан кыргызов, поддержавший Джучи и переселившийся вместе с ним в его наследственные владения. Сохранив тесные этнополитические связи с кыргызами, аз-ширины, по сообщению Эвлии Челеби, уже при Джучи получили статус брачующегося рода в улусе Джучи и впоследствии сыграли заметную роль в формировании Крымского ханства.

Сам факт предоставления аз-ширинам статуса брачующегося рода свидетельствует об их исключительно высоком политическом положении в улусе Джучи. Вероятно, Джучи рассматривал аз-ширинов не только как один из наиболее влиятельных аристократических кланов своего улуса, но и как клан, имевший родственные связи с кыргызами, стремясь сохранить отношения с одним из наиболее могущественных военно-политических объединений Восточной степи. Подобная политика представляется вполне закономерной, поскольку поддержка кыргызской военно-политической элиты существенно укрепляла позиции Джучи на восточных рубежах его владений и способствовала консолидации власти в формирующемся Улусе Джучи.

Подтверждением высокого положения аз-ширинов в политической структуре позднего улуса Джучи являются также сведения Эвлии Челеби о Крымском ханстве: «Всего в Крыму 40 бейликов. Первый среди беев — орский бей, пребывающий на самой границе. Он является обладателем знамени и барабана. Иногда этот бейлик передают казак-султанам. Затем следует Ширин-бей, по закону являющийся предводителем 20 тысяч боеспособных конных татар. Ширин-беи происходят от ханских дочерей и принадлежат к роду Чингизидов. Эти Ширин-беи раньше ханов завладели Крымом. Потому что, когда Джучи-хан захватывал Крым, первыми в Крым вошли, и, резя мечом, захватили его Ширин-беи. Джучи Герай-хан I отдал этим газиям своих дочерей – чистых звезд, и это стало законом Джучи- хана.

Все крымские ханы отдают своих дочерей за Ширин-беев. Поэтому они являются свойственниками ханам» [521.– С. 99-100].

Следовательно, в монгольскую эпоху азы, известные под именем аз-ширинов, добились статуса брачующегося рода в улусе старшего сына Чингисхана, а их правители ширин-беи именовались казак-султанами.

Очевидно, именно благодаря родству правящей аристократии аз-ширинов с Домом Чингиз хана представители этого клана, как потомки владыки монголов по женской линии, не входили в состав дарлекин - монголов (слуг золотого рода монголов), а относились к белой кости (ак сеек). Т. е. к роду Чингиз хана. Обладая статусом свободных беев, они именовались казак-султанами, что, по-видимому, давало им право собрать собственный эл, создавать улус и ханство. Поэтому этноним «казак» изначально имел социально-политическое значение и ассоциировался с понятиями «свободный» и «вольный», что указывало на аристократическое происхождение и привилегированный социальный статус его носителя.

Однако следует отметить, что существуют источники, хорошо дополняющие друг друга, а содержащиеся в них сведения уточняют и в определенной степени конкретизируют информацию Э. Челеби об азах, или аз-ширинах, которые, по-видимому, в период возвышения Чингисхана мигрировали на запад. Согласно Эвлии Челеби, с образованием улуса Джучи аз-ширины вошли в его состав и добились статуса брачующегося рода, а позднее приняли участие в формировании Крымского ханства, состоявшего из сорока бийликов, к числу которых относилось и владение Кырк Йер, постоянно вызывавшее большой интерес у исследователей. Сведения Э. Челеби весьма хорошо соотносятся с данными других источников, в которых азы описываются как народ, имевший независимое владение. Историк Фахр ад-Дин Мубаракшах Мерварруди в своем перечне восточных племен фиксирует азов как независимое владение, что свидетельствует о достаточно быстром возрождении после ударов со стороны каракитаев. По-видимому, о возрождении азов (усинцев) говорится и в «Юаньши», где происхождение кыргызского владения усинцев связывается с сорока девицами («кырк кыз») из земли Хань, вступившими в брак с сорока мужчинами («кырк эр») из земли Ус [360.-С. 57; 374. — С. 148]. Однако обнаруженное в географическом приложении к «Равзат ас-сафа» Мирхонда аналогичное предание о кыргызах, происхождение которых также связывалось с «кырк кыз» и «кырк эр» [360. — С. 158–160], скорее свидетельствует о той части народа, которая сменила место проживания и оказалась далеко на западе — на Северном Кавказе и в Крыму, то есть в регионе, где располагалось небольшое средневековое владение Кырк Йер.

Вероятно, не случайно, Плано Карпини (1182–1252 гг.) одну из групп кыргызов располагал по соседству с армянами [454.-С. 159; 49. — С. 374, прим. 2.]. Т.е. его сведения о кыргызах подтверждают информацию

Мирхонда о западных кыргызах. В данном случае П. Карпини мог иметь в виду именно аз-ширинов, управляемых Рук Темиром, который имел кыргызское происхождение [534. -С. 56; 441. -С. 305]. Соответственно, аз-ширинов можно рассматривать в качестве предков карачаевцев, которые в родоплеменном составе сохранили род кара-кыргыз. Еще А. Ламберти в XVII веке отмечал этноним «каракиргиз» (karakirques) как синоним названия народа карачай [135. - С. 88]. Аз-ширины также сыграли важную роль в этногенезе ногайцев. У тарханкутских ногайцев сохранился род под названием кыргыз-казак.

В связи с вышеизложенным средневековое владение Кырк Йер в Крыму, располагавшееся в междуречье Альмы и Качи, можно рассматривать в связи с аз-ширинами Рук-Темира из клана кыргызов [534. -С. 56; 441. -С. 305]. Согласно В.Д. Смирнову, первоначальными жителями Кырк-Йера являлся некий народ ас, предположительно тюркского либо монгольского происхождения [322.-С. 102-105.]. История Кырк Йера хорошо согласуется со сведениями Эвлии Челеби о сорока бейликах (землях) Крымского ханства. Возможно, название Кырк Йер («сорок земель») связано с системой бейликов Крыма и отражает особое положение азов (аз-ширинов) в политической структуре ханства.

Анализ сведений исторических источников позволяет полагать, что союз племен мангытов, тоже возможно, имел этногенетические и этнополитические связи с алтайскими кыргызами и их аристократическим кланом Емке, связанным с тотемом собаки (кючюк), упоминаемым персидским историком Гардизи в XI веке [78.-С. 46, 47, 48]. Вероятнее всего, это прежде всего отразилось в использовании золотоордынским темником Ногаем и вождем мангытов Едиге названия тотема аристократического рода алтайских кыргызов — тюркского «кючюк» и монгольского «нохой» — в качестве фамилии клана, что, по-видимому, было связано со стремлением придать своему роду собирательный и над племенной характер.

Как выше отмечали, при Нанчин Батуре кыргызы жили по соседству с мангытами, баргутами, бахринами, баяутами, усуту-мангунами (усинцами), и другими монголоязычными племенами [279.-С. 46, 80, 83,207] области Баркуджин Токум. В связи с этим в источниках описываются два события, которые в определенной степени могут служить подтверждением факта соседства и взаимодействия кыргызов и мангытов в монгольский период. В 1300 году золотоордынский хан Токтак убил главного темника Ногая, объединив под свое начало все племена Золотой Орды [309.-С. 64.], что вероятно отразилось в эпосе «Манас» [365.-С. 80.]. В период войн между Хубилаем и Хайду-ханом, полководец первого Тутук, в 1290 г. разорил район Алтайских гор, а затем Хубилая перейдя по льду реку Кэм (Енисей), покорил все пять племен енисейских кыргызов. Этнограф И. Молдобаев сравнил его поход на кыргызов с одним из основных сюжетов эпоса

«Манас» «О гибели Манаса», где отмечается, что кара калмак Токтак, сын Кыянку, выстрелом из лука в голову убил Манаса, которого похоронили в местности Баяндынын Талаасы [365.-С. 80.]. И. Молдобаев сопоставил местность Баян-Талаа с урочищем Баян-Талаа Ховузу в Туве, где, по свидетельствам старожилов, издревле проживало основное ядро тувинского населения, представленное племенами кара-монгуш, монгуш, кыргыс и куулар [365.-С. 80, 125]. Баян Талаа Ховузу также признавали как страну монгутов. Согласно тувинским преданиям, Чингисхан происходит из племени монгут, которое ведет свое происхождение из местечка Монгут, расположенного в бассейне реки Онон. По генеалогии, именно там монгут Чингисхан якобы основал государство Монгут. По мнению И. Молдобаева «монгут, монгуш, монгул, мингат обозначали название одного и того же народа» [365.-С. 130].

Нами установлено, что западномонгольский гидроним «Барык», который И. Молдобаев отождествил с названием эпического народа Барык-Балакчан эли, упомянутого в радловской записи эпоса «Манас» [365.-С. 125], имел прямое отношение к тувинским племенам кыргыс, монгуш и тонгак. Представители племени кыргыс кроме села Барык, жили также в селе Хайрахан, Улукхем, в районах рек Эйликхем, Ийи-Тал, Кара-Тал [15.-С.355.]. Тяньшаньские кыргызы в своем родоплеменном составе имели крупное аристократическое (пришлое) племя мунгуш, своем составе которое имело подразделение мангыт [60.-С. 86.]. Очевидно, именно с эпохой возвышения Чингиз хана можно связывать переселение мангытов в район Аральского моря, в земли азов или аз-ширинов в Приаралье (в Мангистау, Мангышлак), что указывает на родство азов и мангытов, которые составили этническое ядро ногайского народа.

Следовательно, часть аристократического клана Емке с тотемом собаки-кючюк вошел в структуру мангытов еще на востоке, когда они жили в соседстве с кыргызами. Т.е. это говорит о том, что еще на востоке аристократический род князя Емке, имевший тотем собаки — «кючюк», стал называться на монгольском языке «нохой», а само его племя — «нойгут». хой+гут» (нойгут). В результате «нохой», используемый в качестве политонима, постепенно, по мере усиления взаимных контактов между многочисленными племенами улуса, превратился в этническое имя вновь созданного этноса ногайцев. Т.е. этнические процессы в Мангытской Орде решились в пользу этнонима «нохой».

Очевидно, после разделения улуса Джучи на два владения племена улуса Хорчи постепенно начали мигрировать в земли Ак Ордо, где было образовано союз племен аз-ширинов, куда вошли основные племен улуса аз-ширины, бахрины, аргыны и кыпчаки. Однако, другая группа племен улуса Хорчи мигрировала в Притяньшанье, где появились новые улусы Анга Торе, Салучи булгачи, Бахрины и ряд других. Эти процессы изменили

этнополитическую ситуацию. Акордынские царевичи активно начали вовлекать в дворцовые игры союз племен аз-ширинов, а также вступали этнополитический союз с улуами Анга Торе, Салучи-Булгачи, алтайскими кыргызами другими владениями Притяньшанья и Саяно-Алтая.

В источниках есть сведения о вовлечении кыргызов в дворцовые интриги в Золотой Орде еще до гибели главного темника Ногая. Согласно сообщению Ибн Вали, после смерти Абай-хана, внука Бату-хана, кыргызские племена, проживавшие в Астраханском вилайете, дважды поднимали восстание [360.-С. 158]. Кыргызы постоянно пытались быть ближе к золотоордынским ханам и вельможам. Ряд сведений из источников указывает на то, что эта политика продолжалась и после смерти Ногая (1300 г.). Натанзи рассказывал о поддержке кыргызов ставленника Токтака в Ак Орде Мубарак ходжи, сына Эрзеня, который приходился братом Чимтая, правившего после него, а также дядей Токтамыша, который с помощью союза племен аз-ширинов и кыргызов взошел на трон Ак Орды и захватил власть в Золотой Орде. Близость кыргызов с потомками Эрзеня говорит о том, что Мубарак ходжи [430.-С.151- 152] и его окружение находились в этнополитических связях с прииртышскими кыргызами, которые активно участвовали в политических процессах Ак Орды. По информации, отдельные из них начальствовали над кыргызскими и кыпчакскими племенами. То есть в монгольскую эпоху алтайские кыргызы проживали на землях Ак Орды и в ее окрестностях. Согласно Натанзи в то время улус кыргызов считалось одним из крупных и могущественных владений, который вел самостоятельную политику, не завися от главы улуса кыпчаков Чоангура. Натанзи отмечал, что после неудачного захвата власти в Золотой Орде, Мубарак ходжи скрывался в землях кыргызов и Алтая, где ему было безопасно. Натанзи вспоминал о событиях с Мубарак ходжи: «Через 6 месяцев он распростился с подобной раю равниной Сарая и еще 2 года и 6 месяцев бездомно скитался в краях и странах киргизов и Алтая, пока не погиб там» [430.-С.151-152].

Следует отметить, что Натанзи, Ибн Вали считали кыргызов одним из крупных и сильных племен, ведший самостоятельную политику в регионе. Натанзи кыргызов помещал в области Алтай [428. – С. 150-154] на землях Ак Орды, где они могли соседствовать с ногайцами жившими в наследственных землях Ногая. Согласно источников чингизиду Ибаку подчинялись ногайцы, кыргызы и город Казань [375.-С.28; 355.-С. 64-65]. По Утемиш-ходжи кыргызы служившие чингизиду Ибаку имели соседство с городом Казань [355.-С. 64-65.] и улусом Тайбуга, представители правящего рода которого происходили из Бухары. Утемиш Ходжи отмечает о чингизиде Ибак хане «… был знаменитым ханом» [375.-С.28.] и «…правил, объединив страны Кыркыз и Казань» [355.-С.64-65.]. С. Ахсикенди упоминал о городе Булгар [58. -С. 75.], который находился в тесных этнополитических связях с

моголами и кыргызами Моголистана. Отметим, что еще С.М. Абрамзон указывал на упоминание в кыргызских санжыра названия страны Булгар, из которой переселились такие племена как жетиген, кушчу, куркуроо, проживавшие в долине реки Талас. Он же отмечал, что некоторые кыргызские племена, живущие в Таласе, жетиген, саяк в пятидесятые годы XX века, как и их предки, назывались астархан- ногой [5. - С. 76.]. То есть, если в домонгольский период кыргызы располагались рядом с башкирами и булгарами, то в монгольское время — в соседстве с ногайцами и вблизи города Казани, что указывает на этногенетическое родство двух народов.

Анализ сведений о кыргызах позволяет говорить о том, что северные и южные кыргызы имели между собой этнополитическую связь, что продолжалось и в эпоху монголов. По-видимому, По некоторым данным, отдельные группы кыргызов проживали на территории первоначальных наследственных владений Ногая в районе Урала и Казани.

Примечательно, что в книге С. Ахсикенди рассказывается об этнополитическом союзе Токтамыш хана с Манасом и могольским князем Анга Торе. Согласно С.Ахсикенди решающее сражение между Токтамыш ханом, Анга Торе и их противниками Пулад ханом, беклербеком Едиге, его сыном Кейкубадом, мангытом Жамгырчи и Сарай-Мамаем произошло в «Жайыке», т.е. на Урале [58.-С.52-54]. Токтамыш хан и его союзники, одержав победу, возвратились в свою резиденцию – город Манасию [58.-С. 52-54.]. Следует отметить, что в эпосе «Идегей» казаньских татар в числе имен воевод Токтамыш хана встречаются следующие персонажи: сын Акбалтыра Уак, сын Монжыра Чубак [360.-С. 103.]. В поздних версиях эпоса «Манас» в числе одних из главных сподвижников Манаса считались сын Ак Балты Чубак из нойгутов, Кара Кожо из аргынов и Эр Кокчо из абаков [335.-С.74-75, 396-397.]

Следовательно, анализ сведений средневековых источников подтверждают о существовании отдельной группы азов или кыргызов, в Приаралье, на Алтае и Северном Кавказе, где последние имели свое владение в монгольский период. Однако, очевидно, это произошло за счет новой миграции восточных племен, прежде всего, родственных азов, кыргызов и мангытов, которые усилившись инициировали формирование новых племенных союза аз-ширинов и мангытов. Позже, племена союзов аз-ширинов и мангытов составили ядро населения Золотой Орды. Однако после образования мангытами во главе с Едиге Ногайской Орды население Золотой Орды стало именоваться ногайским элем. Этноним «ногай» распространялся и на другие этнополитические объединения чингизидов, включая племена кочевых узбеков и узбек-казахов — объединения, связанные с именем Узбек-хана, близкие по этническому составу и обладавшие общей историей, культурой и языком. Отсюда, учитывая, что при Узбек-хане отдельной социальной группы или племени «узбек» еще не

существовало, кочевых узбеков, или узбек-казахов, целесообразно рассматривать как кыргызско-казахские либо ногайско-казахские объединения. Например, ядро племенного союза Абулхайр-хана и его беклербека Бакаса (одного из сыновей Едиге) составляли мангыты. В 1428 году Абулхайр-хан захватил столицу улуса Тайбуга — Чимги-Туру. Улус Тайбуга поддерживал тесные этнополитические и торговые связи с крупными городами — Самаркандом и Бухарой, а также с кыргызами [334. – С. 18] и другими кочевыми объединениями, проживавшими в Горном Бадахшане и горных районах Ферганы. Абулхайр-хан, опиравшийся на поддержку мангытов, стремился установить контроль над важнейшими торговыми центрами региона. В 1446 г. он захватил города Сыгнак, Сузак и другие города на Сырдарье, после чего перенёс свою ставку в Сыгнак, превратив его в столицу своего государства. В знак признания заслуг своего главного темника Бакас-бия хан пожаловал ему город Узген в Ферганской долине. Позднее Бакас, после неудачной попытки изменить хану, возвратился на Алтай. Несмотря на это, хан простил его; впоследствии Бакас погиб при неизвестных обстоятельствах. С учетом тесных этнополитических связей алтайских кыргызов с шибанидами не исключено, что они также могли участвовать в этих походах, что, в свою очередь, могло способствовать их дальнейшему продвижению на юг и консолидации с тяньшаньскими кыргызами.

События, связанные с Абулхайр-ханом, в определнной мере находят параллели в эпосе «Манас». В кыргызском сказании повествуется о переселении кыргызов с Алтая в Алайскую долину; Джакып женит Манаса на дочери бухарского правителя Атемира, а предводитель нойгутов Ак Балта, родственник Манаса по материнской линии, со своим элем обосновывается в Узгене и его окрестностях. Позднее Ак Балта вместе с Кутубием, сыном Ошпура, возвращается в земли предков — в Сарыкол, в Горном Бадахшане. Вместе с тем, по некоторым данным, местом их возвращения мог быть Алтай. Возможно, миграционные процессы, связанные с переселением кыргызов на Тянь-Шань, продолжались и в период Эштек-бия.

Вышеописанная сюжетная линия представляет интерес в связи с историческими сведениями о Бакас-бие, которому Абулхайр-хан, согласно преданию, пожаловал Узген, а после конфликта с ханом тот возвратился на Алтай. Примечательно также, что деда Бакас-бия звали Балтатыр, тогда как в эпосе «Манас» предводителем нойгутов выступает Ак Балта. Совпадение имен и сюжетных мотивов, связанных с Узгеном и возвращением на Алтай, может свидетельствовать о сохранении в эпической традиции отдельных элементов исторической памяти о событиях и родоплеменных связях этого периода.

Согласно кыргызской генеалогической традиции, Долон-бий переселил кыргызов в Ферганскую долину, где его потомки расселились в районах Оша и Узгена; от его младшего сына Монмоша, согласно преданию, происходило племя мунгуш, включавшее род мангыт [60.-С. 86]. В дальнейшем кыргызы распространились по всей Ферганской долине, вплоть до Бадахшана и Бухары.

Отметим, что некоторые ногайские и кыргызские генеалогические предания и отдельные сюжеты эпоса «Манас» могли отражать события, связанные с периодом возвышения Сибирского хана Ибака, который управлял улусами кыргызов, ногайцев и тайбугидов и Казанью [377. – С. 28; 355. – С. 64–65]. После смерти Абу-л-Хайр-хана в 1468 г. его преемник Йадгар-хан, находившийся в преклонном возрасте, скончался в 1469 г. К власти пришел сын Абу-л-Хайр-хана — Шах Хайдар. Однако это вызвало недовольство значительной части знати, против него была создана мощная оппозиция, в которой важную роль играли Сибирский хан Ибак, сын Йадгар-хана Буреке-султан, правнуки Урус-хана — султаны Жанибек и Керей, а также ногайские мурзы Муса и Ямгурчи. В 1471 г. Ибаку удалось уничтожить Шах Хайдара и возвыситься.

В ногайских преданиях сохранились сведения об этнополитических связях ногайцев с кыргызами в период Золотой Орды. Согласно генеалогической традиции, предки ногайцев до их появления на Яике жили в Мавераннахре. В караногайском (северодагестанском) предании, записанном А.О. Рудановским в 1863 г., говорится, что их «народ кочевал несколько лет возле городов Бухары, Хивы и Оркаи (в. Ургенч) под предводительством Чингисхана. Затем ими стали управлять два калмыцких хана – Бодролтой и Бурголтей, которые принялись притеснять подданных. По этой причине ногаи, дескать, перекочевали в урочище «Алатавлы-Киргиз» под начало Узбек-хана. Оттуда они вскоре переместились со всеми стадами и кибитками «к озеру Ака-Оку под покровительство тамошнего бия Мусы» [427. – С. 301].

А.О. Рудановский, анализируя приведенные сведения, отмечал, что данная версия, во-первых, позволяет определить предполагаемые хронологические рамки миграции — от времени Чингисхана, то есть первой четверти XIII в., до Мусы, жившего во второй половине XV в.; во-вторых, очерчивает ее маршрут: Мавераннахр и Хорезм — горы Алатау (Юго-Восточный Казахстан и Кыргызстан) — озеро Ак-Куль. Далее он указывал, что аналогичный маршрут миграции отражен и в казахском эпосе «Эр-Таргын», где главный персонаж является выходцем из кыргызов, бежавших к народу «кырк сан крым» [369. – С. 60]. Рудановский сопоставлял этот сюжет с легендарным маршрутом, сохранившимся в ногайских преданиях, — Мавераннахр — Киргизский Алатау, а также с сообщением Утемиш-Хаджи об уходе народа с территории Казахстана в Крым [427. – С. 301].

Отголоски пребывания мангытов в Средней Азии можно усматривать и в кыргызском эпосе «Манас», где «ногоям» отводится значительная роль. Показательно также, что древность и «золотой век» в кыргызских преданиях иногда обозначаются как «ногайские времена» [127. – С. 388; 427. – С. 301]. В этом контексте, по-видимому, под названием страны кыргызов «Алатавлы-Киргиз» могли пониматься территории Центрального и Восточного Тянь-Шаня и Восточного Казахстана. Именно в этом регионе соприкасались и взаимодействовали владения и кочевые объединения аз-ширинов, ногайцев, Анга-Торе, алтайских кыргызов и моголов.

В связи с этим можно предположить, что ногайские предания могли сохранять память о миграциях племен, которые в эпоху Абулхайр-хана перемещались в Фергану, где вошли в состав населения, связанного с тяньшаньскими кыргызами, а позднее, возможно, в составе войск Бакаса вновь оказались в Алтае. Показательно, что в ногайских преданиях кыргызы и ногайцы выступают как близкородственные народы. Ногайцы, согласно преданию, жили в стране кыргызов «Алатавлы-Киргиз». Не исключено, что образ Чингисхана в данном предании мог со временем вобрать в себя черты более поздних правителей. В частности, можно предположить, что в отдельных версиях предания он мог быть связан с образом Абулхайр-хана, с деятельностью которого, возможно, было связано продвижение отдельных кыргызских групп на юг, в Фергану.

В рассказах о Манасе можно заметить существование двух ветвей кыргызов — тяньшаньской и ногайской. Например, по сведениям Г. Франела (1849 г.), кыргызы долины реки Или считали «себя потомками ногайцев, будто бы кочевавших тут до них. Киргизбай — родоначальник их, с двумя сыновьями, Атыгеном и Тагаем, удалился от притеснения ногайских князей, Манаса и его сына Семетея, с берегов Или в горы, лежащие на юг» [127. – С. 301.].

Анализ сведений Н. Бекрана, Ибн Вали, Натанзи, Утемиш-хаджи, С. Ахсикенди и других авторов о кыргызах показывает, что все указанные источники описывают один и тот же этнополитический массив, отдельные группы которого расселялись в разных регионах. Сопоставление сведений вышеотмеченных авторов с сообщениями С. Ахсикенди и Н. Бекрана, локализовавшего южную группу кыргызов в районах Горного Бадахшана и Бухары, позволяет предположить, что речь идет об одном и том же кыргызском этносе, различные группы которого были расселены на обширной территории, но сохраняли этническое единство и тесные политические связи. Есть основания полагать, что часть алтайских кыргызов могла переселиться на Тянь-Шань в период активного военно-политического союза Тохтамыш-хана и Анга-Торе, направленного против Амира Тимура. С. Ахсикенди сообщает, что Токтамыш хан для сардара Манаса город построил, назвал тот город Манасия» [58. - С. 52-53.]. Слово «сардар» имеет

ферганское происхождение, что дает основание связать эти события с совместным походом Токтамыш-хана и Анга Торе, в котором, вероятно, принимали участие и кыргызы. Другая волна переселения могла быть связана с завоеванием в 1428 году Абулхайр-ханом и его главным темником Бакасом-мангытом улуса Тайбуги. Очевидно, именно в период похода Абулхайрхана и Бакаса на юг, часть кыргызов мигрировала в Ферганскую долину и слилась с тяньшаньскими соплеменниками.

Следовательно, в этом контексте главного темника Золотой Орды и основателя Ак Орды Ногая можно рассматривать в качестве прототипа деда Манаса — Ногая в эпосе «Манас». Отец Эдиге (Идику) Балтачык, по-видимому, мог быть представлен в эпосе как связующее звено, отразившее ногайский компонент и кыргызское племя нойгут (ногой+гут; родственники Манаса по линии его матери Чыйырды) в родословной кыргызов. Вероятно, Балтачык является прототипом хана нойгутов Ак-Балты — родного дяди Манаса по материнской линии и внука Ногоя в эпосе «Манас». В то же время Эдиге и его внуки Муса и Ямгурчи могли послужить прототипами Эштека (прадеда Манаса по матери) и его сыновей Ак-Балты и Жамгырчы в великом сказании. В эпосе «Манас» неизменную поддержку герою оказывают его родственники по материнской линии — сары-ногайские вожди Эштек и его сыновья Ак-Балта и Жамгырчы.

Вышеизложенное позволяет допустить, что Золотая Орда является тем государством, историческая память о которой отразилась в эпосе «Манас», где кыргызы выступают в этнополитическом союзе с ногайцами (представленными племенем чагоо, князем Ногоем, Бакаем, Жамгырчы, а также сары-ногайцами из племени нойгут и князьями Эштеком, его сыном Ак-Балтой и внуком Чубаком), казахами (представленными племенами аргын, абак, албан и князьями Кара-Кожо, Айдарканом, его сыном Кокчо, а также Бийназаром) и узбеками (представленными князьями Дамбалдой, Абылдой и Акынбеком). Ногайцы и казахи также имели собственные сказания о Манасе [449. - С.72, 166, 195; 429. - С. 577-590].

Отметим, что влияние и взаимодействие кыргызов с ногайцами, казахами и другими племенами Дашти-Кыпчака в значительной мере прослеживаются в эпосе «Манас», особенно в сюжетах, связанных с представителями племени катаган. В фольклорных произведениях подчеркивается близкое родство и единство кыргызов, ногайцев и казахов, которые, по-видимому, не придавали особого значения этническому происхождению своего правителя. Это прослеживается на примере Эр Эшима, Турсун-хана и даже Эр Таргына. В эпосе «Манас» кыргызы, казахи и катаганы представлены как объединения, имевшие общее происхождение. В «Манасе» говориться:

Казак, кыргыз, катаган, (Казак, кыргыз, катаган,)

Баарыбыз бир атадан (Все мы от одного предка) [334.-С. 103].

Согласно кыргызским родословным, казахский хан Эр Эшим считался кыргызом. Казахи также сохранили предание о кыргызском баатыре Эр Таргыне, который, согласно кыргызским родословным, происходил из племени катаган. Эр Таргын, не найдя согласия среди казахов и кыргызов, уходит к ногайцам, где он был достойно принят и даже позже становиться правителем этого народа. В казахских родословных ярким представителем катаганов был Турсун-хан.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно предполагать, что миграция азов и кыргызов на запад в монгольскую эпоху была связана с крупными военно-политическими изменениями, сопровождавшими возвышение Чингисхана и расширение власти монголов. Военные походы и включение восточных территорий в состав Монгольской империи способствовали перемещению на запад многих восточных племён и родов. В этот период были вынуждены перемещаться на запад конграты, салджугиты, катаркины, дурманы, бахрины, усуту-мангуны (усинцы), кераиты, канглы и другие племена. В этом же контексте, на наш взгляд, можно рассматривать и перемещение мангытов в земли азов Приаралья в период возвышения Чингисхана.

Бегство и миграция отдельных групп мангытов и других восточных племён на запад, вероятно, были частью более широкого процесса перемещения азов и кыргызов в западном направлении. В кыргызской родословной традиции этот процесс связывается с Долон-бием — современником Чингисхана, который, согласно преданию, привёл кыргызские роды мунгуш, алакчын и другие в Ферганскую долину. Это нашло отражение в родословной традиции народа, согласно которой потомками Долон-бия считаются Адигине, Тагай, Кара-Багыш и Мунгуш. Причем последний, по некоторым данным, сохранял определенную историко-генеалогическую связь с мангытами. Вместе с тем сведения родословной следует рассматривать как важное свидетельство исторической памяти кыргызского народа, сопоставляя их с данными письменных источников и другими историческими материалами.

С формированием улусов Джучи и Чагатая значительная часть переселившихся с востока племен и родов вошла в состав вновь образованных владений чингизидов. Впоследствии в Золотой Орде правое и левое крылья возглавили аз-ширины и мангыты, тогда как в Моголистане политическую основу государства составляли различные тюркские и тюрко-монгольские племена, среди которых ведущее место занимали моголы и кыргызы. Кыргызы проявляли политическую активность как в Золотой Орде, так и в Моголистане. Этнополитические связи кыргызов с царевичами Ак Орды, в том числе с Токтамыш-ханом, с одной стороны, и с шибанидами — с другой, сыграли позитивную роль в переселении части кыргызов на юг, где

в рамках Моголистана происходил процесс консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане.

§ 2. Союз племен аз-ширинов в политической жизни Золотой Орды

1) Азы, или аз-ширины — древний элитарный род кыргызов

Азы, или аз-ширины, по-видимому, тождественны азам, упоминаемым в орхоно-енисейских надписях. Они сыграли заметную роль в формировании Улуса Джучи и, вероятно, происходили от азов Саяно-Алтая. В рунических памятниках азы выступают как тюркское племя, тесно связанное с тюрками, тюргешами и кыргызами, вследствие чего в научной литературе их нередко рассматривают как одну из ветвей тюргешско-кыргызского этнополитического массива. Ибн Хардадбек упоминает их под именем азгиши рядом с кыргызами и кыпчаками [294.- С. 113; 271.-С. 153], а Махмуд Кашгари сообщает о народе азгиши (азкешэ — «люди аз») «наряду с аланами и касами (касогами)», который В. В. Бартольд относил к тюркским племенам [76.-С. 587].

Согласно Утемиш-хаджи, аз-ширины и мангыты, возглавляли правое и левое крыло войска Золотой Орды [379. – С. 127]. Исследователь А. Сальманов, ссылаясь на сведения Утемиш-хаджи отмечал, что главный темник Золотой Орды Рук-Тимур при Токтамыш хане происходил из племени ширин (шырын) [489. – С. 53; 441. – С. 305], тогда как в одном из вариантов ногайского эпоса «Эдиге» назван выходцем из «племени киргиз» [534. – С. 56; 441. – С. 305]. По его мнению, это позволяет предположить, что племя ширин (аз-ширин) сформировалось в рамках азо-кыргызской этнополитической общности [441. – С. 305]. Очевидно, аз-ширины представляли потомков древних азов, которые в эпоху монголов мигрировали в земли азов в Приаралье, позже туда же пришли мангыты, которые были прогнаны Чингиз ханом в период его возвышения. Вероятно, Рук-Тимур, возглавлявший правое крыло войска Золотой Орды, принадлежал к аз-ширинам, а мангыты позднее вошли с ними в тесный военно-политический союз.

Не исключено, что память об аз-ширинах сохранилась и в топонимии Южной Сибири. В частности, название Ширинского района Хакасии, Ширинской долины и озера Шира может быть связано с этим племенем. Примечательно, что данная территория ранее входила в состав Алтысарского улуса енисейских кыргызов.

Отметим, что зафиксированная в источниках связь аз-ширинов и мангытов свидетельствует о существовании тесных этнополитических контактов между предками этих золотоордынских объединений на востоке, включая их взаимодействие с кыргызской средой. Не исключено, что еще до

возвышения Чингисхана они входили в единое политическое пространство, сформировавшееся в эпоху Кыргызского Великодержавия. Впоследствии эти племенные объединения были включены в состав Монгольской империи, а затем заняли заметное место в военно-политической системе Улуса Джучи (Золотой Орды), в том числе в его владениях — Ак Орде и Кок Орде. Дополнительные параллели содержатся в «Сокровенном сказании монголов», где упоминаются военачальники Ачих-Ширун [523.-С.92-93, 95.] и Тахай-бахадур [523.-С. 80, 98, 111.]. Первый служил Ван-хану и возглавлял тумен тубэгенцев, второй являлся одним из ближайших сподвижников Чингисхана. Возможно, связь Ачих-Шируна с Ван-ханом соотносится со сведениями источников о кыргызском владении Кэм-Кэмджиут в Западной Монголии, откуда, согласно некоторым сообщениям, происходил правитель кераитов Ван-хан [66. – С. 185]. Впоследствии, по-видимому, оба военачальника оказались связаны с улусом Хорчи. Эти сведения позволяют сопоставить их с тысячниками Ашигом и Тахаем, а также обратить внимание на возможные параллели с кыргызскими антропонимами Ашиг (Азык) и Тагай-багадур, известными по «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди.

После образования государства Хайду в 1269 году бахрины, черики и другие племенные объединения, связанные с улусом Хорчи, переселились в Семиречье и восточные районы Ак Орды, границы которой достигали бассейна Каратала. Вероятно, именно в этот период на восточных рубежах Ак Орды начали формироваться такие улусы, как Кыргыз (Манас), Бахрин, Аркенут, Анга-Торе, Салучи-Булгачи и другие. Центр одного из крупнейших политических объединений — улуса Анга-Торе — располагался в районе Каратала [239. – С. 62; 166. – С. 421].

Параллельно с этими процессами аз-ширины, кыргызы и связанные с ними племенные группы, по-видимому, усиливали свое положение в политической структуре Ак Орды. В этом контексте показательны сведения Сайф ад-Дина Ахсикенди, который связывал Ай-Кожо и его сына Кара-Кожо — предводителей кыргызов и представителей аргынского объединения, входившего в союз аз-ширинов, — с суфийским орденом, центры которого находились в Касане и Ширкенте Ферганы.

Таким образом, совокупность письменных источников позволяет предположить, что рунические азы VI–X вв. и аз-ширины XIII–XIV вв. представляли собой одно этнополитическое объединение, известное под различными названиями. Вероятно, они стали предками одного из аристократических родов енисейских кыргызов позднего Средневековья. Этим объясняется сходство этнонимов и антропонимов аз-ширин, Ачих-Ширун, Тахай-Бахадур [523.-С. 80; 92-93, 95, 98, 111.].], Ашиг, Тахай [279.-С. 161], Азык и Тагай [24.-С.26], отражающих преемственность древней кыргызской военно-политической элиты.

Следовательно, Ван-хан, чье имя в источниках связывается с кыргызским владением Кэм-Кэмджиут, и кераитское объединение, включавшее группы канглы, имели тесные связи с наследием енисейских кыргызов. Это очень даже конкретно прослеживается историческими событиями до периода кара китайских нашествий и появления на историческую арену кераитов. Исторические сточники писали о двух крупных владениях кыргызов Кыргыз в Минусинской котловине и Кэмкэджиут Западной Монголии, а затем стали писать о владении Кыргыз и Кераитах возглавлявшихз союз племен цзубу.

После падения государства часть кераитов и канглы через земли енисейских кыргызов переместилась на Алтай и Тянь-Шань, где позднее вошла в состав улусов Джучи и Чагатая, а также государств Хайду и Моголистана.

Таким образом, разгром кераитского союза в начале XIII века не означал исчезновения кераитов как политического объединения, а привел к их интеграции в новые военно-политические структуры Евразии.

Однако, следует отметить, что восточные кочевники, Средние века продвигались вслед за азами, которые еще в тюркское время были расселены на обширном пространстве — от Ангары и Саяно-Алтая до Северного Кавказа, Причерноморья и Крыма. Они также проживали в Семиречье и Средней Азии, а в монгольскую эпоху имели собственное владение на Северном Кавказе. Судьба кыпчаков и других восточных мигрантов находивших прибежище в землях приаральских азов была тесно связана с союзом племен аз-ширинов, игравшим важную роль в политической системе Золотой Орды.

Источники монгольского времени свидетельствуют об особом положении аз-ширинов в Улусе Джучи. Прежде всего, вероятно, это было связано с благородным происхождением азов, которые могли иметь непосредственные связи с правящей династией енисейских кыргызов. Благодаря своему статусу брачующего рода аз-ширины вошли в число «свойственников ханов» и стали одним из наиболее влиятельных аристократических родов Золотой Орды [521.– С. 99-100].

По-видимому, уже в VIII–X вв. часть азов переселилась через Хорезм на Северный Кавказ, в Причерноморье и Крым, сохранив при этом тесные связи с кыргызами, кыпчаками, бахринами, аргынами и другими племенами Саяно-Алтая. Характерно, что письменные источники локализуют азов (асов) и кыргызов в одних и тех же районах. Так, Истахри упоминает одну из групп кыргызов на Волге [345. - С. 21.], а арабские авторы XIV в. (Абу-л-Фида, Ибн Баттута, ал-Омари) сообщают об асах (азах), проживавших в районе Сарая-Берке и Нижней Волги [219. - С. 45.]. Источники также называют эмира асов Качир-огула и ильбурлика Бачмана, народ которого обитал в районе низовьев Волги [402. – С. 176–179.].

Эти сведения позволяют предположить, что часть кыргызов Северного Кавказа происходила от азов, переселившихся сюда через Хорезм и степи Нижнего Поволжья. Косвенно это подтверждается тем, что в эпоху Бату-хана вилайаты Ас и Мангышлак были переданы Тукай-Тимуру — предку Тохтамыша, пришедшего к власти при поддержке союза аз-ширинов. Сопоставление сообщений Утемиш-хаджи и Сайф ад-Дина Ахсикенди показывает, что они отражают различные этапы развития одной этнополитической общности. Утемиш-хаджи еще выделял союз аз-ширинов, в который входили аз-ширины, бахрины, кыпчаки и аргыны [488. – С. 115–116]. Ахсикенди, писавший почти двумя столетиями позже, уже говорит только о кыргызах как о сложившемся народе в рамках Моголистана, сохраняя память о тех же политических событиях, но заменяя племенные названия именами их предводителей — Манаса, Анга-Төрө, Салучи-Булгачи, Кара Кожо аргына, Ак-Тимур-кыпчака, Ульмаз-Кулана и других [58. -С. 46-62.].

Показательно, что С. Ахсикенди уже не использует этнонимы «аз» и «аз-ширин», широко представленные в более ранний период, тогда как в «Бадаи ат-таварих» XVII в. прямо отмечается: «кыргызов называют аз». Это свидетельствует о том, что к XV–XVI вв. прежние племенные обозначения — аз, аз-ширин, бахрин, кыпчак и др. — постепенно утратили прежнее политическое значение и были включены в более широкую этнополитическую идентичность, выраженную общим этнонимом «кыргыз». Данный процесс отражал завершение длительной консолидации кыргызских племен и формирование единого этнополитического сообщества. Связь этнонимов «азы» и «кыргызы» прослеживается и в более ранних источниках. В орхоно-енисейских надписях азы, а в «Юань ши» усы (азы) и кыргызы упоминаются как единый и неделимый народ. Эти данные позволяют рассматривать азов как господствующий аристократический клан кыргызской этнополитической общности. Их название могло выступать в качестве политонима в союзе племен, заменяя в отдельных случаях общий этноним «кыргыз».

Таким образом, источники свидетельствуют о длительных миграциях азов между Саяно-Алтаем, Тянь-Шанем и Северным Кавказом. Вероятно, именно эти миграционные процессы способствовали распространению азо-кыргызских племен от Центральной Азии до Причерноморья, Северного Кавказа и Крыма, где последние сыграли важную роль в этногенезе современных карачаевцев, кумыков, ногайцев и крымчаков и др.

2) Бахрины. Хорчи правитель Кыргызского улуса

Предками бахринов, по-видимому, являлись мукрины (мукри, мохэ, бекрины, бахрины, баарины) [147. - С. 293, 341-343.]. Л. Н. Гумилев считал мукринов аристократическим родом Тюргешского каганата и отождествлял

их с народом мукри (мохэ), локализуя их в районе восточного Тянь-Шаня и Бейшаня (Белых гор) [147. - С. 342.], где жили йегу [103. -С. 358; 200.-С. 205.]. Источники помещают мукринов рядом с согэ, асиги [48. – С. 218-219], азами [200.–С. 150–151] и кыргызами-йегу в области Аргу-Тага [103. -С. 358; 200.-С. 205.], что свидетельствует об их длительных этнополитических связях.

Рашид ад-Дин относил бахринов (бекринов, мекринов) к группе степных племен, близких к кераитам, найманам, онгутам и кыргызам [147. - С. 342-343.]. По сведениям Рашид ад-Дина, бекрины (мекрины) жили в горах Уйгуристана, не являясь ни монголами, ни уйгурами [421. – С. 149]. Они славились как искусные горцы и составляли отдельную военную тысячу [421. – С. 70].

О тесных связях бахринов с кыргызами свидетельствуют и события начала XIII в. Во время восстания туматов и енисейских кыргызов в 1217–1218 гг. нойон Ная из племени бахринов отказался выступить против восставших [421. - С. 122.], после чего Чингисхан поручил подавление восстания Борагулу [421. - С. 122.]. Этот эпизод позволяет предполагать существование устойчивых связей бахринов с кыргызами.

Особое значение имеет создание Чингисханом улуса Хорчи. Основу этого владения составляли бахрины, кыргызы, азы, тахаи, черики и др. Сюда же видимо, относились кераиты, канглы, кыпчаки и другие лесные племена Алтая и Западной Монголии [279. - С.161.]. Улусом управлял Хорчи из племени бахринов при участии тысячников Тахая и Ашига. Это позволяет рассматривать улус Хорчи как крупное кыргызское политическое объединение Западной Монголии, объединившее близкие по происхождению и политическим традициям племена.

В эпоху Хайду бахрины вместе с чериками переселились в Семиречье. Примерно в это же время, большинство племен улуса переселяется на Тянь-Шань, где возникли улусы Кыргыз (Манас), Анга-Торе, Салучи-Булгачи и другие [58. – С. 44-66.]. В XIII–XVI вв. бахрины неоднократно упоминаются рядом с кыргызами и чериками в междуречье Или и Иртыша. По данным Утемиш-хаджи, они входили в союз аз-ширинов, поддерживавший Тохтамыш-хана. Ибн Вали также сообщает, что после смерти Тохтамыша Пулад-хан поручил бахринам охранять границы своих владений от кыргызов [215. — С. 108–109.], что свидетельствует об их непосредственном соседстве.

Особенно подробно бахрино-кыргызские отношения отражены в «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенди. Источник сообщает, что бахрины со времени Хайду-хана проживали на Тянь-Шане рядом с кыргызами Каркыры и выступали союзниками Анга-Торе, Манаса и Тохтамыш-хана [58. – С. 44- 47, 68- 69.]. Эти сведения подтверждают длительное политическое взаимодействие бахринов и кыргызов.

Близость бахринов и кыргызов сохранялась и позднее. Источники эпохи Юнус-хана отмечают их связи с могольскими племенами, а кыргызские родословные относят баарынов и чериков к правому крылу кыргызов. Потомки бахринов сохранились в составе рода кара-чоро под названием баарын [60. - С. 101-105.].

Таким образом, сведения письменных источников и родословных традиций свидетельствуют о том, что история бахринов неразрывно связана с азами, аз-ширинами, чериками и кыргызами. Вероятно, бахрины представляли собой одно из ключевых племенных объединений Кыргызского улуса, сыгравшее заметную роль в этнополитической истории Западной Монголии, Семиречья и Тянь-Шаня.

3) Кыпчаки и Кыргызская область Каркырахан

Предыстория кыпчаков в исторических источниках связана с народом сир рунических надписей, соответствующим китайскому этнониму сеяньто. Как отмечал С. Г. Кляшторный, тюркские памятники употребляют этноним сир, тогда как уйгурская надпись из Шине-Усу — кыпчак, что позволяет считать оба названия обозначениями одного этнополитического объединения [271. - С. 153.]. Согласно китайским хроникам, сеяньто являлись одним из крупнейших союзов племен теле и состояли из двух родов — се и яньто [53. – С. 44.].

По данным С. М. Ахинжанова, сеяньто распадались на две территориальные группы: одна кочевала в Хангае, другая — между Восточным Тянь-Шанем и Алтаем. После распада Первого Тюркского каганата они усилились и в 630 г. установили господство в восточной части Великой степи [53. – С. 44-45.]. В этот период енисейские кыргызы находились в зависимости от государства сеяньто, однако сохраняли собственную администрацию во главе с элтебером Ышбаркулем Ачжаном.

Источники неоднократно упоминают кыпчаков рядом с азами и кыргызами. Ибн Хордадбех перечисляет их в последовательности: «тюргеши — азгиши — кыпчаки — кыргызы» [294.- С. 113; 271.-С. 153]. По данным Утемиш-хаджи и Ахсикенди, союз аз-ширинов, включавший кыпчаков, с самого начала поддерживал Тохтамыш-хана и сохранял тесные связи с кыргызами и владением Анга-Торе. Это позволяет предполагать существование устойчивой военно-политической общности, сложившейся задолго до монгольской эпохи. Вероятно, часть кыпчаков Каркыра-хана входила в союз аз-ширинов, находившихся в тесном взаимодействии с алтайскими кыргызами. Однако притяньшанская часть кыпчаков Каркыры входила в состав улуса Анга-Торе и идентифицировала себя как часть кыргызского этноса. Источники монгольской эпохи также сообщают, что полководцы Токтак и его сын Чоангур управляли кыпчаками и кыргызами Алтая. После смерти Токтака Чоангур стремился распространить свою

власть на Тянь-Шань и объединить алтайских и тяньшаньских кыргызов и кыпчаков [391.– С. 115-118]. Вероятно, этот процесс получил дальнейшее развитие при Тохтамыш-хане, поддерживавшем кыргызские владения Анга-Торе и Салучи-Булгачи. В результате часть аз-ширинов и кыпчаков переселилась на Тянь-Шань и вошла в состав кыргызского народа, тогда как другая часть вместе с аргынами и другими племенами Дешт-и Кыпчака позднее участвовала в формировании Казахского ханства.

4) Аргыны. Казахи в Дешт-и Кыпчаке

В исторических источниках аргыны упоминаются под различными названиями: аргун, аргунан, оргун, органум, арканут и аркенут. Их происхождение остается дискуссионным. В научной литературе аргынов связывали с басмылами, кунами, меркитами, а также с различными тюркскими и монгольскими племенными объединениями. По мнению К. Этвуда, аргыны представляли собой один из онгутских кланов Кок Орды и впоследствии приняли участие в этногенезе казахов и монголов [548.].

Л. Н. Гумилев связывал происхождение аргынов с басмылами [147. – С. 372]. Н. А. Аристов, Г. Е. Грумм-Гржимайло и В. В. Бартольд, опираясь на сообщение Рубрука о том, что басими — это те же аргоны [251.], рассматривали этнонимы басмыл и аргын как близкие по значению [74.– С. 37.]. В. В. Ушницкий также отмечал связь аргынов с басмылами и кыпчаками, локализуя басмылов в Восточном Туркестане [495. – С. 98].

Представляет интерес и сопоставление В. В. Ушницкого, связывавшего кунов Марвази с телеским племенем хунь, кочевавшим вместе с киби (кыпчаками) к западу от Ордоса [504.- С.319]. Показательно, что племена байси, хунь, басмылы, ябагу и кыпчаки в разные периоды локализуются в соседних районах Центральной Азии [504.-С.319.], что свидетельствует о длительных контактах этих объединений.

Казахские исследователи Т. А. Инсенбаев и Е. З. Кажибеков установили сходство между родословной саха и шежере казахских аргынов, сопоставив имена предков Эллея и Омогоя с родовыми подразделениями аргынов [211. – С. 107-108]. М. С. Муканов считал, что аргыны издавна проживали в Семиречье, а Б. Х. Кармышева отмечала их генетические связи с узбеками-локайцами [248. - С. 200-236.].

Таким образом, совокупность письменных, генеалогических и этнографических данных свидетельствует о тесных исторических связях аргынов с кыпчаками, онгутами и кыргызами. Вероятно, аргыны входили в круг племен Кыргызского улуса Хорчи, а позднее разделились: одна их часть переселилась на Тянь-Шань и вошла в состав кыргызского народа, другая закрепилась в Дешт-и Кыпчаке, где стала одним из крупнейших племенных объединений казахов.

А. Маргулан сопоставил кырк шоро казахских аргынов с сорока чоро Манаса, а также обратил внимание на присутствие в составе аргынов родов тейит, черик (шерик), кушчу (кусшы), жунды-кыргыз, саяк и куртка (саркуртка), имеющих прямые аналогии в родоплеменной структуре кыргызов [339. - С. 109].

Наиболее вероятно, происхождение аргынов связано с племенем аркуй (аркай), обитавшим в районе священного источника Аркуй-Булак [200. -С. 124-125, 135], в стране усинцев Западной Монголии. Этнонимы аркуй, аркай и аргын могут быть сопоставлены с топонимами Арка (Сары Арка), Аргунь и Орхон, что указывает на общий историко-географический ареал их формирования. Такое сопоставление согласуется с мнением К. Этвуда, относившего аргынов к онгутскому (в. оргун) клану Кок Орды.

М.С. Муканов происхождение аргынов связывал с названием страны Аргу, упомянутой М. Кашгари, чьи земли простирались от Исфиджаба до Баласагына [374.-С.47]. Он же пытался связать аргынов с семиреченским племенем булак, которое упоминается в произведении анонимного автора «Худуд ал Аалам» [565. -С. 96, 280; 370.-С.47-48.] как значащее «пегий конь». Это указывало на связь булаков с ябагу -карлуками (пегий жербенок). М. Кашгари в своем «Диване…» упоминал о племени булак или алка-булак [255.-С. 360; 56.– С.175; 374.-С.47.], а Рашид ад Дин об области Булат [421.- С.73; 374.- С.48.]. Первоначальной областью расселения булаков, по-видимому, являлся район Аркуй-Булака, где позднее были известны булагаты. Этноним булагат мог трансформироваться в форму Булат, что находит отражение и в казахской генеалогической традиции.

Согласно казахским преданиям, одним из родоначальников Среднего жуза являлся Булат, которого отдельные версии легенды отождествляют с Аргыном [198.-С. 107-116.]. Как отмечал М. С. Муканов, в родословной Среднего жуза образы Булата и Аргына фактически сливаются [374.-С. 48.]. Это позволяет предполагать, что важную роль в формировании Среднего жуза сыграли потомки булаков (булатов), переселившихся из Центральной Азии.

Аргыны (аркенуты) поддерживали тесные связи с улусом Анга-Торе и кыргызскими чериками. В составе аргынов известны роды кыргыз, черик и атыгай (азыгай), что свидетельствует о длительных этнополитических контактах с кыргызами и племенами союза аз-ширинов. Не случайно в эпосе «Манас» аргыны и нойгуты выступают союзниками Манаса.

Источники позволяют отождествлять нойгутов с онгутами (белыми татарами), которых Рашид ад-Дин относил к народам, лишь незадолго до монгольской эпохи вошедшим в состав монголов [421.– С.77.]. Онгуты в эпоху Чингисхана входили в состав су-монголов [414. - С. 52.] («су» имеет два значения: первое — «вода» или «река», второе — «войско/черик», что могло обозначать войско татар или монголов), что, возможно, стало

причиной выделения отдельного племени под названием черик. В родословных нойгутов приемный сын Ак-Балты Чубак носил имя Болот, что вновь сближает этнонимы Булат (Булак) и Чубак (ябагу) с районом Аркуй-Булака. Это позволяет предположить, что до монгольской эпохи аркуй-булакский ареал мог служить общим этническим ядром, из которого впоследствии выделились или в пределах которого сформировались онгуты, нойгуты, басмылы, аргыны и черики.

Генеалогические данные аргынов сближают их с племенами Кыргызского владения Ус в Западной Монголии, включая булаков, аркуев (аркаев) и алакчын, обитавших в Прибайкалье. В связи с этим представляет интерес мнение Ю. А. Зуева, который, исследуя этимологию терминов «ала», «булак» и «карлук», предположил их возможную смысловую близость. По его мнению, «карлук» и «булак/булат» [206.-С. 107- 116.] могли выступать как неполные синонимы, обозначая понятие «пестрый» или «пегий».

Таким образом, предки аргынов могли иметь этногенетические связи с племенами аргу, аркуй (аркай), булак и онгутами, связанными с областью Аркуй-Булак в Западной Монголии. Не исключено, что эти группы имели общую историю с тюрками-шато и в раннем Средневековье входили в состав населения Восточного Притяньшанья и Джунгарии. После установления господства кыргызов в Великой степи в IX в. эти территории вошли в сферу влияния Кыргызского каганата, что создало условия для дальнейших этнополитических связей между данными племенами.

Источники XI–XIV вв. свидетельствуют о присутствии кыргызов в Алтае и Тянь-Шане, где они находились в тесных связях с союзом аз-ширинов, включавшим аз-ширинов, бахринов, кыпчаков и аргынов. Именно поэтому аргыны и другие родственные объединения упоминаются среди союзников Токтамыш-хана в труде С. Ахсикенди. Среди них названы Кара-Кожо (Кара Ходжа) аргын, Айкожа (Темир Ходжа), Анга-Төрө черик, Салучи-Булгачи, Жети-Кашка кыпчак, Ак-Тимур кыпчак, представители улуса Бахрин и другие [58. – С. 46–62].

С. Ахсикенди также упоминает топонимы «кулан-бахрин» [58. – С. 69] «аргун- бахри» [58. – С. 41.] и антропоним «кулан-найман бахадур» [58. – С. 80] , что указывает на соседство кыргызских владений с бахринами, аргынами и найманами.

Следует отметить, что в эпосе «Идегей» казаньских татар в числе имен воевод Токтамыш хана встречаются следующие персонажи: сын Акбалтыра Уак, сын Монжыра Чубак [360.-С. 103.]. В эпосе «Манас» Манас одними из главных союзников Манаса выступали сын Акбалты Чубак из племени нойгутов (онгут), сын Айкоджи Кара Коджа из племени аргынов, сын Айдаркана Эр Кокчо из племени абаков из Сары Арки. [335.-С.74-75, 396-397.]. Каракожо аргын упоминался и в эпосе «Манас»:«Алтайлыктын баары бар, Аргын Каракожо бар» [335. - С. 52, 74.]. Кроме вышеотмеченных

племен, в числе участников совета союзников Манаса упоминаются ногаи, алчыны, уйсуны, найманы, кыпчаки, наваты, каракалпаки, кангайцы и представители многих других племен, что свидетельствует о многоэтничном составе и широкой этнополитической базе объединения [335. – С. 74–75; 392. – С. 396–397].

Следовательно, под кыргызами, имевшими союзнические отношения с Золотой Ордой в эпоху Токтамыш-хана, можно понимать объединение племен аз-ширинов, в состав которого входили аз-ширины, бахрины, кыпчаки и аргыны.

Аргыны сыграли значительную роль в последующем формировании Казахского ханства. В XIII–XVI вв. аргыны кочевали в районах Семиречья, Тарбагатая, Каратала и Сайрама, соседствуя с владениями Анга-Торо. Их связи с этим улусом подтверждаются сообщениями о родстве Ходжибея из аргынов и Анга-Торо черика, а также о поддержке, которую аргыны оказывали последнему в период политических конфликтов.

По данным источников и преданий, предки современных казахских султанов Жаныбек и Керей покинули владения Абул-Хайр хана вследствие конфликта, связанного с убийством Даир-Ходжи из рода аргынов и отказом хана выдать виновника — Кобланды-батыра из рода кара-кыпчак. После ухода из Дешт-и Кыпчака они переселились в Семиречье и кочевали между Чу и Таласом. После смерти Эсенбука-хана в 1462 г. Жаныбек и Керей вернулись в степи своих предков и объединили вокруг себя кыпчаков, канглы, аргынов, кереев, найманов и другие племенные объединения, положив начало новому политическому образованию, получившему название Казахского ханства.

Аргыны сыграли значительную роль в формировании Среднего жуза и стали одним из наиболее многочисленных племен казахского народа. В отличие от аз-ширинов, бахринов и кыпчаков, активно перемещавшихся в рамках крупных миграционных процессов Золотой Орды, аргыны в большей степени сохранили свои основные территории, что способствовало их численному росту.

В период распада Золотой Орды часть племен союза аз-ширинов, прежде всего аргыны и кыпчаки, стремилась к политической самостоятельности. Объединившись вокруг султанов Керея и Жаныбека, они сформировали новое объединение, получившее название «казахи». Другая часть племен этого союза — аз-ширины, бахрины, кыпчаки и отдельные группы аргынов — переселилась на Тянь-Шань, где участвовала в формировании кыргызской этнополитической общности. Эти процессы отражали более древнюю традицию формирования политических объединений кочевого мира, когда названия военно-служилых и аристократических групп постепенно приобретали более широкое значение. Подобная модель была известна уже в эпоху Тюркского каганата, где термин

«тюрк» первоначально имел преимущественно социально-политическое и собирательное значение, связанное с военно-политическим объединением вокруг правящего рода Ашина, а позднее распространился на подвластные племена и приобрёл значение общего этнонима. В связи с этим происхождение названия «казах» следует рассматривать не только как этническое явление, но и как результат развития определённой военно-политической организации.

В рамках этой военно-политической системы существовали особые военно-служилые группы, связанные с каганской династией родственными и династическими отношениями. К ним, вероятно, относились сул-тюрки, которых связывают с дочерними линиями тюркских каганов. По мнению В. В. Бартольда, их название могло быть связано с титулом «чур», известным по орхоно-енисейским надписям [80.-С. 557; 53.-С. 40.]. Сул-тюрки могли поддерживать тесные связи с азами и кыргызами: представители кыргызской знати носили титулы «чур» и «инал», а тюркские каганы заключали брачные союзы с кыргызскими правителями [69.-С.14; 66.-С. 187.]. Показателен пример Барсбек-кагана, происходившего из рода азов и состоявшего в браке с дочерью Элтерес-кагана [69.-С.12: 66.-С. 187].

Важно отметить, что сул-тюрки представляли собой привилегированную военно-политическую знать, связанную с правящей династией и выполнявшую управленческие и военные функции в различных регионах каганата. Аналогичная модель получила развитие и в Улусе Джучи, где особое положение заняли аз-ширины. Благодаря брачным связям с династией Джучидов они вошли в число наиболее привилегированных военно-служилых групп. Эвлия Челеби отмечал особый статус ширинов, указывая, что они происходили от ханских дочерей и являлись свойственниками Чингизидов [521.– С. 99-100]. Это свидетельствует о принадлежности аз-ширинов к привилегированной знати — ак-сөөк («белая кость»). Представители этой группы становились военачальниками, создавали собственные улусы и играли значительную роль в политической жизни Золотой Орды.

В этом контексте можно предположить, что первоначально термин «казах» имел военно-политическое значение. Подобно термину «тюрк» в ранний период Тюркского каганата, «казак» мог обозначать представителей военно-политической элиты, обладавших самостоятельным статусом и правом создавать собственные объединения. Лишь позднее это обозначение эволюционировало в этноним. Косвенным подтверждением такого понимания являются термины «казак-султан» и «казакдаш», встречающиеся у Эвлии Челеби [521.-С. 146]. Понятие «казакдаш» («товарищ по казачеству», «боевой спутник») имеет смысловую близость с древнетюркскими и монгольскими обозначениями военно-служилых объединений — «чор», «ынак», «черик». Это позволяет связывать

первоначальное значение слова «казах» с воинским братством, политической самостоятельностью и особым статусом в кочевом обществе.

Аз-ширины, связанные с династией Джучидов по женской линии, представляли военно-служилую аристократию, играли значительную роль в политической системе Золотой Орды и создавали собственные улусы. Их особое положение, вероятно, объяснялось не только военной ролью, но и стремлением Джучидов сохранять связи с восточными племенными объединениями, прежде всего с кыргызами, продолжавшими играть заметную роль на Саяно-Алтае и Западной Монголии. После разделения Улуса Джучи на Ак Орду и Кок Орду влияние аз-ширинов и связанных с ними объединений усилилось. В период борьбы Хайду и Хубилая племена улуса Хорчи мигрировали в земли Ак Орды, а также в Семиречье и Восточное Притяньшанье, где смогли сформировать свои улусы.

В результате союз аз-ширинов, включавший аз-ширинов, бахринов, кыпчаков и аргынов, стал одним из влиятельных объединений Ак Орды. Союз племен аз-ширинов, совместно с кыргызскими группами участвовали в политической борьбе за власть, поддерживая Мубарак-шаха и Тохтамыш-хана. Последний, опираясь на кыргызские владения Восточного Притяньшанья, улусы Анга-Торе, Салучи-Булгачи и другие объединения, смог временно восстановить единство Золотой Орды. Однако последующие династические конфликты привели к распаду прежних структур, и часть племен, связанных с союзом аз-ширинов, вошла в новые этнополитические объединения. Одни из них участвовали в формировании Казахского ханства, другие — в консолидации кыргызского этноса в Восточном Притяньшанье и Моголистане, третьи, образовали самостоятельное ханство с центром в Казани, четвертое Крымское ханство в Крыму.

Показательно, что в золотоордынскую эпоху термин «казак» употреблялся в составе сложных обозначений — «узбек-казах», а позднее «кыргыз-казах». Даже после того, как при Узбек-хане это обозначение стало применяться в отношении отдельных военно-политических групп Золотой Орды, оно, вероятно, еще не приобрело самостоятельного этнического значения. Лишь позднее, при султанах Джанибеке и Керее, подданные этих Чингизидов стали именоваться казахами, а созданное ими политическое объединение — Казахским ханством.

Подобное развитие, очевидно, было связано с особым положением кыргызов в политическом пространстве Золотой Орды. Кыргызы взаимодействовали с различными политическими силами, в том числе с союзом племён аз-ширинов и Шейбанидами, которым, вероятно, оказывали поддержку в период их противостояния с Амиром Тимуром. Поэтому, несмотря на политическую принадлежность отдельных племенных групп к различным ордынским объединениям, их этнокультурные и родственные связи с кыргызами оставались тесными.

Положение кыргызов в Дашт-и Кыпчаке, по-видимому, стало постепенно ослабевать после возвышения Абулхайр-хана в 1428 г. и последовавших за этим политических и миграционных процессов, в результате которых часть кыргызских и мангыто-ногайских групп переместилась в сторону Тянь-Шаня. Вслед за этими событиями, вероятно, усилилось распространение новых этнополитических обозначений — «ногай» и «казах». Вместе с тем значительная часть населения Дашт-и Кыпчака продолжала сохранять связи с кыргызской этнополитической общностью, что находит отражение в более поздних источниках. Однако, аз-ширины сохранившие власть в Крымском и Казаньском ханствах позже вместе со всем населением этих владений стали называться татарами.

Таким образом, прослеживается преемственность в формировании военно-политической элиты кочевого мира: если в эпоху Тюркского каганата такую роль играли связанные с домом Ашина сул-тюрки, то в Улусе Джучи — представители знати аз-ширинов. В этом контексте процессы формирования кыргызского, ногайского и казахского народов следует рассматривать в рамках общего исторического пространства Золотой Орды, где восточные объединения — прежде всего аз-ширины, мангыты, моголы, кыпчаки, кыргызы и другие — участвовали в создании новых политических структур и определяли направление этнических процессов от Саяно-Алтая и Тянь-Шаня до Дешт-и Кыпчака.

ГЛАВА 5. Роль аристократического клана в политической и социальной жизни кочевого общества

§ 1. Аристократический клан в кочевом обществе

В номадических обществах кочевники жили в условиях клановой системы, которая регулировала отношения между различными племенами, родами и социальными группами. Клан являлся одним из главных субъектов политики. Каждый род, племя и народ управлялись господствующим кланом, представлявшим аристократический род. Именно он играл ведущую роль в консолидации этноса, решая политические, экономические, социальные, религиозные и другие вопросы.

В обществах Центральной Азии представители господствующего рода формировали элитарный клан, монополизировавший власть в государстве. В рамках социальной и политической системы номадического общества вождь — представитель элитарного рода с наследственной властью — воспринимался как надобщественный субъект, земное воплощение Небесного божества, управлявший и вершивший суд от имени Тенгри. Вместе с наиболее влиятельными племенами элитарный род составлял правящую корпорацию.

Понятие «клан» первоначально означало родовую социальную группу людей, связанных кровнородственными узами и происходящих от общего предка [285. – С. 36–45]. Однако по мере усложнения общества в состав клана могли включаться различные группы, связанные не только происхождением, но и политическими, социальными или иными отношениями. С развитием государства и частной собственности клан вышел за рамки примитивной родовой организации и стал важнейшим элементом политической структуры общества.

В Центральной Азии племенные союзы создавались преимущественно на основе политических договоров и военной демократии. Вожди, возглавлявшие конфедерации, заключали союзы между племенами и передавали часть своих полномочий представителю элитарного рода. Вождь или каган получал широкие полномочия и становился верховным политическим субъектом [166. – С. 173–178]. Вошедшие в союз племена сохраняли свою внутреннюю структуру, но теряли часть самостоятельности, связывая свое политическое будущее с правящим кланом.

Особенность кочевых обществ заключалась в их военизированном характере. Основным способом производства номадов являлось скотоводство, требовавшее постоянного расширения и защиты пастбищных пространств. Поэтому война становилась важным фактором политического развития, а племенные союзы постепенно превращались в сложные военно-административные организации.

Каждый взрослый кочевник считался воином — «стрелой». Военная организация строилась по десятичному принципу: десяток, сотня, тысяча и тумен. Джувейни отмечал, что «не было человека, который был бы вне сотни, тысячи или тьмы, к которой он был приписан» [168. – С. 185]. По мнению С. Г. Кляшторного, «стрела» являлась формой военно-административной организации, а не родоплеменного объединения [276. – С. 326, 133]. Она могла включать различные племена и роды, объединенные общим политическим именем и военной организацией.

Десятичная система управления одновременно являлась инструментом контроля над племенами. С ее помощью крупные племенные объединения могли быть разделены на более мелкие единицы, что позволяло центральной власти ослаблять самостоятельность отдельных родов и усиливать влияние правящего клана.

Наследственная власть вождя или кагана основывалась на генеалогии элитарного рода, которая подтверждала его благородное и сакральное происхождение. В родословных подчеркивались связь правящего рода с небесным божеством, его харизма и право управлять обществом. Поэтому создание нового племенного союза обычно сопровождалось формированием новой генеалогической традиции, закреплявшей власть аристократического клана посредством тенгрианской идеологии.

Получение власти от Неба-Тенгри обеспечивало кагану особый статус неприкосновенности [166. – С. 69–80]. Он выступал посредником между Небом и обществом, олицетворяя порядок и единство государства. Судьба государства и народа связывалась с устойчивостью власти правящего клана. Ослабление или падение этой власти нередко приводило к распаду политического объединения, разделению общества и исчезновению прежней этнополитической структуры.

В представлении кочевников Небо имело две ипостаси — видимую небесную твердь и божественную силу. Каганы и их династии считались рожденными Небом и наделенными особыми качествами — мудростью (бильге) и храбростью (алп). Небо даровало им власть, защищало при соблюдении его воли и карало за ее нарушение. Поэтому в сознании кочевников правители обладали особой небесной харизмой — кутом, силой и качествами, полученными от Тенгри [308. – С. 96–97]. Именно поэтому хуннские правители, наряду с титулом «шаньюй», носили титул «тенир кут», а некоторые средневековые правители — титулы «идикут», «кутлуг» [345.-С.174/] и другие. Благодаря сакральному статусу каган выступал не только политическим руководителем, но и верховным судьей и хранителем религиозного порядка [409. – С. 120, 122–123].

От личности кагана зависела судьба аристократического рода и всего племенного союза. Власть, как правило, передавалась по наследству от отца к сыну, хотя в отдельных случаях престол занимали представители боковых

линий рода. Главным условием являлось наличие сильного правителя, способного обеспечить безопасность общества, вести военные походы, расширять территории и защищать интересы народа.

Клановая система четко регулировала отношения между родами и племенами. Аристократический клан выделялся особой генеалогией, связывавшей его происхождение с божественной силой, а также собственными атрибутами власти — именем, символами, сакральными предметами и религиозными представлениями. Название правящего рода приобретало собирательное значение для всех членов конфедерации и закреплялось в генеалогических преданиях.

Важную роль играли тотемические названия и символы власти. Они не только обозначали происхождение рода, но и подтверждали его право на лидерство. Например, в китайских источниках сохранилось предание о происхождении усуньского правителя гуньмо, которому покровительствовали тотемные силы — волчица и красный ворон, символизировавший Солнце-бога [200. – С. 24–26; 81–82]. Подобные генеалогические предания легитимировали власть правящего рода.

Символы власти существовали у многих кочевых народов. У скифов ими считались «стрела», «секира» и «плуг», у хунну, огузов и он ок будунов — «стрела». В кыргызской традиции подобную роль выполняли сакральные предметы, связанные с происхождением родоначальника. Согласно преданию о Кыргызбае, обладание бышкеком и уздой стало символом его первенства и признания его лидером рода [415. – С. 155–156].

Подобные механизмы проявлялись и в соперничестве кыргызских племен бугу и сары багыш, связывавших свое происхождение с легендарным Тагай бием. Их борьба за лидерство была связана не только с политическим влиянием, но и с претензиями на особый статус внутри кыргызского общества. Вероятно, в период консолидации кыргызов Тагай бий осуществил новую форматизацию племен, усилив роль отдельных объединений и сформировав систему политического лидерства [18. – С. 66, 157, 317, 326, 438–439].

Правящий клан в кочевых обществах представлял собой Большой Дом, вокруг которого объединялись привилегированные и служилые племена. Поэтому многие династии именовались как «Дом Хань», «Дом Идань», а правящий клан енисейских кыргызов — «Дом Хягяс». При этом правящий род отделял себя от основной массы населения, представляя себя особой социальной группой, получившей власть от сверхъестественной силы.

Китайские источники поэтому отмечали, что «хягяс есть небольшой род» [324. – С. 45]. Однако, по сведениям Гардизи, этот род включал шесть крупных объединений: сокола, коровы, ветра, ежа, сороки и красивого дерева [78. – С. 46–48]. Вероятно, речь идет не о малом роде, а о правящем

объединении, вокруг которого группировались крупные племенные союзы кыргызов.

Таким образом, в кочевых обществах происхождение аристократического клана связывалось с Небом-Тенгри, что обеспечивало ему сакральность и наследственный характер власти. Каган воспринимался как представитель воли Тенгри на земле, а его власть являлась основой политической стабильности. Общество условно делилось на две основные категории: правящий аристократический клан, обладавший сакральным статусом, и подвластные ему роды и племена, составлявшие народ государства.

Общество енисейских кыргызов, как и другие кочевые общества, имело четкое социальное деление на правящий аристократический клан и зависимые от него служилые группы — кыштымов (вассальные владения). Вместе с тем к служилым относились и собственно кыргызские племена. В источниках отмечается, что при наборе войска «выступает весь народ и все вассальные поколения» [310. – С. 60]. Это свидетельствует о том, что правящий клан, с одной стороны, стремился отделить себя от основной массы населения, а с другой — сохранял единство с народом посредством общей политической системы.

Данное единство обеспечивалось периодической переформатизацией общественной структуры. При приходе к власти новой династии каган проводил реорганизацию политической системы, создавая новую двух- или трехкрылую модель управления. В результате выстраивалась иерархия отношений между аристократическим родом, союзными племенами и зависимыми владениями. Имя правящего клана приобретало значение политонима и постепенно распространялось на все подвластные племена, способствуя их политической и этнокультурной консолидации.

Особенностью аристократического клана являлась его способность сохранять историческую преемственность даже после потери власти и миграции в другие регионы. Сакральный статус, связывавший правящий род с божественным происхождением, позволял ему возрождаться под новым именем, использовать тотемические символы или принимать новые политические формы. Представители знатного происхождения могли занимать престолы далеко за пределами своей первоначальной территории. Так, каракитайский гурхан Елюй Даши стал правителем Караханидского государства, Бабур основал государство в Афганистане, а Мунке-Темир (Угэчи Кашка), происходивший из среды енисейских кыргызов, возглавил ойратскую конфедерацию Дөрбөн-Ойрат [85. – С. 20–21].

Анализ этнополитических процессов показывает, что на Алтае с древнейших времен существовала система аристократических родов, связанная с числовыми кодами «четыре» и «семь». Эти символы сохранялись у народов, имевших этногенетические связи с древними азами и

кыргызами. Так, правитель енисейских кыргызов Барсбек каган происходил из рода азов и имел четырех братьев, потомки которых, вероятно, сыграли значительную роль в формировании отдельных кыргызских и других евразийских племен. С. Ахсикенди связывал происхождение кыргызского правящего рода с четырьмя сыновьями Отуз Огула — Адина (Алыгине (Азыгине), Тагаем-Бахадуром, Кара Багышем и Мунккушем [58. – С. 82.]. Само племя азык называлось «четырехтамговыми азыками», поскольку включало четыре основных рода: козугун, борю, байкючюк и бычман [387.- С. 36.]

Подобный числовой символизм встречается у многих народов, связанных с древними азами и кыргызами. Он проявляется в названиях родов и племенных объединений алтайцев (торт ас), азов, ногайцев, каракалпаков, казахов, караханидов и других народов Евразии. В данном случае число «четыре» выступало не только как количественный показатель, но и как элемент генеалогической памяти, отражавший структуру аристократического объединения.

Азы с древности занимали особое положение среди кочевых племен. Они проживали на Саяно-Алтае, Тянь-Шане и Северном Кавказе и участвовали в этнополитических процессах этих регионов. В VIII–X веках часть азов, или азгишей, продвинулась на запад через Тянь-Шань к Хорезму и Волге, где они оказали влияние на формирование ряда народов — аланов, асов, косогов, хазар, ногайцев, башкир, кыргызов, казахов и других этнических групп. Следы их присутствия сохранялись в родоплеменной структуре многих народов, особенно у ногайцев, где известны роды ас, кара-ас, ак-ас, дорт-улу-ас, дорткил-ас и другие.

Важную роль азы сыграли и в этногенезе кыргызов. К X веку, по-видимому, они разделились на две основные группы: приаральскую, которая сыграла важную роль в формировании каракалпакского этноса, и семиреченскую, которая активно участвовала в консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане. В IX–X веках эти группы пополнились новыми переселенцами с Саяно-Алтая. В XI веке на Тянь-Шань пришли аз-шарийа, приведшие с собой кыргызские и кыпчакские группы. После образования государства Хайду часть союза аз-ширинов — аз-ширины, бахрины, кыпчаки, аргыны, черики, кыргызы и другие племена улуса Хорчи — переселилась в земли Ак Орды и Семиречья, где были сформированы улусы Анга Торе, Салучи Булгачи, Бахрин, Азык и Кыргыз. Именно эти политические объединения стали основой дальнейшей перегруппировки и консолидации кыргызских племен, переселившихся с Саяно-Алтая и Западной Монголии на Тянь-Шань.

Очевидно, Г. Ф. Миллер справедливо отмечал, что после событий 1703 года насильно переселенные джунгарами енисейские кыргызы из Прииртышья мигрировали на Тянь-Шань [351. – С. 314]. Однако

переселение кыргызов началось значительно раньше и имел поэтапный характер. Если в Прииртышье было переселено около 25 тыс. человек, тогда как численность енисейских кыргызов в средние века достигала примерно 50 тыс., то их миграция происходила постепенно, небольшими группами еще в период Столетней войны. Так, Ибн Вали сообщает о группе кыргызов численностью 12 тыс. семей, которая в 1635–1636 гг. через Каратегин прибыла в Хисар и была принята узбекским ханом в Балхе [350. – С. 30, 34]. Согласно Ибн Вали кыргызы совершили великий марш от Селенги до Горного Бадахшана. Эти сведения согласуются с кыргызскими родословными, где говорится об Эштек бие, внуке Тагай бия, приведшем часть кыргызов с Алтая в район Кашгара, а затем в Гиссар, где он сформировал новое войско и изгнал джунгаров.

Следовательно, именно аристократический клан нес особую ответственность за развитие и устойчивость государства, поскольку с ним связывались политическое единство, военная сила и историческое продолжение народа. История кочевых обществ показывает, что без сильной аристократической верхушки племенные объединения часто теряли способность к консолидации и защите своих интересов.

После событий 1703 года Джунгарскому ханству удалось уничтожить политическую верхушку кыргызов и ликвидировать их государственность. Земли Кыргызского владения вошли в состав Российской империи, однако население продолжало сохранять этноним кыргыз. Минусинские кыргызы (хоорай-хырхыз), лишившись собственного правящего клана и политического центра, уже не смогли восстановить прежнюю систему власти. В период национально-государственного размежевания 1920-х годов они не смогли провозгласить автономию под историческим именем «кыргыз» и приняли название «хакасы». Вместе с тем сегодня признано, что средневековый этноним «хягас» является китайской передачей названия кыргызского государства на Среднем Енисее.

Общественные структуры древних государств Центральной Азии имели различные формы организации. Однако уже империя Хунну обладала развитой политической системой, ставшей моделью для последующих кочевых государств. Верховный правитель хунну — шаньюй — носил титул «Тенир кут», подчеркивавший его сакральное происхождение. При нем существовали четыре аристократических рода: Хуянь, Бу (Сюйбу), Лань и Цяо (Цюлинь), представители которых занимали высшие государственные должности. Шаньюй происходил из племени чугэ и управлял двадцатью четырьмя племенами, разделенными на левое и правое крылья. Он обладал правом назначать и смещать правителей, контролировал военную и административную систему государства [471. – С. 152–153].

Сходная политическая организация прослеживается у енисейских кыргызов VI–VIII вв. Согласно китайским источникам, верховная власть

принадлежала ажо, которому подчинялись другие представители знати — Хэси-бей, Ацзюйшэби-бей и А-ми-бей [117. – С. 47]. Государственный аппарат регулировал кочевья, территориальные отношения, сбор налогов, соблюдение законов, внешние связи и другие вопросы управления.

Таким образом, в истории кочевых империй клановая система имела сложную иерархическую структуру, включавшую правящий клан, род, племя и народ. Древние тюрки управлялись кланом Ашина, уйгуры — Яглакар, енисейские кыргызы — династией ажо из рода азов, кидани — родом Елюй, монголы — Борджигинами, османы — родом Кайы. Все остальные племена, независимо от численности и силы, занимали подчиненное или служилое положение.

Кыргызы, как и другие народы Степи, сохраняли традиции хуннской эпохи. В их обществе существовал институт аксакальства и совет старейшин, деятельность которого регулировалась строгими нормами. Членами совета могли быть только наиболее опытные представители общества, достигшие определенного возрастного ценза: его членом мог стать человек, достигший 40 лет и обладавший большим жизненным опытом. Не допускалось присутствие рядом с каганом граждан моложе 40 лет [242. – С. 132]. Как и у хунну, измена, нарушение законов и неправильные советы правителю считались тяжкими преступлениями и строго наказывались.

Китайские источники отмечали, что у кыргызов «законы очень строги»: за нарушение воинской дисциплины, невыполнение посольских обязанностей, неблагоразумный совет государю и воровство полагались суровые наказания [48. – С. 146]. Это свидетельствует о наличии у кыргызов развитой системы управления и строгих социальных норм.

В средние века политическая система кочевых обществ значительно усложнилась. Возникли институты кагана и курултая. Каган и его правящий клан обладали особыми привилегиями и наследственной властью, которая формально утверждалась на всеобщем совете аристократии-курултае. На этом собрании представители аристократии признавали нового правителя и подтверждали его право управлять государством. Курултай являлся прежде всего органом знати, где главную роль играли представители господствующего клана — члены семьи кагана, царевичи, родственники правителя и другие представители аристократии. Его главными функциями были решение вопросов престолонаследия, войны и мира.

Однако основные государственные полномочия принадлежали кагану. Он руководил внутренней и внешней политикой, организовывал систему управления, назначал военачальников, формировал войско, осуществлял суд и мог лишать представителей знати их полномочий. В отдельных государствах каган совмещал политическую и военную власть. Например, правитель Караханидского государства носил титулы «арслан хан», «бугра

хан» и «илек хан», а его ставка Куз Ордо имела специальный военный гарнизон [328. – С. 76–78].

Одной из важнейших функций кагана являлось переформатирование племенной структуры государства [18. – С. 66, 157, 317, 326, 346, 438–439]. Особенно активно этот процесс происходил после прихода к власти новой династии, стремившейся укрепить свое положение. Каган перераспределял племена по системе правого и левого крыльев, создавая новую политическую иерархию, в которой учитывались происхождение, военная сила, политическое значение и лояльность каждого объединения.

Такая система позволяла укреплять власть правящего клана, повышать обороноспособность государства и снижать внутренние противоречия. Привилегированное положение обычно занимали родственные аристократическому клану племена и наиболее крупные и воинственные объединения. Однако подобное устройство имело и обратную сторону: сильные племена постепенно усиливались, сохраняли собственные генеалогические традиции и могли превратиться в конкурентов центральной власти. Поэтому как только ослабевала центральная власть, аристократический клан терял свой авторитет и влияние в обществе. К власти приходила новая династия и новый клан, формировавший новую политическую систему и структуру привилегированных племен.

Вместе с тем именно клановая система являлась важнейшим механизмом консолидации кочевых обществ. Господствующий клан постепенно распространял свое имя на все подвластные племена, превращая его в политоним. Так, первоначально у древних тюрков термин «тюрк» обозначал название господствующего социального объединения, но после образования Великого Тюркского каганата он распространился на все население государства. Тюркские правители воспринимали своих подданных как единый народ — «тюрк будунум» [147. – С. 60].

Тюркское государство состояло из пяти племен толис и пяти племен тардуш. Подобная система была распространена и на Тянь-Шане после завоеваний Истеми кагана. Местные племена были объединены в десять стрел — пять племен нушиби и пять дулу, получивших название он ок будун. В составе нушиби ведущую роль играл род азгыр с титулом «иркин», а среди дулу — род чумек с титулом «чор» [387. – С. 96].

Однако после падения правящей династии распадалась и сама политическая конфедерация. Племена покидали союз, дробились или переходили под власть новых лидеров. Ярким примером этого является история Западнотюркского каганата. После убийства последнего представителя династии Ашина в 704 году завершилась политическая гегемония этого рода на Тянь-Шане.

Ослабление власти кагана особенно проявилось при Ишбар Хилаш кагане, когда вожди дулу и нушиби добились изменения общественного

устройства, фактически расширив свою самостоятельность [215. – С. 70]. Был ликвидирован институт тутукства, контролировавший территории и сбор налогов [310. – С. 91]. В результате племенные вожди стали менее зависимыми от центральной власти, что постепенно привело к ослаблению и распаду каганата.

Однако эти реформы не дали ожидаемого результата. Вожди дулу и нушиби, получив большую самостоятельность, стали активно вмешиваться в государственные дела и стремились привести к власти собственного ставленника. Борьба между двумя привилегированными объединениями стала одной из причин ослабления и гибели Западнотюркского каганата в 704 году.

После смерти Истеми кагана и распада Великого Тюркского каганата система толис–тардуш утратила свое значение. Хотя в Западнотюркском каганате продолжала существовать структура десяти стрел — пяти племен нушиби и пяти племен дулу, эти объединения уже воспринимали друг друга не как части единого народа, а как соперников в борьбе за власть. Реформы Ишбар кагана 635 года не смогли изменить ситуацию: привилегированные племена сохранили самостоятельность и постепенно стали угрозой для центральной власти.

При клановой системе брачные союзы правящего рода также имели политическое значение. Господствующий клан заключал браки преимущественно с наиболее влиятельными племенами, способными выступать его политическими союзниками. Такие перекрестные брачные связи укрепляли отношения между правящей династией и ведущими родами конфедерации [224. – С. 24–57]. Отметим, что брачные традиции тюрков-ашина были у наследовались и боле поздними обществами. Еще в Тюркском каганате практиковалось формирование военной политической элиты путем барачных союзов с правящим кланом. Большие привилегии имели представители брачных родов, родившиеся от от дочерних линий тюркских каганов. Сул-тюрки, будучи близкородственной группой и опорой данной династии, несли военную службу, составляли наиболее преданную и надежную опору его власти. Брачный союз между аз-ширинами и Домом Джучидов также сыграл важную роль в политической жизни Золотой Орды. Аз-ширины, воспользовавшись своим привилегированным положением, смогли консолидировать вокруг себя практически все родственные объединения азов раскинутых на огромной территории от Ангары до реки Кубань, что привело к полному смене место проживания племени азов с востока на запад. В результате часть азов и кыргызов оказались и консолидировались в землях Ак Ордо, а другая их часть переселилась в Восточное Притяньшанье, где, слившись с местными соплеменниками, консолидировалась в рамках государства Моголистан.

Приход к власти нового клана сопровождался созданием новой генеалогии, подтверждавшей его сакральное происхождение и связь с Тенгри. Генеалогические предания играли важную роль в консолидации кочевых обществ, формировании этнической памяти и обосновании легитимности правящей династии. Поэтому происхождение многих тюркских народов связывалось с именами легендарных предков: у хунну существовали предания о Модэ-шаньюе, у огузов — эпическое повествование «Огузнаме», у караханидов — легенда о Сатуке Бугра-хане, у кыргызов — эпос «Манас», у монголов — родословная потомков Алангоа. Подобные генеалогические предания являлись не только историческими повествованиями, но и своеобразными социально-политическими кодексами, отражавшими идеи единства народа, преемственности власти и сакрального права правящего рода на господство.

Генеалогические знания имели важное социальное значение и регулировали принадлежность человека к определенной группе. Даже родственники по материнской линии, воспитывавшиеся среди чужого рода, после достижения зрелости должны были возвращаться к отцовскому роду, поскольку именно он обеспечивал им социальную защиту и право на улуш — наследственную долю. Чужеродцы не могли претендовать на имущество и права внутри чужой социальной группы.

Таким образом, процесс включения инородных племен и родов в состав этнического объединения происходил постепенно и сопровождался сохранением признаков их первоначального происхождения. Прием новых групп осуществлялся с разрешения совета старейшин, а вошедшие в состав рода инородцы сохраняли особые обозначения — тондуу бала, олжо бала и др.

Подобные процессы прослеживаются и в кыргызской этнической истории. В составе кыргызов существуют роды, связанные с кангаро-печенегами и кыпчаками. Согласно преданию, Кара Чоро смог узнать своего отца Тагай бия посредством сакрального предмета — кестика (ножа), что может указывать на связь с кангаро-печенегами, имевшими тамгу в форме ножа.

Белек Солтоноев называл Азыка сыном Кюртука из кыпчаков и отмечал, что основой этого племени являлись кыргыз-кыпчаки, пришедшие «из Алтая и Хангая» на Тянь-Шань [458. – С. 94]. О. Сыдыков также связывал происхождение Азыка с ферганскими кыпчаками [467.]. В составе солто и басыз известен род болокбай («инородный»), название которого, вероятно, отражает память о древних этнополитических связях с кыпчаками эки пышак.

Следовательно, важнейшим механизмом консолидации кочевых обществ являлась родоплеменная генеалогическая система. Она выполняла функцию социальной памяти, определяла статус человека, рода и племени,

обеспечивала права и обязанности членов общества. Название рода, племени или народа выступало своеобразным этническим кодом, а имя правящего клана нередко превращалось в политоним, объединявший различные группы внутри конфедерации.

В кочевых обществах племена могли входить в разные союзы, временно отделяться от основной массы народа и проживать в других регионах. Однако благодаря общей генеалогической памяти они сохраняли возможность повторного объединения. Именно поэтому миграции кочевников нередко сопровождались не исчезновением этноса, а переносом центра его консолидации в новый регион, как например, в случае с азами и кыргызами, бахринами, которые пришли в Хайду хану.

Клановая система являлась важным инструментом сохранения власти аристократии, поскольку обеспечивала легитимацию правящей династии, укрепляла ее влияние над союзными племенами и способствовала регулированию внутренних конфликтов. Каган мог лишать царевичей права руководства войском, дробить крупные племена и передавать их части под управление лично преданных ему военачальников. Это способствовало усилению этнокультурных связей между различными группами и развитию ассимиляционных процессов.

В монгольскую эпоху силы кыргызов были распределены между различными государствами чингизидов: улусами Джучи, Угэдэя, Чагатая, Хорчи и государством Хайду. В улусе Хорчи были объединены северные лесные племена — бахрины, азы, черики, адаркины, ашиги, тахаи, кыргызы, кыпчаки и другие. Несмотря на политическую раздробленность, этнокультурные связи способствовали сохранению кыргызского влияния среди восточных кочевников Саяно-Алтая и Западной Монголии. Эти процессы продолжились и после переселения части племен на Тянь-Шань.

В Моголистане кыргызские племена находились в составе владений крупных могольских эмиров. Однако ослабление центральной власти неизбежно приводило к росту самостоятельности племенных вождей, государственным переворотам и поиску нового политического лидера. Подобное явление наблюдалось при падении Тогуз-огузского каганата в IX веке, когда внутренние противоречия ускорили его поражение в борьбе с кыргызами.

Аристократический клан в кочевом обществе представлял собой надобщественную социальную группу, основанную на кровнородственных связях, сакральном происхождении власти и праве наследования. Его власть связывалась с Небом-Тенгри и подтверждалась генеалогией. Примером является род Борджигинов, который после возвышения Чингизхана был признан единственным господствующим кланом Монгольской империи.

Аристократический клан обладал особыми привилегиями, символами власти и собственным именем, которое в рамках племенного союза могло

становиться политонимом для подвластных групп. Так, енисейские кыргызы связывали свое происхождение с династией ажо из рода азов, огузы — с династией Сельджукидов, караханиды — с правящими родами тюркской знати.

Основой легитимации власти являлась безупречная генеалогия, подтверждавшая происхождение правящего рода и его связь с высшей сакральной силой. Генеалогические предания выполняли не только историческую, но и политическую функцию, закрепляя единство народа и право аристократического клана на управление.

Важной особенностью кочевых обществ являлась способность аристократических кланов изменять свои названия и политические формы. После поражения или миграции они могли скрывать прежнее имя, использовать новое этническое обозначение или связывать себя с именем влиятельного предка. Так, племенные объединения могли сохранять свою идентичность даже после переселения в другие регионы.

Аристократические кланы также обладали особыми числовыми символами, отражавшими их происхождение и внутреннюю структуру. Например, у азов таким символом являлось число «четыре», у енисейских кыргызов — «семь», у тогуз-огузов — «девять».

Одной из важнейших функций аристократического клана было проведение реформ общественной структуры. Через создание двухкрылой или трехкрылой системы управления правящий род укреплял свою власть, перераспределял влияние между племенами и сохранял политический баланс внутри союза. Так, древние тюрки делились на пять племен толис и пять племен тардуш, а Западнотюркский каганат — на пять племен дулу и пять нушиби.

Аристократический клан мог включать в свою генеалогию имена известных исторических личностей, если они укрепляли престиж и легитимность рода. В кочевых обществах генеалогия являлась не только хранителем исторической памяти, но и важным политическим инструментом, связывавшим современную социальную группу с выдающимися предками, правителями и военными деятелями.

Так, в кыргызских родословных наряду с именами правителей Ырыса (Урус инала), Долон бия и Муратая упоминаются Сабатай и Чыбытай, которые, согласно преданиям, переселились на Тянь-Шань в период возвышения Чингиз хана. Кыргызские сказители связывали их имена с именами знаменитых полководцев Монгольской империи Субудай-нойона и Джебе-нойона. Это может указывать на существование этнополитических связей между монгольской знатью и кыргызскими племенами, часть которых оказалась в новых регионах расселения еще в период монгольских завоеваний.

В эпоху монголов традиционная племенная структура кочевых обществ была значительно преобразована. Реформы Чингиз хана привели к перераспределению крупных родоплеменных объединений между военными и административными единицами. Политика смешения племен соответствовала задачам создания империи и позволяла ослабить самостоятельность крупных объединений, которые могли представлять угрозу центральной власти [354. – С. 133].

Вместе с тем клановая система не исчезла, а получила более упорядоченный характер. Во главе империи стоял великий хан — представитель рода Чингизидов, обладавший верховной властью над всей военной и административной системой. Его власть распространялась как на зависимые племена, так и на представителей аристократии. Хан мог лишить должности любого сановника, военачальника и даже представителей собственного рода. Особенно это проявилось при Мунке хане, когда были ограничены политические позиции потомков Угэдэя и Чагатая.

Верховная власть обладала правом изменять состав улусов, перераспределять войска и племена между представителями знати, разрушая прежние родовые и территориальные связи. Удельные правители были обязаны подтверждать свою лояльность великому хану, а в случае неповиновения могли лишиться владений. Так, при Угэдэй хане нойон Таир Бахадур Буджай был переселен, объединен с представителями других улусов и направлен за Амударью [347. – С. 184], что показывает практику сознательного перемещения и смешения аристократических групп.

Таким образом, клановая организация являлась одним из главных механизмов политической консолидации кочевых обществ Центральной Азии. Аристократический клан определял направление развития общества, создавал военно-политические союзы, участвовал в формировании государств и обеспечивал преемственность власти.

Особенности кочевого хозяйства — прежде всего скотоводство, необходимость расширения пастбищ и защиты территорий — обусловили военный характер общественной организации номадов. Поэтому племенные союзы, конфедерации и государства создавались как политические структуры, способные обеспечить коллективную безопасность и военную экспансию.

В центре этой системы находился вождь или каган, от личности которого зависели стабильность и судьба государства. В представлении кочевников он являлся не только политическим лидером, но и сакральным представителем Неба — Тенгри. Полученная от высшей силы власть обеспечивала ему особый статус и распространялась на его династию, формируя устойчивую систему наследственной власти, характерную для кочевых империй Евразии.

§ 2. Аристократические клан золотой род монголов борджигин

Земли предков монголов соответствовали лесо-таежным зонам Баркуджин Токума. Согласно монгольской генеалогической традиции, после уничтожения предков монголов в живых остались лишь Нукуз и Кият с двумя женщинами, укрывшиеся в местности Эргене-кун. Их потомки долгое время жили в этой горной котловине, а затем, расплавив богатый железной рудой горный склон, вышли в степи [421. – С. 153–154].

Однако, следует отметить, что к эпохе Чингиз хана согласно информации П. Карпини монголы подразделялись на несколько этнических групп, что говорит о результатах ассимилятивных процессов, которые происходили начиная с X века на востоке от Енисея. К X веку ряд тюркских племен, в том числе и кыргызские, подверглись монголизации и уже считались монголами. П. Карпиги писал: «Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имела некогда четыре народа: один назывался Йека-Монгал, то есть великие Монгалы, второй назывался Су-Монгал, то есть водные Монгалы, сами же себя они именовали Татарами от некоей реки, которая течет чрез их страну и называется Татар; третий народ назвался Меркит, четвертый – Мекрит. Все эти народы имели одну форму лиц и один язык, хотя между собою они разделялись по областям и государям» [252.-С. 60.]. Эти сведения согласуются с сообщениями Рашид ад-Дина и Абул-Гази, помещавших усуту-мангунов в стране Алакчын, по соседству с кыргызами. Сообщения П. Карпини и Рубрука позволяют предполагать, что су-монголы (тартары) и «великие монголы» первоначально представляли собой различные этнополитические общности. По словам Карпини, Чингисхан сначала подчинил су-монголов (татар), а затем меркитов и другие соседние племена [252. – С. 60]. В другом месте он отмечает, что для возвышения «великих монголов» Чингисхану пришлось уничтожить тартар, или су-монголов [252. – С. 177–178].

Анализ источников показывает, что в землях Баргуджин-Токума в тюркскую эпоху проживали серебряные усинцы, кыргызы, агач-эри, кимаки, кыпчаки, кумуши, булаки, ограки, кангар-оглы и манкур-оглы. В монгольскую эпоху здесь упоминаются баргу (баргуты), туматы, баяуты, кори (алакчыны), туласы/толосы, ойраты, булагачины, кэрэмучины, хойин-урянка (лесные урянкаты), урасуты, теленгуты и куштеми. Большинство перечисленных групп обитало в непосредственной близости от кыргызской области Кэм-Кэмджиут, с которой соприкасались территории Баргуджин-Токума. В горных районах, примыкавших к Кэм-Кэмджиуту, локализовались также найманы, а булагачины и кэрэмучины жили на самом краю земель кыргызов [421.-С. 122.].

В. Ущницкий сопоставлял урсутов, усу-ирганов и усухань китайских источников с усуту-мангунами Рашид ад-Дина, рассматривая их как один и

тот же народ — население кыргызского владения Ус (Аз) в Западной Монголии [282. – С. 7–8; 491. – С. 58–59]. Соседние сакаиты (сахыяты), вероятно, были родственны усинцам-урасутам; их потомки, по мнению исследователей, сохранились у тувинцев под названием саай, а у хакасов — сагай. Согласно В. Ущницкому, серебряные усинцы представляли собой омонголившихся усуту-мангунов, которых также называли су-монголами; этот этноним, по его мнению, мог означать «водные (речные) монголы» [491. – С. 58].

Следовательно, вероятно, разгром Чингисханом су-монголов, или усуту-мангунов, имел важное значение для установления монгольского контроля над территориями, городами и торгово-коммуникационной системой кыргызских владений. Особое значение в этом отношении имели районы Ангары и Западной Монголии, через которые проходили важные торговые пути, функционирующие под названием «кыргызский путь». Подчинение этих территорий позволяло ослабить политическое влияние правителей владений Кыргыз и Кэм-Кэмджиут, а также включить существовавшую торговые пути, инфраструктуру и коммуникации в систему Монгольской империи.

Приведенные сведения позволяют предположить, что Баргуджин-Токума была одной из областей активного взаимодействия кыргызских и других тюркских племен с монголоязычным населением, в результате которого часть тюркских групп подверглась ассимиляции. К числу таких групп, вероятно, относились и серебряные усинцы, или усуту-мангуны, входившие в состав кыргызского владения Ус (Аз).

В научной литературе су-монголов также связывают с усуту-мангунами, подвергшимися монголизации. По-видимому, усуту-мангуны, населявшие район Серебряной горы Манкур, первоначально называли себя тартарами или су-монголами («водными монголами»). Впоследствии это название могло распространиться и на другие племена, вошедшие в состав владения усуту-мангунов. Именно поэтому П. Карпини отмечал, что су-монголы называли себя тартарами по имени реки, протекавшей через их страну [543. – С. 508; 491. – С. 58–59].

Рашид ад-Дин располагал владение усуту-мангунов (серебряных усинцев) на берегу большой реки Ангаре и называл ее Серебряной страной: «Повсюду там серебро» [421.-С.102; 200.-С.135.]. Рашид ад-Дин в начале рассказывал об избрании Джумухи главой античингизидской коалиции одиннадцати татарских и нескольких монгольских племен Поаргунья на курултае в районе Серебряного источника Аркуй/Алкуй-булак. Затем отмечал: «...они все проживали по низовьям рек. По слиянии этих рек образуется река Анкара-мурэн. Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Границы [его расселения] в настоящее время соприкасаются с [пропущено название

страны]. Та река [Анкара] находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе. Город тот принадлежит к области киргизов. Утверждают, что эта река [Анкара] течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду [там] серебро. Имена этой области: Алафхин, Адутан, Мангу и Балаурнан. Говорят, что лошади их [тамошних народов] все пегие [ала]; каждая лошадь сильная, как четырехгодовалый верблюд; все инструменты и посуда [у населения] из серебра. [В этой стране] много птиц» [421.-С. 101-102; 200.-С.107-108.].

Абул гази Хивинский в одном разделе пишет о поколениях енисейских кыргызах и кемкемчутов [6.-С.99.], а затем рассказывает о поколении татар, страна которых по описанию очень напоминало владение усуту-мангунов, где было очень много серебра. Абул Газы пишет о реке Айкара/Анкара муран, которая протекает «посреди киргизских владений, принимает в себя много рек и делается большою рекою, и, протекая далее, вливается в море. При устье реки на берегу моря, стоит большой город... Этот города они называют Алакчын. Близ него есть серебряные рудники: у тамошних жителей котлы, чашки, блюда делаются все из серебра» [6.-С.99.].

Следует отметить, что интерес к происхождение золотого рода и самого Чингизхана началось еще в эпоху царской России, когда И. Березин выдвинул гипотезу о кыргызском происхождении Чингиз хана. Основанием для этой гипотезы стало совпадение описания миража- человека, первопредка золотого рода борджигинов, с внешностью енисейских кыргызов, которые в период Кыргызского Великодержавия мигрировали далеко на восток от Енисея, где подверглись монголизации. По мнению И. Березина, Алан-Гоа могла родить своих троих сыновей с европейской внешностью от кыргызского военачальника, который руководил монгольскими племенами в период господства кыргызов в монголских степях. Он полагал, что этим военачальником мог быть Малик Баяуд, служивший вождю Добун Баяну. Позднее мнение И. Березина было поддержано другими исследователями [2. – С. 269, 459; 306. – С. 40.]. Е. Кычанов считал, что Чингиз хан происходил от «омонголившегося» кыргызского рода [2. – С. 269, 459; 306. – С. 40.]. В. В. Ушницкий, анализируя источник, пишет: «Напрашивается, что в эпизоде супружеского союза Добун-Мерган и Алан-Гоа закодирован результат этнического процесса породнения буртэ-чиносцев с хоринцами и баргутами» [491. – С. 105.].

Следует отметить, что все события, связанные с племенами, происходившими от легендарного предка монголов Борто-Чино, соотносятся с землями, расположенными к востоку от Енисея, где енисейские кыргызы владели областями Ус, Керемучин и Булагачин, а также племен баргутов Баргуджин Токума, в круг которых входили ряд тюркских и тюрко-монгольских племен края. Согласно Рашид ад-Дину, кыргызские племена

булагачин и керемучин обитали «в пределах Баргуджин-Тукума и на краю страны кыргызов» [421.-С. 122.]. Кроме них, в области Баргуджин Токум жили баргу (т), кори и толос [421.-С. 121.]. «…Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища – на той стороне реки Селенга, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин Токум» [421. -С.121.]. По Рашид ад-Дину, баргу, кури и -кыргызы имели тесные этнополитические отношения. Баргутами также названы племена, родственные курлаутам, кунгиратам и эджигинам, имеющие общую тамгу и сохранившие фратральные отношения.

Рашид ад-Дин, Абул Гази Хивинский располагали енисейских кыргызов в Минусинской котловине и на Ангаре, в стране Алакчын. Рашид ад-Дин на востоке от енисейских кыргызов поместил туматов/хори-туматов (хори и тоба) и баяутов. Туматы жили в Западной Монголии, а баяуты на Селенге [421. – С. 175.]. Ибн Вали в своем труде «Китаб ахбар-и киргиз ва Селенга» отмечает, что страна кыргызов была смежна с Селенгою. Центр этой области находился в Каракоруме [309.- С.34]. Т.е. источники подтверждают соседство кыргызов, земли которых простирались до Ангары с племенами Баркуджин токума баргу (баргут), кори (алакчын), толос и баяут.

Г. В. Ксенофонтов локализовал вышеупомянутых керемучинов и булагачинов на гористо-лесистом водоразделе Енисея и Ангары, также характеризуя эту территорию как «край страны кыргызов» [290. — С. 140]. В настоящее время в Эхирит-Булагатском районе Бурятии компактно проживают потомки вышеназванных кыргызских племен — эхириты (восьми родные убуша, олзон, чоно, хэнгэлдер, хэрлэ, мохой, бура и др.) и булагаты (девяти родные алагуй/аркуй, хурумша, осогой, хурхуд (хырхыз), саган ашагабад/асаг). В родоплеменном составе эхиритов зафиксирован род хэрмэшин, тождественный керемучинам, родственные булагачинам [421.-С. 121-122.]. В Бурятии также на берегу реки Баргузин, близ Баргузинского хребта встречается село Курумкан, который, по-видимому, соотносится с названием керемучин.

В связи с вышеизложенным можно полагать, что появление этнонима «баргу», имеющего столь широкое и собирательное значение для всех племен, проживавших в области с аналогическим названием Баркуджин-Токум, может быть связано с миграцией енисейских кыргызов на восток, в Орхонский регион, в IX–X вв. Т.е. Баркуджин-Токум мог сформироваться на основе земель кыргызских владений Ус, Булагачин, Керемучин, а также телеских байыку, пугу, которые активно взаимодействовали с монголоязычными племенами данного региона. Соответственно, как было отмечено выше, это позволяет отождествить байырку [147. – С. 265; 330. – С. 41] с барку, а владение Йир-Байырку [330.-С. 41] — с Баркуджин-Токумом. Отсюда можно полагать, что р. Баркуджин (Байыркуджин) мог

соответствовать Аркуй-Булаку, в районах которого в домонгольское время проживали усинцы, булагачины и керемучины. Отметим, что все племена, которые Рашид ад-Дин помещал в область Баркуджин-Токум,— баргу (т), кори, толос, тумат, кыргыз, булагачин, керемучин, баяут [421. –С. 121–122, 124, 150], а также лесные племена урасут, теленгут, куштеми, тайджиут, уранкат [421. – С. 122–123.] и др., — располагались в землях от Енисея на восток до Селенги и имели тесные этногенетические и этнополитические связи с енисейскими кыргызами. Неслучайно, Ибн Вали отмечал, что земли страны кыргызов смежны с Селенгою [350.–С. 4]. Значит, все вышеуказанные племена еще в эпоху Кыргызского Великодержавия были включены в общий процесс формирования более сложного этносоциального организма на енисейском этапе развития кыргызского этноса.

Таким образом, анализ генеалогической линии предков Чингиз хана позволяет согласиться с позицией исследователей, согласно которой первоначальным ареалом проживания потомков Бортэ-Чино (чиносцев) являлись земли племен эхиритов и булагатов на землях Бурятии, которые до монгольский период входили в состав области Баркуджин Токум. Баргуты имели тесные взаимосвязи со своими лесными соседями ойратами, усуту-мангунами, булгачинами и керемучинами, а также элжигэнами.

В связи с вышеизложенным целесообразно рассмотреть два другие мнения ученых, которые в своих исследованиях попытались более конкретизировать данную проблему связав происхождение монголов с усуту-мангунами и мангутами.

Б. Р. Зориктуев, анализируя сведения Рашид ад-Дина, полагал, что среди народов, вышедших из Эргене-куна, были мангу, мангуны (мангуты). Он считал мангун вариантом этнонима «мангол», а усуту-мангунов — частью древней монгольской общности, населявшей Эргене-кун. По его мнению, название усуту-мангун («водяные монголы») отражало хозяйственную специфику населения, занимавшегося охотой и рыболовством в бассейне Аргуни [190. – С. 544; 492]. Л. Билэгт также связывал этнонимы «мангу» и «монгол» с киянами (кыятами), упоминаемыми в предании об Эргене-куне. Однако, следует отметит, что

В. И. Абаев сопоставлял Нукуза с библейским Нухом, а Кията — с кыятами, предками Чингисхана [1. – С. 172]. Особое внимание он уделял уранхайцам, которые, согласно преданию, помогли потомкам Нукуза и Кията покинуть Эргене-кун. Рассматривая проблему в этногеографическом аспекте, Абаев связывал этноним «урянхай» с Хонгораем (Хоораем) и считал современных тувинцев потомками населения Кангорая [1. – С. 174–179]. По его мнению, в Кангорае в рассматриваемый период проживали усуту-мангуны, сакаиты, доланы и другие группы, локализовавшиеся в Западной Монголии.

Д.Г. Савинов и А.В. Харинский связывали Мангу с народом усуту-мангун, упомянутым у Рашида ад-Дина [439.]. Ю.А. Зуев название области «Мангу» алакчынов, расположенной на Ангаре, связывал со словом «мэнгу» – «серебро» [200. – С. 135] и отождествил его с кимакским племенем «кумуш» [200. – С. 125]. Мы предполагаем, что этноним «мангу» может быть сопоставлен с кимакским этнонимом «куман», а также с именем Мангуша — сына предводителя куманов Котяна-хана. Возможно, эти формы восходят к единой тюркской основе, связанной с населением лесной зоны, а их различия отражают языковую адаптацию в различных этнокультурных средах.

Название усуту-мангунов можно рассматривать как отражение связи усинцев с гидронимом Манхар (Мангу), известным по сведениям аль-Идриси. Это позволяет предположить существование древней гидронимической основы мангу, связанной с территорией расселения усинцев и усуту-мангунов. Мангу также можно сопоставить с тувинскими монгушами, монгутами [363.-С. 95.], которые могли представлять различные варианты развития данной основы в процессе длительных этнокультурных контактов тюркских, монгольских и сибирских народов.

Это позволяет предположить, что в эпоху Кыргызского Великодержавия Алакчын был покорен и входил в состав Кыргызского владения Ус в Западной Монголии. В монгольскую эпоху это владение стало известно как страна усуту-мангунов, или су-монголов (тартар), с областями Алафхин, Адутан, Мангу и Балаурнан. В IX–XII вв. часть алакчынов была ассимилирована кыргызами и участвовала в миграционных волнах на запад. Их потомки сохранились у казахов под названиями алшын и алаш, у кыргызов — алакчын и алакчын-катаган, тогда как оставшаяся часть подверглась монголизации и вошла в состав предков бурятов.

Следовательно, можно предположить, что усуту-мангуны, известные также как су-монголы или тартары, сыграли важную роль в формировании ранней монгольской государственности. Вероятно, именно с этой средой связано происхождение преданий о золотом роде борджигинов. После 840 года, когда Орхон перешел под власть енисейских кыргызов, представители кыргызской знати и омонголившихся усуту-мангунов сформировали новую степную аристократию, ставшую одним из факторов образования монгольского народа и ряда других этносов Центральной Азии.

Таким образом, анализ источников позволяет предположить, что в монгольскую эпоху усинцы были известны под названиями урасуты, усуту-мангуны, су-монголы и тартары, а их страна — как Тартария [491. – С. 58–59; 548. – С. 508]. К X–XIII векам они подверглись монголизации, однако сохранили память о своем прежнем этнониме. Представляется, что предания об Эргенеконе и Эргене-куне отражают два этапа истории одной и той же этнической общности, населявшей Западную Монголию и Прибайкалье. В V

веке ее представляли усинцы, сыгравшие важную роль в этногенезе тюрков-ашина, а в X–XIII веках — их потомки урасуты и усуту-мангуны, участвовавшие в формировании монгольского этноса.

Исходя из этого, можно предположить, что область Эргене-кун соответствовала стране усуту-мангунов (су-моалов). В мифологизированной форме предание сохранило память о ее центральной области — Серебряном источнике Аркуй-булак и Серебряной горе Монгур (Манкур). Не исключено, что Эргене-кун соответствует Баркуджин-Токуму, а река Манхар и гора Монгур (Манкур) — реке Баргузин и Баргузинскому хребту. Отметим, что согласно источников, именно здесь после победы над жалаирами обосновались Начин-баатур и Хайду, с которыми связано начало истории рода Есугея и Чингисхана. Тем самым повествование о Начине и Хайду соответствует основному сюжету предания об Эргене-куне, повествующему о становлении нового народа во главе с родом борджигинов.

Ряд исследователей связывал этногенез монголов с мангытами, которых В. В. Бартольд относил к числу «отуреченных монгольских народов» [76. - С. 143]. Согласно Лубсан Данзану, род манхут происходил от сыновей Мангхудая [279; 421. - С. 29.]. Ряд исследователей В.В. Трепалов [482. — С. 46], Ю.А. Евстигнеев [183.] и др. локализуют древних мангутов в Приамурье, связывая их этноним с гидронимом Мангу и тунгусским названием Амура. Вопрос происхождения названий «мангу» и «монгол» в связи с рекой Мангу и легендарной прародиной Эргунэ-кун рассматривали Л. Билэгт [97.-С. 28-34], Б.Р. Зориктуев [194.– С. 96-101; 193. -С. 41-42.] и другие исследователи. При этом одни выводили от гидронима этноним «мангут», тогда как другие связывали его с общим названием «монгол».

Однако, сведения из источников позволяют проследить генеалогическую линию праотцов Чингиз хана начиная с седьмого или шестого колена от Хайду хана. Согласно родословной Чингиз хана, у Бодончара было двое сыновей – Хабичи Баатур и Бааридай. Последний положил начало роду баарин. Хабичи-Баатур имел сына Мэнэн-Тудуна (Тудан отчигин). Седьмым сыном последнего был Начин-Баатур [279.-С.83.]. Начин имел двоих сыновей – Уруудая и Мангутая. От них пошли племена урууд и мангуд [279.- С. 83]. Согласно «Юаньши» (цз.1. Тай-цзу (Чингис-хан) Начин-Баатур и Хайду находились в брачных узах с баргутами. Во всех источниках Начин-Баатур возглавлял народ баргутов в районе р. Керулен. После него правил Хайду, который вместе с Начин-Баатуром, разбив жалаиров, переселился в местность Баргуджин (Бархуджин), где проходит консолидация народа. Начин и Хайду обосновались на берегу Онона [421.-С. 180]. Хайду был внуком Хабичи-Баатура сына Боданчора. Хайду (Кайду) был прапрадедушкой Есугей-Багатура отца Чингиз-хана. Отсюда можно сопоставить «баргут» с «мангуд/мангут».

Показательно, что в эпической традиции монгольских народов кыргызы и мангуты выступают как соседние народы, что может отражать историческую память о длительных контактах между группами северо-восточного региона Центральной Азии. Согласно сведениям из эпоса «Гэсэр» мангуты жили в соседстве с кыргызами. Ц.Дандинсурэн, ссылаясь на древнее сказание (Гэсэр, описание событий XI века), писал о хане Начине, его владении и племени мангут, обитавшего на Орхоне. «Соседним государством Начина является государство кергисов» [155.-С.62.]. Ч. В. Эрдынеева локализует мангутов по соседству с усуту-мангунами в Приангарье. При этом она считает, что этноним «манхад/мангуд» происходит от названия древнего племени мангутов. Исследовательница выделяет две группы мангутов — оймангутов (лесные мангуты) и усуту-мангутов (речные мангуты), проживавших по соседству с эхиритами в Приангарье. По ее мнению, они служили в войске Боту Куркена и участвовали в военных походах в Амдо в XIII веке [538.— С. 159.]. Ч. В. Эрдынеева полагает, что предания об оймангутах, связанные с этими событиями, были восприняты эхиритами и впоследствии вошли в эпос «Гэсэр» [538.— С. 159.]. По генеалогии, мангыты являются близкими родственниками бааринов (бахринов). По данным источников, и баарины, и мангыты действительно могли жить в соседстве с усуту-мангунами в Приангарье. Мангыты и баарины упоминаются как племена, поддерживавшие тесные этнополитические связи с азами, или аз-ширинами, в Улусе Джучи.

В генеалогических преданиях тувинцев мангыты и кыргызы упоминались как соседние племена, которые, возможно, в более древние времена имели отношение к кыргызскому владению Ус в Западной Монголии [356.-С. 73-74; 363. - С. 95, 111.]. Согласно записанной легенде кыргызским этнографом И.Молдобаевым в 1987 году из уст представителя рода куулар О.Д. Куулар [363.-С. 95, 111.], основное ядро тувинцев составляли местные племена из Баян Талаа Ховузу кыргысы, куулары и монгуши (или монгуты). По одной из версий легенд, Чингисхан родился в местечке Монгут (в бассейне реки Онон) и якобы создал государство Монгут [363.-С.95.]. Куулары вместе с монгутами были отправлены для охраны границ. Однако, местное население стало называть последних монгутами [363. - С. 95.]. Очевидно, И. Молдобаев справедливо сопоставил этнонимы «монгут, монгуш, монгул, мингат, которые «обозначали название одного и того же народа» [363. - С. 95.]. «Киргизские мунгуши происходят от этих монгушей. По рассказам стариков, они откочевали на территорию Киргизии примерно лет 300 тому назад» [416.-С.130.]. В предании отмечается общее происхождение тувинского племени монгуш, кыргызского мунгуш и монгольского мангыт.

В генеалогических преданиях о предках Чингиз хана прослеживается связь основателя «золотого рода» Бодончара с азами и кыргызами. Данная связь находит отражение в легенде о происхождении племени бааринов, предок которого, согласно преданию, родился от наложницы Бодончара [279.-С.83.]. В домонгольский период азы и кыргызы, по данным источников, проживали в непосредственном соседстве с мукринами в тюркский период и бахринами в монгольскую эпоху. Согласно родословной в «ССМ» Хайду-хан имел трех сыновей: Байшингор-Догшина (ср. Байшумкар-тухсы), Чарахай Лингху и Чаочжин-Ортэгая. Сыном Байшингор-Догшина являлся Тумбинай-Сэчэн, тогда как от Чарахай Лингху происходил Сэнгун-Билгэ, Амбагай и другие-образовали племя тайчжигут [279.-С.83.]. От Чарахай Лингху вел свое происхождение род бесуд. От потомков Чауджин-Ортэгая происходили роды оронар, хонхотан, арулад (в «Алтан добчи» арулун), сонид, хабтурхас и генигес (в «Алтан добчи» гэргэс). Генеалогический анализ и сопоставление позволяет выяснить, что роды, происходившие от Чарахай-Лингху, были связаны с волчьим тотемом. От него происходит и все роды тайджиутов. Например, Рашид ад-Дин тоже писал, что Чарахай-лингум, вступивший в брак после смерти Байсункура и женившийся на вдове своего брата, имел от нее двух сыновей — Гэнду-чинэ и Улукчин-чинэ, которые положили начало роду чонос [421. -С.180.].

Согласно Рашид ад-Дину кераиты, найманы, онгуты, тангуты, бекрины и кыргызы относились тем народам, которые «не столь давно получил имя монголов» [421.-С.77]. Примечательно, что на территории Монголии до настоящего времени сохраняются этнонимы «киргис», «хар (черный) хиргис», «шар (желтый) хиргис», «модон (красный) хиргис», которые в целом коррелируют с антропологическими описаниями древних кыргызов, зафиксированными в письменных источниках.

Таким образом, анализ сведений источников указывает на соседство кыргызов с потомками родов, происходивших от Наачин-баатура и Хайду, — баргутами, бааринами, уруудаями, мангытами, чиносами, онгутами, бэсутами, оронарами, хонгхотанами, арулунами (ССМ § 47: арлад), сунитами, хабтурхатами, кэитами, гэргэсами и другими племенными группами, населявшими Баркуджин-Токум и его прибрежные районы. Некоторые из вышеупомянутых родов до настоящего времени сохраняются в родоплеменном составе кыргызского этноса в виде наименований племен и родов (например: баргу/р. баргы пл. адыгине; ардай/род баргы [см. табл. 60.-С.65, 67, 70; 155]. Потомки чиносцев, в свою очередь, зафиксированы в этнической структуре калмыков под названиями родов ики-чонос, бага-чонос, шарнут-чонос, гэнду-чоно. В Бурятии род шоно считается одним из крупнейших в родоплеменной структуре эхиритов, являвшихся неразлучными соседями булагатов. Согласно генеалогическим преданиям эхиритов, род Шоно (Чоно) в иерархии племен региона занимал второе

место после Хэнгэлдэров, которые, видимо, представляли здесь потомков канглы (кангаров). По преданию, первопредка рода Шоно охотники нашли в лесу и забрали домой; его воспитали и вырастили, а в память о том, что его обнаружили в волчьей яме, назвали Шоно (волк). Очевидно, генеалогическое предание эхиритов указывает на связь их предков с волчьим племенем усинцев (азов), с которыми они в прошлом имели этнополитические связи. В этом смысле под эхиритами (эки ру ит/волк/шоно/чинос) можно усматривать потомков одного из вышеназванных родов калмыков эки чинос («эки ит/два волка»), которые ведут свое происхождение от двух братьев Гэнду-чинэ и Улукчин-чинэ [421. -С.180.]. Эхириты (эки урук, то есть «два волчьих рода») также вполне соотносимы с двумя владениями азов на Енисее [330.-С. 62,67; 284.–С. 12; 115.–С. 71.]. Возможно, в эпоху М. Кашгари это племя также могло быть известно под именем ограков (оград-эки урук) [526.-С. 84], жилища которых располагались рядом с азами и канглами на Алтае.

В связи с вышеизложенным можно полагать, что в генеалогии Чингиз хана содержалась монгольская версия происхождения племен азов с тотемом бури, которые, подвергнувшись ассимиляции в монгольской среде, стали называться племенем чинос (шоно, чоно). На тюркском языке бору означает волка, а борулуу-густую чашу (рощу, лес) в горной местности. В эпосе «Манас» происхождение отца Манаса — Джакыпа — связывается с кыргыз-бурутами («Жакып кыргыз-бурут») [333. - С. 157.], что видимо, тождественно названию «лесные кыргызы». Джунгары кыргызов называли бурутами, что вероятно, имеет связь с соседним с кыргызами племенем баргут [421. - С.123.], обитавшем в Баргуджин Токуме. Учитывая соседство кыргызов с племенем баргу в XIIIвеке, В. В. Ушницкий пишет, что наличие крупного племени баргы в составе современных кыргызов «свидетельствует о прямой преемственности между енисейскими кыргызами XIIIв. и современными кыргызами [491.- С. 149.]. По его мнению, баргуты, как и туматы, булагачины могли включены в состав кыргызов в период их миграции из Южной Сибири на Тянь-Шань [491.- С. 149.].

Отметим, что научные исследования последних лет показывают, что саяно-алтайские этнонимы «бурят», «бурут», «ойрат», «тумат» («тыа» – «тыва – тува»), агач-эри имели общие корни и передавали значение «лесной человек, люди или народ». В.В. Ушницкий, анализируя происхождение саяно-алтайских племен, отмечает, что этнонимы «бурят», «бурут» (синоним «кыргыз»), «ойрат», «тумат» («тыа» – «тыва»), «елет» («алат») имели географический характер и в их возникновении немаловажную роль могла сыграть география местности их обитания, охватывающая покрытые лесо-таежные массивами зоны гор Саян и Алтая [491. – С. 99-102.]. Сюда же можно отнести этноним борджигин, происхождение которого остается дискуссионным. Поскольку Бодончар, младший сын Алангоа, мог рассматриваться как «отчигин» — хранитель родового очага, название клана

можно связывать с представлениями о сакральном наследовании рода, возможно, отраженными в основах «борд/бурут» («лес») и «отчигин». Анализ показывает, что ряд кыргызских, казахских, тувинских и бурятских этнонимов имеет возможную семантическую связь с понятием «лес». Соответственно, не исключено, что некоторые из них могли быть связаны с терминами, обозначавшими лесную местность или лесные сообщества, либо употребляться как близкие по значению обозначения. В этом отношении представляют интерес монгольское бураа — «густая роща», «лесная чаща», «лес, растущий отдельными кучами или полосами в горах»; якутское ойуур — «лес»; тувинское тыа — «лес»; монгольское ой, а также сочетание ой хөвч — «лес», «лесная глушь», «густой лес», «тайга». К ним можно отнести этнонимы «ойрат», оймангут (лесные мангуты), «уранхай» (ойуран/хат), «хуйшин/уйшин» (от ой, ойуур, уйшы/ойшы — «токойчу», «лесник»), «майкы» или «байку» (баргу), «баяуд/байыргут/баргут», «дубо», «табын», а также «тыва». Все здесь перечисленные этнонимы, имеющие значение или семантическую связь с понятием «лес», объединяет предполагаемое общее происхождение, связанное с их коллективным названием — баргу/баргут, а также с территорией расселения в области Баргуджин-Токум. Следовательно, если этнонимы майкы (байку, барку), табын и хуйшин (уйшин) могут рассматриваться как синонимичные или близкие по происхождению, то в аналогичном положении оказываются и этнонимы «кыргыз-бурут», «уранхай», «тыва» и «бурят», которые также могут отражать общее этнокультурное и территориальное происхождение.

Следовательно, анализ генеалогической линии Хайду и Начин-Баатура показывают, что происхождение этнонима «баргут» и топонима «баркуджин -токум», прежде всего, связано с движением кыргызов на восток, Орхонский регион, после 840 года, где последние вступали в тесное взаимодействие с тюркским племенем байырку и монголоязычными объединениями края. Однако, кыргызы, байырку, усинцы постепенно стали подвергаться монголизации. К монгольской эпохе на востоке от Енисея появляется новая область Баркуджин Токум, население которого было объединено общим именем баргутов, куда входили баргуты, мангуты, усинцы, керемучины, булагачины и другие, кыргызские, тюрко-монгольские, монгольские племена. Т.е. Баркуджин-Токум являлась той областью, где сливались кыргызские и монгольские племена, которые были объединены под общим именем «монгол». Отсюда можно полагать, что Чингиз хан и его народ представлял омонголившуюся часть кыргызов -Орхонского региона, где в 970 году выделяется новая группа племен во главе Бортэ-Чино. От него и от его потомков Хайду и Начин—Баатур жили Баркуджин-Токуме и от их отпрысков разошлись роды чиносы, тайджиуты, мангуты, бахрины, которые указывались как соседи кыргызов. К XIII веку была сформирована новая генеалогия племен, восходящая к Бортэ-Чино: Тумбинай-сэчен (Тудумин-

отчигин) — Хайду (Кайду) — Кабул-хан — Бартан-багатур — Есугей-багатур — Чингиз хан.

Следовательно, народ Чингиз хана состоял из омонголившихся усуту-мангунов, кыргызов, тюрко-монгольских и монгольских племен и был разделен владыкой монголов между улусами четырех его сыновей — наследников, которые сыграли важную роль в этногенезе местных этносов региона. Таким образом, историю Чингиз хана и его империи можно рассматривать как продолжение истории Великого Кыргызского каганата. Империя, сформированная Чингиз ханом, создала благоприятные условия для развития и консолидации многих степных племен в более сложные этнические образования, тем самым сыграв важную роль в политической и этнической жизни кочевников Центральной Азии и выведя на историческую арену новое поколение этносов, к которым относились кыргызы, тувинцы, буряты, монголы, казахи, алтайцы, ногайцы, карачаевцы, крымчаки и другие.

.Буха-Хатаги был старшим сыном Алангоа и родоначальником племени катаркин (катагин) [421.-С. 14]. По-видимому, катаркины восходят к карлукскому племени кукеркин, упомянутому в числе девяти племен карлуков, перечисленных аль-Марвази [326.-С. 391; 25.-С. 18]. Это позволяет рассматривать генеалогию потомков Буха-Хатаги в связи с кругом племен уч-карлуков (чигиль, булак, тухсы и др.) и древними азами Аркуй-Булака.

Однако, катаркины могли иметь древние связи с кыргызами. С. Аттокуров относил катаганов к числу самых древних кыргызских племен [60.-С.134-135]. Самоназвание алакчын-катаган, вероятно, отражает их связь с прибайкальскими алат-алакчинами.

В IX–X вв., в эпоху Кыргызского Великодержавия, катаркины, как и салджугиты, конграты, дурманы и чиносы, находились в сфере политического влияния енисейских кыргызов, что объясняет их переселение к последним в начале монгольской эпохи.

Аль-Марвази, кукеркинов упоминал наряду с чигилями, тухсы, булаками и азами — племенами, происходившими из района Аркуй-Булака и переселившимися на Тянь-Шань в VIII веке [326.-С. 391; 25.-С. 18]. Это позволяет предположить, что предки катаркинов первоначально входили в круг племен кыргызского владения Ус в Западной Монголии, а позднее подверглись монголизации.

В научной литературе ряд исследователей связывал катаганов с кайтаками Западной Монголии, мигрировавшими на Северный Кавказ и смешавшимися с кумыками. Это позволяет предположить их связь с эфталитами-кайталами (позднейшими кайтаками). Позднее, вероятно, эта же этническая группа была известна у карлуков как кукеркины, у монголов — как катаркины, а в составе улуса Хорчи — как адаркины.

Во время возвышения Чингисхана катаркины бежали вместе с салджугитами, конгиратами и чиносами в земли контролируемые кыргызами на Алтае. Однако, катаркины, видимо, скрывались в землях усинцев и алакчынов, позже вошли в состав улуса Хорчи. Затем вместе с кыргызами мигрировали на Тянь-Шань, где приняли участие в формировании улуса Анга-Торе и Моголистана. Возможно, длительное совместное пребывание с кыргызами в составе улуса Хорчи обусловило то, что каганы вошли в эпос «Манас» как одно из кыргызских племен. Причем, катаганы упоминались в одном из основных сюжетов эпоса, посвященном переселению кыргызов с Алтая на Тянь-Шань.

В эпосе «Манас» катаганы во главе с Кошоем выступают как одна из древних групп кыргызов. Они имели общее происхождение с кыргызами и казахами:

«Казак, кыргыз, катаган
Баарыбыз бир атадан» [334.-С. 103].

В XIII–XIV вв. катаркины в составе улуса Хорчи вместе с енисейскими кыргызами переселились на Тянь-Шань. Здесь они сохраняли связи с кыргызами, карлуками и алакчынами. Кыргызское название катаган-алакчын отражает родство катаганов с алакчынами и лакайцами, что позволяет предполагать их длительное продвижение через области расселения алкчынов, карлуков и кыргызов.

По-видимому, лакайцы первоначально входили в круг кимако-кыргызских племен. Происхождение лакайцев могли иметь связь с пегими племенами. Б. Солтоноев этноним лакай пишет в форме «алакай», что его сближает с алакчынами. Однако, лакайцев такеж можно рассматривать как возрожденную группу племен уч-карлуков булак или алка булак М. Кашгари. Лакайцы кроме катаганов также были в тесных отношениях с аргынами, кыргызами. Вероятно, предки лакайцев переселялись в Среднюю Азию двумя волнами: первая — в XI веке, вторая — в монгольскую эпоху вместе с катаганами. Лакайцы поддерживали тесные связи с кыргызскими племенами мундуз, доолос и кушчу.

В научной литературе ряд исследователей связывал катаганов с кайтаками Западной Монголии, мигрировавшими на Северный Кавказ и смешавшимися с кумыками. Это позволяет предположить их связь с эфталитами-кайталами (позднейшими кайтаками). Позднее, вероятно, эта же этническая группа была известна у карлуков как кукеркины, у монголов — как катаркины, а в составе улуса Хорчи — как адаркины.

После разгрома Турсун-хана в 1628 году катаганы распались и вошли в состав кыргызов, казахов, узбеков, лакайцев и других народов. В Северном Афганистане они образовали крупное улусное владение с центром в Балхе, где длительное время соседствовали с лакайцами. Несмотря на сложную этническую историю, катаганы сохранили древние связи с карлуко-

чигильскими племенами, азами, тухсы, лакайцами, кыргызами и казахами. На это указывают подразделение тухчы, восходящее к тухсы, и афганский род кыргыз-катаган, возводящий свое происхождение к кыргызскому племени саяк.

Бухату-Салжи был средним сыном Алан-гоа и прародителем племени салджугитов. Тождество имени Бухату-Салжи с названием тувинского племени салчак (сельджук, салджугит, салучи) [473. – С. 71–76; 20. – С. 253, 270; 18. – С. 467] свидетельствует о том, что его предки представляли одну из групп аристократической верхушки енисейских кыргызов, господствовавшей над огузами, монголами и другими восточными племенами. Тувинские салчаки в своем родоплеменном составе имели подразделения кыргыс и пайгара (байгара) [151.-С. 12.], что указывает на тесную этногенетическую связь последних с енисейскими кыргызами.

В научной литературе существует мнение о том, что салджугиты сформировали улус Тайбуга. Однако вопрос об этнической принадлежности клана Тайбуга остается дискуссионным. Одни исследователи относят тайбугидов к кераитам, другие — к мангытам (ногайцам), третьи — к чингизидам, четвертые —к беркутам.

Согласно найденным В.Д. Дмитриевой документам, тайбугиды происходили из Бухары [172. – С. 40–41]. Интересные соображения по данной проблеме высказали также Д.М. Исхаков [220. – С. 118; 21 – С. 118] и Д.Н. Маслюженко [219. – С. 226–227].

По мнению Д.Н. Маслюженко, согласно легендам и преданиям, «тайбугиды обладали не только не менее древними правами на власть над данной территорией по своему происхождению, но даже имели преимущество над потомками Чингиза» [343]. Исследователь, учитывая сведения о браках Чингисхана и его сыновей с дочерьми Ван-хана, рассматривает Тайбугу как зятя монгольского владыки, члена ханского рода по женской линии, правителя сибирских земель и вассала императора. По его мнению, именно эти брачные союзы [426. – С. 115; 342. – С. 16], положенные в основу татарских рассказов и Сибирских летописей, сделали Тайбугу одной из ключевых фигур региональной традиции. В одной из летописей говорится: «и царь Чингиз умер бездетне, только имел единую дщерь. И по смерти своей царь приказал все свое имение зятю и дочери» [404. – С. 118].

Это известие представляет особый интерес, поскольку отражает принцип наследования владений через дочь и зятя. Аналогичная практика существовала и в Улусе Джучи. Брачующимся родом здесь признавались аз-ширины: крымские ханы выдавали своих дочерей за Ширин-беев, вследствие чего последние становились свойственниками ханского дома [521.-С. 99–100]. Потомки дочерей Джучидов относились к белой кости (ак сеек), пользовались статусом свободных беев, могли собирать собственный

эл и создавать улусы. По-видимому, тот же принцип был использован и при образовании улусов Тайбуги и Анга-Торе, которые, согласно преданиям, были основаны потомками Ван-хана.

Вероятнее всего, оба улуса возникли уже после смерти Угэдэя, в период противостояния Хайду и великого хана Хубилая. Еще при жизни Угэдэя дочь Джаха-Гамбу — младшего брата Ван-хана, находившаяся при ставке Тулуя, вместе с сыном регулярно посещала ставку великого хана, а ее сын служил баурчи (стольником) Угэдэя. После смерти Угэдэя борьба за верховную власть привела к ликвидации улусов Угэдэя и Чагатая и перераспределению их владений между потомками Джучи и Тулуя.

Не исключено, что этой ситуацией воспользовались кераиты, сохранившие влияние при дворе чингисидов благодаря дочерям Джаха-Гамбу и родственным связям с правящей династией. Они могли принимать участие в политической борьбе за верховную власть и способствовать образованию улусов Тайбуги и Анга-Торе, вокруг которых, по-видимому, консолидировались кераиты, кыргызы, канглы, кыпчаки и другие племена.

Активизация кераитов, вероятно, отвечала и политическим интересам Хубилая, стремившегося ослабить позиции Хайду и укрепить свое влияние на западных окраинах Монгольской империи. Создание лояльных буферных владений между Золотой Ордой и Моголистаном соответствовало его стратегическим задачам. Таким образом, политический кризис, последовавший за смертью Угэдэя, создал благоприятные условия для усиления кераитов и кыргызов, их консолидации и формирования собственных политических объединений.

Таким образом, анализ генеалогической линии и происхождения трех сыновей Алангоа позволяет предположить их тесную связь с населением Баргуджин-Токума — баргутами (мангутами), тайджиутами с тотемом волка, усуту-мангунами, кэрэмучинами, булагатами и другими группами. Вероятно, Баргуджин-Токум была одной из областей, где происходили длительные этнокультурные взаимодействия и смешение кыргызских и других тюркских племен с монголоязычными объединениями, мигрировавшими с востока. Эти процессы способствовали формированию новых племенных объединений, сыгравших впоследствии важную роль в этногенезе монголов эпохи Чингисхана.

Вместе с тем возвышение народа Чингисхана сопровождалось уничтожением значительной части населения кыргызского владения усуту-мангунов, или су-монголов (тартар) [252.-С. 60, 177-178]. В результате этих событий азы, кыргызы, керемучины, булагачины и другие группы, проживавшие восточнее Енисея, были вынуждены покинуть свои прежние земли и продвигаться на запад, в том числе в направлении Тянь-Шаня.

§ 3. Племена Цзубу (исторические и этнополитические аспекты)

По сведениям «Ляо ши», в X веке в период кыргызско-каракитайского противостояния в Центральной Азии появился союз племен цзубу. По мнению Г. О. Авляева, в его состав входили кереиты, найманы и меркиты, а С. К. Хойт также относит к нему онон-керуленскую группу «хамаг-монгол» [8; 507. – С. 82]. Основу цзубу составляли тюркские и тюрко-монгольские племена: кереиты, найманы, меркиты, татары и шивеи. В середине X века этот союз располагался к востоку от владений енисейских кыргызов.

Ряд исследователей П. Рачневский [305. – С. 103–104], Е. Кычанов [307.], Т. Бейшеналиев [85; 305.], В. В. Ушницкий [490.] отмечали связь основных племен цзубу кераитов, найманов, меркитов и татар с наследием Кыргызского каганата. В. В. Востров и М. С. Муканов отмечали, что часть найманов ушла с царевичем Кучлуком на Памир и стала представлять памирских кыргызов [137. – С. 65]. В связи с этим возможно будет справедливо рассматривать цзубу как объединение родственных кыргызам племен, сформированное в качестве политического противовеса киданям (каракитаям). В структуре союза кереиты занимали центральное положение, найманы — северо-западное, а меркиты — северное крыло.

В этом контексте можно предположить, что в IX–X вв. кыргызы, расширяя свои владения к востоку от Енисея, восстанавливали связи с родственными племенами, способствовали их возрождению и вступали в новые этнополитические связи с местными племенами, в том числе с племенами дубо-дубо, эчжи (канггач, канглы) и ми-ли-гэ (меркиты), населявшими степи Западной Монголии. Племена союза дубо, вероятно, находились в тесных этнополитических связях с кыргызскими племенами. В результате длительных этнополитических процессов, по-видимому, происходили их смешение, консолидация и укрупнение, что в последующем могло способствовать формированию крупных племенных объединений, известных как найманы (туматы), кераиты (канглы) и меркиты.

Согласно Рашид ад-Дину в древности туматы обитали по течению рек Секиз-мурэн (Восьмиречья) [421.–С. 118], где позже появились найманы [421.– С. 122.]. Туматов можно рассматривать как одно из племен древних дубо [200. – С. 142], часть которого, вероятно, вошла в состав кереитов как дубоит [421. – С. 179], а другая — в состав найманов как тумаут/тумат [421.– С. 118]. По сведениям Рашид ад-Дина, предводители туматов, как и найманские правители, носили титул «инал» [421. – С. 73–74], что указывает на близость их политических традиций. Не исключено, что часть кыргызов, канглы, туматов и меркитов после событий 1218 года переселилась в область Кучлука на Тянь-Шане.

Кереиты являлись ведущей силой цзубу. По мнению Е. Кычанова в эпоху Кыргызского Великодержавия в состав кыргызского объединения вошли различные этнические элементы, предки кереитов, найманов, меркитов и татар [305.]. Некоторые исследователи А. Ш. Кадырбаев [230. - С. 35-36], Сайшиял [438.], В. В. Ушницкий [471.] и др. отмечали этногенетическую связь канглов с кереитским улусом Тогрул-хана. В «Юань ши» упоминается служба канглийской знати при дворе кереитских правителей, а китайские хроники указывают на родство канглы и кереитов: западные группы назывались канглы, а восточные — кереитами [230. - С. 35-36]. По Сайшиялу, кереи и ханлины имели одно происхождение. По некоторым данным источников, «от ханлинов видоизменилось произношение» [438. – С. 64]. Это позволяет рассматривать кереитский союз как сложное объединение различных этнических компонентов, среди которых значительную роль играли тюркские группы.

Этноним «кереит» получил различные объяснения. Л. Л. Викторова, связывала его с монгольским словом кэрэ — «ворон» [132. – С. 197.]. Г. О. Авляев связывает ойрат-калмыцким словом ворон [7.-С. 104.]. Г. О. Авляев ссылаясь на сведения Рашид ад-Дина попытался выдать «приблизительную реконструкцию состава кераитского союза семи племен: монгольские элементы — собственно кереиты (занимали лидирующее положение), хиркун (?), альмад или албат, дунгхоит; тюрко-уйгурские — джиркин (?), сакаит; самодийские — тумат» [421.-С. 127; 8. -С. 30-42.]. В. В. Ушницкий сопоставил этноним кераит с упоминаемыми у Плано Карпини и Вильгельма Рубрука каранитами и этимологизировал его как кара ит — «черная собака» [498.- С. 32]. В этой связи заслуживает внимания, что кыргызское племя саяк, которое в научной литературе нередко отождествляется с хакасскими сагайцами (сагаях), имело родоплеменное подразделение кер тайган (кер ит) — «борзая черно-рыжей масти», буквально «черная (или темная) собака». Подобная этимология, связывающая кераитов с тотемом собаки, перекликается с преданием о происхождении потомков Алан-гоа, согласно которому чудесный посетитель, проникший ночью через верхнее отверстие юрты, покидал ее в образе рыжего пса. Вместе с тем компонент кер/кара мог иметь и иное семантическое значение: сочетание кер ит допускало осмысление как «черный волк» (бури). Кроме того, сообщение Абул-Гази о происхождении названия кераит от «семи черных сыновей» (кара йети тегин/оглан) [6. – С. 100–101] позволяет рассматривать данный этноним также в контексте тюркско-монгольской традиции обозначения власти и родовой принадлежности.

В. Я. Бутанаев отмечал, что племя сакаит (сахыят), известное с XIII в., «обитало в горно-таежных урочищах восточных пределов страны Кыргыз, наряду с тайджиутами, курыканами и баргутами» [421. – С. 125; 117. – С. 78]. Он сопоставил этноним сакаит с названием хакасского племени сагай, а

последнее — с кыргызским саяк, объясняя различия между ними метатезой звуков [115.-С. 59-61.]. Примечательно, что Н. Ф. Катанов также относил хакасское племя сагай, наряду с киргизами и чоода, к потомкам енисейских кыргызов, оставшимся в Минусинской котловине [253. – С. 35].

Б. Б. Монгуш локализует кераитские племена сакаит и тонкаит в районе долины Саглы (Конграй-Сагай), связывая тонкаитов с тувинской группой донгаки, а сакаитов — с хакасскими сагайцами и тувинскими саая [369; 448. – С. 125]. Он рассматривает сакаитов как группу, возможно связанную с древним сакским населением, что подтверждается как этнонимическими параллелями, так и наличием многочисленных курганных комплексов в Саглынской степи [412. – С. 32], расположенной в западной Туве, занимавшей важное положение на путях, связывавших Саяно-Алтайский регион с Монгольским Алтаем, Джунгарией и Тянь-Шанем.

Анализ письменных и археологических источников показывает, что кыргызское население в древности занимало значительно более широкую территорию — от Минусинской котловины и Западной Монголии до Алтая. Здесь зафиксированы древние погребальные комплексы и кыргызские могильники «хяргяс ур» («кыргызское гнездо») [413]. В связи с этим сакаитов, а через них и отдельные компоненты кераитского объединения, можно рассматривать как группы, сформировавшиеся в регионе, где ранее существовали древние кыргызские этнополитические традиции.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в составе кераитского союза сакаиты могли представлять одно из значимых племенных объединений, происхождение которого было связано с древними группами енисейских кыргызов. Не исключено, что этноним «кераит» мог быть связан с более древней этнополитической традицией, отраженной в руническом этнониме еди буур («семь волков») [119.-С. 178.], который, возможно, сопоставим с именем аристократического клана енисейских кыргызов иди, упоминаемого Рашид ад-Дином [421. – С. 150].

Реликты рунического этнонима еди буур прослеживаются в родоплеменном составе хакасских сагайцев в виде рода эди пуур [117.-С. 68.], у кумандинцев — чедыбер, а у кумыкских асов — йетти ас («семь асов» в Хамрине, Тарках и на Тереке). Вероятно, еди буур представлял собой один из древних аристократических родов кыргызов, связанный с культом волка как родового символа. Данная традиция могла восходить к древним сакским, юэчжийским и усуньским культурным слоям и в дальнейшем сохраняться в тюркской, а затем и в тюрко-монгольской политической и генеалогической традиции.

Не исключено, что в этнониме еди буур [119.-С. 178.] второй компонент буур мог быть связан с обозначением аристократического рода, обладавшего благородным происхождением, тогда как первый компонент еди («семь») отражал сакральную числовую символику. В этом отношении

представляет интерес сопоставление еди буур с монгольской генеалогической традицией Бортэчино — прародителя рода борджигин, где образ волка выступает символом происхождения и легитимации правящего рода. Вероятно, с древней волчьей символикой могли быть связаны и некоторые этнонимы тюрко-монгольского мира, в том числе борджигин, бурут, бурят, а также шоно — одно из крупных родоплеменных объединений эхиритов в Бурятии.

Согласно Рашид ад-Дину, происхождение этнонима «кераит» связывалось с преданием о царе, имевшем семь (или восемь) смуглых сыновей, от которых якобы произошло название племени [421.– С.128]. Несмотря на легендарный характер этого рассказа, он отражает средневековую тюрко-монгольскую традицию выводить происхождение политических объединений от правящего рода. Показательно, что С. Ахсикенди передает наставление Чингиз-хана своим сыновьям почитать Ван-хана кераитского, поскольку тот «является потомком издревле правивших падишахов» [19.– С.39]

Если учитывать, что термины «тегин» и «оглан» («сын», «принц») в средневековой тюркской традиции обозначали лиц царского и аристократического происхождения, можно предположить, что енисейские кыргызы (иди) и кераиты (кара йети) сохраняли представления о древних аристократических родах, культурно-исторически или политически связанных с тюркской эпохой и, возможно, восходящих к более ранней сако-юэчжийско-усуньской среде. В этом отношении примечательно, что сакаиты занимали одно из заметных положений в составе кераитского союза, что, возможно, отражало сохранение ими древних аристократических традиций и определенного политического статуса.

Важно отметить, что топонимика Минусинской котловины и Саглынской долины отражает единое историко-культурное пространство Саяно-Алтая и Западной Монголии, в котором сохранились названия различных исторических эпох — сакско-усуньской, тюркской и монгольской (Саглы, Сагил, Булантаг, Буланык и Кандагайты) [15. – С.580-583.].

Таким образом, кераиты, вероятно, представляли одно из крупнейших политических объединений, сформировавшихся в среде тюрко-кыргызских племен Алтая и Западной Монголии после периода Кыргызского великодержавия. Их связь с канглы, отмеченная в китайских источниках («западные именовались канглы, восточные — кераитами»), указывает на тесное взаимодействие различных кыргызских и тюркских групп Центральной Азии.

В XIII веке название «монголы» первоначально связывалось с усуту-мангунами, которые позднее, под влиянием собственно монгольских племен, стали именоваться татарами или су-моалами [491. – С. 58–59; 543. – С. 508]. Это позволяет предполагать, что до возвышения Чингисхана племена

Центральной Монголии и Саяно-Алтая сохраняли элементы общей историко-культурной традиции, сложившейся в эпоху Кыргызского Великодержавия. Именно в рамках этого пространства формировались политические и культурные связи между кераитами, ранними монгольскими группами и другими племенными объединениями региона.

Вероятно, в эпоху каракитайской экспансии эти группы сохраняли тесные политические и культурные связи, однако впоследствии их исторические пути разошлись. Одной из причин этого могли стать различия в религиозной ориентации: кераиты приняли христианство несторианского толка уже в 1007 г., тогда как борджигины продолжали придерживаться традиционного тенгрианства. Примечательно, что в период возвышения Тэмуджина катаркины, салджиуты, дурманы, конгираты, катаркины [421. – С. 102.] и ряд другие племена искали убежище в землях, контролируемых енисейскими кыргызами на Алтае. Все это свидетельствует о сохранении между ними устойчивых этнополитических связей.

Таким образом, анализ письменных источников, генеалогических преданий и этнокультурных параллелей позволяет рассматривать союз цзубу во главе с кераитами как одно из крупнейших политических объединений Центральной Монголии, тесно связанное с историческим наследием Великого Кыргызского каганата. Почти двухвековое противостояние цзубу каракитайской экспансии завершилось лишь в период возвышения Тэмуджина.

Кераиты, по-видимому, представляли восточную ветвь кыргызского политического пространства, связанного с Орхонским регионом и Западной Монголией. На это указывают сведения Рашид ад-Дина о связи областей Кыргыз и Кэм-Кэмджиут, которыми управлял род иди («семь») » [421. – С. 150], а также ряд этнокультурных параллелей. В частности, родовая тамга цзегу-кыргызов — жагалмай тамга — изображала парящего сокола [5. – С. 45], что сопоставимо с символикой кыргызских родов и образом сокола, связанным с именем правителя кераитов Тогрула (Ван-хана; «тогрул-сокол»).

Ранние сведения о кераитах относятся к X в., когда они входили в состав союза цзубу. При Тогрул-хане их владения простирались от верховьев Селенги до Хуанхэ и от Хангая до Халхин-Гола. После поражения от найманов в 1199 г. и окончательного разгрома войсками Чингисхана в 1203–1204 гг. кераитский союз распался. Значительная часть кераитов вошла в состав Монгольской империи, тогда как другие группы через земли енисейских кыргызов переселились на Алтай, в Семиречье и на Тянь-Шань, где вместе с кыргызами, канглы, онгутами и другими племенами участвовали в формировании улуса Анга-Торе и Моголистана.

Особое значение имеют сведения С. Ахсикенди в «Маджму ат-таварих», где Онг-хан представлен союзником кыргызского правителя

Каркырабека. Несмотря на эпический характер повествования, данный сюжет, вероятно, отражает историческую память о тесных политических связях кыргызов и кераитов, сложившихся в прошлом на востоке. Не случайно Ахсикенди связывал происхождение правителей улуса Анга-Торе с Онг-ханом, а среди их потомков упоминал антропонимы Кире (кераит) и Соки (сакаит) [345. – С. 228], сохранившие память о средневековых племенных объединениях.

Следовательно, под кыргызской областью Кэм-Кэмджиут (Цяньчжоу), по-видимому, следует понимать владение в Западной Монголии, тесно связанное с кераитами, сакаитами (сахыятами) и канглы. После распада кераитского союза его отдельные группы были включены в состав Монгольской империи, тогда как другие сохранили самостоятельность, переселившись в районы Алтая и Тянь-Шаня, где, согласно преданиям, участвовали в формировании владений потомков Ван-хана и улусов Тайбуги и Анга Торе.

Сведения С. Ахсикенди связывают имя Онг-хана не только с улусом Анга-Торе, но и с последующей историей Золотой Орды и Моголистана. Это позволяет предполагать, что кераиты сыграли заметную роль в формировании политических объединений Центральной Азии в постмонгольский период. После включения в состав Монгольской империи представители кераитской знати стали одним из наиболее влиятельных союзных родов дома Чингисхана. Благодаря многочисленным династическим бракам они были тесно связаны с династическими линиями Джучи и Тулуя, а также принимали активное участие в политической жизни улусов этих двух сыновей монгольского правителя и Моголистана. Аналогичную активность в государствах чингизидов проявляли и отдельные группы кыргызской знати, что отражает сохранение их значения в политической истории Центральной Азии.

Есть основания полагать, что миграции кераитов и канглы на запад через земли енисейских кыргызов в период возвышения Чингисхана следует рассматривать в общем контексте масштабных миграционных волн и этнополитических процессов XIII века. В этот период происходило продвижение отдельных групп кыргызов под предводительством Долон-бия на Тянь-Шань, а также движение мангытов в область Мангыстау — к землям западных азов (асов) в Приаралье, позволяют предполагать существование тесных историко-этнокультурных связей между пришлыми и местными племенами кочевников.

Анализ родоплеменного состава ногайцев, татар и кыргызов показывает, что азы, мангыты, кераиты и канглы сыграли заметную роль в этногенетических процессах народа вышеназванных улусов. Не случайно Б.-А. Б. Кочекаев упоминает кераитов наряду с мангытами среди девятнадцати племен Ногайской орды XVI века [287. – С. 26]. Кераиты являлись одним из

значительных племенных объединений в составе ногайцев, что нашло отражение и в устной традиции:

«Кереит, кереит кериси, кенъ тогайдынъ териси, Савыннан Алла сакласын, сакавынынъ эриси»

(«Кереит, кереит, широкую долину покрывшие подобно шкуре, от здорового кереита — да сохранит Аллах, даже с немыми спорящие»).

Сохранение древних этнонимов и родовых тамг у ногайцев, татар и кыргызов свидетельствует о длительной исторической памяти отдельных родоплеменных объединений. Особый интерес представляют тамги чомуш, кас (крест) и кус (кыргызская кош тамга), известные как среди ногайских и татарских, так и среди кыргызских племен.

В частности, кыргызское племя мунгуш сохраняло тамгу «жагалмай тамга» — знак сокола, связанный с традиционной символикой кыргызской родовой знати. Два крупных подразделения мунгушей получили названия по своим родовым знакам: «жагалмай тамга» (тамга сокола) и «кош тамга» (двойная тамга). Кроме того, в составе мунгушей отмечалось родоплеменное подразделение мангыт [60. – С. 86], что позволяет предполагать наличие тесных исторических и этногенетических связей между мунгушами и мангытами.

Особый интерес представляет сопоставление этнонимов мангыт и монгуш. Р. Х. Керейтов отмечал среди астраханских татар, наряду с асами, роды борлук (барлук), канглы, буркут, кара-мангыт и мангыт, которые, по всей видимости, представляли собой потомков миграционных групп из Западной Монголии [261. – С. 37; 228. – С. 43]. При этом этнонимы кара-мангыт и мангыт сопоставимы с названиями крупных тувинских племен кара монгуш и монгуш [364. – С. 95]. Эти параллели позволяют предполагать наличие общих исторических корней и этногенетических связей между ногайскими, тувинскими и кыргызскими племенными объединениями, прежде всего с кыргызским племенем мунгуш [60. – С. 87] и его родовым подразделением мангыт [60. – С. 86]. Очевидно, под влиянием монголоязычных племен одна из групп монгушей подверглась монголизации и стали называться мангытами. Возможно, именно эта группа в период возвышения Чингисхана переселилась к западным азам (асам) в Мангыстау и Приаралье, где позднее вошла в состав новых политических объединений.

Родовые знаки также указывают на тесные связи между вышеотмеченными группами. Так, среди ногайцев кондуровские азы имели ураан «кок-сарай» и тамгу палец/кус (ф) юу [260; 380. – С. 5]. Род кереит юртовских татар сохранил тамгу кас (крест), а мангыт — чомуш (ковш) [228. – С. 44; 380. – С. 6]. Татарское племя керейет имело дерево — липу, птицу — каз (гусь), ураан — ак бору, тамгу — кус и знак кольчуги — уйелма [219. – С. 17].

Как показывает анализ, ногайские азы, вероятно, унаследовали тамгу «чумеч» от племени азов или аз-ширин. Вместе с тем существует предположение, что они могли использовать и тамгу палец/кус (ф) юу [260; 380. – С. 5], которая встречается среди ногайских и татарских подразделений азов, мангытов и керейитов. Подобная ситуация имеет параллели с кыргызским племенем мунгуш, у которого два основных рода носили названия по своим родовым знакам — «кош тамга» и «жагалмай тамга» («жагалмай куш» — сокол). По всей видимости, родовая символика мунгушей, связанная с образом сокола, восходит к одному из родов енисейских кыргызов, имевших тотем сокола [78. - С. 46- 48]. В данном случае родовые знаки и этнонимы выступают не только как элементы социальной организации, но и как носители исторической памяти о древних политических и этнокультурных связях.

Таким образом, миграции кераитов, канглы и связанных с ними племенных групп из восточных районов Саяно-Алтая и Монголии, по-видимому, развивались по двум основным направлениям. Одна часть продвигалась через Приаралье и Мангышлак к Волге, где впоследствии сыграла заметную роль в формировании ногайского и татарского этнических компонентов. Другая направлялась через Алтай и Семиречье на Тянь-Шань, где участвовала в консолидации кыргызских племен в составе политического объединения Анга-Торе и Моголистана в XIV веке.

Найманы наряду с кераитами считались одним из трех основных политических сил союза племен цзубу. Они происходили из Алтая и в XII веке создали собственное политическое объединение. В науке существуют различные мнения об их происхождении: одни исследователи считают их монголами, другие тунгусами, а третьи — тюрками или представителями смешанного происхождения.

Проблема происхождения и истории найманов привлекала внимание многих исследователей. Историография вопроса была подробно рассмотрена нами в статье «Найманы в XII–XIV веках (аспекты происхождения и этнополитических связей)» [35. – С. 27–35]. Значительный вклад в изучение данной проблемы внесли И. Н. Березин, Н. А. Аристов, В. В. Бартольд, Л. Н. Гумилев, Л. Л. Викторова, Г. И. Рамстедт, К. И. Петров, П. Рачневский, Е. И. Кычанов, Н. В. Екеев, В. В. Ушницкий и другие исследователи, работы которых проанализированы нами в предыдущих работах) [15. – С.595-596].

Отметим, что большинство ученых связывает этноним «найман» с числительным «восемь», указывая на восьмисоставную структуру этого народа. Н. А. Аристов одним из первых связывал происхождение этнонима найман с рекой Найма — притоком Катуни [47. – С. 361]. Однако, П. Карпини помещал их кочевья между Хангаем, Алтаем, Черным Иртышем и Зайсаном [250.]. Л. Н. Гумилев и другие исследователи рассматривали

найманов как северную ветвь каракитаев, переселившуюся в алтайские степи [148.].

Вместе с тем ряд исследователей — П. Рачневский, Е. И. Кычанов, В. В. Ушницкий и другие — отмечали связь найманов, кераитов, меркитов и татар с наследием Кыргызского каганата. Е. И. Кычанов, в частности, рассматривал найманов, кераитов, меркитов и татар как народы, связанные с Кыргызским каганатом [307.]. В. В. Востров и М. С. Муканов отмечали, что часть найманов ушла вместе с царевичем Кучлуком на Памир и впоследствии вошла в состав памирских кыргызов [137. – С. 65].

Хань Жулинь рассматривал найманов как часть енисейских кыргызов, переселившуюся на восток. В. В. Ушницкий [490. – С. 84] обращал внимание на сведения Рашид ад-Дина о связи найманов с Кэм-Кэмджиутом [421. – С.151] и высказанное на этой основе предположение о том, что они могли представлять собой древнее население Енисея, вытесненное оттуда кыргызами [490. – С. 84.]. Его внимание привлекло также то обстоятельство, что найманы, как и кыргызы, занимались земледелием, что отличало их от ряда других кочевых объединений северных районов.

Совокупность этих данных позволяет рассматривать найманов, наряду с кераитами, как племенные объединения, тесно связанные с кыргызским политическим миром и, вероятно, составлявшие его восточную периферию — от Алтая до Орхонского региона. В этом контексте обращает на себя внимание и более позднее обозначение кыргызов как бурутов. И. Я. Бичурин отмечал сходство названий «болу» и «булу» с этнонимом «бурут», который считал древним названием кыргызов [99. – С. XXVIII]. Дополнительное основание для такого сопоставления дают сведения китайских хроник, согласно которым в период династии Тан нынешние буруты (кыргызы) назывались «булу … или по другому наименованию болюй» [138. – С. 10].

Вышеприведенные сведения позволяют предположить, что обозначение «буруты» могло сохранять более древнюю традицию обозначения кыргызского населения Горного Бадахшана, известного в китайских источниках под названиями «болу», «булу» и «болюй» [99. – С. XXVIII; 138. – С. 10]. В этом контексте представляет интерес и Сары-Коль, древнее кыргызское население которого отражено в эпосе «Манас», где этот регион связывается с нойгутами, окчу и другими кыргызскими группами [334. – С. 135; 335. – С. 132]. Возможно, данный историко-географический контекст следует учитывать и при рассмотрении дальнейшей судьбы Кучлук-хана: его пребывание в Сары-Коле, вероятно, было связано с территорией расселения кыргызского населения.

Рашид ад-Дин (XIII в.), один из первых авторов, подробно описавших найманов, сообщал, что они являлись степным народом, занимавшим районы Большого Алтая, Каракорума, Алуй-Сераса и Кек-Иртыша. Найманы имели собственных правителей, сильное войско и тесные связи с соседними

племенами, среди которых он выделял бикинов, а также кыпчаков и канглы [421. – С. 136–137]. По данным Гайтона, в середине XIII в. они проживали к востоку от Иртыша [151. – С. 522].

В XII веке найманы занимали территории Западной Монголии и Алтая. По сведениям Ю. С. Худякова, найманские правители Наркыш Таян и Эният Каан в середине XII в. разгромили одно из кыргызских объединений в районе Иртыша и Турфана [493. – С. 73]. Однако после поражения от Чингисхана в 1199 году хан Буйрук был вынужден искать убежище в кыргызском владении Кэм-Кэмджиут, откуда позднее переместился в районы Иртыша.

Сведения Рашид ад-Дина подтверждают соседство найманов с кыргызской областью Кэм-Кэмджиут: «Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов» [421. – С. 151]. Вокруг этого владения находились также баргу, туматы, байауты и другие племена Баркуджин-Токума. На западе найманы граничили с канглы и кыпчаками, на севере — с енисейскими кыргызами, на востоке — с кераитами, а на юге — с уйгурами.

Анализ сведений Рашид ад-Дина позволяет локализовать кочевья найманов в степях Западной Монголии, включая современную территорию Тувы и Бурятии, где они могли соседствовать с усуту-мангунами. К востоку от земель эхиритов и булагатов, в Восточной Бурятии, и ныне проживает компактная группа найманов. Это позволяет предположить, что Буйрук-хан, искавший в 1199 г. поддержки у кыргызского правителя Кэм-Кэмджиута, скрывался именно в Восточной Бурятии, входившей в историческую область Восьмиречья, которую, судя по данным Рашид ад-Дина и современному расселению найманов, можно рассматривать как один из древнейших районов их обитания. Такая локализация в определенной степени подтверждает мнение исследователей, которые традиционно связывают происхождение найманов с сегиз-огузами, рассматривая этноним «найман» как монгольскую кальку тюркского числительного «сегиз» («восемь»), входившего в этноним племенного объединения сегиз-огузов, населявшего историческую область Восьмиречья Западной Монголии.

Отсюда можно предположить, что этногенез найманов был связан с племенами, населявшими районы к востоку от Енисея, — усинцами (усуту-мангунами), кючюками, туматами, кангаро-печенегами, керемучинами, булагачинами, ограками и другими группами, которые после событий 840 г. вошли в политическую систему Кыргызского каганата. В этой связи представляется возможным согласиться с мнениями исследователей, связывавших происхождение найманов с частью енисейских кыргызов, мигрировавших далеко на восток от Енисея.

Рашид ад-Дин помещает туматов в пределах страны кыргызов, указывая, что их местопребывание находилось поблизости от Баргуджин-

Токума [421. – С. 122]. В другом месте он сообщает, что в древности туматы обитали по течению рек Секиз-мурэн (Восьмиречья) [421. – С. 118]. Отсюда можно полагать, что кыргызские племена азы, кючюки и дубо и другие могли взаимодействовать друг другом и создать новое объединение туматов. В составе тогуз-огузов туматы были известны в источниках как сегиз-огузы, а позднее — под названием «найманы». Возможно, именно этим объясняется то, что в источниках VIII в. предки найманов локализуются южнее Байкала. К середине IX в. их кочевья, по-видимому, распространялись от Орхона до Тарима и Черного Иртыша.

Исследования последних лет показывают, что территория найманов простиралась с востока на запад — от верховьев Селенги и Орхона до Тарбагатая, а с севера на юго-восток — от Танну-Ола до восточных отрогов Алтая [445. – С. 24]. По сведениям Рашид ад-Дина, в XII в. найманы соприкасались с канглами и кыргызами в районе верхнего Иртыша, в местности Йеке Алтай, где проходили границы владений этих племен [266. – С. 63; 75. – С. 276–277]. Таким образом, источники помещают найманов в тот же историко-географический ареал, где ранее были известны азы, кючюки, канглы, туматы, ограки и другие кочевые группы Саяно-Алтая и Прибайкалья.

Особое значение имеет сообщение Рашид ад-Дина о владении усинцев-усуту-мангунов, расположенном к востоку от кыргызов, в районе Ангары и Серебряной страны. Данная область включала земли булагачинов и керемучинов, связанных с кыргызской политической традицией. Именно здесь, у священного источника Аркуй-булак, согласно его сведениям, в 1201 году Джамуха при поддержке Буйрук-хана найманского был провозглашен гурханом коалиции племен, выступивших против Чингисхана [421. – С. 101–102].

Таким образом, сведения Рашид ад-Дина о найманах, кераитах, канглах и усуту-мангунах отражают сложную систему этнополитических связей в восточной части кыргызского мира. Противоборство кераитов, найманов и монголов в конце XII — начале XIII века стало важным фактором изменения политической карты Центральной Азии и, вероятно, способствовало миграциям части кыргызских и родственных им групп в сторону Алтая, Семиречья и Тянь-Шаня.

Однако следует отметить, что после разгрома кераитов в 1199 году найманский хан Буйрук вытеснил их с Алтая и установил здесь свое господство. В 1204 году, после поражения объединенных сил найманов и Джамухи от Чингис-хана, это влияние сохранилось. Кучлук, сын Таян-хана, после окончательного поражения найманов в 1206 году отступил на Алтай, а затем перешел на службу к каракитайскому гурхану. В 1218 году, вероятно, опираясь на поддержку туматов и енисейских кыргызов, Кучлук попытался создать новую коалицию алтайских и тяньшаньских племен для борьбы с

монголами. Эти события позволяют предполагать, что найманы являлись одним из политических объединений алтайско-кыргызского сообщества кочевников, в рамках которого взаимодействовали кыргызы, туматы, канглы, кимако-кыпчакские и другие племена Алтая и Западной Монголии.

Очевидно, что племена, поддержавшие Кучлука, имели давние этнополитические связи с населением Саяно-Алтая. Об этом свидетельствует присутствие в составе найманов родовых подразделений, связанных с древними алтайскими племенами. Так, найманское подразделение украш может быть сопоставлено со средневековым племенем ограков. Вероятно, часть ограков вошла в состав найманского объединения еще на востоке, а позднее вместе с Кучлуком мигрировала на Тянь-Шань.

Однако, отметим, что происхождение найманов следует рассматривать в контексте сложного этнополитического взаимодействия племен Саяно-Алтая и Западной Монголии. Найманы формировались не как единый этнос, а как объединение различных групп, среди которых могли присутствовать азы, кючюки, канглы, туматы, ограки и другие племена, ранее связанные с орбитой Кыргызского каганата.

Особое значение имеет сохранение родовой тамги найманов чомуч/шомыш (ковш), которая встречается также среди кыргызских и казахских найманов и сопоставляется с тамгой аз-ширинов. Этот факт позволяет предполагать наличие древних этногенетических связей между найманами и азами, населявшими Алтай и Западной Монголии. В целом найманы, как и кераиты, канглы и другие восточные племена, представляли собой часть исторического пространства, связанного с кыргызскими владениями Кэм-Кэмджиут, Ус, Булагачин и Керемучин.

Связь найманов с алтайскими азами также представляется значимой. Так, среди найманов Каракалпакстана известны роды ас найман и аччылы найман, а у прикаспийских найманов встречается род ускубе, возможно связанный с древним кыргызским владением Ус Западной Монголии. Это позволяет предполагать участие азов в формировании найманского объединения.

Этнографические материалы также позволяют проследить связи найманов с алтайскими кючюками. Примечательно, что одна из жен Арик Буки, происходила из рода кючюк клана найман, что указывает на их связь с кючюками, которые возможно в монгольскую эпоху стали называться туматами. По преданию, алтайские найманы (майманы) считали собаку своим предком [498.– С. 29-30], что указывает на значение тотема собаки/кючюка в найманском обществе.

В эпосе «Манас» найманы и нойгуты занимают важное место среди кыргызских племен и выступают одними из главных союзников Манаса. Эти связи могли сформироваться еще в период проживания кыргызов и найманов в восточных регионах, в частности в районе Баркуджин-Токума. После

усиления найманов их владения распространились от Иртыша и Алтая до Прибайкалья, соприкасаясь с территориями кераитов и восточных кыргызских владений булгачинов и керемучинов.

Это позволяет предполагать наличие тесных этнополитических связей между найманами и древними объединениями булагачин (булгачи) и керемучин. Вероятно, часть этих групп вместе с найманами мигрировала на Тянь-Шань в XIII–XIV веках. Показательно, что в составе найманов существовало подразделение булгачи-найман, а позднейшие источники фиксируют наличие объединения Салучи-Булгачи в Моголистане. С. М. Абрамзон отмечал наличие рода булгачи-найман среди найманов Шаариханы, часть которых позднее переселилась в Гиссар и получила название калдык-найманов [5. – С.49]. Эти сведения свидетельствуют о сложных процессах миграции и этнической консолидации найманских групп.

О. Ф. Акимушкин обоснованно связывал западномонгольский этноним булагачи с тяньшаньским кыргызским племенем булгачи [360. – С.108–109]. Сведения «Сиюй чжи» также отражают миграции этих групп: среди населения региона упоминаются кыпчаки, кара-кыпчаки, кызыл-кыпчаки, нойгуты, кеке-найманы, сары-найманы и керемучины [345. – С.206, 208–209], родственные с булагачин.

После безуспешного мятежа Кучлука 1218 года, политическое влияние на Алтае вновь перешло к кераитам, связанным с формированием улусов Тайбуги на Алтае и Анга-Торе на Тянь-Шане. Вероятно, историческая память об этих событиях нашла отражение в различных версиях эпоса «Манас».

Версия «Манаса» С. Ахсикенди отражает преимущественно кераитскую традицию, где центральное место занимает образ Онг-хана (Ван-хана) и союз кыргызов, кераитов и кыпчаков [58. – С.35–36]. Противником Манаса в этой версии выступает Жолой, образ которого исследователи связывают с каракитайским гурханом Елюй Даши. Таким образом, в версии эпоса «Манас» С. Ахсикенди сохранилась память о противостоянии кераитов и каракитаев, имевшем важное значение для истории Центральной Азии.

В более поздних версиях эпоса кераиты не упоминались, однако сохраняется память о найманах, нойгутах, канглы, кыпчаках, долосах, аргынах и других племенах, представленных как союзники Манаса и части кыргызского народа. Это позволяет выделить две основные исторические традиции эпоса монгольского периода — кераитскую и найманскую, сформировавшиеся на основе общей алтайской исторической памяти.

Особое место занимают нойгуты, которые вероятно, в китайских источниках отмечались онгутами или «белыми татарами». В эпосе «Манас» нойгуты представлены как родственное кыргызам племя: мать Манаса

относится к нойгутам. Вместе с найманами, ногайцами, канглы, кыпчаками, долосами, аргынами и другими алтайскими группами они включаются в пространство кыргызской исторической традиции.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в период кыргызско-каракитайского противостояния найманы, входившие в состав союза цзубу, первоначально играли второстепенную роль по сравнению с кераитами. Однако после событий 1199 года, когда Буйрук-хан разгромил кераитов и установил свое влияние на Алтае, найманы стали ведущей политической силой региона, объединив вокруг себя значительную часть алтайских племен, в том числе группы, связанные с объединением Салучи-Булгачи.

Вероятно, именно этот период мог способствовать формированию найманской исторической традиции, отраженной в поздних версиях эпоса «Манас». Если в версии С. Ахсикенди Ван хан и Салучи-Балгачи выступают как союзники Манаса, кыргызов и кыпчаков, то в более поздних вариантах сказания найманы и связанные с ними племена союза салучи-булгачи (канды, тейиты, жоо-кесеки, доолосы, нойгуты и др.) [60.см. таблицы], а также кыпчаки, аргыны, конураты, катаганы, абаки и др. представлены как составная часть союза племен кыргызов.

Это позволяет предположить, что кераиты и найманы представляли собой самостоятельные политические объединения средневековых кыргызов, сформировавшиеся из групп, ранее отделившихся от основной массы народа и впоследствии постепенно подвергшихся монголизации. В разные исторические периоды именно кераиты и найманы могли играть ведущую роль среди восточных кыргызских объединений. Вероятно, енисейские кыргызы мигрировали на Тянь-Шань как в составе кераитских, так и найманских групп.

Таким образом, происхождение найманов следует рассматривать в контексте этнополитических процессов, происходивших в зоне влияния Кыргызского каганата. В их формировании могли участвовать азы, кючюки, туматы, керемучины, булагачины, ограки, канглы и другие племена Саяно-Алтая и Западной Монголии. Не исключено также наличие этнокультурных связей между найманами и киданями, поскольку в составе обоих объединений прослеживаются элементы, связанные с теле-тардушской традицией.

Следует подчеркнуть, что найманы, как и другие крупные объединения Центральной Азии, представляли собой конгломерат племен, основу которых составляли тюркские и тюрко-монгольские племена. Историческое наследие найманов вошло в этногенез ряда народов Саяно-Алтая, Западной Монголии и Центральной Азии.

Меркиты являлись одним из значительных племен союза цзубу. В научной литературе их происхождение связывают с населением Горного

Алтая и Западного Забайкалья. По мнению Ю. А. Зуева, тотем орла у меркитов мог быть связан с древними арийскими традициями [136. – С.85]. Не исключено, что в формировании меркитского объединения участвовали древние группы асиев (усуней), тохаров и местного населения Саяно-Алтая. На возможные древние связи указывают отдельные родовые названия меркитов, среди которых известны асахан-меркит и увас-меркит. Это позволяет предполагать участие в их составе групп, связанных с древними асами и другими племенами региона. Меркиты могли представлять одно из восточных объединений Саяно-Алтая, которое в процессе политической интеграции постепенно подверглось монголизации. В составе этногенеза меркитов могли участвовать также древние группы Красноярского региона — арины и кеты, которые в дальнейшем вошли в состав различных северных народов.

Меркиты впервые упоминаются в китайских источниках Танского периода под названием ми-ли-гэ (мэ-ли-ци в юаньскую эпоху). Согласно этим сведениям, в VII веке они проживали в горно-таежной зоне Саян и районе Хубсугула. Вместе с дубо и эчжи они составляли три аймака, входившие в состав Восточнотюркского каганата [74. – С.254]. Их хозяйство основывалось на охоте и коневодстве, а поселения включали деревянные жилища и укрепленные пункты.

В XII веке меркиты занимали территории в бассейне Селенги и имели собственное политическое объединение. По данным источников, они состояли из нескольких групп: мо-дан, тодаклин, ухур-меркит и джиюн [298]. Кроме того, известны объединения удуит-меркит, увас-меркит, асахан-меркит и другие.

В историографии этноним меркит часто связывают с названием беркута (бургуд/мургут/меркут), что объясняется возможными фонетическими переходами в тюркских языках. Телеутский сеок меркут связывал свое происхождение с белоголовым орлом, который воспринимался как священная птица и помощник шамана [136. – С.85].

Тотемические предания родов иркит, мӱркут и меркит также связывают их происхождение с орлом. Вместе с тем отдельные группы меркитов, такие как хо-меркиты и хоас-меркиты, могли сохранять традиции, связанные с культом лебедя. Как отмечает В. В. Ушницкий, название хоас-меркитов может быть связано с обозначением лебедя — куба, что сближает их с рядом народов Саяно-Алтая, где культ лебедя играл важную роль [491. – С.184].

Меркиты являлись одним из ведущих племен конфедерации Цзубу, объединявшей тюрко-монгольские племена Восточного Алтая и Западной Монголии. Их культурные особенности, культ грома, молнии и тотемических животных указывают на близость к древним северным племенам Саяно-Алтая, связанным с динлинами, теле и кыргызами. Особое

значение в их традициях занимали образы дракона и орла, что сближает меркитов с рядом тюркских и протомонгольских племен региона.

В XII–XIII вв. меркиты активно участвовали в борьбе против Чингиз хана. После поражения союзников Цзубу они вместе с найманами и другими племенами продолжили сопротивление монгольской экспансии. В 1218 году меркиты и туматы поддержали восстание кыргызов, отказавшихся участвовать в походах монголов против родственных племен. Это свидетельствует о существовании тесных этнополитических связей между меркитами, туматами и кыргызскими объединениями Саяно-Алтая.

После разгрома меркитов монголами часть их групп отошла в районы Алтая, Имиля и Кобука, где они вступили в союз с Кучлуком ханом и найманами. Позднее отдельные группы меркитов продолжали сопротивление монгольской власти в кыпчакских степях. После распада союза ойратских племен часть меркитов вместе с кыргызами переселилась в Восточный Туркестан, где впоследствии вошла в состав кыргызского народа. Вместе с тем отдельные группы меркитов вошли в состав и других народов Центральной Азии, приняв участие в их этногенезе.

Таким образом, история меркитов, как и найманов и кераитов, тесно связана с историей кыргызских владений к востоку от Енисея. Племена Цзубу, по всей видимости, сохраняли тесную связь с политическим и культурным наследием Кыргызского каганата. В период монгольских завоеваний борьба этих объединений против Чингисхана сопровождалась масштабными миграциями, в результате которых значительная часть населения Алтая, Саяно-Алтая и Западной Монголии переместилась в направлении Тянь-Шаня.

Следовательно, этногенез кыргызского народа невозможно рассматривать изолированно от истории тюркских, тюрко-монгольских и монгольских племен Западной Монголии, Алтая и Орхонского региона, с которыми кыргызы поддерживали тесные политические и этнокультурные связи со времени Кыргызского каганата и на протяжении последующих эпох — каракитайского, монгольского и джунгарского господства. Конфедерация Цзубу, объединившая кераитов, найманов, меркитов и другие племена, стала одним из важнейших этапов этой исторической традиции. После ее распада часть кыргызов продолжила переселение на Тянь-Шань, сохранив память о своих союзниках и соплеменниках, что, вероятно, нашло отражение в эпосе «Манас».

Глава 6. Кыргызы и консолидация кыргызских племен на Тянь-Шане в XIV–XVI вв.

§ 1. Кыргызский улус Анга-Торе

В XIV веке Золотая Орда в борьбе с империей Амира Тимура использовала кыргызов в качестве одной из основных военно-политических сил. Политические процессы, происходившие в Золотой Орде, способствовали усилению позиций Анга-Торе, Салучи-Булгачи в Моголистане и Угэчи Кашка в Ойрато-кыргызской конфедерации, а также формированию новых политических объединений. В XIV–XV веках значительная часть кыргызских племен была сосредоточена вокруг указанных владений. После распада Ойрато-кыргызской конфедерации в 1468 г. правитель кыргызов Абабарци Чингсанг переселился со своим туменом в районы Хами и Баркуля, что, вероятно, способствовало дальнейшему усилению позиций кыргызов на Тянь-Шане. В начале XVI века кыргызы создали на Тянь-Шане собственное ханство во главе с Мухаммедом Кыргызом. Вместе с тем следует отметить, что в научной литературе проблема происхождения Анга-Торе и племенного состава его улуса вызвала значительный интерес и стала предметом дискуссии среди историков.

К. И. Петров одним из первых попытался связать улус Анга-Торе с племенами Салучи-Булгачи: канды (канглы), теит, жоо-кесек, кыдырша, доолос, бостон [58. – С. 82.]. По его мнению, в монгольскую эпоху племена из прибайкальских кыргызских улусов булгачи и керемучины переселились в Или-Иртышское междуречье, а затем на Тянь-Шань [391. – С. 23.]. К. И. Петров одним из первых назвал улус Анга-Торе кыргызским. По его мнению, черики представляли собой кыргызское объединение. Он писал: «Большая часть кыпчакско-кыргызской группы была насильно переселена на Тянь-Шань и входила в улус Анга Торе Бай Мурат Черика, который был главой племени чериков и возглавлял кыргызско-кыпчакское объединение» [391. – С. 4–5.]. Однако К. И. Петров под кыргызами понимал кимако-кыпчаков Прииртышья.

С. М. Абрамзон, напротив, выразил несогласие с выводами К. И. Петрова относительно происхождения князя Анга-Торе. Он считал недостаточным основанием тот факт, что этот князь носил фамилию Черик, а также неубедительным совпадение шести из двенадцати имен родословной Анга-Торе с именами легендарных предков правого крыла кыргызов — Анал-хак, Лур-хан, Гуз-хан, Арсланг-бий, Кули-бий и Мары-бий. С. М. Абрамзон писал: «Вполне вероятно, что киргизы (в том числе и племя черик) входили в улус Анга Тори, но он не был “киргизским”» [5. – С. 60–61].

В то же время С. М. Абрамзон одним из первых сопоставил имена потомков Анга-Торе с названиями племен современных кыргызов. Он писал:

«Все названные имена полностью совпадают (хотя частично искажены в рукописи – С. М.) с именами отдельных родоначальников и с названиями подразделений племени монолдор, зафиксированными в современных генеалогических преданиях» [5. – С. 60.]. С. М. Абрамзон также установил прямую генеалогическую связь между племенем черик, упомянутым С. Ахсикенди, и одноименным современным кыргызским родом, сопоставив имена потомков второго сына Анга-Торе — Ахмед-бека — с названиями родоплеменных групп чериков: Ак Чубак (ак чубак), Бай Чубак (бай чубак), Диван-Черик (дуван), Мулла-Черик (молдо-черик), Кара Черик (кара черик) [5. – С. 61.].

С. М. Абрамзон писал также об участии кереитов в этногенезе моголистанского улуса Анга-Торе и современных алтайцев. С именем одного из потомков моголистанского князя Анга-Торе — Кире (букв. Кирей) — он сопоставлял этноним «кереит». Ученый отмечал, что «потомки средневековых кереитов и их ветви – тункаиты, относящиеся к кереитам алматов (албатов – С. М.), представлены у южных алтайцев сеоками “тонгжон” и “алмат”, а у северных – сеоком “тонг”» [5. – С. 63.]. В то же время этнограф сопоставил приведенные в генеалогическом предании имена сыновей Атан-бия, сына Бай-Могола, — Чолок Тукуме, Кире и других — с названиями родов кыргызского племени монолдор: чолок туума, улу кыйра и бала кыйра.

По мнению С. М. Абрамзона, черики могли сложиться еще раньше XVI века. В табгачской надписи черики обозначены в форме «чэ-ли», а в сакском документе VIII века упоминаются рядом с тохарами, что, по его мнению, свидетельствует об их проживании в это время в Восточном Туркестане [5. – С. 61].

В дальнейшем О. К. Караев [235.], С. А. Аттокуров [60. – С. 42–43, 80–86.] и Т. Д. Джуманалиев [166. – С. 410–412; 419; 438–441.], опираясь на письменные источники, генеалогические предания и этнографические материалы, также связывали улус Анга-Торе с кыргызской этнополитической средой XIV века и процессами переселения восточных племен на Тянь-Шань [235; 60; 166].

Таким образом, несмотря на различия в оценке этнической принадлежности Анга-Торе, большинство исследователей признают его тесную связь с кыргызской этнополитической средой. Вместе с тем происхождение Анга-Торе и состав его улуса остаются дискуссионными. Решение этой проблемы имеет важное значение для изучения этногенеза кыргызского народа, миграций саяно-алтайских племен XIII–XIV вв. и формирования кыргызской этнополитической общности на Тянь-Шане.

Формирование улуса Анга-Торе, в свою очередь, было обусловлено важными политическими процессами, происходившими на Тянь-Шане в XIII–XIV вв. Непосредственно его возникновению предшествовало

образование государства Хайду в 1269 г. в долине р. Талас. Создание нового государства, объединившего потомков Угэдэя и Чагатая, усилило противостояние между ханом Хайду и великим ханом Хубилаем за политическое господство в Центральной Азии.

Образование государства Хайду сопровождалось распадом улуса Хорчи и переселением его основных племен — бахринов и чериков — на Тянь-Шань, где они поступили на службу к новому хану, признав его верховную власть. По мнению Т. Джуманалиева, в XIII в. черики вместе с бааринами (бахринами) первоначально входили в состав Ак-Орды, затем — государства Хайду (с 1269 г.), а позднее образовали собственный улус во главе с Анга-Торе. При этом улус Анга-Торе сохранил тесные связи с бахринами и другими кыргызскими родами. Впоследствии бахрины, наряду с чериками, вошли в состав племен правого крыла кыргызов [166. – С. 410–412, 419, 438–441].

Вероятно, именно переселение основных племен улуса Хорчи — бахринов и чериков — в земли Ак-Орды, а затем на Тянь-Шань создало предпосылки для формирования в Восточном Притяньшанье новых военно-политических объединений — улусов Кыргыз, Анга-Торе, Салучи-Булгачи, Бахрин и др. В этом контексте улус Анга-Торе следует рассматривать не как изолированное политическое образование, а как результат крупномасштабных миграционных процессов и последующей консолидации кыргызских и родственных им племенных объединений в восточной части Ак-Орды и Моголистана.

В связи с вышеизложенным следует отметить, что среди восточных мигрантов также были кереиты, канглы и кыргызы, которые после разгрома государства Ван-хана переселились через Минусинскую котловину и Алтай на Тянь-Шань и, вероятно, сыграли определенную роль в формировании улусов Анга-Торе и Салучи-Булгачи. Кереиты и канглы кочевали в районах Иссык-Куля и Янги-Тараза, занимая значительную часть центрального Тянь-Шаня. Показательно, что в конце XIV в. в Прииртышье упоминаются также иль-кер, булгаджи и салуджи [48. – С. 374, прим. 2], которые, вероятно, кочевали по соседству с улусом Анга-Торе или на его территории.

Согласно С. Ахсикенди, от двух сыновей Анга-Торе — Акматбека и Мухаммедбека — происходили два основных племени улуса: черики и монолдор.

Следует отметить, что анализ собранного этнографического материала позволяет установить определенные этногенетические связи между кыргызскими племенами черик, монолдор, нойгут и кыпчак. Нами выявлены имена потомков Анга-Торе по линии Мухаммедбека — Кункаш, Сокы, Буваке (Бакы) [345. – С. 227–228], которые находят соответствия в этнонимии кыргызских племен монолдор (конкош, согу, бакы), нойгут (сакы, бакы) и кыпчаков (сакы). Другие формы этнонима сакы встречаются у

мунгушей в форме «соколок», а у сары-уйгуров — «сокалык». Кыргызские (нойгутские) роды сакы и бакы упоминаются в исторических источниках эпохи Аппак кожо. Отметим также, что имя вышеуказанного персонажа Кувай Буваке Дават-бия [345. – С. 228] встречается в родословной кыргызских монолдоров как имя общего предка группы Бакы (Бувакы) [60. – С. 130]. Группа Бакы подразделяется на улуу кыйра/кире, орто кыйра/кире и бала кыйра/кире. В совокупности эти данные могут свидетельствовать о наличии историко-генеалогической связи племени монолдор с кереитами.

Однако следует отметить, что одной из главных причин миграции кераитов и канглы через земли енисейских кыргызов на Алтай и Тянь-Шань, по-видимому, было стремление восстановить свои военно-политические позиции на западных окраинах Монгольской империи — на Алтае и Тянь-Шане. На это косвенно указывают сведения об улусах Тайбуги и Анга-Торе, представители которых, согласно генеалогическим преданиям, возводили свое происхождение к Ван-хану, правителю кераитов.

Создание новых владений, вероятно, стало возможным в результате политических изменений, последовавших после смерти Угэдэй-хана и ликвидации улусов Чагатая и Угэдэя, земли которых были перераспределены между потомками Джучи и Тулуя. В период противостояния Хубилая с Золотой Ордой и государством Хайду великий хан, по-видимому, стремился использовать родственные связи дома Чингисхана с кераитской знатью, происходившей из домов Ван-хана и Джаха-Гамбу, а также с правителями онгутов. Эти связи сложились в результате династических браков Чингисхана и его потомков с дочерьми Джаха-Гамбу и других представителей кераитской знати. В этом отношении показательна фигура Абиге-бегим, дочери Джаха-Гамбу и сестры супруги Хубилая, находившейся вместе с сыном при его ставке. Опираясь на сложившиеся династические связи, Хубилай, вероятно, рассчитывал укрепить позиции кераитской знати как одного из центров нового военно-политического объединения, способного консолидировать вокруг себя кыргызов и другие степные группы и создать на западных рубежах его государства буферные владения, сдерживавшие влияние Золотой Орды и государства Хайду. В этом политическом контексте, по-видимому, окончательно оформились улусы Тайбуги на Алтае, Анга-Торе, Салучи-Булгачи, Бахрин и другие объединения Семиречья, которые впоследствии стали заметными участниками политической жизни Моголистана.

Другим косвенным подтверждением заинтересованности Хубилая в организации буферных владений на западных рубежах его государства может служить то обстоятельство, что улус Тайбуги формировался на землях, контролировавшихся енисейскими кыргызами, тогда как улус Анга-Торе — на территории, находившейся во владении онгутов (нойгутов), которых можно рассматривать как южную ветвь чериков, проживавшую в

Притяньшанье. Особый брачно-династический статус кераитов и онгутов, традиционно связанных брачными отношениями с домом Чингисхана, мог способствовать их политическому сближению, а также консолидации кыргызских, кераитских и других племен и формированию улуса Анга-Торе.

Однако миграция племен улуса Хорчи в пределы Ак-Орды и государства Хайду сопровождалась жесткой ответной политикой империи Юань, вызванной стремлением Хайду-хана укрепить свое влияние среди алтайских и енисейских кыргызов. Опасаясь возможного объединения Хайду с силами кыргызов, Хубилай, усилив своего темника из клана эльбури Тутуху, подавлял восставших мятежников [513. – С. 80–81.]. Он проводил также политику принудительного переселения части енисейских кыргызов в глубинные районы империи Юань. В 1277 г. значительная часть кыргызов была насильно переселена в округ Чжаочжоу в Западной Монголии, а в 1293 г. племена усухань, ханас и цзилицзисы (кыргызы) — на бывшие земли мятежного князя Наяна. Другая группа кыргызов из местности Чжирхэхусотай была переселена в Ляодунь [305. – С. 157–158]. Вероятно, эти сведения могут быть связаны с племенами улуса Хорчи — черик и усутунь (усинцами), название которых, возможно, отразилось в топониме Чжирхэхусотай. В 1292 г. по приказу Хубилая Тутуха совершил поход против енисейских кыргызов, достиг р. Кем и подчинил пять кыргызских племен, разместив в их кочевьях монгольские войска [365. – С. 80].

Однако эти меры не только не остановили миграционные процессы, но, напротив, могли способствовать их дальнейшему усилению. В конечном счете данные миграционные процессы способствовали расселению кыргызских и родственных им групп, а также укреплению их политической роли в западных чингизидских государствах — Золотой Орде и Моголистане. По мнению Б. Э. Молдобаева и В. В. Ушницкого, эти события нашли отражение в одном из сюжетов «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди и происходили на территории современной Тувы [365. – С. 125].

По мнению И. Молдобаева, театром военных действий могли быть земли кыргызов Саяно-Алтая и Западной Монголии, где и поныне прослеживаются потомки племени кыргыс и родственных ему групп — монгуш и куулар [365. – С. 80, 125]. Вероятно, часть этих групп также была вынуждена под давлением войск Тутухи мигрировать на запад — в земли Ак-Орды и государства Хайду. По данным местных сказителей, представители племени кыргыс проживали в селах Барык, Хайрахан, а также Ийи-Тал, Кара-Тал и Эйлиг-Хем Улуг-Хемского кожууна (по данным 1934 г.). Не исключено, что миграция и последующая консолидация кыргызских и родственных им племенных групп из районов Улуг-Хема способствовали формированию улуса Анга-Торе и превращению его в один из центров политической консолидации кыргызов. Вероятно, часть вышеупомянутых кыргызских групп мигрировала к берегам рек Кара-Тал и Ак-Суу, в район

города Манаса в Восточном Туркестане [247. – С. 143], а впоследствии вошла в состав владения князя Анга-Торе с центром в Кара-Тале [79. – С. 62; 54. – С. 421]. Показательно, что в прошлом левое крыло кыргызских племен носило боевой клич «Кара-Тал», а иногда обозначалось общим именем «Кара-Тал Ак-Суулук» [247. – С. 143].

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что переселенцы из улуса Хорчи — черики, бахрины, ашиги, тахаи, толосы, усы и кыргызы, а также кераиты и канглы — на Тянь-Шане постепенно консолидировались, формируя новые этнополитические объединения — улусы Анга-Торе, Салучи-Булгачи, Бахрин и др. Важную роль в этом процессе, вероятно, сыграли черики и монолдор, составившие основу формировавшегося улуса Анга-Торе.

Одним из основных аргументов, свидетельствующих о важной роли кыргызов в формировании улуса Анга-Торе, являются сведения Сайф ад-Дина Ахсикенди о заключении брачного союза между Анга-Торе и родом Абдырахманбека-Азыка. Выдав свою дочь Гулькан замуж за Абдраимбека — сына Абдырахманбека, — Анга-Торе укрепил союз с кыргызским племенем азык, которое, наряду с чериками, занимало одно из ведущих мест в его улусе [58. – С. 77; 18. – С. 303–304.]. Признание за азыками статуса «брачующего рода» еще более укрепило политическое положение Анга-Торе и создало благоприятные условия для консолидации кыргызских племен вокруг его личности. Эти сведения источников согласуются с кыргызскими генеалогическими преданиями, в которых Кара-Чоро, Азык, Черик и Саяк выступают в качестве основных племенных объединений, сыгравших ключевую роль в консолидации кыргызов Тянь-Шаня. Тем самым данные письменных источников и генеалогической традиции взаимно дополняют друг друга и могут рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу кыргызского происхождения улуса Анга-Торе.

С учетом значительной роли племен, связанных с улусом Хорчи и союзом аз-ширинов, в формировании Анга-Торе это владение, по всей вероятности, можно рассматривать как одно из крупных кыргызских политических объединений XIV века. После смерти Хорчи ведущую роль в его улусе, вероятно, заняли его соправители — кыргызские князья Ашиг и Тахай [279. – С. 161], поддерживавшие связи с аз-ширинами и Анга-Торе. Сведения Ибн Вали и Сайф ад-Дина Ахсикенди указывают на тесные связи между алтайскими и тяньшаньскими кыргызами. В этом контексте поддержка Тохтамыш-ханом Анга-Торе, Салучи-Булгачи, а также кыргызских, кыпчакских и других князей, вероятно, была связана со стремлением укрепить позиции союзников на Тянь-Шане в борьбе против Амира Тимура.

Следовательно, первоначальное продвижение кочевников на юго-запад, вероятно, инициировали бахрины и черики, а позднее к ним

присоединились другие племена, связанные с улусом Хорчи, — кыргызы, кыпчаки, аргыны, азы, толосы и другие группы. Вероятно, улусы чериков и бахринов первоначально сформировались в период государства Хайду, а позднее вокруг них объединились более широкие группы кыргызских и родственных племен Или-Иртышского региона. В результате этого процесса сложилась основа улуса Анга-Торе, который объединил чериков, монолдоров, кыргызов, азов, бахринов, кыпчаков, кераитов, канглы и другие группы, переселявшиеся с Саяно-Алтая и Западной Монголии.

Особое значение этот процесс приобрел после усиления Моголистана. После убийства Ильяс-Ходжи Камар ад-Дином в 1365 г. кыргызские объединения, вероятно, выступили против усиления дуглатской знати, что способствовало укреплению улусов Анга-Торе, Салучи-Булгачи и других кыргызских владений. Походы Анга-Торе в Ферганскую долину, в свою очередь, сопровождались переселением и закреплением части кыргызских племен — чериков, монолдоров, кыргызов и других восточных групп — в районах между Кашгаром и Атбашем, которые, согласно преданиям, записанным Сайф ад-Дином Ахсикенди, входили во владения Анга-Торе [58. – С. 47]. Данный регион впоследствии стал одним из важных центров консолидации кыргызских племен Тянь-Шаня.

Сведения С. Ахсикенди о походах Тохтамыш-хана в 1387 г. и Анга-Торе в 1388–1389 гг. в Мавераннахр позволяют предполагать активное участие кыргызов в военно-политических событиях этого периода. При этом Анга-Торе выступал не только как правитель отдельного владения, но и как объединитель различных кыргызских и родственных групп. Показательно, что С. Ахсикенди связывает его родословную с Ван-ханом кераитов и сообщает о брачных связях между родом кыргызского предводителя азыков и родом, связанным с семьей отца Амира Тимура [58. – С. 77]. Сведения С. Ахсикенди позволяют говорить о проживании кыргызов на Тянь-Шане еще до образования улуса Анга-Торе, а также о существовании здесь местных этнополитических и брачных связей между ведущими кыргызскими племенами и соседними правящими кланами. Судя по данным источников, деятельность Анга-Торе способствовала консолидации не только кочевников Восточного Притяньшанья, где находилась его ставка в Каратале, но и групп Алтая и Западной Монголии. В результате древний миграционный путь, связывавший Енисей, Алтай, Восточный Тянь-Шань и Кашгар, вновь приобрел политическое значение. По этому маршруту, вероятно, перемещались кыргызские и другие восточные группы: Енисей (Кара-Тал, Ийи-Тал, Эйлик-Хем — Улуг-Хемский кожуун) — Кыргыз-Нур — Алтай — Кара-Тал — Кашгар — Талас. Тем самым восточная часть Притяньшанья, Алтай и Западная Монголия постепенно включались в единое этнополитическое пространство, центром которого в рассматриваемый период стал Кара-Тал.

Следовательно, появление улуса Анга-Торе можно рассматривать как важный этап консолидации кыргызских и родственных им племен в рамках Моголистана. Этот процесс имел глубокие исторические корни, восходившие к эпохе Кыргызского каганата, и получил дальнейшее развитие в последующие исторические периоды. В XIII–XIV вв. политические образования Хайду и Моголистана способствовали возрождению и дальнейшей консолидации тяньшаньских, саяно-алтайских и западномонгольских групп кыргызов, одним из центров которой, вероятно, был улус Анга-Торе с центром в Кара-Тале.

Таким образом, переселение племен улуса Хорчи в пределы Ак-Орды и государства Хайду, получившего название по имени внука Угэдэя, создало условия для их последующей консолидации в политическом пространстве Золотой Орды и Моголистана, возникшего после распада этого чингизидского государства. Эта миграция способствовала укреплению позиций союза аз-ширинов в Ак-Орде, представители которого стали играть заметную роль в политической жизни государства и нередко оказывались вовлеченными в борьбу за власть в Золотой Орде. Вероятно, именно общность происхождения аз-ширинов и кыргызов создала основу для формирования этнополитического союза между Токтамыш-ханом, кыргызами Алтая и кыргызскими улусами Анга-Торе, Салучи-Булгачи, Бахрин и другими объединениями. Благодаря этому кыргызы занимали заметное место в политической жизни как Ак-Орды, так и Моголистана.

Следует отметить, что одним из важных аспектов истории кыргызов в монгольскую эпоху является то, что письменные источники одновременно фиксируют их присутствие как в землях Золотой Орды, так и в Моголистане. В источниках кыргызы предстают как один из заметных этнических компонентов и политических сил Золотой Орды. Отдельные события истории Золотой Орды, особенно периода Ногая и хана Токтамыша, нашли отражение в письменных источниках и эпосе «Манас». В этот период прослеживаются тесные этнополитические связи Токтамыш хана с, улусом Анга-Торе, Салучи-Булгачи, алтайскими кыргызами, кыпчаками другими кочевниками Алтая и Приирятышья.

Особое значение в этом контексте имеет то обстоятельство, что Золотая Орда была одним из государственных образований, в рамках которого кыргызы взаимодействовали ногайцами, казахами и другими этническими группами. Именно эти связи, по-видимому, нашли отражение в эпосе «Манас», где кыргызы представлены во взаимоотношениях с ногайцами, казахами и узбеками. В этом отношении эпические сюжеты могут рассматриваться как дополнительный источник для изучения исторической памяти кыргызов о политических и этнических процессах эпохи Золотой Орды.

Показательно, что сведения Н. Бекрана, Ибн Вали, Натанзи, Утемиш-ходжи, С. Ахсикенди и других авторов позволяют рассматривать алтайских и тяньшаньских кыргызов как единый кыргызский этнополитический массив, племена которого расселялись на обширной территории, занимая одновременно Алтай и Тянь-Шань. Источники также показывают активность кыргызов как в Золотой Орде, так и в Моголистане. Согласно Утемиш-ходжи, кыргызы проживали по соседству с Казанью и улусом Тайбуги, представители правящего рода которого происходили из Бухары [172. – С. 40–41]. Сопоставление этих сведений с сообщениями С. Ахсикенди и Н. Бекрана, локализовавшего южную группу кыргызов в районах Горного Бадахшана и Бухары [331. – С. 18; 18. – С. 16, 31], позволяет предположить существование этнического единства и политических связей между южными и северными группами кыргызов. В этом контексте представляется возможным предположить, что различные версии генеалогических преданий о потомке Ван-хана, для которого, согласно одной из традиций, некий Мурат-бий после захвата Чингисханом Бухары в 1220 г. выпросил нейтральные земли, могли восходить к общей кераитско-кыргызской традиции. Вероятно, одна часть этих групп в период монгольских завоеваний находилась в районе Горного Бадахшана, а другая — на Алтае, сохраняя этнополитические связи с правителями кераитов Ван-ханом и его младшим братом Джаха-Гамбу. Таким образом, генеалогическое предание о формировании улуса Тайбуги может указывать на попытку возродить и консолидировать разрозненные группы кераитов, кыргызов и других тюркских племен в рамках единого улуса.

Кыргызы занимали заметное место в политических процессах Золотой Орды со времен Ногая. Об активном участии кыргызов в политических событиях и процессах сообщают Ибн Вали, Натанзи, Утемиш-ходжи, С. Ахсикенди и другие источники. Кыргызы поднимали восстания [360. – С. 158], участвовали в борьбе за власть и поддерживали отдельных представителей династии Джучидов [430. – С. 151–152]. В частности, они поддерживали Токтамыш-хана в его противостоянии с Мамаем [365. – С. 190–191]. По сообщениям Натанзи [430.-С.151- 152] и Ибн Вали [360. – С. 158], кыргызы в этот период представляли собой крупное и сравнительно могущественное владение, проводившее самостоятельную политическую линию.

В сведениях Ибн Вали описываются важные события, характеризующие взаимоотношения между кыргызами и шибанидами, которые могли повлиять на ход последующих событий и изменение этнополитической ситуации в Золотой Орде и Моголистане. Ибн Вали сообщает, что кыргызы покровительствовали шибанидам в период их преследования со стороны Амира Тимура. Впоследствии, «ответив добром за добро», они отказались участвовать в походе Пулад-хана против кыргызов

в 1407 г. [215. – С. 108–109]. Ибн Вали далее сообщает, что Пулад-хан собственными силами смог разбить кыргызов. После их разгрома хан поручил баринам (бахринам) охранять границы с кыргызскими землями [215. – С. 108–109]. Ряд ученых полагает, что эти события нашли отражение в книге С. Ахсикенди, где говорится о союзе Токтамыш-хана, Манаса, Анга-Торе, Салучи-Булгачи и других против Пулада и его союзников — мангыта Йамгурчи и Сарай-Мамая. Решающее сражение произошло на Яике, то есть на Урале [58. – С. 52–54].

В связи с этим можно предположить, что алтайские кыргызы в период походов Токтамыш-хана и Анга-Торе в Монголистан начали постепенно перемещаться на Тянь-Шань. Возможно, после того как кыргызы оказались стеснены Пулад-ханом, часть из них вместе с Анга-Торе, Салучи-Булгачи и другими участниками этих событий либо самостоятельно переселилась на Тянь-Шань. Впоследствии эти группы могли консолидироваться с проживавшими на Тянь-Шане кыргызскими племенами, что способствовало сохранению их этнического единства и укреплению этнополитических связей между ними. С учетом заметной роли кыргызов в политической жизни Золотой Орды причины их последующего исчезновения из источников в качестве самостоятельной политической силы, по-видимому, следует связывать прежде всего с миграционными и этнополитическими процессами, а не с ассимиляцией. В этом контексте алтайских и тяньшаньских кыргызов можно рассматривать как части единого этноса, сохранявшего определенное этнополитическое единство.

Отметим, что сведения М. Хайдара, Ибн Вали и С. Ахсикенди также характеризуют кыргызов как одну из ведущих этнополитических сил Моголистана. Установлению этнополитических связей между Токтамыш-ханом и кыргызами, а также улусами Анга-Торе и Салучи-Булгачи, по-видимому, способствовали не только внешнеполитические обстоятельства, связанные с усилением Амира Тимура, но и стремление самих кыргызских объединений закрепиться в политическом пространстве Ак-Орды и Золотой Орды, а позднее — в Моголистане.

При поддержке Токтамыш-хана кыргызы, вероятно, усилили свои позиции как в политическом пространстве Золотой Орды, так и в Моголистане. Если в Золотой Орде они выступали в поддержку шибанидов в период их противостояния угрозе со стороны Амира Тимура, то в Моголистане, судя по сведениям источников, кыргызы рассматривались как одна из значительных этнополитических групп. Вместе с тем по мере усиления их политической самостоятельности происходило постепенное обособление кыргызских объединений от могольской знати и стремление к самостоятельной политической организации.

Важным этапом консолидации кыргызов на Тянь-Шане стала очередная волна миграции в конце XIV — начале XV в., когда Угэчи-Кашка

(1399–1415) переселил основные силы енисейских кыргызов в южную часть Или-Иртышского междуречья и Монгольского Алтая [166. – С. 419]. Его владения охватывали территории Восточного Казахстана и Западной Монголии, а проводимая им политика была направлена на объединение кыргызских и родственных им групп и усиление политического влияния в регионе. Эта политическая линия получила продолжение при его преемниках — Эсенху-хане и Абабарци Чингсанге [305. – С. 101–113]. После краха ойрато-кыргызской конфедерации в 1468 г. часть кыргызов во главе с внуком Угэчи-Кашка — Абабарци Чингсангом — переселилась в районы Хами и Баркуля. Это, по-видимому, стало новым этапом расселения и консолидации кыргызских групп в Восточном Туркестане. Е. Кычанов и Т. Бейшеналиев отмечают существование здесь двух групп кыргызов — пришлых и местных, которые впоследствии слились между собой. Данный процесс, вероятно, стал одним из завершающих этапов консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане.

К эпохе М. Хайдара кыргызы уже представляли собой один из ведущих этнополитических сил Тянь-Шаня и создали сравнительно небольшое самостоятельное ханство во главе с Мухаммедом Кыргызом. При нем, согласно традиции, сформировалась трехкрылая система организации кыргызского общества — он, сол и ичкилик.

Таким образом, в монгольскую эпоху кыргызы, как и другие этнополитические объединения, признавшие власть Чингисхана, вошли в единое политическое пространство Монгольской империи. Вместе с тем енисейские кыргызы сохранили свои позиции в Минусинской котловине, на Алтае и в Западной Монголии, где продолжали существовать различные кыргызские владения и группы. После раздела империи Чингисхана между его четырьмя сыновьями кыргызы, как и другие кочевые объединения, вошли в состав владений различных чингизидских династий.

Анализ имеющихся источников позволяет предполагать, что начиная с периода возвышения Чингисхана значительная часть восточных кочевых объединений — конгратов, сальджиутов, думанов, катаркинов, татар и других групп — постепенно перемещалась на запад. В этот период происходило и постепенное продвижение отдельных кыргызских групп, проживавших восточнее Енисея, в направлении Алтая, Западной Монголии и далее Тянь-Шаня. Впоследствии алтайские кыргызы стали заметным участником политических процессов Золотой Орды, стремясь сохранить и укрепить свои политические позиции. Однако развитие политической ситуации постепенно ориентировало значительную часть кыргызских объединений в сторону Моголистана, где складывались более благоприятные условия для их дальнейшей консолидации.

В период противостояния Хайду-хана и Хубилая основные племена улуса Хорчи — бахрины, черики и другие группы — мигрировали в земли

Ак-Орды, а затем перешли на службу к Хайду-хану. Вместе с ними часть племен улуса, в том числе, вероятно, и кыргызские группы, переселилась в земли Ак-Орды и восточные приграничные районы государства Хайду-хана. Именно в этом политическом пространстве позднее сформировались или укрепились такие объединения, как улусы Анга-Торе, Салучи-Булгачи, Бахрин и другие. Постепенное усиление кыргызов и их активное участие в политических процессах Золотой Орды и Моголистана создали условия для дальнейшей консолидации кыргызских племен, которая в последующие столетия получила завершение в рамках Моголистана.

Таким образом, в монгольскую эпоху кыргызы, являясь одной из основных политических сил Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, активно участвовали в политических процессах чингизидских государств — улусов Джучи, Чагатая и Угэдэя, а позднее играли заметную роль в политической жизни Золотой Орды и Моголистана. В Моголистане консолидация значительной части кыргызских племен происходила постепенно и, по-видимому, прошла несколько этапов. Одним из ранних центров этого процесса в XIII–XIV вв. был улус Анга-Торе, вокруг которого объединялись черики, монолдор, бахрины, кыпчаки, кераиты, канглы и другие группы. На следующем этапе, в XV–XVI вв., консолидационные процессы получили развитие вокруг кыргызских объединений во главе с Мухаммедом Кыргызом. В дальнейшем этот процесс привел к формированию независимого кыргызского ханства во главе с Мухаммедом Кыргызом на Тянь-Шане.

§ 2. Мухаммед Кыргыз и процесс консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане в XV-XVI вв.

1) Государство Мунке Темира

В эпоху Минской династии в 1409 году в Китае ойратские предводители Махмут, Тайпин, Баатыр получили ванские титулы и печать от императора. Однако, кризис в ойратской конфедерации, в которой власть постоянно переходила от одной группировки к другой, нарастал. Это поднимало политическую активность енисейских кыргызов в борьбе за свою независимость, которые еще раз попытались подняться на олимп власти, захватив власть в ойратском племенном союзе в XV в.

В 1399 году им удалось взять верх над ойратами и захватить власть в орде. Мунке Темир (Угечи Кашка), вождь кыргызов осуществил государственный переворот. Однако, боясь восстания, он провозгласил ханом молодого царевича Гун Тэмура (сына Эльбек хана), сам же стал его регентом. Через два года, когда Мунке Темир улучшил свое положение, он снова захватил власть, низложив молодого царевича, и провозгласил себя ханом. Государство было объявлено Татарским. Период правления Мунке

Темира сопровождался войнами против ойратов, которые не могли смириться с потерей власти.

В этот период кыргызы пытались расширить свои владения и выйти к торговым центрам Восточного Туркестана, ибо это обеспечивало им независимость от монголов, которые контролировали хлебные районы Китая. В 1399-1425 годах кыргызы организовали походы в Восточный Туркестан. В 1407 году Мунке Темир захватил город Хами. Убив его правителя, женился на его вдове. Город превратился в торговый центр, где кыргызы занимались продажей лошадей и скота, намного укрепив тем самым свои позиции в регионе.

В этой борьбе Мунке Темир расправился со всеми своими соперниками и врагами. Ойратский князь, вождь племени чорос Тоган (1434-1438 гг.), также восставший против Мунке Темира, вынужден был переселиться в юго-восточные пределы Джунгарии. В конце концов Мунке Темиру удалось ликвидировать своего основного соперника и главного врага Батулай чинсанга. Однако, в 1415 году он умирает.

Преемник Мунке Темира Эсэнхухан (Эсенкул хан, 1421-1426 гг.) женился на вдове Батулай чинсанга и принял бразды правления государством. В 1421 году Эсэнхухан совершил очередной поход в Восточный Туркестан. Поход имел две основные задачи: помешать усилению позиции вождя чорасов Тогана, начать войну против Моголистана и объединиться с тяньшаньскими кыргызами. В результате этого похода Эсэнхухан подчинил себе Бешбалык, Манас и другие города. Кыргызы во второй раз овладели Хами. Эсэнхухан начал войну против владыки Моголистана Вейс хана, давшего калмыкам 61 безуспешное сражение.

В конце концов кыргызско-ойратская коалиция совместными усилиями сломила сопротивление непримиримого Вейс хана, перенесшего свою ставку в Илибалык, вглубь страны. Вейс хан решил породниться с главой ойратов Эсен ханом (сыном Тогана), отдав за него свою дочь Махтум ханум, которая подарила правителю калмыков двоих сыновей и дочь. Последняя была выдана замуж за Кадыр Берди, сына Керим Берди дуглата. Кыргызы, участвовавшие в том походе, дошли до Иссык-Куля и Западного Тянь-Шаня.

В 1426 году кыргызы потеряли власть в ойратской конфедерации. Эсенхухан ушел вглубь страны и затаился. Участие кыргызов в этих походах намного усилило позиции их тяньшаньских сородичей – племен отуз уул, обитавши[на территории современной Ошской области. Так, в китайских источниках минской эпохи, наряду с Кашгаром, Хами, Илибали, имевшими торговые связи с Китаем, упоминалось и небольшое владение Кыргыз.

2) Абабарци – преемник Мунке Темира

В 1439 году умер глава калмыков Тоган. Борьба за власть в конфедерации и противоречия между кыргызами, ойратами и монголами продолжались. После смерти Тогана ойратами правили его сын Эсен хан, а затем внук Хоэрхуда. Эсен хан (1439-1455 гг.), видевший в предводителе кыргызов Эсэнхухане своего основного соперника, начал самую ожесточенную военную кампанию против него. В эту эпоху кыргызские земли в Восточном Туркестане, завоеванные во времена Мунке Темира, вновь перешли в руки ойратов.

Однако, Эсэнхухан, собрав все силы кыргызов, в решающем сражении нанес сокрушительное поражение Эсен хану ойратскому. После этого поражения Эсен хан прекратил совершать набеги на кыргызские земли. Возможно, неслучайно в эпосе «Манас» отражены персонажи (калмыкские ханы) – Эсен хан и Конурбай (Хоэрхуда), считавшиеся основными врагами Манаса и его народа.

Но все же это поражение не могло полностью парализовать или хотя бы ослабить ойратов. Эсен хан оставался самым влиятельным князем в ойратском союзе. В 1449-1450 гг. ему удалось объединить все племена ойратской конфедерации под своим знаменем и совершить поход в Пекин. В этом походе кыргызов возглавлял Абабарци-чинсанг (Акбарджин). Войска Эсен хана не смогли взять Пекин, однако им удалось взять в плен китайского императора. По мнению ученых Е.Кычанова и Т.Бейшеналиева, этот поход перекликался с одним из основных сюжетов эпоса «Манас» –«Большим походом» в Китай [305.].

В 1459 году, после смерти Эсен хана, воспользовавшись дворцовыми беспорядками, власть захватил Магу-кэрцисы (кыргыз), который сразу после вступления на престол, вновь объявил государство Татарским. Однако, правил он недолго, вскоре был убит своими соперниками. Но этим не решилась проблема власти в стране. Преемник Эсен хана Хоэрхуда после смерти отца не смог навести порядок в своем владении.

Вскоре ойратская конфедерация распалась под ударами монголов, что заставило первых в поисках убежища и спасения бежать с насиженных мест в разные уголки Степи. В результате ойратское общество разделилось на несколько самостоятельных княжеств, которыми руководили Хоэрхуда, Амасанджи-тайши (Аши-Тэмур) и др. Кыргызами правил Абабарци-чинсанг, который, по мнению А.Байтура, являлся преемником Эсенхухана.

В эту эпоху интересные события разворачивались в Моголистане. Борьба за власть между сыновьями Вейс хана (племянница кыргызского князя Сары Бугу была одной из жен Вейс хана) завершилась в пользу Эсен Бука хана, не оправдав ожиданий тимуридов и ойратов, имевших свои интересы в этой междоусобной войне. После поражения Юнус хана (мать

была из кыргызских кыпчаков) кыргызским племенам пришлось бежать к ойратам на север, чтобы скрыться от Эсен Бука хана.

Приход моголистанских племен послужил усилению распространения ислама среди ойратских князей, что стало причиной войны между ойратами и Моголистаном. Так, у Мухаммеда Хайдара (1499-1551 гг.) на этот счет есть конкретные сведения. Согласно его данным, сестра Юнус хана (и Эсен Бука хана), жена вождя калмыков Эсен тайши Махтум-ханум обратила подвластных ей людей в мусульманство, а двух своих сыновей назвала Ибрахимом и Ильясом. На этой религиозной почве между царевичами и Амасанджи-тайшой возникли враждебные отношения. Далее он отмечал, что последний бежал от них с 300- тысячным войском в Моголистан. В решающем сражении, состоявшемся в долине р. Или, Юнус хан потерпел поражение и вынужден был отступить в Ферганскую долину.

После 1468 года разделенные на мелкие владения ойраты уже не имели былой славы. Торговые отношения между ойратами и Китаем сошли на нет, поэтому они пытались закрепиться в городах Сыр-Дарьи и Средней Азии. В 1469 году преемник (сын) Эсен хана Хоэрхуда переселил часть ойратов на север, к берегам Волги, другая часть ушла на восток, третья, самая большая группа ойратского народа переселилась в Восточный Туркестан.

Отметим, что калмыки во главе с Амасанджи-тайши (Аши- Тэму-ром) до распада своей конфедерации успели разгромить войска Абухайрхана (в 1457 году), что положило начало распаду государства кочевых узбеков на Алтае. Следующим на очереди стоял Моголистан, глава которого (Юнус хан) потерпел сокрушительное поражение в битве на р. Или. Однако, ойраты не смогли удержаться в Моголистане и возвратились в Степь. Для этого были веские причины. Правитель Хами был в родственных отношениях с Абабарци (его мать приходилась младшей сестрой Абабарци). После распада ойратской конфедерации, используя свои родственные связи, Абабарци решил закрепиться в Восточном Туркестане. И это ему удалось. В 1469 году он с подвластными кыргызскими племенами переселился в районы торговых центров Хами, Баркуля и Басыхо (Барскуль). В этом регионе расположились кыргызские племена сяолету (солто), челикэ (черик), сяоши, кэшиту (кушчу) [85. - С. 20-21.] и др.

С приходом Абабарци кыргызы вновь стали хозяевами своих земель в Восточном Тянь-Шане. Они продолжали вести политику Эсэнхухана и не давали возможности ойратам появляться и кочевать в Восточном Туркестане.

Кыргызы в целях укрепления своих позиций и отстаивания интересов в регионе в новой разразившейся между Моголистаном и ойратами войне решили воевать на стороне первых. Очевидно, во многом этому способствовала сложившаяся обстановка в Моголистане, где к тому времени

партия Юнус хана смогла взять реванш и пришла к власти, что обусловило возвращение моголистанских кыргызов, байринов (бааринов), булгаджи, хазладжи и других, скрывавшихся на севере от Эсен Бука хана.

В 1484 году кыргызы, поддержав сына Юнус хана Ахмеда, провозгласили его своим ханом. Ему удалось в двух основных сражениях дать достойный отпор врагу и остановить продвижение калмыков в западном направлении. Ойраты были вынуждены отступить в Степь. Впоследствии Ахмед хан за свою особую жестокость был прозван ойратами Алача ханом (букв. кровопийца).

Позже сыновья Ахмед хана – Султан Саид хан и Султан Халил также были признаны кыргызскими ханами. Идея отражения натиска врага согревала души кыргызов и сыграла большую роль в сближении и укреплении отношений между различными кыргызскими группировками. Благодаря этому кыргызы в XV веке создали свое независимое ханство, во главе которого стоял Мухаммед Кыргыз. Неслучайно, что в эпоху объединения кыргызских родов этноним «кыргыз» вновь превратился в политоним. В трудное для народа время кыргызские вожди, присоединив к своему имени этноним «кыргыз», желали придать ему собирательный характер, что играло важную роль в объединении этноса и централизации власти в одних руках.

Таким образом, переселение енисейских кыргызов во главе с Абабарци на Тянь-Шань повлияло на ход истории и этнические процессы в регионе. Это особенно отразилось на жизни моголистанских кыргызов, которые из второстепенного этноса превратились в XV веке в один из ведущих народов края.

3) Мухаммед Кыргыз – правитель независимого Кыргызского ханства

В XIV веке, в период войн между империей Тимура (1336–1405 гг.) и Токтамыш-ханом, интересующий нас регион входил в состав владений Золотой Орды и являлся театром военных действий, где сражались ее союзники – Анга Торе, Салучи-Булгачи и кыргызы. Амир Тимур планировал захватить Моголистан и использовать его как плацдарм для нападения на Золотую Орду. Токтамыш-хан, хорошо зная замыслы противника, начал поддерживать князей Моголистана – Анга Торе и эмира дуглатов Камар ад-Дина, подстрекая их против своего врага, Амира Тимура. Пользуясь случаем, кыргызы активно включились в дворцовые интриги между царевичами-чингизидами с одной стороны и в борьбу между Золотой Ордой и империей Тимура с другой.

В связи с вышеизложенным мы считаем, что «Маджму ат- Таварих» С. Ахсикенди представлял, прежде всего, политический заказ кыргызской политической элиты XVI века, которая в тот период решилась испытать свое счастье и побороться за власть на Тянь-Шане (Моголистане) и в Средней

Азии. Неслучайно в исторических источниках упоминаются предводители кыргызов и казахов – Мухаммед Кыргыз и Тагир-хан, которые носили мусульманские имена и заключили союз против чингизидов Моголистана. В интересующий нас период, согласно данным исторических источников, кыргызы стали ведущим этносом в Моголистане. Они смогли образовать сравнительно небольшое ханство и провозгласить своего хана с тронным именем Мухаммед Кыргыз, что давало ему право на власть не только на Тянь-Шане, но и на всей Средней Азии. Источники сообщают, что Мухаммед Кыргыз пытался захватить города Ташкент, Туркестан и Сайрам [166. - С. 444.].

В целом можно подчеркнуть, что в «Маджму ат-Таварих» (хотя и в эпической форме) отражены наиболее яркие события, связанные со смертью Тоглук Тимура, когда его преемник Ильяс Ходжа, из-за своей слабости, не смог взять под контроль крупные кланы и племена, прежде всего дуглатов, канглы, кыргызов, кыпчаков и других. После смерти Тоглук Тимура в Моголистане и Мавераннахре сталкиваются интересы Амира Тимура, Токтамыш- хана, могольских князей Камар ад-Дина, Анга Торе и кыргызов. Политическая ситуация усугубляется после убийства преемника хана Ильяса Ходжи и всего его семейства со стороны эмира дуглатов Камар ад-Дина.

В данный период Моголистан был втянут в долгую и непрекращающуюся борьбу между различными политическими группировками за господство в регионе. В этой борьбе важную роль сыграл религиозный фактор. После прихода к власти Тоглук Тимура в 1348 году и объявления ислама государственной религией в 1354 году открылись новые возможности для усиления власти чингизидов, которые с тех пор начали претендовать на власть в Мавераннахре и всей Средней Азии. Кочевая знать получила новые возможности для политической борьбы и обогащения.

Однако, после смерти Тоглук Тимура и его преемника Ильяса Ходжи, в Моголистане и Мавераннахре столкнулись интересы различных политических группировок – улусов и союзов племен, борющихся за власть. Новыми хозяевами региона не прочь были стать дуглатский эмир Камар ад-Дин, могольский князь Анга Торе, который опирался на кыргызов. Между ними развернулась жесткая борьба за власть и лидерство в регионе. Эмир дуглатов Камар ад- Дин был известен тем, что уничтожил царствующий род чингизидов, убив все семейство Ильяса Ходжи.

В версии эпоса «Манас» С. Ахсикенди описаны события тех времен – жестокое противоборство и борьба Токтамыш-хана и его союзников – Манаса, Анга Торе, Салучи-Булгачи – с Ильясом Ходжей (сыном владыки Моголистана Тоглук Тимура) и могольским князем Камар ад-Дином за власть в Моголистане [58. – С. 46-83]. Сюжеты, посвященные этим событиям, прежде всего, подчеркивают, что Анга Торе и кыргызы были против захвата и установления личной власти Камар ад-Дина в Моголистане.

Поэтому они выступали против Камар ад-Дина, не давая ему усилиться и установить полный контроль над регионом.

Следовательно, в результате политического кризиса, сложившегося в Моголистане, активизировались кыргызы, укрепившиеся в Центральном Тянь-Шане. Долина реки Талас превратилась в политический центр кыргызов, где, согласно «Манасу» С. Ахсикенди, находилась ставка их предводителя Манаса. Однако одной из главных целей и задач книги С. Ахсикенди было обеспечение безупречной генеалогии предводителя кыргызов Мухаммеда Кыргыза, который в тот период сделал политическую заявку, претендуя на власть в Моголистане и Средней Азии.

Исторические источники сообщают об очередном этапе активности кыргызов в Моголистане в эпоху правления Вейсхана и его потомков в XV–XVI веках. Походы Тимура и усиление ойратских племен на востоке заставили могольские роды забыть старые обиды и снова объединиться под единоначалием хана. В XV веке на могольский трон вступил Вейс-хан.

В эпоху правления Вейс-хана кыргызы были признаны одной из могущественных политических сил в Моголистане. Правители отдельных кыргызских кланов вошли в близкое окружение хана. Например, кыпчаки, кушчи и другие. Моголы и кыпчаки были признаны брачующими родами. Таким образом, Вейс-хан и его преемники усиливали свои позиции среди тюркских племен, устанавливая родственные связи через брачные союзы между двумя домами. Вейс-хан имел двух сыновей: от моголки – Эсенбуку, а от кыпчачки – Юнус-хана. Д. Сапаралиев пишет, что Вейс-хан был женат на дочери или внучке Сары Буги, правителя области Кыпчак [443.].

Признание Вейс-ханом кыргызов как одной из основных политических сил было вынужденной мерой, поскольку в то время стране угрожала внешняя опасность со стороны Ойратской державы. Однако это усложнило ситуацию в стране, когда встал вопрос престолонаследия после смерти Вейс-хана. Могольские кланы желали видеть на троне Эсенбуку, сына Вейс-хана от моголки, а тюркские кочевники – Юнус-хана, сына от кыпчачки. В период политических интриг Юнус-хана поддерживали тюркские роды – кыргызские племена булгачи, кыпчаки, баарины, кончи (сагарачи), кушчи и другие. На стороне Юнус-хана были тюркские племена не только со стороны родственников по материнской линии, но и по линии родственников жены царевича. Юнус-хан был женат на дочери знатного бека из племени сагарачи (или кончи) Шер Коджо – Исан Даулет ханум. Ее братья Али Дос Тагай и Мир Кыяз Тагай служили при дворе тимуридов. Выше мы писали, что племя сагарачи (кончи) имело родственные связи или являлось предком кыргызского племени мундуз, которое в своем родоплеменном составе имело подразделения кончи-мундуз и айбаш мундуз.

Однако, Эсенбука, в целях усиления своего влияния на тюркские племена, разрешил переселиться казахским князьям – Жаныбеку султану и

Гирею – в долину реки Талас в Моголистан. Однако, после смерти хана они были вынуждены вернуться в свои прежние места обитания.

В межклановой борьбе победила могольская партия. Племена проигравшей стороны, после того как Эсенбука был объявлен ханом, были вынуждены покинуть страну, опасаясь возмездия новоиспеченного хана. Многие племена мигрировали на север, в том числе и кыргызы. Каждое племя спасалось самостоятельно, в зависимости от кровно-родственной близости. По сообщению М. Хайдара, племена чорасов и бааринов ушли к калмакам, сыну Эсен Тайши – Амасанджи Тайше, а калуджи и булгаджи – к Абул-Хайр хану. Согласно сведениям китайского источника «Си юй чжи», в это время кыргызы ушли на север, примерно в районы южных предгорий монгольского Алтая [450. – С. 63]. Однако в родословной кыргызов вышеупомянутые чоросы и баарины указывались как потомки сына легендарного предка народа Тагай-бия Кара Чоро под названиями кара чоро и баарын [60.-С. 101-102.].

Сторона Юнус-хана, проигравшая борьбу за трон, потерпела поражение. Беки Иразан Барин и Мирак Туркман с 30 000 могольскими семьями бежали с малолетним царевичем в Самарканд к тимуриду Улугбеку. Юнус-хана отправили на воспитание к его отцу Шахруху в Герат. Шахрух воспитывал его 12 лет, дав ему хорошее образование.

В 1456 году тимурид Абу Саид отправил Юнус-хана во главе войска воевать с Эсенбукой. Юнус-хану удалось овладеть западным Моголистаном. Центр его владений сначала находился в Кашгаре, а затем в Яркенде.

Поддержка тимуридов помогла Юнус-хану привлечь на свою сторону большинство моголов и тюркских племен Тянь-Шаня и Алтая. Это также способствовало возвращению беглых племен кыргызов, кыпчаков, баринов, булгачи и других с севера на Тянь- Шань. Кыргызы оставались верными союзниками Юнус-хана и продолжали поддерживать его в борьбе за власть против Эсенбуки. После смерти Эсенбука хана в 1462 году на трон был возведен Юнус-хан.

Таким образом, с помощью тимуридов и тюркских племен – кыргызов, кыпчаков, баринов и других – Юнус-хан вернулся в Моголистан. Следует отметить, что эти группы кыпчаков, баарынов, как и племя азыков составляли тяньшаньскую ветвь союза племен аз-ширинов, которые входили в состав улуса Анга Торе.

Кыргызы, в целях дальнейшего укрепления своих позиций и отстаивания своих интересов в регионе, в новой войне между Моголистаном и ойратами решили воевать на стороне первых. Очевидно, что в войнах между моголистанским Юнус-ханом и ойратским Аши-Тэмуром в 1470-1471 годах интересы первого совпадали с интересами кыргызов, которые стремились защитить свои земли в Восточном Туркестане и не допустить продвижения ойратов на Тянь-Шань.

В 1484 году кыргызы, поддержав сына Юнус-хана Ахмеда, провозгласили его своим ханом, по традиции подняв его на белом войлоке. Ему удалось в двух основных сражениях дать достойный отпор врагу и остановить продвижение калмаков в западном направлении. Ойраты вынуждены были отступить в Степь. Впоследствии Ахмед-хан за свою особую жестокость был прозван ойратами Алача-ханом (букв. «кровопийца»).

В начале XVI века кыргызы во главе со своим предводителем Мухаммед Кыргызом стали претендовать на политическое первенство в Моголистане. Ведя активную политику по ликвидации гегемонии моголов в регионе, кыргызы начали открыто притеснять последних. После смерти Ахмед-хана в 1504 или 1505 году в стране разразился политический кризис, способствовавший вмешательству других заинтересованных политических сил. На трон, вместо умершего Ахмед-хана, взошел его старший сын Султан Мансур. Однако его младшие братья – Султан Халил и Султан Саид – не желали, чтобы власть перешла к Мансур-хану. В результате вспыхнула междоусобная борьба за трон между сыновьями Ахмед- хана. Султан Саида и Султан Халила поддержали кыргызы. Султан Халил был провозглашен ханом кыргызов.

В 1508 году Мансур-хану удалось одержать победу над силами своих братьев в местности Чарын Чулак в Илийской долине, что вынудило их бежать. Однако хан Мансур не смог удержаться в Центральном Тянь-Шане и был вынужден отступить из-за действий отрядов другого могольского князя Абубакира, который контролировал северные районы Моголистана и использовал силы кыргызских племен в войне. Видя в кыргызах зачинателей всех смут и беспорядков в стране, Мансур-хан увел их с собой в Чалыш (Карашар), где значительная часть была истреблена. В Моголистан вернулись лишь те, кто сумел спастись бегством.

Султан Халил и Султан Саид, проигравшие решающее сражение, были вынуждены бежать из страны. Султан Халил укрылся в Фергане, где местные князья утопили его с семьей в реке Сырдарье. Однако сохранившееся о нем предание указывает на то, что, вероятно, он был похоронен в родовой могиле кыргызов в Арсланбабе. Согласно легенде, Султан Жалил/Халил из племени тору кыпчак жил в Арсланбабе. У него был сын — Султан Кылыч-хан, а у того — Кылыч Арстан, который построил минарет в Узгене и Таш-Рабат в Атбаши. Однако Арстан Кылыч был обвинен в том, что принял веру калмаков, когда те захватили Среднюю Азию. Султан Саид же сначала скрывался в лесах вблизи Нарына. Позднее, переодевшись в одежду дервиша, он отправился к своему двоюродному брату Султану Бабуру в Афганистан.

Не исключено, что Султан Саид бежал в земли своих союзников – кыргызов, которые в то время, по сообщению Ибн Вали, жили в районах

одноименной реки Кыргыз. Б. Ахмедов связывает упомянутую реку Кыргыз с рекой Кара-Мурен на восточной оконечности Тянь-Шаня [240. - С. 139.]. Однако, О.Караев отождествил ее с рекой Манас, расположенной в пределах Моголистана [238. - С. 139]. Т. Машрапов, в свою очередь, предполагает возможное отождествление реки Кыргыз с рекой Нарын. Он пишет: «Махмуд ибн Вали также упоминает большую реку под названием река Киргиз, протекающую по Моголистану. «Река Киргиз находится на территории Моголистана, вблизи жилищ племени (киргиз)…» [350. – С. 27-37.]. Возможно, автор имеет в виду реку Нарын – верхнего притока Сырдарьи, но из-за скудности сведений, трудно ее точно отождествлять» [350. - С. 27-37.]. Выше мы отмечали, что по определенной информации еще до X века река Манас носило название Ли-и- дэ-Цзян, и лишь позже, вероятно, в X-XI веках, она стала называться Манас. Река, как топоним, связанный с «Манасом», была зафиксирована в 1261 году Елюй Си Ляном [133.– С. 28.]. Ее название не изменялось до сих пор. В связи с этим более вероятно, что под рекой «Кыргыз» имеется в виду река Нарын, которая могла изменить название в монгольскую эпоху. Очевидно, что именно через реку Нарын Султан Саид, с помощью кыргызов, смог благополучно перебраться к Султану Бабуру.

В 1508 году, воспользовавшись очередным политическим кризисом в стране, кыргызы провозгласили своим ханом Мухаммед Кыргыза, подняв его на белом войлоке. Таким образом, кыргызы сформировали свое независимое ханство во главе с Мухаммед Кыргызом, а его ставка находилась в нынешнем селе Барскоон на Иссык-Куле.

Однако проблема власти в стране не была решена. В 1510 году, с вовлечением в династийную борьбу Султана Бабура, следившего за событиями в Моголистане из Кабула, междоусобица усилилась. Поддерживая Султана Саида, который скрывался до этого в Кабуле, Бабур стремился укрепить свои позиции в Моголистане, чтобы заручиться поддержкой для предстоящего похода на Индию.

С помощью Бабура в 1510 году Султан Саид овладел городом Андижан. Благодаря поддержке Бабура Саид хан добился признания большинства могольских, кыргызских и других племен. Сразу после захвата Андижана недовольные правлением Абубакира дуглатские знатные князья и могольские эмиры – Сейит Мухаммед (родной брат Абубакира), Махмут султан, Бекчик мырза и Пишкек мырза – ушли к Султану Саиду в Андижан.

Вскоре о своей поддержке Султана Саида заявил предводитель тяньшаньских кыргызов Мухаммед Кыргыз. В то время кыргызы делились на два объединения – северных кыргызов и бурутов (южных). Первые жили в Центральном Тянь-Шане, и ставка их предводителя Мухаммед Кыргыза находилась в районе нынешнего села Барскоон на Иссык-Куле. Кыргызы – буруты, в свою очередь, кочевали в районе Хами. Ставка их предводителя,

Бу-лювана (правителя бурутов), располагалась к северу от Хами, в местности Басыко (Барскуль) [85. - С. 20-21.].

В этот период кыргызы представляли собой довольно многочисленный народ. По подсчетам китайских историографов, их численность составляла более 100 тысяч человек. Племя сяолету (солто), управляемое вождем Ибрагим-онганом, насчитывало около 7 тысяч человек. Солтинцы обитали в районах Басыко (Барскуль). Племя Бек-Арслана (Цзяцзясылан), или емекэли (дикие меркиты), насчитывало примерно 50 тысяч человек и кочевало в окрестностях Хами. Также в горных районах Восточного Притяньшанья – Хами, Барскуля и других местах – проживали племена кэшиту (кушчу), челикэ (черики), сяоши (саяки) [85. - С. 20-21.] и др.

По распоряжению Султана Саида, предводитель кыргызов Мухаммед Кыргыз был отправлен в страну Яркенд, где ему удалось узнать, что Абубакир не в состоянии собрать достаточно войск для отражения нападения хана. Осенью 1514 года, опираясь на объединенные силы кыргызов, могольских князей и эмиров, Султан Саид без боя овладел Кашгаром, Янги Хисаром, Яркендом и другими городами. В результате этих действий в Восточном Туркестане было сформировано Яркендское государство (или государство Саид Султана), в котором кыргызским предводителям были предоставлены важные посты, что значительно укрепило их позиции в регионе. Особой чести удостоился Мухаммед Кыргыз, оказавший большую помощь хану в борьбе с Абубакиром. Саид Султан поставил его во главе своего народа и наградил его «поясом для сабли, золотыми сосудами, серебряными чашками и прочими ценными подарками за его многочисленные труды и старания».

Получив весть о взятии Кашгара и создании Яркендского государства, к Султану Саиду от Бабура ушел его главный советник Али Дост Тагай, который всю жизнь был верным придворным вельможей у тимуридов и возглавлял правое крыло войска султана. В 1516 году в Арбате (Восточный Туркестан) состоялась встреча Мансур хана и Султана Саида, которая завершилась примирением противоборствующих сторон. Восточный Туркестан был разделен между могольскими царевичами. Мансур хану достались Турфан и Карашар, и он был признан верховным правителем Восточного Туркестана. Эмиль Ходжа получил Уч- Турфан и Аксу, а третий – Бабачак Султан Бай и Кучу.

Правитель кыргызов Мухаммед Кыргыз всегда пытался вести самостоятельную политику, что вызывало недовольство со стороны центральной власти. Однако авторитет и слава кыргызского правителя росли с каждым днем. В 1517 году Мухаммед Кыргыз совершил набеги на города Сайрам, Ташкент и Туркестан [163.- С.460-461.]. Клин между Султаном Саидом и Мухаммедом Кыргызом был вбит после того, как предводитель

кыргызов пощадил и отпустил правителя Туркестана, узбекского царевича Абдуллу, сына Кучкунчу, который был взят в плен, при этом он был отпущен с почестями. Это насторожило Султана Саида, который начал подозревать своего недавнего союзника в измене, полагая, что правитель кыргызов мог вступить в тайный союз с шейбанидами против хана. В том же 1517 году Султан Саид выступил против Мухаммеда Кыргыза. Войска хана моголов, незаметно подойдя к ставке правителя кыргызов в Барскооне (на Иссык-Куле), внезапно напали. Мухаммед Кыргыз был схвачен и доставлен к Султану Саиду. Однако хан не решился на казнь правителя кыргызов, который обладал большим авторитетом и поддержкой среди своих соплеменников. Он лишь строго предупредил его: «По обычному праву кочевников (тура) и по всем правилам тебе следовало бы быть преданным смерти. Но я великодушно прощаю тебя», – сказал хан. По приказу Султана Саида Мухаммед Кыргыз был заключен в оковы и передан под охрану Улусбегу Сеид Мухаммеду.

Однако арест Мухаммеда Кыргыза не принес желаемого результата хану моголов. Зимой того же года он был вынужден покинуть Центральный Тянь-Шань. В 1521 году Султан Саид хан решил окончательно подчинить себе кыргызов. Во главе войска, направленного к кыргызам, стоял Рашид (которого кыргызы называли Иреше хан) – тринадцатилетний сын хана. Вместе с ним был отправлен Мухаммед Кыргыз, освобожденный из заточения, чтобы вызвать у кыргызов снисхождение и подчинить их власти хана. Ставка молодого царевича располагалась в Кочкорской долине.

Мухаммед Кыргызу удалось собрать вокруг себя большинство кыргызских племен, значительно укрепив свое влияние в Моголистане. Число его войск быстро увеличивалось, в основном за счет местных кыргызских, казахских и других тюркских племен. Даже регулярные визиты Султана Саида на ставку молодого царевича в Кочкорской долине не могли остановить укрепление позиций кыргызов в регионе.

В конце концов, осознав силу и мощь кыргызского правителя, Рашид Султан был вынужден покинуть Моголистан и вернуться в Кашгар.

В 1524 году султан Саид хан зимовал в Кочкорской долине. Здесь он узнал об укреплении позиций и росте авторитета Мухаммед Кыргыза среди кыргызских племен. Ему также стало известно о встрече Мухаммед Кыргыза с казахским султаном Тагиром. Возвращаясь в Кашгар, султан Саид вновь распорядился арестовать правителя кыргызов. На этот раз Мухаммед Кыргыза подозревали в союзничестве с Тагир ханом, правителем казахов, с целью противодействия ханской власти. Мухаммед Хайдар по этому поводу писал: «Его неповиновение стало явным, потому что (он) начал искать поддержки у казахов. По этой причине Мухаммед Кыргыз оставался в заключении и был освобожден из заточения лишь после смерти хана».

Однако, как предполагают, несмотря на аресты, Мухаммед Кыргыз до конца своей жизни продолжал править кыргызским ханством. При нем окончательно сформировалась этнополитическая структура кыргызов – он (правое крыло) канат, сол (левое крыло) канат, ичкилик (внутренние), что фактически обозначало государственное устройство народа.

Как уже было отмечено выше, в период правления Мухаммед Кыргызом кыргызы состояли из двух крупных объединений: кыргыз (северные), с центром в Барскооне, и буруты (южные), с центром в Хами [85. – С. 20-21.]. Первым объединением, кыргызами, руководил Мухаммед Кыргыз. Буруты, расположившиеся в районе Хами, пришли сюда после распада Ойратской конфедерации в 1468 году. Правитель кыргызского тумена Абабарци-чинсанг (Акбарджин-чинсанг, внук Мунке Темира) привел свой народ в район Хами, где правил его племянник (сын его младшей сестры). Несомненно, в этом регионе буруты слились с кыргызами улуса Анга Торе и другими племенами. В связи с этим среди племен, населявших районы по соседству с Хами и Барскулом, встречается название племени черик [85. – С. 20-21.].

Итак, из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что в XIII–XVI вв. на Тянь-Шане происходили важные политические, миграционные и этнические процессы, сыгравшие значительную роль в истории кыргызского народа. В период противостояния Хайду-хана с Хубилаем миграции бывших объединений улуса Хорчи в Восточное Притяньшанье создали благоприятные условия для продвижения сюда, в том числе, кыргызских племен. В результате кыргызы активизировались в регионе и стали принимать активное участие в политических и этнических процессах, происходивших в рамках государства Моголистан.

В XIII–XVI вв. кыргызы переживали важный период своей истории, связанный с консолидацией кыргызских племен на Тянь-Шане. После краха государства Хайду-хана кыргызы, моголы, кераиты, канглы и другие племена сыграли важную роль в формировании улуса Анга-Торе и государства Моголистан, что способствовало началу консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане в монгольский период. В этот период кыргызы образовали ряд владений в Притяньшанье, в том числе улусы Анга-Торе, Салучи-Булгачи и другие. Первый этап консолидации кыргызов был связан с именем Анга-Торе и проходил в рамках его улуса.

В последующий период кыргызы продолжали активно участвовать в этнических и этнополитических процессах на Тянь-Шане. Во второй половине XV — начале XVI вв. кыргызам удалось создать независимый от власти чингизидов Кыргызский улус во главе с Мухаммедом-Кыргызом, при котором происходит второй этап консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане.

Анализ показывает, что кыргызы и моголы сыграли значительную роль в этногенезе ряда народов и этнических групп Восточного Туркестана. Таким образом, рассматриваемые миграционные и этнополитические процессы способствовали не только консолидации кыргызских племен, но и превращению кыргызов в один из ведущих этносов Тянь-Шаня.

Заключение

Настоящая работа посвящена проблемам миграционных и этнических процессов кочевников Притяньшанья и сопредельных регионов в VIII–XIV вв. В исследовании рассмотрены история и происхождение кочевых племен Притяньшанья, миграционные процессы и тюркизация населения Саяно-Алтая и Тянь-Шаня, а также вопросы происхождения и этногенеза кыргызского этноса. Особое внимание уделено миграционным волнам восточных кочевников на запад, их участию в этнических процессах тюркского и монгольского периодов и выявлению степени родства енисейских и тяньшаньских кыргызов.

Одним из основных направлений исследования стало изучение происхождения этнонима «кыргыз». Автор рассматривает его сквозь призму географических и ландшафтных особенностей ареалов проживания кыргызов. Согласно предложенной гипотезе, название могло быть связано с горным ландшафтом, многочисленными ущельями и узкими проходами; в этом контексте «кыргыз» может интерпретироваться как обозначение населения горных ущелий (от «кыр» — гора и «кызаа» — ущелье), проживавшего в горных и горно-таежных районах Саяно-Алтая и Тянь-Шаня.

Важное место в исследовании занимает проблема азов. Анализ источников и научных исследований позволяет проследить расселение азских групп на обширной территории Евразии — от Алтая и Западной Монголии до Тянь-Шаня, Приуралья, Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа. В VIII–X вв. отдельные группы азов продвигались на запад, участвуя в формировании различных военно-политических и этнических объединений.

В этом отношении особое значение имеет вывод В. В. Бартольда о тождестве тюргешских азийцев с народом аз, упоминаемым в орхоно-енисейских текстах [68.-С. 36.].

Проведенное исследование подтверждает мнение ученых, связывавших этногенез кыргызов с азами, составлявшими аристократическую и военно-политическую верхушку древнекыргызского общества. В связи с этим азы в исторических источниках могли выступать как под собственным названием аз, (ус, ис), так и под более широким этническим обозначением «кыргыз». Семиреченские и рунические азы, согласно предлагаемой реконструкции, состояли из двух территориальных групп. Восточные азы были связаны с Минусинской котловиной и районом Ангары, тогда как западные — с Тянь-Шанем и землями нушиби в Таласе, где располагались два владения асиги (азы). Важным аргументом в пользу этой связи являются данные о двух владениях азов, их территориальной

локализации и сопоставлении Аргу-Тага (на Тянь-Шане) и Аркуй-Булака (Западая Монголия) с районами расселения древних азов и кыргызов.

Особое значение имеют сведения о районе Аркуй-Булака, или Серебряной горы Монгур/Манкур. Согласно реконструкции Ю. А. Зуева, в этом районе локализовались серебряные усинцы (азы), представлявшие восточную группу енисейских кыргызов; земли их владений находились в окружении семи кимакских племен. В докимакскую эпоху восточные земли кыргызов, включая владения Ус и Кяньжоу, а также наиболее восточные области Иланьжоу, Ханьхэна и Анкэла (Ангара), входили в сферу Кыргызского каганата [345. – С. 26]. В эпоху Кыргызского Великодержавия енисейские кыргызы укрепили свои позиции во владениях Кяньчжоу, Ус и Анкэла на Ангаре, где вступили в тесные этнополитические связи с кимаками и кыпчаками. Кяньчжоу, преобразованное в Кэмкэмжиут, впоследствии превратилось в одно из крупных владений Западной Монголии. Вероятно, значительная группа кыргызов консолидировалась именно в землях Кэмджикета в Центральной Туве. По некоторым данным, потомки средневековых кыргызов, сохранившие этноним «кыргыс», фиксировались в населённых пунктах и местностях Барык, Хайрахан, Ийи-Тал, Кара-Тал и Эйлиг-Хем, расположенных преимущественно в бассейне и верховьях Улуг-Хема. Здесь компактно проживали тувинские племенные группы кыргыс, кара-монгуш, монгуш (мунгуш), куулар (куу ул, кубул), тулуш (долос), саай (саяк) и др., названия которых соответствуют и в ряде случаев тождественны наименованиям кыргызских племен.

Активность кыргызов в восточных районах и их этнополитические связи подтверждаются письменными источниками. Аль-Идриси характеризует страну киркиров как обширную и плодородную, связанную с крупной рекой Манхаз (Манхар) [213. – С. 106]. В «Худуд ал-Алам» отмечается, что жители одной из областей Кимакского каганата «напоминают по своим обычаям хырхызов» [345. – С. 50]. Это свидетельствует не только о территориальном соседстве кыргызов и кимаков, но и о существовании между ними тесных этногенетических, этнополитических и этнокультурных связей. Сходство отдельных представлений о реках и речных духах у усинцев и кимаков также указывает на длительное взаимодействие этих групп [360. – С. 75; 15. – С. 279].

Касаясь проблемы этногенеза кимаков и кыпчаков, автор отмечает немаловажную роль в этом процессе енисейских кыргызов, особенно племен багов, связанных с почитанием красивых деревьев и сокола. Возможно, позднее из последних выделились аристократические группы под названием агач-эри, которые, вероятно, сыграли немаловажную роль в этногенезе кимаков и кыпчаков, происхождение которых также связывается с лесной зоной. Агач-эри, возможно, также могли называться бурутами — «лесным племенем» (от борулу).

Автор рассматривает имена правителей кимаков-команов Кобяк и Кончак в связи с термином «кобук», использовавшимся в генеалогии кимаков и кыпчаков и связывавшим их происхождение с лесным массивом. В этой связи «кобук» сопоставляется с именами Кобяк и Кончак, а «агач-эри» — с этнонимами куман («лесные люди»), манку («лесные люди») и тувинским тыва-кижи («лесные люди»). На основании этих сопоставлений предполагается, что агач-эри могли представлять предков кимаков и кыпчаков, которые являлись близкородственными этнополитическими объединениями. Также предлагается тувинские племена кыргыс, кара-монгуш, монгуш и куулар рассматривать в качестве потомков кыргызско-кимакского этнополитического сообщества.

Отсюда автор предлагает рассматривать кимаков как одну из групп алтайских кыргызов, в формировании языка, обычаев и традиций которых значительную роль сыграли азы и енисейские кыргызы. В свою очередь, Участие кыргызов в этногенезе кимаков и кыпчаков позволяет предположить, что под кыргызами М. Кашгари сложившими вместе с ябагу и кыпчаками союз против киданей могли подразумеваться аз-шарийа Марвази, возглавившие миграцию восточных племен на запад в XIв. Главенствующая роль и активное участие кыргызов под именем аз-шарийа на Алтае, по мнению автора, подтверждаются сходством антропонимов и этнонимов команов, зафиксированных в мамлюкских источниках и в «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди. Так, имена Аккобул, Мангуш и Дурут, встречающиеся в мамлюкских источниках, сопоставляются с ак-кобул/акуул и мунгуш, известными по труду С. Ахсикенди. Сходство вышеуказанных названий, сохранившихся в качестве личных имен и этнонимов крупных племен кимаков-команов и тяньшаньских кыргызов, позволяет предполагать наличие между ними более глубоких генеалогических и этнополитических связей.

Однако, следует отметить, что генеалогические рассказы о кыргызах в вышеотмеченных источниках перекликались легендой о происхождении народа в «Юаньши», согласно которой кыргызы произошли от сорока девиц (кырк кыз) из страны Хань, вступивших в брачные узы с мужчинами (кырк эр) из владения Усы (владение азов). В связи с чем, страну усинцев стали называть Кыргызской **землей [345.-С.** 53; 356.-С. 75–76].

Отметим, что в данном случае речь идет о владении енисейских кыргызов Ус (аз), расположенного в степях Западной Монголии. В орхоно-енисейских рунических текстах оно отмечалось под названием Йирим аз (владение азов) [23.-С.15.] на Ангаре, где азы имели соседями кимаков, кыпчаков, канглы и др. Затем, азы поэтапно стали мигрировать на запад. Согласно сведениям Махмуда Кашгари, часть племени азкеше («люди аз») мигрировала на запад и была удостоена упоминания наряду с аланами и

касами (касогами), что, без сомнения, указывает на их принадлежность к тюркским племенам [73.-С. 587].

В монгольское время кыргызы продолжали контролировать значительную часть своих прежних владений — Минусинскую котловину, Алтай, а также земли к востоку от Енисея до Ангары. Одними из крупных владений кыргызов были Кыргыз и Кэмкэмджиут. Кыргызы также имели ряд владений в Западной Монголии Ус и Анкэла (Ангара) и др. Таким образом, монгольское завоевание не привело к исчезновению кыргызской политической и этнической среды в Саяно-Алтае и Западной Монголии, но стало началом нового этапа ее трансформации.

Особенностью монгольской эпохи стало усиление ассимиляционных процессов среди восточных групп кыргызского населения. Усинцы и другие кыргызские племена, проживавшие к востоку от Енисея, в районах Ангары, Баргуджин-Токума и Орхона, оказались в зоне интенсивного взаимодействия с монголоязычными племенами. Усинцы, известные ранее как серебряные усинцы, в монгольское время выступают под различными названиями — усуту-мангуны, тартары, су-моалы и др. Часть восточных групп постепенно подвергалась ассимиляции, тогда как другая, стремясь сохранить свою этническую идентичность, могла покидать прежние места проживания и перемещаться на запад, следуя по пути групп, переселившихся из этих регионов еще в тюркскую эпоху. Очевидно, процесс вынужденного переселения усинцев или азов в период возвышения Чингисхана мог быть связан с его завоевательными походами. На это косвенно указывают сведения П. Карпини, который писал, что Чингисхан сначала подчинил су-монголов (татар), а затем меркитов и другие соседние племена [252. – С. 60]. В другом месте Карпини отмечает, что для возвышения «великих монголов» Чингисхану пришлось уничтожить тартар, или су-монголов [252. – С. 177–178].

Племена вынуждены были уходить на Тянь-Шань, в Приаралье, а далее через Северный Кавказ — в Причерноморье, Крым и на Кубань. Значительная часть восточных групп азов и кыргызов, по-видимому, переселилась на запад. По некоторым данным, в монгольское время азы имели свое владение на Северном Кавказе, что свидетельствует о продвижении отдельных азских групп далеко на запад. Это могло найти отражение в географическом приложении к «Равзат ас-сафа» Мирхонда, проанализированном А. Мокеевым, где кыргызы называются ас и приводится одна из версий легенды об их происхождении от сорока девиц — кырк кыз [360. – С. 158–160].

Вероятно, миграции азов и кыргызов усилились в период возвышения Чингисхана и походов Джучи против северных племен. В это же время конгираты, салджиуты, катаркины, дорбоны и другие группы перемещались в районы Алтая и Западной Монголии, находившиеся в сфере влияния

кыргызов. Кераиты и канглы проходили через земли енисейских кыргызов на Алтай, а затем на Тянь-Шань. Отдельные группы мангытов, вытесненные Чингисханом, вероятно, продвигались в сторону азов Приаралья, постепенно закрепляясь в Мангистау и районе Мангышлака.

В дальнейшем восточные мигранты участвовали в формировании улусов Джучи и Чагатая, государства Хайду, а позднее — Моголистана, активно взаимодействуя в рамках чингизидских улусов и государств. В частности, азы и мангыты участвовали в формировании улуса Джучи, объединяясь в племенные союзы, в том числе аз-ширин, включавший азы, бахрины, аргыны и кыпчаки, а также в объединение мангытов. В последующий период аз-ширины связывались с правым крылом, а мангыты — с левым крылом войска Золотой Орды.

Однако в результате новой миграционной волны к западу от Енисея формировалась новая этнополитическая среда, в которой восточные группы кыргызов, усинцы, азы и другие компоненты взаимодействовали и смешивались с пришлыми тюркскими, тюрко-монгольскими и монгольскими племенами — мангытами, салджиутами, конгиратами, дорбонами, кераитами, канглы и др. Поэтому монгольскую эпоху следует рассматривать не только как период монголизации тюркских племён, находившихся к востоку от енисейских кыргызов, но и как время масштабных миграций и этнополитического взаимодействия населения, способствовавших распространению кыргызского этнополитического компонента к западу от Енисея, где, в свою очередь, происходил обратный процесс — тюркизация мигрировавших монгольских племен.

Источники свидетельствуют о формировании новой этнополитической ситуации после образования государства Хайду в 1269 г. и последующей трансформации улуса Хорчи, происходившей на фоне противостояния Хубилая и Хайду-хана, объединившего вокруг себя значительную часть владений улусов Чагатая и Угэдэя. В этот период основные племена, входившие в его владения, в том числе бахрины, черики и другие, переселялись на земли Ак Орды, а часть из них впоследствии перешла на службу к Хайду-хану. Вслед за ними в земли Ак Орды и восточные приграничные районы государства Хайду переселилось большинство племен улуса Хорчи, не желавших быть угнанными вглубь империи Хубилая его полководцем Тутуком. В результате в восточных землях Моголистана и прилегающих районах позднее складывались улусы Кыргыз (улус Манаса), Анга-Торе, Салучи-Булгачи, Бахрин и др., которые стали основой для возрождения кыргызского этнополитического присутствия и последующего участия кыргызов в политических процессах Золотой Орды и Моголистана.

Таким образом, изменение этнополитической ситуации в регионе в связи с образованием государства Хайду сопровождалось очередной волной миграции восточных племён, в том числе кыргызов, на запад. Это создавало

условия для их консолидации в новых политических и этнополитических реалиях. Политическое размежевание улуса Джучи и формирование Ак Орды и Кок Орды на фоне миграции восточных племён сопровождались борьбой различных чингизидских группировок и племенной знати за власть. В этих процессах кыргызы становились одной из основных политических сил Золотой Орды. Чингизиды Ак Орды привлекали на свою сторону союз аз-ширинов и кыргызов.

Однако источники свидетельствуют и о сотрудничестве кыргызов с шибанидами. По данным источников, кыргызы весьма актиын в Золотой Орде. Ибн Вали сообщает о двух мятежах, поднятых кыргызами. Согласно Натанзи, кыргызы содействовали приходу к власти Мубарак-ходжи, а в 1378–1379 гг. союз аз-ширинов и кыргызов поддержал Токтамыша. Ибн Вали также сообщает о покровительстве кыргызов шибанидам в период их противостояния с Амиром Тимуром. Утемиш-хаджи связывает шибанида Ибака-хана с владением, включавшим кыргызов, ногайцев и Казань.

Согласно другим источникам, кыргызы также играли заметную роль в Моголистане, где кыргызы и моголы являлись одними из ведущих этнических компонентов. Мухаммед Хайдар Дулати писал, что кыргызы также относились к могольским племенам, однако впоследствии вследствие религиозных различий и противоречий с хаканами отделились от моголов и стали самостоятельным этнополитическим компонентом [376.–С.178.]. В Моголистане процесс политического возрождения кыргызов сопровождался консолидацией кыргызских племён на Тянь-Шане, первоначально в рамках улуса Анга-Торе, а затем — в объединении Мухаммеда-Кыргыза.

Анализ источников, а также этнополитических и миграционных процессов позволяет рассматривать переселение кыргызов на Тянь-Шань как процесс, состоявший из двух основных этапов: первый относится к периоду Токтамыш-хана и его союзника Анга-Торе, второй — к периоду Абулхайыр-хана и его главного темника Бакаса.

Этнополитические связи кыргызов с шибанидами и ногайцами позволяют рассматривать миграцию части кыргызов с Алтая на Тянь-Шань в контексте похода Абулхайр-хана и Бакаса-мангыта в 1428 г. на юг, в результате которого были покорены ряд городов Мавераннахра и Ферганы. Абулхайр-хан в знак благодарности передал своему темнику Бакасу город Узген, однако позднее Бакас возвратился на Алтай. Эти события обнаруживают параллели с одним из основных сюжетов эпоса «Манас» о переселении кыргызов во главе с Манасом с Алтая в Ферганскую долину и с некоторыми генеалогическими преданиями кыргызов.

Однако миграция кыргызских племен и их консолидация на Тянь-Шане продолжались и в последующий период. После краха кыргызско-ойратского союза в 1468 г. кыргызские группы во главе с Акбарчином Чингсангом, внуком Угэчи Кашка, в 1469 г. переселились в районы Хами,

Баркуля и Басыхо (Барскуль). Впоследствии они объединились с местными кыргызскими племенами. Эти процессы усилили кыргызский компонент и способствовали завершению консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане. В XV–XVI вв. кыргызы становятся одним из ведущих этнополитических компонентов Моголистана, а в XVI в. формируют собственное политическое объединение во главе с Мухаммедом-Кыргызом.

Итак, история кыргызов в тюркскую и монгольскую эпохи представляет собой важнейший этап истории и этногенеза кыргызского народа. В тюркский период кыргызы создали государство на Енисее и сложились как этнос, а в середине IX в., достигнув расцвета, ликвидировали гегемонию Тогуз-огузов и установили свое господство в Центральной Азии. В данный период кыргызы покорили и поглотили алакчынов, вступив с ними в этногенетические и этнополитические связи. Идентифицируя себя как лесной народ агач-эри (бурут), кыргызы сыграли важную роль в этногенезе, а также культурном и языковом обогащении кимаков, кыпчаков и других кочевых сообществ Саяно-Алтая и Западной Монголии. В эпоху Кыргызского Великодержавия сложились благоприятные условия для дальнейшего развития кыргызского этноса, появления новых племен и объединений и его последующей консолидации к началу каракитайской экспансии в XII в.

В монгольскую эпоху эти процессы приобрели новое направление. Часть восточных групп енисейских кыргызов, включая усинцев и связанные с ними компоненты, в условиях ассимиляции покидала прежние районы проживания и перемещалась на Тянь-Шань, в Приаралье и далее на запад. Одновременно в период возвышения Чингисхана мигрировали кераиты, канглы, енисейские кыргызы, конграты, салджиуты, дурманы, мангыты и другие восточные племена. Позднее последние вошли в состав чингизидских улусов Джучи и Чагатая, а также государств Хайду и Моголистана, активно взаимодействуя между собой. Эти процессы способствовали формированию новой этнополитической среды, в которой кыргызский компонент постепенно стал одним из ведущих, создав условия для дальнейшей консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане.

Исследование показывает, что консолидация кыргызских племен на Тянь-Шане проходила в два этапа. На первом этапе она осуществлялась вокруг улуса Анга-Торе, а на втором — вокруг Мухаммеда-Кыргыза, при котором сформировалось сравнительно небольшое самостоятельное Кыргызское ханство на Тянь-Шане.

Таким образом, формирование кыргызского этноса в тюркскую, монгольскую и постмонгольскую эпохи представляло собой длительный процесс миграции, ассимиляции, тюркизации, смешения и политической консолидации различных этнических компонентов, протекавший в едином историческом пространстве от Енисея и Саяно-Алтая до Тянь-Шаня.

Список использованной литературы:

1. Абаев, В. И. О прародине всех тюрков и монголов :«Эргенекон», «Эргунэ-Хун» или Танну-Урянхай? [Текст]/В. И. Абаев//[Электронный ресурс] //Новые исследования Тувы №1. 2011.
2. Абаев, В. И. Скифо-сарматские наречия [Текст]/В. И. Абаев//Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. -С. 272-364. 387 с.
3. Абдуманапов, Р.А. О кыпчакских корнях кыргызского эпоса «Манас» [Текст]/ Р. А. Абдуманапов//Материалы IV региональной конференции (Четвертые востоковедческие чтения памяти С.Г.Лившица). Барнаул. 26 апреля 2002 г. - Барнаул: Изд-во БПГУ, 2002. - С.211-217. Новые исследования Тувы №1. 2011.
4. Абдуманапов, Р.А. Кыпчаки в этногенезе кыргызов [Текст]/ Р. А. Абдуманапов// – Бишкек, 2015. 199с.
5. Абрамзон, С.М. Киргизы и их этногенетические и историко- культурные связи [Текст]/ С. М. Абрамзон//-Фрунзе, 1990.489с.
6. Абул-Гази. Из «Шаджара-йи Тюрк» (Родословная древних тюрков) [Текст]/Абул Гази//Хрестоматия по средневековой истории Кыргызстана (XIII-XVIIIвв.) –Бишкек, 2007. -С. 88-129. 704с.
7. Авляев, Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX-первая четверть XVIII в.) [Текст]/ВГ.О. Авляеев//-Элиста, 1994. 248 с.
8. Авляев, Г. О. К вопросу о происхождении кереитов и их участии в этногенезе средневековых ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья / Г.О. Авляев//Проблемы этногенеза калмыков. - 1984. - С. 30-42.
9. Агаджанов, С.Г. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана [Текст]/С. Г. Агаджанов// Известия АН Туркм. ССР. – Ашх., 1977. - № 4. 82с.
10. Агаджанов, С.Г. Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии [Текст]/С. Г. Агаджанов//Тюркологический сборник. -М., 1970.-С. 192-207.
11. Агаджанов, С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии XI-XIII вв. [Текст]/С. Г. Агаджанов//Ашхабад: Ылым. 1969. 296 с.
12. Аджиев, А.М. У золотых родников. [Текст]/ А. М. Аджиев//Махачкала, 1991. 138с.
13. Айыжы, Е. В. Обряды жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая: традиции и инновации [Текст]/ Е. В. Айыжы //Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.- Казань, 2024. 40с.
14. Айыжы, Е. В., Конгу А. А. Родоплеменные группы тувинцев Тоджинского района Республики Тува на современном этапе [Текст]/ Е. В. Айыжы, А.А. Конго//Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. № 4 (80) Ч.1 - Чебоксары, 2013.-С. 3 - 10.

15. Акеров Т. А. Кыргызы в тюркскую и монгольскую эпохи [Текст]/Т.А. Акеров//- Бишкек, 2026. 724с.
16. Акеров, Т. А. Кыргызы из Скифии. Канха и Кангорай Кыргыские владения древней Турании [Текст]/Т.А. Акеров//- Бишкек, 2024. Т. I 464с.
17. Акеров, Т. А. Кыргызы из Скифии. Канха и Кангорай Кыргыские владения древней Турании [Текст]/Т.А. Акеров//- Бишкек, 2024. Т. II 448с.
18. 17. Акеров, Т. А. Усуни-кыргызы. Кыргызы на просторах Евразии [Текст]/Т.А. Акеров//- Бишкек, 2014. 582с.
19. Акеров, Т. А. Маджму ат-Таварих как исторический источник (Полный перевод, анализ и комментарии) [Текст]/Т.А. Акеров// Б.: 2017. 348с.
20. Акеров, Т. А. Кыргызы: этногенез и история [Текст]/Т.А. Акеров//- Бишкек, 2014. 356с.
21. Акеров, Т. А. Каркырхан Великий Кыргызский каганат [Текст]/Т.А. Акеров//-Б., 2012. 204с.
22. Акеров, Т.А. Древние кыргызы и Великая Степь (по следам древнекыргызских цивилизаций) [Текст]/Т.А. Акеров// - Б., 2005. 255с.
23. Акеров, Т.А. Еще раз об этимологии этнонима «кыргыз» [Текст]/Т.А. Акеров//Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы. Сб. материалов IV Всероссийской научно-практической конференции.-Кызыл, 19-21 июня 2025.-С. 14-16.
24. Акеров, Т.А. Анга Торе-правитель Кыргызского улуса [Текст]/Т.А. Акеров// //Единство славянских и тюркских народов в истории и современности//Материалы III Международного алтаистического форума Барнаул, 18–20 октября 2023 г. -С. 25-29.
25. Акеров, Т. А. Об этнополитических связях енисейских кыргызов и карлуков до и после событий 840 года: миграционные и этнические аспекты/ Текст]/Т.А. Акеров// Вестник Тувинского государственного университета. Выпуск 1. Социальные и гуманитарные науки № 2 (92), 2022. -С. 14-27.
26. Акеров, Т. А. Тухсы и азы как основатели Караханидского каганата/ Текст]/Т.А. Акеров//Tyrk Dunyasi Gecmisten gelecege. - Erzincan, 2022.- С.1284-1295.
27. Акеров, Т. А. Об этнополитических связах кыргызов и уч- карлуков в VIII-X вв. /[Текст]//Т. А. Акеров// Вестник Тувинского государственного университета. Выпуск 1. Социальные и гуманитарные науки, № 2 (60), 2020, -С. 42-57.
28. Акеров, Т. А. К вопросу о связях кыргызов с иштяками [Текст]/Т.А. Акеров//сб. Иштяки приуральско-сибирское пограничье.-Казань, 2019. –С. 133-136. 216с.
29. Акеров, Т. А. Этноним «Иштяк». Об этнополитических связах кыргызов с кочевыми обществами Волжско-Уральского региона/[Текст]//Т. А. Акеров//«Вестник» Международного Университета Кыргызстана ISSN 1694-6324 № 4 (37).- Бишкек, 2018.–С. 171-179.

30. Акеров, Т.А. Военно-Политическая деятельность золотоордынского Пулат-хана на Востоке Улуса Джучи по данным «Маджму ат-Таварих» [Текст] Акеров Т.А. Сабитов Ж.М. История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган, 2017. -С. 21-25.
31. Акеров, Т. А. Кыргызы Кангорая (к вопросу о правописании и соотношении этнонимов «хягяс» и «кыргыз» [Текст]/Т. А. Акеров// Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Екатеринбург. 2017, т. 17, № 1. –С. 6-12.
32. Акеров, Т.А. Золотая Орда в легендарном сочинении «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди [Текст]/Т.А. Акеров//Золотоордынская цивилизация.-Казань. 2016. № 9. –С. 158-162.
33. Акеров, Т.А. Версия эпоса «Манас» в книге «Маджму ат- Таварих» С. Ахсикенди как исторический источник по истории Кыргызского народа [Текст] / Т.А. Акеров// Ж-л Мир Евразии. Горно-Алтайск, 2016. № 1 (32) - С. 2–12.
34. Акеров, Т. А. Об этнополитических связях кыргызов и кераитов в версии эпоса «Манас», приведенной в книге «Маджму ат- Таварих» С.Ахсикенди (XVI в.) [Текст] / Т.А. Акеров//Ж-л «Научное обозрение Саяно- Алтая» № 4 (16) 2016, -С. 4-14.
35. Акеров, Т. А. Найманы в XII-XIVвв. (аспекты происхождения и этнополитических связей) [Текст]/Т.А. Акеров//Северо-восточный гуманитарный Вестник № 4 (17), (РИНЦ) г. Якутск, 2016.- 27-35с.
36. Акеров, Т. А. «К вопросу о происхождении Инга Торе и племен его улуса» [Текст]/Т. А. Акеров//Материалы II международной научной конференции «Кыргызский каганат в контексте средневековой государственности и культуры тюркских народов», посвященный 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата в Центральной Азии. - Бишкек, 2013 г. –С. 95- 96.
37. Акеров, Т.А. Азы элитарный род кыргызов [Текст]/Т.А. Акеров//Гуманитарные проблемы современности». -Бишкек, 2010. -№ 11. (3). –С. 143–150с.
38. Акеров, Т. А. К вопросу о роли центральноазиатских племен юэчжи, усуней, хунну в этногенезе кыргызов [Текст]/Т.А. Акеров//Вестник МУК. – Б.2008. -№2. –С. 3-9
39. Алексеев, В.П. Хакасы, енисейские киргизы, киргизы [Текст]/В. П. Алексеев// Труды Киргизской археолого- этнографической экспедиции. - М., 1956. - Т. 1. - С. 114-115.
40. Аликберов, А.К. Эпоха классического Ислама на Кавказе. [Текст]/А. К. Аликберов//- М., 2003. 847 с.

41. Аманжолов, С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. [Текст]/С. Аманжолов//-Алматы, 1997. 608 с.
42. Андреев, И. Т. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. [Текст]/И. Т. Андреев//– Алматы, 1998. 278, (1) с.
43. Аракчаа К. Д. Об исторической государственности Уранхая-Тунну - Тувы /[Текст]/ К. Д. Аракчаа//Евмалиевские чтения.-Кызыл. 2023.-С.8-20.
44. Арандаренко, Г. А. Каратегин //[Текст]/ Г.А. Арандаренко // Военный сборник. – 1878. – Т.121. – №5. С. 116–136.
45. Аристов, Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен [Текст]/Н.А. Аристов// - Бишкек, 2003. 460 с.
46. Аристов, Н.А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям [Текст]/Н.А. Аристов//-. Русский антропологический журнал, 1990.- №3.-С. 49-55.
47. Аристов, Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности [Текст]/Н.А. Аристов// - «Живая старина», вып. III и IV, -СПб., 1896.- 456с.
48. Аристов, Н.А. Усуни и кыргызы или кара кыргызы [Текст]/Н.А. Аристов//- Б., 2001. 578 с. На следующем этапе, в XV–XVI вв., консолидационные процессы получили развитие вокруг кыргызских объединений во главе с Мухаммедом Кыргызом.
49. Арнук М. Выдержки из трудов арабских средневековых путешественников [Текст]/М. Арнук//г. -Дамаск 1980. 132с.
50. Арсланова, А.А. Остались книги от времен былых… [Текст]/А.А. Арсланова// – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 239 с.
51. Артамонов, М.И. История хазар [Текст]/М. И. Артамонов//– СПб., 2001. 688 с.
52. Асадов Ф. Тюркское население Кавказской Албании в Сасанидский период (V-VII вв.) [Текст]/Ф. Асадов//. – TRANSCAUCASICA. Южный Кавказ: история, религия, общество. Вып. 3, 2015-2016. Отв. Ред. З.В.Кананчев.- М. 2016, -С. 29-43.
53. Ахинжанов, С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана [Текст]/С. М. Ахинжанов//-А-А., 1989. 296с.
54. Ахинжанов С. М. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана [Текст]/С. М. Ахинжанов//Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. 236 с.
55. Ахинжанов, С.М. Этнонимы «кимак» и «кыпчак» [Текст]/С. М. Ахинжанов//Археология эпохи камня и металла Сибири - Новосибирск, 1983. -С. 106-122.
56. Ахинжанов, С.М. О внешнем облике кыпчаков-половцев [Текст]/С. М. Ахинжанов// Письменные памятники и проблемы истории культуры народов

Востока. Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВАН СССР. Л., 1969. 132с.
57. Ахмедов, Б. К изучению политической истории Киргизии XV в. [Текст]/Б. К. Ахмедов//ОНУз.- Ташкент, 1961.- № 5. –С. 29-35. 73с.
58. Ахсикенди, Сайф ад-Дин. «Тарыхтардын жыйнагы» (Мажму атут Таворих) [Текст]/Ахсикенди Сайф ад-Дин// Госконцерн «Акыл», Перевод М. Досболова, О. Сооронова,- Бишкек, 1996. 126 с.
59. Ат-Табари, «История» [Текст]/Ат-Табари//- Ташкент, 1987. 440с.
60. Аттокуров, С. А. Кыргыз санжырасы [Текст]/С. А. Аттокуров// -Бишкек, 1995. 216с.
61. Ауэзов, М. О времени возникновения эпоса Манас». [Текст]/М. Ауэзов//Энциклопедический феномен эпоса «Манас». - Б., 1995. –С. 149-174.
62. Бабалар сөзі: Жүз томдық. Батырлар жыры [Текст]/ Астана: Фолиант, 2008. Т. 51. 447 б.
63. Багрянородный, К. Об управлении империей. [Текст]/К. Багрянородный//Наука, в серии Древнейшие источники по истории народов СССР. - М. 1991. 496 с.
64. Байтур, А. Кыргыз тарыхынын лекциялары. [Текст]/А. Байтур//-Б. 1992. 128 с.
65. Банзаров, Д. Собрание сочинений [Текст]/Д. Банзаров//- М.,1955. 373, [1] с.
66. Бартольд, В.В. Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана [Текст] /В. В. Бартольд//- Бишкек, 1996. 608с.
67. Бартольд, В.В. [Текст]/В. В. Бартольд//Соч. - Т. I. -М., 1963. 763 с.
68. Бартольд, В.В. [Текст]/В. В. Бартольд// Соч. М., 1968. Т.V. 759 с.
69. Бартольд, В.В. Киргизы. Исторический очерк [Текст]/В. В. Бартольд// Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Сочинения. Т.II, Ч. 1. - М., 1963. 1020 с.
70. Бартольд, В.В. Очерк истории Семиречья [Текст]/В. В. Бартольд//Соч.-Т. II. Ч. I. - М., 1963. –С. 21–106. 1020 с.
71. Бартольд, В.В. [Текст]/В.В.Бартольд//Соч. Том II. Часть 2. – М.: Наука, 1964. 657 с.
72. Бартольд, В. В. Киргизы : (исторический очерк) . [Текст]/В.В.Бартольд//– Фрунзе: Кирг. гос. изд-во, 1927. 57 с.
73. Бартольд, В.В. [Текст]/В. В. Бартольд// Соч.-Т. V.-М., Наука. 1968. 759с.
74. Бартольд, В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии [Текст]/ В. В. Бартольд// Соч. - Т. V. - М., 1968. 759 с.
75. Бартольд, В.В. Рецензия на Аристова [Текст]/В. В. Бартольд// В.В. Бартольд. Ренцензия на книгу: Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен // Собр. соч.- Т. V.- М., 1968. 759 с.
76. Бартольд, В.В. История турецко-монгольских народов [Текст]/В. В. Бартольд// Соч. М., 1968. Т.V. 759 с.

77. Бартольд, В.В. Новый труд о половцах. [Текст]/В. В. Бартольд// Соч. М., 1968. Т.V. 759 с.
78. Бартольд, В.В. Извлечение из сочинения Гардизи «Занй ал- ахбар» [Текст]/В. В. Бартольд//Соч.-Т. VIII. - М.: Наука. 1973. 724 с.
79. Бартольд В.В. Таджики и «Таджикистан» [Текст]/ В. В. Бартольд // Сб. статей, - Москва, 1925. -С. 93 – 111.
80. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, часть 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы [Текст]/ В. В. Бартольд //- М., 1963. 1020с.
81. Баскаков, Н. А. Введение в изучение тюркских языков. [Текст]/Н. А. Баскаков// - М. 1969. -383 с.
82. Баскаков, Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». [Текст]/Н. А. Баскаков// - М., 1985. 211с.
83. Баскаков, Н.А. К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз» Текст]/Н. А. Баскаков//СЭ, - 1964. - № 2. М.: Наука. -С. 92-93. 168 с.
84. Батманов, И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности [Текст]/И. А. Батманов//АН КиргССР. Отд. востоковедения. - Фрунзе: Илим, 1971. 66 с.
85. Бейшеналиев, Т.О. Гибель Ойратского государства Татар и переселение кыргызов на Тянь-Шань [Текст] /Т.О. Бейшеналиев//Кыргыздардын теги. – Бишкек, 1995. – С. 20-21. 92с.
86. Бекран Н. «Джекан намэ» [Текст]/Н. Бекран// (перевод извлечений) Рук. Фонд отд. Обществ. Наук.-ивн. №1947.Л. 12а.14а.
87. Бернштам, А.Н. Неизданные труды А. Н. Бернштама по истории и Археологии Кыргызстана: архивные материалы [Текст] /А. Н. Берншта//Т. I. – Б. 2026.
88. Бернштам, А.Н. Историческое прошлое киргизского народа [Текст]/А.Н. Бернштам// - Фрунзе, 1942. 26 с.
89. Бернштам А.Н. История кыргызов и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания [Текст]/А.Н. Бернштам//Краткие сообщения института истории материальной культуры. - М,- Л, 1947. - Вып. XVI. -С. 176-178.
90. Бернштам, А.Н. Очерк истории гуннов [Текст]/А.Н. Бернштам// Л.: ЛГУ.1951.256 с.
91. Бернштам, А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. [Текст]/А.Н. Бернштам//МИА № 26. М.-Л.: 1952. 346 с.
92. Бернштам, А. Н. К вопросу происхождения киргизского народа. [Текст]/А. Н. Бернштам// Сов. этногр. 1955. - № 2. - С.16-26.
93. Бернштам, А. Н. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX– X вв. [Текст]/А. Н. Бернштам//СВ. – 1956. № 4.- С. 118-125.

94. Бернштам, А.Н. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа [Текст]/А.Н. Бернштам//Труды КАЭЭ. - Фрунзе, 1959.- Т. III. - С.17-26.
95. Бернштам, А.Н. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен домонгольского завоевания [Текст]/А. Н. Бернштам//Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Сост.: К. Ташбаева, Л. Ведутова.- Б.: Айбек , 1997, Т.I. 560 с.
96. Бернштам, А.Н. Заметки по этногенезу народов Северной Азии [Текст]/А.Н. Бернштам// СЭ. 1947. № 2. – С. 60–66.
97. Билэгт, Л. Гипотеза о времени ухода монголов в Эргунэ- кун [Текст]/Л. Билэгт // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С. 106–112.
98. Билэгт, Л. О происхождении этнонима «монгол» [Текст]/Л. Билэгт// Угсаатны судлал. Studia Ethnologica. Tom. XI, - Улаан- баатар, 1997. fasc. 1-17.
99. Бичурин, И. Я. Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем нынешнем состоянии. [Текст]/И.Я. Бичурин//- СПб., 1829. 325 с.
100. Бичурин, И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, [Текст]/И.Я. Бичурин//-М.-Л., 1950. Т. I. 381 с.
101. Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии древнейшие времена. [Текст]/И.Я. Бичурин//-М.-Л., 1950, Т. II. 335 с.
102. Бичурин, И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст]/И.Я. Бичурин// -М.; Л., 1953. Т. III. 328с.
103. Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст]/И. Я.Бичурин// -А-А., 1998. Жалын. - Т. I. 484с.
104. Бичурин, И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Текст]/И.Я. Бичурин//-Алматы, 1998. Жалын. -Т. II. 347с.
105. Боло, С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (По преданиям якутов бывшего Якутского округа) [Текст]/С.И.Боло// - Якутск: Бичик, 1994. 319, [33] с.
106. Боргояков. М.И. Гунно-тюркский сюжет о прародителе- олене (быке) [Текст]/М. И. Боргояков//Советская тюркология- Баку, 1976 - №.3 - С. 55-59.
107. Боровкова, Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. [Текст]/Л. А. Боровкова// – М., 1989. -181 с.
108. Боровкова, Л. А. Царства «Западного края» во II-I веках до н.э. [Текст]/Л. А. Боровкова//(Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). – М.: Институт востоковедения РАН: Крафт, 2001. 368 с.

109. Бутанаев В. Я. Хакасы. История формирования родового состава хакасов [Текст]/В.Я. Бутанаев//Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. – М.: Наука, 2006. – С. 243–550.
110. Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов хакасов [Текст]/В.Я. Бутанаев// –Абакан, 1998. 352 с.
111. Бутанаев, В.Я. Вопрос о самоназвании хакасов [Текст]/В.Я. Бутанаев//Этнографическое обозрение. 1992. №2. С. 63-69.
112. Бутанаев, В.Я. История енисейских кыргызов [Текст]/В.Я. Бутанаев, Ю. С. Худяков//Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан 2000. 272 с.
113. Бутанаев, В.Я. Хакасский исторический фольклор [Текст]/В.Я. Бутанаев, И.И. Бутанаева// - Абакан, 2001. 146 с.
114. Бутанаев, В.Я. Кыргызская государственность на Енисее [Текст]/В.Я. Бутанаев//Материалы международной археолого- этнологической экспедиции, посвященной 2200-летию кыргызской государственности. - Бишкек, 2003. 216 с.
115. Бутанаев, В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий [Текст]/В. Я.Бутанаев//- Абакан, 1994. 92, (1) с.
116. Бутанаев В. Я. К вопросу о кыргызско-хакасских этнографических связях Текст]/В. Я.Бутанаев// Кыргызы: Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции, посвященной 1000-летию эпоса «Манас» 22–24 сентября 1994 г. Бишкек, 1996. С. 102–126.
117. Бутанаев, В. Я. Историческая ономастика Южной Сибири [Текст]/В. Я. Бутанаев//- Б. 2013. -272с.
118. Бутанаев, В. Я. Древнее искусство Саяно–Алтая» [Текст]/В. Я. Бутанаев// – Абакан : Издательство Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, 2020. 250 с.
119. Бутанаев, В.Я. Топонимический словарь Хакасско- Минусинского края [Текст]/В. Я. Бутанаев//Абакан, 1995. 272 с.
120. Бутанаев, В.Я. История енисейских кыргызов [Текст]/В. Я. Бутанаев, Ю.С. Худяков//- Абакан: Издательство ХГУ имени Н. Ф. Катанова, 2000, 272 с.
121. Бутанаев В. Я., Монгуш А. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков [Текст]/В. Я. БутанаевА. В. Монгуш//Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005. – 200 с
122. Валиди-Тоган, А-З. Башкорттарзын тарихы. Тэрк хэм татар тарихы [Текст]/ Валиди -Тоган //. –Эфэ. 1994. - С. 23-27.
123. Валиханов, Ч.Ч. Очерки Джунгарии [Текст]/Ч. Ч. Валиханов// Энциклопедический феномен эпоса «Манас». - Фр., 1994. –С. 23-25. 470с.
124. Валиханов, Ч.Ч. Киргизское родословие [Текст]/Ч. Ч. Валиханов// Собр. соч.: в 5 Т. - Алма-Ата, 1985. -Т. II. 416 с.

125. Валиханов, Ч. Ч. Записки о киргизах [Текст]/Ч.Ч. Валиханов// Собр. соч. в Т. 5. - Алма-Ата, 1985. - Т. II. 416 с.
126. Валиханов, Ч. Ч. Записки о киргизах» [Текст]/Ч. Ч. Валиханов //Собр. Соч. в 5 Т. -А-А., 1985. -Т. III. 416 с.
127. Валиханов, Ч.Ч. Заметки по истории южносибирских племен [Текст]/Ч. Ч. Валиханов//Собр. Соч в 5-ти т.– Алма-Ата.- 1884. -Т. 1. 432 с.
128. Валиханов, Ч.Ч. Избранные произведения [Текст]/Ч. Ч. Валиханов//. М. – 1986. 420с.
129. Византийские историки [Текст] -СПб., 1861. 502с.
130. Византиец Феофан. Выписка из «Истории» Феофана С. Detунис [Текст]/ Феофан Византиец// Византийские историки. СПб., 1861. 502 с.
131. Винников, Я.Н. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии [Текст]/Я. Н Винников//Труды Киргизской экспедиции - М., 1956. -Т. I. –С. 136-181. 184с.
132. Викторова, Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры [Текст]/Л. Л. Викторова// -М., 1980. 226 с.
133. Владимирцов, Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм [Текст]/ЛБ. Я. Владимирцев// Л.: АН СССР, 1934. 223 с.
134. Волкова, Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. [Текст]/Н. Г. Волкова//-М. 1973. 208 с.
135. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье [Текст] - М.,1992. 688 с.
136. Восточно-азиатская металлургическая провинция [Текст] БРЭ. -Т.5. М.,2006.
137. Востров, В.В. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX вв.) [Текст]/В.В. Востров, М.С. Муканов// - Алма-Ата, 1968. 255 с.
138. «Высочайше утвержденное географическое описание Западного края при Маньчжурской династии» [Текст]//(пер. Е. Кычанова). Рукописный фонд Общ. наук НАН Кыргызской Республики, инв. № 3088.
139. Гафуров, Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история [Текст]/ Б.Г. Гафуров //«Ирфон». - Душанбе1989. 384+480 с.
140. Грач, А.Д. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы) [Текст]/А.Д. Грач, Д.Г. Савинов, Г.В. Длужневская// М.: «Фундамента-Пресс». 1998. 84 с.
141. Грач, А.Д. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших Озер и находки тибетских надписей на бересте [Текст]/А.Д. Грач//СНВ. Вып. XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Кн. 2. М.: 1980.-С. 103-123.
142. Генч, Р. Турк дуйносунун кыскача тарыхы [Текст]/Р. Генч//-Бишкек, 2002. 149 с.
143. Геродот. История [Текст]/Геродот// - Л., 1972. – 604 с.

144. Гумилев, Л.Н. Эфталиты и их соседи в IVв. [Текст]/Л.Н. Гумилев//- М.,1959. -С. 29-40.
145. Гумилев, Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. [Текст]/Л.Н. Гумилев//- М.: Изд-во Восточной литературы. 1960. 292 с.
146. Гумилев, Л. Н. История народа хунну [Текст]/Л.Н. Гумилев//-Москва-Берлин, 2016. Примечание 122.
147. Гумилев, Л.Н. Древние тюрки [Текст]/Л.Н. Гумилев//- М.,1993. 527с.
148. Гумилев, Л. Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве пресвитера Иоанна» [Текст]/Л.Н. Гумилев//-Москва. Ди-Дик 1993. 480 с.
149. Гумилев, Л. Н Динлинская проблема [Текст]/Л.Н. Гумилев//ИВГО, Т. XCI.,- М-Л., 1959. № 1.- С. 17-26.
150. Гумилев, Л. Н. Три исчезнувших народа [Текст]/Л.Н. Гумилев//Страны и народы Востока, вып. II, 1961, стр. 107–109. 284 с.
151. Грумм-Гржимайло, Г.Е. Западная Монголия и Уранхайский край [Текст]/Г.Е.Грумм-Гржимайло//- Л., 1926.– Т. II. 412 с.
152. Грумм-Гржимайло, Г.Е. Киргизы [Текст]/Г. Е. Грумм- Гржимайло//изв. Гос. Геогр. Об-ва. Вып. I, - Т. 66. Л. -1933. – С. 176- 186.
153. Грумм-Гржимайло Г.Е. Белокурая раса в Средней Азии. [Текст]/Г. Е. Грумм- Гржимайло// Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1909. Т.XXXIV.
154. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIIIвв. [Текст] - Махачкала,1992. 301,[2] с.
155. Дандинсурэн, Ц. Исторические корни Гэсэриады [Текст]/Ц. Дандинсурэн// - М., 1957. 240 с.
156. Данлоп, Д.М. История хазар-иудеев (перевод Мухаммедовой Фатимы 1972 г.) [Текст]/Д.М. Данлоп//-// РФИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп.1. Д. 502 (А). Л.10.
157. Дашковский, П. К. Кыргызская культура на Алтае [Текст]/П.К. Дашковский, А.А. Тишкин//История Алтая : в 3-х т. Т. I : Древнейшая эпоха, древность и средневековье – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. - С. -345-354. 392 с.
158. Дашковский, П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии [Текст]/П.К. Дашковский //Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Барнаул : Изд-во Алт. ун- та, 2015. 224 с.
159. Дебец, Г.Ф. Палеоантропология СССР. [Текст]/Г. Ф. Дебец//-М.; Л., 1948. 392 с.
160. Дәфтәре Чынгыз-намә. [Текст] – Казан: «Иман» нәшрияты, 2000. 44 с.
161. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии Текст]/Ч. Джумагулов //Вып. 1. Фрунзе, 1963. 76 с.
162. Джуманалиев, Т. Д. Хрестоматия по древней и средневековой истории Кыргызстана[Текст]/Т. Д. Джуманалиев// - Бишкек, 2007. -Т. 1. 676с.

163. Джуманалиев, Т. Д. Хрестоматия по средневековой истории Кыргызстана [Текст]/Т. Д. Джуманалиев// -Бишкек, 2007. - Т. 2. 704с.
164. Джуманалиев, Т. Д. Из «Тарих-и Джехангушай» Ата Мелика Джувейни [Текст]/ Т.Д.Джуманалиев// Хрестоматия по средневековой истории Кыргызстана. -Б., 2007. -Т. 2. 704с.
165. Джуманалиев, Т. Д. Из «Шаджарайи Тюрк» (Родословное древо тюрков) Абу-л-Гази Бахадур- хана [Текст]/Джуманалиев Т.Д.//Хрестоматия по средневековой истории Кыргызстана. -Б., 2007.- Т. 2. 704с.
166. Джуманалиев, Т. Очерки политической истории кочевников Притяньшанья древности и до конца XVII века [Текст]/ Т. Д. Джуманалиев// - Бишкек, 2007. 548с.
167. Джуманалиев, Т. Д. Эволюция политической власти кочевников Притяньшанья (II в. до н.э. – XII в.) [Текст]/Автореф. дисс. доктора исторических наук: /Т. Д. Джуманалиев//- Бишкек, 2005. – 331с.
168. Джуманалиев, Т. Д. История Кыргызстана с древности и до середины XVIII века [Текст]/ Т. Д. Джуманалиев// - Бишкек, 2009. 304 с.
169. Джуманалиев, Т. Д. Письменные источники о государственности усуней [Текст]/Т. Д. Джуманалиев//Источниковедение Кыргызстана (с древности до XIX в.) [Текст]/Т. Д. Джуманалиев//. -Б., 2004. 371, [1].
170. Джуманалиев, Т. Д. Расселение кыргызов в Ферганской долине по данным мусульманских и китайских источников (X- XVIIIвв.) [Текст]/Т. Д. Джуманалиев// Tyrk Dunyasi Gecmisten gelecege. -Erzincan, 2022. -С. 1296-1305.
171. Джуманалиев, Т. Д. Кыргызы Ферганской долины в письменных источниках [Текст]/Т. Д. Джуманалиев//сб. ст. международной научной конференции «Кыргызский каганат в контексте тюркской цивилизации: проблемы кыргызоведения», посвященной 1170- летию образования Великого Кыргызского каганата. «Вестник» КГНУ. -Бишкек, 2012. Ч. II.-С. 112-120.
172. Дмитриева, В.Д. Опись тюркских рукописей. [Текст]/В. Д. Дмитриева//– Л., 1974. 230 с.
173. Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.) [Текст]/ Ю. И. Дробышев// Отв. ред. Д. Д. Васильев. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 608 с.
174. Дугаров, Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров [Текст]/Д. С. Дугаров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск : ВО «Наука», 1993. – С. 207–235.
175. Дулов, И. В. Пережитки общинно-родового строя и общинно быта у тувинцев в XIX- начало XX века (до 17 года) [Текст]/ И. В. Дулов// Советская этнография.- 1951.-№ 4.-С. 57-76.
176. Думин С.В. Волков В.Г. Сабитов Ж.М. Этногенетические связи литовских татар: исторические корни литовско-татарского дворянства

[Текст]/ С.В. Думин, В.Г. Волков, Ж.М. Сабитов//Золотоордынская Цивилизация. № 9. 2016. Казань. С. 309-325.
177. Евтюхова, Л.А., Левашова В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана [Текст]/Л. А. Евтюхова, В. П. Левашова//КСИИМК, вып. XII. М.-Л., 1946, стр. 81, рис. 41а. – 188 -С. 79-85. 165, [1] с; она же Развалины дворца в земле Хагяс [Текст]/Л. А. Евтюхова// Краткие сообщения института истории материальной культуры, Вып. XXI: 1947. –С. 79-85. 165, [1] с.
178. Екеев, Н.В. Народы Алтая-Саян и кыргызы (К проблеме этнических и культурных взаимодействий) [Текст]/Н.В. Екеев//Материалы международной археолого-этнологической экспедиции, посвященной 2200-летию кыргызской государственности. – Бишкек, 2003. – С. 26–43.
179. Екеев, Н.В. Проблемы этнической истории алтайцев (исследование и материалы) [Текст]/Н. В. Екеев//Горно-Алтайск, 2011. 232с.
180. Екеев Н.В. Ойраты и алтайцы: этнические и этнокультурные связи и параллели [Текст]/Н. В. Екеев//Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. тр. / КалмГУ; редкол.: П.М. Кольцов [и др.]. – Элиста, 2008. – Вып. 2. – С. 92–101.
181. Е Лун-ли. История государства киданей. [Текст]/Е. Лун- ли// - М.: Наука, 1979. 613 с.
182. Еремеев, Д.Е. К семантике тюркской этнонимии [Текст]/Еремеев//– Сб. «Этнонимы».- М., 1970. 271 с.
183. Евстигнеев, Ю. А. Современные тюрки : Этно-ист. справ. о тюркоязыч. народах мира [Текст]/ Ю. А. Евстигнеев//. - СПб., 2004 (НПФ Астерион). 150 с.
184. Есин Ю. Н. Дворец Сына Неба во владении Цзянькунь[Текст]/ Ю. Н. Есин//Научное обозрение Саяно-Алтая № 1 (33) 2022. -С. 4-52.
185. Жабагин, М. К. Анализ связи полиморфизма Y-хромосомы и родоплеменной структуры в казахской популяции [Текст]/ М. К. Жабагин // Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук– Москва, 2017. 148 с.
186. Жданович О.П. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) [Текст]/ О. П. Жданович// Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 2. -С. 1-15.
187. Жолдошев, Р.Ж. «Кырк кыз» уламышы боюнча кыргыз элинин этногенетикалык байланыштары [Текст]/Р.Ж.Жолдошев// Коомдук илимдер журналы.-Бишкек, 2001. –С. 132-148б. 412б.
188. Жирмунский, В. Введение в изучение эпоса «Манас» [Текст]/В. Жирмунский//Энциклопедический феномен «Манаса».- Б., 1995. 728 с.
189. Золотая Орда в источниках (арабские и персидские сочинения) [Текст] - М., 2003. -Т. I. 448 с.
190. Зориктуев, Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят [Текст]/Б. Р. Зориктуев //М.: Вост. лит., 2011. 278 с.

191. Зориктуев, Б. Р. О малоизвестных аспектах этнической истории хори [Текст]/Б. Р. Зориктуев // Проблемы социально- экономического развития Сибири: научный периодический журнал N. 4 (34) (Серия: Экономика, История) /Братск,- 2018. -С. 127-132.
192. Зориктуев, Б. Р. Наян-Нава и проблема этногенеза бурятской племенной общности хори [Текст]/Б. Р. Зориктуев//Научный Диалог. –Екатеринбург, 2020 «№ 5, -С. 393-423.
193. Зориктуев, Б.Р. Эргунэ-кун и начальные этапы монгольской истории [Текст]/Б. Р. Зориктуев//Монгольская империя: этнополитическая история. – Улан-Удэ, 2005.- С. 9-69.
194. Зориктуев Б. Р. Происхождение древнемонгольских терминов киян и кият [Текст]/Б. Р. Зориктуев//Вестник БГУ. – 2010. – С. 96–101.
195. Зориктуев Б. Р. О некоторых закономерностях образования и функционирования этнонимов [Текст]/Б. Р. Зориктуев//Монголын газрын зураг, газрын нэр судлал «Адмон принт» ХХК хэвлэлийн газар. Улаанбаатар, 2015, -С. 70-75.
196. Зориктуев Б.Р. Об этимологии этнонима монгол [Текст]/Б. Р. Зориктуев// Восток. - 2011. – № 1. - С. 47-57.
197. Зуев, Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий [Текст]/Ю.А. Зуев//Казахстан в эпоху феодализма. - А-А., 1981. – С. 63–78.
198. Зуев Ю. А. «Джами’ ат-Т аварих» Рашид ад-Дина как источник по ранней истории джалаиров [Текст]/Ю.А. Зуев //Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования.-М., 1972. -С. 178–185.
199. Зуев, Ю. А. Тамги лошадей из вассальных Княжеств [Текст]/. Перевод сочинения VIII-X вв. Таи хуэйяо. Т. 3. Т. 3. Цз. 72// ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960. -С.93-140.
200. Зуев, Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. [Текст]/Ю. А. Зуев//-Алматы, 2002. 338 с.
201. Зуев, Ю.А. Киргизы-буруты. (К вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования) [Текст]/Ю. А. Зуев // Сов.этнография. 1970. - № 4. - С. 74-86.
202. Зуев, Ю. А. Самое сильное племя [Текст]/Ю. А. Зуев // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и-Кыпчака в XIII-XVIII вв.: материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. 315с.
203. Зуев, Ю.А. (2003). Манихейское святилище под Таразом [Текст]/Ю. А. Зуев //Известия НАН РК. – № 2. – С. 3-6.
204. Зуев, Ю.А. Древнетюркские генологические предания как источник ранней истории тюрков [Текст]/Ю. А. Зуев //автор. дис… канд. Ист. Наук. Алама-Ата. 1967. 18 с.

205. Зуев Ю.А., Торланбаева К.У. Манихейство и Талас [Текст]/ Ю.А. Зуев, К.У. Торланбаева //К интерпретации древнетюркских надписей // Тамыр. – 2002. – № 1 (6). – С. 19-36.
206. Зуев, Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, яньмо, гуй) [Текст]/Ю. А. Зуев//Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 104–122.
207. Идрисов, Ю. Ногайцы в Терско-Сулакском междуречье [Текст]/Ю. Идрисов// альманах «De Caucaso» - Карачаевск, 2009.-С 51-60.
208. Идрисов, Ю. Кумыкско-казахские межэтнические связи к постановке проблемы [Текст]/Ю. Идрисов //Казахи России: История и современность. Материалы Международной научно-практической конференции. - Омск, 2010. –С.222-229.
209. Идрисов, Ю. Алано-асская ономастика Северного Кавказа/[Текст]/Ю. Идрисов // Материалы конференции «Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии», июнь 2010г. - Махачкала, 2010.-С.114- 123.
210. Идрисов, А., Кыргыз, хакас элдеринин этномаданий байланыштары» [Текст]/А. Идрисов//Материалы II международной научной конференции «Кыргызский каганат в контексте средневековой государственности и культуры тюркских народов», посвященной 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата в Центральной Азии 13-15 ноября 2013 г. «Maxprint» басмаканасы, - Бишкек, 2014. 494 с.
211. Инсебаев, Т.А. Некоторые предварительные результаты сопоставления и анализа названий родоплеменных групп адай и суюндук [Текст]/ Т.А. Инсебаев, Е.З. Кажибеков //Тюркская ономастика. - Алма-Ата, 1984. 248 с.
212. История Венгрии [Текст]/ – М., 1971. – Т. 1. - 644 с.
213. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. [Текст] – М., 1993. 528 с.
214. История Сибири в 5 томах. [Текст]/ под ред. А.Окладникова. Древняя Сибирь Т.I.-М.1964. 738 с.
215. История кыргызов и Кыргызстана [Текст]- Б., 2000. -612с.
216. История татар с древнейших времен в семи томах [Текст] - Казань, 2006. -Т.2. 960 с.
217. История Монголов по армянским источникам [Текст] - СПб., 1874. -Т. I. 140с.
218. История Казахстана в арабских источниках [Текст]/-Алмата : Дайк-Пресс, 2005, Т. I, 713с.
219. Исхаков Д.М. Исторические очерки [Текст]/Д.М. Исхаков//- Казань, 2009 г. 164 с.
220. Исхаков Д.М. Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей» — Тайбугидов/Текст]/Д.М. Исхаков// Этнос. Общество.

Цивилизация. II Кузеевские чтения. Материалы международной конференции. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 224–227.
221. Исхаков, 2009б, Новые данные о клановой принадлежности «Сибирских князей» Тайбугидов/Текст]/Д.М. Исхаков // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып.2. / И.М. Миргалеев [отв. ред.]. - – Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. – С.117-121.
222. Исхаков, Д.М. Введение в историю Сибирского ханства Текст]/Д.М. Исхаков//Очерки. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – 196 с.
223. Исхаков, Д. М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) [Текст]/Д. М. Исхаков// Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11- 13 декабря 2000 г., г. Тобольск). – Тобольск-Омск, 2000. - С 51-53.
224. Исхаков, Д.М. Кланы и их роль в социально-политическом устройстве Улуса Джучи [Текст]/Д. М. Исхаков// Исторические очерки. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – С. 24-57.
225. Исхаков, Д.М., Этнополитическая история татар (III – середина XVI в.). [Текст]/Д. М. Исхаков, И. Л. Измайлов// -Казань. 2007. 356 с.
226. Исянгулов, Ш. Н.Башкиро-кыргызские этногенетические связи [Текст]/Исянгулов Ш. Н.//Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16 (371).История. Вып. 65.-С. 26–31.
227. Исянгулов, Ш.Н. К проблеме башкиро-караханидских связей [Текст]/Ш.Н.Исянгулов// Вестник академии наук РБ. Т.16, №4.-Уфа, 2011.-С. 63-66.
228. Ишмухамбетов, Р. В., Мусаев, А. Д. К этнической истории ногайцев юртовцев [Текст]/ Р. В. Ишмухамбетов, Мусаев, А. Д. //Проблемы Востоковедения.-Астрахань, 2025/1 (107)
229. Кавагучи, Т. Некоторые новые данные о «Чингиз-нама» Утеми-шахаджи: в системе историографии в Дашт-и Кыпчаке [Текст]/ Т. Кавагучи, Х. Нагаминэ // // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. 2010. Вып. 3. -С. 44-52.
230. Кадырбаев, А.Ш. Иранцы и тюрки в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. [Текст]/А.Ш. Кадырбаев//- А-А., 1990. 162 с.
231. Кайдаров А. Т. К историко-лингвистической характеристике канглы (кан)/ [Текст]/А. Т. Кайдаров//Тюркская ономастика.-Алма-Ата, 1984.-С. 39-47.
232. Калоев, Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды [Текст]/Б. А. Калоев// - М., 1999. 400 с.
233. Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. [Текст] / А. К. Камалов. Алматы: Издательский дом «Наш мир», 2001. 216 с.

234. Караев, О. Ранние сообщения о Манасе [Текст]/О.К. Караев// Оригинальная версия: // Эпос «Манас» как историко- этнографический источник. Тезисы международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса «Манас». - Бишкек, 1995. - С. 32-33.
235. Караев, О. К. Манас – тарыхый инсан [Текст]/О.К. Караев//Газ. Заман Кыргызстан. 19-август, 1994-ж.
236. Караев, О.К. Арабские и персидские источники IX-XII вв. о киргизах и Киргизии [Текст]/О. К. Караев// - Фр., Илим, 1989. 102 с.
237. Караев, О.К. История Караханидского каганата (X – начало XIII в.) [Текст]/О.К. Караев// - Фр.,1983. 301 с.
238. Караев, О.К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан [Текст]/О.К. Караев// - Б., 1995. 160 с.
239. Караев, О.К. О переселении енисейских кыргызов на Тянь- Шань [Текст]/О.К. Караев, М. Ч. Кожобеков// Вопросы этнической истории киргизского народа.- Фрунзе, 1989.– С. 41-65. 140с.
240. Караев, О.К. Исследователи о взаимоотношениях енисейских и тяньшаньских киргизов [Текст]/О. К. Караев// Вопросы этнической истории кыргызского народа.- Фр.,1989. – С. 8-28. 140с.
241. Караев, О. К. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь- Шань и ассимиляции ими местных племен в XIII-XIV вв. [Текст]/О.К. Караев// СЭ.- 1966.-№4; - С. 100-107.
242. Караев, О.К. Формирование кыргызского народа [Текст]/О. К. Караев//Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. - Бишкек, 1991. 131с.
243. Кара оол, Л. С. Родовая группа монгуш ~ мунгуш [Текст]/ Л. С. Кара-оол, Т. А. Акеров//К вопросу этногенеза и этимологии названия // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4.- С. 685–697.
244. Кара оол, Л. С. Названия родовых групп тувинцев [Текст]/Л. С. Кара оол, Кармушин В. К.//Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. -С. 1254-1270.
245. Каратаев, О.К. Этнолингвистические значение экзоэтнонима «бурут» [Текст]/О. Каратаев// Материалы международной конференции II Аргынбаевское чтение. - Алматы, КазНУ им. Аль Фараби. -Бишкек, 2014, - С.36-46.
246. Каратаев, О. Кыргыз этнонимдер создугу [Текст]/О. Каратаев// - Бишкек, 2003. 249с.
247. Каратаев О, Эралиев С. Кыргыз этнографиясы боюнча создук [Текст]/О. Каратаев, С. Эралиев//-Б. 2005.
248. Кармышева, Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекстана (по этнографическим данным) [Текст]/ Б. Х. Кармышева//Издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы.- М., 1976. 323с.

249. Кармышева, Б. Х. К вопросу о происхождении лакайцев [Текст]/ Б. Х. Кармышева//Советская этнография.-М. 1952.-С. 11-29.
250. Кармышева, Б. Х. Узбеки племени кыргызы в среднезеравшанской долине [Текст]/ Б. Х. Кармышева//Этнографическое обозрение. № 2-М. 1997.-С. 34-37.
251. Карпини, Джованни Плано дель История монгалов [Текст]/ Дж.дель Плано Карпини; Путешествие в Восточные страны /Г.де Рубрук; Книга Марко Поло/ Вступ.ст.,коммент.М.Б.Горнунга. (Путешествия и путешественники). - Москва: Мысль, 1997. 461с.
252. Карпини Джовани Плано дель История Монголов. Гильем де Рубрук Путешествие в восточные страны [Текст]/П. Карпини, Г. де Рубрук// -М., 1957. 457с.
253. Катанов, Н.Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях [Текст]/И. О. Катанов// Записки ИРГО (Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина.) – СПб., 1909. – Т. XXXIV. – С. 265- 288.
254. 256. Катанов, Н. Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке [Текст]/И. О. Катанов // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1896. – Вып. 5. 13 с.
255. Кашгари Махмуд Туркий тилдер создугу [Текст]/ которг. Т. Токоев, К. Космоков. –Б. 2001.Т. I. 907с.
256. Кашгари Махмуд Туркий тилдер создугу. [Текст]/которг. Т. Токоев, К. Космоков.-Б. 2001. Т. III. 680с.
257. Кашгари Махмуд. Девону луготит турк [Текст]/Махмуд Кашгари//-Тошкент, 1960.- Т. I. 499б.
258. Кашгари Махмуд. Девону луготит турк. [Текст]/М. Кашгари// - Тошкент, 1963, Т. III. 461 с.
259. Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк. [Текст]/М. Кашгари// - Алматы, 2005. 1288 с.
260. Керейтов Р. Х., Асы — аланы в составе ногайского народа Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии [Текст]/Р. Х. Керейтов//Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск: КЧГУ, 2010. С.132-137.
261. Керейтов Р. Х. Ногайцы: особенности этнической истории и бытовой культуры [Текст]/Р. Х. Керейтов//-Ставрополь: Сервис- школа, 2009. 464 с.
262. Киселев, С.В. Древняя история Южной Сибири [Текст]/ С. В. Киселев// – М., 1949. 364 с.
263. Кисляков, Н. А. Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана / [Текст]/ Н. А. Кисляков//– Сталинабад: Таджгосиздат, 1954. 223 с.
264. Кляшторный, С.Г. Основные этапы этногенеза киргизского народа [Текст]/С.Г. Кляшторный, А. М. Мокеев, В.П. Мокрынин // Тюркология - 88.- Фрунзе. 1988.- № 2. - С. 42-43.

265. Кляшторный, С. Г. Терхинская надпись (Предварительная публикация) [Текст]/С.Г. Кляшторный//Советская тюркология. 1980. №3. -С. 82-95.
266. Кляшторный, С.Г. Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах [Текст]/С.Г. Кляшторный//СЭ, 1951. -№ 3. -С. 54-63.
267. Кляшторный, С.Г. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.) [Текст]/С.Г. Кляшторный, И.П. Колесников//- Алма-Ата, 1988. 221,[2] с., [8].
268. Кляшторный, С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане [Текст]/С.Г. Кляшторный// Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. №1-2. –Бишкек, 2001.– С. 73–75.
269. Кляшторный, С.Г. Древнетюркские рунические памятники как исторический источник [Текст]/С.Г. Кляшторный// Эл аралык турк цивилизациясы конгресси. -Б., 2005. –С. 59-64. 701с.
270. Кляшторный, С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. [Текст]/С.Г. Кляшторный// Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. - Москва : Наука, 1964. 215 с.
271. Кляшторный, С. Г. Кыпчаки в рунических памятниках. [Текст]/С.Г. Кляшторный//Turcologica, 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л.: 1986. -С. 153-164.
272. Кляшторный, С.Г. Государства и народы евразийских степей: от древности к Новому времени [Текст]/С.Г. Кляшторный, Султанов Т.И. // - Санкт-Петербург, 2000. 432с.
273. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: от древности к Новому времени [Текст]/ С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов// — СПб.: Петербургское востоковедение. 2009. — 432 с.
274. Кляшторный, С.Г. Суджинская надпись – уникальный памятник эпохи «Кыргызского Великодержавия» [Текст]/С.Г. Кляшторный //Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. - Б., 1991. –С. 57-59. 131с.
275. Кляшторный, С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии [Текст]/С.Г. Кляшторный//- СПб., 2006. 594.
276. Кляшторный, С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. [Текст]/С.Г. Кляшторный//- СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. 560 с.
277. Кляшторный, С.Г. Девятая надпись с Уйбата [Текст]/С.Г. Кляшторный//Советская тюркология, 1987. – №1. -С. 33-36.
278. Кляшторный, С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. [Текст]/С.Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов// – СПб., 1994. 166 с.
279. Козин, С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник [Текст]/С. А. Козин//Введение в

изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т.1. 620 с.
280. Козьмин, Н. Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. [Текст]/Н. Н. Козьмин //- Иркутск, 1925. 186 с.
281. Козодой, В. И. Князь Сибирских кыргызов Эренек [Текст]/В. И. Козодой//- Новосибирск.-2023. 160с.
282. Кононов, А.Н. Родословная туркмен: сочинение Абул-Гази хана Хивинского [Текст]/А.Н. Кононов//Отв. ред. С.Е. Малов. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 285 с.
283. Кормушин, И.В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии» [Текст]/ И. В. Кормушин//Сов. тюркология. № 2.- М., 1975.-С. 25–47.
284. Кормушин, И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология [Текст]/ И. В. Кормушин//- М. : Наука, 1997. 303с.
285. Коротаев, А. В. Родовая организация в социально- экономической структуре классовых обществ [Текст]// А. В. Коротаев, А. А. Оболонков Советская этнография, 1989, № 2. - С. 36- 45.
286. Костров Н. Качинские татары [Текст]/ Н. Косров//– Казань, 1852. 66 с.
287. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV -XVIII вв. [Текст]/ Б.-А.Б. Кочекаев//АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. - Алма-Ата : Наука КазССР, 1988. 268 с.
288. Кочнев Б. Д. Политическая история Караханидского каганата [Текст]/ Б. Д. Кочнев // Нумизматическая история Караханидского каганата (991-1209). Часть I. Источниковедческое исследование / Ответ. редактор В. Н. Настич. Рецензенты – Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. [Научное издание]. – Москва: ООО ИД «София», 2006. 344 с.
289. Ксенофонтов, Г.В. «Первобытная пастушеская Библия у якутов» [Текст]/С.Г. Г. В. Ксенофонтов// Архив ЯНЦ СО РАН. – Ф. 4, Оп. 1, д. 80.
290. Ксенофонтов, Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов [Текст]/Г.В. Ксенофонтов//– Национальное издательство Республики Саха (Якутия), - Т. I. Кн. 2. - Якутск, 1992. 416 с.
291. Кузеев, Р.Г. Башкирские шежере [Текст]/Р.Г. Кузеев// - Уфа, 1960. 304 с.
292. Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения [Текст]/Р.Г. Кузеев// - М., 1974. 576 с.
293. Кудайберды-улы Шакарим «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» [Текст]/Шакарим Кудайберды-улы// Перевод Б. Каирбекова.- Алма-ата, СП Дастан, 1990. 117, [1] с.
294. Кумеков, Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам [Текст]/Б.Е. Кумеков// - А-А.,1972. 156 с.
295. Кумеков, Б.Е. Арабские источники по истории кыпчаков, куманов и кимаков XIII –нач. XIIIвв./ [Текст]/Б.Е. Кумеков//Дис… в виде научного доклада д-ра ист. Наук.- СПб. РАН ИВ СПб филиал. 1994. 40 с.

296. Куник А. О торкских печенегах и половцах по венгерским источникам [Текст]/ А. О. Куник// Записки Академии наук. - Отд.I, III. - 2004. - Ч.II. - 733 с.
297. Кызласов, Л. Р. Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI-XII веков // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. XIII. Абакан, 1969. -С. 12-13.
298. Кызласов, Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско- Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). [Текст]/Л. Р. Кызласов//– М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 198 с.
299. Кызласов, Л. Р. Этнонимы «хаас» и хасха» в хакасском языке [Текст]/Л. Р. Кызласов//Маргулановские чтения.-Алма-Ата, 1989. – С. 260–263.
300. Кызласов, Л. Р. О связах киргизов Енисея и Тянь- Шаня/[Текст]/Л. Р. Кызласов// Тр. КАЭЭ.-Фрунзе,1959. - Т. III. – С. 104-116.
301. Кызласов, Л.Р. О самоназвании хакасов [Текст]/И. Р. Кызласов//Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 52-59.
302. Кызласов, Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии/[Текст]/Л. Р. Кызласов//: Монография. Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. 224 с.
303. Кылдыроглу, М. Этнополитические связи кыргызов и кыпчаков во второй половине IX-XVI вв. [Текст]// М. Кылдыроглу//Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Бишкек-2007. 19с.
304. Кырбашев К. Кызылсуулук кыргыздардын «Манасы» [Текст]/К. Кырбашев// Ж. «Алатоо», № 6, 1988. — С. 85.
305. Кычанов, Е. И. Юань-Мин доорундагы кыргыздар (XIII- XV-кылымдар) [Текст]/Е. Кычанов, Т. Бейшеналиев// Ала Тоо. -Фр., 1990. -№ 7. -С. 101-113.
306. Кычанов, Е. Жизнь Тимучина, думавшего покорить мир. [Текст]/Е. Кычанов//-М. 1995. 275с.
307. Кычанов, Е. И. Величие и падение Киргизского каганата [Текст]/Е. Кычанов//- Газета «Слово Кыргызстана»- 4 ноября 2003.-№ 20.
308. Кычанов, Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров [Текст]/Е.И. Кычанов//- М., 1997. 320 с.
309. Кычанов, Е.И. Сведения «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. [Текст]/Е.И. Кычанов//Известия АН Киргизской ССР. Сер. Обществ. наук. - Фрунзе, 1963. -Т. V. Вып. 1.- С. 59-65.
310. Кюнер, Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока [Текст]/Н.В. Кюнер//- М.: Издательство восточной литературы.- 1961. 391 с.
311. Кюнер, И. В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII-VIII вв. [Текст]/И. В. Кюнер//П – УЗХ НИИЯЛИ. – Абакан, 1951. – Вып. 2. -С. 3-16.

312. Левшин, А. Описание киркиз-кайсакских или киргиз- казачьих орд и степей [Текст]/А. Левшин// Ч. II, географические известия. - СПб., 1832. 264 с.
313. Лысенко, Н. Н. Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н. э. -IIв. н. э. [Текст]/Н.Н. Лысенко//Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. - Владикавказ 2007. 71с.
314. Лысенко, Н.Н. Асы-аланы в Восточной Скифии. (Ранний этногенез алан в Центральной Азии: реконструкция военно- политических событий IV в. до н.э. – I в. н.э. по материалам археологии и сведениям нарративных источников) [Текст]/Б.А. Лысенко//-СПб., 2002. 541с. (32 п.л.).
315. Лысенко, Н.Н. Аланский поход Нерона [Текст]/Н. Н. Лысенко//Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002. С.95–116. (1,3 п.л.).
316. Лысенко, Н.Н. Об этнонимах «ас» и «алан» (вопросы происхождения и смысловой интерпретации) [Текст]/Н. Н. Лысенко// V Царскосельские чтения. Материалы научнопрактической конференции. Т.I. СПб., 2001. (0,4 п.л.).
317. Лысенко, Н.Н. Историческая прародина алан (некоторые аспекты изучения раннего этногенеза алан) [Текст]/Н. Н. Лысенко//Вводная лекция спецкурса.-СПб., 2000. (2п.л.).
318. Лысенко, Н.Н. Асы и тохары (к вопросу об участии юэчжи в раннем этногенезе алан) [Текст]/Н. Н. Лысенко//Вишняковские чтения. Материалы научно-практической конференции. Т.VI. СПб. - Бокситогорск, 2000. (0,3 п.л.).
319. Майногашева В. Е. К вопросу об этногенезе енисейских и тяньшаньских кыргызов [Текст]/В. Е. Майногашева / Научное обозрение Саяно-Алтая № 2 (26), Выпуск 11. Серия: Филология, Хакасское книжное издательство, - С. 46 - 53. -Абакан, 2020.
320. Майнагашев, С. Д. Загробная жизнь по представлениям турецких Минусинского края. [Текст]/С. Д. Майнагашев//«Живая старина». Периодическое издание Отделения этнографии Императорского русского географического общества. г. XXIV. Вып.III. 1915. Петроград.- 1916. –С. 277-292. 308 с.
321. Малкондуев, Х.Х. К вопросу о самоназвании карачаевцев и балкарцев/ [Текст]/Х. Х. Малкондуев// КБЯЭАФ. -М., 2001. -С. 110- 136.
322. Малкондуев, Х.Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев [Текст]/Х. Х. Малкондуев//-Нальчик: Эльбрус, 2001. 172, [2] с.
323. Маликов, А. Узбеки группы «сарай» долины Зерафшана вXIX - начале XX вв. [Текст]/А. Маликов//Научный вестник Бухарского Государственного университета. 2007, №3, -С.5-10.

324. Малявкин, А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. по арабским источникам [Текст]/А.Г. Малявкин// - Новосибирск, 1983. 297 с.
325. Малявкин, А.Г. Марионетки из рода Ашина [Текст]/А.Г. Малявкин// Восточный Туркестан и Средняя Азия. -М., 1984. - С. 135-155.
326. Малявкин, А.Г. Историческая география Центральной Азии [Текст]/А.Г. Малявкин// Материалы и исследования.- Новосибирск, 1981. 337 с.
327. Малявкин, А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. [Текст]/А.Г. Малявкин// Тексты и исследования –Новосибирск: Наука, 1989. –С. 435.
328. Малявкин, А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. [Текст]/А. Г. Малявкин//Новосибирск, 1974. 215 с.
329. Малов, С.Е. Енисейская письменность тюрков [Текст]/С.Е. Малов// - М.; Л.: Издательство АН СССР. 1952. 116 с.
330. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности [Текст]/С.Е. Малов// - М-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
331. Маанаев, Э. Ж. Этническая история кыргызского народа [Текст]/Э.Ж. Маанаев// -Бишкек,2008. 212 с.
332. Маанаев, Э.Ж. Кыргыз элинин этникалык онугуусу [Текст]/Э.Ж. Маанаев, О.К. Каратаев//- Б., 2003. 268 б.
333. «Манас» [Текст] - Фр. 1978. 296 б.
334. «Манас» [Текст] - Фр. 1984. 248 б.
335. «Манас». Киргизский героический эпос [Текст]-Москва, 1988. 686, [2] с.
336. «Манас» [Текст] - Б. 2010. 1840 б.
337. Маамытов, С.А. Кыргызско-татарские литературные связи второй половины XIX – начало XX веков [Текст]/С.А. Мамытов//- Бишкек, 1999. 177с.
338. Маргулан, А.Х. Выступление на научной конференции по этногенезу киргизского народа (г. Фрунзе, ноябрь 1956) [Текст]/А. Х. Маргулан//ТКАЭЭ. - Фрунзе: 1959. - Т. 3. -С. 175-201. 240 с.
339. Маргулан, Э. Ежели жыр-аныздар. [Текст]/А. Х. Маргулан//-Алматы: Жазушы, 1985. 368 б.
340. Москалев, М.И. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии [Текст]/ М.И. Москалев, К.Ш.Табалдиев, О.А.Митько //-Бишкек, 1996. 259 с.
341. Маслюженко, Д.Н. Сообщение Продолжателя «Чингиз- наме» Утемиша-хаджи как источник по истории сибирских Шибанидов [Текст]/Д. Н. Маслюженко//Золотоордынское обозрение. № 4. 2015.- С. 117-134.
342. Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии [Текст]/Д. Н. Маслюженко// Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.2. Казань, 2010. -С. 9-21.

343. Маслюженко, Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. [Текст]/Д. Н. Маслюженко// – Курган, 2008. 168 с.
344. Материалы по истории и кыргызов и Кыргызстан/МИКК [Текст]/ «Маджму ат-Таварих» отв. редактор В. А. Ромодин.- М., 1973. 280с.
345. Материалы по истории и кыргызов и Кыргызстана [Текст]- Б., 2003. Ч. I. 315с.
346. Материалы по истории и кыргызов и Кыргызстана [Текст]- Б., 2003. Ч. II. 259с.
347. Материалы по истории казахских ханств XV - XVIII веков (извлечения из персидских. и тюркских сочинений) [Текст] / АН КазССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова; [отв. ред. Б. Сулейменов]. - Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. 648, [4] с.
348. Материалы по районированию Средней Азии [Текст] / Территория и населения Бухары и Хорезма. Кн. 1. Ч. 1. Бухара. Ташкент, 1926. 288с.
349. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных. (География) [Текст]/Ибн Вали Махмуд// Введение, перевод, примечания Б.А.Ахмедова. - Ташкент, 1977. 167 с.
350. 354. Машрапов Т. Т. «Бахр ал-асрар фи манакиб ал –ахйар (география) Махмуда ибн Вали как источник по истории Кыргызстана XVI-XVII вв. [Текст]/Т. Т. Машрапов//Вопросы востоковедения и востоковедного образования. - Бишкек: БГУ, 2002.- Вып.1. -С.27 37.
351. Миллер, Г.Г. История Сибири. [Текст]/Г. Г. Миллер//Т. I.- М.:Л., [Т.] 2. – 1941. 637с.
352. Минорский, В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. [Текст] /В.Ф. Минорский// М.: Изд-во восточной лит-ры. 1963. 266 с.
353. Мир Мухаммед Амин Бухари «Убайдулла намэ» [Текст]/Мир Мухаммед Амин Бухари// - Ташкент, 1957. 326 с.
354. Миргалеев, И.М. К вопросу о клановой системе в золотоордынском государстве [Текст]/И. М. Миргалеев//Исторические очерки. -Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С.132-136.
355. Миргалеев, И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз- наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах [Текст]/И. М. Миргалеев // История, экономика и культура средневековых тюрко- татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. -С. 64–66.
356. Митько, О.А. Средневековое население долины р. Ус [Текст]/О. А. Митько//Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней Азии и Центральной Азии.- Бишкек, 1991. –С. 74-76. 131с.
357. Михайлова, Г.А. О грузинских источниках по средневековой истории Средней АЗИИ [Текст]/Г. А. Михайлова// // ОНУ. 1961. № 2. -С. 57 – 58.

358. Мокеев, А.М. Этнокультурные связи кыргызов с карлуками в IX-XI вв. [Текст]/А.М. Мокеев//Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. - Б., 1991. –С. 77-79. 131с.
359. Мокеев, А.М. О локализации алтайских киргизов в IX-XVI веках [Текст]/А. М. Мокеев// Кыргызы. Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. -Бишкек, 1996. - С. 209-223.
360. Мокеев, А.М.Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане [Текст]/ А.М. Мокеев// - Б., 2010. 280 с.
361. Мокеев, А. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызского народа на Тянь-Шане в XVIII вв. [Текст]/ А.М. Мокеев// – Изд. АН РК, 1991. № 4. Серия общественных наук. – С. 44-45.
362. Молдалиева М. И. Историко-генетический подход в исследовании этногенеза и материальной культуры древних кыргызов [Текст]/М. И. Молдадиева//Международный журнал экспериментального образования. – 2021-№1.-С. 68-72.
363. Молдобаев, И. Б. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая [Текст]/И.Б. Молдобаев//Вопросы этнической истории киргизского народа.-Фр., 1989. 140, [2] с.
364. Молдобаев, И. Б. Этнокультурные связи кыргызов в средневековье [Текст]/И. Б.Молдобаев// - Бишкек, 2003. 154с.
365. Молдобаев, И.Б. «Манас» - историко-культурный памятник кыргызов [Текст]/ И. Б.Молдобаев//- Б., 1995. 311с.
366. Молдобаев, И. Б. Этнографические истоки одного мотива из эпоса киргизов и народов Центральной Азии [Текст]/И. Б.Молдобаев// Проблемы хакасского фольклера.- Абакан, 1982. - С. 124-130.
367. Молдобаев, И.Б. Эпос «Манас» как источник по истории государственности кыргызов. [Текст]/И. Б.Молдобаев// – Бишкек, 2004. 173с.
368. Молдобаев, И. Б. Отражение этнических связей киргизов в эпосе «Манас». [Текст]/ И.Б. Молдобаев// - Фрунзе, 1985. 110 с.
369. Монгуш, Б. Б. Племена, связанные этногенезом тувинцев в предмонгольское время [Текст]/ Монгуш Б. Б.//«Аранчыновские чтения. Материалы III-IV чтений», ТИГПИ/ Сост. д.и.н.Н.М.Моллеров, к.и.н.А.А.Самдан; Ред. д.ф.н.С.М.Орус-оол, к.п.н.М.Б.Кунгаа. – Кызыл: ООО «Тываполиграф», 2021. – 285 с.
370. Монгуш, Б.Б. Происхождение азов и азийский компонент в этногенезе тувинцев (по восточным письменным источникам) [Текст]/Б. Б. Монгуш//Вестник Томского государственного университета. –Томск, 2013. № 23. –С. 46-51.

371. Монгуш, Б. Б. Чики: происхождение и роль в этногенезе тувинцев (по сведениям восточных письменных источников) [Текст]/Б. Б. Монгуш//Омский научный вестник. 2007. № 5 (59).- С. 15–19.
372. Монгуш, Б. Б. Этнонимы, содержащиеся в тюркских рунических надписях Тувы кыргызского периода//[Текст]/Б. Б. Монгуш//Материалы международной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности (г. Кызыл, 1-4 июля 2010 года). Часть II. Кызыл.-Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2010. -С. 176- 181.
373. Мохаммад Салмаси-Заде. Хазары в исламских исторических источниках [Текст]/ Мохаммад Салмаси-Заде// «Иран- намэ». Научный востоковедческий журнал. –Алматы, 2008.-№3. –С. 173-190.
374. Муканов, С. М. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза [Текст]/С. М. Муканов// -Алмата: Наука, 1974. 200с.
375. Мустакимов, И.А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII- XV вв. по данным некоторых арабографичных источников / И.А. Мустакимов // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. - Вып. 2 . Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. - С. 21-32.
376. Мухаммед Хайдар. Тарих-и Рашиди. [Текст]/ Мухамед Хайдар// -Ташкент: Фан, 1996. 606 с.
377. Мухаметханов, Н. «Феникс» – «Манас» жана Мухтар Ауэзов. [Текст]/ Н. Мухаметханов//– Ж. «Алатоо» – 1998. -№ 8. –С. 101-117. 161с.
378. Мэн-да бэй-лу. («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа / пер. с китайского, введение, комм. и приложения Н.Ц.Мункуева. [Текст]/ – М., 1975. Прим. 110. 288 с.
379. Натанзи, Муʿин ад-Дин Мунтахаб ат-таварих-и Муʿини [Текст]/Н. А. Натанзи//Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941. 308 с.
380. Небольсин П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах. Текст]/ П.И. Небольсин //Вестник Императорского русского географического общества. – СПб. – 1851. – Ч. 2. – Кн.4. -С. 1–30.
381. Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. Текст]/ П.И. Небольсин // -СПб, 1852. 197 с.
382. Николаев, В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII – XIVвеках. Усть-Талькинская культура. [Текст]/ В. С. Николаев// –Владивосток-Иркутск: Изд–во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.
383. Нурумбаев, А.А. Заметки о происхождении родоплеменной группы каракесек [Текст]/А.А. Нурумбаев//- Ашхабат, 2018. 101с.
384. Омаров, С. Аргыны Семиречья [Текст]/ С. Омаров, Д. Адизбаева//Духовное наследие М. Х. Дулати// Материалы III Международной конференции посвященной 500-летию государственного

деятеля Средневековья Центральной Азии, Великому ученому-историку Мухаммеду Хайдару Дулати на тему «Казахстан и мировая цивилизация: история и современность, 16-17 июня 1999 года. 174 с.
385. Окладников, А.П. Древнее население народов Сибири и его культура [Текст]/А. П. Окладников// Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. – М.-Л.: АН СССР, 1956. – С. 21-107.
386. Осеон, Д.К. История монголов от Чингис хана до Тамерлана [Текст]/Д.К. Осеон// - Иркутск, 1937. - Т. 1. 295 с.
387. Осмонов, О.Дж. Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней) [Текст]/О. Дж. Осмонов// - Бишкек, 2012. 288 с.
388. Осмонов, О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней) [Текст]/О. Дж. Осмонов// - Бишкек, 2008. 605с.
389. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) [Текст]/ гл. ред. В.Я. Бутанаев; научн. Ред. В.И. Молодин. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008. 672 с.
390. Парунин, А.В. Тайбугиды: от клана к княжеской династии [Текст]/ А. В. Парунин//Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 3. – Казань. 2011. – С. 94-111.
391. Петров, К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами [Текст]/К.И. Петров// - Фр., 1961. 212 с.
392. Петров, К.И. К этимологии термина «кыргыз». Цветовая древнетюркская топоэтнонимика Южной Сибири [Текст]/К.И. Петров//Советская этнография, 1964. № 2. -С. 81-92.
393. Пилипчук, Я. В. Миграции огурских племен (V-VIIвв.) [Текст]/Я. В. Пилипчук //Тюркологические исследования 2019, том 2, № 4. -С. 63-81.
394. Пилипчук Я. В. Си Ляо - киданьское государство Восточного Туркестана [Текст]/Я. В. Пилипчук //International Scientific Symposium “Actual problems of Turkology” dedicated to the 150th anniversary of the birth of Turkish poet Mehmet Akif Ersoy, author of the National Anthem. Stockholm, 2023. P. 138-145
395. Пилипчук Я. В. Монголия до Чингиз-хана [Текст]/Я. В. Пилипчук // The XXXIII International Scientific Symposium “Dialogue of Sciences and Cultures in the Modern World” . Bishkek, 2022. P. 132- 137.
396. Пилипчук, Я. В. Тюркские племена Центральной Азии и Караханидский каганат [Текст]/Я. В. Пилипчук //Тюркология. №4 2016. - С.64-72.
397. Пилипчук, Я. В. Енисейские кыргызы в Средневековье [Текст]/Я. В. Пилипчук // Сибирский сборник. Вып. 5 Тобольск 2020. - С. 142-165.
398. Пилипчук, Я. В. Саки в Индии [Текст]/Я. В. Пилипчук // История античного мира и средневековья в университетах Украины. К 40-летию кафедры истории древнего мира и средних веков ХНУ имени В. Н. Каразина.

Тезисы докладов Международной научной конференции (Харьков, 25–26 октября 2018 г.) – Харьков : ООО «НТМТ», 2018. -С. 48-52. 150 с.
399. Пищулина, К. А. «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали как источник по социально-экономической истории Восточного Туркестана XVI–XVII вв. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVII - XVIII вв. [Текст]/К. А. Пишулина// Ответ. редактор член- корр. АН СССР Б. А. Тулепбаев. – Алма-Ата: «Наука», 1983. 192 с.
400. Плетнева, С. А. Печенеги. Откуда произошли печенеги [Текст]/ С. А. Плетнева//Исчезнувшие народы: Сборник статей (по материалам журнала «Природа») - М., «Наука», 1988. –С. 35-36. 173с.
401. Плетнева, С. А. Хазары [Текст]/ С. А. Плетнева//-Москва, «Наука»,1976. 93 с.
402. Плетнева, С.А. Половцы [Текст]/ С. А. Плетнева//- М.: Наука, 1990. 208 с.
403. Плотников, Ю.А. Рашид ад-Дин о северных соседях енисейских кыргызов [Текст]/Ю.А. Плотников// Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии. - Бишкек, 1991.-С. 92-94. 131с.
404. По́лное собра́ние ру́сских ле́тописей (ПСРЛ) [Текст]/ – М.1987. -Т. 36. 384 с.
405. Понамарев А. Куман-половцы [Текст]/А. Пономорев//-// Вестник древней истории. 1940. № 3-4.- С. 366-370.
406. Потанин, Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии [Текст]/ Г. Н. Потанин// Т. IV, Санкт-Петербург, 1883. - [18], 1026 с.
407. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев [Текст]/Л.П. Потапов// М.; Л. , 1953. 447 с.
408. Потапов, Л.П. Этноним теле и алтайцы [Текст]/Л.П. Потапов// Тюркологический сборник к 60-летию А.Н. Кононов, -М.: Наука, 1966.– С. 233-240.
409. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности [Текст]/Л.П. Потапов//Абакан, 1957. 308 с.
410. Потапов, Л. П. Очерки по истории алтайцев. [Текст]/Л.П. Потапов//Вопросы истории, № 7, 1954, –С. 149-153. 444 с.
411. Потапов Л . П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.) [Текст]/Л. П.Потапов//Абакан, 1952.
412. Потапов, Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. [Текст]/Л. П. Потапов// Отв. ред. А.П. Окладников. – Л.: Наука, 1969. 196 с.
413. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды [Текст]/Л. П. Потапов// — СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. — 464 с.

414. Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сборник научных трудов. — Калмыцкий гос. университет, 2007. 177с.
415. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них» [Текст]- СПб., 1868. -[2], II. 528 с.
416. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу » [Текст] – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. 228 с.
417. Радлов, В.В. Из Сибири [Текст]/В.В. Радлов// - М., 1989. 749 с.
418. Радлов, В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии [Текст]/В.В. Радлов//пер. с нем. Н. Н. Козьмина.-Иркутск, 1929. - С.18-19.
419. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий [Текст]/В.В. Радлов//Т. II . Ч. II. -СПб., 1899. 976с.
420. Радлов, В.В. Предисловие [Текст]/В.В. Радлов// «Манас» - героический эпос киргизского народа.- Фр., 1968. 232с.
421. Рашид ад-Дин, Сборник летописей [Текст]/Рашид ад-Дин//- Т. I. Кн. I/Пер. с персидского Л.А. Хетагурова. - М.; Л: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
422. Рашид ад-Дин. Сборник летописей [Текст]/Рашид ад- Дин//Т.I. Кн.2. Перевод О. И. Смирновой. М.– Л., 1952. 315 с.
423. Рашид ад-Дин Сборник летописей. История монголов [Текст]/Рашид ад-Дин//Перев. с персидск… И.Н. Березина, Труды Вост. отд. И. А. О., часть пятая, СПб., 1858, 322 с., прим. 5
424. Ромодин, В.А. Извлечение из «Маджму ат-Таварих» (перевод с персидского языка) [Текст]/В.А. Ромодин//от. рукописей инв. № 167б. НАН КР.- Л., 1963. - 110с.
425. Ромодин, В.А. Контакты киргизов с другими народами в свете ранних записей эпоса «Манас» [Текст]/В.А. Ромодин//ЭИКСТН. ВТК, 27-29 сент. 1976 г. - ТДС. - Алма-Ата, 1976. 126с.
426. Рубрук, Г. Путешествие в Восточные страны [Текст]/ Г. Рубрук// // Путешествия в Восточные страны. М.: Мысль, 1997. -С. 88–190.
427. Рудановский, А. О. О Караногайской степи и кочующих на ней племенах. -[Текст]/ А. О. Рудановский//газ. Кавказ. –№ 48. – № 48–52. - Тифлис.1863.
428. 432. Сабитов, Ж. М. Натанзи как источник по истории Золотой орды [Текст]/ Ж. М. Сабитов //Золотордынская цивилизация. Выпуск 3. Казань. 2010. – С.150-154.
429. Сабитов, Ж.М. «Маджму ат-Таварих» как источник по истории улуса Джучи. «Золотоордынское обозрение [Текст]/ Ж. М. Сабитов //–Казань, 2017. Т. 5. № 3. 577с.
430. Сабитов, Ж. М. Сведения Маджму Ат-Таварих об истории кыргызов [Текст] / Ж. М. Сабитов, Т. А. Акеров, //Global Turk #3/4. 2017.-С. 65-73.

431. Савинов, Д.Г. Основные этапы истории алатов [Текст]/ Д.Г. Савинов// историческая этнография. Вып. III. - Л., 1985. –С. 30-37.
432. Савинов, Д.Г. Енисейские кыргызы и курыканы [Текст]/ Д.Г. Савинов// Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск, 1984. - С. 55-62.
433. Савинов, Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи» (по раскопкам 1986–1989) [Текст]/ Д.Г. Савинов// —СПб. 2012— 217с.
434. Савинов, Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири [Текст]/ Д.Г. Савинов//- Кемерово, 1994. 215с.
435. Савинов, Д.Г. Этническое окружение страны енисейских кыргызов [Текст]/ Д.Г. Савинов//Историческая этнография. Вып. 3: Малые этнические и этнографические группы. -СПб: 2008. -С. 110- 122.
436. Савинов, Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху[Текст]/ Д.Г. Савинов/// — Ленинград: ЛГУ, 1984. — 174 с.
437. Савинов, Д. Г. Археологические данные о связи енисейских и тяньшаньских кыргызов в конце I-начале II тысячелетия н. э. [Текст]/ Д.Г. Савинов/// — Вопросы этнической истории кыргызского народа.- Фр.,1989. – С. 77-90. 140с.
438. Сайшиял. Сказание о Чингисхане [Текст]/Сайшиял// - Улан-Удэ, 2006. 576 с.
439. Сайшиял. Сказание о Чингисхане. [Текст]/Сайшиял// – Агинское-Улаан баатар, 2009. 508 с.
440. Сальманов, А. С. Башкирское племенное объединение табын: вопросы формирования [Текст]/А. С. Сальманов// диссерт. на соискание учѐной степени кандидата исторических наук Уфа. 2017. 290с.
441. Сальманов, А.С. Специфика этногенеза тюркских народов Евразии: формирование башкирского племенного объединения табын Текст/ А.С. Сальманов// – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН; Мирпечати, 2022. – 563 с.
442. Сандаг, Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан Татаро-монголы в Азии и Европе [Текст]/ Ш. Сандаг//- М.: Главная редакция вост. лит. изд-ва «Наука», 1970.- С .22-45. 473, [3].
443. Сапаралиев, Д. Эмир Тимур и кыргызы или о взаимоотношениях кыргызов с Эмиром-Тимуром и тимуридами в XIV-XIX вв. [Текст]/ Д. Сапаралиев//-Газ. «КТР-Обо», № 30/297.- 26 июля 2002.
444. Саттаров, С. Р. Ават тарыхы, санжырасы жана ичкилик кыргыздар [Текст]/ [Текст]/ С. Р. Саттаров//-Б. 2009. 407с.
445. Сафаргалиев, М. Г. Распад Золотой Орды [Текст]/ М. Г. Сафаргалиев// Ученые записки Мордовского государственного университета. – Саранск, 1960. – Вып. XI. 279 с.
446. Сафаров Р. И. Социально-политическая история карлуков VII-XIIIвв. и их этнокультурная связь с таджиками Мавераннахра [Текст]/ Р. И. Сафаров//автореф. диссертации… -Душанбе, 2021. 215с.

447. Семенов, Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа [Текст]/ Н. Семенов//- СПб.1895. 488 с.
448. Сердобов, Н. А. История формирования тувинской нации [Текст]/ Н. А. Сердобов//– Кызыл : Тув. кн. изд-во, 1971. – 480 с.
449. Сикалиев, А.И.-М. Ногайский героический эпос [Текст]/ А. И. -М. Сикалиеев //-Черкесск: КЧИГИ, 1994. 328 с.
450. «Синь Тан шу» [Текст]// МИКК.- Б., 2003. -Ч. II.-259с.
451. «Сиюй чжи» [Текст]//МИКК. -Б., 2003.- Ч. II. 259с.
452. Скобелев, С.Г. Происхождение Фуюйских киргизов [Текст]/ С.Г. Скобелев, Тайсин Чжан, А.А.Шомаев //Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней Азиии и Центральной Азии. - Бишкек, 1991. –С. 99-101. 131с.
453. Смирнов, В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. [Текст]/В.Д. Смирнов// Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. - К.: Стилос, 2005. 542 с.
454. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях [Текст]/ перевод Д. Языкова, - СПб., 1825. 330с.
455. Сокровенное сказание монголов[Текст]/ Перевод С.А. Козина.- Улан-Удэ, 1990. 170 с.
456. Сокровенное сказание монголов. Великая Яса. — Litres, 2017. — 758 с.
457. Солтоноев Б. Кыргыз, казак тарыхы [Текст]/ Б. Солтоноев//КР УИА КЖФ. Ивн. 167, 255-б.
458. Солтоноев, Б. Кызыл кыргыз тарыхы [Текст]/ Б. Солтоноев//- Бишкек, 1993.- Ч. 1. 208б.
459. Солтоноев, Б. Кызыл кыргыз тарыхы [Текст]/ Б. Солтоноев//- Бишкек, 1993.- Ч. II. 224б.
460. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю [Текст]/ - Л., 1975. - Т. 1. 672 с.
461. Сулимирский Тадеуш. Сарматы. Древний народ юга России [Текст]/Т. Сулимирский//– М., Пер. с англ. Т. В. Китаиной. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 191с.
462. Султанов, Т.И. К историографии этнополитической истории улусов Джучи и Чагатая [Текст]/ Т.И. Султанов//Золотоордынское обозрение, Т. V, № 1. - Казань. 2017. - С. 74-92.
463. Султанов, Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории) [Текст]/ Т.И. Султанов//- М., 1982. 160 с.
464. Султанов, Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть [Текст]/ Т.И. Султанов/-Москва. Издательство Аст. 2006. 445 с.
465. Супруненко, Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов [Текст]/ Г. П. Супруненко// История и культура Китая. М.: 1974.- С. 236-248.

466. Супруненко, Г. П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи» («Собрание сочинений Ли Вэй-гуна периода правления Хойчан, 841-846 гг.») [Текст]/ Г. П. Супруненко//Изв. АН Киргизской ССР, Т. V, Вып. 1, Ф., 1963.-С. 67-81.
467. Сыдыков, О. Тарыхи кыргыз Шадмания [Текст]/ О. Сыдыков//-Уфа. 1914. 188 с.
468. Табалдиев, К. Эволюция культур древнего и средневекового населения Тянь-Шаня (по данным археологических исследований) [Текст]/ К. Табалдиев// Автореферат диссертации в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. - Б. 2022. 182с.
469. Тагирджанов, А. Т. Маджму ат-Таварих» [Текст]/подготовил к изданию А.Т. Тагирджанов//отд. рук. Инв. № 168. НАН КР.-Л. 1960. 188 с.
470. Таскин, В.С. Материалы по истории Сюнну. [Текст]/В.С. Таскин//«Наука». Вып. 1. - М.: 1968. 177с.
471. Таскин, В. С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-IVвв. [Текст]/В.С. Таскин//Выпуск I Сюнну. -М. 1989. - 287с. см. примечание на 209.
472. Татаринцев, Б. И. Избранные труды [Текст]/Татаринцев//- Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф»., 2009. 287 с.
473. Татаринцев, Б. И. Проблемы изучения тувинской этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения) [Текст]/Татаринцев//Исследования по тувинской филологии. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1986.-С. 64–86.
474. Тенишев, Э. Р. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу [Текст]/ Э. Р. Тенишев// Советская этнография. – 1962. – № 1. – С. 59–66.
475. Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. [Текст]/В. Г. Тизенгаузен// – Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. 308 с.
476. Тишин, В. В. Кимеки и чу-му-кунь заметки по поводу одного отождествления» [Текст]/ В. В. Тишин// Археология, этнография и антропология Евразии. 2018.Т. 46. №3 –С. 107-133.
477. Тишин, В. В. К истории происхождения тувинской родоплеменной группы тюлюш (түлүш) датировка енисейской рунической надписи Ээрбек I (Е 147 [Текст]/ В. В. Тишин//Новые исследования Тувы № 3. -С. 209-238.
478. ТКАЭЭ-Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – Т. I-IV. Москва, 1956-1960/ [Текст]/– Т. III.
479. Толыбеков, С.Е. Казахское кочевое общество в XIII - начале XX века» [Текст]/С. Е.Толыбеков //-Алма-Ата. 1971. 636с.
480. Томилов, Н.А. Тюркоязычное население Западно- Сибирской равнины в XVI – первой четверти XIX вв. [Текст]/Н. А. Томилев// - Томск, 1981. 274с.
481. Торланбаева, К.У. О некоторых племенах западных тюрков и тюргешей [Текст]/К. У. Торланбаева//Сборник материалов международной научной

конференции Кипчаки Евразии: история, язык и письменные памятники посвященной 1100 летию Кимекского государства в рамках Дней тюркской письменности и культуры.-Астана, 2013. -С. 218-224. 216б.
482. Трепалов, В.В. История Ногайской Орды. [Текст]/В. В. Трепалов//– Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
483. Тынышпаев, М. История, этнография и археология казахского народа [Текст]/М. Тынышпаев// — ЭКО, - Павлодар. 2006. — 328 с.
484. Тынышпаев, М., Такенов, А. С., Байгалиев, Б. История казахского народа [Текст]/М. Тынышпаев, А. С. Такенов, Б. Байгалиев// Алматы: Санат, 2009. — 292 с.
485. Тынышпаев, М. Материалы к истории киргиз-казакского народа [Текст]/М. Тынышпаев// – Алма-Ата: «Алтын-Орда», 1990. 75с.
486. Тычинских, З. Х. Исхаков Д. М. Сибирско-татарский дастан «Ак Кубяк»: неизведанные страницы средневекового эпического произведения [Текст]/З.Х. Тычинских, Д. М. Исхаков//Общество и государство. 2023.№ (42).-С. 16-19.
487. Усейун-Ажы Кыргыз санжырасы/[Текст]/Усейин ажы// Кыргыдар. –Б. 1993. - Т.2. - 72-123 б. 575б.
488. Утемиш-Хаджа. Чингиз-наме. [Текст]/Утемиш- Хаджа//«Гылым»,- Алма-Ата, 1992. 298с.
489. Утемиш-Хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
490. Ушницкий, В.В. Население Байкальского региона в эпоху средневековья (к проблеме происхождения саха) [Текст]/В. В. Ушницкий// - Якутск. 2013. 173 с.
491. Ушницкий, В. В. Этногенез кыргызских племен в аспекте изучения проблемы происхождения тюрко-монгольских этносов [Текст]/В. В. Ушницкий//Бишкек. 2017. 225с.
492. Ушницкий, В.В. Основные версии происхождения бурятского народа [Текст]/В. В. Ушницкий//Известия Лаборотории древних технологий № 4 (17) 2015. – С. 52-60.
493. Ушницкий, В.В. Центральноазиатские татары: вопросы этнической истории и этногенеза [Текст]/В. В. Ушницкий//Тюркологические исследования. –Казань, 2019; 2(1): 5-12.
494. Ушницкий, В.В. Общность этногенеза кыргызов и кыпчаков [Текст]/В. В. Ушницкий, Т. А. Акеров//Сборник материалов международной научной конференции «Средневековая История Деш-и-Кыпчака».- Астана, 2010. 168с.

495. Ушницкий, В. В. Кыпчакский компонент в этногенезе саха [Текст]/В. В. Ушницкий//Вестник Томского Государственного Университета Истории. - Томск, 2015. № 3 (35) - С. 97-101.
496. Ушницкий, В. В. Загадка племени меркитов: проблема происхождения и потомства [Текст]/В. В. Ушницкий//Вестник Томского Государственного Университета Истории. - Томск, 2013.№ 1 (21) –С. 191-195.
497. Ушницкий, В. В. Теория татарского происхождения якутов [Текст]/В. В. Ушницкий//Золотордынское обозрение. Казань.- С. 43 - 63.
498. Ушницкий В. В. Исторический диспут об этнической принадлежности найманов и кераитов [Текст]/В. В. Ушницкий//Проблемы востоковедения. 2011. № 2 (52). С. 29–34.
499. Фишер, И. Е. Сибирская история с самого открытия до завоевания сей земли российским оружием. [Текст]/ И. Е. Фишер//- СПб., 1774. - [2], 631 с., [2]
500. Фукалов И. А. Сакрализация власти тюркских и кыргызских правителей в VI-XII вв. [Текст]/И. Е. Фишер//Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук,- Б. 2017. 44с.
501. Хабижанова, Г. Б. Тюркские племена Центральной Азии в X-XII вв. [Текст]/Г. Б. Хабижанова// –Алматы, 2009. 126 с.
502. Хабижанова, Г.Б. Огузские сюжеты в этнической истории тюркских племен Западного Казахстана [Текст]/Г.Б. Хабижанова// Вопросы истории Кыргызстана. -Б.,-2010. -№ 3. –С. 123-130.
503. Хабижанова, Г. Б. Взаимосвязи тюркских народов Центральной Азии в исторической ретроспективе [Текст]/Г. Б. Хабижанова//сб. ст. международной научной конференции «Кыргызский каганат в контексте тюркской цивилизации: проблемы кыргызоведения», посвященной 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата. «Вестник» КГНУ. - Бишкек, 2012. Ч. II. –С. 162-167.
504. Хабижанова, Г. Б. Некоторые данные об истории расселения тюркских племен: конфедерация теле [Текст]/Г. Б. Хабижанова// Вестник КазНУ. Серия историческая, №2 (57).-А-А., 2010. –С. 36-41. 311с.
505. Хабижанова, Г.Б. Кыпчаки и их роль в формировании казахских племен [Текст]/Г. Б. Хабижанова// Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Серия Историческая. – 2010. – №2 – С. 51-54.
506. Хертек Л.К. О «скифском» наследии в тувинских онимах [Текст]/ Л. К. Хертек//Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание иностранных и национальных языков. Материалы международной конференции XXIII Дульзоновские чтения, 25-27 июня 2002 г. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2002. – С.227–232.
507. Хойт С. К. Кереиты в этногенезе народов Евразии: историография проблемы [Текст]/С. К. Хойт//— Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 84 с.

508. Худяков, Ю.С. Особенности государственного устройства, этносоциальной иерархии и взаимодействия кочевого и оседлого населения в Кыргызском каганате в IX–X вв. [Текст]/Ю.С. Худяков// Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: мат. регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2003.- С. 142–145.
509. Худяков, Ю.С. Кыргызы на просторах Азии [Текст]/Ю.С. Худяков//- Бишкек, 1995. 188 с.
510. Худяков, Ю.С. Кыргызы в Центральной Азии [Текст]/Ю.С. Худяков// Вопросы этнической истории киргизского народа.- Фрунзе, 1989. 140с.
511. Худяков, Ю.С. Границы распространения кыргызской культуры в IX-Xвв. [Текст]/Ю.С. Худяков// Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. — Бишкек, 1995. — С. 10–12.
512. Худяков, Ю.С. Вооружение Центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья [Текст]/Ю. С. Худяков//- Новосибирск, 1991. 191с.
513. Худяков, Ю.С. Сабля Багыра Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов [Текст]/Ю.С. Худяков//- М. 2003. СПб: Петербургское Востоковедение; М.: Филоматис, 2003. 180, [3] с.
514. Худяков, Ю.С. Кыргызы в Восточном Туркестане [Текст]/Ю. С. Худяков// Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 1000-летию эпоса «Манас» 22-24 сент. 1994 г. Бишкек: 1996. - С. 180-195.
515. Худяков, Ю. С. Локализация районов проживания кыргызов в Южной Сибири и Центральной Азии в периоды поздней древности, раннего и развитого Средневековья [Текст]/Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко//Вестник НГУ. 2021. Т. 20. № 7. -С. 109-
516. Худяков, Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. [Текст]/Ю. С. Худяков//–Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
517. Худяков, Ю. С. Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) [Текст]/Ю. С. Худяков//Этнографическое обозрение, 2001, № 5, стр. 75-83
518. Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни [Текст]/Ю. С. Худяков// Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136–162.
519. Цыдендамбаев, Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные [Текст]/Ц. Б. Цыдендамбаев//Историко- лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 658 с.
520. Челеби, Э. Книга путешествий «сейахатнамэ» Земли Кавказа и Сопредельных областей Малой Азии и Ирана [Текст]/Э. Челеби/-М. Наука, 1983. вып. 3. 225с.

521. Челеби, Э. Книга путешествий. Извлечения из сочинения Османского путешественника XVII века. Земли исторической России и сопредельные области [Текст]/Э. Челеби/ Вступительная статья, перевод с османского языка и комментарии Евгения Бахревского. – М. : Институт Наследия, 2023. 724 с.
522. Членова, Н.Л. Происхождение и ранняя история племѐн тагарской культуры [Текст] / Н. Л. Членова// – М., 1967. 300 с.
523. Чингизхан. Сокровенное сказание монголов. Великая яса [Текст]/С. А. Козин//-М.: Эскмо. 2013. 480с.
524. Чойгонмаа К. Одуп Родословная кыргысов из Эйлик-Хема [Текст] / К. Чойгонмаа//Новые исследования Тувы. №4, Новые исследования Тувы, Кызыл. 2021. -С 46-56.
525. Чоротегин, Т.К. Профессор Ю Тайшань об этнографических сведениях о древних кыргызах, отраженных в труде «Му Тяньцзы чуань» [Текст]/Т. К. Чоротегин//-Maxmud Kasgarli. Cild. II. №1.- Баку, 2024.
526. Чоротегин, Т. Махмуд Кашгари Барсханинин эмгеги- коонoргус булак [Текст]/Т. Чоротегин//-Бишкек, 2017. 374б.
527. Чоротегин, Т. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени Т. Чоротегин// - Бишкек, 1995. 208с.
528. Чороев, Т.К. Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари жана анын «Туркий тилдер соз жыйнагы» [Текст]/ Т. К. Чороев// - Фрунзе, 1990.
529. Шаниязов, Н.И. К этнической истории узбекского народа Историко-этнографическое исследование на материалах кыпчакского компонента [Текст]/Н.И. Шаниязов// - Ташкент, 1974.– Фан, 1974. 340 с.
530. Шамильоглу, Ю.Ш Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде [Текст]/Ю. Ш. Шамильоглу//монография / Перевод с англ. яз. Ч.И. Хамидовой, Р. Хаутала; отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 260 с.
531. Шежіре Казактын ру-тайпалык курылысы. [Текст]/- Алматы: 1991. 66б.
532. Шежере башкир племени кыргыз. [Текст] Ж-л «Шура» - Казань, 1913. - №8 С. 199 - 205.
533. Шмитц, А. О Нагайском хане Манас [Текст]/А. Шмитц//- Газета «Кутбилим». 20.09.1995. - № 28.
534. Эдиге: Ногайская эпическая поэма/[Текст]//[Карачаево-Черкесский ордена «Знак почета» Ин-т гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики] ; под ред. Н. Х. Суюновой; [пер. с англ. Э. З. Суюнова, пер. с нем. Э. Т. Суюндикова, С. М. Бекжанова]. - Москва : Наука, 2016. - 507, [2] с., [8] л.
535. Энциклопедический феномен эпоса «Манас» [Текст]/ сб. ст.- Б., 1995. 728 с.
536. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Клан/[Текст] Клан/[Текст] Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон// Т. XV.

537. Эралиев, З. Бабабыз менен данктансак [Текст]/З. Эралиев// – газ. «Чуй баяны». – Бишкек, 2 октября 2001.
538. Эрдынеева Ч. В. Сюжетные мотивы в англосаксонской эпопее «Беовульф» и бурятской Гэсэриаде [Текст]/Ч. В. Эрдынеева// Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. — 2011. — Вып. 11.— С. 158—160. — ISSN 2305-459ХП
539. Юдин, В.П. О родоплеменном составе могулов Моголистана и Могулии и их этнических связях с казахами и другими намадами [Текст]/В.П. Юдин// Изв. АН КазССР, сер. Обществ. наук, вып. 3, -Алма-Ата, 1965. - С.52-65.
540. Юнусалиев, Б. М. Киргизский героический эпос «Манас» [Текст]/Б. М. Юнусалиев// Энциклопедический феномен эпоса «Манас».-Б. 1995. 470с.
541. Юрченко, А.Г. Империя и космос: Реальная и фантастическая история походов Чингис- по материалам францисканской миссии 1245 года хана [Текст]/А. Г. Юрченко//- СПб.: Евразия, 2002. 432 с.
542. Юрченко, А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя» Материалы францисканской миссии 1245 г. [Текст]/А. Г. Юрченко// – СПб.: Евразия, 2007. 478 с.
543. Юрченко, А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII-XV вв. [Текст]/А. Г. Юрченко//СПб.: Евразия, 2006. 640 с.
544. Яхонтов, С. Г. Древнейшие упоминания названия «киргиз» [Текст]/С. Г. Яхонтов// СЭ. 1970. №2. -С. 110-120.
545. Яхонтов, С. Е. Этнонимы «киргиз», «хаас», «чик» в китайских исторических сочинениях [Текст]/С. Е. Яхонтов//Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии.-Б. 1991. –С. 124-125. 131с.
546. Asım, Necip. Türk Tarihi (тур.) [Text]/ Necip Asım// – İstanbul: Darü'l-Tıbaatü'l-Âmire, 1317 (1899). – P. 244-245
547. Asmussen, J. P. Xuastvanift: Studies in Manichaeism [Text]/ J.P. Asmussen// – Copenhagen: Prostant Apud Munksgaard. 1965, 439 p.
548. Atwood, Cristopher P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire [Text]/ Cristopher P. Atwood//– New York: Facts on File, 2004 – P. 294. Atwood, Cristopher P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire Text]/ Cristopher P. Atwood// – New York: Facts on File, 2004 – P. 425.
549. Bazin, L. Recherches sur les parlers (5e siecle apres J.C.) [Text]/L. Bazin// TP. Vol. 39. Lires 4-5/ Leiden. 1950.
550. Blochet, E. Introduction a l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din (фр.) [Text]/E. Blochet// – Leyden; L.: E. J. Brill, Imprimerie Orientale; Luzac & Co, 46 Great Russell St, 1910. – P. 303.
551. 556. Brockelmann, C. History of Islamic Peoples [Text]/C. Brockelmann //– L., 1949. – P. 171.

552. Chavannes, E. Les pays d'Occident d'apres le Wei-Lio [Text]/ E.Chavannes//-T'oung-Pao. 1905. II ser. – T. VI.
553. Chavannes, E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux [Text]/ E.Chavannes// – St.-Pb., 1903. – 348 p.
554. Dunlop, D. M. The History of the Jewish Khazars [Text]/ D. M. Dunlop// – Princeton, 1954 (Princeton Oriental Series, vol. 16). – P. 258-259.
555. Esin, Yury, Natsagdorj, B. Mongolian and Uyghur Inscriptions in the Northern Minusinsk Basin: New Evidence on Qïrqïz–Mongol Relations in the Late 13th Century) [Text]/ Yury Esin, B. Natsagdorj, R.F.// - Ulaanbaatar, 2026.- C.1-20.
556. Franke, O. Geschichte des chinesischen Reiches [Text]/O. Franke //Berlin, 1962. B. 2S.526
557. Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli [Text]/ Giovanni di Pian di Carpine //Spoleto, 1989. VII. 9.
558. 562. Golden, P. B. The Polovci Dikii [Text] /P. B. Golden //Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3-4. 1979-1980.
559. Hewsen, Robert, H. The Geography of Ananias of Širak: Ašxarhac'oyc', the Long and the Short Recensions [Text]/ H. Robert// 1992.
560. Julien, St. Documents sur les Tou-kiue [Text]/ St. Julien//– "Journal Asiatique", 6 Serie, № 3. Paris, 1864, p. 285.
561. Karlgren, B. Grammata serica Recensa [Text]/ B.Kalgren// Reprinted from the MEA, bulletin 29. - Stockholm, 1957.
562. Marquart, J. Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge [Text]/J. Marquart // Ltiden. 1903.
563. Marquart, I. Uber das Volkstum der Komanen [Text]/ J. Marquart //Abh. der Koniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen. Berlin, 1914. Bd. XIII, № 1.
564. Martin, H. D. The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China, XVIII [Text]/H. D. Martin//360 p. 1 л. портр., 3 отд. л. карт. The Johns Hopkins Press, - 1950 (стр. 133, 149, 235-236, 288, прим. 10).
565. Minorsky, V. Hudud al-Alam. "The regions of the world". A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. [Text]/ V. Minorsky//London, 1937.
566. Minorsky, V. Sharat al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India [Text]/ V. Minorsky //Arabic text (circa A.D. 1120) with an English translation and commentary. L., 1942.
567. Minorsky V. Tamīm ibn Baḥr's Journey to the Uyghurs [Text]/ V. Minorsky // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1948. Vol. 12, No. 2. P. 275–305.
568. Наито Мидори. Ниси токкецу си но кэнкю (История западных туцзюе-тюрков) [Text]/ Наито Мидори//- Токио, 1987 (япон. яз.).
569. Pelliot, P. Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale [Text]/P. Pelliot// TP. Vol. 26. 1929.

570. Pritsak O. The Polovcians and Rus'. [Text]/O. Pritsak//Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 2. Wiesbaden, 1982. P. 321–380.
571. Schott, W. Uber die ächten Kirgisen [Text]/ W. Schott// Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. B. 1865. S. 432.
572. Shiratori, K. Название qaqan и qatun [Text]/ K. Shiratori// Toye rakuxo (журнал Востоковедения)/ Tokyo. 1922. - № 11.
573. Togan, Z.V. Turkistan Tarihi [Text]/ Z.V. Togan// - Istanbul: 1947.
574. Togan, Z. V. Umumi turk tarihine giris [Text]/ Z.V. Togan// – Istanbul, 1946. (тур.)
575. Weil, G. Geschichte der islamitischen Volker von Muhammed bis zur Zeit des Sultan Selim [Text]/ G. Weil//– Stuttgart, 1866. – S. 266.
576. Wittfogel, R.F., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society: Liao (907-1125). [Text]/ R.F. Wittfogel, Feng Chia-sheng// Philadelphia, 1949.

Оглавление

От автора....3

ВВЕДЕНИЕ 10

Глава I. Кыргызы и другие кочевники Приятнтьшанья и сопредельных регионов в тюркскую эпоху....57

§ 1. О происхождении этнонима «кыргыз» 57

§ 2. Средневековые исторические источники о кыргызах 77

§ 3. Рунические надписи об изменении этнополитической ситуации в Притяньшанье и сопредельных регионах в тюркский период (миграционные и этнические аспекты). 93

§ 4. Тухсы и азы основатели Караханидского каганата 109

Глава 2. Кыргызы в монгольский период 125

§ 1. Исторические источники о тяньшаньских и алтайских кыргызах в монгольский период 125

§ 2. Кыргызы в с. «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди 141

§ 3. «Маджму ат-Таварих» С. Ахсикенди о кыргызах Моголистана в XIV-XVI вв. 157

Глава 3. Тюргеши, кыргызы и другие кочевники Притяньшанья и сопредельных регионов в миграционных и этнических процессах в VIII–XII вв. 176

§ 1. Об изменениях этнополитической ситуации в Притяньшанье и сопредельных регионах в тюркский период (в VIII–X вв.): миграционные и этнические аспекты....176

§ 2. Енисейские кыргызы в эпоху Кыргызского Великодержавия: наивысший рассвет и золотой век Кыргызской государственности....192

§ 3. Кимаки-алтайские кыргызы....206

§ 4. Кыпчаки -потомки племени лесостепной зоны Алтая 220

Глава 4. Золотая Орда – Степная империя Евразии....235

§ 1. Золотая Орда – Кыргызский каганат....235

§ 2. Союз племен аз-ширинов в политической жизни Золотой Орды 253

1) Азы, или аз-ширины — древний элитарный род кыргызов 253

2) Бахрины. Хорчи правитель Кыргызского улуса 256
3) Кыпчаки и Кыргызская область Каркырахан 258
4) Аргыны. Казахи в Дешт-и Кыпчаке.....259
Глава 5. Роль аристократического клана в политической и социальной жизни кочевого общества.....266
§ 1. Аристократический клан в кочевом обществе.....266
§ 2. Аристократические клан золотой род монголов борджигин.....279
§ 3. Племена Цзубу (исторические и этнополитические аспекты).....294
Глава 6. Кыргызы и консолидация кыргызских племен на Тянь-Шане в XIV–XVI вв. 310
§ 1. Кыргызский улус Анга-Торе.....310
§ 2. Мухаммед Кыргыз и процесс консолидации кыргызских племен на Тянь-Шане в XV-XVI вв. 321
Заключение.....335
Список использованной литературы:.....342

Акеров Табылды Абдраманович

КЫРГЫЗЫ И КЫРГЫЗСКИЙ КАГАНАТ

(Миграционные, этнические процессы кочевников Притяньшанья и сопредельных регионов в VIII-XIV века)

Монография

Редакторы:
Дж.Р.Тургунбеков, Б.Т.Ишемкулов

Подписано к печати 20.09.2026г. Формат бумаги 60x84 1/8.
Бумага офс. Печать цифр. Объем 23,75 п.л. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ОсОО ИД «Калем», г.Бишкек, ул. Курчатова, 69
т. 0706-757610, 49-19-36, E-mail: kalem14@mail.ru
kalem.press